

ЭДУАРД ГАЙД
ЛОРД КЛАРЕНДОН

ИСТОРИЯ
ВЕЛИКОГО
МЯТЕЖА

I

**Эдуард Гайд,
лорд Кларендон**

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО МЯТЕЖА

В двух томах

ТОМ I

Санкт-Петербург

2019

УДК 94(410)
ББК 63.3(0)51
Г14

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Т. Л. Лабутина
(Институт всеобщей истории Российской академии наук);
доктор исторических наук, профессор А. Б. Соколов
(Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского)

*Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета*

Гайд, Эдуард, лорд Кларендон
Г14 История Великого мятежа : в 2 т. / Эдуард Гайд, лорд Кларендон ; [пер. на рус. яз.
А. А. Васильева, С. Е. Федорова ; примеч. А. А. Паламарчук, Е. А. Терентьевой ;
под общ. ред. С. Е. Федорова]. — Т. I. — СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. — 480 с.
ISBN 978-5-86007-900-7
ISBN 978-5-86007-901-4 (т. 1)

Издание представляет собой первый русский перевод «Истории Великого мятежа» Эдуарда Гайда, лорда Кларендона (книги VI—XI), охватывающий период от начала Первой гражданской войны (1642) до окончания Второй гражданской войны и последовавшей за ней казнью Карла I Стюарта в январе 1649 года. Издание снабжено расширенными указателями, разъясняющими встречающиеся в тексте перевода специальные термины и обозначения; даны биографии основных политических и религиозных деятелей, разъяснены географические названия.

Издание рассчитано на историков — специалистов по истории раннего Нового времени, филологов и политологов, а также широкий круг читателей, интересующихся историей Английской революции середины XVII века.

УДК 94(410)
ББК 63.3(0)51

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ.

ISBN 978-5-86007-901-4 (т. 1)
ISBN 978-5-86007-900-7

© Васильев А. А., Федоров С. Е.,
перевод на русский язык, СПбГУ, 2019
© Паламарчук А. А., Терентьева Е. А.,
примечания, СПбГУ, 2019
© Бакланова А. П., дизайн обложки, 2019
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2019

Edward Hyde, lord Clarendon

**HISTORY
OF THE GREAT
REBELLION**

In two volumes

VOLUME I

Saint Petersburg

2019

Hyde, Edward, lord Clarendon

History of the Great Rebellion : in 2 vols. / Edward Hyde, lord Clarendon ; [transl. by A. A. Vasilyev, S. E. Fyodorov ; comment. by A. A. Palamarchuck, E. A. Terenteva ; ed. by S. E. Fyodorov]. — Vol. I. — SPb. : DMITRII BULANIN, 2019. — 480 p.

ISBN 978-5-86007-900-7

ISBN 978-5-86007-901-4 (vol. 1)

The present edition is a first Russian translation of Edward Hyde, lord Clarendon's «History of the Great Rebellion» (books VI—XII) which covers the period from the beginning of the First civil war (1642) to the end of the Second civil war followed by the execution of Charles I in January 1649. Edition is accompanied by indexes containing explanation of the major special term in the text of translation, brief biographical accounts for major political and religious personalities and extended geographical index.

The present edition is aimed at the Early Modern historians, experts in philosophy, philology and politics, and also general public interested in events of mid-seventeenth century English revolution.

All right reserved. Any part of the book is not allowed to be reproduced without written permission of the owner in any form and by any mean including photocopying, displaying in Internet or distributing on the magnet porters. Citing without mention of the source is prohibited. Anybody breaking the rules would be made responsible in due order according to the laws of Russian Federation.

ISBN 978-5-86007-901-4 (vol. 1)

ISBN 978-5-86007-900-7

© Vasilyev A. A., Fyodorov S. E., translation into Russian, SPbSU, 2019

© Palamarchuck A. A., Terenteva E. A., comments, SPbSU, 2019

© Baklanova A. P., cover design, 2019

© DMITRII BULANIN, Ltd, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Эдуард Гайд, первый граф Кларендон (1609—1674) — выходец из обедневшего, но знатного уилтширского дворянского рода, сделал по тем временам блестящую карьеру. Лорд-казначей Англии, наставник принца Уэльского, ближайший советник Карла I Стюарта, лорд-канцлер Англии, тесть одного из английских королей и, наконец, дед двух последних стюартовских монархов. Его вклад в политическую жизнь Англии второй половины XVII в. достаточно хорошо изучен в современной историографии.* При этом споры о его влиянии на историческую мысль раннего Нового времени продолжают не умолкать.

«Влияние, которым исторические сочинения способны обладать, как нигде проявляется на примере “Истории мятежа” Кларендона. Отношение к событиям этого периода и в самой Англии, и мировом академическом сообществе в целом... было предопределено появлением этой книги. Кларендон принадлежит к числу тех немногих людей, кому удалось развить целый комплекс идей, заинтересовавших в своей сути английскую нацию».** Именно так оценивал значение этого сочинения всегда сдержанный в отношении современников и тем более предшественников Леопольд фон Ранке.

Интерес к «Истории мятежа» Кларендона предопределялся не только его содержанием, но и формой изложения событий XVII века. Джон Олдмиксон, как известно, полемизировавший с Кларендоном по поводу интерпретации конфликта между Парламентом и короной, отдавал должное литературным талантам своего коллеги.*** Самюэль Гардинер, один из крупнейших английских

* Наиболее обстоятельные биографии Кларендона: *Wormald H. G. Clarendon: Politics, History and Religion, 1640–60. Cambridge, 1951*; *Harris R. W. Clarendon and the English Revolution. London, 1983*; *Miller G. Edward Hyde, Earl of Clarendon. Boston, 1983*; *Ollard R. Clarendon and His Friends. London, 1987*; *Соколов А. Б. Кларендон и его время. СПб., 2017.*

** *Ranke L., von. A History of England, Principally in the Seventeenth Century. 6 vols. Oxford, 1875. Vol. 6. P. 29.*

*** *Oldmixon J. Clarendon and Whitelock Compared. To Which is Occasionally Added, A Comparison Between the History of the Rebellion, and Other Histories of the Civil War. London, 1727. P. 172*; *Oldmixon J. The Critical History of England, Ecclesiastical and Civil: Wherein the Errors of the Monkish Writers, and Others*

историков XIX в. и наиболее последовательных оппонентов Кларендона, писал об «Истории» как об одном «из шедевров английской исторической прозы XVII столетия». * Кристофер Хилл уже в середине минувшего столетия, отмечая выдающиеся «профессиональные качества» Кларендона, обращал внимание на стилистическое совершенство и образный инструментарий этого историка. ** Наконец, Мартин Бромли, посвятивший анализу литературных достоинств сочинения Кларендона отдельную монографию, относит его к числу первых преодолевших недостатки так называемого свободного повествования произведений, характерного для антикварных студий конца XVI — первой половины XVII в. ***

Было бы трудным и неверным занятием оспаривать мнения этих историков, равно как и стремиться доказать противоположное, как пытался в свое время сделать Джон Кеньон. **** Принципиальными видятся не только несомненные достоинства этого сочинения, но и контекст, идеи (в определении Ранке предопределившие его востребованность в английском обществе XVII—XIX вв.), а также связь с предшествовавшей ему ренессансной и современной антикварной традицией.

С выходом в свет знаменитой монографии Фрэнка Фасснера ***** в исторической науке прочно укрепилось представление

Before the Reformation, are Expos'd and Corrected. As are Also the Deficiency and Partiality of Later Historians. And Particular Notice is Taken of the History of the Grand Rebellion. London, 1726.

* Gardiner S. History of the Great Civil War, 1642—1649. 4 vols. London, 1893. Vol. 3. P. 21.

** Hill C. Clarendon and the Civil War // History Today. 1953. Vol. 3. P. 703.

*** Bromley M. Clarendon and the Rhetoric of Historical Form. Philadelphia, 1985.

**** Kenyon J. The History Men. London, 1983. P. 29—30. Оценивая труд Кларендона, Д. Кеньон писал: «На самом деле, его так называемая "История" являет собой пример таких историй, с которыми мы столкнулись в XX веке и которые связаны с именами Ллойда Джорджа, Уинстона Черчилля и даже Гаролда Уилсона: речь идет о сочинениях, в которых присутствует смесь из сугубо личных впечатлений, непроверенных исторических фактов и элементов автобиографии» (Р. 33).

***** Fussner F. The Historical Revolution. English Historical Writing, 1580—1640. London, 1962. Дальнейшее развитие идей: Fussner F. Tudor History and the Historians. London, 1970; Ferguson A. Clio Unbound. Perception of the Social Past and Cultural Past in Renaissance England. Durham, 1979; Fynlayson M. Historians, Puritanism and the English Revolution. Toronto, 1983; Levine J. Humanism and History. The Origins of Modern English Historiography. London,

о завершившейся к середине XVII в. так называемой историографической революции. Произошедшие в английском и более широко — европейском историописании изменения во многом характеризовались переходом к проблемно-ориентированной истории и секулярному по своей направленности типу исторического сознания — параметрам, отражавшим, по мнению Фасснера, «стремление среднего класса к утилитарно организованному знанию». Так называемая «новая история» отличалась критическим отношением к нарративным источникам, ранее почитаемым авторитетам; новые научные идеи постепенно вытесняли схоластически выстроенные схемы повествования; на смену провиденциализму пришла вера в объективность исторического прогресса. Фасснер связывал начало этого процесса с исканиями английских антиквариетов конца елизаветинского правления, а сочинение Кларендона рассматривал как наиболее последовательное воплощение произошедших изменений: разрыв с традициями прежнего историописания был для него уже в середине XVII в. необратимым.

Развивая идею об историографической революции раннего Нового времени, Фасснер ограничивал доказательную базу своего исследования не только анализом «технологий» и «стратегий» историописательной практики английских интеллектуалов этой эпохи, но и собственно репертуаром отобранных им сочинений и авторов. Оставляя за рамками своего исследования значительную по объему информацию, он опустил существенные для антикварного дискурса детали и особенности. В его обобщающих главах не нашлось места для анализа лингвистических методов английских антиквариетов, воспринимавшихся ими в качестве важнейших средств сугубо исторической реконструкции и интерпретации; недифференцированным представлено и их отношение к античным авторитетам, среди которых явное предпочтение отдавалось латинским авторам; недостаточно четко обозначены познавательные перспективы средневекового прошлого, как известно, кардинально и позитивно переосмысленные в антикварном наследии; упущены почти полностью методы библейской экзегезы, а также не определено отношение антиквариетов к ренессансной и более широко античной риторике и композиции, столь показательное для формировавшейся в позднелудовиковской Англии

историописательной традиции. Оставленные без внимания особенности антикварного дискурса конца XVI — первой половины XVII в. во многом повлияли на фрагментарность суждений Фасснера о главном сочинении Кларендона и определили в известной мере его во многом поспешную оценку.

Связь Кларендона с так называемой «новой историей» существенна, но далеко не во всем бесспорна. Подобно своим современникам-антиквариям, он выглядит последовательным в критическом отношении к источникам. Точность исторической реконструкции для него зависела не только от критического прочтения письменных свидетельств прошлого, объективного отношения к его материальным артефактам, но и от организации подчиненного задачам подобного рода исследования стилистического, лексического и даже грамматического пространства исторического повествования.

Тщательно отбирая свидетельства, он отдает предпочтение проверенной, в его представлениях, достоверной информации. Активно цитируя источники (чаще всего без сокращений) на страницах своего сочинения, он выбирает свидетельства очевидцев, официальную корреспонденцию, парламентскую документацию и протоколы заседаний армейских советов и, как представляется, стремится к известному «сталкиванию» зафиксированных таким образом мнений участников описываемых им событий. Ему не чужд и определенный формализм, когда его собственное мнение основывается на уже высказанном, но при этом авторитетном суждении.

Язык повествования у Кларендона, подобно языку У. Кемдена, Э. Кока, Д. Спелмана и Д. Селдена и многих других его современников, сложен для современного восприятия. Лишенный какого-либо намека на стилистическое совершенство, он далек, вопреки утверждениям М. Бромли, от так называемой последовательной (риторически организованной) речи. Отражая традиционное для антиквариетов негативное отношение к ренессансной композиции, а также любым предписаниям соблюдать соответствующие стили в зависимости от предмета изложения, такой «неорнаментированный» язык, согласно рекомендациям Т. Бландевилла, более всего подходил для исторической прозы. Тем не менее выбор слов и отдельных выражений почти всегда взвешен и оправдан, что создает неповторимый, присущий только Кларендону повествовательный ритм, легко уловимый даже в русском переводе.

Проблемно-ориентированная история — не самым точным образом сформулированная черта «нового» историописания — на деле означала определенный сдвиг в традиционной заточенной под нужды средневековых хроник организации материала. В средневековом историописании, предрасположенном к хронологическому, но не всегда последовательному ранжированию повествовательных блоков, отсутствовали любые значимые формы контекстуализации и последовательной верификации событий. Недостаток подобного рода связей отчасти компенсировался за счет всем хорошо известного телеологизма: присутствие божественного плана, известная предопределенность исторических событий так или иначе придавала средневековой хронике известный смысл, организуя таким образом наполненное событийными лакунами и вымыслами повествование. Отсутствие последовательно воспроизводимых связей во многом оправдывал и хронологический срез — масштаб описываемого линейного течения событий: акцент на эпохах, династиях и, наконец, отдельных правлениях искусно создавал иллюзию царившего в средневековых хрониках порядка.

В антикварном историописании не столько изменился хронологический охват излагаемого материала, сколько определилось иное базовое измерение объекта исторической реконструкции. Не ослабляя интереса к отдельно взятому событию и его фиксации, уже тюдоровские историки сместили акцент на групповое (обладающее смысловым единообразием) измерение исторических фактов, предвосхитив тем самым столь характерный для просветителей подход, определивший постепенное превращение объединенных на уровне сходства и родства событий в значимое для структуры исторического повествования явление.*

Групповое измерение событий видоизменило традиционный линейный принцип организации исторического нарратива, придав самому повествованию известную цикличность и иного рода определенность, но не исключило характерной для средневековых хроник хронологической предопределенности. Создаваемые циклами однопорядковых событий блоки (явления), сохраняя не только внутреннюю, но и внешнюю последовательность, закономерным образом усложняли пространственными отступлениями общую хронологию повествования.

* Более подробно об этом: *Shapiro B. Probability and Certainty in Seventeenth Century England*. Princeton, 1983.

Связь между событиями на уровне явления и между отдельными явлениями на уровне интуитивно конструируемого процесса оставалась при этом случайной, все еще не поддающейся рациональному толкованию последовательностью. Отсутствовали причинно-следственные объяснения.

Вопреки утверждениям Фасснера, выстраивавшиеся в текстах антиквариев группы явлений формировали не столько объективирующие реальный смысл событий аналитические конструкты (в привычном для нас понимании — проблемы), сколько темы или же в более широком смысле — тематические блоки, определявшие содержательный репертуар исторического сочинения. Актуализация таких тем и их место в структуре повествования определялись, с одной стороны, индивидуальными предпочтениями самого автора и потребностями аудитории, для которой предназначалось это произведение — с другой. Написанная таким образом история была, скорее всего, тематически обусловленным, чем проблемно-ориентированным повествованием.

Благодаря этому обстоятельству создаваемые антиквариями тексты были преисполнены авторской индивидуальности, отличались особой вовлеченностью повествователя, буквально определявшего структуру описываемых событий. Индивидуальная неповторимость антикварных текстов тем не менее не исключала легко распознаваемые в них общие черты, объединявшие их создателей в единое интеллектуальное целое. Антикварное сознание требовало в интересах историописания первоначально «свернуть» реконструированные факты и события сначала в тематический блок, а затем в организованный из этих сконструированных блоков текст со всеми присущими ему особенностями с тем, чтобы затем при каждом прочтении вербально организованная действительность могла «разворачиваться» перед самым читателем.

«Сворачивание» и повторное «разворачивание»* действительно в свою очередь подчинялось в сознании антиквариев вполне определенной цели. Ее исходным концептом, как представляется, оказывалось присущее организованным таким образом студиям

* Федоров С. Е. 1) Honor Redivivus: Риторика представлений современников о стюартовской аристократии // Вестник С.-Петербург. ун-та. Серия 2. Вып. 4. 1998. С. 16—25; 2) О некоторых особенностях представлений об аристократии в Англии раннего нового времени // Проблемы социальной истории и культуры средневековья и раннего нового времени / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2000. С. 160—179.

неизменное стремление использовать характерные для общества раннего Нового времени «процедуры» поддержания и воспроизведения исторической памяти.* Опираясь в своей реконструкции и изложении фактов на древние, средневековые, а также введенные в оборот их современниками исторические ресурсы, антикварианты ориентировались не только на запросы их влиятельных патронов, но интеллектуальные и политические потребности образованной элиты британского общества раннего нового времени. Провозглашаемый каждым из них объективный подход к свидетельствам прошлого и настоящего, при всей его несомненной значимости, все-таки определялся потребностями времени. В этом смысле доминирующие общественные идеалы определяли как стратегию «сворачивания» действительности в антикварных текстах, так и допустимые механизмы ее «разворачивания» уже за пределами их вербального пространства.

Динамика такого «развертывания» подразумевала, что созданный антиквариатом текст первоначально воскрешал в сознании современника известные образы и ассоциации, затем соотносящиеся с ними факты и события, потом — определенные переживания и только далее — возможные умозаключения. Стремясь контролировать отдельные фазы такой процедуры, антикварианты тщательно выверяли структуру и содержание создаваемых ими текстов: общая картина прошлого должна была покоиться на известных образах и вызывать определенные ассоциации. Известность и узнаваемость образов, хотя и допускала некоторую свободу в определении соответствующих их восприятию фактов и событий, ограничивалась господствующими стереотипами.

Целостность образов и предопределенных таким образом ассоциаций гарантировала возможные оттенки их восприятия и — что самое главное — предопределяла потенциальные ракурсы умозаключений. Текст, его форма и способы организации становились важнейшими рычагами, управлявшими общественным сознанием элиты и контролировавшим ее историческую память.

* Используемое понятие восходит к термину «процедуры признания исторической памяти», впервые введенному английской исследовательницей С. Рэдстоун: *Radstone S. Reconceiving Binaries: the Limits of Memory // History Workshop Journal. 2005. Vol. 51. No. 1. P. 134–135.* О перспективности наблюдений Рэдстоун см.: *Репина Л. П. Память и историописание // История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М., 2006. С. 27–28.*

Процедуры поддержания и воспроизведения исторической памяти, содержащиеся в антикварных текстах, при всей их нормативности, опять-таки не исключали индивидуальных решений. В этом смысле корпоративность антикварного сознания на деле оказывалась достаточно гибкой, и если предлагаемая новация не нарушала культивируемой этим сообществом нормы, ее охотно принимали и даже заимствовали.

Среди подобного рода новаций существует ряд предложенных антиквариями решений, потенциальное значение которых для развития историописательных стратегий и самого антикварного дискурса в целом было достаточно велико. Именно подобного рода решения вызывали у читающей и интересующейся историческим прошлым британских островов публики весьма определенные ассоциации. Их смысловые рамки не только выстраивали в сознании современников необходимые, с точки зрения автора, логические связи, но и определяли контекст конечного восприятия собираемых образов, метафор, а также излагаемой вереницы событий и фактов. Такое «подталкивание» читателя к желательному итогу, провоцируемое отдельными антикварными текстами или группой связанных между собою текстов, обеспечивало поддержание определенного типа исторической памяти и его регулярное воспроизведение.

Наиболее характерными для англичан конца XVI — первой половины XVII в. были три типа исторической памяти*, механизмы которых устойчиво ориентировали современников либо на последовательную романизацию германского прошлого британских островов, либо на повторную германизацию уже изрядно романизированной усилиями предшественников национальной истории, либо, и наконец, — на разумное сочетание каждого из упомянутых концептов. Рождавшиеся в связи с римской историей ассоциации и параллели не только украшали и героизировали таким образом интерпретированное национальное прошлое, но и с легкостью вычерчивали величественный профиль династий, отдельных монархов, а также преемственность

* Я сознательно пошел на подобную схематизацию типов исторической памяти, руководствуясь интересами обсуждаемой проблематики, но не отрицая при этом других более дробных бытующих в литературе классификаций: *English Historical Scholarship in Sixteenth and Seventeenth Centuries* / ed. by L. Fox. Oxford, 1956; *Levy F. Tudor Historical Thought*. San Marino, 1967; *Shapiro B. A Culture of Fact. England, 1550–1720*. Cambridge, 2003.

в публично-правовых и административно-судебных институтах. Германизация усиливала вариации этнополитического и этноконфессионального, ориентируя восприятие современников на признание специфики и неповторимости пройденного пути. Умеренное сочетание романских и германских концептов обеспечивало необходимые при объективном подходе эволюционную преемственность и разрыв.

Если романизирующий тип исторического сознания относился к числу повсеместно признаваемого, то два последующих типа исторической памяти, характеризовавших антикварный дискурс тех лет, весьма избирательно оценивались как интеллектуальным сообществом той поры, так и определявшей его основные вкусы политической элитой. Повторно германизирующий национальную историю подход вызывал наибольшее недовольство среди облеченных властью патронов, поскольку нарочито подчеркиваемая национальная специфика не всегда могла конкурировать со значительно романизированными континентальными примерами. Очевидно, комбинированный подход при всей его эклектичности был более приемлемым, хотя и уступал романизирующему подходу в яркости и емкости конечных формулировок.

Каждый из указанных подходов с характерной для него картиной исторического прошлого и механизмами ее поддержания либо, как романизирующий вариант, уже упрочивал собственные позиции, либо, как германизирующий или комбинирующий оба концепта, — усиленно пробивал себе дорогу к интеллектуальному пространству английского общества раннего Нового времени. И там, где речь шла о завоевании позиций, акцент на новаторском характере самих репрезентирующих прошлое технологий оказывался особенно очевидным.

Технологии, конечно, — понятие условное, но именно оно, с присущей такого рода обобщениям суммарностью, вполне удачно отражает и схематизирует процесс постепенной адаптации менее привычных форм исторической памяти. Антикварию, заинтересованные в укоренении менее популярных взглядов на прошлое, весьма широко использовали интеллектуальные и ментальные ресурсы англичан с тем, чтобы предлагаемые в их сочинениях варианты «распознавания» прошлого аккумулировали если не широко распространенные приемы его репрезентации, то, во всяком случае, «запускали» в сознании современников своеобразные без отказа работающие механизмы.

Кларендон, как известно, оставался в стороне от волновавших английских историков конца XVI — первой половины XVII в. сюжетов и, более того, не использовал в своем тексте столь характерных для антикварного дискурса античных и варварских параллелей. Тем не менее древность в широком смысле этого слова интересовала его и, как следует из написанного им в 1670 г. эссе «О должном отношении к древности», в вполне определенном ключе. Он относился критически не только к тому, что называл «ренессансной одержимостью древними тестами», но и к тому, что приводило к «безрассудному преклонению нашего знания перед античностью».* Кларендон был убежден в самодостаточности современного ему исторического и более широко — научного знания и в этом смысле дистанцировался от «одержимого древностями» антикварного движения.** Он признавал значительными произошедшие в эпоху Средневековья изменения и полагал при этом, что успехи европейской культуры в целом были предопределены не столько ее отношением к античному наследию, сколько таящимися в ней самой возможностями. Временной разрыв, отделявший «античное общество и культуру от современности», в его представлениях был настолько велик, что европейцы (и англичане) были в полном смысле этого слова «обречены» на поиск собственного пути развития.

Подобно многим антиквариям, он интересовался нормандским завоеванием Британии, но при этом в отличие от Кемдена и Селдена, писал об однозначном начиная с XI столетия развитии английской истории. «Нормандское христианство, освежающее и ободряющее дух англичан» не только смягчило «врожденную грубость нашего народа», но и обеспечило культурную интеграцию англичан в «континентальное сообщество»*** После прихода нормандцев каждая веха английской истории выполняла, по мнению Кларендона, свою функцию, исправляя недостатки и совершенствуя достижения предшествующих эпох.

Для Кларендона стюартовская Англия по уровню своего развития во многом превосходила все другие известные периоды

* A Collection of Several Tracts of the Right Honourable Edward, Earl of Clarendon. London, 1727. P. 218, 222.

** Hicks P. Bolingbroke, Clarendon, and the Role of Classical Historian // Eighteenth-Century Studies. 1987. Vol. 20. No. 4. P. 445—471; Seaward P. Clarendon, Tacitism, and the Civil Wars of Europe // Huntigton Library Quarterly. 2005. Vol. 68. No. 1—2. P. 289—311.

*** A Collection of Several Tracts... P. 226, 335—336.

национальной истории, но, как и все предшествовавшие эпохи, несла в себе определенную функциональную нагрузку,* отягощенную, однако, потрясшими страну бедствиями. «Великий мятеж» был испытанием, ниспосланным свыше «избравшей неверный курс монархии» и «погрязшей в грехе» нации. Собственно детальному разбору этих двух обстоятельств и была посвящена его «История».

Кларендон начал работу над текстом своего сочинения в 1644 г., находясь на о. Силли и продолжал писать вплоть до 1646 г. Хранящийся в Бодлианской библиотеке автограф,** охватывающий период 1641—1644 гг., обычно именуется собственно «Историей» — произведением, которое автор адресовал Карлу I Стюарту.

Находясь уже в ссылке, Кларендон пишет свою автобиографию — еще одно, связанное с «Историей Великого мятежа» произведение. В середине 1660-х гг. он возвращается к работе над рукописью «Истории», но принимает при этом решение расширить ее текст за счет отдельных пассажей из автобиографии и доводит изложение событий вплоть до реставрации Стюартов. Сформированный таким образом текст и вошел в издательскую практику XIX в. под общим названием «История мятежа и гражданских войн в Англии» (позднее — «История Великого мятежа»).

Текст собственно «Истории» был впервые издан в 1702—1704 гг. с предисловием Лоренса Гайда, виконта Рочестера в издательстве Оксфордского университета, но в его основу по необъяснимым причинам была положена специально изготовленная для этих целей копия, содержавшая значительные купюры и редакторскую правку.*** Только в 1807 г. после выхода «новой редакции», основанной на автографе Кларендона, ситуация была исправлена.****

Публикация «Автобиографии» Кларендона (1827 г.) положила начало очень недолгому раздельному сосуществованию этих двух текстов.***** В 1846 г. вышло первое издание расширенной версии

* Ibid. P. 237—238.

** Bodleian Library. Clarendon MS. 112.

*** The History of the Rebellion and Civil Wars in England begun in the Year 1641. 3 Vols. Oxford, 1702—1704 (repr. 1718, 1731, 1763). Рукопись сохранилась и находится сейчас в коллекции Кларендона в Бодлианской библиотеке в Оксфорде: Bodleian Library. Clarendon MS. 114—120.

**** The History of the Rebellion and Civil Wars in England. A New Edition from the Original Manuscript with Copious Indexes. 3 Vols. Oxford, 1807.

***** The Life of Edward Earl of Clarendon, Lord High Chancellor of England containing Life of Edward Earl of Clarendon: An Account of the Chancellor's Life

«Истории» с учетом вставок из его автобиографического труда, включающее обширные комментарии епископа Уильяма Варбертона.* Содержавшиеся в этом издании недостатки текстологического характера были исправлены известным историком и палеографом Бодлианской библиотеки Уильямом Макри, подготовившим к печати новую редакцию «Истории мятежа и гражданских войн в Англии», в которой текст собственно «Истории» и вставки из «Автобиографии» были отделены соответствующими пометами и комментариями.

Остающееся и по сей день наиболее востребованным среди специалистов издание Макри (1888 г.)** соседствует с иными рассчитанными на студенческую и более широко — на непрофессиональную читательскую аудиторию издательскими проектами.*** Подготовленные известными специалистами такого рода проекты, как правило, содержат избранные главы или же фрагменты, дающие представление о структуре и содержании самого произведения Кларендона.**** При этом только издание, подготовленное известным английским историком Роджером Локиером, воспроизводит с сокращениями содержание VI—XI книг, охватывающее период от начала Первой гражданской войны (1642) до окончания Второй гражданской войны (1648) и последовавшей за этим казни Карла I Стюарта в январе 1649 года.***** Известный в историографии как период собственно «Великого мятежа» этот сюжет представляет собой наиболее показательный с точки зрения творческого метода Кларендона фрагмент.

from his Birth to the Restoration in 1660 and I Life of Edward Earl of Clarendon: A Continuation of the same, and of his History of the Grand Rebellion, from the Restoration to his Banishment in 1667. 3 Vols. Basil, 1827.

* The History of the Rebellion and Civil Wars in England. Now for the First Time Carefully Printed from the Original MS Preserved in Bodleian Library with the Unpublished Notes of Bishop W. Warburton. 8 Vols. Oxford, 1846.

** *Lord Clarendon. The History of the Rebellion and Civil Wars in England* / ed. W. Mackrey. 6 vols. Oxford, 1888 (repr. 1958; 1992).

*** Clarendon: Selection from the History of the Great Rebellion and Civil Wars and Life of Himself / Ed. G. Huehns. Oxford, 1955; *Edward Hyde, Earl of Clarendon. The History of the Great Rebellion* / ed. R. Lockyer. London, 1967.

**** Clarendon: Selection from the History of the Great Rebellion and Civil Wars and Life of Himself / Ed. G. Huehns. Oxford, 1955; *Edward Hyde, Earl of Clarendon. The History of the Rebellion. A New Selection* / ed. P. Seaward. Oxford, 2009.

***** *Edward Hyde, Earl of Clarendon. The History of the Great Rebellion* / ed. R. Lockyer. London: Oxford University Press for the Folio Society. London, 1967.

Предлагаемый российскому читателю первый русский перевод VI—XI книг «Истории мятежа и гражданских войн в Англии» не только повторяет основную идею издательского проекта Локиера. В нем ликвидированы неоправданные с содержательной точки зрения сокращения. Тем не менее мы сочли возможным дать отдельные разделы текста с купюрами, но только в тех случаях, когда повествование касалось второстепенных сюжетов и деталей.* Издание снабжено расширенными указателями, в которых последовательно разъяснены специальные термины и названия, встречающиеся в тексте, представлены краткие биографии известных деятелей эпохи, а также географические названия.

* Текст, содержащий сокращения, обозначен в издании специальным знаком <...>.

КНИГА VI

Глава I

(1642)

Когда король поднял свой штандарт в Ноттингеме, а было это 22 августа, он обнаружил там гораздо меньше людей, нежели, по его расчетам, должна была привлечь слава его знамени. На другой день он получил известие, что главная армия мятежников (ибо таковыми он их теперь объявил) — конница, пехота и артиллерия — располагалась в Нортгемптоне, не считая того большого отряда, который в конце Книги Пятой мы оставили в Ковентри. Между тем его собственные немногочисленные орудия вместе со скудными боевыми припасами все еще находились в Йорке, так как по-прежнему недоставало лошадей для их перевозки и пехотинцев для их охраны, хотя преданный Его Величеству сэр Джон Хейдон, командовавший артиллерией короля, употреблял всевозможные старания для того, чтобы привести ее в порядок и подготовить к походу. В Ноттингеме же помимо небольших отрядов милиции, которые деятельный шериф этого графства сэр Джон Дигби привел в старый полуразвалившийся замок, удалось пока призвать на службу не более трехсот пехотинцев. А потому даже те, кто не был подвержен чрезмерным страхам, теперь, убедившись, что широкую реку Трент (а в ней видели единственную защиту и спасение города) можно без труда перейти вброд во многих местах, а дело набора войск для обороны Ноттингема не продвинулось далее водружения королевского штандарта, начали всерьез опасаться за особу монарха, так что сэр Джейкоб Астли, назначенный генерал-майором его будущей армии, заявил Карлу, что если мятежники внезапно предпримут решительное нападение, то он уже не сможет ручаться за то, что Его Величество не захватят прямо в постели. Все понимали, что единственной надеждой короля была его кавалерия, находившаяся тогда под начальством принца Руперта в Лестере и не превышавшая числом восьмисот всадников, причем лишь немногие из них имели какое-либо иное оружие, кроме палашей, тогда как менее чем в двадцати милях от этого города неприятель располагал вдвое более многочисленной конницей, отлично вооруженной и экипированной, а также пятитысячным корпусом хорошо

обученной и вымуштрованной пехоты. Было совершенно ясно, что это войско, решись оно наступать, непременно рассеет слабые королевские отряды и вынудит Его Величество удалиться на еще более значительное расстояние от Лондона, поставив его таким образом в чрезвычайно опасное и затруднительное положение.

Пока сторонники короля, обескураженные подобной перспективой, пребывали в крайней растерянности, Его Величеству стало известно, что Портсмут, тесно блокированный с моря и с суши, не продержится и нескольких дней, если срочно не прийти на выручку осажденным. Дело в том, что полковник Горинг, хотя его вовремя предупредили об опасности и он располагал достаточными средствами, чтобы подготовить крепость к обороне, возложил чрезмерные надежды на счастливый случай и возможную помощь и не сделал того, что предпринял бы на его месте всякий бдительный командир. И деньги, и провиант ему должны были доставлять главным образом с острова Уайт, однако он не потрудился занять господствовавшие над проливом небольшие форты и блокаузы. Как только Горинг объявил себя сторонником короля, гарнизоны последних взбунтовались и перешли на сторону Парламента, разрушив безрассудные расчеты Горинга, так что у коменданта не осталось теперь ни достаточного числа солдат для несения обычной службы, ни запасов провизии, чтобы довольствоваться даже этих немногих сколько-нибудь продолжительное время.

Одновременно с этим сообщением из Портсмута пришло достоверное известие о том, что маркиз Гертфорд и все его отряды на западе, которые, как надеялся король, и должны были собственными силами деблокировать Портсмут, уже вытеснены из Сомерсетшира (где влияние и авторитет маркиза считались неоспоримыми) в Дорсетшир и там осаждены неприятелем в Шерборн-касле.

Расставшись с королем в Беверли, маркиз, передвигаясь обычным порядком и нигде подолгу не задерживаясь, прибыл в Бат, на самую границу Сомерсетшира, и как раз в тот день, когда там проводилась сессия суда присяжных. Гертфорд встретился со всеми влиятельными джентльменами этого обширного графства и, найдя в них людей благонадежных, готовых верно служить королю (исключая весьма немногих особ, чьи взгляды были хорошо известны), начал совещаться с теми, от кого рассчитывал получить помощь. Маркизу нужно было определить, в каком месте ему удобнее всего обосноваться, дабы наилучшим образом использовать искреннее расположение народа и набрать войска, чтобы воспрепятствовать

любым попыткам Парламента атаковать их самих или, с помощью Ордонанса о милиции, нарушить мир в графстве, чего они и ожидали в первую очередь. Некоторые высказали мнение, что самым подходящим местом был бы Бристоль — большой, богатый и многолюдный город, овладев коим, сторонники короля могли бы с легкостью подчинить своей власти Сомерсетшир и Глостершир и обезопасить самих себя от внезапного бунта беспокойной черни. Этот совет, если бы ему тогда последовали, принес бы, вероятно, самые благие плоды. Нашлись, однако, несогласные, заявлявшие, что нет никаких оснований полагать, будто его светлость встретят в Бристолье именно так, как он рассчитывает, ибо назначенный в Бристоль лейтенантом м-р Голлис энергично муштрует местную милицию, и совершенно ясно, что в этом городе имеется немало недовольных, в том числе и среди людей высокого звания. Возражали также, что если маркиз, попытавшись вступить в Бристоль, потерпит неудачу, то это мгновенно расстроит все их замыслы; что сам город лежит за пределами графства Сомерсет, а следовательно, они не смогут привести туда своих сторонников, не нарушив закон; и что если они укроются за стенами укрепленного города, то это будет истолковано как боязнь и неверие в собственные силы, как если бы они страшились того, что могущество противной стороны способно их сокрушить. Почти все родовитые и состоятельные джентльмены Сомерсетшира, кроме Попема и Хорнера, либо уже находились рядом с маркизом, либо считались настроенными враждебно к Парламенту, а потому они предложили его светлости избрать своим местопребыванием Уэллс, славный городок в самом сердце графства. На том и порешили, и именно туда направились маркиз и бывшие с ним люди. По пути он разослал приказы ближайшим отрядам милиции идти ему навстречу и теперь пребывал в уверенности, что благодаря его собственному авторитету (чрезвычайно высокому в тех краях), а также усердию сопровождавших его джентльменов он уже в самом скором времени сможет столь прочно завоевать сердца и столь основательно просветить умы жителей графства, что Парламенту уже не удастся их совратить и привлечь на свою сторону или внушить им нежелание служить Его Величеству.

Пока его светлость, выказывая всевозможную мягкость, пытался рассеять народные страхи и опасения и, действуя исключительно мирными средствами, согласно существующим законам, стремился убедить каждого в чистоте намерений и справедливости поступков

Его Величества, противная партия, с обыкновенной своей дерзостью и энергией, тайно внушала людям мысль, будто маркиз явился сюда затем, чтобы привести в исполнение приказ о наборе ополчения, согласно которому у каждого фермера и зажиточного йомена должны якобы отобрать значительную часть его имущества. Сторонники Парламента утверждали, будто некие лорды заявляют, что любому крестьянину за глаза хватит на жизнь и двадцати фунтов в год; и, пользуясь тем, что приказ был составлен на латыни, переводили его на английский так, как им было выгодно. Благодаря подобным уловкам они убедили состоятельных йоменов и фригольдеров в том, что упомянутый приказ обернется для них потерей, самое меньшее, двух третей имущества; людям же попроще и победнее они вбили в голову, будто теперь им придется каждую неделю платить королю налог в размере дневного заработка; что все они окажутся в самом настоящем рабстве у лордов; и что спастись от этой невыносимой тирании они сумеют лишь в том случае, если поддержат Парламент и подчинятся Биллю о милиции, который-де и был принят для того, чтобы народ мог дать отпор этим ужасным посягательствам на его вольности и права.

В это трудно поверить, однако столь грубая клевета всюду имела успех. Ибо хотя джентльмены из старинных фамилий, издавна владевшие поместьями в Сомерсетшире, держали по большей части сторону короля и ясно видели, что за клика заправляет теперь в Парламенте, в этом графстве были также люди звания более низкого, которые, с успехом занимаясь земледелием, суконной торговлей или иными прибыльными промыслами, нажили весьма крупные состояния. Постепенно прибирая к рукам имения дворян, они с досадой убеждались, что не пользуются таким же почетом и славой, как прежние их владельцы, а потому с величайшим усердием искали всевозможных способов выделиться и занять высокое положение. Эти особы с самого начала твердо стояли за Парламент, а теперь, согласно недавнему Биллю о милиции, многие из них были назначены помощниками лорд-лейтенантов. Обнаружив, что народ уже вполне созрел, они собрали его, чтобы, пока никто еще не догадался об их замысле, окружить Уэллс и, внезапно напав на маркиза, застать его врасплох. Ибо они всегда имели одно важное преимущество над королевской партией — принятые ими решения можно было осуществлять без малейшего промедления, так как исполнители низшего ранга слепо и безоговорочно повиновались своим вождям; те же с помощью собственных агентов,

действовавших в полной тайне и с изумительной ловкостью, успевали к назначенному сроку создать нужные условия и подготовить людей. Напротив того, все планы партии короля обсуждались чрезвычайно долго, с дотошным соблюдением формальностей; когда же то или иное решение наконец принималось, исполняли его таким же порядком, педантически следуя букве закона, ибо иного способа устранить предубеждение против двора, кроме полного и открытого обнародования всех решений и приведения их в строжайшее соответствие с очевидными требованиями разума и справедливости, доступными пониманию даже самых заурядных умов, просто не существовало.

Маркиз таким образом оказался в окружении врагов, которые уже захватили едва ли не все королевство. Все его силы состояли из эскадрона кавалерии, набранного м-ром Джоном Дигби, сыном графа Бристоля, и еще одного эскадрона, выставленного сэром Фрэнсисом Хоули (оба были набраны в этих краях с тем, чтобы впоследствии присоединиться к королю на Севере), конного отряда и отряда драгун, набранных и вооруженных за свой счет сэром Ральфом Гоптоном, и, наконец, примерно сотни пехотинцев, которых собрал подполковник Генри Лансфорд, предполагая затем включить их в полк, также долженствовавший выступить на соединение с главной армией короля. Эти отряды, вместе с лордом Полетом и двадцатью восемью самыми знатными и родовитыми джентльменами графства, их слугами и свитами, и составляли все войско маркиза. Действовали же они с величайшей осторожностью. Получив известие о том, что энергичные приверженцы враждебной партии назначили общий сбор в одном городке в нескольких милях от Уэллса, он отправил туда сэра Ральфа Гоптона с его собственным небольшим отрядом и несколькими добровольцами из числа джентльменов: он должен был принять меры к тому, чтобы задуманное сборище не нанесло ущерба делу короля. Но не успел он прибыть на место, как оставшиеся с маркизом джентльмены, чьими советами последний считал совершенно необходимым руководиться (дабы они убедились, что он действует со всевозможной осмотрительностью, вступая в войну — которую, как отлично понимал сам маркиз, следует вести совершенно по-иному, коль скоро мы уже в нее вступили), послали сказать Гоптону, чтобы тот воздержался от всяких враждебных актов, ибо в противном случае они объявят о своем несогласии с любыми его действиями. Между тем храбрые люди сэра Ральфа Гоптона были настроены столь

решительно, а беспорядочные толпы мятежной черни, равно как и их предводители, отличались таким малодушием, что если бы упомянутое предупреждение не помешало использовать этот немногочисленный отряд с надлежащей энергией, как того требовали командиры, то он прогнал бы из графства всех этих фанатиков еще до того, как последние успели бы заразить своей злобой прочих его жителей. У нас есть все основания так думать, исходя из последующих событий, когда м-р Дигби, сэр Джон Стэуэлл с сыновьями и добровольцы-джентльмены, в общей сложности каких-нибудь восемьдесят кавалеристов и четырнадцать драгун, смело атаковали гораздо более крупный отряд конницы мятежников, а с ним шестьсот пехотинцев, и, не потеряв ни единого бойца, уложили на месте семерых, многих ранили, взяли в плен старших командиров и столько солдат, сколько захотели сами, — одним словом, учинили бунтовщикам такой погром, что все их воинство, побросав оружие, мигом обратилось в бегство.

Однако этот успех сторонников короля обескуражил только тех его противников, которые сами бежали с поля боя. Прочие же попытались представить это поражение как доказательство кровавых замыслов маркиза, и уже через несколько дней сэр Джон Хорнер и Александр Попем, вожди дворян-приверженцев Парламента в этом графстве, с помощью своих друзей в Дорсетшире, Девоншире и Бристоле, собрали более чем двенадцатитысячное войско — кавалерию и пехоту при нескольких пушках — с которым и расположились на вершине господствовавшего над Уэллсом холма. Невзирая на близость неприятеля, маркиз оставался там еще два дня и только забаррикадировал город. Но затем, обнаружив, что бывшие с ним немногочисленные милиционеры начинают разбегаться, одни по домам, другие же — к своим товарищам на вершине холма; и узнав, что Парламент послал против него новые войска или, во всяком случае, офицеров получше прежних, он вышел в полдень из Уэллса и на глазах громадного полчища мятежников, без малейшего урона и беспокойства, отступил к Сомертону, а оттуда к Шерборну. В течение двух последующих дней к его светлости в Шерборн явились Джон Беркли и полковник Ашбурнем, а с ними достаточное число опытных солдат, и если бы не крайний недостаток во всех прочих отношениях, то с их помощью можно было сформировать крупную армию. Но не успели они долго там пробывать (а решить, куда следует направиться теперь, было не так уж просто, ибо у сторонников короля не имелось никаких оснований полагать,

что в каком-нибудь другом месте их встретят лучше, чем в Сомерсете, откуда они были только что вытеснены), как граф Бедфорд, командующий парламентской кавалерией, с м-ром Голлисом, сэром Уолтером Эрлом и другими эфорами и превосходно вооруженным корпусом не менее чем в семь тысяч человек пехоты под командованием Чарльза Эссекса, их генерал-майора, весьма опытного военачальника, заслужившего боевую славу в Нидерландах, а также восемью полными эскадронами кавалерии во главе с капитаном Претти, при четырех пушках, подошел к Уэллсу, а оттуда двинулся на Шерборн. Между тем маркиз уже довел число своих пехотинцев до четырехсот, и огромное неприятельское воинство не рискнуло войти в город, расположившись лагерем в поле, примерно в трех четвертях мили от замка. Здесь мы и оставим нашего маркиза и его маленькую доблестную армию.

Никто не мог взять в толк, почему парламентская армия не двинулась прямо на Ноттингем. Сделай она это, и слабые отряды Его Величества были бы мгновенно рассеяны, а сам он был бы принужден бежать либо отдаться в руки Парламента, что весьма многие уже готовы были ему посоветовать, а если бы даже королю удалось спастись, то, чтобы заставить его покинуть королевство, хватило бы одного кавалерийского полка, отправленного за ним в погоню. Но Господь ослепил его врагов, и они даже не двинулись к Ноттингему. Некоторые особы из свиты короля стали теперь жалеть о том, что Его Величество покинул Йорк, и советовали туда вернуться, но к их мнению не прислушались. Те же, кто в свое время убеждал его остаться в этом городе и возражал против перехода к Ноттингему, теперь выступали решительными противниками возвращения в Йорк, ибо последнее выглядело бы как настоящее бегство. Они предлагали спешно набирать войска, терпеливо выжидая, пока замыслы неприятеля не обнаружатся вполне. Всех охватила глубокая тревога, и тут некоторые из лордов заявили, что Его Величеству следует направить послание Парламенту, дабы попытаться склонить Палаты к переговорам. Предложение это было тотчас же поддержано большинством, и ни у кого из присутствовавших не хватило духу высказаться против. До крайности раздосадованный король объявил, что никогда на это не согласится, а чтобы никто не мог настаивать, немедленно распустил Совет. Однако на другой день, когда Совет собрался вновь, лорды подали ту же мысль и защищали ее еще энергичнее, чем прежде. Граф Саутгемптон, человек великого благоразумия, едва ли кому-либо уступавший по своей репутации,

твердил, что предложенная мера может принести королю большую пользу и уж точно не нанесет ему ни малейшего ущерба. На возражения короля — подобный шаг усугубит дерзость мятежников и покроет позором его самого — отвечали, что дерзость мятежников обернется к выгоде короля, и что, отвергнув попытки к примирению, они сделаются еще ненавистнее для народа, который по этой причине обнаружит более готовности поддержать короля. Лорды нисколько не сомневались, что мирные предложения будут отклонены, и полагали, что как раз поэтому их и следует теперь сделать. Они упорно твердили, что в настоящий момент Его Величество не может оказать врагу никакого сопротивления; что под Шерборном, Портсмуте и Нортгемптоном неприятель располагает тремя армиями, слабейшая из которых способна изгнать Его Величество из Англии; и что весь оставшийся у него выбор таков: либо он сделает своим противникам справедливые предложения и таким образом выкажет свое стремление к миру, что непременно обеспечит ему искренние симпатии народа, либо он позволит взять себя в плен, чего королю в любом случае не избежать в ближайшем будущем и что даст его врагам могущество, влияние и авторитет, чтобы впредь действовать против Его Величества (а может быть, и его потомков) так, как подскажет им глубоко укоренившаяся злоба.

Однако на короля эти доводы впечатления не произвели. Ибо, заявил он, искать мирного соглашения сейчас значило бы внушить мысль, будто он покорно примет любые требования Парламента, между тем даже величайшие бедствия и неудачи, какие только могут постигнуть его при попытке себя защитить, не способны поставить его в положение худшее, чем это. А сколь умеренными могут оказаться требования Палат, мы вправе судить по Девятнадцати предложениям, выдвинутым Парламентом еще в ту пору, когда, насколько можно было тогда разумно предполагать, он не обладал таким очевидным превосходством в силах, как ныне. Теперь же, когда ему, королю, уже нечего терять, кроме чести, он поведет себя совершенно непростительно в глазах всего света, если не употребит всю свою энергию, чтобы остановить бурный поток, грозящий ему неминуемой гибелью. Душевное благородство и спокойное мужество Его Величества казались чем-то слишком возвышенным и бесконечно далеким от лихорадочной заботы о собственном спасении, владевшей умами других людей. И, к великому несчастью для короля, ни единый из тех, кто держался одних с ним мыслей (а такие люди, пусть и весьма немногие, были), не решился заявить

об этом открыто: идея мирных переговоров пользовалась в стране такой популярностью, что всякий, кто осмелился бы против нее возразить, непременно был бы заклеимен всеми как явный враг своего отечества.

Соображения, перед которыми Его Величество в конце концов чрезвычайно разумно уступил (и впоследствии это действительно принесло ему немалую пользу), заключались в следующем. В высшей степени вероятно (а ведь теперь его успех всецело зависел от точного расчета вероятностей), что Парламент, из собственной гордыни и из презрения к бессилию короля, попросту не пожелает вступать с ним в переговоры. Подобный шаг вызовет в Англии всеобщее возмущение, а значит, Его Величество, сделав предложение о мире, доставит своему народу величайшую радость; враги же короля, его отвергнув, лишатся народных симпатий. Это одно поможет Его Величеству собрать для себя армию. Если же Парламент решится на переговоры, то король и тут наверняка окажется в выигрыше, так как, отвечая на предложения, которые представят ему Палаты, он сможет изложить истинные причины нынешнего спора столь ясно, что для всего королевства станет еще очевиднее, чем прежде, что настоящая война является со стороны Его Величества чисто оборонительной, ибо он никогда не отказывал и теперь не намерен отказывать своему Парламенту в каких-либо разумных и справедливых просьбах. Эти самые мирные предложения повлекут за собой, разумеется, более или менее продолжительные дебаты сторон, что неизбежно замедлит военные приготовления Парламента и приостановит действия его армий; прочие же англичане будут в это время с тревогой ожидать исхода переговоров. Между тем Его Величество не станет ослаблять своих усилий; напротив, он еще энергичнее поведет подготовку к войне, ускорив набор солдат, уже начатый по его приказу. Эти доводы, вместе с почти единодушным мнением и настойчивыми просьбами членов его Совета, убедили короля, и, на третий день по водружении королевского штандарта, он отправил к обеим Палатам графов Дорсета и Саутгемптона, сэра Джона Колпеппера, канцлера Казначейства, а также сэра Уильяма Юделла (которому король дозволил, воспользовавшись удобным случаем, заняться улаживанием собственных имущественных дел) со следующим посланием:

«Уже долго, с невыразимой сердечной скорбью, взираем мы на смуты, постигшие наше королевство, и самая душа наша не избавится от мук и терзаний, пока не изыщем мы какое-либо средство,

способное предотвратить страшные бедствия, коими грозит государству приближающаяся гражданская война. И хотя все наши усилия, клонившиеся к мирному разрешению злосчастных споров между нами и обеими Палатами нашего Парламента (хотя и прилагавшиеся нами со всевозможным усердием и полнейшим чистосердечием), не принесли до сих пор столь чаемого нами успеха, однако наша неизменная и ревностная забота о сохранении общественного мира такова, что, нисколько не обескураженные, мы не преминем употребить любые меры, которые, если благословит их милосердный Господь, могли бы заложить прочные основания мира и счастья для всех наших добрых подданных. С этой целью, а также приняв в расчет, что послания, петиции и ответы, имевшие место между нами и обеими Палатами Парламента, успели породить множество недоразумений, коих можно было бы избежать, обратившись к иному способу ведения переговоров, при котором спорные вопросы толковались бы с большей ясностью, а обсуждались с большей легкостью и свободой, мы почли за благо предложить вам назначить нескольких подходящих особ, дабы те, вступив в переговоры с равным числом лиц, уполномоченных нами, вели их таким образом и с такой свободой обсуждения, какие могли бы всего лучше споспешествовать тому счастливому исходу, коего страстно желают все благомыслящие люди, миру в королевстве. Мы обещаем нашим королевским словом совершенную безопасность и всевозможное содействие тем, кто будет послан к нам, если вы пожелаете вести переговоры там, где мы ныне находимся (каковой выбор мы всецело предоставляем вам), рассчитывая на такую же заботу с вашей стороны о безопасности особ, которых отправим к вам мы, если вам будет угодно назначить иное место. Мы заверяем вас, равно как и всех наших верных подданных, что, действуя в полную меру нашего разума, не упустим, со своей стороны, сделать все потребное, чтобы поддержать истинную протестантскую религию, обуздать папизм и суеверие, защитить законы страны, на которых основываются как наши справедливые прерогативы, так и собственность и свобода подданных, укрепить все справедливые полномочия и привилегии Парламента и сделать таким образом нас самих и народ наш подлинно счастливыми через доброе согласие между нами и обеими Палатами нашего Парламента. Да будет и ваша решимость исполнить свой долг столь же твердой, и пусть все добрые люди молят вместе с нами Всемоущего Господа благословить это предприятие. Если же настоящие предложения

будут вами отвергнуты, то Бог отпустит нам вину за всякую кровь, могущую пролиться впоследствии, ибо свой долг мы исполнили до конца. И какого бы мнения ни держались иные о наших нынешних силах, мы заверяем вас, что к этому шагу нас подвигла единственно лишь праведная христианская забота о предотвращении кровопролития, поскольку и людей, и оружия, и денег у нас теперь довольно, чтобы надежно защититься от любых насилий вплоть до той поры, когда Богу угодно будет открыть глаза нашему народу».

Послание это было встречено так, как и предполагал Его Величество: его приняли с оскорбительным высокомерием и неслыханной дерзостью. Граф Саутгемптон и сэр Джон Колпеппер, очень хотевшие быть на месте еще до того, как станет известно о предстоящем их приезде, времени не теряли и явились в Вестминстер рано утром, тотчас по открытии заседаний Палат. Но едва граф Саутгемптон вошел в Палату пэров и занял свое место, как ему приказали, притом в весьма грубой форме, выйти вон; хотя он объявил лордам, что привез им послание от короля, и напомнил, что его присутствие в Палате не может вызывать никаких законных возражений, ибо сама же Палата в свое время дозволила ему сопровождать особу Его Величества. Тем не менее графу пришлось удалиться, и тогда к нему отправили парламентского пристава, чтобы потребовать у него послание, на что граф отвечал, что, по приказу короля, обязан вручить его лично, и отказывается передавать его с приставом — если только лорды не объявят особым распоряжением, что он не должен вручать послание сам. Они так и сделали, граф передал им через пристава послание, получив которое, Палата тотчас же послала ему сказать, что она снимает с себя всякую ответственность за его безопасность, что ему надлежит немедленно покинуть Лондон и что пэры позаботятся о том, чтобы он получил ответ на королевское послание. Выехав из Лондона, граф Саутгемптон остановился в доме одного знатного человека в семи или восьми милях от столицы, где нашел прием более любезный. Пока граф спорил с лордами, сэр Джон Колпеппер имел дело с общинами. Он поостерегся входить в Палату без дозволения, ибо коммонеры постановили, что всякий член, не явившийся в назначенный ими день, лишается права участвовать в заседаниях до тех пор, пока не уплатит 100 фунтов штрафа и не представит удовлетворительного объяснения причин своего отсутствия. Сэр Джон Колпеппер известил спикера о том, что он привез общинам послание от короля и желает вручить его, заняв прежде свое место

в Палате. После недолгих дебатов (ибо оставались еще люди, полагавшие равно противным разуму и установленному порядку отказывать члену Палаты — которого еще не обвинили в каких-либо предосудительных действиях и который к тому же входил в состав Тайного совета и всегда пользовался в Палате большим уважением в праве вручить королевское послание со своего места, в качестве законного члена Палаты) общины решительно заявили, что сэр Джон не может участвовать в заседаниях и что он должен передать свое послание у парламентской решетки, после чего немедленно удалиться. Так он и сделал.

Затем Палаты собрались на конференцию, где с величайшим высокомерием заслушали послание короля; а уже через два дня, без больших споров, с невероятной легкостью и единодушием, утвердили свой ответ. Ни единый из лордов или коммонеров не оказал за это время королевским посланникам — особам столь высокого звания — даже самых обыкновенных знаков вежливости. Те, кто сделал бы это весьма охотно, не осмелились к ним приблизиться, ибо страшились последствий для самих себя; прочие же видели в них слуг господина, с которым они уже обошлись и намерены были обходиться впредь с чрезвычайной суровостью. Посланники Его Величества имели тайные встречи с некоторыми из вождей Палат, и те упорно внушали им одну-единственную мысль: если король хоть сколько-нибудь заботится о самом себе и о судьбе своего потомства, то он должен немедленно вернуться в Лондон, отдать себя в руки Парламента и принять все предложения последнего. Королю же Парламент отправил следующий ответ:

« Ответ лордов и общин на послание Его Величества от 25 августа »

Смиренно просим милостиво принять Его Величество: лорды и общины, собравшиеся в Парламенте, получив послание Вашего Величества от 25 августа, с великой печалью и негодованием видят постигшую это королевство опасную смуту, каковую мы всячески тщились отвратить многочисленными советами и петициями Вашему Величеству, которые, однако, не только остались втуне, но и повлекли за собой то, чего не знали прошлые века и чего в прежние времена не производили даже самые злые козни и помышления, а именно — прокламации и декларации против обеих Палат Парламента, коими их действия объявляются изменническими, а особы их членов — изменниками. Засим Ваше Величество поднял против них Ваш штандарт, лишив таким образом Вашего покровительства обе Палаты Парламента, а в их лице и все королевство.

А посему, пока Вашим Величеством не отменены прокламации и декларации, коими граф Эссекс, обе Палаты Парламента, их сторонники и приверженцы, а также все те, кто, следуя своему долгу, повиновался их распоряжениям и исполнял их приказы, объявлены изменниками или иного рода преступниками; и пока не снят штандарт, поднятый согласно упомянутым прокламациям, мы, по причине действий Вашего Величества, находимся в таком положении, оставаясь в котором, мы не можем, в силу главнейших привилегий Парламента, равно как и ввиду возложенной на нас народом обязанности заботиться об общем благе и безопасности королевства, дать Вашему Величеству на это послание какой-либо иной ответ».

Когда посланцы короля возвратились с этим ответом в Ноттингем, всем стало ясно, чего следует ожидать, а король решил, что теперь уже никто не станет уговаривать его обратиться к Палатам с новыми предложениями. Но поскольку никаких надежд на создание армии или на то, что король сможет оказать сопротивление подобному насилию, как многие думали, уже не осталось, то люди, которым король вполне доверял и которые сами были ему всецело преданы, тайно посоветовали Его Величеству отложить все прочие мысли и, не теряя времени, поспешить в Лондон, чтобы появиться в здании Парламента совершенно неожиданно для его членов. Они полагали, что таким путем он скорее добьется своей цели, нежели с помощью любой армии, которую он мог бы набрать, и если Его Величество предпочел иной образ действий, то единственной тому причиной было величие его души. Король, однако, согласился еще раз воспользоваться к собственной выгоде гордыней и злобой врагов и, обратившись с новым посланием к Парламенту, дать Палатам превосходную возможность вновь выставить их на всеобщее обозрение. А потому через три дня после возвращения его посланников он отправил своего главного государственного секретаря лорда Фолкленда со следующим ответом на их ответ:

«Мы не станем напоминать о том, какие средства мы уже употребили для предотвращения опасной смуты в королевстве, ни о том, как эти меры были истолкованы, ибо, стремясь избежать пролития крови, мы полны решимости предать забвению горечь прежних обид, дабы наши нынешние предложения о переговорах были приняты вами с большей готовностью. Мы никогда не объявляли и даже не мыслили объявлять обе Палаты Парламента изменниками и не поднимали против них наш штандарт, а уж тем более не лишали их нашего покровительства. Мы решительно отрицаем

это перед Богом и миром, а чтобы устранить все возможные сомнения на сей счет, способные стать помехой для столь желанных нам переговоров, мы обещаем сим, что в день, который назначите вы для отозвания ваших деклараций против всех лиц, объявленных изменниками за содействие нам, мы, в тот самый день, с великой радостью отменим наши прокламации и декларации и снимем наш штандарт. Что же до будущих переговоров, то мы готовы дать согласие на все, что послужит истинному благу наших подданных. Мы заклинаем вас рассмотреть состояние истекающей кровью Ирландии, равно как и опасное состояние Англии, с такой же серьезностью, с какой в наших настоящих предложениях делаем это мы. И мы заверяем вас, что первейшее наше желание в сем мире — это добиться доброго согласия и взаимного доверия между нами и обеими Палатами нашего Парламента».

Это послание было встречено ничуть не лучше и произвело не больший эффект, чем предшествующее. Когда пришло первое послание короля, Парламент отрядил старших офицеров в Нортгемптон с приказом привести армию в готовность к походу; а теперь велел и самому графу Эссексу поспешить туда, не теряя времени. Два дня спустя Парламент послал с лордом Фолклендом следующий ответ королю

Его Высокому Королевскому Величеству

«Покорный ответ и петиция лордов и общин, собравшихся в Парламенте, на последнее послание короля.»

Смиренно просим милостиво принять Его Величество:

Если бы мы, лорды и общины, собравшиеся в Парламенте, решились напомнить о всех действиях, которые мы совершили, всех усилиях, которые мы предприняли, и всех обращениях, которые направили мы Вашему Величеству, дабы предотвратить те смуты и опасности, о которых Ваше Величество ведет речь, то настоящий наш ответ оказался бы слишком пространным. А потому, единственно лишь для сведения Вашего Величества, мы покорнейше сообщаем, что не можем отступить от прежнего нашего ответа по причинам, в нем же изложенным. Ибо Ваше Величество не снял свой штандарт, не отменил прокламации и декларации, коими Вы объявили действия обеих Палат Парламента изменническими, а особы их членов — изменниками. То же самое, уже после Вашего послания от 25 августа, Вы провозгласили в Ваших недавних инструкциях, направленных лицам, уполномоченным приводить в исполнение приказ о созыве ополчения. Если же штандарт будет

снят, а декларации, прокламации и инструкции отменены, и если Ваше Величество, вняв нашей покорнейшей петиции, оставит свои войска, возвратится к своему Парламенту и последует нашим искренним советам, то доказательства преданности и верности долгу, каковые найдет Ваше Величество с нашей стороны, убедят Вас в том, что Ваша безопасность, честь и могущество могут иметь своим истинным источником лишь любовь Вашего народа и нелицемерные советы Вашего Парламента, чьи постоянные увещания и неослабные усилия, сталкивавшиеся с неслыханными затруднениями, имели своей единственной целью уберечь Ваши королевства от грозных опасностей и страшных бедствий, уже готовых обрушиться на них и на каждую их часть. А потому члены Парламента, заслуживающие лучшего обращения со стороны Вашего Величества, не могут позволить, чтобы их — представителей всего королевства — ставили на одну доску с теми особами, чьи гнусные замыслы и наущения до сих пор сводят на нет все наши попытки помочь истекающей кровью Ирландии, отчего мы вправе опасаться, что наши труды и огромные расходы не принесут этому несчастному королевству никакой пользы. Мы смиренно просим Ваше Величество удостоить нас своим присутствием и уповаем, что Вы придете к разумному заключению, что не существует другого средства сделать счастливым Ваше Величество и отвести опасность от Вашего королевства».

Опасаясь, как бы надежда и упование на мир, ослабив всеобщую тревогу, не успокоили возбужденный народ, а у их собственных приспешников не отняли всякую охоту деятельно готовиться к войне, Палаты в тот самый день, когда они отправили свой последний ответ королю, обратились со следующей декларацией к королевству:

«Поскольку Его Величество в послании, полученном нами пятого сентября, требует, чтобы Парламент отменил свои прокламации против лиц, содействовавших Его Величеству в разжигании чудовищной войны против его собственного королевства, лордами и общинами ныне постановляется и объявляется, что оружие, каковое они были принуждены или еще будет принуждены поднять в защиту Парламента, религии, законов и вольностей королевства, они не положат до тех пор, пока Его Величество не лишит собственного покровительства всех особ, признанных или могущих быть признанными решением обеих Палат делинквентами, и не предоставит их правосудию Парламента, который воздаст им за их греховные

дела, — дабы как нынешнее, так и грядущие поколения ясно уразумели на сем примере, сколь грозной опасности подвергают страну подобного рода ужасные преступления; а равным образом и для того, чтобы громадные убытки и расходы, каковые легли тяжким бременем на все государство со времени удаления Его Величества от Парламента, могли быть взысканы с делинквентов и иных злокозненных и неблагонадежных особ; а все добрые и верные подданные Его Величества, которые через денежные займы или иными способами в час смертельной опасности уже оказали или еще окажут помощь государству, могли вернуть предоставленные ими суммы и получить полное возмещение за счет имущества названных делинквентов, злокозненных и иных неблагонадежных лиц».

Ни малейшего вреда королю эта декларация не причинила. Мало того, что она сделала для каждого вполне очевидным, что король совершил все, что было в его силах и чего только можно было от него ожидать, для предотвращения гражданской войны — после подобной декларации все благородные и знатные люди ясно уразумели, что отныне собственная их безопасность прямо зависит от сохранения королевской власти, ибо их имуществом уже взялись распоряжаться те, кто мог объявить делинквентом всякого, кого им только заблагорассудится, и кто непременно объявит таковым любого несогласного с их действиями. Невозможно себе представить, сколь громадную выгоду извлек король из этих мирных предложений, а также из гордыни и злобного упрямства мятежников, ведь после его первого послания набор солдат и все прочие военные приготовления пошли с невероятной быстротой. Принц Руперт со своей кавалерией все еще стоял в Лестере, и хотя поначалу он сам и иные из находившихся при нем старших офицеров были настолько раздосадованы решением короля вступить в переговоры и его первым посланием к Парламенту (ибо оно, как им казалось, могло не только разрушить все надежды на создание армии, но и погубить тех, кто уже вступил в ее ряды), что подумывали или, во всяком случае, вели речи даже о расправе над теми, кто всего усерднее советовал Его Величеству предпринять подобный шаг; однако теперь он мог убедиться, что благодаря этим самым мерам войско его растет в числе и крепнет духом. Королевская пехота пополнялась превосходными новобранцами из Йоркшира, Линкольншира и Стаффордшира, а поскольку из Йорка прибыли также пушки и боевые припасы, то через три недели Его Величество уже имел под своим началом нечто похожее на настоящую армию, и его

солдаты глядели гораздо веселее, чем прежде. Но так как Ноттингем, по-видимому, не мог и далее служить ставкой Его Величества, то около середины сентября (граф Эссекс со всей своей армией стоял тогда в Нортгемптоне) король выступил из Ноттингема к Дерби. Куда направиться затем — в Шрузбери или в Честер — король еще не решил, ибо не знал доподлинно, каковы настроения в этих городах, в каждом из которых парламентская партия действовала весьма энергично. А потому он решил расположиться близ границ Уэльса, где влияние Парламента было чрезвычайно слабым и где уже формировалось несколько пехотных полков для королевской армии. Перед оставлением Ноттингема, прощаясь с надеждами на переговоры и желая дать народу яснейшее понятие о людях, столь упрямо их отвергавших, Его Величество направил Палатам следующее послание:

«Кто совершил больше действий, предпринял больше усилий и направил больше искренних увещаний, дабы предотвратить настоящие смуты и опасности, о том пусть судит весь свет — как по прежним событиям, так и по двум нашим последним посланиям, каковые оказались столь бесплодными, что, хотя мы снизили до настойчивых просьб на сей счет, даже начатие переговоров оказывается для нас теперь возможным лишь при условии, что мы сами лишим себя защиты перед лицом вооруженной силы, явным образом против нас выступившей, и признаем изменниками тех, кто, исполняя свой долг, присягу на верность и законы страны, явился на помощь нам, своему королю и сюзерену, и кого совесть и долг велят нам отныне защищать, хотя мы объявили, что все наши прокламации и декларации не были направлены против нашего Парламента. Ныне же нам не осталось ничего другого, как выразить нашу глубокую скорбь по поводу постигших это королевство бедствий, равно как и страданий протестантов Ирландии, и принять необходимые меры для защиты самих себя, в чем мы всецело уповаем на Промысел Божий, правоту нашего дела и любовь наших добрых подданных — столь далеки мы от намерения лишить их нашего покровительства. Если же вы пожелаете вступить с нами в переговоры, то мы, с благоговением помыслив о том, чья кровь должна пролиться в этом споре, с великой радостью на них согласимся. А поскольку наш город Лондон мы оставили только потому, что не могли долее там находиться без ущерба для собственной чести и безопасности, а вооруженную силу собрали единственно для необходимой защиты закона и нашей особы, то едва лишь указанные

причины будут устранены, мы с полной готовностью и без малейшего промедления распустим армию и возвратимся в столицу. Да вразумит вас Царь Небесный и да отвратит Он грозные кары, нависшие над этим государством, а с нами и с потомством нашим да поступит Он сообразно тому, насколько искренне желаем мы сохранения и укрепления истинной протестантской религии, законов, свободы подданных, справедливых прав Парламента и мира в королевстве».

Прибыв в Дерби, король получил от благонамеренных граждан Шрузбери точное известие, что названный город всецело ему предан и что одного лишь слуха о намерении Его Величества туда явиться оказалось достаточно, чтобы прогнать из него всех главных смутьянов и крамольников. А посему Его Величество решил двинуться к Шрузбери. Город этот был хорошо укреплен, имел выгодное местоположение (с одной стороны его защищала река Северн, с другой открывался безопасный путь в Уэльс, ибо стоял он у самых границ Монтгомеришира) и вдобавок предоставлял удобную возможность для сообщения с Вустером, на который король возлагал немалые надежды. Он также рассчитывал, что, находясь в Шрузбери, сумеет держать в своих руках Честер с таким же успехом, как если бы явился туда сам — последнее могло бы внушить опасение, будто король задумал отправиться в Ирландию, о чем прежде уже заходила речь. Итак, простояв один день в Дерби, Его Величество неспешно двинулся к Шрузбери, распорядившись при этом, чтобы все его отряды собрались на общий смотр в одном переходе от названного города, в Веллингтоне. А поскольку именно здесь король и его маленькая армия впервые оказались вместе, он велел прочесть перед каждым полком свои приказы, касавшиеся воинской дисциплины и управления войсками. Затем, встав посреди полков, чтобы его могли лучше слышать, Его Величество словно император Траян, который, назначив Суру командующим войсками империи, вручил ему меч со словами «Прими от меня сей меч, и если я стану велеть должное, употреби его для защиты моей особы; когда же я поступлю иначе, извлеки его из ножен и лиши меня жизни» обратился к солдатам с речью, память о коей достойна остаться в веках:

«Джентльмены, только что вы слышали мои приказы, и теперь все вы, каждый на своем месте, обязаны в точности их исполнить. Недалек тот час, когда мы вступим в бой, а значит, вы должны быть бдительны; я же считаю нужным вам объявить, что

всякий, нарушивший эти распоряжения, какой бы высокий ранг он ни занимал, будет наказан мною со всей суровостью. В вашем мужестве и решимости я не сомневаюсь. Долг и честь привели вас сюда — сражаться за свою веру, своего короля и законы своей страны. А все враги ваши, по большей части браунисты, анабаптисты и атеисты, — это лишь изменники, замыслившие разрушить церковь и государство и уже обрекшие вас самих на разорение только за то, что вы сохранили нам верность. Теперь же, дабы вы знали, каким образом желаю я употребить вашу доблесть, если Господу угодно будет благословить ее победой, я рассудил за благо изложить для вас свои цели и намерения в особой декларации. Услыхав ее из моих уст, вы твердо уверитесь, что не может быть дела более справедливого, чем то, за которое сражаетесь вы и за которое я готов умереть вместе с вами».

Затем Его Величество изволил прочесть следующую торжественную декларацию:

«Перед лицом Всемогущего Господа, уповая на Его покровительство и благословение, я обещаю, что буду всеми силами защищать и поддерживать истинную реформированную протестантскую веру, установленную в Церкви Англии; и в этой вере, клянусь благодатью Божией, я буду жить и умру.

Я желаю, чтобы существующие законы всегда были мерилom моего правления и чтобы свободу и собственность подданных они защищали так же строго, как и мои справедливые права. И если Богу будет угодно, благословив эту армию, которую я принужден был призвать ради своей защиты, спасти меня от нынешнего мятежа, то я клятвенно и торжественно обещаю перед Богом сохранить свободу и справедливые привилегии Парламента и править, насколько это будет в моих силах, в согласии с общеизвестными статутами королевства и прежде всего — свято соблюдать законы, утвержденные мною в настоящем Парламенте. Но если военные обстоятельства, а также крайность и величайшая нужда, до которых доведен я ныне, вынудят меня как-либо преступить закон, то я уповаю, что Бог и люди поставят это в вину истинным зачинщикам войны, но не мне, который сделал все, чтобы сохранить в королевстве мир.

Если же я по собственной вине не исполню обещанного, то уже не буду ожидать ни помощи и поддержки на земле, ни защиты свыше. Но я тверд в своих намерениях и потому надеюсь на бодрое содействие всех честных людей и верю в милость Господню».

Эта декларация, оглашенная притом с такой торжественностью и серьезностью, не только ободрила и воодушевила маленькую армию короля, но в еще большей мере обрадовала и успокоила местное джентри и прочих жителей тех краев, коим Парламент всячески пытался внушить, будто Его Величество, если ему удастся взять верх с помощью силы, затем, опираясь на ту же силу, отменит все благие законы, принятые настоящим Парламентом. Теперь же они увидели в этой декларации еще более твердую гарантию действительности упомянутых актов, нежели данная на них прежде королевская санкция. Невозможно себе представить более единодушное и пылкое выражение народной любви, чем то, которое встречал король, проезжая через графства Дербишир, Стаффордшир и Шропшир; или лучший прием, нежели тот, который нашел он в Шрузбери, вступив в названный город во вторник 20 сентября.

Читатель удивится, как изумлялись в ту пору многие, почему, хотя Парламент уже располагал полностью укомплектованной и хорошо устроенной армией, когда король не имел еще ни одного полка полного состава, и хотя граф Эссекс лично прибыл в Нортгемптон за несколько дней до того, как Его Величество выступил из Ноттингема, его светлость ничем не обеспокоил короля, пока тот стоял в названном городе, и никак не помешал ему совершить марш к Шрузбери. Ведь если бы граф Эссекс это сделал, то он захватил бы самого короля или во всяком случае нанес бы его небольшому отряду поражение столь жестокое, что Его Величество уже никогда бы не смог собрать новую армию. Но граф еще не получил никаких распоряжений; те же, кто должен был отдать ему соответствующий приказ, не торопились начинать кампанию: они были слишком надменны и с презрением смотрели на войско короля, полагая, что ему никогда не выставить армию, способную бросить вызов их силам. Они надеялись, что когда король тщетно испробует все мыслимые средства, а те, кто не только явился его защищать на свой счет, но и помогал деньгами другим, неспособным нести нужные расходы (ведь армию его содержали и оплачивали те самые аристократы и джентльмены, которые в ней служили), падут духом и не смогут далее нести это тяжкое бремя, Его Величество принужден будет отдаться в руки своего Парламента, ища покровительства и средств к существованию. Если же такая, совершенно бескровная, победа увенчает их замыслы, и если их армия, набранная, по их уверению, единственно ради необходимой самообороны, а также защиты особы короля, помешает королю

собрать какие-либо войска; или если король, оказавшийся в столь отчаянном положении в Ноттингеме, возвратится в Уайтхолл, то он непременно санкционирует все их действия, а впоследствии уже никогда не осмелится отвергнуть любые их предложения.

Нет никаких сомнений, что простые солдаты парламентской армии в большинстве своем были убеждены, что воевать по-настоящему им не придется, ибо король, пребывающий по сути в плену у *дурных советников, злонамеренных людей, делинквентов и кавалеров* (именно так называли тогда всех его сторонников), прямо-таки мечтает при первой же возможности вырваться из подобного общества и возвратиться к своему Парламенту — что он непременно и совершит, как только их армия приблизится на расстояние, удобное для побега Его Величества. Твердо уверовав в этот вздор, они уже не сомневались, что те самые лица, которые в прошлом успели дать яснейшие доказательства своей набожности, честности и благородства, теперь вдруг обратились в папистов, и что из подобных папистов и состоит ныне вся королевская армия. Впрочем, те из приверженцев короля, кто рассчитывал обрести опору в чем-либо еще, помимо своей совести, или уповал на иную помощь, кроме как от Всемогущего Господа, едва ли смогли бы представить разумные основания для таких надежд, ибо враги их уже подчинили своей власти все королевство.

Глава II

(1642)

Портсмут, в ту пору сильнейшая крепость в королевстве, капитулировал перед неприятелем. Хотя полковник Горинг получил все затребованные им суммы и, как можно было подумать, давно и энергично готовился к осаде, однако к началу сентября он настолько пал духом, что сдал город врагу, выговорив себе право уехать на континент, а своим офицерам — присоединиться к королю. Можно только пожалеть о том, что после этой, уже не первой, измены нам еще придется упоминать о Горинге: его изумительные ловкость и хитрость так сильно действовали на людей, столько раз им обманутых, что в дальнейшем нашем повествовании мы будем вынуждены не однажды и весьма пространно говорить об этом человеке.

Огромная армия графа Бедфорда, стоявшая против маркиза Гертфорда, пришла в такое уныние, а ее солдаты покрыли себя таким позором, что граф (проведя в поле четыре или пять дней на расстоянии пушечного выстрела от города и замка и отклонив вызов на дуэль, направленный ему маркизом), под предлогом начатия переговоров, а равно и благочестивой своей заботы о предотвращении пролития христианской крови, послал через сэра Джона Норката сказать Гертфорду, что он (если выразить это просто и без затей) хотел бы тихо и мирно отвести войска и удалиться восвояси. Предложение это, хотя и вполне разумное, маркиз отверг, велел передать графу, что коль скоро тот явился сюда по собственному почину, то пусть и выбирается отсюда, как знает. Наконец, парламентская армия и в самом деле отступила на десяток миль от Шерборна, и в продолжение нескольких недель маркиза там никто не тревожил. Когда же маркиз узнал о падении Портсмута, деблокада которого была главной его задачей, и принял в расчет, что осаждавшие этот город неприятельские войска, по всей видимости, скоро присоединятся к графу, сильно ободрив своим недавним успехом робкое воинство последнего; когда маркизу, далее, стало известно, что сильный кавалерийский полк, прибытия которого он ожидал (ибо прежде сэр Джон Байрон сообщил маркизу из Оксфорда, что намерен выступить ему на подмогу) в действительности

присоединился к главной армии короля, и, наконец, что народ, подстрекаемый чрезвычайно деятельными комитетами графств, всюду теперь переходит на сторону Парламента, особенно в таких хорошо укрепленных и многолюдных городах Сомерсетшира, как Таунтон, Веллингтон и Данстер-касл (по каковой причине ему, Гертфорду, не удастся увеличить численность своего отряда), он решил оставить Шерборн, дальнейшее пребывание в коем уже ничем не могло помочь делу короля, и во что бы то ни стало пробиться к Его Величеству. Но когда маркиз подошел к порту Майнхед, откуда твердо рассчитывал переправиться со своими людьми в Уэльс, он обнаружил, что жители названного города, настроенные крайне враждебно, все свои суда и лодки (коих в Майнхеде, производившем торг хлебом и скотом с Уэльсом, всегда имелось великое множество), кроме двух, предусмотрительно услали в неизвестном направлении. А так как граф Бедфорд, вновь воспрянувший духом, находился с армией уже в четырех милях от Майнхеда, то его светлость со своей скудной артиллерией и немногочисленной пехотой, сопровождаемый лордом Полетом, лордом Сеймуром и несколькими джентльменами из Сомерсетшира, переправился в Гламорганшир, а сэру Ральфу Гоптону, сэру Джону Беркли, м-ру Дигби и еще нескольким офицерам с отрядом в сто двадцать всадников предоставил идти в Корнуолл в надежде, что в этом графстве их встретят лучше.

Со своей стороны, граф Бедфорд, полагая, что тревожиться из-за этой жалкой горстки беглецов нет нужды, ибо их без труда переловят местные комитеты милиции, в Девоншире и Корнуолле весьма могущественные, удовлетворился тем, что изгнал маркиза, разрушив таким образом все надежды неприятеля на создание в западных графствах армии для короля. Он повернул свои войска назад и двинулся на соединение с графом Эссексом; туда же из Портсмута шел сэр Уильям Уоллер. Никто не верил, что отряды, находившиеся при Его Величестве, сумеют защитить его от столь грозной армии; никто не знал, откуда войска короля могли бы получить хоть какое-то пополнение. Ибо всякий раз, когда его враги обнаруживали человека, занимавшего видное положение в обществе и сочувствовавшего делу короля или хотя бы не сочувствовавшего им, они немедленно брали его под стражу и с великим торжеством отсылали в руки Парламента, а тот, не зная пределов собственной жестокости и бесчеловечию, бросал несчастного в тюрьму.

Так, они схватили в его собственном доме в Нортгемптоншире лорда Монтею из Боутона, почтенного человека незапятнанной

репутации и восьмидесяти лет от роду, за то, что он посмел выразить недовольство их изменническим и противным всякому долгу обращением с королем; и хотя у лорда Монтегю имелись брат — член Палаты пэров и лорд Малой государственной печати, а также племянник — лорд МанDEVИЛЛ, никому не уступавший в этом совете своим влиянием, и наконец, сын — член Палаты общин (совсем, впрочем, не похожий на отца) — несмотря на все это, его светлость подвергли строгому заключению в Тауэре, и хотя впоследствии его стали чаще выпускать из камеры, он так и умер в тюрьме.

Так, они схватили в Оксфордшире графа Беркшира, вместе с тремя или четырьмя виднейшими джентльменами графства, и заключили их в Тауэр лишь за то, что они желали добра королю, хотя и не обнаружили своего расположения к монарху каким-либо прямым действием. Равным образом они схватили в Девоншире графа Бата, который не оказал королю ни малейшей услуги и даже в мыслях не имел этого делать, но, единственно лишь по утрюмости собственного нрава, выражал когда-то в Палате несогласие с их мнениями. Графа, а с ним и многих других джентльменов из Девоншира и Сомерсетшира, доставили под сильным конным конвоем в Лондон, где, после того, как они подверглись оскорблениям и поношениям со стороны грубой черни, бранившей их «мятежниками» и «изменниками Парламенту» и обращавшейся с ними так, словно это были гнуснейшие из злодеев, и всех бросили в тюрьмы — даже не допросив и не предъявив обвинения в каком-либо преступлении. Так все лондонские темницы быстро заполнились достойными и добродетельными людьми, пользовавшимися у себя в графствах превосходной репутацией за честный нрав и здравый ум. Вскоре пришлось устраивать новые тюрьмы, а к тому же — изобретение неслыханное и поистине варварское — многих особ высокого звания, как духовных, так и светских, держали в неволе в трюмах стоявших на Темзе судов, не допуская к ним родственников и друзей, отчего немалое их число погибло. Лишением свободы кара не ограничивалась, ибо — и лишь немногие избегли подобной участи — подвергнув кого-либо тюремному заключению как *отъявленного злодея-малигнанта*, враги короля имели обыкновение конфисковывать его имущество на основании приказа Палаты общин или же попросту отдавать его на поток и разграбление солдатам, которые, двигаясь походным порядком по стране, забирали с собой, как законные трофеи, добро всех папистов и видных малигнантов, или буйной и свирепой черни, которая в дикой своей ярости против знати

и дворянства (именовавшихся теперь «кавалерами») доходила всюду до таких бесчинств, что людям, не замеченным в пылкой приверженности к Парламенту, стало небезопасно жить в своих домах.

Так, в Эссексе толпа престо­на­ро­дья (явно по наущению особ более высокого звания) внезапно окружила дом сэра Джона Лукаса, одного из достойнейших джентльменов этого графства, джентльмена Личной палаты принца Уэльского, человека, искренне преданного Его Величеству, и под тем предлогом, что сэр Джон хотел присоединиться к королю, завладела всем его оружием и лошадьми, схватила его самого, подвергла всем мыслимым оскорблениям и даже грозила убить его на месте. Когда же мэр Колчестера, к которому привели сэра Джона, выказав более человечности, нежели прочие, изъявил готовность держать его под арестом в собственном доме, пока не станет известна воля Парламента, мэра вынудили (или он сам был не прочь оказаться вынужденным) отправить его в обычную тюрьму, где Лукас и оставался, весьма довольный даже такой безопасностью, пока Палата общин, даже не предъявив ему обвинения, перевела его в другое узилище. Всех лошадей сэра Джона отправили в армию графа Эссекса.

Тогда же та же самая толпа ворвалась в дом графини Риверс — только потому, что та была паписткой. За несколько часов погромщики уничтожили или унесли всю обстановку, собиравшуюся с великим тщанием много лет и стоившую не менее сорока тысяч фунтов. Сама графиня, претерпев жестокие оскорбления, едва спаслась; возместить причиненный ей ущерб Парламент отказался. Эти и многие другие подобные происшествия в Лондоне и его окрестностях ясно показывали всем людям, желавшим сохранить свою честь и верность королю, что сохранить что-либо еще им уже не позволят.

Я не вправе забывать — хотя об этом невозможно вспомнить без ужаса и омерзения — что охвативший страну гибельный пожар с наибольшим усердием и неистовством разжигали не члены Парламента, но лица духовные, которые и подносили топливо, и раздували угли в Палатах. Именно они, пробравшись вначале на церковные кафедры сами, а затем согнав оттуда всех ученых и правоверных священников, со времени созыва настоящего Парламента, под благовидным предлогом реформации и искоренения папизма, подстрекали народ к мятежным покушениям на существующее церковное устройство, не забывая при этом извергать брань и клевету и на власть светскую. Когда же Парламент обзавелся

собственной армией и отклонил последние мирные предложения короля, проповедники разнуздались вконец и стали поносить особу Его Величества без всякого стеснения, с такой вольностью в речах, с какой прежде обрушивались на отъявленных злодеев-малигнантов; а чтобы поднять доведенный ими до бешенства народ против столь доброго и милостивого государя, они бесстыдно и богохульно относили на счет короля все, сказанное и предреченное в Писании самим Господом и пророками Его против самых злых и нечестивых царей.

В напечатанных тогда мятежных проповедях, а также в воспоминаниях, изданных и неизданных, сохранилось достаточно свидетельств столь грубых искажений и извращений, коим подвергали Писание в угоду своим гнусным целям проповедники, что люди благочестивые уже не могут перелистывать их без душевного содрогания. Один берет темой своей проповеди Моиссевы слова из 32-й главы книги Исход, стих 29-й: «Сегодня посвятите руки ваши Господу, каждый в сыне своем и брате своем, да ниспошлет Он вам сегодня благословение» — и, ссылаясь на этот текст, подстрекает своих слушателей безжалостно преследовать, невзирая на любые узы родства, соседства или верности, всех несогласных с предложенными Парламентом реформами. Другой столь же дерзко и бесстыдно трактует Давидовы слова из 1 Пар., главы 22, стих 16: «Начни и делай» — и отсюда с уверенностью заключает, что простого благорасположения к Парламенту уже не довольно, и если его слушатели не отдадут в распоряжение Палат не только свои молитвы, но и кошельки, не только сердца, но и руки, то предписанный в тексте долг останется не исполненным. Не один м-р Маршал, ссылаясь на 23-й стих 5-й главы книги Судей — «Прокляните Мероз, говорит Ангел Господень, прокляните, прокляните жителей его за то, что не пришли на помощь Господу, на помощь Господу с храбрыми» — имел дерзость обрушиться с поношениями и даже прямо призвать Божье проклятие на каждого, кто не изъявил полной готовности употребить все свои силы, дабы истребить всех до единого малигнантов, хоть в чем-то противившихся Парламенту.

Нашелся проповедник, который, ссылаясь на 48-ю главу пророка Иеремии, стих 10: «Проклят, кто удерживает меч Его от крови», осуждал тех, кто давал пощаду солдатам короля. Другой же, приведя 5-й стих из 25-й главы Притчей, «Удали неправедных от царя, и престол его утвердится правдою», доказывал, что насильственное удаление от особы короля злых советников есть для нас точно

такой же долг совести, как и исполнение любой иной обязанности, предписанной нам христианской религией (дерзко при этом намекая, что сила может быть употреблена и по отношению к самому королю, буде он не позволит их удалить). Чтобы вместить все нечестивые безумства такого рода, понадобился бы целый том, так что негодующие слова пророка Иезекииля придутся здесь как нельзя более кстати: «Заговор пророков ее среди нее — как лев рыкающий, терзающий добычу, съедают души, обирают имущество и драгоценности и умножают число вдов» [Иез. 22:25]

Жалуясь на современное ему духовенство, Эразм говорит, что когда государи склоняются к войне, «виной тому, как правило, является духовенство...». И действительно, ни один добрый христианин не может без ужаса помыслить о тех служителях Церкви, которые, будучи по своему призванию вестниками мира, обратились, однако, в глашатаев войны и поджигателей мятежа. Насколько же больше, чем эти люди, явила христианского духа, и насколько же выше, чем они, должна подняться в нашем мнении та афинская монахиня, которая, когда государственный суд признал Алкивиада виновным, и был принят указ, повелевавший всем жрецами и жрицам предать его проклятию и отлучить от алтарей, решительно отказалась исполнить это распоряжение, заявив: «Я приняла религиозные обеты, чтобы молиться и благословлять, а не проклинать и отлучать». И если звание преступника и место преступления способны облегчить или отягчить вину (а это, без сомнения, так, и перед Богом, и перед людьми), то мне кажется, что проповедь измены и мятежа с церковной кафедры настолько же гнуснее подстрекательства к ним где-нибудь на рынке, насколько отравление человека при совершении святого причастия было бы ужаснее убийства его в таверне. И, быть может, ни единый из всего каталога прегрешений нельзя с большим правом назвать тем грехом, который рвение иных людей сочло грехом против Святого Духа, нежели превращение служителя Христа в мятежника против государя (что, как всякому известно, является самым вопиющим отступничеством от богоустановленного порядка) и проповедование народу мятежа под видом Христова учения, каковая проповедь, прибавляя к вероотступничеству богохульство и непокорство, имеет все признаки, по которым людей благомыслящих учат отличать грех против Святого Духа.

Три или четыре дня спустя по оставлении королем Ноттингема граф Эссекс со всей своей армией выступил из Нортгемптона и двинулся на Вустер. Известясь об этом, Его Величество тотчас же

приказал принцу Руперту переправиться с большей частью кавалерии через Северн и идти к названному городу, с тем чтобы следить за передвижениями неприятеля и подать всю возможную помощь вустерским гражданам, которые изъявили готовность поддержать его дело. Сверх того принцу велено было прикрыть отступление джентльменов, набравших в тех краях солдат для королевской армии, и в первую очередь — соединиться с сэром Джоном Байроном, которого Его Величество послал в конце августа в Оксфорд с поручением доставить ему денежные суммы, ранее тайно перевезенные туда из Лондона. После ряда мелких неприятностей и затруднений, причиненных сельскими жителями, коих усердно подстрекали к бунту агенты Парламента и поддерживали офицеры милиции, принц благополучно прибыл в Вустер. Но не успел он провести там и нескольких часов, как сильный отряд кавалерии и драгун, посланный графом Эссексом и находившийся под начальством Натаниэля Финнза (сына лорда Сэя), явился с намерением внезапно захватить город. Последний был плохо укреплен, и проникнуть в него можно было во многих местах, хотя кое-где Вустер окружали старые, полуразрушенные стены, а там, где граждане всего чаще входили в свой город и выходили из него, имелись ворота, впрочем, ветхие и негодные, без запоров и засовов.

Но хотя сей доблестный командир прибыл туда рано утром (когда стоявший на часах немногочисленный караул, полагая, что вокруг все спокойно, отправился отдыхать) и, пока его не заметили, успел подойти на расстояние мушкетного выстрела к воротам; однако, найдя эту слабую преграду запертой или, лучше сказать, затворенной, и не обнаружив поблизости сторонников Парламента (каковые, по его расчетам, должны были мгновенно объявиться в городе), Финнз, не причинив ни малейшего ущерба неприятелю, отступил в великом беспорядке и с такой поспешностью, что посланные за ним в погоню усталые кавалеристы Руперта так никого и не настигли. Когда принц прибыл в Вустер, ни он, ни его люди не предполагали встретить поблизости сколько-нибудь значительные вражеские силы, и все же его высочество решил отступить, как только будут получены точные сведения о местонахождении и движениях неприятеля. Расположившись на отдых в поле неподалеку от города (с ним в тот момент были его брат принц Мориц, лорд Дигби, старшие офицеры и некоторые из утомленных долгим походом солдат), Руперт вдруг заметил на расстоянии мушкетного выстрела крупный отряд примерно в пятьсот

всадников, приближавшийся в превосходном порядке к Вустеру по дороге между изгородами. В последовавшей суматохе принц и его офицеры едва успели вскочить на коней; держать военный совет или возвращаться к своим подчиненным времени у них не было. И, пожалуй, хорошо, что не было, ведь если бы все эти офицеры находились во главе своих подразделений, дело, весьма вероятно, приняло бы скверный оборот. А так принц объявил, что намерен тотчас же атаковать врага; его брат, лорд Дигби, генерал Уилмот, сэр Джон Байрон, сэр Льюис Дайвс и все те офицеры, чьи солдаты были далеко или еще не подготовились к бою, ринулись за ним, после чего к месту схватки прибыли и остальные утомленные эскадроны.

В общем, как только неприятель стал перестраиваться из походного порядка, принц пошел в атаку с горсткой своих храбрых бойцов, и хотя мятежники, доблестно руководимые полковником Сендисом, сыном достойного отца, и имевшие полное вооружение, как защитное, так и наступательное, поначалу держались стойко, вскоре многие из лучших бойцов у них были убиты, сам полковник Сендис ранен, а весь отряд разгромлен и обращен в бегство, причем победители преследовали их более мили. Впрочем, число погибших оказалось не таким уж значительным — не более сорока-пятидесяти человек, преимущественно офицеров, ведь убить их в бою было не так уж легко — слишком прочные носили мятежники доспехи; а поразить в ходе преследования и вовсе невозможно — столь добрые были у них кони. В плен были взяты полковник Сендис, вскоре скончавшийся от ран, капитан Уингейт, член Палаты общин и потому человек более известный (он отличился в этой схватке своей храбростью), а с ними два или три офицера-шотландца. Королевский же отряд не потерял убитыми и даже тяжелоранеными ни одного человека с именем; генерал Уилмот был поражен мечом в бок, а сэр Льюис Дайвс — в плечо, ранения получили еще несколько младших офицеров, однако все они остались живы, что тем более удивительно, если вспомнить, что люди принца Руперта, не ожидавшие в тот день встречи с неприятелем, не облачились в латы, и лишь немногие из них имели с собой пистолеты, так что наибольший урон врагу был нанесен холодным оружием. У неприятеля были взяты шесть или семь корнетов, много отличных лошадей и некоторое количество вооружения, ибо те, кто бежал с поля боя, постарались, насколько возможно, избавить себя от лишней тяжести.

Исход этого столкновения принес королю громадные выгоды и преимущества. Так как это был первый бой, в котором участвовала его кавалерия, и сражалась она с лучшими, отборнейшими частями неприятеля, то победа в нем воодушевила королевскую армию, сделала имя принца Руперта страшным для врагов и привела последних в истинный ужас — настолько, что Парламент надолго утратил веру в свою конницу, и самая ее численность сильно уменьшилась. Ибо, хотя потери в бою были невелики, очень многие после него так и не вернулись в свои части и (что еще хуже), оправдывая собственное поведение, всюду наперебой рассказывали о невероятной отваге принца Руперта и прямо-таки неодолимой мощи королевской кавалерии. С этого времени членов Парламента стали посещать тревожные предчувствия, что завершить свое дело так же легко, как оно было начато, им едва ли удастся и что они не сумеют возратить королю Парламенту одной лишь силой собственных постановлений. Но как бы слабо ни бился пульс у иных (а ведь многие из тех, кто шумел в Палатах громче всего, теперь уж точно не отказались бы от возможности вновь сделать свой выбор), с виду у них нисколько не поубавилось прыти — напротив, желая рассеять всякую мысль о том, что его можно склонить или принудить к переговорам, и стремясь показать, сколь далек он от малейших опасений на счет твердости и преданности народа, Парламент обратился к мерам еще более дерзким и решительным.

Во-первых, желая показать, как мало тревожат их возможный гнев союзников короля, а также собственные силы Его Величества, Палаты распорядились, чтобы братья-капуцины, которые, по условиям брачного договора, имели право свободного приема и пребывания при семействе королевы, а заботами и иждивением Ее Величества получили небольшое, но удобное жилище при ее собственной часовне в ее доме [Сомерсет-хаусе] на Стренде, где и обитали без малейшего беспокойства со времени ее бракосочетания, но теперь стали подвергаться унижениям и оскорблениям со стороны грубой черни, и чуть ли не в собственном доме королевы — были удалены оттуда и высланы во Францию; причем Палаты объявили, что если капуцинов «вновь обнаружат в Англии, то они будут преданы суду как изменники», и сделали это в присутствии французского посланника, который, впрочем, и далее не оставлял братьев своим попечением и покровительством.

Затем, чтобы дать королю понять, как мало страшат их его силы, Палаты направили своему главнокомандующему графу Эссексу

инструкции, коих он давно ожидал. В них же, среди прочих вещей, касавшихся лучшего устройства армии, графу предписывалось «выступить с теми силами, какие он найдет нужным с собой взять, навстречу армии, собранной именем Его Величества против Парламента и королевства, и с целым войском или с частью его сражаться там и тогда, где и когда это могло бы, по его разумению, более всего споспешествовать замирению королевства и его безопасности. Ему также надлежит употребить всевозможные усилия, дабы, битвою или иным способом, вырвать особу Его Величества, а равно принца (Уэльского) и герцога Йорка, из рук отъявленных злодеев, рядом с ними ныне находящихся. Графу было указано изыскать благоприятную возможность, чтобы безопасным образом и с надлежащим почтением передать Его Величеству петицию обеих Палат Парламента; и если Его Величество соизволит по сему оставить войско, при котором ныне находится, и прибегнуть под защиту Парламента, то его светлость должен будет распустить войска Его Величества и позаботиться о том, чтобы безопасность Его Величества при его возвращении к Парламенту охранял достаточно сильный отряд. Графу также предписывалось объявить и довести до всеобщего сведения, что если любой из тех, кто, будучи обманут лживыми измышлениями, порочащими меры Парламента, содействовал королю в осуществлении этих опасных замыслов, в течение десяти дней по обнародовании в армии настоящей декларации добровольно возвратится к исполнению своего долга и, не совершив за это время ни единого враждебного деяния, присоединится к Парламенту, дабы отдать самого себя и свое состояние на защиту религии, особы Его Величества, вольностей и законов королевства, а также привилегий Парламента, как то уже сделали члены обеих Палат вместе с остальным королевством, то лорды и общины выкажут готовность встретить подобных лиц, по их раскаянии, так, что у тех будут все основания считать, что с ними обошлись милостиво и благосклонно; это снисхождение, однако, не означает возвращения в какую-либо из Палат Парламента тех его членов, которые были на время лишены права заседать в соответствующей Палате и еще не представили удовлетворительного объяснения своих поступков; оно не распространяется на особ, обвиненных в преступных деяниях или уже признанных делинквентами какой-либо из Палат Парламента, и равным образом не касается тех из приспешников особ, уже обвиненных Парламентом в измене,

которые, сами занимая высокое положение, играли важные роли в этих изменнических действиях».

А чтобы перечисленные в этих пунктах изъятия (охватывавшие, несомненно, всех сторонников короля, а если не всех, то ведь Палаты и далее оставались судьями пределов собственной милости и снисхождения — единственного, что было обещано даже самым смиренным из тех, кто раскается) не склонили к раскаянию людей, прощать которых они не собирались ни при каких условиях, Палаты удостоили «особым изъятием графа Бристоля, графа Камберленда, графа Ньюкасла, графа Риверса, герцога Ричмонда, графа Карнарвона, лорда Ньюарка, первого секретаря Его Величества виконта Фолкленда, секретаря Его Величества м-ра Николаса, м-ра Энди-миона Портера и м-ра Эдуарда Гайда» — хотя ни единый из них не был обвинен в каком-либо правонарушении и лишь немногие были осуждены постановлениями Парламента, что не давало веских оснований считать их преступниками.

Здесь нужно будет поместить текст петиции, которую графу Эссексу велели безопасным образом и с надлежащим почтением представить Его Величеству — поместить потому, что петиция (о причине чего будет сказано далее) так и не была вручена, каковое обстоятельство, истолкованное как решительный отказ Его Величества вступать в мирные переговоры, было поставлено ему в вину впоследствии, когда мира возжелали сами Палаты. Составлена же была петиция в следующих выражениях:

«Мы, верные подданные Вашего Величества, лорды и общины в Парламенте, не можем без великой скорби и глубокого сострадания взирать на страшные несчастья, неминуемые опасности и губительные бедствия, которые грозно надвигаются, а отчасти уже обрушились на оба Ваши королевства, Англию и Ирландию, виною чему — действия партии, добившейся теперь влияния на Ваше Величество. Эти люди, посредством разного рода нечестивых козней и заговоров, вознамерились изменить истинную религию и старинный образ правления нашего королевства и привнести в церковь папистское идолопоклонство, а в государство — тиранию и смуту, для достижения каковых целей они с давних пор извращали советы Вашего Величества и злоупотребляли полученной от Вас властью, а, внезапно и беспричинно, распустив последний Парламент, воспрепятствовали исправлению и предотвращению этих зол. Ныне же, лишённые возможности противиться мерам настоящего Парламента прежними средствами, они изменнически тщатся его

устрашить и привести к покорности силой и, осуществляя свои порочные замыслы, разожгли, а теперь поощряют и поддерживают чудовищный мятеж в Ирландии, вследствие которого многие тысячи подданных Вашего Величества были умерщвлены самым жестоким и бесчеловечным образом. Лживыми измышлениями, а также злыми и несправедливыми обвинениями против Вашего Парламента они попытались устроить подобную резню и здесь, но, не успев в том по милости всеблаготворного Бога, они — и это самый гнусный и кровавый из их замыслов — склонили Ваше Величество к начатую войны против Вашего Парламента и Ваших добрых подданных в этом королевстве, а равно к тому, чтобы лично возглавить выставленную против них армию, как если бы Ваше Величество вознамерились путем завоевания установить над ними абсолютную и неограниченную власть. Пользуясь полученными от Вас полномочиями и ободряемые Вашим присутствием, они уже успели подвергнуть обыскам, ограбить, заключить в тюрьму и лишить жизни многих англичан, а теперь, рассчитывая получить помощь в осуществлении своих коварных замыслов, они желают переправить в Англию морем мятежников из Ирландии, а также военные силы из иных стран, дабы те действовали с ним заодно.

Мы же, оказавшись совершенно лишенными покровительства Вашего Величества, тогда как виновники, советчики и пособники этих зол пребывают в великой чести и силе у Вашего Величества и получают от вас защиту от власти и правосудия высокого суда Вашего Парламента, почему они и дошли в дерзости и высокомерии до того, что обрушили свою ярость и злобу на знатных лиц и иных особ, которые хоть сколько-нибудь склоняются к миру, и даже не остановились перед явными угрозами Вашей королевской особе, буде Вы не одобрите все их порочные и предательские действия — мы, вынужденные к справедливой защите протестантской религии, особы, короны и достоинства Вашего Величества, законов и свобод королевства, привилегий и власти Парламента, взяли за оружие, назначили Роберта, графа Эссекса, главнокомандующим всех набранных нами войск и уполномочили его выступить и двинуться во главе этих сил против названных мятежников и изменников, дабы привести их к покорности и подвергнуть заслуженному наказанию. Мы смиренно молим Ваше Величество лишить Вашего королевского присутствия и помощи этих злонамеренных людей, а если они посмеют упорствовать в своих мятежных и незаконных замыслах, то да позволит Ваше Величество обуздать их той силой, которую мы

против них послали, и пусть Ваше Величество не подвергает себя опасностям, которые угрожают им, но, спокойно, ни о чем не тревожась и без войска, возвратится к своему Парламенту, чтобы при содействии его искренних советов и правильных мер успокоить смуты и волнения, сотрясающие ныне оба Ваши королевства, обеспечить безопасность и честь Вашей особы и Вашего королевского потомства, а также процветание всех Ваших подданных. Если Вашему Величеству угодно будет удовлетворить эти наши искренние и смиренные прошения, то мы перед лицом всемогущего Господа торжественно обещаем, что встретим Ваше Величество со всевозможным почтением, окажем Вам должную покорность и повиновение и честно потщимся защитить Вашу особу и Ваш сан от любых опасностей, а сверх того, сделаем все, что в наших силах, дабы надежно обеспечить Вам и Вашему народу все блага и преимущества главного и счастливого правления».

Хотя прежде Парламент выставлял общую волю королевства в качестве причины и оправдания для всех своих мер и лишь предлагал англичанам добровольно жертвовать для удовлетворения текущих его нужд столько, сколько они сами сочтут возможным; однако теперь, вознамерившись показать, что он не ожидает и не опасается измены и мятежа со стороны народа, Парламент взялся не только за тех, кто открыто противился его действиям или тайно отговаривал других от сотрудничества с ним, но и за тех, кто из страха, из скупости или по обоим причинам не сделал в его пользу никаких пожертвований. Палаты приняли дерзкую резолюцию (долженствовавшую иметь для народа силу закона или даже еще больший авторитет), в коей объявлялось, что «все лица, отказывающиеся помочь государству своими средствами в час столь грозной опасности, должны быть разоружены и взяты под стражу». А чтобы нагнать своим постановлением еще больше страху, они в тот же день приказали лорд-мэру и лондонским шерифам обыскать дома и конфисковать оружие у нескольких олдерменов и других видных и состоятельных лондонских граждан, поименно в их распоряжении перечисленных, поскольку-де «из донесения их комитета явствовало, что эти люди не сделали должных пожертвований на покрытие издержек государства».

Таким образом беднейших людей самого низкого звания превратили в доносчиков на богатых и именитых; следствием же обысков жилищ и конфискации оружия явилось изъятие столового серебра и дорогих вещей, а часто — прямой грабеж и расхищение

всего, что представляло какую-то ценность. Затем Палаты распорядились секвестровать и употребить в пользу государства файлы, ренты и доходы архиепископов, епископов, деканов, церковных капитулов, а также всех делинквентов, поднявших оружие против Парламента или набравших ополчение для короля. А чтобы обречь короля на такую же нужду, как и его сторонников, они велели направлять его доходы, состоявшие из рент, судебных штрафов и платежей, в Палату по делам опеки, а также все прочие статьи туда, куда эти средства поступали прежде, но запретили их кому-либо отпускать и выдавать вплоть до особого постановления обеих Палат Парламента, не соизволив выделить королю из принадлежавших ему по закону сумм даже того, что требовалось на содержание его особы.

Столь грубое посягательство на собственность англичан, коих силой принуждали расставаться с самым ценным своим имуществом, многие сочли мерой безрассудной и неполитичной со стороны Палат, которые, едва добившись всевластия, рисковали таким образом возбудить крайнее недовольство у своих новых подданных. Но вожди Парламента ясно понимали, что их владычество уже теперь основывается скорее на страхе, чем на любви народа, и что продолжать войну они смогут, лишь располагая достаточными средствами для выплаты жалованья солдатам; пока же такие деньги у них будут в наличии, им не придется сетовать на нехватку пополнения для своей армии при каких-либо затруднительных обстоятельствах.

Невозможно себе представить, сколь великую выгоду принесли королю отклонение Парламентом его мирных предложений и то, каким образом Палаты это сделали. Королевские послания, равно как и ответы на них, были оглашены во всех церквях, и теперь вся страна громко возмущалась действиями Парламента. Те, кто не могли служить Его Величеству сами, придумывали различные способы, чтобы снабдить его денежными средствами. Так, видные университетские люди дали знать королю, что во всех колледжах в изобилии имеется столовое серебро, которое стоит немалых денег и теперь безо всякой пользы лежит в их сокровищницах (для собственных нужд у них есть достаточно серебра и помимо этого); и что как только Его Величество сочтет нужным затребовать указанные богатства, их, вне всякого сомнения, тотчас же ему отправят. Король и сам давно об этом думал, и в печальную пору его пребывания в Ноттингеме два джентльмена были отряжены в Оксфорд

и еще двое — в Кембридж с письмами к вице-канцлерам, в коих тех просили убедить глав тамошних колледжей и холлов отослать свое столовое серебро королю. Еще раньше об этом плане тайно известили надежных людей, дабы они расположили и настроили в его пользу тех, без чьего согласия оказать королю эту услугу было невозможно.

Весь этот замысел был осуществлен в столь глубокой тайне и с такой осторожностью, что королевские гонцы вернулись из университетов очень скоро, затратив ровно столько времени, сколько требовалось для самой поездки; и привезли с собой все или почти все университетское серебро вместе с крупной суммой денег, которую из собственной казны послали королю в качестве дара главы нескольких колледжей. С ними явились и некоторые студенты, помогавшие достать лошадей и повозки. Все это благополучно прибыло в Ноттингем, когда там уже оставили надежду на переговоры, и впавшие в уныние сторонники короля заметно воспрянули духом. Серебро тотчас же взвесили и некоторую его долю передали как платежное средство офицерам, коим было поручено набирать солдат в королевскую пехоту и кавалерию. Остальную его часть, подлежащую тщательному хранению, король должен был взять с собой при оставлении Ноттингема; служащим же монетного двора послали тайный приказ быть в готовности явиться к Его Величеству по первому его требованию — сделать это король предполагал, как только сам окажется в удобном и безопасном месте. Жалобы и ропот совершенно умолкли; некоторые джентльмены вызвались набрать для короля солдат, опираясь на собственное влияние и авторитет; другие же добровольно послали ему деньги.

При дворе в ту пору живо обсуждали одну любопытную и довольно забавную историю. Неподалеку от Ноттингема жили тогда два аристократа, люди очень богатые, чрезвычайно скаредные и, как всякому было известно, располагавшие крупными суммами наличных денег, — Перпойнт, граф Кингстон, и Лик, лорд Дейнкорт. К первому из них отправили лорда Кейпла, ко второму — Джона Ашбурнема, постельничего Его Величества, пользовавшегося совершенным доверием своего господина. Каждый из них вез с собою письмо, от начала до конца написанное собственной рукой короля, который настоятельно просил адресатов ссудить его пятью или десятью тысячами фунтов. Граф принял Кейпла с превеликой любезностью и оказал ему такое гостеприимство, какого только можно было ожидать в его убогом доме и при его образе жизни. На

редкость учтиво выразив свои верноподданнические чувства, граф посетовал на то, что невозможность исполнить волю Его Величества повергает его в глубокую печаль. Всякому известно, продолжал он, что денег у него нет и не может быть, ибо последние десять или двенадцать лет он ежегодно приобретал земельные участки стоимостью в тысячу фунтов каждый, а потому где же ему теперь взять наличность, которую, кстати говоря, он никогда и не любил копить? Однако, заметил граф, в нескольких милях от него жительствоует сосед, лорд Дейнкорт — человек совершенно ничтожный, который живет, как свинья, отказывает себе в самом необходимом, зато в жалком своем домишке держит, самое меньшее, двадцать тысяч фунтов. Туда-то он и присоветовал направиться его светлости, поскольку-де отпираться в том, что деньги у него есть, Дейнкорт не посмеет. Речь свою граф заключил пылкими заверениями в преданности королю и в ненависти к Парламенту, как будто даже пообещав еще раз поразмыслить об этом деле и, если сможет, наскрести немного денег для Его Величества; и хотя прислать обещанное граф как-то запямятовал, его верноподданнические чувства были вполне искренними, и впоследствии он погиб, сражаясь за короля.

Ашбурнем раздобыл не больше денег, чем Кейпл, но не услышал и половины тех любезных слов, коими встретили последнего. В прежние времена лорд Дейнкорт так редко имел дело с двором, что никогда не слышал имени Ашбурнема, и когда ему прочли королевское послание, спросил, кто его автор. Когда же ему сообщили, что письмо от короля, Дейнкорт ответствовал, что он не настолько глуп, чтобы в это поверить, ибо ему уже случалось получать письма как от нынешнего короля, так и от его родителя. Затем он выбежал из комнаты, а воротясь вскорости с полдесятком писем в руке, объявил, что они всегда начинались словами *Нашему преданнейшему и возлюбленному*, а имя короля стояло вверх; тогда как это письмо открывается обращением *Дейнкорт*, а заканчивается выражением *Ваш любящий друг, С. R.*, а значит, написано оно, как он твердо убежден, отнюдь не королевской рукою. С Ашбурнемом поступили так же, как и с доставленным им посланием: после скверного ужина ему отвели убогую постель, к разговору же о деле его светлость обещал вернуться на другое утро. Затем лорд Дейнкорт отправил слугу с письмом к лорду Фолкленду, племяннику своей жены, который, впрочем, не часто виделся с дядей. Слуга прибыл в Ноттингем около полуночи и нашел лорда Фолкленда уже в постели. В письме Дейнкорта говорилось, что у него сейчас находится

некто Ашбурнем, доставивший ему послание, как он сам утверждает, от короля; однако ему, Дейнкорту, известно, что это неправда, а потому он хочет знать, что это за человек, которого он намерен задержать в своем доме до возвращения посыльного. Лорд Фолкленд не смог удержаться от смеха, но затем поспешил сообщить слуге звание и состояние королевского посланника и заверить, что письмо действительно написано собственной рукой короля — честь, коей Его Величество удостаивал немногих. На следующее утро, когда посыльный уже вернулся, его светлость начал обращаться с м-ром Ашбурнем совсем по-другому, с таким почтением, что последний, не зная о причине подобной перемены, вообразил, что теперь-то он уж точно привезет королю столько денег, сколько тот желает получить. Вскоре, однако, Ашбурнема вывели из заблуждения. Лорд Дейнкорт, сделав, как мог, веселое лицо (а наружность у него, надо сказать, была чрезвычайно странная и даже весьма неприятная), объявил, что хотя сам он денег не имеет, а напротив, сильно в них нуждается, однако готов сообщить, где Ашбурнем сможет их найти в достаточном количестве. Милях в четырех-пяти от него, объяснил Дейнкорт, живет сосед — граф Кингстон, который любит одного лишь себя и в жизни своей не сделал ничего доброго ни единому человеку на свете. Денег у него уйма, и он в силах дать королю столько, сколько потребуется Его Величеству. Буде же граф посмеет это отрицать, когда король пошлет к нему своих гонцов, то он, лорд Дейнкорт, отлично зная, где у него стоит сундук, доверху набитый деньгами, охотно об этом расскажет. Люди его терпеть не могут, друзей у графа нет, так что, как бы король с ним ни обошелся, никого это не беспокоит. Сей добрый совет оказался тем единственным, чего сумел добиться Ашбурнем от его светлости; и однако, жалкий этот человек был настолько далек от симпатий к Парламенту, что когда последний взял верх и подчинил себе все королевство, включая Ноттингемшир, лорд Дейнкорт не пожелал отдать ему ни единого пенни и вносить штраф за свое делинквентство, коим было признано его пребывание на территории, занятой войсками короля, но предпочел, чтобы его имение было секвестровано. Он жил в крайней нужде, единственно лишь тем, что удавалось ему вырвать у своих держателей, которых, хотя теперь им приходилось платить ренты Парламенту, ярость и угрозы лорда Дейнкорта вынуждали отдавать ему то, что и позволило ему дожить до самой смерти в том положении, которое он сам для себя избрал: голос совести заставил лорда Дейнкорта отказать во всем

самому себе, хотя прежде и не сумел склонить его к пожертвованиям в пользу короля. Оба посыльных возвратились к королю почти одновременно, так что первый еще не успел завершить свой рассказ, как уже явился другой.

В тот же день некто Сечверел, тамошний джентльмен, известный своим богатством, после настойчивых просьб ссудить королю 500 фунтов, послал ему в подарок 100 фунтов золотыми монетами, которые, по его словам, он собрал с превеликим трудом, и даже объявил, разразившись проклятиями, что в жизни своей никогда не имел 500 фунтов — а спустя месяц по оставлении королем Ноттингема парламентские солдаты, производившие займы иным манером, взяли у этого джентльмена 5000 фунтов, хранившихся у него в спальне. Отсюда видно, что бессмысленная прижимистость тех, кто в действительности желал королю всяческих успехов так же горячо, как того мог желать он сам, роковым образом приближала все его бедствия и неудачи. И если бы подобные особы с самого начала ссудили королю хотя бы пятую часть того, что, после неисчислимых убытков и потерь, им пришлось в конце концов отдать его недругам, дабы спасти себя от полного разорения, то Его Величество сумел бы, с Божьей помощью, сохранить в целости их достояние и сокрушить всех своих врагов.

Глава III

(1642)

Известие о важной победе под Вустером застало короля в Честере, куда Его Величество почел за нужное отправиться тотчас по своем прибытии в Шрузбери — с тем, чтобы прочно утвердиться в означенном городе (бывшем ключом к Ирландии) и поддержать лорда Стренджа (который несколько дней спустя, ввиду кончины своего отца, получил титул графа Дерби) в его борьбе с тамошними сторонниками Парламента. В Честере некто Крейн, гонец от принца Руперта, представил ему донесение о вустерском деле, вручил взятые в бою знамена и сообщил, что граф Эссекс уже в Вустере. Это заставило короля вернуться в Шрузбери раньше, чем он предполагал, почему граф Дерби и не успел укрепить свое положение в этих краях так, как это позволило бы ему сделать чуть более продолжительное пребывание в Честере Его Величества.

В ночь после своей победы принц Руперт, обнаружив, что главные силы армии мятежников находятся не далее, как в пяти-шести милях от Вустера, и понимая, что защищать против них город он не смог бы, даже если бы с ним была вся королевская пехота, перешел на правый берег Северна, после чего, никем не тревожимый, отступил на свои квартиры близ Шрузбери, приведя с собой всех взятых им пленных, исключая лишь полковника Сендиса, которого оставили в Вустере, где он и скончался от ран. Граф же Эссекс был настолько обескуражен недавним поражением, что целых два дня не трогался с места, и только уверившись, что не встретит сопротивления, вступил со своей армией в Вустер, где весьма сурово обошелся с тамошними сторонниками короля — самых видных из них арестовал и отослал в Лондон.

Когда король прибыл в Шрузбери, туда стеклось великое множество джентри из Шропшира и соседних графств, в большинстве своем людей благонадежных, изъявлявших пылкую готовность исполнить свой долг перед Его Величеством. Некоторые из них вызвались набирать для короля пехоту и кавалерию и делали это на собственный счет. Сам город имел чрезвычайно выгодное местоположение: он был хорошо укреплен, а река Северн и близость

Северного Уэльса давали отличную возможность для доставки всякого рода съестных припасов, так что и двор, и армия устроились там с большим удобством. И только с неизлечимой болезнью безденежья ни тот, ни другая справиться не могли. Впрочем, пока войска стояли на месте, симптомы ее нельзя было назвать слишком заметными, а тем более мучительными. Солдаты вели себя хорошо, и окрестные жители не чувствовали склонности и не имели причин жаловаться на своих новых гостей; остаток же привезенного из университетов серебра, вместе с небольшими денежными пожертвованиями королю от многих частных лиц, пока еще позволяли покрывать самые необходимые расходы. Нетрудно, однако, было догадаться, что как только армия выступит из Шрузбери — а король твердо решил с этим не мешкать — потребность в деньгах сильно увеличится; к тому же артиллерийский парк (на нужды которого, словно в бездонную пропасть, уходит обыкновенно уйма средств) перевозить было совершенно нечем, и лишь раздобыв крупную сумму денег, можно было надеяться, что артиллерия двинется в поход вместе со всей армией. В Честере, правда, находились повозки и упряжные лошади, предназначавшиеся для кампании в Ирландии, куда их должен был переправить лорд-наместник этого королевства, и теперь Его Величество приказал доставить их к себе в Шрузбери. Но это, весьма своевременное, приращение королевского обоза потребовало новых сумм на его обслуживание и таким образом лишь увеличило нужду в деньгах.

Наконец удалось изыскать два средства, позволившие в полной мере удовлетворить нужды армии. Некая особа католического исповедания подала королю мысль, что, вступив в негласные переговоры с католиками (коих в Шропшире и в соседних графствах было довольно много), он сможет получить от них значительные суммы; дело это, однако, следует вести в глубокой тайне, так чтобы оно ни в коем случае не вышло наружу, ведь Парламент выказывает к католикам крайнюю враждебность, королю же при подобных обстоятельствах также следовало действовать с величайшей осмотрительностью, дабы избежать скандального разоблачения тесных связей с папистами, в чем его беспрестанно обвиняют враги. После долгих совещаний о том, каким путем всего лучше осуществить подобный замысел, королю дали знать, что если он назначит своим представителем человека, пользующегося его полным доверием, то католики также вполне доверятся королевскому уполномоченному и изберут из своей среды одного или двух людей для переговоров

с ним, и таким образом делу будет дан ход. Тогда король призвал к себе такого человека, сообщил ему все вышеизложенное и поручил провести совещание с той особой, которую он завтра к нему пришлет. На следующее утро к королевскому представителю для переговоров по означенному предмету явился человек весьма высокого звания, пользовавшийся совершенным доверием католиков, и показал ему список всех богатых дворян своего исповедания, которые жили в графствах Шропшир и Стаффордшир и все до единого являлись открытыми рекузантами. Он разъяснил, что уполномочен принимать решения лишь от имени указанных лиц (их оказалось не так уж мало, и люди это были довольно состоятельные), но добавил, что если они придут к договоренности, то с ней познакомят католиков всей Англии, и те, по его мнению, ее одобрят. Однако на новый денежный заем, заявил он, католики никогда не согласятся, ибо в первую Шотландскую войну они уже помогли королю подобным образом, за что впоследствии жестоко поплатились. В конце концов было решено, что король отправит каждому из них письмо с просьбой внести за два или три года вперед штраф, который, сообразно стоимости своих имуществ, они были обязаны платить ему ежегодно как рекузанты по условиям прежних композиций — что должно было составить весьма значительную сумму. Такие письма были написаны, и в течение последующих десяти-двенадцати дней Его Величество получил от четырех до пяти тысяч фунтов, которые оказались для него в тогдашних обстоятельствах совсем не лишними.

Возвратясь в Шрузбери, король обнаружил, что приготовления к походу идут именно так, как он и рассчитывал. И тут ему представилась еще одна возможность пополнить свою казну (о чем уже заходила речь ранее). В нескольких милях от Шрузбери жил тогда сэр Ричард Ньюпорт, джентльмен из почтенного рода, превосходивший своим богатством всех прочих джентльменов графства. Он слыл человеком на редкость благоразумным, пользовался в тех краях огромным авторитетом, а его преданность королю, равно как и приверженность существующим порядкам в церкви и государстве, сомнений не вызывали. Старший сын его, Фрэнсис Ньюпорт, — молодой человек блестящих дарований, подававший великие надежды, — был членом Палаты общин, где вел себя самым достойным образом. И вот однажды он дал понять кому-то из своих друзей, что его отец, если его сделают бароном, пожалуй, согласился бы подарить Его Величеству крупную сумму. Об этом сообщили

королю, но он не пожелал принять подобное предложение: Его Величество много раз высказывался против торговли титулами, сетуя на большие затруднения, которые до сих пор испытывает корона по причине злоупотреблений такого рода, имевших место еще тогда, когда фаворитом был герцог Бекингам. Он даже заявил, что немногие вещи вызывают у него столь же решительное неприятие, как подобный способ добывать деньги. Но когда король вернулся из Честера и обнаружил, что благодаря численному росту своей армии и превосходному порядку во всем он сможет вскоре двинуться в поход, а отличное состояние войск позволит ему искать встречи с неприятелем, отнюдь не уклоняясь от битвы (если только крайний недостаток в деньгах не сделает неосуществимым само выступление из Шрузбери), то ум и иные достоинства Ньюпорта, равно как и обоснованные надежды на будущие заслуги его потомства — у сэра Ричарда было два сына, оба уже тогда много обещавшие, — побудили Его Величество вновь обратиться к сделанному ранее предложению. Дело было улажено в несколько дней. Сэр Ричард Ньюпорт стал бароном Ньюпортом и подарил Его Величеству 6000 фунтов, после чего все военные приготовления прошли весьма успешно.

По прибытии в Шрузбери король тотчас же отправил письма и верных людей в Уэльс, Чешир и Ланкашир, дабы ускорить проводившийся там набор солдат, ибо ему стало известно, что агенты противной стороны весьма энергично действуют в Чешире и Ланкашире, отчего многие из джентри в этих людных графствах приняли сторону Парламента, а защитники правого дела совсем пали духом. Сам же король, оставив двор и армию в Шрузбери, а с собой взяв лишь отряд гвардии, лично направился в Честер в надежде, что его присутствие произведет там такое же действие, какое имело оно во всех других местах, — рассеет страхи и опасения честных людей, остальных же заставит убраться прочь. Так и случилось: город Честер встретил короля живейшими знаками верноподданнических чувств, главные пособники Парламента поспешили скрыться, знать и джентри, как, впрочем, и простой народ, стекались к нему толпами; первые — в превосходном боевом снаряжении, последние — шумно изъявляя преданность и любовь. Однако в Нантвиче, графство Чешир, и в Манчестере, графство Ланкашир, обнаружилось нечто похожее на бунт и сопротивление — там возводились укрепления, звучали мятежные речи, и именно туда бежали крамольники из Честера. К Нантвичу послан был лорд Грандисон

с полком кавалерии и небольшим отрядом драгун; он искусно воспользовался смятением горожан, захваченных врасплох и не успевших решить, что им теперь делать, и нагнал на них такого страха, что те, дав один-единственный беспорядочный залп, быстро побросали оружие. Грандисон вошел в город, принял у раскаявшихся жителей присягу в их будущем повиновении королю и, приказав снести укрепления, а все оружие и боевые припасы отослать в Шрузбери, возвратился к Его Величеству. Что же до Манчестера, то лорд Стрендж пообещал быстро привести этот город к покорности собственными силами, не отвлекая на север войска Его Величества (исполнив это с меньшим успехом, чем Грандисон, ибо действовал он не столь решительно), а затем отправить к королю в Шрузбери отряд пехоты. А потому Его Величество, оставив за спиной край вполне благонадежный и заявлявший о своей верности, прошел через северные области Уэльса (где народ встречал его с искренней любовью и готовился с оружием в руках защищать его дело) и неделю спустя возвратился в Шрузбери. В каждом графстве, через которое проезжал король, он обыкновенно приказывал шерифу созвать всех джентльменов и самых влиятельных жителей тех мест и (помимо чрезвычайно любезных, дружеских и сердечных бесед, каковые имел он с наиболее видными джентльменами по отдельности) обращался к ним публично с речами (впоследствии печатавшимися). Король говорил им, что «преследовавшие его до сих пор несчастья и дерзкие оскорбления обернулись теперь великим благом, ибо привели его в столь чудесный край, к столь преданным людям; и он надеется, что ни им, ни ему не придется пожалеть о нынешней встрече. Со своей стороны, он сделает все, чтобы этого не случилось; на их же верность он твердо рассчитывал еще до того, как сюда прибыл. Соседство с солдатами, где бы те ни стояли, бывает обыкновенно не слишком приятным для обывателей, его же армия способна внушить на сей счет еще больше опасений, ведь — поскольку сам он безжалостно ограблен и лишен всего, по праву ему принадлежащего, а враги его всячески запугивают и устрашают народ, дабы тот не посмел чем-либо поддержать своего государя, — теперь, как можно подумать, он вынужден будет жить лишь на те средства, какие доставят ему помощь и содействие подданных. Он, однако, настоятельно просит их не поддаваться страху и молит Бога, чтобы от дерзостей и бесчинств выставленной против него армии (хотя она в изобилии обеспечена всем необходимым) бедные его подданные пострадали не больше, чем от его солдат.

К несчастью, он не вполне уверен, что сумеет предотвратить любые беспорядки, но приложит для того величайшие усилия и обещает сделать все, чтобы ни единый человек не претерпел ущерба по его вине. Он уже вызвал к себе служащих монетного двора, а сверх того, желая, сколь возможно, облегчить тяготы своего народа, намерен переплавить все свое серебро, продать или заложить все коронные земли. Тем не менее он призывает их сделать для него и для самих себя — ради защиты своей религии и законов страны (на которых основывается их право владеть всем, что у них есть) — то, что другие делают во вред религии и законам. Они не должны допустить, продолжал король, чтобы столь доброе дело потерпело неудачу из-за их нежелания обеспечить его тем, что в противном случае отнимут у них силой люди, преследующие их государя с таким ожесточением; и коль скоро злонамеренные особы не жалеют наличных денег и столового серебра, равно как и величайших усилий, чтобы погубить государство, то им следует выказать не меньшую щедрость ради его спасения. Пусть каждый из них твердо знает, что если Господу будет угодно даровать ему победу, то он, король, не забудет ни единого из тех, кто пришел ему на помощь. И какой бы яростью ни были охвачены человеческие сердца ныне, они еще будут с радостью и гордостью вспоминать о том, как, приняв на себя известные расходы и труды, они с честью исполнили свой долг — поддержали короля и спасли королевство».

Его Величество всегда со вниманием выслушивал любые просьбы и обращения, которые, по своему касательству к общественным или частным интересам, могли иметь значение для этих людей, и давал на них ясные ответы. Столь милостивым и любезным, подлинно царственным обхождением он с поистине невероятным успехом покорял сердца подданных, так что армия его ежедневно пополнялась добровольцами (ни единый не был взят на службу насильно), серебро же и деньги народ жертвовал в таких количествах, что жалованье солдатам теперь платили сполна и без задержек. В Шрузбери король устроил монетный двор (скорее для славы, чем для пользы, ведь по недостатку работников и инструментов там не чеканили и тысячи фунтов в неделю) и, велев отправить туда всю свою драгоценную посуду, внушил другим людям мысль, что их столового серебра уж тем более не стоит жалеть.

Вскоре после своего прибытия в Вустер граф Эссекс послал в Шрузбери одного джентльмена (Флитвуда — того самого, который впоследствии добился огромного влияния в армии, а в ту

пору — простого кавалериста в личной гвардии графа Эссекса) — без трубача или каких-либо иных формальностей и церемоний — а лишь с письмом к графу Дорсету, в коем сообщалось, что Парламент поручил ему представить Его Величеству петицию, ныне находящуюся в его, графа Эссекса, руках; а потому он просит его светлость узнать волю Его Величества и выяснить, когда королю благоугодно будет принять означенную петицию от тех особ, которых он с ней отправит. Когда в королевском совете обсудили, как следует отвечать на это письмо, граф Дорсет, по приказу Его Величества, письменно уведомил Эссекса, что король всегда изъявлял готовность и по-прежнему готов принять от обеих Палат своего Парламента любую петицию, и буде его светлость, имея таковую представить, отправит ее с людьми, не входящими в число лиц, поименно обвиненных в государственной измене и изъятых из обещанной Его Величеством амнистии, то король охотно примет этого человека и даст на петицию ответ, согласный с честью и справедливостью. Возбудила ли неудовольствие Парламента оговорка касательно посланников (ведь впоследствии утверждали, что вручить петицию было поручено лорду Мандевиллу и м-ру Гемпдену, которые, по мнению Палат, сумели бы внушить нужные мысли находившимся при Его Величестве особам, а так как упомянутые оговорка и изъятие разрушили надежду на такое общение, то посылать кого-то другого Парламент не пожелал) или по каким-то другим причинам, но ни об этой петиции, ни об иных обращениях такого рода король не слышал до тех пор, пока из вновь напечатанных постановлений и деклараций Парламента ему не стало известно, что он повинен в еще одном нарушении привилегий Палат, а именно в нежелании принимать их петицию, ее подают не так, как он сам предписал — между тем, заявляли Палаты, лишь они и никто другой вправе решать, каким образом и через каких лиц им следует представлять собственные петиции, король же обязан их принимать в любом случае. В общем, упомянутая петиция, изложенная нами выше в тех самых выражениях, в которых приняли ее обе Палаты, так и не была вручена Его Величеству.

Никто не сочтет чрезмерными наши хвалы Господу, чудесным промыслом коего король, чье положение после поднятия им штандарта в Ноттингеме казалось безнадежным и вызывало у врагов насмешки, сумел в конце концов собрать людей, деньги и оружие. А уже через двадцать дней по прибытии в Шрузбери он решил, невзирая на близость неприятеля, идти прямо на Лондон. Его

пехота к тому времени насчитывала около 6000 человек, кавалерия — 2000, артиллерия, которой начальствовал сэр Джон Хейдон, была в полном порядке. И хотя силы эти значительно уступали неприятельским в числе, однако прежде никто даже не надеялся собрать столько войск, и потому теперь все полагали их достаточными для сражения с мятежниками. К тому же иные были уверены (и, ввиду продолжавшихся сношений с офицерами из противного лагеря, как будто не без оснований), что едва лишь армии окажутся на близком расстоянии одна от другой, множество парламентских солдат перейдет под знамена короля. Надежды эти подкреплялись солдатами, которые каждый день перебегали к королю из вражеского войска и, в расчете на более радушный прием, наперебой рассказывали о готовности своих товарищей поступить так же.

Должно заметить, что благодаря стараниям и неустанным заботам офицеров — а может, добрым нравам и выдержке самих солдат — порядок и дисциплина в армии оставались столь безупречными, что, пока король стоял в Шрузбери, никаких сколько-нибудь серьезных беспорядков не произошло: народ питал к солдатам самые теплые чувства, а солдаты вели себя с народом справедливо и уважительно. Благодаря же добровольным займам и пожертвованиям джентльменов и состоятельных жителей тех краев, а в особенности — щедрой помощи находившейся с королем знати, армии платили столь исправно, что никаких бунтов или проявлений недовольства не было, как не существовало для того ни малейших причин, ибо солдаты получали жалованье регулярно, если же и случались задержки, то не более чем двухнедельные.

Труднее всего было обеспечить армию оружием, нехватка коего оставалась воистину ужасной. Надежды короля на большую партию оружия из Голландии были жестоко обмануты: его корабли под начальством графа Уорвика встретили одно или два шедших оттуда судна, с которых в Йоркшире выгрузили на берег, помимо некоторого количества пороха, всего 800 мушкетов, 500 пар пистолетов и 200 палашей. Других запасов на военных складах Его Величества не было, так что в Ноттингеме и во всех прочих городах, через которые он следовал, королю приходилось брать оружие у местной милиции. Делалось это с величайшей мягкостью и осмотрительностью — скорее с добровольного согласия самих ополченцев, нежели по принуждению, и всякий раз при полном одобрении их начальников (хотя все понимали, что оружие это, оставшись в руках ополчения графств, будет непременно обращено против самого короля

или, в лучшем случае, окажется для него навсегда потерянным). А потому в Йоркшире и Шропшире, где местные джентльмены изъявили (хотя и из самых благих побуждений) весьма неразумное желание, чтобы оружие было оставлено у их земляков, король себе ничего не взял. Однако знать и видные джентльмены всюду посылали Его Величеству столько оружия из собственных (впрочем, весьма скудных) запасов, что это, вместе с другими средствами, позволило обеспечить пехоту мушкетами, пиками и зарядными картузами (исключая трехсот-четырёхсот человек, шедших на войну с одними лишь дубинами); хотя во всей армии ни один пикинер не имел доспехов и лишь немногие мушкетеры имели палаши. Кавалерийские же офицеры были вполне довольны, если им удавалось раздобыть старые кирасы, каски, а также пистолеты для себя и хотя бы нескольких из подчиненных, и палаши для всех остальных. Сами же они (а по их примеру и некоторые солдаты) помимо пистолетов и палашей старались обзавестись короткой секирой.

Пехота была разделена на три бригады; первой командовал сэр Николас Байрон, второй — полковник Гарри Уэнтворт, третьей — полковник Ричард Филдинг, всей же пехотой командовал генерал-майор сэр Джейкоб Астли, подчинявшийся непосредственно главнокомандующему. Ибо хотя генерал Рутвен, прибывший к королю за несколько дней до оставления Его Величеством Шрузбери, был произведен в фельдмаршалы, находился он исключительно при кавалерии, помогая принцу Руперту. Сэра Артура Астона (пользовавшегося тогда репутацией превосходного военачальника) в чине генерал-полковника назначили командовать драгунами, которых, хотя они и составляли два или три полка, насчитывалось тогда в общей сложности около восьмисот, самое большее — тысяча человек. Большая часть людей знатных и именитых (кроме состоявших непосредственно при особе Его Величества) вступила в эскадрон королевской гвардии под командованием лорда Бернарда Стюарта, образовав столь блестящий отряд, что, по самой скромной оценке, доходы и имущества одного этого эскадрона по крайней мере не уступали совокупному состоянию тех, кто, под именем лордов и общин королевства подавая тогда голоса в обеих Палатах Парламента, развязал и продолжал эту войну. Из слуг гвардейцев был сформирован еще один полный эскадрон под начальством сэра Уильяма Киллигрю, всегда действовавший рядом с господами.

С этими силами Его Величество выступил 12 октября из Шрузбери к Бриджнорту и, надо сказать, никогда еще войска королей

не шли в поход до такой степени налегке: несколько повозок и ни единой палатки во всем обозе. Во всей армии короля был только один офицер-папист, сэр Артур Астон (если он и вправду являлся таковым), и совсем немного рядовых этого исповедания. Однако Парламент в каждой своей декларации (и еще громче — верное ему духовенство в своих проповедях) уверяли народ, что королевская армия состоит из одних лишь папистов — между тем как сами Палаты готовы были принимать в свое войско всех католиков без разбора (и очень многие люди этой веры шли туда служить как солдатами, так и офицерами — то ли всерьез полагая, что парламентская армия сражается за свободу совести для приверженцев всех исповеданий, как заявляли некоторые из их вождей; то ли с намерением разделить свои силы, чтобы затем получать нужные сведения из обоих лагерей и в каждом из них добиться известного влияния). Здесь будет нелишним упомянуть одну любопытную подробность. Когда комитет, назначенный Парламентом для набора войск в графстве Саффолк, известил Палату общин о том, что кое-кто из тамошних папистов изъявляет готовность ссудить его деньгами, и попросил сообщить, следует ли на это соглашаться, из Лондона ответили, что если предложенная сумма достаточно велика — из чего можно было бы заключить, что движет католиками искренняя симпатия к делу Парламента, а отнюдь не хитрый расчет заручиться покровительством последнего и таким образом избежать ответственности за свои проступки — то деньги взять нужно.

Когда король уже был готов к выступлению, возникли разногласия относительно того, какую дорогу ему лучше всего выбрать. Многие держались мнения, что Его Величеству следует идти на Вустер, где все еще стоял граф Эссекс; они полагали, что тамошние жители верны королю, а значит, его армия не будет испытывать недостатка в провианте и возрастет в числе. Эти люди также доказывали, что сражение необходимо дать как можно скорее, ибо чем позже оно состоится, тем сильнее окажется граф, каждый день получающий подкрепления из Лондона. Более разумным, однако, сочли поход прямо на Лондон, ведь в том, что граф Эссекс попытается преградить дорогу королевской армии, сомнений быть не могло. Большие надежды король возлагал на свою кавалерию, коей командовал его племянник принц Руперт и которая прямо-таки рвалась в бой, воодушевленная вустерской победой; но если бы король двинулся на Вустер, то оказался бы в краю, изобиловавшем изгородями, где от его конницы было бы меньше пользы;

тогда как другой путь вел через открытую равнинную местность, гораздо более удобную для сражения. Итак, около середины октября король выступил из Шрузбери; первую ночь похода он провел в Бриджнорте, куда собралась на смотр вся его армия, имевшая весьма бодрый вид. Затем, через Уоллихемптон и Бромиджгем [Бирмингем], он прибыл в Киллингворт [Кенилворт], собственное великолепное поместье, в котором отдыхал один день. Там же лорд-главный судья Хит открыл заседания особой комиссии, судившей графа Эссекса и других участвовавших в мятеже особ за государственную измену (для чего Хита и назначили на эту должность; впрочем, прежний лорд-главный судья Брамстон, человек обширной учености и безупречной честности, был смещен не по причине королевской немилости, но лишь потому, что обязан был явиться в Парламент, где находилось на рассмотрении его собственное дело).

В продолжение нескольких дней об армии графа Эссекса не поступало никаких достоверных сведений; одни утверждали, что она по-прежнему стоит в Вустере, другие же — что она выступила оттуда и теперь движется прямо на Лондон. Но тут из Лондона донесли, что многие из именитых особ, принявших высокие командные посты в армии Парламента, пошли ему служить с твердым намерением при первой же возможности перейти на сторону короля; и теперь Его Величество просили направить манифест самой парламентской армии, с обещанием амнистии для каждого, кто вернется к исполнению своего верноподданнического долга. Соответствующая прокламация была составлена, все подробности согласованы — посланный королем герольд должен был обнародовать ее перед армией графа, едва лишь та построится для битвы. Однако ни этот, ни многие другие задуманные и подготовленные планы в назначенное время так и не были осуществлены (либо о них попросту забыли), поскольку обстоятельства уже не допускали подобных формальностей и церемоний.

Когда вся армия собралась вместе, мгновенно обнаружились злостные несогласия и соперничество между высшими начальниками, вскоре превратившиеся в настоящую вражду между пехотой и кавалерией. Главнокомандующим всей армией был назначен граф Линдси, и никто не сомневался, что задача эта ему по плечу. Но когда принц Руперт прибыл к королю (а было это после поднятия королевского штандарта в Ноттингеме) и получил должность командующего кавалерией — как все понимали, специально

для него и придуманную — в его патент внесли особый пункт о том, что приказы он может получать лишь от самого короля и ни от кого больше. Это не только изъяло кавалерию из всякого подчинения главнокомандующему, но и повлекло за собой дурные последствия иного рода. Однажды ночью, когда король, будучи уже в постели, получил известие о передвижениях неприятеля и велел лорду Фолкленду, своему государственному секретарю, передать надлежащие распоряжения принцу Руперту, принц жестоко оскорбился и стал сердито выговаривать лорду Фолкленду за то, что он смеет отдавать ему какие-то приказы. Едва ли, однако, он мог бы излить свой гнев на человека, который был бы менее склонен предаваться гневу сам или обращать внимание на гнев других людей. Лорд Фолкленд спокойно ответил, что извещать о воле короля есть его прямая обязанность, каковую он должен всегда безукоризненно выполнять; и что принц, пренебрегая этой волей, выражает неуважение к королю (который оказал весьма скверную услугу принцу и отнюдь не помог собственному делу, когда не пожелал с самого начала обуздать племянника, грубостью своего нрава вызывавшего всеобщую неприязнь). Напротив, он был к принцу настолько снисходителен, что следовал его советам во всем, касавшемся до армии, и когда по рассмотрении плана похода и перспектив возможного сражения решено было дать неприятелю бой, король полностью согласился с суждениями принца Руперта и совершенно не принял в расчет мнение главнокомандующего, который предпочитал боевой порядок, усвоенный им в армии принцев Морица и Генриха Оранских, где он когда-то командовал полком — кстати говоря, в одно время с графом Эссексом. Из-за своей неловкости и по недостатку светского воспитания принц не умел завязать дружеских отношений с лордами, те, со своей стороны, также не чувствовали охоты обращаться к нему; между тем некоторые кавалерийские офицеры радовались подобной отчужденности и всячески ее поддерживали, полагая, что это лишь увеличит их собственный авторитет в глазах принца; и не желали, чтобы кто-то еще, кроме их командира, имел какое-либо влияние на короля. В общем, едва началась война, как в армии возникли раздоры и интриги — в чем люди мудрые усмотрели дурное предзнаменование, а проистекавшие отсюда неудобства уже в скором времени доставили королю множество затруднений и хлопот.

Через два дня после того, как король выступил из Шрузбери, граф Эссекс вышел ему наперехват из Вустера с армией гораздо

более многочисленной, чем королевская; причем и пехота, и кавалерия его были отлично вооружены, солдаты превосходно обучены, а всякого рода войсковое снаряжение (взятое с королевских складов) вполне соответствовало потребностям армии, выставленной на средства целого королевства. Графа Бедфорда поставили начальствовать над кавалерией, хотя в действительности ею командовал сэр Уильям Балфур. Из знатных особ при графе Эссексе находились лорды Кимболтон, Сент-Джон, Уортон и Робартс, а также лорды Рочфорд и Филдинг (чьи отцы, граф Дувр и граф Денби, служили волонтерами в конной гвардии короля), а с ними множество родовитых джентльменов. Однако обоз его оказался столь громоздким, что граф принужден был двигаться медленными переходами, так что обе армии — хотя вначале их разделяло каких-нибудь двадцать миль и шли они в одном направлении — за десять дней похода так ничем друг друга и не побеспокоили. Впоследствии выяснилось, что ни одна из них попросту не имела ни малейшего понятия о местонахождении другой.

Совершая быстрые марши и редко где останавливаясь более чем на сутки, король в субботу 22 октября прибыл в Эджкот, деревню в Нортгемптоншире, находившуюся в четырех милях от Бенбери, занятого гарнизоном мятежников. Там он немедленно созвал военный совет, а поскольку о близости графа Эссекса не знали, совет решил, что весь следующий день король и армия будут отдыхать на новых квартирах, и только сэр Николас Байрон выступит со своей бригадой и попытается взять Бенбери. На том совет был распущен, и все возвратились к своим частям, располагавшимся на большом удалении одна от другой, ведь приближения неприятеля никто не ждал. Однако в ту же ночь, около 12 часов, принц Руперт донес королю, что в семи-восьми милях от него замечены главные силы неприятельской армии, что ставка ее находится в Кайнтоне, на границе Уорвикшира, и что уже на следующий день Его Величество, если сочтет нужным, сможет дать противнику сражение. Обрадованный этим известием, король немедленно отменил атаку Бенбери и приказал, чтобы вся его армия сосредоточилась на вершине Эджхилла, довольно высокого холма в двух милях от Кайнтон (где располагался штаб графа), с которого ясно просматривалась вся долина.

На другое утро (в воскресенье 23 октября), когда мятежники, не подозревавшие о близости королевских войск, возобновили движение, они заметили на вершине названного холма крупный

кавалерийский отряд, из чего без труда заключили, что долго маршировать им уже не придется. Для них, вне всякого сомнения, это явилось величайшей неожиданностью, ведь боевой дух мятежников поддерживался единственно лишь уверенностью в том, что между их армией и силами короля по-прежнему существует громадное неравенство. Теперь же их постигло жестокое разочарование, ибо два сильнейших и отборнейших полка их пехоты, один полк кавалерии, а также вся амуниция отстали на целый суточный переход, так что хотя мятежники и сохраняли превосходство в численности, перевес этот оказался не столь значительным, как они надеялись. Нельзя, впрочем, отрицать, что граф, выказав отменное искусство, сделал все, чего можно было ожидать от мудрого полководца. Он выбрал позицию, которую нашел наиболее выгодной. Между Эджиллом и городом Кайнтон лежала обширная равнина; ближе к городу она несколько сужалась, а справа поле пересекали живые изгороди и заборы. Там, то есть в самом узком месте, граф расположил мушкетеров и не более двух полков кавалерии, а на левом фланге поставил кавалерийский отряд из 1000 человек под началом шотландца Рамси. Конным резервом, довольно многочисленным, начальствовал граф Бедфорд, командующий парламентской кавалерией, а при нем находился сэр Уильям Балфур. Сам же главнокомандующий остался при пехоте, построенной им чрезвычайно удачно. В таком положении армия мятежников находилась с восьми часов утра.

В противном же лагере, хотя принц Руперт с большей частью кавалерии появился на вершине холма еще рано утром, что и послужило для неприятеля предупреждением о неизбежности битвы, однако пехота короля стояла так далеко, что многим полкам пришлось идти к месту общего сбора еще семь-восемь миль, а потому лишь во втором часу пополудни войска Его Величества спустились с холма. Сам главнокомандующий шел в бой во главе собственного пехотного полка; его сын, лорд Уиллогби, был совсем рядом, с полком гвардии, где находился королевский штандарт, доверенный знаменосцу Его Величества сэру Эдмунду Верни. Правое крыло королевской конницы возглавлял принц Руперт, левое — м-р Уилмот, помощник командующего кавалерией; а при нем был сэр Артур Астон с большей частью драгун, так как левому крылу королевской армии противостояло неприятельское правое крыло, где расположились укрывшиеся за живыми изгородями мушкетеры. Резерв был отдан под начало сэра Джона Байрона

и состоял в сущности лишь из его собственного полка. Как только армия вышла на равнину, кавалеристы эскадрона личной охраны короля — то ли задетые какими-то неуместными шутками солдат, то ли движимые жаждой славы, то ли по обеим причинам — стали умолять короля позволить им в этот день оставить его особу, дабы атаковать неприятеля вместе с кавалерией, на что Его Величество дал согласие. Затем они потребовали, чтобы принц Руперт оказал им ту честь, которая им подобает, — что он и сделал, назначив им место в первых рядах. Такое решение (хотя они исполнили свой долг с изумительной храбростью) можно отнести к числу совершенных в тот день ошибок.

Битва началась лишь около трех часов пополудни. Для той поры года это было столь позднее время, что иные советовали отложить дело до следующего дня. Многие, однако, говорили против такого предложения: численность королевской армии вырасти не могла, неприятель же мог усилиться, ведь совсем рядом, в Уорвике, Ковентри и Бенбери, стояли его гарнизоны; к тому же весь этот край был до такой степени привержен к Парламенту, что войска последнего не испытывали ни малейших затруднений с доставкой провианта, тогда как к партии короля народ был настроен столь неприязненно, что уносил или прятал все свои съестные припасы, отчего люди и кони страдали от бескормицы; даже кузнецы разбегались кто куда, не желая, чтобы их заставили подковывать лошадей, в чем на тамошних каменистых дорогах надобность возникала беспрестанно. Причиной же тому были отнюдь не закоренелое злонравие или глубокая враждебность к делу короля или к его особе (хотя жители той округи, где состоялась битва — лежавшей между имениями лордов Сэя и Брука — и вправду, как никто другой в Англии, отличались в этом смысле крайней испорченностью умов), но глупые рассказы и клеветнические измышления противной партии, весьма усердно внушавшей народу, что кавалеры суть люди свирепые, кровожадные и распущенные, которые всюду, где они проходят, совершают в отношении обывателей всевозможные жестокости, из коих разбой и грабеж — еще самые невинные вещи; так что несчастный народ вообразил, будто спасти свои пожитки он сможет лишь подальше припрятав их от кавалеров. Местные жители сами в этом признавались, когда обнаруживали, что, поверив подобным домыслам, настроившим их столь враждебно против их истинных друзей, они лишь навредили самим себе. А потому всюду,

где армия останавливалась хотя бы на один день, народ прощался с ней уже гораздо сердечнее, нежели встречал ее, ибо невозможно отрицать, что каждый благородный и знатный человек исправно и аккуратно платил за все, им полученное, а ни один солдат, повинный в малейшей грубости или насилии, не избег примерного наказания. Так, в Бромигеме — выказавшем враждебность к Его Величеству более дерзким и открытым образом, чем какой-либо другой город в Англии, ибо жители его, в большинстве своем до крайности злонамеренные, нападали на небольшие королевские отряды, многих убивали, а пленных отсылали в Ковентри — двоих солдат казнили лишь за то, что они взяли какую-то безделку в доме, хозяин которого находился в то время в войске мятежников: столь строгой была дисциплина в армии короля, тогда как неприятель безудержно предавался всем мыслимым бесчинствам. Но армия шла вперед так стремительно, что добрая слава, оставленная ею в одном месте, просто не успевала ее опередить и обеспечить ей лучший прием на следующих квартирах, так что она по-прежнему терпела во всем великую нужду, и к тому моменту, когда войска подошли к Эджхиллу, солдаты во многих ротах не видели хлеба уже двое суток. Единственным спасением в подобных обстоятельствах была победа, и потому король, невзирая на позднее время, отдал приказ об атаке. Неприятель же, не обнаруживая намерения наступать, стоял на прежних позициях, готовясь отразить удар.

В последовавшей затем суматохе не удалось выполнить того, что король предполагал сделать еще до начала битвы. Ранее он велел напечатать во многих экземплярах прокламацию с обещанием помилования для всех парламентских солдат, которые изъявят готовность положить оружие, и, о чем уже шла речь выше, решил послать ее через герольда графу Эссексу, рассчитывая вдобавок, что как только армия последнего окажется на достаточно близком расстоянии, найдется способ распространить в ее рядах этот манифест. Теперь, однако, все были настолько поглощены иными заботами, что об этом плане вспомнили слишком поздно; когда же вспомнили, под рукой не оказалось самих прокламаций. Между тем, судя по последующим событиям, королевский манифест мог бы произвести желанное действие, ведь когда правое крыло королевской кавалерии двинулось в атаку на левый фланг парламентской армии (где стояла большая часть конницы противника), сэр Фейсфул Фортескью (который, владея имуществом

и пользуясь влиянием в Ирландии, прибыл из этого королевства, дабы ускорить отправку туда подкреплений и даже набрал для службы в Ирландии эскадрон — теперь, однако, подобно многим другим частям, предназначенным для ирландской экспедиции, включенный в состав армии графа Эссекса, в которой сам сэр Фейсфул оказался майором у сэра Уильяма Уоллера) вместе со всем своим эскадроном отделился от главных сил неприятельской кавалерии на расстояние выстрела из карабина и, после того, как его люди разрядили пистолеты в землю, отдал себя и свой эскадрон в распоряжение принца Руперта и вместе с его высочеством тотчас же атаковал неприятеля. Ошеломило ли противника это неожиданное происшествие (что вполне возможно), смутило ли неведение того, сколько еще солдат готовы поступить подобным образом — ведь теперь каждый из них смотрел на своего товарища с таким же опасением, как и на врага — был ли это страх перед принцем Рупертом и конницей короля, или, может, все это разом, вместе с голосом их собственной нечистой совести, так подействовало на неприятелей, я не знаю — но весь их левый фланг, бестолково разрядив в воздух пистолеты и карабины, сделал поворот кругом; а наша кавалерия, ударив на врага с фланга и с тыла, разбила его наголову, обратила в беспорядочное бегство и, преследуя его более двух миль, нанесла ему огромный урон.

Левый фланг, предводимый м-ром Уилмотом, также имел блестящий успех, хотя атаковать ему пришлось на менее удобной местности, посреди живых изгородей, через рвы и траншеи, занятые мушкетерами. Однако сэр Артур Астон со своими драгунами, действуя чрезвычайно храбро и умело, выбил с позиций этих мушкетеров, после чего правое крыло парламентской кавалерии было разгромлено и рассеяно так же легко, как и левое, и подверглось столь же яростному преследованию. Кавалеристы же резерва, не видя более перед собой неприятельской конницы, сочли, что дело сделано и теперь остается лишь преследовать разбитого врага; не слушая своих командиров, они отпустили поводья, пришпорили лошадей и, по примеру левого крыла, во весь опор устремились в погоню. Таким образом, хотя едва ли не все уже полагали победу несомненной, королю угрожала теперь та самая судьба, какая постигла его предшественника Гарри Третьего, сражавшегося при Льюисе против своих баронов, когда его сын, наследный принц, разгромив неприятельскую кавалерию, настолько увлекся преследованием, что прежде чем он вернулся

на поле битвы, его отца уже захватили в плен, так что успех принца лишь сделал еще более ужасной общую катастрофу. Ибо когда вся конница короля оставила место сражения — многие кавалеристы просто рубили бегущих врагов, другие же имели виды на богатую добычу в городе Кайнтоне, где располагался весь обоз графа Эссекса вместе с его собственной каретой (впоследствии захваченной) — неприятельский резерв, которым командовал сэр Уильям Балфур, в образцовом порядке маневрировавший по полю, двинулся в сторону королевской пехоты, изображая поначалу дружеские намерения, а затем, убедившись, что кавалерийская атака ему не угрожает, внезапно обрушился на нее и произвел в ее рядах страшное опустошение. Главнокомандующий граф Линдси, сражавшийся в пешем строю во главе собственного полка, получил рану в бедро, упал и был тотчас же окружен врагами; его преданный сын, лорд Уиллогби, пытавшийся выручить отца, был взят в плен вместе с ним. Королевский штандарт был захвачен неприятелем (при этом погиб знаменосец сэр Эдмунд Верни), но затем отбит и спасен капитаном Джоном Смитом из кавалерийского полка лорда Грандисона. И если бы вражеская кавалерия решилась действовать энергично, то она могла бы с легкостью уничтожить или захватить в плен самого короля и его сыновей, принца Уэльского и герцога Йорка, которые (под прикрытием менее чем сотни всадников и притом без офицеров) оказались от нее на расстоянии половины мушкетного выстрела, прежде чем король понял, что перед ним — неприятель.

Возвратившись с погони, принц Руперт обнаружил, что на поле битвы все переменялось и что с королем находится лишь несколько вельмож и небольшая свита. Надежды на блестящую победу совершенно исчезли, ибо хотя большинство кавалерийских офицеров уже вернулось и эту часть поля сражения вновь занимали расстроенные королевские эскадроны, их невозможно было убедить или заставить еще раз атаковать неприятеля — ни его конный резерв, который один оставался на поле битвы, ни его пехотные части, которые лишь удерживали свои позиции. Офицеры заявляли, что их солдаты рассеяны повсюду в таком беспорядке, что не найдется эскадрона, чей командир имел бы под своим началом хотя бы десять человек; солдаты твердили, что их лошади до крайности утомлены и не способны на новую атаку. Истина же заключалась в том, что в тех полках и эскадронах, где удалось собрать достаточное число солдат, отсутствовали офицеры; там же, где офицеры были на

месте, не хватало солдат; между тем офицеры не желали идти в бой без своих подчиненных, а солдаты — без своих командиров. Дело теперь приняло по видимости столь скверный оборот, что многие советовали королю покинуть поле боя, хотя не так уж просто было определить, куда же ему в таком случае следует направиться. И если бы король так поступил, то он подарил бы полную победу тем, кто даже в этот момент все еще считали себя побежденными. Король, однако, решительно отверг это мнение, ясно понимая, что подобно тому, как собрать армию удалось лишь благодаря его личному присутствию и участию, так и удержать ее от распада иным способом будет невозможно; бросить же тех, кто оставил все, чтобы служить ему, он полагал делом постыдным и недостойным монарха. К тому же король заметил, что противная сторона, судя по ее действиям, вовсе не считает себя победителем, ведь неприятельский конный резерв, доставивший ему ранее столько хлопот, после возвращения его кавалерии отступил и теперь стоит без движения между пехотными частями, которые, в свою очередь, насколько мог понять король, лишь удерживают собственные позиции — между тем две бригады королевской армии держались столь же твердо, отвечая на каждый залп вражеской пехоты. А потому король употреблял всевозможные старания, чтобы заставить своих кавалеристов вновь идти в атаку, без труда заключив из нескольких уже предпринятых вялых попыток, сколь громадное действие произвел бы на неприятеля решительный натиск. Когда же король понял, что новой атаки не будет, ему пришлось удовлетвориться тем, что войска его хотя бы не оставляют занятых позиций. Если бы какая-либо из сторон знала о положении другой, они, вне всякого сомнения, не разошлись бы так мирно, и весьма вероятно, что та из них, которая отважилась бы на смелый удар, достигла бы цели и одолела врага. Многим это внушило мысль (хотя кавалеристы громко похвалялись тем, что сделали свое дело блестяще), что успех в начале сражения — который, если бы его умело использовали, решил бы исход всей битвы — следует объяснять не мужеством самих кавалеристов (которое, впрочем, после столь славной победы не могло их быстро покинуть), но скорее малодушием неприятеля, а также внезапным и неожиданным переходом сэра Фейсфула Фортескью со всем своим эскадроном на сторону короля, что, разумеется, не могло не повергнуть в смятение тех, кто остался в рядах парламентской конницы. Сам же этот эскадрон ожидала печальная участь, вовсе им не заслуженная: его солдаты немедленно помчались в атаку,

забыв сорвать с себя желтые шарфы (которые носили они как цвета графа Эссекса), и многие из них — не менее семнадцати или восемнадцати человек — тут же пали от рук тех, к кому только что присоединились.

Пока обе стороны пребывали в подобной нерешительности, их развела наступившая темнота, всегдашний союзник измотанных и павших духом армий; после чего король приказал оттянуть назад артиллерию, находившуюся ближе всего к неприятелю. Он и все его войско провели ночь в поле у костров, какие удалось там развести (кустов и деревьев росло поблизости совсем немного). Что он станет делать на следующее утро, король так и не решил. Многие доносили, что неприятель ушел, но, когда рассвело, обнаружилось прямо противоположное, ибо все увидели, что вражеские войска занимают прежние позиции там же, где они вели бой накануне: благоразумный граф Эссекс не позволил им за всю ночь сдвинуться с места, с полным основанием полагая, что, если они отойдут на самую малость, солдаты станут разбегаться во множестве и его армия сильно уменьшится в числе. А потому он распорядился, чтобы всякого рода съестные припасы — коими окрестные жители снабжали его в изобилии — везли прямо туда, и сам расположился на отдых рядом со своими солдатами. В ту же ночь вдобавок силы его значительно возросли, так как удалось собрать пехоту и кавалерию, бежавшую с поля боя, а сверх того прибыли полковники Гемпден и Грантам с двумя тысячами пехотинцев (причислявшихся к лучшим в парламентской армии) и пятьсот кавалеристов; охраняя амуницию и часть артиллерии, они двигались на расстоянии одного суточного перехода позади главных сил и даже не подозревали, что началось серьезное дело, требующее их присутствия. Впрочем, вся польза, которую принесло Эссексу это своевременное подкрепление, свелась к тому, что участвовавшие в бою солдаты, несколько воспрянув духом, не оставили поле сражения, от чего в противном случае, как думали многие, их едва ли удалось бы удержать. После холодной ночи, проведенной в открытом поле, где солдаты не могли подкрепить свои силы ни едой, ни питьем (ибо край этот был настроен столь враждебно, что крестьяне не только отказывались доставлять съестные припасы, но даже перебили многих солдат, отставших от своих частей и искавших в деревнях спасения от холода и голода), король обнаружил, что армия его заметно поредела. И хотя из бесед с офицерами он вправе был заключить, что в самом сражении полегло не так уж много людей, однако каждого третьего

пехотинца не было на месте, отсутствовали многие кавалеристы; те же, кто оставался в строю, были настолько изнурены службой, ослаблены недоеданием и до того продрогли от жестокого холода (мороз стоял ужасный, а ни деревьев, ни живых изгородей, чтобы хоть как-то от него спастись, не было), что хотя они имели причины думать, что любая атака или хотя бы движение в сторону неприятеля окажет на него сильнейшее воздействие (ведь когда малочисленный отряд королевской кавалерии увел утром четыре пушки из-под самого носа у неприятеля, тот даже не двинулся с места), однако нежелание большинства офицеров и солдат вновь идти в бой было столь явным, что король не считал возможным предпринимать подобные попытки. Он удовлетворился тем, что в его армии поддерживается порядок, а кавалерийские части остаются в непосредственной близости от неприятеля на том самом месте, где они вели бой.

Ближе к полудню король решил испытать средство, которое предполагалось пустить в ход еще накануне, и отправил к неприятелю своего герольдмейстера сэра Уильяма Ленева, герольда Кларенсо с прокламацией о помиловании для тех, кто согласится сложить оружие. Большой пользы от своей прокламации он уже не ожидал, однако рассчитывал получить таким образом сведения о состоянии парламентских войск и выяснить, кто попал к ним в плен, так как сам он недосчитался после боя многих командиров и знатных особ. Он также приказал герольдмейстеру потребовать встречи с графом Линдси, который, о чем знали доподлинно, находился в руках неприятеля. Прежде чем сэр Уильям прибыл в расположение армии, его встретили на аванпостах, а затем под строгим надзором — чтобы он не мог ничего сказать или сообщить солдатам — препроводили к графу Эссексу. Когда же он, желая довести смысл прокламаций до сведения присутствующих, начал читать их вслух, граф сердито и не слишком учтиво прервал его и грозно объявил, что, если ему дорога собственная жизнь, он не должен брать на себя смелость вступать в какие-либо разговоры с солдатами; после чего, задав несколько вопросов, тотчас отослал его назад без всякого ответа, но под усиленной охраной. На обратном пути сэр Уильям был настолько поглощен мыслями об угрожавшей ему недавно опасности, что о расположении неприятельских сил и об их численности выведал немного. Кажется, он лишь успел заметить или угадать на лицах графа Эссекса и находившихся с ним старших офицеров величайшую тревогу и смятение, а у солдат — крайнее

уныние, так что все они имели вид людей, которые хотят одного — спасти то, что у них осталось, а о большем даже не мечтают. Сэр Уильям привез также известие о смерти попавшего в плен графа Линдси: его вынесли с поля боя и бросили в каком-то амбаре в соседней деревне, где через несколько часов из-за отсутствия врача и необходимого ухода он скончался единственно от потери крови, ведь рана его сама по себе вовсе не была смертельной или сколько-нибудь серьезной. Вину за случившееся иные отнесли на счет жестокости графа Эссекса, который по надменности своего нрава и из злобной мстительности (когда-то между ним и Линдси произошла ссора) будто бы умышленно не позаботился о необходимой помощи раненому или даже прямо запретил ее оказывать. Я, однако, считаю, что справедливее было бы объяснять это паникой и беспорядком, царившими тогда в рядах наших неприятелей, которые, будучи совершенно не уверены в собственных товарищах, просто не имели времени думать о пленных врагах — ибо никто не станет отрицать, что в тот самый момент, когда взяли в плен графа Линдси, граф Эссекс полагал себя в еще большей опасности; неблаговоспитанность же и неучтивость к числу его недостатков отнюдь не относились. Потеря главнокомандующего глубоко опечалила армию и всех, кто его знал, ибо это был благороднейший человек, отличавшийся необыкновенным мужеством и превосходными душевными качествами. С тех пор, как в армию прибыл принц Руперт, высокая должность не доставляла графу особой радости, ибо его высочество слишком часто пренебрегал его приказами; но Линдси относился с таким почтением к сыну сестры своего короля и столь ревностно служил делу Его Величества, что о собственных обидах упоминал, вероятно, лишь в кругу друзей. Видя, что решение дать бой принято без совета с ним, и не одобряя намеченный план действий, он объявил, что коль скоро его уже не считают достойным должности главнокомандующего, то он умрет как полковник во главе своего полка — и сдержал слово. В пехоте погибло много опытных офицеров, и среди них — сэр Эдмунд Верни, который был в тот день королевским знаменосцем, — почтенный джентльмен, старый и преданный слуга короля; а поскольку лишь немногие остались верны Его Величеству, то потеря такого человека была невозполнимой.

Количество убитых, по свидетельству тамошнего священника и его прихожан, которые позаботились о погребении павших (пересчитать их по-другому не было возможности), превысило

пять тысяч, из которых, как тогда думали, две трети приходилось на парламентское войско и не более трети — на армию короля. В самом деле, потери обеих сторон были столь велики, и каждая из них выказывала после боя так мало радости, что едва ли какой-либо из армий можно было приписать победу. Король, однако, удержал за собой поле битвы, что позволило подобрать и спасти многих раненых высокого звания; а впоследствии он продолжал осуществлять тот самый план действий, который составил до сражения, и добился своей цели (о чем вскоре пойдет речь) — эти обстоятельства следует признать более весомыми доказательствами победы, нежели успехи противной стороны — пленение неприятельского главнокомандующего и захват королевского штандарта (к тому же быстро отбитого). Главнейшими потерями для короля стали главнокомандующий граф Линдси, лорд Стюарт, лорд Обиньи (сын герцога Леннокса и брат тогдашнего герцога Ричмонда), знаменосец сэр Эдмунд Верни и еще несколько лиц, менее известных, но доблестных и достойных.

Граф Линдси происходил из знатного рода и унаследовал большое состояние, но не слишком заботился о том, чтобы его приумножить. Юность и зрелые годы он провел на военной службе за границей. Несмотря на вольный образ жизни, Линдси сохранил хорошую репутацию в стране и значительное влияние у себя в Линкольншире, почему и сумел с началом войны набрать для собственного полка несколько рот; командовавшие ими рыцари и джентльмены приняли сторону короля главным образом из личного расположения к графу. Требовательный и строгий в делах службы, Линдси был жестоко уязвлен тем, что король ограничил его полномочия в пользу принца Руперта и пренебрегал его советами. Он не скрывал своей обиды и накануне Эджиллского дела признался одному из друзей, что не считает себя главнокомандующим, а потому твердо решил встретить смерть как обычный командир полка, сражаясь во главе своих солдат. Его вынесли раненым с поля боя, а ближе к полуночи граф Эссекс отправил сэра Уильяма Балфура и еще нескольких офицеров осведомиться о его состоянии и предложить помощь. Граф, лежавший в какой-то убогой хижине на соломе, весь в крови (врач еще не явился), увидев их, живо выразил свое сожаление о том, что так много джентльменов, и даже его старые друзья, участвуют в столь гнусном мятеже; с особой горечью он упрекал сэра Уильяма Балфура, отплатившего черной неблагодарностью за милости, некогда оказанные ему королем. Он велел передать графу Эссексу, чтобы тот повергся к стопам Его Величества и просил о помиловании, иначе его память навеки

останется ненавистной народу. Не выдержав столь суровых обличений, офицеры один за другим покинули его. Выслушав их рассказ, Эссекс воздержался от визита к раненому, а усилия присланных им врачей оказались напрасными, и еще до рассвета граф Линдси скончался, ибо потерял слишком много крови.

Лорд Обиньи, человек мягкого нрава и блестящей храбрости, подававший большие надежды, был убит в первой кавалерийской атаке, а поскольку неприятель почти не сопротивлялся, подозрение пало на его собственного лейтенанта-голландца, который будто бы оскорбился тем, что накануне лорд Обиньи поставил ему на вид какую-то служебную неисправность. Его младшие братья, лорд Джон и лорд Бернард Стюарты, участвовали в Эджхиллском деле и впоследствии погибли на этой войне.

Несколько строк об Эдмунде Верни

В парламентской армии самыми знатными из павших оказались лорд Сент-Джон из Блетсо и Чарльз Эссекс. Последний был пажом при графе Эссексе, а затем его стараниями получил командный пост в голландской армии, где заслужил отличную репутацию; когда же граф стал главнокомандующим парламентских войск, Чарльз Эссекс заключил, что долг благодарности велит ему связать свою судьбу с судьбой покровителя, и, подобно многим джентльменам, из одной лишь привязанности к особе графа выступил против короля, хотя не питал никаких злобных чувств и мятежных замыслов по отношению к короне. Считаясь самым опытным офицером в армии, он командовал пехотным полком и был сражен выстрелом из мушкета в самом начале битвы. Лорд Сент-Джон, старший сын графа Болингброка, снискал всеобщую любовь своей любезностью, и, несмотря на весьма посредственные умственные способности и беспутный образ жизни, сумел добиться того, что виднейшие джентльмены Бедфордшира и Гертфордшира поручились за сделанные им долги (до 60 тысяч фунтов). Когда же разговоры о долгах стали для Сент-Джона невыносимы, он (за несколько лет до мятежа) бежал во Францию, предоставив расплачиваться своим поручителям, отчего многие семьи разорились. Однако в начале заседаний настоящего Парламента короля убедили призвать Сент-Джона, еще при жизни его отца, в Палату пэров, ибо лишь его личное присутствие позволит-де изыскать способ уплатить оставшийся долг и освободить многих достойных людей от тягостных обязательств; а к тому же сам король приобретет в Верхней палате преданного слугу, не лишнего в столь смутные времена. Но королевская милость имела самые злосчастные последствия, ибо Сент-Джон с величайшей дерзостью противился мерам Его Величества и поддерживал все предложения оппозиции. Когда же вспыхнула война, он принял

эскадрон в парламентской армии, был ранен во время бегства, попал в плен и умер на следующее утро. Единственным знаком его раскаяния стали уверения в том, что он никогда не замыслил ничего дурного против короля и теперь желает ему всякого блага. Было замечено, что люди самые распущенные, совершенно бессовестные, презиравшие добродетель и лишённые религиозных чувств, поддерживали в большинстве своем Парламент, тогда как многие видные особы, как светские, так и духовные, прежде обвинявшиеся в пуританизме, враждебные двору и противившиеся ему при всяком случае, теперь, однако, были настолько возмущены мятежом, что отреклись от старых друзей и решительно приняли сторону короля.

В плен к неприятелю попали лорд Уиллогби, полковники сэр Томас Лансфорд и сэр Эдмунд Стредлинг, сэр Уильям Вавассор, командовавший полком королевской гвардии, а также несколько младших офицеров. Ранения получили сэр Джейкоб Астли, сэр Николас Байрон, полковник Чарльз Джерард и еще несколько джентльменов, служивших в пехоте.

У мятежников кроме лорда Сент-Джона был убит Чарльз Эссекс, испортивший свою репутацию не только своим участием в мятеже, но еще и тем, что не сдержал клятвы — никогда не воевать против короля — данной им королеве Богемской, по ходатайству которой принц Оранский и отпустил его с голландской службы в Англию. Отец Чарльза Эссекса сэр Уильям Эссекс, служивший капитаном в полку сына, попал в плен. >

Целый день армии простояли неподвижно в виду друг друга; когда же было замечено, что неприятель оттянул назад свой обоз, король приказал своей армии отойти на прежние квартиры, полагая (и, как оказалось, вполне справедливо), что там обнаружатся многие из тех, кого теперь не было в строю. Сам же он с двумя сыновьями отправился в Эджкот (где провел ночь перед битвой), решив не предпринимать на следующий день никаких действий, но дать отдых своим утомленным, чтобы не сказать измученным солдатам, и собрать сведения о состоянии и передвижениях неприятеля, наблюдение за коим вели несколько эскадронов кавалерии. Граф Эссекс отступил со своим войском в Уорвик-касл, куда еще раньше отправил всех пленных; так что во вторник утром королю донесли, что неприятель ушел, что его, короля, разъезды следовали за ним по пятам почти до самого Уорвика и что в деревне близ поля сражения неприятель оставил много повозок и великое множество раненых, из чего можно было заключить, что отходил он в спешке и не без страха.

Дойдя чуть ли не до Уорвика и убедившись, что дорога свободна от врага, кавалеристы возвратились на поле недавней битвы, чтобы осмотреть трупы (многие искали своих пропавших без вести друзей), и нашли там немало раненых, лежавших раздетыми среди мертвых тел. Таким образом молодой м-р Скруп спас своего отца, сэра Гервазия Скрупа, старого и весьма состоятельного линкольнширского джентльмена, который набрал среди своих держателей роту пехоты и присоединился с ней к полку графа Линдси (столько же из уважения к его светлости, сколько из преданности королю), и примерно тогда же, когда был взят в плен главнокомандующий, пал с шестнадцатью ранениями в голову и в туловище. Случилось это около трех часов пополудни в воскресенье. Следующую холодную ночь, весь понедельник, еще одну ночь и большую часть вторника лежал он, раздетый, в поле между трупами, пока поздним вечером его не обнаружил сын. Молодой м-р Скруп, глубоко почитавший родителя, бережно перенес его в теплое помещение, а затем, когда армия двинулась в поход, доставил в Оксфорд, где наступило чудесное выздоровление. Врачи полагали, что спасением своим этот джентльмен был обязан жестокости раздевших его мародеров и ночному холоду, который остановил кровь лучше, чем это могло бы сделать все их искусство вкупе с любыми лечебными средствами; и что если бы его вынесли с поля боя вскоре после того, как получил он свои раны, то сэр Гервазий, вне всякого сомнения, умер бы.

В среду утром король устроил общий сбор своей армии, численность коей превзошла его ожидания, ибо в ночь после битвы многие солдаты, гонимые холодом и голодом, вернулись на свои прежние квартиры. После этого смотра, когда непродолжительный отдых возвратил всем бодрость и уверенность в себе, стали даже думать, что в самом сражении погибло не более трехсот человек. Тогда же король назначил главнокомандующим своей армией вместо графа Линдси генерала Рутвена, а затем двинулся к Эйнхоу, деревушке в двух милях от Бенбери, овладеть коим Его Величество решил на следующий день, а пока провел разведку в его окрестностях. В Бенбери-касле находились в тот момент пехотный полк из 800 человек и кавалерийский эскадрон, которых, если бы только боевой дух этих частей соответствовал их численности, оказалось бы достаточно, чтобы защитить столь сильную крепость даже от армии, подготовленной к ее штурму гораздо лучше, чем тогдашнее войско короля, и в более подходящее для осады время

года. А потому многие полагали, что королю следует пройти мимо Бенбери, не обращая внимания на эту крепость, и что попытка ее захватить может обернуться немалым ущербом для него самого. Король, однако, предпочел остановиться близ Бенбери, к чему побудили его не только отвага и бодрость солдат, вновь рвавшихся в бой, но и то обстоятельство, что сам он еще не мог решить, куда ему теперь двигаться, и, не имея до сих пор точных сведений о действиях графа Эссекса, не знал, в каком направлении вести свою армию; а если бы неприятель решился его атаковать, то более выгодной позиции для боя королю трудно было бы найти. А потому, захватив вначале усадьбу лорда Сэя в Броутоне (где стоял эскадрон кавалерии и имелся недурной запас оружия и где ему было оказано некоторое сопротивление), а затем отправив в замок трубача с ультиматумом, он установил напротив замка орудия и развернул свою армию для штурма. Но едва лишь раздался первый выстрел, как гарнизон изъявил готовность вступить в переговоры и, получив дозволение убраться восвояси без оружия, весьма учтиво и любезно сдал крепость. Добрая половина рядовых из капитулировавшего гарнизона тотчас встала под знамена короля, а взятое у остальных оружие пришлось как нельзя более кстати, ведь в каждом полку Его Величества было немало солдат, которые либо вовсе не имели прежде оружия, либо потеряли его в сражении.

Последний успех ясно показал, кто был истинным победителем при Эджилле. Ибо хотя разгром парламентской кавалерии, более значительные потери неприятеля убитыми и пленными, число взятых у него знамен (около сорока) против трех или четырех, потерянных армией короля, и наконец, захват четырех пушек на другое утро после битвы доказывали, что победа была скорее на стороне Его Величества — однако, гибель главнокомандующего, немалое число убитых и плененных знатных особ, известных всему королевству (тогда как у неприятеля, если не считать лорда Сент-Джона и полковника Чарльза Эссекса, прочие были людьми настолько малоизвестными, что одна сторона, по-видимому, немного приобрела от того, что они погибли или оказались у нее в плену, а другая немного потеряла, их лишившись), наконец, удержание за собой поля битвы служили достаточным свидетельством того, что парламентская армия по крайней мере не потерпела поражения. Но теперь взятие Бенбери (особенно замечательное тем, что назначенная для этого дела еще до сражения часть армии была отозвана на поле главной битвы, а после нее и отступления неприятеля

вновь двинулась на Бенбери и взяла его) послужило неопровержимым доказательством того, что войска графа Эссекса находятся в большем расстройстве и беспорядке, нежели это представлялось вначале, и теперь все пришли к мнению, что в Эджхиллском деле верх одержала армия короля. В Бенбери оставили гарнизон, начальство над коим было поручено графу Нортгемптону, после чего король направился в собственное поместье Вудсток. На другой день он прибыл со всей своей армией в Оксфорд, единственный в Англии большой город, который можно было назвать вполне преданным Его Величеству. Члены университета (чьи старания и обеспечили безупречную верность горожан) встретили его с такой бурной радостью, какую, надо полагать, выказали бы музы при виде Аполлона.

Между тем граф Эссекс все еще стоял в Уорвике, пытаясь привести в порядок свои разбитые полки и эскадроны, которые день ото дня уменьшались в числе и падали духом, ведь убитых у него оказалось больше, чем сообщалось в первых донесениях, так как множество людей погибло во время преследования, а многие умерли от ран уже после того, как их вынесли с поля боя. Из тех, кто обратился в бегство в самом начале дела, большинство так и не вернулось в строй, и, что еще хуже, те, кто бежал быстрее других и успел убежать дальше, рассказывали столь душераздирающие истории о совершенном разгроме армии, а иные показывали при этом столь страшные раны, что охваченный ужасом народ едва ли не всюду готов был взбунтоваться против Парламента. Многие из тех, кто вел себя в бою достойно и не отступил перед неприятелем, теперь, движимые то ли угрызениями совести, то ли отвращением к тому, что они делали или видели, а может, просто устав от тягот и тревог военной жизни, покидали свои части (среди них были и офицеры). Наверняка немало было и таких, кто поступил на службу в парламентскую армию в твердом убеждении, что она добьется мира без единого выстрела; иные же мечтали послужить королю, намереваясь при первой удобной возможности перейти на его сторону, да еще и увлечь за собой товарищей. А поскольку и тем и другим, вопреки их расчетам, пришлось сражаться, то последние, не сумев перебежать к королю во время битвы, теперь, едва добравшись до Уорвика, спешили оставить службу — кто, получив увольнение, а кто и без всяких формальностей. Несомненно, однако, что всего сильнее беспокоили его превосходительство настроение и образ мыслей его новых господ, которые, он знал, ожидали от него ни больше,

ни меньше как полной победы, иначе говоря, твердо верили, что он приведет к ним самого короля, живого или мертвого; и теперь могли решить, что исход битвы вовсе не оправдал их расчетов — хотя в сущности никто другой на месте графа не сумел бы сделать для Парламента большего. Тем не менее Эссекс направил Палатам весьма пышную и громкую реляцию и представил дело так, будто он задержался в Уорвике единственно ради того, чтобы получить от них новые приказы и распоряжения, а вовсе не из-за своей неспособности или бессилия исполнить прежние; и будто отсюда он следит на передвижениями короля так же успешно, как если бы тот находился от него на расстоянии семи миль.

Несомненно, в Лондоне и в обеих Палатах не на шутку перепугались, узнав, что король выступил из Шрузбери с настоящей армией и с намерением дать бой их войску, как только его встретит. Тем не менее Парламент с прежней дерзостью тщился поддержать в простом народе нелепое мнение, будто король не имеет над своей армией никакой власти, будто его возят за собой кавалеры, а сам он мечтает от них сбежать — удобную возможность к чему, как надеялись Палаты, должен предоставить Его Величеству граф Эссекс. Первые известия о завязавшемся сражении принесли им те, кто, обратившись в бегство при первой же атаке неприятеля, удирали с поля грозной битвы с воистину изумительной быстротой и сочли себя в безопасности лишь тогда, когда оказались от него достаточно далеко, чтобы не бояться погони. Мы точно знаем, что хотя бой начался после двух часов пополудни, многие солдаты и некоторые командиры (особы не из последних в Англии фамилий) еще до наступления темноты были уже в Сент-Олбансе, то есть в 30 милях от места сражения. Эти люди (подобно всем беглецам, пытающимся оправдать свое малодушие) твердили, что все погибло, ибо королевская армия являет собой столь грозную силу, что противостоять ей просто невозможно. Некоторые из них, чтобы их не сочли оставившими строй без всяких причин или еще тогда, когда оставалась надежда на победу, теперь пространно живописали ход битвы, излагая всевозможные подробности последовательного разгрома отдельных частей парламентской армии, рожденные во время бегства в их помраченном страхом воображении. Иные видели, как погиб граф Эссекс и даже слышали его предсмертные слова: «Всякое сопротивление бесполезно, пусть каждый теперь спасается, как может!». В общем, весь Сити наполнился в понедельник слухами о жестоком поражении, и хотя сам граф Эссекс прислал реляцию

в противоположном смысле, горожане настолько пали духом, что уже не могли ей верить; к тому же каждый час приносил известия, опровергавшие донесения главнокомандующего. В понедельник же пополудни граф Голланд представил Палате пэров письмо, написанное предшествующей ночью графом Эссексом, в котором был дан подробный отчет о сражении, упоминалось о сильнейшем ударе, коему подверглась его кавалерия в начале боя, но утверждалось, что исход битвы был удачен. В то самое время, когда зачитывалось это послание, и каждый с жадностью внимал добрым вестям, в Палату влетел потерявший голову от страха лорд Гастингс (он командовал при Эджхилле конницей) и категорически заявил пэрам, что они напрасно льстят себя какими-то надеждами, ибо все пропало. И хотя нетрудно было сообразить, что он бежал в самом начале сражения и просто сбился с дороги по пути в Лондон, большинство пэров сочли его последним, а значит, наиболее осведомленным вестником, и даже упрямо отказывались слушать сообщения более утешительные. Для многих из них, вне всякого сомнения, позорная паника и мучительный страх двух последних дней стали жестокой и справедливой расплатой за дерзкое высокомерие и блестящие надежды трех предшествующих месяцев. Наконец в среду утром из армии прибыли лорд Уортон и м-р Уильям Строд (один из них был членом Палаты лордов, а другой — Палаты общин) и представили столь обстоятельную реляцию о сражении — где речь шла о великом множестве убитых со стороны неприятеля при совершенно незначительных потерях их войска, о слабости и отчаянном положении королевской армии и о решимости графа Эссекса ее преследовать — что Парламент, не желая теперь довольствоваться тем, что избег поражения, официально объявил о победе и, дабы возблагодарить за нее Господа, назначил день для торжественного молебна. А чтобы столь великой радостью могли возрадоваться и за стенами Парламента, Палаты поручили двум этим правдивым вестникам сообщить обо всем в подробностях гражданам Сити, каковых созвали в Гилдхолле слушать их донесение. К этому моменту, однако, в Лондон прибыло так много участников битвы, притом с обеих сторон (ведь свободное сообщение между разными частями Англии еще не было прервано), а из рассказов некоторых лиц явствовало, как мало видели в тот день сами гонцы, что Сити, похоже, встретил их повествование с гораздо меньшим восторгом, чем Парламент. Захват королем Бенбери, последующий марш на Оксфорд, поступавшие отовсюду известия о его силе вместе с затянувшимся

стоянием графа Эссекса в Уорвике давали обильную пищу для разговоров. Разговоры эти стали еще громче, когда нескольких человек, утверждавших, что при Эджхилле победил король, взяли под стражу — чего, заключил народ, никогда бы не случилось, если бы исход сражения был противоположным. А потому ни о чем теперь в Англии не рассуждали больше и не мечтали сильнее, чем о мире.

◁ Мира желали и те члены Палат (а их по-прежнему было немало), кто сочувствовал Его Величеству и никогда не одобрял крайних мер, и те нерешительные и недалекие люди (а они составляли большинство в Парламенте), кто наконец сообразил, что король, вопреки их ожиданиям, способен вести войну. И лишь особы, уже тогда замышлявшие полную перемену системы правления, яростно противились всем предложениям о мире и настойчиво требовали отправить послание к «шотландским братьям» с просьбой о помощи. Но такой шаг сделал бы для каждого очевидным, что Парламент не верит в собственные силы и что отнюдь не весь народ его поддерживает. А потому вожди этой партии прибегли к хитрости. Они сделали вид, будто искренне желают переговоров и лишь опасаются, что король, воодушевленный своими недавними успехами, выдвинет чересчур суровые условия. При таких обстоятельствах обращение за помощью к шотландцам и перспектива вступления шотландской армии в Англию сделали бы короля более сговорчивым.

Поддавшись на их уловку, Парламент решил не прекращать военных приготовлений — единственно ради того, уверяли эти люди, чтобы принудить Его Величество к миру. Палаты назначили комитет для составления адреса к королю, но в тот же самый день приказали находившимся в Лондоне солдатам и офицерам вернуться в свои части. После чего была принята декларация обеих Палат. В ней лорды и общины с благодарностью упомянули о прежних заслугах своих шотландских братьев в установлении мира между обеими нациями, о поддержке шотландцами настоящего Парламента и об их похвальном желании более тесного союза в делах религии. Теперь же, продолжали Палаты, когда по проискам коварных врагов свободы и религии в Англии вспыхнули жестокие раздоры, союз между двумя нациями обязывает шотландцев употребить силу, чтобы, действуя заодно с англичанами, обуздать тех, кто с оружием в руках выступил против Парламента.

Палаты сочли за нужное уведомить своих шотландских братьев, что король поручил открытым папистам набрать в северных графствах армию, каковая, соединившись с иноземными войсками, имеющими быть высаженными в Англии, должна уничтожить настоящий Парламент, а с ним — религию и свободу в королевстве. Еще одну армию,

выставленную против Парламента, король возглавил лично и повел на Лондон, позволив своим солдатам совершать всевозможные бесчинства. Главная же цель врагов Парламента, — уверяли шотландцев в своей декларации Палаты, — воспрепятствовать преобразованию церковного устройства, каковой реформы страстно ныне желают все истинные приверженцы протестантской религии.

Затем Палаты изъявили желание, чтобы их шотландские братья собрали войска, необходимые для защиты границ шотландского королевства и для помощи английскому Парламенту в борьбе с армией папистов и чужеземцев. Парламент, утверждалось в декларации, никогда не требовал от короля чего-либо, умаляющего его власть и честь, а напротив, отправлял одну за другой покорнейшие петиции Его Величеству, чтобы положить конец этой противоестественной войне — однако теперь, с прискорбием видя, что Его Величество оказался во власти папистов и малигнантов, он потерял надежду на успех петиций и просит своих шотландских братьев о скорейшей помощи.

Здесь будет уместно кратко обозреть положение дел в самой Шотландии. Во время своего последнего посещения этого королевства Его Величество удовлетворил все желания шотландцев, касавшиеся управления государством и назначений на высшие должности, и теперь шотландцы могли наслаждаться миром и покоем. Они избавились от забот о своей армии, которая под командованием их старого военачальника Лесли, ставшего графом Ливеном, должна была участвовать в экспедиции против ирландских мятежников; расходы по ее содержанию брали на себя английский король и Парламент. Лесли обещал никогда более не поднимать оружие против короля и твердил о своей готовности исполнить, не задумываясь, любой его приказ; граф Лоуден и прочие особы, сбившие недавно с пути свой народ, получили все, чего только могли желать, и королю казалось, что с этой стороны у него нет причин чего-либо опасаться.

Его Величество регулярно сообщал шотландскому Тайному совету о своих разногласиях с английским Парламентом, пересылал тексты своих деклараций и подробные описания происходивших в Англии событий — члены же совета заверяли его в своей преданности и осуждали действия Парламента. Столь же лояльно вел себя канцлер Шотландии, находившийся при особе Его Величества; от имени и по поручению Тайного совета он велел шотландским комиссарам в Лондоне сделать представление Палатам и выразить недовольство их обращением с королем.

Маркиз Гамильтон, также находившийся при короле, возбуждал всеобщее недоброжелательство, и потому король отпустил его

в Шотландию, маркиз же пообещал сделать все возможное, чтобы удержать своих соотечественников от каких-либо действий в пользу Парламента.

При особе Его Величества находились многие другие знатные шотландцы, и среди них граф Календер, генерал-лейтенант шотландской армии во время ее вторжения в Англию. Теперь граф раскаивался в прежних своих заблуждениях; полагали даже, что ему было предложено начальство над английской армией, но он отказался от этого поста по той причине, что это лишило бы его возможности оказать королю еще более важные услуги в Шотландии, куда он и отправился вскоре после поднятия королевского штандарта, пылко заверив короля в своей готовности защищать его дело.

Парламент, однако, нисколько не сомневался в том, что шотландцы всецело его поддерживают. В Лондоне находились шотландские комиссары, к тому же Палаты имели тесные сношения с маркизом Аргайлом, графом Лоуденом и другими вождями мятежа, которые, ясно сознавая собственную вину, не могли поверить, что король искренне их простил, и потому опасались, что при первой возможности он привлечет их к суду за содеянное.

В августе Генеральная ассамблея шотландской церкви выразила в особой декларации свою скорбь по поводу того, что, в нарушение прежних обещаний короля и Парламента и вопреки желаниям и молитвам благочестивых людей в обоих королевствах, дело религиозной реформы подвигается чрезвычайно медленно и ему чинятся серьезные препятствия.

Здесь стоит вспомнить, что еще в ходе мирных переговоров шотландские комиссары высказали желание установить в Англии и Шотландии единство религии и единообразие церковного управления. Многие тогда возмутились, усмотрев в этом предложении вмешательство в сферу, подчиненную английским законам, и требовали резкой отповеди. Однако ловким вождям оппозиции удалось добиться более мягкого ответа на эту претензию.

В нем было сказано, что Его Величество, по совету обеих Палат Парламента, одобряет желание своих шотландских подданных ввести в Англии и Шотландии единообразное церковное устройство; что английский Парламент уже приступил к реформе церковного управления и в надлежащее время завершит ее во славу Божию ради мира в церкви и в обоих королевствах.

Теперь же, ссылаясь на этот ответ, Генеральная ассамблея шотландской церкви требовала в своей декларации соответствующих мер от

английского Парламента, ибо единство религии, общий символ веры, одинаковые богослужение и катехизис остаются невозможными, пока в Англии и Шотландии не установлена одна и та же система церковного управления, иначе говоря, пока не вырвано с корнем прелатство — главная причина нынешних бедствий и смут, растение, посадил которое отнюдь не Господь, и от которого не приходится ждать ничего иного, кроме самых горьких плодов.

Лорды шотландского Тайного совета одобрили декларацию духовенства и настойчиво просили английский Парламент благосклонно выслушать представленные в ней пожелания и предложения.

Те, кто с самого начала замышлял переворот и смуту в церкви, теперь пытались внушить Палатам, что шотландцам следует дать обнадеживающий ответ, ибо привлечь на свою сторону их сердца (а если потребуется, то и руки) можно, лишь удовлетворив их желания в делах религии.

Хитростью и обманом им удалось добиться своего, и в обращенной к шотландцам декларации Палаты объявили иерархическое церковное устройство злом, выразили твердую решимость с ним покончить и сообщили о своем намерении установить, по совету благочестивых и ученых богословов, такую систему церковного управления, которая в наибольшей степени соответствовала бы слову Божьему.

Впрочем, очень многим (и самому королю) тогда казалось, что, выставляя неременным условием помощи Парламенту реформу церковного строя, на которую в Англии едва ли согласятся, шотландцы преследовали единственную цель — уклониться таким образом от участия в войне против короля. >

Глава IV

(1642—1643)

Король чувствовал себя превосходно в Оксфорде, где между тем принимались меры, чтобы поставить на ноги раненых и больных, а также разместить по квартирам армию, за короткий срок заметно пополнившуюся. Несколько колледжей поднесли в дар Его Величеству все деньги из своей казны, что составило изрядную сумму и явилось подспорьем столь же своевременным, как и присланное ими ранее серебро. Если бы король осуществил свое решение остаться на зиму в Оксфорде, не пускаясь в какие-либо новые предприятия, то это имело бы самые благие последствия, ведь его престиж стоял теперь высоко; королевскую армию, благодаря одержанной ею победе, считали гораздо более грозной, чем она была на самом деле; Парламент все явственнее раскалывался на враждующие клики и начинал сожалеть о прежних своих действиях; граждане Сити все громче высказывали свое недовольство, и вновь их обмануть было бы уже не так легко. Всюду требовали одного — направить королю мирные предложения, и эти благоприятные настроения, полагали многие, можно было с успехом поддержать, отказавшись от дальнейшего наступления на Лондон и продемонстрировав тем самым его жителям, сколь неосновательны их страхи и опасения. Однако, когда погода вновь улучшилась (как это часто бывает накануне дня поминовения всех усопших), из Абингдона, где располагалось командование кавалерии, был отправлен крупный конный отряд, который, продвинувшись дальше, чем ему было приказано, подошел к Ридингу, где комендантом был Генри Мартин. Охваченные страхом, комендант и гарнизон тут же умчались в Лондон, без боя отдав город кавалеристам короля; а те поспешили донести Его Величеству, что перед ними все в панике бегут, что граф Эссекс по-прежнему стоит в Уорвике, ибо армия его не готова к походу; что в Парламенте царят страшные раздоры, и с приближением Его Величества обе Палаты непременно разбегутся; и что нет силы, способной помешать возвращению короля в Уайтхолл. Сам же Ридинг, указывалось в донесении, столь сильно укреплен и столь удачно расположен, что если король все же найдет нужным устроить свою главную квартиру в Оксфорде, то оставленный в Ридинге гарнизон будет для нее надежной защитой.

Эти и некоторые другие соображения — вместе с присущей людям склонностью легко принимать на веру все, что им хотелось бы считать правдой, — побудили короля выступить с армией к Ридингу. Тревожное известие быстро достигло Лондона, где его встретили с величайшим ужасом. Теперь Палаты отказывались верить тому, что сообщали прежде из их собственной армии. Неприятельские войска — как их уверяли, наголову разбитые и совершенно расстроенные — находились теперь не далее как в тридцати милях от Лондона; а граф Эссекс — который приписывал себе победу и, как они думали, бдительно наблюдал за королем, чтобы не дать тому ускользнуть от Парламента, — все еще стоял в Уорвике, и о нем ничего не было слышно. Пока король был далеко, в Ноттингеме и Шрузбери, Палаты издавали грозные и надменные распоряжения, приближавшие войну; когда же война подошла к ним совсем близко, их радостное рвение поутихло.

Еще не решив, что им теперь следует объявить, Палаты отправили посланника, который, найдя короля в Ридинге, попросил единственно лишь об «охранной грамоте от Его Величества для особого комитета лордов и общин, который мог бы явиться к Его Величеству с покорной петицией от его Парламента». На это король тотчас же ответил, «что всегда был и остается готов принять от них любую петицию, что он с радостью встретит их комитет — при условии, что в нем не окажется лиц, поименно объявленных Его Величеством изменниками и как таковые изъятых из обещанной в его декларациях и прокламациях амнистии». Причиной такого исключения стало как прежнее правило, установленное Его Величеством еще в Шрузбери (и от которого теперь, после битвы, он не почел за нужное отступать), так и желание не допустить до участия в переговорах лорда Сэя — человека, от которого король не мог ожидать честности и прямоты в действиях.

На следующее утро лорд Фолкленд, один из главных государственных секретарей Его Величества, получил письмо от спикера Палаты пэров с просьбой об «охранной грамоте для графов Нортумберленда и Пемброка, а также четырех членов Палаты общин, дабы те могли явиться к Его Величеству с петицией», каковая грамота была немедленно подписана Его Величеством с единственным изъятием, касавшимся сэра Джона Эвелина, уже исключенного из прокламации Его Величества о помиловании для Уилтшира. Эту самую прокламацию отправили Палатам с разъяснением: «если вместо сэра Джона они пришлют другого человека, не подлежащего

упомянутому изъятию из амнистии, то он будет принят, как если бы его имя стояло в охранной грамоте». Хотя ничего другого Палаты и не могли ожидать, это предоставило им возможность отложить на время мысли о петициях, как если бы Его Величество в своем ответе отверг любые предложения о мире, «ибо, — утверждали они, — король может всякий день объявлять изменниками каких угодно членов и по своему произволу исключать их из амнистии, а посему готовить петиции и назначать посланников для их вручения совершенно бессмысленно, коль скоро самые посланники, за час до передачи ими петиции королю, могут быть объявлены изменниками; подчиниться же подобному ограничению значило бы по существу признать и одобрить вопиющее и прежде неслыханное нарушение парламентских привилегий».

А потому на несколько дней всякие разговоры о мире умолкли, и начались деятельные приготовления к обороне и сопротивлению, в пользу чего у Палат появился теперь еще один, притом гораздо более убедительный довод: их главнокомандующий граф Эссекс выступил наконец в поход и шел к Лондону, а впереди его летела молва о необыкновенной доблести грозной его армии, по правде сказать, не вполне соответствовавшая иным известиям. Тем не менее это помогло ободрить и воодушевить тех, кто склонялся к миру единственно из боязни, и внушить страх всем прочим. Король, каждую ночь получавший известия о том, что происходило в Палатах в течение дня (о действиях тесного комитета, направлявшего все их тайные замыслы, он узнавал не так скоро), решил их поторопить, для чего двинулся со всей своей армией к Колнбруку. Это, вместе со все более громкими и настойчивыми требованиями народа, и в самом деле возбудило в них стремление к миру и несколько поубавило дерзости в их словах, ибо 11 ноября в Колнбруке Его Величество встретили графы Нортумберленд и Пемброк, а также те три члена Палаты общин, чьи имена значились в охранной грамоте; самолюбие же свое Палаты удовлетворили тем соображением, что изъятие из числа посланников сэра Джона Эвелина без замены его каким-либо другим лицом не означало с их стороны подчинения требованию, выставленному в королевской оговорке. Королю была вручена следующая петиция:

«Мы, верные подданные Вашего Величества, лорды и общины, собравшиеся в Парламенте, глубоко взволнованы бедствиями королевства, встревожены опасностями, грозящими Вашему Величеству при настоящем положении дел, и полны горестных мыслей о страшном

кровапролитии в недавней битве, а также о тех несчастьях и потерях для Вашего Величества, которые непременно воспоследуют, если обе армии вновь сойдутся в бою, избежать коего можно будет лишь по особой милости Божьей и при добром согласии между Вашим Величеством и Парламентом. Мы убеждены, что сердце Вашего Величества, ставшего свидетелем гибели стольких Ваших подданных, также исполнено сочувствия и сострадания, и что Ваше Величество опасается умаления Вашего могущества и ослабления всех Ваших королевств, чем могут воспользоваться враги нашего государства. >

По всем этим причинам мы уповаем, что Ваше Величество милостиво примет настоящую покорную петицию, дабы поскорее положить конец бедствиям и предотвратить разорение королевства. А посему мы покорно просим назначить удобное место неподалеку от Лондона, где Вашему Величеству благоугодно будет находиться до тех пор, пока комитеты обеих Палат не явятся к Вашему Величеству с предложениями, цель коих — положить конец этим кровавым смутам и раздорам и установить в королевстве порядок, который наилучшим образом споспешествовал бы защите истинной Божьей религии, а также чести, безопасности и благоденствию Вашего Величества, и обеспечил бы мир, покой и счастье всему Вашему народу».

Спустя несколько часов по получении петиции король вручил тем же посланникам следующий ответ, с которым они вернулись той же ночью в Лондон:

«Призываем Бога в свидетели, сколь глубоко мы потрясены бедствиями королевства, которые мы всеми силами пытались отвратить, ибо всякому известно, что не мы первыми подняли оружие, но изъявляли всегдашнюю готовность разрешить все споры мирными средствами. Желая предотвратить гибель наших подданных, которая сделала бы для нас горькой величайшую победу, мы охотно выслушаем все предложения, споспешествующие прекращению нынешних кровавых раздоров и счастью наших подданных, и готовы принять подобные предложения в нашем замке Виндзор (если оттуда будут выведены войска) или в любом ином месте. Исполните Ваш долг, и мы не замедлим исполнить наш. Да благословит нас своею милостью Господь». >

Многие тогда полагали, что если бы король, по возвращении посланников в Лондон, сразу же отошел со своей армией к Ридингу и там стал ожидать ответа от Парламента, то последний немедленно вывел бы свой гарнизон из Виндзора и передал этот замок Его Величеству, дабы король разместился в нем на время переговоров.

Лорды же, доставившие петицию, и некоторые другие, считавшие, что влияние графа Эссекса и высших армейских офицеров затмевает их ничуть не меньше, чем это могли бы сделать слава какого-нибудь фаворита или могущество какого-нибудь министра — решили несомненно снискать расположение короля, всячески содействуя заключению почетного мира, и рассчитывали добиться сдачи ему Виндзора. В том, однако, что, пока мир был лишь смутной надеждой, они сумели бы убедить Парламент оставить столь сильную крепость, расположенную в столь важном пункте, я очень сомневаюсь. Зато я знаю наверное, что королевская армия наводила на врагов великий ужас, и всякого рода официальные сообщения о мнимой ее слабости теперь уже никто не принимал всерьез. Ведь события каждый день опровергали громкие заявления властей (а было очевидно, что Палаты весьма ловко и усердно внушают народу именно то, что всего сильнее действует на чувства и страсти людей грубых и недалеких), да и невозможно было поверить, что жалкая горстка сторонников короля смогла бы дать бой грозной армии Парламента, выбить неприятельские гарнизоны из нескольких городов и, наконец, осмелиться подойти к Лондону на расстояние пятнадцати миль. Если бы король сам отвел оттуда свои войска к Ридингу, прожившись в остальном на переговоры, то его, вероятно, стали бы еще больше уважать за силу и, следовательно, еще громче восхвалять за милосердие и доброту. И король, несомненно, так бы и сделал или по крайней мере остановился бы в Колнбруке (что, впрочем, было бы менее удобно), ожидая новых предложений от Парламента. Однако принц Руперт, окрыленный рассказами о том, какой ужас внушает его имя неприятелю, и чересчур доверившись тем сообщениям, которые щедро посылали всем подряд его друзья в Лондоне — движимые собственными страстями и сообразуясь с чувствами своих корреспондентов, эти люди поспешно заключили, что у короля в столице столько приверженцев, что если его армия подойдет к городу, никто не окажет ей сопротивления — на следующее же утро после возвращения парламентских комиссаров в Лондон, не имея на то приказа от короля, выступил с кавалерией и драгунами к Ханслоу, а затем отправил к королю гонца с настоятельной просьбой двинуть вслед за ним всю армию. Теперь, впрочем, это стало абсолютной необходимостью, ибо одна часть армии графа Эссекса располагалась в Брентфорде, а две другие — в Актоне и Кингстоне, так что, если бы король не поспешил принцу на выручку с главными

силами, неприятель мог бы с легкостью окружить авангард, и пробиться к своим тому было бы чрезвычайно трудно.

Итак, король выступил со всей своей армией к Brentford, где два лучших полка парламентской пехоты — репутацию эту они заслужили, блестяще показав себя в Эджхиллском деле — возвели на идущих к городу узких дорогах баррикады, а в самых удобных для обороны местах насыпали небольшие брустверы. Валлийский полк короля, дрогнувший при Эджхилле, восстановил здесь свою честь: он смело атаковал укрепления, и хотя неприятель держался стойко, овладел баррикадами. После жаркого боя, в котором были убиты старшие офицеры и многие солдаты противника, королевские войска ворвались в город, захватив там свыше пятисот пленных, одиннадцать знамен, пятнадцать пушек и изрядный запас амуниции. Однако эта победа (а приняв в расчет, где происходило сражение, мы вправе употребить это слово) обернулась для Его Величества весьма скверными последствиями.

Палаты были настолько удовлетворены ответом, привезенным их комиссарами от Его Величества, а также рассказами последних о том, как милостиво и любезно принял их король, что отдали своим войскам распоряжение прекратить всякие действия против королевской армии и отрядили посланника, чтобы уведомить об этом Его Величество и попросить его со своей стороны также воздержаться от любых враждебных актов. Гонец застал обе армии сражающимися в Brentford и возвратился, так и не увидев короля, — который даже не догадывался о намерении Палат приостановить военные действия, ведь армия Парламента заняла Brentford, Актон и Кингстон уже после того, как его комиссары отправились в Колнбрук. Тем не менее Парламент счел взятие Brentford внезапным и вероломным ударом, коварной попыткой завлечь его войска в ловушку под благовидным предлогом мирных переговоров и устроить им кровавую бойню. Тревожное известие встретили в Лондоне ужасными воплями, словно неприятельская армия уже входила в город; короля громко обвиняли в двоедушии, предательстве и кровожадности, утверждая, будто Сити со всем имуществом и достоянием его граждан он решил отдать на поток и разграбление своей армии, каковая-де и наступала на столицу с этой единственной целью.

Те же, кто не верил подобной клевете, все же не хотели впускать короля в Сити с армией, которую, как они понимали, в столь богатых кварталах невозможно будет удержать в рамках строгой

дисциплины. А потому армию графа Эссекса с невероятной быстротой сосредоточили в одном месте, мало того — всю лондонскую милицию, превосходнейшим образом снаряженную, также вывели в поле близ Брентфорда. Действительно, Палаты развернули там армию полного состава, с пехотой и кавалерией, армию, способную оспаривать победу у равного по силе противника. При виде и созерцании столь грозного воинства — которое никогда бы не удалось собрать в одном месте, если бы не внезапно возникшие чрезвычайные обстоятельства, так что армия эта была по сути выставлена «королем и Парламентом» — члены последнего исполнились несказанной гордостью и самодовольством, ведь оно, это воинство, не только служило им надежной защитой от нынешней угрозы, но и представлялось силой достаточно мощной, чтобы отворотить любые опасности, могущие возникнуть в будущем. Когда же солдаты Парламента ясно увидели перед собой жалкую горстку бойцов короля, они пришли в изумление и устыдились прежних своих страхов — для чего, подозреваю, и не требовалось какой-то необыкновенной доблести, ведь, не говоря уже о преимуществе в вооружении (которое всегда прибавляет солдатам бодрости и отваги), они по меньшей мере впятеро превосходили своим числом измученные, продрогшие и вконец оголодавшие войска Его Величества.

Многие сведущие люди (а некоторые из них находились тогда в полках Сити) уверяли меня, что если бы король решился наступать и атаковал эту громадную массу солдат, то она бы тотчас же обратилась в бегство; и что в каждом полку у короля было столько приверженцев, что никто бы и не подумал оказывать ему сопротивление. Но такая попытка была бы безумием, оправдать которое не смог бы никакой последующий успех; и король быстро сообразил, что он уже поставил себя в чрезвычайно стесненное и затруднительное положение, из которого нелегко будет выйти, а двум своим врагам, Парламенту и Сити, позволил увидеть свою победоносную армию с чересчур близкого расстояния. Тем не менее он простоял весь день в боевом порядке, готовый встретить удар врага, а тот лишь постреливал из пушек, отчего королевская армия лишилась четырех или пяти лошадей (потерь в людях не было вовсе). Состояние неприятельских войск — где весьма многие отнюдь не сочувствовали делу Парламента — служило веским доводом против всяких попыток наступления; по той же причине и король повел бы себя неразумно, если бы решился на атаку.

Когда наступил вечер и стало ясно, что вся эта огромная рать расположилась здесь лишь затем, чтобы прикрыть Сити, король приказал своей армии отойти к Кингстону (без боя оставленному мятежниками), что она и сделала, не потеряв при этом ни единого человека. Сам же король направился в свой дворец в Гемптон-Корте, где провел весь следующий день, желая дать отдых своим солдатам, равно измученным долгим постом и бдением, и дожидаться новых предложений от Палат. Дело в том, что еще раньше, подойдя к Брентфорду, он направил своего слугу м-ра Уайта с посланием к Парламенту, в коем изъяснял причины этого маневра (ведь о формальном перемирии Парламент тогда речи не заводил) и выражал желание, чтобы последний со всей поспешностью отправил ему свои предложения. Однако королевский гонец был доставлен к графу Эссексу, который обошелся с ним весьма грубо; Палаты же посадили его в Гейтхаус (иные даже требовали казнить посыльного как шпиона).

Проведя один день в Гемптон-Корте, король уехал в свое поместье в Оутлендсе, оставив большую часть армии в Кингстоне и его окрестностях. Однако затем, получив известие, что Парламент громко обвиняет его в вероломстве, каковым якобы явился его марш на Брентфорд; что граждане Сити бурно негодуют, полагая, будто он намеревался внезапно на них напасть и разграбить город; что они охвачены неописуемым страхом и тревогой, а потому, пока королевская армия стоит в такой близости от Лондона, забота граждан о собственной безопасности и приготовления к обороне делают невозможными любые переговоры о мире — король отдал приказ всем своим войскам отступить к Ридингу и отпустил всех неприятельских рядовых, захваченных в плен в Брентфорде (кроме добровольно согласившихся перейти к нему на службу), предварительно взяв с них клятву, что они никогда более не поднимут оружия против Его Величества.

✧ Король направил Палатам послание, в котором «указал на несправедливость их обвинений, еще раз изложил причины своего марша на Брентфорд (Палаты не предлагали прекратить военные действия — напротив, граф Эссекс почти окружил его армию уже после прибытия парламентских комиссаров с петицией) и заявил, что у него не было и в мыслях захватывать Лондон силой или вводить в город свою армию. Те, кто добивается власти тиранством и несправедливостью, обыкновенно стремятся удержать ее кровопролитием, своей же властью он обязан закону и лишь законными средствами желает ее защищать. Теперь он

намерен отойти от Лондона, дабы страх перед его армией рассеялся, и Палаты смогли подготовить и вручить ему свои петиции, которые он готов рассмотреть. Если же им не угодно прибегнуть к такому средству, то пусть сражение как можно скорее положит конец бедствиям и несчастьям, на которые, к великому его прискорбию, обрекает его подданных война».

Но если близость королевской армии к Лондону склоняла к немедленным переговорам, то ее отход к Ридингу послужил еще более сильным доводом против каких-либо переговоров вообще. С расстояния в 30 миль опасность казалась не столь грозной, и отступление армии Его Величества Палаты объясняли страхом перед их силой, а не стремлением короля к миру. А потому те, кто недавно, когда большая часть Парламента действительно желала мира, искусно расстраивал примирение гибельными мерами иного рода (например, обращением за помощью к шотландцам), твердили теперь о «вероломной», как они выражались, атаке Брентфорда и, ссылаясь на дурное поведение солдат Его Величества в захваченном ими городе, пытались в своих декларациях внушить народу, будто «армия короля жаждет кровопролития и грабежа, и пока король находится в таком обществе, ожидать от него приемлемых условий мира нельзя, почему все предложения Палат следует теперь свести к одному-единственному: пусть Его Величество возвратится к своему Парламенту». Соответствующий акт был утвержден большинством голосов обеих Палат.

По наущению Исаака Пеннингтона, вновь избранного лорд-мэром, а также шерифов Лэнгема и Эндрюса, некие «благонамеренные особы» изъявили готовность внести средства для набора, вооружения и содержания новых частей парламентской армии, с условием, что государство поручится за возвращение этих сумм. Это странное предложение было тотчас же с благодарностью принято Палатами, которые именем королевства гарантировали в своем ордонансе возмещение расходов тем, кто предоставит теперь людей, лошадей, оружие или деньги Парламенту.

Лорд-мэру и лондонским шерифам или назначенным ими комитетам было приказано собирать эти «пожертвования»; члены комитетов всячески принуждали граждан вносить деньги, и в конце концов отсюда возник регулярный ежемесячный налог (6000 фунтов), который Сити уплачивал на содержание армии.

Палаты решили ободрить своего главнокомандующего, дабы он не счел себя утратившим их доверие из-за того, что, получив в свое распоряжение блестящую, превосходно оснащенную армию, вернулся из похода с разбитым и расстроенным войском. Полки и эскадроны

набранной ими ранее второй армии, начальствовать которой поручено было графу Уорвику, они передали теперь в армию Эссекса.

После чего Палаты приняли и торжественно вручили графу особую декларацию, в которой благодарили его за доблесть и полководческий талант, оказанные им в битве при Кайнтоне, и чрезвычайно лестно отзывались о великих его заслугах перед государством.

Затем Палаты отправили королю в Ридинг петицию, в которой Его Величество > «смирненно просили возвратиться к Парламенту, имея при себе свиту, более приличествующую монарху, а не воителю, дабы религия, законы и свободы могли быть надежно защищены и обеспечены по разумению Палат, ибо недавние прискорбные происшествия ясно им показали, что те советы, которым король следует ныне, споспешествуют скорее злосчастным раздорам, а не доброму согласию между ним и его Парламентом и народом».

< Получив это странное обращение, король тотчас отправил к ним гонца с резким ответом.

Его Величество «выражал надежду, что недавнее послание Парламента возмутит всех его добрых подданных, которые сочтут его дерзкой насмешкой и увидят в нем плод козней злонамеренной партии, замыслившей воздвигнуть стену между Его Величеством и народом. Король уже не раз излагал причины, вынудившие его покинуть Лондон, и указывал, кем и как он был изгнан из столицы. Он напомнил, что большая часть пэров и членов Палаты общин не могла оставаться в Лондоне, ибо их чести и жизни угрожала опасность; что насилием и коварством пэров лишили тех привилегий, коими обладали они по праву рождения; что набранная Палатами армия попыталась изгнать Его Величество из его собственного королевства и осмелилась дать ему сражение при Кайнтоне — теперь же эти мятежники, придя в силу и овладев Лондоном, любезно предлагают ему вернуться к Парламенту, то есть отдать себя во власть этой армии и покорно вручить им ту самую корону, которую им не удалось сорвать с его головы вооруженной рукой. Впрочем, это дерзкое оскорбление он ставит в вину не всему Парламенту, а лишь заправляющей в нем ныне злонамеренной партии, и потому, заботясь о благе народа, готов подтвердить то, что обещал Палатам в ответе на петицию, врученную ему в Колнбруке.

Король выразил желание, чтобы Парламент честно рассказал народу обо всех обстоятельствах Брентфордского дела и довел до сведения англичан его послание и декларацию на сей счет» (они были отправлены в королевскую типографию в Лондон, но Парламент запретил их печатать), «дабы всякий мог убедиться, чьи действия порождают злосчастные

раздоры и препятствуют доброму согласию между Его Величеством, Парламентом и народом».

Получив этот ответ, Парламент объявил, что «король не хочет мира», и приказал графу Эссексу идти с армией к Виндзору, а два самых знаменитых священника мятежной партии, д-р Доунинг и м-р Маршал, освободили от клятвы тех солдат, которые, попав в плен под Брентфордом, были отпущены королем, взявшим с них честное слово более не поднимать против него оружия. >

Когда король понял, что враги мира его обманули и что никто уже не думает посылать ему каких-либо мирных предложений; когда он убедился, что Ридинг (где он решил держать свой гарнизон) неприятель окружает линией собственных укреплений и что работы эти продвинулись достаточно далеко, он оставил в Ридинге гарнизон — более двух тысяч человек пехоты и сильный кавалерийский полк — под начальством сэра Артура Астона (которого незадолго перед тем назначил заместителем командующего кавалерией, одновременно произведя м-ра Уилмота в генерал-лейтенанты). Сам же король с большей частью армии двинулся в Оксфорд, где рассчитывал провести зиму, не забыв при этом оставить многочисленный гарнизон в Уоллингфорде, весьма важной крепости в восьми милях от Оксфорда. Еще один гарнизон разместили в Брилле, на самой границе Бекингемшира; третий (несколько ранее) — в Бенбери; в Абингдоне располагалась главная квартира кавалерии. Таким образом король держал в своих руках весь Оксфордшир и весь Беркшир (кроме пустынной местности вокруг Виндзора); опираясь же на Бриль и Бенбери, он мог оказывать немалое влияние на Бекингемшир и Нортгемптоншир.

Не успел король обосноваться на зимних квартирах, как пришло известие, что Парламент намеревается занять своими войсками Малборо в Уилтшире — город, пользовавшийся дурной славой самого крамольного в том краю. Впрочем, если оставить в стороне злобное упрямство и враждебность жителей, по местоположению своему он едва ли подходил для воинского гарнизона. Комендантом в Малборо граф Эссекс послал Рамси (шотландца, как и многие другие офицеры парламентской армии), и тот при поддержке местных смутьянов быстро собрал от пятисот до шестисот человек. Король, однако, понимал, что этот город очень скоро окажется для него весьма скверным соседом, ведь из Малборо, лежавшего в самом сердце богатого графства и всего в двадцати милях от Оксфорда, можно было стеснять действия королевской армии и даже нападать

на ее квартиры; вдобавок он уже теперь лишал короля сообщения с западными графствами. По названным причинам, хотя стоял уже декабрь и его изнуренные, полураздетые солдаты вправе были рассчитывать на отдых, король отправил к этому городу сильный отряд пехоты, конницы и драгун под начальством м-ра Уилмота, генерал-лейтенанта его кавалерии. Прибыв туда в субботу, солдаты Уилмота обнаружили, что в Малборо полно неприятелей, так как помимо гарнизона в нем находилось множество окрестных поселян, явившихся покупать и продавать (день был базарный); теперь же всем им велели остаться в городе и раздали оружие для его обороны — чего и сами они в большинстве своем искренне желали, а горожане весьма решительно требовали. Хотя постоянных укреплений Малборо не имел, защитники его нашли несколько чрезвычайно выгодных позиций, где возвели батареи и установили орудия, а на всех ведущих к городу дорогах, узких и едва проходимых, устроили засеки, так что от кавалерии здесь было бы немного проку.

Когда генерал-лейтенант со своим отрядом подошел к городу, его солдаты задержали какого-то парня, и тот признался на допросе, что начальник гарнизона отправил его как лазутчика раздобыть сведения о численности и передвижениях неприятеля. Все полагали, что теперь беднягу казнят, того же со страхом ожидал и он сам, но тут генерал-лейтенант приказал своему отряду выстроиться в полном составе неподалеку, в удобном для обозрения месте, а пленнику велел внимательно смотреть и хорошенько все запомнить; после чего объявил, что теперь он должен вернуться в город и рассказать пославшим его людям обо всем увиденном, а сверх того — втолковать тамошним магистратам, что они выказали бы великое благоразумие, испросив у гарнизона дозволение покориться королю, ибо если они это сделают, город их не потерпит ни малейшего ущерба; если же его, Уилмота, вынудят пролагать себе путь в город силой оружия, он уже не сможет помешать своим солдатам взять то, за что заплатят они собственной кровью, — и с этими словами отпустил пленника. Великодушный поступок генерал-лейтенанта принес некоторую пользу, ибо парень, потерявший голову от радости, когда ему пощадили жизнь, и с перепугу (равно как и по своей неопытности в таких предметах) преувеличивший число замеченных им солдат, рассказал страшные вещи о силе, доблести и решительности неприятеля, сопротивляться которому, как он уверял, нет никакой возможности. На тех, кто вправе был отдать приказ о капитуляции, это не произвело

особенного впечатления, зато подействовало на вооруженных обывателей, заметно поколебав их мужество и надежду на успех. А потому, когда королевские войска пошли на приступ, эти люди, после одного или двух залпов, причинивших им немалый урон, побросали оружие и пустились бежать в город, так что пехота имела время расчистить путь для кавалеристов, и те ворвались в Малборо с двух концов. Победа, однако, была еще не так близка, как они надеялись, ибо на улицах во многих местах стояли баррикады, упорно защищаемые солдатами и горожанами, которые к тому же вели убийственный огонь из окон домов. Весьма вероятно, что если бы они положились лишь на собственные силы, не пытаясь пополнить свои ряды за счет крестьян — которые, первыми поддавшись страху, обескуражили своей паникой товарищей по оружию, — то взятие этого жалкого городишки стоило бы еще больше крови. Сам комендант и еще несколько офицеров заперлись в церкви, откуда наносили немалые потери атакующим. Выстрелы из окон сразили множество солдат, и тогда велено было поджечь соседние дома, отчего сгорела значительная часть города. Наконец солдаты овладели Малборо, совершив в нем гораздо меньше жестокостей, чем это можно было с полным основанием ожидать. Впрочем, воздержавшись от кровавой резни, они взяли свое грабежом, не разбирая, кто тут враги, а кто друзья.

Это был первый занятый гарнизоном город, взятый штурмом какой-либо из сторон, ведь Фарнем-касл в Суррее (где за несколько дней до того укрепились принявшие сторону короля джентльмены), захваченный сэром Уильямом Уоллером после менее упорного, чем можно было ожидать, сопротивления, не заслуживал названия города с гарнизоном. В Малборо кроме коменданта и других офицеров, сдавшихся на милость победителей, было взято свыше тысячи солдат, масса вооружения, четыре пушки, а также изрядное количество боевых припасов, и со всеми этими трофеями генерал-лейтенант благополучно возвратился в Оксфорд. Правда, несколько дней спустя победу эту немного омрачила злосчастная потеря великолепного кавалерийского полка, когда лорд Грандисон, с собственным полком кавалерии, состоявшим из трехсот всадников, и еще одним драгунским полком в двести человек, вследствие полученных им ошибочных распоряжений, оторвался слишком далеко от главной армии и после неравного боя с неприятельским отрядом из пяти тысяч кавалеристов и драгун отступил к Винчестеру, где попал в плен со

всеми своими людьми. Это было первое поражение королевских войск, однако сам командир не был в нем повинен ни в малейшей степени; к тому же он весьма уменьшил размеры неудачи, ибо с несколькими старшими офицерами сумел бежать из плена, и в Оксфорде его встретили с великой радостью.

← Расположившись на зимние квартиры и утратив всякую надежду на переговоры, король тотчас же занялся поиском антидота против яда, посланного в Шотландию в упомянутой нами выше парламентской декларации, с которой познакомил его, среди прочих, граф Линдси, полномочный представитель Шотландии в Лондоне. Палата общин не прекращала попыток склонить шотландцев к вторжению в Англию, и король отправил особое послание своему Тайному совету в Шотландии (который, согласно принятым во время последнего посещения Шотландии королем законам, обладал там едва ли не абсолютной властью).

«Король сетовал на злонамеренных особ, сумевших овладеть сердцами многих его английских подданных и устроить смуту в этом королевстве, а теперь обратившихся со своей лживой декларацией и к его шотландским подданным, но выражал надежду, что эти последние не поверят чудовищной клевете, возводимой на Его Величество, не поддержат отвратительный мятеж и погнушаются стать орудиями в руках бунтовщиков, стремящихся погубить их природного государя. Он напомнил членам Тайного совета о последних событиях в Англии, о своих искренних, но тщетных усилиях сохранить мир, о том, как грубые бесчинства мятежных собраний вынудили его покинуть Лондон, как Палаты пытались, вопреки конституции, навязать его подданным законы, не имевшие монаршей санкции, овладели его крепостями, кораблями и доходами, оскорбляли его достоинство в гнусных пасквилях, выставили против него армию, отвергли все его мирные предложения и дерзнули дать ему битву, и хотя сражение, милостью Божией, завершилось его победой, истребили многих его добрых подданных и подвергли величайшей опасности его собственную особу и жизнь его детей.

Король не сомневался, что все эти беззакония глубоко возмущают его верных шотландских подданных, коим должно быть известно, что вина за постигшие Англию бедствия лежит на обеих Палатах — впрочем, весьма уменьшившихся в числе, ибо, по изгнании множества членов, из пятисот коммонеров ныне осталось не более восьмидесяти, а из ста пэров — пятнадцать или шестнадцать, да и те, до крайности запуганные

толпами лондонских анабаптистов, браунистов и иных подобных лиц, уже не могут выражать свои мнения свободно.

Касательно лживых утверждений о принятии им на службу папистов король отослал членов Тайного совета к уже изданной им на сей счет декларации, и заверил их в своей искренней преданности протестантской религии.

Он также отвел скандальное обвинение в намерении призвать в Англию иноземные войска, указав, что яснейшим опровержением подобной клеветы служит хотя бы то, что он до сих пор не обращался за помощью к подданным своего родного королевства, на чью верность, он, безусловно, мог бы твердо рассчитывать и на чье мужество опереться прежде, чем помышлять о содействии со стороны иностранных держав. Совершенно очевидно, продолжал король, что недавний акт Парламентов обоих королевств не дает шотландцам права и не обязывает их принимать предложение, сделанное в декларации, ибо из названного акта явствует, что шотландское королевство не может вести войну против английского королевства без согласия Парламента Шотландии, а английское королевство не может вести войну против шотландского королевства без согласия английского Парламента.

Король потребовал от членов Тайного совета довести до сведения всех его шотландских подданных правду о его нынешнем положении, разоблачать клевету изменников и всячески убеждать народ, что он, король, принужден был взяться за оружие единственно лишь ради защиты собственной особы, протестантской религии, законов королевства и привилегий Парламента».

Его Величество знал, что лица, которым он послал это письмо, готовы причинить ему всяческий вред, но у него были основания полагать, что им придется обнародовать его послание и что оно окажет желанное действие на шотландский народ, а неприсоединение к мятежу и было в сущности тем единственным, чего ожидал он тогда от верности шотландцев. >

Следующей заботой Его Величества было изыскание средств для уплаты войскам, дабы хоть сколько-нибудь облегчить тяжкое бремя, лежавшее до сих пор на жителях той небольшой области, где они квартировали. Задача эта оказалась весьма сложной, ибо военные начали вести себя чрезвычайно дерзко и своевольно, не желая подчиняться приказам и распоряжениям гражданских лиц, а принц Руперт сообразовывался в своих действиях единственно лишь с нуждами и выгодами кавалерии, как если бы та составляла в армии особый привилегированный корпус. Он и слышать не хотел

о том, чтобы значительные суммы, поступавшие в виде добровольных пожертвований из занятых королевскими войсками графств, употреблялись на какие-либо иные цели, кроме содержания его кавалеристов, и требовал, чтобы их сбором и получением занимались сами же офицеры. Гарнизонам городов и всем пехотным частям необходимо было аккуратно платить жалованье; каждую неделю требовалось отпускать средства для нужд двора Его Величества, и все это исключительно из тех сумм, какие удавалось взять в долг, ибо из законных своих доходов король до сих пор не смог получить ни единого пенни, принуждать же кого-либо к денежным взносам силой — даже тех, кто, как всем было известно, щедро раскошеливался в пользу Парламента, — он не считал возможным, обращаясь лишь к мягким средствам убеждения, и в письмах к людям, способным ему помочь, просил подумать о том, насколько их собственные безопасность и благоденствие зависят от того, сумеет ли он отстоять свои права. Его Величество соглашался пустить в продажу собственные земли или предоставить какие угодно личные гарантии в обеспечение будущих процентных займов, для чего приказал подготовить акт о пожаловании нескольких парков лесов и иных владений короны многим благородным и богатым особам, которые пользовались репутацией людей безукоризненно честных и изъявляли готовность поручиться за возвращение любых сумм.

Пылкие верноподданнические чувства по-прежнему выказывал Оксфордский университет: в начале смуты он отправил королю более десяти тысяч фунтов, взятых из казны нескольких колледжей и из средств частных лиц, из коих многие отдали все, что имели; а теперь сделал ему новый щедрый дар. Благодаря этим пожертвованиям, а также займам у частных особ, главным образом из Лондона (откуда, несмотря на строжайшие меры бдительного Парламента, поступали значительные суммы), король, не смевший прежде даже надеяться на такое, мог весьма аккуратно платить своей пехоте (хотя уходило на это более трех тысяч фунтов в неделю), так что в продолжение всей зимы ни малейших беспорядков из-за невыплаченного жалованья в войсках не возникло. В эти же месяцы, желая пополнить армию до наступления весны, он делал все возможное, чтобы ускорить и поощрить набор новых солдат в пехоту и кавалерию.

◀ Между тем Палаты, казалось бы, страстно желавшие мира, продолжали сурово преследовать тех, кто на самом деле стремился положить конец войне. Парламент обнаруживал в своих действиях столь

вопиющее предубеждение и откровенную несправедливость, что к нему можно было с полным правом применить слова, сказанные некогда Тацитом об иудеях: *Apud ipses fides obstinata, misericordia in promptu, adversus omnes alios hostile odium*. [Hist. Lib. V. cap. 5].* < Однако прежние доводы, приводимые им в оправдание войны (папизм, ополчение, делинквентство), с каждым днем казались народу все менее убедительными, король же в подтверждение своих полномочий и в обоснование своих мер всегда мог сослаться на существующие статуты, а потому, пока Палаты хотя бы формально признавали короля носителем верховной власти, их собственному авторитету грозила опасность.

И вот, когда король обычным законным порядком назначил в графства шерифов, Палаты открыто провозгласили то, на что прежде они лишь осторожно намекали, а именно: «верховная власть полностью и всецело принадлежит Парламенту; король же, отделенный от Парламента, не обладает монаршей властью». В том же смысле преданные Парламенту священники искажали сказанное в Писании, а верные юристы толковали английские законы. Опираясь на плоды подобной учености, Парламент объявил, что назначенные королем шерифы не являются шерифами законными, и приказал задерживать их как делинквентов. >

Несколько ранее король распорядился, чтобы лицам, плененным в битве при Кайнтон-Филде, и иным особам, схваченным при совершении мятежных действий, было предъявлено обвинение в государственной измене согласно статуту 25-го года короля Эдуарда III, и поручил вести их дела лорду главному судье и другим ученым юристам. Парламент же теперь провозгласил все подобные обвинения и открытые на их основании процессы несправедливыми и незаконными и велел судьям прекратить разбирательства. Палаты также объявили (и это стало аргументом куда более серьезным), что если хотя бы один человек будет казнен или потерпит какой-либо ущерб за то, что он делал, выполняя их приказы, то сходная кара — смерть или иной приговор — постигнет тех, кто уже взят или будет взят в плен их войсками; обращаться же в таких вопросах к судьям, чтобы установить законность своих действий, Парламенту никогда и в голову не приходило.

< Принятый в свое время настоящим Парламентом статут запрещал взимание потонного и пофунтового сборов; король отказался утвердить

* Именно таким образом Тацит характеризует иудеев: «охотно помогают друг другу, зато ко всем прочим смертным враждебны и ненавидят их». (Примеч. ред.)

новый закон на сей счет и особой прокламацией воспретил уплачивать и собирать эту пошлину. Парламент же, нуждаясь в деньгах, объявил взимание потонного и пофунтового сборов законным, ибо, разъяснил он, целью прежнего постановления было удержать короля от обложения подданных какими-либо налогами без согласия Парламента, и оно не распространяется на те сборы, которые утверждены лордами и общинами.

А чтобы и за пределами Англии люди уразумели, кому теперь принадлежит верховная власть в нашем королевстве, Палаты, соблюдая все дипломатические формальности, отправили своих представителей с рекомендательными письмами и надлежащими инструкциями в иностранные государства.

Стрикленд, их агент в Соединенных провинциях (где находилась тогда королева), привез с собой обращенную к Генеральным штатам декларацию, в которой лорды и общины дерзко обвиняли принца Оранского в том, что он «снабжает короля оружием и боевыми припасами и позволяет английским солдатам и офицерам, состоящим на голландской службе, возвращаться в Англию и вступать в армию Его Величества. Генеральным штатам не преминули напомнить о великой помощи, оказанной некогда Англией Голландии, сражавшейся за свою свободу, как и о том, что нынешним свои могуществом Соединенные провинции в немалой степени обязаны дружбе с английской нацией. У англичан и голландцев, продолжали Палаты, есть общий враг — паписты; и когда иезуитская партия, извратившая замыслы английского короля и совесть англиканских священников, поднявшая восстание в Ирландии и вознамерившаяся уничтожить английский Парламент, добьется своих целей в Англии, она непременно обрушится на Голландию. Спор же между Его Величеством и Парламентом идет не о том, должен ли король обладать полномочиями, которые имели его предшественники, но о том, ради чего — для защиты народа или для его погубления — будут употреблены власть и прерогативы монарха; и всякий беспристрастный наблюдатель происходящих в Англии событий согласится, что славе и могуществу короля более послужил бы союз с Парламентом и народом, а не тот путь, на который он встал ныне, уступив злонамеренным советам самой влиятельной при дворе партии, а также наущениям приспешников папизма, что и явилось причиной великих бедствий, постигших Его Величество и все королевство. Парламент также заверил Генеральные штаты в своих дружеских чувствах, напомнил о своем давнем желании заключить с Голландией более тесный союз и еще раз возмутился злобой и коварством римских католиков, чьи кровожадные замыслы истребить протестантизм

не приведены до сих пор в исполнение лишь по великой милости Всемогущего Господа».

Стрикленд был принят Генеральными штатами, и его миссия имела успех. Парламент вовремя получал известия из Голландии, а потому его флот перехватывал почти все суда с оружием и воинскими припасами, которые приобретали на свои средства королева, принц Оранский и частные лица; так что в Ньюкасл (единственную гавань, находившуюся тогда в руках короля) удавалось доставить лишь немного.

С таким же успехом действовал парламентский агент в Брюсселе, добившийся расположения губернатора Фландрии дона Франсиско де Мелоса. К тому же испанцы, до крайности раздраженные союзом, который заключил король с Португалией, уже давно оказывали помощь деньгами и оружием ирландским мятежникам.

Еще усерднее охвативший три королевства пожар раздували французы. Кардинал Ришелье деятельно поощрял смуту в Шотландии, а его агенты находились в переписке и в связи с пуританской партией в Англии.

С открытием настоящего Парламента французский посол Лаферте вступил в тесные сношения с вождями Палат и при всякой возможности пытался умалить честь и достоинство английского короля, публично и официально обращаясь от имени своего государя непосредственно к Палатам. Так, он подал Парламенту жалобу, в которой клеветнически утверждал, что сэр Томас Роу (чрезвычайный посол Его Величества при императоре и германских князьях, коему было поручено хлопотать о возвращении Пфальца) якобы заявил о готовности короля вступить в наступательный и оборонительный союз с Австрийским домом. Лаферте желал знать, получал ли сэр Томас соответствующие полномочия от обеих Палат. Парламент же, польщенный тем, что его трактуют как верховную власть в Англии, заверил французского посла, что сэр Томас не имел подобных инструкций.

Против Его Величества выступили также французские гугеноты, оказывавшие тайную и открытую помощь тем, кто задался целью уничтожить Церковь. В продолжение всей смуты их враждебность оборачивалась громадным ущербом для короля и выгодой для его врагов. Объяснялась же она не только памятью о ларошельских событиях, но и убежденностью гугенотов в том, что Церковь Англии преследует их веру — мысль, к которой привели их, среди прочего, неблагоприятные меры самих же английских властей.

С началом Реформации в нашем королевстве многие жители Германии и Франции, где новая религия подвергалась жестоким гонениям,

переселились с семьями и имуществом в Англию. Встретили их чрезвычайно гостеприимно, а мудрый и благочестивый король Эдуард VI предоставил им значительные льготы, вместе с правом иметь в Лондоне свои церкви и отправлять богослужение по собственным уставам. Королева Елизавета, приняв в расчет благие следствия подобных мер — рост торговли и усовершенствование ремесел — еще более расширила привилегии выходцев с континента, а кроме того, с великой пользой для интересов Англии использовала влияние их единоверцев во Франции и Нидерландах. В том же духе действовали миролюбивый король Яков I (в начале своего царствования) нынешний король.

Но за несколько лет до начала смуты, когда, по причине лености и недаровитости светских советников короля, влияние духовных лиц чрезвычайно усилилось, епископам стало казаться, что признанные государством особые права иноземных конгрегаций (сохранивших пресвитерианское церковное устройство и дисциплину) умаляют честь и достоинство епископальной системы и, чего доброго, могут внушить надежды на подобную же терпимость религиозным раскольникам в самой Англии. Вдобавок иные из членов этих общин, движимые личной враждой, доносили на собственных единоверцев, дабы выставить их намерения в дурном свете перед властями.

Епископы же, под тем предлогом, что конгрегации злоупотребляют своими правами, приняли ряд ограничительных мер, которые членами названных общин были сочтены покушением на их свободу совести и вызвали глубокое недовольство (особенно в Норидже, где против них яростно ополчился епископ д-р Рен), так что многие из них в конце концов покинули Англию. Подобные меры причинили ущерб не только английской торговле и ремеслу, но и внешней политике.

В прежние времена английские посланники в тех странах, где допускалось исповедание реформированной религии, поддерживали с реформатами теснейшие связи, посещали их церкви и получали от этих людей, часто весьма предприимчивых и деятельных, ценные тайные сведения. Теперь же все изменилось. Послам было указано воздерживаться от общения с реформатами, а лорд Скадамор, посол Англии в Париже, перестал посещать их церковь в Шарантоне и при всяком удобном случае заявлял, что Церковь Англии не считает гугенотов своими единоверцами.

Англиканские духовные лица, совершившие столь грубые ошибки, и в мыслях, разумеется, не имели поощрения папизма (в чем их клеветнически обвиняли), но, чувствуя справедливую неприязнь к тем членам реформированных церквей, которые, прикрываясь красивыми словами

о религии и свободе совести, нарушали мир в наших королевствах, почему-то вообразили, что известное обуздание подобного рода беспокойных особ сделает Церковь Англии более уважаемой и вдобавок собьет спесь с их общего врага — папистов, так что обе протестантские партии, оставив свои прежние жестокие споры по поводу отвлеченных религиозных мнений, сблизятся на почве общего понимания практических обязанностей христианина и подданного. Но в этих благих намерениях не были приняты в расчет обстоятельства политические, и потому Церковь Англии, прекратив поддержку протестантов за границей, тотчас же оказалась под угрозой у себя дома, а континентальные реформаты с радостью воспользовались возможностью обнаружить свою к ней враждебность и вступили в заговор против английской короны, чтобы нанести удар англиканской церкви.

Чрезвычайно прискорбно, что христианские государи больше пекутся не о соблюдении законов и поддержании порядка у себя дома, но о том, чтобы посеять смуту у соседей и малейшую искру недовольства раздуть в пламя открытого мятежа. А между тем им следовало бы уразуметь, что бунт подданных против законного государя, в какой бы стране он ни вспыхнул, есть покушение на верховную власть каждого из них и посягательство на самый принцип монархии. >

Но вернемся к нашей истории. После того, как все разговоры о мире и предложения на сей счет были на время забыты, а на смену им вновь пришли мечты о победе и полном торжестве над партией короля, мятежники столкнулись с затруднением, для них совершенно неожиданным — нехваткой денег. Крупные суммы, собранные на основании прежних биллей, утвержденных еще королем (для спасения Ирландии и выплаты долга шотландцам), равно как и немалые средства, полученные через государственные займы и пожертвования в виде серебра от частных лиц (а все это вместе принесло им громадные деньги), были полностью исчерпаны; между тем постоянные расходы Палат оставались столь значительными, что обычные поступления уже не могли удовлетворить их нужды. Парламент отлично понимал, что солдаты идут ему служить единственно ради денег, а вовсе не из преданности его делу; и что поддержать свою власть он сумеет лишь в том случае, если сама эта власть даст ему необходимые средства. Добровольных займов никто уже не предоставлял, государственные гарантии больше не считались надежным обеспечением; чем серьезнее становились нынешние затруднения, тем страшнее оказалась бы катастрофа, если бы Парламент не выдержал их тяжести — а значит, с тем

большей энергией нужно было искать выход. В конце концов он решил в полной мере употребить всю свою деспотическую власть, дабы народ ясно уразумел, с кем имеет дело; и здесь мы должны последовательно описать его хитрости и уловки. Вначале Парламент распорядился учредить во всех графствах особые комитеты, коим надлежало ведать поставкой провианта и реквизицией лошадей для армии, а также собирать для нужд войска денежные займы и столовое серебро. Означенные комитеты (наделенные правом по собственному усмотрению устанавливать таксы и расценки на любого рода припасы) выдавали обывателям расписки, которые следовало представлять их казначею, и тот должен был возмещать стоимость взятого. Парламент тогда заявлял, что таким путем он будет получать помощь лишь от своих сторонников и иных благонамеренных особ, прочих же англичан — тех, кто не одобряет его действий или просто дорожит своим кошельком больше, чем свободой отечества — никто якобы и не думает принуждать к каким-либо жертвованиям. Затем, однако, вышел новый приказ: если хозяин не желает добровольно вносить деньги или отдавать для нужд армии продовольствие, столовое серебро и лошадей под государственные гарантии, комитеты получают власть и полномочие — дабы не допустить разграбления и захвата означенного продовольствия, денег, серебра и лошадей бесчинствующими солдатами и предотвратить их попадание в руки неприятеля — посылать за продовольствием, серебром и лошадьми своих людей, брать упомянутое добро на свое хранение и назначать за него самую малую цену — каковую цену они указывают в расписке, которую вручают своему казначею, а тот — бывшему владельцу изъятого; когда же и каким образом ему по ней уплатят, должны будут решить обе Палаты Парламента.

Сделано это было лишь затем, чтобы показать, как они намерены впоследствии действовать по всей Англии, ведь пока еще такая система не способна была удовлетворить их нужды; попытка же тотчас ввести ее во многих графствах явилась бы шагом несвоевременным и едва ли осуществимым. Теперь мятежники должны были рассчитывать единственно лишь на помощь Лондона. А потому лондонцам было объявлено, что «армия короля уже начала в нескольких графствах принудительный сбор средств на свое содержание и, если ее не остановить, она непременно разорит все королевство и уничтожит в нем религию, закон и свободу. Обуздать же эту армию в силах лишь другая армия — набранная властью Парламента, для чего, однако, требуются немалые суммы, сбор коих, хотя соответствующий

парламентский акт не может быть формально утвержден королем, есть дело справедливое и необходимое. До сих пор парламентская армия содержалась преимущественно за счет добровольных пожертвований благонамеренных людей, тогда как другие особы, пользовавшиеся защитой той самой армии, уклонялись от расходов по ее содержанию или вносили меньше, чем позволяло их состояние — что несправедливо.

По этим причинам и на этом основании было объявлено, что Исаак Пеннингтон, лорд-мэр Лондона, а также некоторые олдермены и граждане получают от Парламента право и полномочие обязывать всех имущих людей, которые еще не сделали никаких пожертвований или внесли меньше, чем могли бы, к уплате денежных сумм сообразно своему состоянию (но не более 1/20 стоимости последнего), определять их размер и поручать их взимание особым лицам. > Если же кто-либо из обложенных этой податью откажется уплатить назначенную сумму, сборщики и оценщики, дабы ее выручить, имеют законное право описать и продать с торгов часть имущества ослушника. Буде же тот, на чье имущество наложен арест, попытается оказать сопротивление, сборщики и оценщики вправе призвать себе в помощь лондонскую милицию или любых других подданных Его Величества, каковые обязаны оказать им всяческую поддержку и содействие».

< Второй ордонанс, принятый в истолкование первого, предоставлял сборщикам право «при отсутствии у соответствующего лица достаточного имущества, могущего быть взятым в обеспечение причитающихся с него сумм, взимать таковые за счет тех денежных обязательств, в виде долгов или рентных платежей, которые имеют перед ним другие лица, а при невозможности получить деньги даже таким путем — заключать его под стражу на срок, определенный комитетом Палаты общин». >

В видах удобнейшего исполнения этого общего указа к нему был присовокуплен ряд дополнительных поясняющих распоряжений, каждое из коих заключало в себе статьи, чудовищные по своей жестокости и незаконию; в довершение же всего мятежники постановили, что их, то есть членов обеих Палат, имущество оценивать для обложения этим налогом никто, кроме их самих, не вправе.

По правде говоря, короля этот ордонанс не слишком опечалил, так как он счел его диким и ни с чем не сообразным актом, который по этой самой причине принесет больше пользы ему, нежели тем, кто его издал: он рассчитывал, что столь ясное и неотразимое доказательство надвигающейся на страну тирании быстро откроет англичанам глаза на то, как изменилось теперь их положение. Тем не менее он приложил немалые усилия, чтобы, основательно разобрав

содержание ордонанса, раскрыть своим подданным истинный его смысл, для чего обнародовал особую декларацию:

«Никто бы не поверил, что Ордонанс о милиции (неслыханная прежде попытка обратить, без Нашего согласия, ордонанс в закон), недопущение нас в Гуль, изъятие нашего оружия и боевых припасов могут каким-то образом затронуть собственность и свободу наших подданных; да и сам Парламент в своей декларации от 26 мая признал, что покушение на имущественные интересы подданных явилось бы с его стороны великим преступлением. Но роковая летаргия, объявлявшая наш добрый народ, не позволила ему вовремя понять, что отрицание наших законных прав неминуемо обернется угрозой для привилегий, преимуществ и собственности всех англичан — знати, дворянства и общин.

После недавних ордонанса и декларации Палат даже самому недалекому человеку должно быть ясно, что эти нарушители общественного мира не замышляют ничего, кроме всеобщей смуты, и что под их юрисдикцией в Англии уже невозможны закон, свобода и гарантия прав собственности. Ибо власть, отнявшая у англичан двадцатую часть их имущества, тем самым присвоила себе право лишить их, как только сочтет нужным, и остальных девятнадцати. Этот чудовищный акт тирании уничтожает право подданных владеть своим имуществом — право, которое так ревностно оберегали их предки и которое так надежно обеспечили мы, защитив его от любых возможных посягательств со стороны короны.

Дорога ли англичанам их свобода, которая отличает подданных от рабов и составляет преимущество нашей свободнорожденной нации перед прочими христианскими народами? Теперь их будут заключать под стражу, в любом месте и на любой срок, назначенный Комитетом Палаты общин по проверке. Но ведь Палата общин никогда не притязала на судебную власть, и у нее не больше прав приводить к присяге (без чего невозможно установить истину), чем рубить головы нашим подданным. Сверх того, названный комитет, лишая законно избранных членов права заседать в Палате, совершает чудовищное покушение на парламентские привилегии и целиком уничтожает наше государственное устройство, ибо жизнь, свобода и собственность всего английского народа ставятся теперь в зависимость от произвола нескольких особ, презирающих любые правила и законы.

Дороги ли англичанам их друзья, жены и дети? Теперь они будут с ними разлучены, ибо их приказано выслать за пределы Лондона и близлежащих графств, а как далеко простираются эти близлежащие графства, неведомо никому. Отныне англичанам оставлено одно

право — бунтовать и убивать. Но только ли внешние блага — мир, свобода и собственность — отняты у наших подданных? Разве поджигатели мятежа не покушаются и на их совесть? Ведь все эти жестокие кары обрушены на них лишь за то, что они не пожелали преступить долг верности, обязывающий их защищать нашу особу и наши законные права.

Сколько знатных и достойных людей лишены теперь свободы единственно по подозрению в их недостаточной преданности Палатам! Сколько уважаемых и состоятельных лондонских граждан опорочено, ограблено, взято под стражу без всякого суда! — а в это время анабаптисты и браунисты, открытые орудия самозванной власти, врываются в их дома и учиняют там обыски. Сколько ученых и благочестивых служителей церкви клеветнически обвинено в симпатиях к папизму и брошено в тюрьму лишь за то, что они учили народ правилам религии и законного повиновения! — а в это время невежественные раскольники, заповолившие храмы и кафедры, подстрекают паству к убийствам и мятежам.

Те же, кто, полагаясь на обещания Палат, ссужают Парламенту деньги в надежде получить их обратно, выказывают поразительную расточительность. Ибо возвращение займов может быть обеспечено лишь государством, то есть королем, лордами и общинами; только такая гарантия не нуждается в судебном исполнителе и никогда не утратит силы, тогда как постановление одной или даже обеих Палат является надежным обеспечением не в большей мере, чем Комитет по проверке — Высшим судом Парламента.

Но чем же эти люди тщатся оправдать свои безумства? О каких-либо фундаментальных законах, санкционирующих нововведения, мы не слышим. Они, вероятно, скажут, что не могут довести до конца свое великое предприятие без такого рода чрезвычайных мер. Мы тоже так думаем. Но отсюда следует лишь то, что они предприняли нечто такое, чего не вправе были предпринимать, а отнюдь не то, что их действия законны. Мы уже не раз вспоминали превосходную речь м-ра Пима. Только закон, — говорил некогда м-р Пим, — устанавливает границу между добром и злом, между справедливостью и несправедливостью; если же его уничтожить, воцарится всеобщий хаос, отдельный человек станет законом для самого себя, а поскольку людская природа испорчена, то похоть, зависть, алчность и властолюбие каждого превратятся в закон, что повлечет за собой самые печальные последствия.

Но поверят ли потомки, что при том самом Парламенте, который с восторгом внимал подобным поучениям, который принял особые меры против взятия людей под стражу без объявления причин и гарантировал им право на немедленное освобождение на поруки, наших подданных

будут подвергать произвольным арестам? Что короля, который обвинил в государственной измене сэра Джона Готэма, силой оружия не допустившего его в Гуль и нанесшего ему оскорбление, назовут нарушителем парламентских привилегий, поскольку-де ни один член Парламента не может быть обвинен без согласия соответствующей Палаты — но при этом тюремному заключению будут подвергнуты граф Миддлсекс, пэр королевства, и лорд Банкхерст, член Палаты общин? Что измена — деяние, имеющее понятное для всех определение — перестанет считаться преступлением, зато никому не ведомое «малигнанство» явится основанием для лишения свободы? Что один и тот же Парламент сначала запретит взимание потонного и пофунтового сборов без надлежащего парламентского акта, а затем без нашей санкции, то есть незаконно, прикажет его взимать?

Однако наши добрые подданные уже не могут видеть в этих мерах действия Парламента, ибо из пятисот членов Палаты общин заседания посещают не более восьмидесяти, а из всей Палаты лордов — едва ли пятая часть. А многие из оставшихся, уstraшенные армией и толпой, против собственной воли соглашаются с предложениями кучки смутьянов. Эти же последние, вступив в союз с лондонскими анабаптистами и браунистами, подчинили себе столицу, а теперь, опираясь на могущество и гордыню Лондона, вознамерились погубить все королевство. Лорд-мэр, обвиненный в государственной измене, поносит и запрещает Книгу общих молитв, по собственному произволу грабит и заключает в тюрьму и вместе с верной ему буйной чернью диктует свою волю Палатам, дерзко заявляя: «Мы не желаем мира!»; а члены Парламента, например, сэр Сидней Монтегю, исключаются из Палаты или берутся под стражу за отказ дать клятву в том, что они «готовы жить и умереть с графом Эссексом». Эти самые люди берут на себя смелость отправлять послов в иностранные государства; они же призывают наших шотландских подданных выступить против нас и ввести в Англию армию — они-то и приняли недавний ордонанс, уничтоживший в нашей стране закон, свободу и право собственности.

Какие еще полномочия присвоят себе эти люди, нам не известно. Мы же не притязаем на что-либо подобное. Тяготы и лишения, какие терпят ныне наши добрые подданные, вызывают у нас сердечную скорбь. Но мы далеки от мысли потребовать от наших подданных двадцатую часть имущества, хотя сами, ради их спасения, уже продали или заложили свои драгоценности, пустили в переплавку столовое серебро и намерены продать коронные земли. Но мы не сомневаемся, что наши добрые подданные, приняв в соображение наши обстоятельства и собственный

долг, изъявляя добровольную готовность помочь нам частью своего состояния, дабы сохранить прочее свое имущество, а главное — защитить истинную религию, законы страны и собственную свободу.

Наконец, нам угодно и мы требуем, чтобы все наши подданные, помыслив о том, что им предстоит держать ответ перед Богом, перед нами и перед потомками, не подчинялись этому чудовищному ордонансу и не оказывали помощи мятежникам — в противном случае их ждет суровая кара закона и вечный позор в глазах всех честных людей». >

Но что бы ни говорили англичане друг другу против этого ордонанса, и что бы ни говорил им всем против него король, мера эта обеспечила мятежников огромными денежными суммами и дала удобный способ кредитования на будущее, так что они вновь вывели из Лондона свою армию, хотя и недалеко — на зимние квартиры в двадцати милях от города. Граф Эссекс перенес свою главную квартиру в Виндзор, дабы стеснить королевский гарнизон, недавно занявший Ридинг; и разослал еще дальше сильные отряды, которые захватили столько территории, сколько можно было от них ожидать в это время года — иначе говоря, привели к полному повиновению Парламенту соседние графства, которые в противном случае по крайней мере сохранили бы нейтралитет. Мятежники с прежним усердием внушали народу, что их конечный успех близок, что королевские войска будут уничтожены уже в самом скором времени; не проходило и дня без громких реляций о новой крупной победе или о взятии еще одного города, тогда как на самом деле каждая из сторон благоразумно воздерживалась от любых попыток чем-либо обеспокоить другую. Между тем главным, если не единственным источником средств мятежникам по-прежнему служил Лондон, ибо хотя изданные ими указы формально распространялись на все королевство, обеспечить их действительное исполнение они могли только в столице, так как испытывать преданность народа, со всей строгостью употребляя свою власть на всех подчиненных ему территориях, Парламент находил преждевременным.

А потому несколько самых богатых и именитых лондонских граждан, видя, что все вокруг смело пользуются правом подавать Палатам петиции; что многочисленность петиционеров придает их мнениям особый вес; и что эта многочисленность и этот вес обращаются для граждан Сити позорным клеймом противников мира, собрались и подготовили собственную, весьма скромную и умеренную петицию, в коей просили Палаты «направить Его Величеству такие предложения и обращения, какие король мог бы принять

без ущерба для своей чести, что содействовало бы счастливому восстановлению мира в государстве». Эту петицию, подписанную многими тысячами граждан, они уже готовы были представить, но Палата общин ее отвергла, по той единственной — заявленной публично — причине, что данное прошение готовила-де целая толпа людей. Вдобавок против главнейших его авторов выдвинули обвинение в делинквентстве, так что им пришлось покинуть Лондон, а прочие их сторонники на время пали духом. Тогда же сходную петицию подготовили жители Вестминстера, Сент-Мартина и Ковент-Гардена (коим всегда ставили на вид симпатии к королю) — их встретили теми же упреками и настрого запретили приближаться к зданию Парламента более чем вшестером.

Столь явная несправедливость не прибавила доброй славы мятежникам, и они быстро сообразили, что подобные настроения, если не дать им никакого выхода, могут вырваться наружу с гораздо большей силой. А потому Парламент вновь заговорил о своем искреннем стремлении к миру и назначил особый комитет, коему поручено было подготовить и направить королю соответствующие предложения.

Но для всего этого требовалось время, пока же, чтобы удовлетворить тех, кто домогался немедленных шагов в пользу мира, и дать понять, что Сити желает мира на тех же самых условиях, что и Парламент, Палаты, действуя через своих агентов, добились избрания такого Общинного совета, который мог бы стать верным орудием их замыслов. Исполняя их волю, Исаак Пеннингтон склонил Совет к принятию покорной петиции к королю, в которой лорд-мэр, олдермены и общины лондонского Сити, «удрученные долгими раздорами между Его Величеством и обеими Палатами и их кровавыми последствиями, и еще более уязвленные сомнениями, которые Его Величество, очевидно, питает на счет любви и преданности Сити, заверяли короля, что он может без всякой опасности для своей особы вернуться в Лондон, устранив тем самым злосчастную преграду на пути к всеобщему примирению.

Смиренно преклонив колена, петиционеры умоляли Его Величество возвратиться к Парламенту (в сопровождении свиты царственной, но не воинской), дабы надежно защитить религию, законы и свободу, исправить все подлежащее исправлению в церкви и государстве и обеспечить таким образом мир, счастье и благополучие для себя, своего потомства и всех своих верных подданных».

Хотя действительный смысл петиции заключался в предъявленных королю требованиях — распустить армию и отдать себя в полную власть

Парламента — и все разумные люди понимали, что это никак не приблизит желанный мир, однако народ был уже настолько одурочен, что согласился на еще одно (как его уверяли — последнее) пожертвование деньгами и серебром в пользу парламентской армии — якобы для того, чтобы ее солдаты не остались без причитающегося им жалованья и не учинили бесчинств и грабежей, когда их распустят по домам.

Петиция была вручена королю 10 января 1642/1643 года прибывшими в Оксфорд несколькими олдерменами и членами Общинного Совета. Его Величеству пришлось всерьез задуматься над ответом, ибо хотя из содержания петиции явствовало, что лукавые ее авторы нисколько не помышляют о мире, она была исполнена самых пылких уверений в верности монарху, способных подействовать на умы простого народа. А потому король охотно воспользовался возможностью прямо обратиться к Сити, главному оплоту Парламента, чтобы убедить его граждан (от коих тщательно скрывали все его прежние декларации и прокламации) в правоте своего дела. В ответе короля было сказано, что

«Его Величество не сомневается в любви и преданности Лондона и по-прежнему желает иметь этот город главным своим местопребыванием. Он полагает, что большинство граждан Сити верны своему долгу, и что в беспорядках, вынудивших Его Величество покинуть столицу, участвовали главным образом жители предместий и окрестных городов, в свою очередь, обманутые коварными и злобными подстрекателями.

Однако Его Величество просит своих добрых лондонских подданных рассудить, может ли он рассчитывать на безопасность в городе, где открыто попираются законы страны, где собираются деньги на содержание воюющей с ним армии, а магистраты, во главе с мнимым лорд-мэром Пеннингтоном, и их приспешники Вен, Фоулк и Мэнверинг, повинные в государственной измене, поносят, оскорбляют, грабят тех подданных Его Величества, которые сохранили верность королю и из сострадания к своему истекающему кровью отечеству искренне желают мира?

Его Величеству угодно знать, в самом ли деле петиционеры думают, что поношение и изъятие из богослужения Книги общих молитв, аресты ученых и благочестивых проповедников, поощрение анабаптистов, браунистов и иных раскольников суть верные способы защиты истинной реформированной протестантской религии? Что повиновение и содействие людям, распространяющим клевету на Его Величество и пытающихся лишить его жизни, означают исполнение верноподданнического долга и защиту особы короля? Что произвольное взятие под стражу и безжалостное разорение, коим новая власть подвергает тех, кто отказывается бунтовать против Его Величества, равнозначны

защите законных прав и свобод подданных? Если же они мыслят об этих деяниях иначе, то разве им не известно, что виновны в них названные выше лица? Или, быть может, лондонцы уповают, что Господь будет хранить их город от гибели, пока подобные особы творят в нем свои беззакония?

Но Его Величество далек от того, чтобы из-за преступлений отдельных лиц гневаться на весь город; он желает вернуться к лондонцам и взять их под свою защиту, дабы их торговля, богатство и слава, потерпевшие немалый ущерб из-за нынешних раздоров, вновь стали предметом зависти для чужеземцев. Он готов даровать прощение всем жителям Лондона, Вестминстера и предместий (кроме лиц, уже исключенных им из амнистии) — при условии, что они вспомнят о своем долге верности, станут повиноваться единственно лишь законам королевства и возьмут под стражу названных выше особ, повинных в государственной измене, дабы впоследствии Его Величество мог предать их суду. Тогда Его Величество не замедлит возвратиться в Лондон и сделает все, чтобы его жители могли наслаждаться благами мира.

Если же, несмотря на все здесь сказанное, хитрость этих порочных людей возьмет верх, и жители Сити принесут свои будущие надежды в жертву гордыне, ярости и злобе врагов короля, то Его Величество должен их предупредить: всякий, кто без Его дозволения возьмет в руки оружие, или даст деньги на содержание армии графа Эссекса, или уплатит потонный и пофунтовый сборы, будет в свое время наказан по всей строгости закона; пока же Его Величество считает себя вправе завладеть любой частью имущества ослушника и обратить ее на нужды армии, набранной им для защиты своей особы, законов и королевства.

Впрочем, Его Величество не сомневается, что его добрые лондонские подданные вспомнят о славных деяниях предков, хранивших непоколебимую верность своим государям, и помыслят о вечном бесчестье, которое падет на них самих и на их детей, если они позволят жалкой горстке мятежников извратить порядок управления, подорвать торговлю и уничтожить благосостояние своего процветающего города; король уверен, что лондонцам достанет мужества и решимости, чтобы объединиться с ним для защиты религии, закона и свободы».

Желая, чтобы этот ответ был обнародован, король решил отправить его с собственным слугой > [капитаном Генри Херном], < а не через представителей Сити — против чего те не возражали, а, напротив, обещали добиться созыва общего собрания граждан в Коммон-холле (самом вместительном здании города). Палаты же, успевшие узнать содержание ответа, попытались задержать его оглашение.

Когда же день собрания был наконец назначен, отправили в Коммон-холл комитет лордов и общин. Как только посланный Его Величеством джентльмен закончил чтение ответа, слово взял граф Манчестер. Он заявил, что Парламент высоко ценит преданность Сити и сделает все, чтобы защитить жизнь и имущество его граждан, а сказанное в королевском ответе о лорд-мэре и трех других магистратах граф назвал клеветой.

Речь его была встречена шумными возгласами одобрения. Вслед за графом выступил м-р Пим, обстоятельно разобравший отдельные пункты ответа. Он утверждал, что требование арестовать лорд-мэра и трех других граждан (из которых двое — члены Палаты общин) лишь за то, что они, исполняя свой долг, остались верны Парламенту, противоречит парламентским привилегиям и бесчестит Сити; что управление Сити осуществляется не тиранически и произвольно, какой-то кучкой негодяев, а законным образом, в согласии с волей Парламента; что лорды, обладающие наследственным правом принимать законы, и общины, представляющие народ и облеченные его доверием, вправе, когда сочтут необходимым, облагать налогом королевство, а потому последний ордонанс Парламента вполне законен; что право Парламента набирать войска для защиты религии и королевства предполагает полномочие требовать пожертвований на их содержание, иначе это право не имело бы никакого смысла. В заключение Пим указал гражданам Сити на грозящую им опасность, отвратить которую способна лишь армия; заверил собравшихся, что Парламент нимало не уstraшен ответом короля; и выразил надежду, что Сити, приняв в расчет положение королевства, и впредь не будет жалеть средств для армии.

Торжественная ли обстановка, в которой было оглашено королевское послание, так подействовала на благонамеренных граждан, что не позволила им выразить свои истинные чувства, или они были запуганы многочисленной вооруженной стражей, присутствовавшей тогда в Коммон-холле, я не знаю, но речи Пима и Манчестера были встречены бурными рукоплесканиями; завершилось же собрание тем, что его участники изъявили полную готовность «жить и умереть с Палатами». Всякие мысли о новом обращении к Его Величеству были отброшены, мятежные речи становились все вольнее, дошло до того, что когда лорд-мэру пожаловались на какого-то негодяя, надеявшегося «уже скоро омыть свои руки в крови короля», сей служитель правосудия отказался принять меры для его задержания.

Между тем в Палатах снова заговорили о мирных предложениях, ведь Парламент понимал: Сити и страна поддерживают его прежде всего потому, что надеются получить от него скорый мир. Но вождям

мятежной партии нужно было другое — билль об уничтожении епископата — и чтобы провести его через обе Палаты, они прибегли к хитрости. Эти люди знали, что продолжать войну против английского короля они смогут лишь при содействии шотландской армии, получить же эту помощь можно было лишь ценой полного изменения церковных порядков в Англии, чего упорно домогались от них шотландцы. Но большинство членов Палаты оставались сторонниками существующей системы церковного управления. А потому самым твердым своим приверженцам смутьяны говорили, что «выступление шотландцев на стороне Парламента устроит короля и сохранит за Палатами северные графства; оно, однако, возможно лишь при условии преобразования епископальной церковной организации — иначе шотландцы никогда не возьмутся за оружие». Другим же они лукаво внушали (и это был их главный довод), что «на переговорах с Его Величеством следует требовать как можно больше и выставлять самые суровые условия — чтобы затем было от чего отступить, ведь когда король, глубоко преданный существующему церковному строю, увидит нависшую над ним угрозу, он непременно уступит Парламенту в вопросе о милиции, чтобы любой ценой спасти епископат».

С помощью подобных уловок, но прежде всего — решительным отказом посылать королю какие-либо предложения до тех пор, пока лорды не одобряют билль об упразднении епископата, мятежная партия добилась своей цели; после чего, в конце января 1643 года, в Оксфорд прибыли для переговоров графы Нортумберленд, Пемброк, Солсбери, Голланд, а с ними восемь членов Палаты общин. Не могу не упомянуть здесь еще об одной выдумке, впрочем, довольно забавной. Лондонскому простонародью твердили, что в Оксфорде и на всех верных королю землях скоро нечего будет есть, а потому, даже если иные средства не помогут, угроза голодной смерти наверняка вынудит Его Величество возвратиться к Парламенту; а чтобы чернь поверила этим сказкам, парламентский комитет, отправляясь в Оксфорд, взял с собой огромный запас провианта. Так или иначе, граф Нортумберленд зачитал петицию, или «Покорные желания и предложения лордов и общин Парламента, представленные Его Величеству», в которых Палаты, «исполненные заботы о чести Его Величества и процветании народа, удрученные бедствиями, постигшими Англию и Ирландию после того, как Его Величество по наущению дурных советников удалился от Парламента, собрал против него армию, взял под свое покровительство делинквентов, призвал и вооружил множество папистов, предводимых графом Ньюкаслем, поставил лорда Герберта и иных папистов во главе крупных отрядов

своего войска и тем самым дал папистам средства для осуществления их преступного замысла искоренить реформированную религию, — умоляют Его Величество устранить все эти причины войны, для чего королю предлагается

1. Распустить свою армию и возвратиться к Парламенту, который также выражает готовность распустить свои войска.
2. Предать делинквентов законному суду Парламента.
3. Не только распустить, но и разоружить папистов, как того требует закон.
4. Утвердить билли: об отмене всех суеверных новшеств; о полном упразднении в Церкви Англии архиепископов, епископов, деканов, капитулов, архидиаконов, пребендариов и других подобных званий и учреждений; о порочных священниках; против одновременного владения несколькими бенефициями; о совещании с учеными и благочестивыми богословами; кроме того, король должен дать слово утвердить те билли о преобразовании церковного управления, которые, по совещании с собранием упомянутых богословов, примет в будущем Парламент.
5. Чтобы облегчить разоблачение и ускорить осуждение иезуитов и рекузантов, дать королевскую санкцию на установление актом Парламента особой присяги — об отрицании и непризнании верховной власти папы, учения о пресуществлении, чистилище, почитании распятий и икон; а также утвердить билль о воспитании детей папистов протестантами и в протестантской религии.
6. Удалить графа Бристоля из советов Его Величества; запретить ему, а также лорду Герберту, старшему сыну графа Вустера, посещать двор и занимать государственные должности.
7. Дать согласие на билль о милиции.
8. Утвердить в должности: сэра Джона Брамстона — председателя Суда королевской скамьи; Уильяма Ленталла — хранителя свитков, и ряд других лиц.
11. Утвердить те акты, которые примет Парламент для обеспечения государством уплаты долгов и возмещения убытков.
12. Вступить в более тесный союз с Соединенными Провинциями и другими протестантскими государствами, чтобы сообща разстроить замыслы папистов и иезуитов.
13. Исключить из дарованной Его Величеством общей амнистии Уильяма, графа Ньюкасла, и Джорджа, лорда Дигби, а также всех причастных к восстанию в Ирландии.

14. Восстановить на прежних постах и должностях тех членов Палат, которые лишились их после начала злосчастных раздоров между королем и Парламентом и возместить понесенный ими ущерб.

Лица, приехавшие с этой петицией, в откровенных разговорах со своими друзьями в Оксфорде гневно осуждали тиранию и безрассудство тех, кто их прислал (и даже привезенные ими предложения), но при этом решительно заявляли, что если ответ короля позволит начать переговоры, то неистовая партия в Парламенте уже не сможет отвергнуть разумные предложения Его Величества. Король отлично понимал, что люди, более других ему сочувствовавшие, обладали наименьшим весом в Палатах, однако два дня спустя он отпустил посланников, вручив им ответ, в котором говорилось, что Его Величество всей душой стремится к миру и теперь, когда, очевидно, появилась надежда на переговоры, не склонен отвечать резкими словами на тяжкие и несправедливые обвинения, выдвинутые против него в преамбуле парламентской петиции. И хотя многие из предложений Парламента умаляют законные полномочия короля и не служат благу подданных, Его Величество, желая положить конец бедствиям противоестественной войны и надеясь, что неясности и недоразумения удастся устранить в ходе переговоров, соглашается на скорейшее определение времени и места встречи назначенных им и Палатами лиц для обсуждения предложений обеих Палат, а также его собственных следующих ниже предложений:

1. Доходы, арсеналы, города, крепости и корабли, силой отнятые у Его Величества, должны быть немедленно возвращены.
2. Все, что было сделано или объявлено вопреки законам страны и в ущемление прав короны, подлежит отмене.
3. Все уже совершенные Палатами и их комитетами беззакония (незаконные аресты, приостановление действия Habeas corpus*,

* Habeas corpus (лат.) — судебное предписание с простым механизмом применения. Любой человек, заключенный под стражу, мог получить в суде Королевской скамьи или в суде Общих тяжб предписание, согласно которому на основании акта Habeas corpus тюремщик был обязан лично в письменной форме уведомить заключенного, на каком основании он содержится под стражей. Суд общего права рассматривал это объяснение и выяснял, насколько заключение под стражу являлось обоснованным и необходимым. Далее суд мог освободить заключенного, либо оставить его под стражей. Как правило, предписания согласно Habeas corpus широко использовались против юрисдикции Высокой комиссии, прерогативного суда, частично перекрывавшего полномочия церковных судов; при этом только Высокая комиссия имела право заключать под стражу подозреваемых в преступлениях против веры. Использование данного предписания ставило под сомнение это право, поскольку предполагалось, что

взимание налогов помимо актов Парламента) должны быть исправлены.

4. Должен быть принят билль о защите Книги общих молитв от поношений со стороны браунистов, анабаптистов и прочих сектантов.
5. Все исключенные из общей амнистии лица должны быть судимы *per pares*^{*} по законам королевства.
6. Для беспрепятственного ведения переговоров следует заключить перемирие». >

Но пока делались эти авансы и звучали речи в пользу мира, вся Англия страдала от печальных последствий войны, ибо ни король, ни Парламент не ослабляли усилий, пытаясь добиться своих целей вооруженной рукой, а знатные и именитые люди в большинстве графств все решительнее принимали ту или иную сторону в начавшейся борьбе. Так, когда король отступил из Брентфорда и все еще стоял близ Ридинга, несколько верных ему сассексских джентльменов, полагаясь на свое влияние в этих краях, вызвались набрать для него войска, в убеждении, что им удастся захватить какую-нибудь важную и сильную крепость, куда они смогут отойти, если неприятель попытается их атаковать — что в то время года казалось делом едва ли не безнадежным. Получив необходимые полномочия, эти джентльмены, с помощью большого отряда опытных офицеров, добились первого успеха, вполне соответствовавшего их надеждам, — отчасти силой, отчасти хитростью они овладели Чичестером. Город этот, окруженный старыми, довольно мощными стенами, нетрудно было укрепить так, чтобы не страшиться (тем более в зимнее время) никаких покушений со стороны неприятеля. И подобные расчеты, вне всякого сомнения, оправдались бы вполне, если бы тамошний простой народ, из которого решили наберовать рядовых, оказался столь благонадежен, как о нем думали.

Но прежде чем сторонники короля успели собрать в Чичестере людей и провиант, граф Эссек послал против них сэра Уильяма Уоллера с пехотой, кавалерией и пушками; и тот при содействии

прерогативный суд действует вопреки «древней конституции», неотъемлемой частью которой считался акт *Habeas corpus*. (Примеч. ред.)

* «Судом равных» — судебный принцип, восходящий к Великой хартии вольностей (ст. 29), согласно которой каждый свободный человек не мог подвергаться аресту, лишаться имущества, подвергаться изгнанию или объявляться вне закона иначе, как после суда равных (*per iudiciam parium suorum*) или согласно *per legem terrae*, т. е. праву земли. (Примеч. ред.)

местных жителей быстро запер их в стенах города. Вскоре положение осажденных стало бедственным и даже отчаянным. Дело было не только в обложившем город неприятеле (сдержать его, по-видимому, могли бы стены и погода) и в недостатке продовольствия, запастись коим им попросту не хватило времени, — защитники Чичестера имели веские основания опасаться, что их друзья падут духом раньше, чем враги, и что горожане, составлявшие часть гарнизона, окажутся весьма ненадежными бойцами; к тому же из-за малого числа рядовых обычную солдатскую службу постоянно несли офицеры и видные джентльмены, едва стоявшие на ногах от полного изнурения. По названным причинам, после семи- или десятидневной осады, выговорив себе лишь сохранение жизни, они принуждены были сдать город, который неприятель едва ли сумел бы взять приступом; и эта неудача (вместе с потерей пятидесяти или шестидесяти именитых джентльменов и опытных офицеров, чья превосходная репутация как будто ручалась за ее совершенную неизбежность) ясно показала королю, что ему не следует рисковать, размещая гарнизоны в слишком отдаленных от его собственных квартир местах, куда он не сможет вовремя прислать подкрепление или припасы.

Очень скоро триумф неприятеля был омрачен, а потеря, понесенная королем, возмещена взятием Сайренсестера, большого города в Глостершире, где мятежники держали сильный гарнизон, возводили укрепления и откуда, поскольку находился Сайренсестер у самых границ Уилтшира, Беркшира и Оксфордшира, они до крайности затрудняли действия королевских войск. Овладеть этим городом намеревался маркиз Гертфорд: он привел с собой из Уэльса около двух тысяч человек пехоты и полк кавалерии и рассчитывал на содействие принца Руперта, который должен был присоединиться к нему с несколькими полками из Оксфорда; но из-за сильных дождей (дело было на Рождество), ужасного состояния дорог и некоторой несогласованности в распоряжениях военачальников, замысел их не осуществился, а встревоженный угрозой неприятель стал еще решительнее и усерднее готовиться к отражению возможной атаки.

В начале февраля принц Руперт вернулся к этому плану и действовал теперь гораздо успешнее: предприняв штурм города одновременно в нескольких пунктах, он прорвал линию неприятельских укреплений (не достроенных, но защищавшихся достаточно упорно), что обошлось ему в некоторое число убитых и довольно

значительное — раненых; противник, однако, понес более серьезный урон — целых двести человек легли на месте, а свыше тысячи попали в плен, и среди них Уорнфорд и Феттиплейс (два именитых и состоятельных местных джентльмена, деятельно служившие Парламенту), м-р Джордж, член Палаты общин от Сайренсестера, и несколько офицеров-шотландцев, в том числе и начальник гарнизона Карр. В Сайренсестере было чем поживиться, удержать же распоясавшихся солдат от грабежа оказалось невозможно, и они тащили все подряд, не разбирая, где здесь враги, а где друзья, так что для многих достойных граждан, коих мятежники бросили в тюрьму за отказ иметь с ними дело, свобода пришла вместе с полным разорением. Среди таковых оказался Джон Плот, юрист, пользовавшийся безупречной репутацией; выйдя на волю из сурового и бесчеловечного заточения, он застал в собственном доме толпу солдат и уже никогда не смог получить обратно взятые ими тысячу двести фунтов. Принц Руперт оставил в Сайренсестере сильный гарнизон, который обложил контрибуцией почти весь этот край. Таким образом территория, занятая войсками короля, заметно увеличилась и теперь шла сплошной полосой от Оксфорда до Вустера (из этого важного города, а также из Герифорда и одноименных графств мятежники убрались несколько ранее, когда граф Стамфорд, оставленный в тех краях графом Эссексом, был отозван спасать западные графства в связи с усилением королевской партии в Корнуолле).

Глава V

(1643)

Мы уже упоминали о том, что сэр Ральф Гоптон с небольшим отрядом примерно в сто кавалеристов и полсотни драгун отступил в Корнуолл, а граф Бедфорд даже не стал его преследовать, полагая, что парламентские комитеты сами с ним справятся без всякого труда. И действительно, комитеты полностью овладели Девонширом и нисколько не сомневались в скором подчинении всего Корнуолла, исключая замок Пенденнис, комендант коего не внушал им доверия. Сэра же Ральфа Гоптона и его людей радушно встретил в Корнуолле сэр Бевил Гренвилл; он двинулся с ними в западную часть графства, где народ был благонадежен и где можно было дать отдых солдатам и лошадям, изнуренным до последней степени, а также созвать верных королю джентльменов. Самым удобным местом для этого сочли Труро, так как восточный Корнуолл находился в руках сэра Александра Кэрю и сэра Ричарда Буллера, деятельно собиравших милицию для Парламента. В этом графстве, как и во всем королевстве, глубочайшее и чуть ли не суеверное почтение к имени Парламента, а также предубеждение против могущества двора странным образом сочетались с горячей преданностью и полным повиновением существующему государственному и церковному устройству, в особенности же той части последнего, которая относилась к литургии, или Книге общих молитв, пред коей весь народ воистину благоговел; и именно страх и подозрения насчет того, что противная партия вознамерилась ее изменить, всего более способствовали успехам короля. Хотя самые видные и влиятельные из джентри и вообще из людей имущих твердо стояли за короля — многие из них, сами будучи членами Палаты общин, уже успели понять, что за дух породил и поддерживает нынешнюю смуту — в Корнуолле были и другие особы, весьма именитые, богатые и уважаемые в народе, которые служили Парламенту, притом даже усерднее, чем их противники — королю. Существовал и третий род граждан (ибо «партией» назвать его невозможно), числом и богатством превосходивший любую из названных партий; эти люди, в глубине души убежденные в правоте

дела короля, испытывали, однако, такой ужас перед могуществом Парламента, что предпочитали сидеть смиренно, не оказывая помощи ни одной из сторон. А потому те, кто смело и решительно встал на сторону короля, вынуждены были действовать с крайней осторожностью и осмотрительностью, строго следуя общеизвестным и очевидным принципам законности и права; и даже тогда, когда их враги совершали вопиющие беззакония, они не решались отступить от формальностей и процедур, соблюдавшихся во времена полного мира. Данное обстоятельство и надлежит считать истинной причиной всех промахов и ошибок, которые допустил король в начале этой распри и которые потомство захочет, быть может, поставить ему в вину.

Парламентский комитет, подчинивший весь Девоншир и полагавший себя полным господином Корнуолла, стянул в Лонстон войска, дабы сэр Ральф Гоптон со своими приверженцами (чьи силы комитет считал совершенно ничтожными) уже не смогли ускользнуть из его рук. Было это еще до Эджхиллского сражения, когда дела короля шли совсем худо, и едва ли не вся Англия покорствовалась власти Парламента. Наступил срок четвертных сессий, и комитет вынудил мировых составить по всей форме закона обвинительный акт «против ряда неизвестных лиц, явившихся недавно с оружием в наше графство *contra pacem* etc.*» Хотя никто не был назван по имени, все понимали, о ком идет речь; а потому сэр Ральф Гоптон, ясно сознавая, к чему клонится это разбирательство, добровольно предстал перед судом, выслушал обвинение и предъявил данное королем и скрепленное Большой государственной печатью Англии полномочие маркизу Гертфорду, согласно коему тот назначался королевским главнокомандующим на Западе, а также патент от его светлости на должность генерал-лейтенанта кавалерии ему самому, сэру Ральфу Гоптону; а затем объявил собравшимся, что он послан сюда, дабы помочь им защитить свои свободы против всякого рода незаконных налогов и податей. И тогда, после долгих и серьезных дебатов, жюри присяжных, состоявшее из весьма именитых и богатых местных джентльменов, не только признало сэра Ральфа Гоптона и всех его товарищей невиновными в каком-либо нарушении

* «*contra pacem*» (лат.) — традиционная формула (буквально — против мира), использовавшаяся в парламентских актах и судебных решениях, а также применявшаяся для обозначения ситуации, нарушавшей мир в самом королевстве или его отдельной части. (Примеч. ред.)

мира и порядка, но и провозгласило, что Его Величество, послав им, уже обреченным врагами на гибель и разорение, столь своевременную помощь, поступил весьма милостиво и справедливо; и что всякий добрый подданный, как по долгу верности королю, так и из благодарности упомянутым джентльменам, обязан к ним присоединиться, чем бы это ни грозило его состоянию и самой жизни.

Таким образом сторонники короля были полностью оправданы, и теперь уже сэру Александру Кэрю, сэру Ричарду Буллеру и остальным членам комитета предъявили обвинение «в устройстве незаконного сходбища и собрания в Лонстоне, а также в иных бесчинствах и мятежных действиях, вследствие коих многие верные подданные Его Величества были ущемлены в своих вольностях и правах», ибо обвиняемые перехватывали и подвергали аресту приверженцев короля, а также людей, которых те использовали в качестве посыльных и для иных надобностей. Эти жалобы и обвинения большое жюри признало справедливыми, после чего, как и предписывал соответствующий статут, мировые отдали приказ шерифу графства, человеку вполне преданному королю, созвать *posse comitatus**, дабы разогнать незаконное сборище в Лонстоне и арестовать зачинщиков мятежа. Таким было начало и основание всех великих дел, совершенных впоследствии в Корнуолле, благодаря коим вся западная Англия в конце концов подчинилась власти короля, ведь указанные меры позволили мгновенно собрать и хорошо вооружить (чего не удалось бы добиться никакими другими средствами) три тысячи пехотинцев, и сэр Ральф Гоптон, которому все они охотно повиновались, выступил во главе этого отряда к Лонстону. Со своей стороны, комитет, укрепив названный город, рассылал оттуда собственные воззвания, с величайшим презрением трактуя решения четвертных сессий, ибо он твердо рассчитывал на своих приверженцев в Корнуолле, и вдобавок располагал сильным отрядом кавалерии, который в любой момент мог прийти ему на помощь из Девоншира: сэр Джордж Чадли, богатый и весьма уважаемый в этом графстве джентльмен, находился в то

* «Сила графства» — одноименный статут, наделявший шерифа графства правом поднимать любого дееспособного мужчину начиная с 15-летнего возраста для содействия в поддержании мира на вверенной ему территории (например, для поимки беглецов или преступников, уничтожения незаконно возведенных укреплений, подавления мятежей и т. д.) Так же называлось и само ополчение, действовавшее под командованием шерифа. Первое упоминание об использовании этого права относится к 1189 г. (Примеч. ред.)

время в Тавистокке с шестью полностью укомплектованными эскадронами — их набрали в Девоншире для армии Эссекса, но решили задержать до тех пор, пока не будет умиротворен соседний Корнуолл. Получив известие о приближении сэра Ральфа Гоптона, эти войска выдвинулись к Лифтону, девонширской деревне, лежавшей в каких-нибудь трех милях от Лонстона.

Подойдя к Лонстону на расстояние двух миль, сэр Ральф Гоптон дал отдых своим людям, намереваясь атаковать город на следующий день рано утром. Однако сэр Ричард Буллер и его сообщники, убоявшись штурма, той же ночью в большом беспорядке оставили город и ушли в Девоншир, где укрылись затем в Плимуте, так что наутро сэр Ральф Гоптон нашел ворота Лонстона открытыми и вступил в город без боя. Но если покорность и уважение к общеизвестным действующим законам помогли шерифу за считанные дни собрать своей властью армию, то сильнейшее предубеждение против этой самой власти так же скоро эту армию разрушило. Ибо в то время, как все именитые и почтенные особы, отлично зная о преступных и притом вполне определенных умыслах противной партии, настойчиво требовали продолжать преследование обескураженных и павших духом мятежников в Девоншире, что позволило бы сторонникам короля пополнить свои ряды за счет благонадежных жителей этого обширного и многолюдного графства, которые до сих пор молчали из страха перед врагом, им решительно возражали, указывая на то, что шериф, единственно лишь законной властью коего удалось выставить эту вооруженную силу, по закону же не имеет права выводить ее из собственного графства, и что главнейшая привилегия милиции в том и состоит, что ее нельзя принуждать к любым действиям за пределами последнего.

Какие бы досадные неудобства ни усматривали иные в подобных взглядах, никто не рискнул положиться на нынешнее умонастроение этих людей настолько, чтобы противопоставить их понятиям о законности здравые соображения практической целесообразности или настоящей необходимости. А потому, попытавшись, насколько возможно, скрыть истинные причины, вожди сделали вид, будто отказ от преследования неприятеля объясняется опасением перед его силой, могущей увеличиться через соединение с отрядом сэра Джорджа Чадли, а также недостатком боевых припасов (и тот, и другой довод не были безосновательны), и двинулись к Селтешу, городу в Корнуолле, лежавшему на берегу морского залива, который только и отделял его от Плимута и Девоншира. Там

стояли гарнизоном двести шотландцев, но с приближением сэра Ральфа Гоптона они очистили Селтеш без боя и с такой же быстротой, с какой ранее мятежники оставили Лонстон. Теперь, когда весь Корнуолл находился в его власти, сэр Ральф спокойно распустил по домам тех, кого не смог бы надолго удержать, и отошел на запад с горсткой своих кавалеристов и драгун — в надежде, что со временем новая дерзость неприятеля опять вдохнет бодрость и энергию в жителей этого графства.

Пока же, приняв в расчет, что с помощью *posse comitatus*, хотя и превосходно себя показавших в Корнуолле, едва ли можно будет погасить пожар мятежа во всей Англии, сэр Ральф Гоптон и его сподвижники задумали набрать пехотные полки из добровольцев; сделать же это могли только сами местные джентльмены, вербуя в королевскую армию своих соседей и держателей. Сэр Бевил Гренвилл (самый популярный в Корнуолле человек), сэр Николас Сленнинг, доблестный комендант Пенденнис-касла, а также Джон Арунделл и Джон Тревеньон, два молодых человека, подававшие блестящие надежды и при том наследники крупных состояний (все четверо, будучи членами Палаты общин, лучше других знали об ужасных планах враждебной партии), начали набор волонтеров, а многие молодые джентльмены из самых влиятельных в графстве фамилий помогали им в качестве младших офицеров; так что это маленькое графство, притом гораздо быстрее, чем можно было ожидать, выставило, вооружило и обучило почти полторы тысячи пехотинцев. Затем, однако, произошло событие, которое могло бы привести в замешательство людей, не вполне готовых исполнить свой долг.

Лорд Мохен (который, прощаясь с королем в Йорке, пылко заверял его в совершенной своей готовности со всем усердием ему служить) после начала борьбы в Корнуолле уклонился от выступления на стороне короля и, оставаясь в собственном поместье, поддерживал одинаково дружеские отношения с людьми самых несходных взглядов, как если бы еще не чувствовал себя достаточно осведомленным, чтобы примкнуть к какой-либо из сторон. Но когда враждебную партию полностью изгнали из Корнуолла и прошел слух, что король во главе армии выступил в поход и дал сражение при Эджхилле (об исходе которого сообщалось по-разному), лорд Мохен, никому не сказав ни слова о своих намерениях, отбыл в направлении Лондона (в то самое время, когда туда же шел король) и в Брентфорде явился к Его Величеству, представив себя

посланником от сэра Ральфа Гоптона и прочих джентльменов, державших сторону короля в Корнуолле, — хотя многие подозревали, что направлялся он именно в Лондон и, лишь обнаружив впоследствии, что дела короля идут лучше, чем это казалось большинству англичан, изменил свои планы. Выслушав рассказ его светлости о положении на западе и предполагая, что лорд Мохен действительно выражает мысли и желания тех, чьим представителем он назвался, король поручил его светлости, а также сэру Ральфу Гоптону, сэру Джону Беркли и полковнику Ашбурнему совместное начальство над войсками западных графств в отсутствие лорда маркиза Гертфорда. С этими полномочиями он вернулся в Корнуолл и тотчас набрал полк пехоты, решительно никому не уступая теперь по части рвения и энергии, так что прежнюю бездеятельность лорда Мохена стали объяснять единственно лишь тем обстоятельством, что его не устраивал тогдашний порядок командования.

Однако лица, затронутые этой переменной, были от нее совсем не в восторге. Ранее корнуолльские джентльмены, усилия и влияние коих способствовали успехам дела короля, весьма охотно подчинялись другим джентльменам, своим землякам — как потому, что привыкли высоко ценить этих людей, давних своих знакомцев и старых друзей, так и из уважения к законной власти и полномочиям, которыми те были наделены в графстве, ведь (как мы уже упоминали) сэра Ральфа Гоптона маркиз Гертфорд назначил генерал-лейтенантом кавалерии, сэра Джона Беркли — его заместителем; а полковника Ашбурнема — генерал-майором пехоты — одним словом, никаких споров по поводу командования тогда не возникало. Теперь же, когда лорд Мохен вступил в командную должность, выше которой в Корнуолле не существовало, и оказался старшим начальником для тех, кто по своей репутации и авторитету полагали себя людьми более достойными (ибо его светлость не имел счастья снискать в своем графстве особой любви и благоволения), притом добился этого поста исключительно собственными стараниями и искательствами, все это вызвало в среде тамошних джентльменов известное раздражение. Однако их искренняя забота о благе отечества и общая преданность правому делу до такой степени истребили всякого рода личную вражду и даже неприязнь, что о большем единомыслии в любых трудах и предприятиях нельзя было и мечтать. Они не только защитили Корнуолл, но и смело вторгались в Девоншир, доходя до стен Плимута и Эксетера, хотя позднее время года (дело было в разгар зимы) и недостаток боевых

припасов вынуждали их отходить в Корнуолл. Зная, что верные королю джентльмены уже стали полными господами в этом графстве, и опасаясь того, что они могли бы совершить в ближайшем будущем, встревоженный Парламент решил, что пришло время принять более серьезные меры для их разгрома. А потому он приказал всем своим войскам в Дорсетшире и Сомерсетшире соединиться с девонширскими частями и полностью подчинить Корнуолл.

Начальствующий над последними шотландец Рутвен (тогдашний комендант Плимута) подошел к мосту через реку Теймар, в шести милях севернее Селтеша (где он уже пытался переправиться несколько ранее, но был отбит с потерями), и, сломив сопротивление охранявшего мост отряда, вступил в Корнуолл. За ним на расстоянии двух-трех переходов следовал граф Стамфорд, также с пехотой и кавалерией, хотя сам шотландец располагал силами, намного превосходившими королевские войска, которые с началом этого стремительного вторжения принуждены были в полном составе отступить к Бодмину, куда (еще за несколько дней предвидя разыгравшуюся теперь бурю) их вожди вновь призвали *posse comitatus*, и милиционеры явились на зов в значительном числе.

Но едва сторонники короля успели немного передохнуть и привести в порядок свои войска, как Рутвен с конницей, пехотой и артиллерией подошел к Лискерду, лежавшему в семи милях от Бодмина, после чего корнуолльские джентльмены со всей поспешностью двинулись навстречу неприятелю: они понимали, сколь важно для них дать бой мятежникам еще до того, как к тем присоединится граф Стамфорд (уже подступивший к Лонстону с сильным отрядом пехоты и кавалерии). Но если это соображение подгоняло одну сторону, то другую оно также заставляло торопиться, ибо Рутвен, опасаясь, как бы его победу (в коей он ничуть не сомневался) не омрачило присутствие старшего начальника — графа Стамфорда, твердо решил кончить дело еще до его прихода. А потому, как только стало известно о приближении сэра Ральфа Гоптона — которому другие лица, получившие от короля равные с ним полномочия, добровольно передали на этот день единоличное командование, дабы путаница и несогласованность в приказах не вызвали замешательства и раздоров, и для которого было столь важно начать сражение как можно скорее, что он решил, невзирая на все невыгоды своего положения, атаковать неприятеля хотя бы и в самом городе, но ни в коем случае не уклоняться от битвы — Рутвен также вывел в поле свои войска и, избрав позицию близ Лискерда, на восточном склоне

Брэддок-Дауна, выстроил их в боевой порядок. Со своей стороны, сэр Ральф Гоптон, подготовив людей к бою, велел читать молитвы перед каждой ротой и эскадроном (при виде чего мятежники, дабы укрепить свою решимость храбро сражаться за дело религии, говорили друг другу: «Это они мессу служат»). В центре он расположил пехоту, на флангах — кавалерию и драгун, а затем, приблизившись на мушкетный выстрел к стоявшему без движения врагу и видя, что тот еще не успел доставить из города орудия, приказал всю имевшуюся у него артиллерию — то есть две легкие железные пушки — выдвинуть, под прикрытием небольшого конного отряда, на удобную для стрельбы позицию перед главными силами неприятеля. После двух выстрелов из этих пушек (не замеченные противником, они причинили ему некоторый урон и повергли в неописуемый ужас) сэр Ральф Гоптон повел в атаку свое войско и без труда сбил неприятеля с позиций. Однако позади своих боевых порядков, в живых изгородях, мятежники успели расположить резерв, под прикрытием коего рассчитывали спокойно отступить в город. Но доблестные корнуолльцы — большие мастера сражаться среди кустов и плетней — столь лихо взялись за дело и с такой яростью обрушились со всех сторон на врага, что очень скоро захватили и эту позицию и, обратив в беспорядочное бегство всю неприятельскую армию, могли, пока продолжалось преследование, истреблять бегущих с величайшей легкостью. Впрочем, добившись решительного успеха, корнуолльцы давали пощаду побежденным гораздо охотнее, чем это обыкновенно бывает в гражданских войнах, и после того, как всякое сопротивление прекратилось, они, удержанные великодушием и христианским милосердием к своим братьям, пролили совсем немного вражеской крови, так что когда один свирепый офицер потребовал от своих солдат продолжать бойню, те ответили, что «не находят в своих сердцах силы, которая заставила бы их разить людей, в чьих руках нет больше оружия».

Не потеряв в этом бою ни одного видного офицера и лишившись немногих рядовых, корнуолльцы взяли тысячу двести пятьдесят пленных, захватили у неприятеля почти все знамена, всю артиллерию — четыре медных пушки (из коих две двенадцатифунтовые) и один железный фальконет — всю амуницию и большую часть вооружения. Сам Рутвен, с теми немногими, кто удирал так же быстро, как и он, примчался в Селтеш, который решил укрепить и, пользуясь близостью Плимута и содействием флота, защищать, дабы сохранить влияние в значительной части Корнуолла. Граф

Стамфорд, очень скоро получивший известие об этом разгроме, в большом беспорядке отступил к Тавистоку, чтобы прикрыть западный Девоншир от неприятельских набегов. Предводители же королевских войск, отслужив благодарственный молебен Господу за великую победу (было это в середине января) и дав своим солдатам немного отдохнуть в Лискерде, решили разделить свои силы. Сэр Джон Беркли и полковник Ашбурнем, вместе с волонтерскими полками сэра Бевила Гренвилла, сэра Николаса Сленнинга и полковника Тревеньона, а также с небольшим отрядом кавалеристов и драгун, который оказалось возможным им выделить, двинулись к Тавистоку, с намерением атаковать графа Стамфорда. Лорд Мохен и сэр Ральф Гоптон с частями милиции и полками волонтеров лорда Мохена и полковника Годолфина пошли на Селтеш, чтобы выбить оттуда Рутвена. Последний же всего за три дня (ибо между его конфузом при Брэддок-Дауне и его появлением в Селтеше протекло ничуть не больше времени) возвел там такие укрепления и установил на узких дорогах столько орудий, что вообразил себя способным — с помощью крупного корабля в четыреста тонн с шестнадцатью пушками на борту, который по его приказу поднялся вверх по реке и стоял теперь у самого города — оборонять Селтеш против любых неприятельских сил, какие только могли быть против него брошены. Но уже вскоре он убедился, что его врагами движет тот самый дух, который заставил его, Рутвена, бежать из Лискерда, и что дух его собственных солдат, без оглядки оттуда удиравших, также остался прежним; ибо, подступив к Селтешу, корнуолльцы тотчас атаковали передовые укрепления, быстро ими овладели, а затем выбили неприятеля и из самого города. Погром был страшный — немало мятежников погибло в бою, еще больше утонуло; сам же Рутвен едва успел сесть в лодку и с великим трудом добрался до Плимута, бросив всю свою артиллерию, каковая, вместе с упомянутым судном, ста сорока пленными и всеми знаменами, которые удалось спасти после Лискердского побоища, досталась победителям, возвратившим себе таким образом безраздельное господство в Корнуолле.

Что же до графа Стамфорда, то ему, в отличие от Рутвена, не хватило выдержки даже для того, чтобы дожидаться неприятеля, и еще до подхода последнего он оставил Тависток; иные из его отрядов поспешно отступили в Портсмут, а прочие ушли в Эксетер. После чего, хотя старый предрассудок против выхода за пределы собственного графства вновь заставил милицию разойтись по

домам, корнуолльцы со всеми своими добровольческими частями вступили в Девоншир и разбили лагерь менее чем в миле от Плимута, выставив дозоры на расстоянии мушкетного выстрела от неприятельских позиций. В это самое время сэр Джон Беркли, выказав немало усердия и отваги, со своим великолепным летучим отрядом кавалеристов и драгун атаковал все пункты в Девоншире, где мятежники пытались созвать местных жителей; он разогнал эти сходбища, захватил в плен многих именитых особ и таким образом помешал Чадли, генерал-майору парламентской армии, набрать там войска, чем тот весьма старательно занимался.

В одном из этих стремительных и столь необходимых тогда набегов, при ночном налете на Чагфорд (городок в южном Девоншире), король потерял Сидни Годолфина, молодого джентльмена превосходнейших дарований. Человек тонкой натуры и изысканного воспитания, чуждый поначалу всяких политических распрей, Годолфин (а он был членом Палаты общин), видя злобу и порочность коммонеров, из одного лишь благородного негодования и чувства долга перед отечеством сразу же присоединился к сторонникам короля в западных графствах; и хотя, избрав ремесло воина под давлением обстоятельств, он не считал себя достойным командного поста, однако, поскольку суждения его на военных советах, в коих он непременно участвовал, имели огромный вес в глазах всех командиров, а блестящие способности могли принести немало пользы в гражданских делах, Годолфин с полной готовностью шел навстречу любым трудам, заботам и опасностям. Слишком смело бросившись вперед в последнем бою, он был ранен мушкетной пулей, угодившей ему чуть выше колена, и тотчас же скончался, оставив этому городишке, о котором иначе никто бы в целом свете и не узнал, позорную славу места своей гибели.

После этих событий, происходивших в начале января [скорее всего, в начале февраля. — *Примеч. ред.*], вожди сторонников короля, приняв в расчет время года и недостаток в боевых припасах, и убедившись в неприступности неприятельских цитаделей, отвели все свои войска на отдых в Тависток, где оставались много дней, желая, насколько возможно, облегчить своим верным друзьям в Корнуолле бремя забот и расходов по содержанию их маленькой армии. Окружавшие их со всех сторон затруднения были громадными. Одной из таких помех являлось то обстоятельство, что из-за полного господства неприятеля в прочих западных графствах корнуолльцы не могли поддерживать связь с королем и получать

от него какие-либо известия — из десяти отправленных ими гонцов ни единый не добрался до цели. Далее, хотя сознание правоты их дела и беззаветная преданность ему помогали частным лицам в наборе войск, однако сбор средств на нужды этой армии и на уплату жалованья ее солдатам всецело зависел от репутации, влияния и авторитета отдельных людей, а сколь долго подобный источник сможет питать эти реки, даже те из них, кто тверже других верил в конечный успех, сказать уже не решались. Но всего более тревожила их нехватка боеприпасов. До сих пор они пользовались тем, что брали в погребах замка Пенденнис и захватывали у неприятеля, однако гарнизон первого сам нуждался в пополнении своих запасов, а каким образом можно это сделать, никто себе не представлял. Страх оказаться когда-нибудь в бедственном положении, без всякой надежды выйти из него, угнетает сильнее, чем любые настоящие затруднения.

Но в этот самый момент, как будто ниспосланная Провидением, им выпала такая удача, о которой они не смели и мечтать. Капитан Картерет, инспектор королевского флота, отказавшись в начале смуты служить в морских силах Парламента, тихо удалился со своим семейством на остров Джерси; но затем, наскучив сидеть без дела, когда его государь воюет, не утерпел и отправился в Корнуолл с целью набрать эскадрон кавалерии и сражаться на стороне короля. Когда же он туда прибыл, корнуолльские командиры, поведав Картерету, сколь отчаянно недостает им пороха, принялись наперебой умолять его помочь им в этой беде, изыскав способ использовать для доставки пороха многие превосходные порты, находившиеся в их руках. Не теряя времени, Картерет вернулся во Францию и, вначале закупая необходимое в кредит на собственное имя, а затем в обмен на товары, которые могли выделить корнуолльцы, отправил им такое количество боевых припасов, что впоследствии они уже не испытывали по этой части ни малейших затруднений.

Пока же приверженцы короля, стоявшие в Тавистоке, все еще страдали от нехватки амуниции, несколько корнуолльских джентльменов, ранее примкнувших к мятежникам и потому изгнанных из своего графства, осторожно предложили заключить договор, который восстановил бы мир в Корнуолле и Девоншире, удалив войну за их пределы. Те, кто всего лучше знали характер и стремления бунтовщиков, легко уразумели, что подобное соглашение отнюдь не обещает прочного мира. Однако это предложение, с виду весьма привлекательное, пользовалось таким успехом в народе, что

отклонить его представлялось совершенно невозможным, а потому решено было устроить совещание выборных от обеих сторон. Даже граф Стамфорд казался тогда столь искренним, что на первом же заседании стороны, дабы засвидетельствовать чистоту своих намерений, с общего согласия постановили, что каждый участник переговоров должен будет вначале сделать заявление, поклявшись, < «перед лицом всемогущего Господа, что он приложит все усилия для заключения прочного мира между графствами Корнуолл и Девоншир; что он готов защищать протестантскую религию, установленную законом в Церкви Англии, а вместе с нею — законные права и прерогативы короля, нашего верховного правителя, законные привилегии и свободы Парламента, а также законные права и вольности подданных; что он не будет посягать на чье-либо имущество и не надеется получить какие-либо должности, титулы и награды от короля или Парламента, и наконец, что слова этой клятвы он разумеет в буквальном смысле и значении». >

После столь торжественной декларации и совершенного затем таинства святого причастия даже те, кто не чаял благих плодов от этих переговоров, возымели надежду, что они могут принести известную пользу, и стали думать, что люди, связавшие себя подобными обязательствами, сумеют превозмочь предубеждения и бурные страсти, обыкновенно двигавшие их партией. А потому приверженцы короля охотно согласились отвести свои войска в Корнуолл, после чего стороны заключили перемирие, дабы без всяких помех продолжать переговоры. За этими переговорами мы их пока и оставим, а сами бросим беглый взгляд на северную Англию и расскажем по порядку, каким образом пришлось ей нести свою долю тяжкого бремени Гражданской войны и порожденных ею бедствий.

Глава VI

(1643)

Покидая Йоркшир, король по просьбе джентльменов названного графства велел сэру Томасу Глемему остаться в Йорке и поручил ему начальство над войсками, которые тот найдет нужным набрать для отражения неприятельских вылазок из Гулля: засевший там Готэм-младший совершал дерзкие набеги на округу, между тем как отец его не слишком рвался в бой, полагая, что, дождавшись решительного успеха одной из сторон, он сумеет использовать его к собственной выгоде. Люди, всего более сочувствовавшие Парламенту — из коих самыми влиятельными были лорд Ферфакс и его сын, и от которых король тогда в столь малой степени ожидал серьезного вреда, что, уезжая из Йорка, оставил их всех в их поместьях, хотя вполне мог, если бы почел за нужное, арестовать и увезти с собой — предпочитали наблюдать за событиями, но не ввязываться в войну, в убеждении, что все споры решит одна-единственная битва, после чего все королевство с готовностью покорится победителю. Я даже склонен думать, что никакое мнение так сильно не способствовало продолжению и затягиванию войны, как господствовавшая в ее начале всеобщая уверенность в том, что она быстро закончится. А так как в ту пору обнаружилось лишь одно важное разногласие, грозившее свергнуть страну в смуту, и касалось оно начальства над милицией — король распорядился, чтобы руководство и командование ею осуществлялось на основании приказа о созыве ополчения, Парламент же издал на сей счет собственный ордонанс — то державшиеся различных взглядов джентльмены положили между собой в этот спор не вмешиваться, ничью сторону не принимать, но сидеть смирно. Такое решение имело, пожалуй, смысл для сторонников Парламента, которые в массе своей были скорее исполнены слепого благоговения перед именем этого собрания — роковая эта болезнь поразила тогда все королевство — нежели серьезно увлечены страстями и замыслами самых неистовых его членов, и которые отлично понимали, что огромное большинство родовитых, уважаемых и влиятельных особ в стране непременно воспротивится их действиям, ведь, кроме лорда Ферфакса, лишь немногие люди с высокой репутацией

и обширным состоянием готовы были идти с ними одной дорогой. Со своей стороны, приверженцы короля считали свой долг исполненным: они уже набрали и отправили Его Величеству два хороших полка пехоты, один — под началом полковника Джона Белласиса, младшего сына виконта Фолкенбриджа, а другой — под командованием сэра Уильяма Пеннимена, два полка драгун, полковника Данкома и полковника Гоура, и несколько эскадронов кавалерии, а так как король находился слишком далеко и высылать ему новые подкрепления не существовало более возможности, то Йоркширцы пришли к заключению, что теперь единственная их задача — поддерживать мир в собственном графстве, дабы оно не могло причинить ущерб делу короля, посылая солдат в армию графа Эссекса или как-либо поддерживая гарнизон Гуллы; подобно другим англичанам, они полагали, что спор между королем и Парламентом решит первая же битва. После этих размышлений и обсуждений условия договора были составлены, утверждены и подписаны лордом Ферфаксом и Гарри Белласисом, прямым наследником лорда Фолкенбриджа — двумя рыцарями, представлявшими Йоркшир в Палате общин, и вдобавок близкими родственниками, которые относились друг к другу с величайшим расположением до тех пор, пока их не развело различие политических мнений и пристрастий: первый с началом смуты принял сторону Парламента, второй же выказал блестящее мужество и рассудительность, защищая дело короля.

Вместе с ними статьи договора, являвшегося в действительности не чем иным, как соглашением о нейтралитете, подписали главнейшие особы обеих партий; они взаимно обязались его соблюдать, воздерживаясь от помощи любой из сторон. Из джентльменов парламентской партии в Йоркшире только двое отказались признать этот договор — Готэм-младший и сэр Эдуард Родс (более именитый, но пользовавшийся меньшей известностью и уважением в своем графстве.) Однако Парламент, едва узнав об этом деле, бурно вознегодовал; в мягких выражениях (хотя по сути весьма оскорбительным образом) он упрекнул лорда Ферфакса и его сподвижников в том, что они позволили себя надуть и одурачить противной партии, после чего объявил, < «что ни одна из сторон договора не имела права его заключать и обязывать к соблюдению нейтралитета жителей графства, ибо подобные акты относятся к исключительным полномочиям Парламента, представляющего все королевство; что отказ отдельных графств от помощи другим незаконен и опасен; что попытка частных

лиц приостановить исполнение ордонанса о милиции есть дерзкое умаление власти Парламента, а потому последний > полагает долгом совести воспрепятствовать дальнейшему осуществлению этого договора и запрещает жителям названного графства соблюдать подобный нейтралитет, ибо если он, Парламент, позволит отдельным графствам обособляться от остального королевства, то по этой причине всю страну непременно постигнут гибель и разорение». Затем Палаты объявили, что «ни лорд Ферфакс, ни прочие йоркширские джентльмены, подписавшие означенное соглашение, ни какие-либо иные жители графства не являются в какой-либо мере связанными его условиями», и потребовали, чтобы все они вернулись к прежним своим решениям, имевшим в виду помощь и содействие Парламенту в защите общего дела, < и впредь строго следовали указаниям Парламента, комитета лордов и общин и графа Эссекса. М-ру же Готэму и сэру Эдуарду Родсу велено было исполнять прежние инструкции, иначе говоря, задерживать и брать под стражу всех, кого Парламент объявил делинквентами. >

После принятия такой декларации не только сидевший в Гулле Готэм-младший уже без всякого удержу и стеснения предался откровенно враждебным действиям, но сам лорд Ферфакс и все джентльмены его партии, подписавшие упомянутые статьи и предпосланное им заявление, вместо того, чтобы оскорбиться несправедливыми упреками Парламента, покорно подчинились его безрассудным приказам и, забыв о прежних своих торжественных обещаниях и обязательствах, стали деятельно готовиться к войне, со всей поспешностью вербуя солдат.

По этой причине партия короля всюду оказывалась в чрезвычайно невыгодном положении, ибо ее приверженцы с педантической строгостью исполняли обещания и в поступках своих являли величайшую нравственную щепетильность, полагая, что единожды запятнав свою репутацию и честь, они уже никогда не смогут достойно служить делу Его Величества — хотя иные из взятых ими обязательств оборачивались для короля очевидным ущербом. Между тем их противники не боялись рисковать своим добрым именем ради любых близких выгод и мирских преимуществ, в убеждении, что всякую вину снимет с них очередное постановление Палат, коим и препоручалась теперь всецело забота об их славе и репутации. Разрыв договора в Йоркшире также причинил больше вреда сторонникам короля, ибо (не говоря уже о том, что многие из тех, кто весьма охотно и вполне искренне с ними соглашался,

пока графство оставалось нейтральным, теперь, когда нужно было действовать, поспешили их покинуть) они не имели ни денег, чтобы набрать солдат, ни оружия, чтобы их вооружить; так что вся королевская армия состояла из самих этих джентльменов и людей из их свит, которые, благодаря доброму расположению жителей Йорка, могли, по крайней мере, чувствовать себя в безопасности под защитой его стен. К тому же граф Камберленд, получивший от короля полномочия собирать, в случае необходимости, солдат и деньги, был человек, хотя и всецело преданный Его Величеству, но лишенный всякой энергии и совершенно несведущий в подобного рода делах.

Противную же партию весьма усиливала близость многочисленного гарнизона в Гулле, откуда Готэм-младший готов был в любой момент прийти ей на выручку со своим эскадроном и арестовать всякого благонамеренного человека, подозреваемого в верности Его Величеству. А потому все твердые сторонники короля принуждены были покинуть свои дома и укрыться в Йорке, единственном месте, где им не угрожала теперь опасность. Вдобавок неприятель мог при желании получать пополнения людьми из Лондона; отсюда же в Гуль шли наличные деньги вкуче с ордонансами, позволявшими собирать в графстве средства для выплаты жалованья солдатам. Лидс, Галифакс и Бредфорд — три весьма многолюдных и богатых города, жители коих, всецело зависевшие от купцов-суконщиков, склонны были, естественно, поливать грязью джентри — находились в совершенной власти неприятеля. Все их соседи в Линкольншире также поддерживали мятежников, а сэр Джон Джелл захватил Дерби и весь Дербишир, где никто еще не осмелился открыто выступить на стороне короля. В общем, если бы излишняя осторожность сэра Джона Готэма не удержала его от решительных и энергичных мер, а гордыня и надменное нежелание подчиняться лорду Ферфаксу, самому влиятельному человеку в графстве, — от помощи и содействия его светлости; или если бы одно лицо получило верховное командование над всеми силами в тех краях и сумело собрать их в один кулак, то Парламент, не встречая большого сопротивления, добился бы полного господства в Йоркшире и столь же легко овладел бы и самим Йорком. Но разногласия среди мятежников в вопросе о средствах — хотя их единомыслие в отношении главной цели было слишком даже твердым — предоставили сторонникам короля передышку, время оглядеться вокруг и поискать пути к спасению. Они отправили своих людей к графу Ньюкаслу

с просьбой о помощи, соглашаясь, если он вступит в Йоркшир, присоединиться к нему и безоговорочно встать под его начальство (граф Камберленд изъявлял полную готовность отказаться от командования в его пользу).

Покидая Йорк, король послал графа Ньюкасла, как весьма уважаемого и влиятельного в том краю человека, комендантом в Ньюкасл, велев ему обеспечить безопасность названного порта, дабы Парламент не мог его захватить, а шотландцы, соблазнившись его незащищенностью, — прийти на выручку своим собратьям в Англии. Едва его светлость исполнил это поручение (притом без малейшего противодействия, ибо граждане Ньюкасла встретили его пылкими изъявлениями благодарности королю за милость и доброту, каковые явил он, направив к ним такого человека), как Палата общин обвинила его в государственной измене. Со времени своего прибытия в Ньюкасл (а было это в августе) и до конца ноября граф усердно занимался тем, что разъяснял жителям Нортумберленда и Даремского епископства истинный смысл разногласий между королем и Парламентом и убеждал их верно служить Его Величеству, укреплял Ньюкасл и берега реки Тайн (ибо только такими средствами можно было надежно защитить гавань от неприятеля), набирал солдат для гарнизона и добывал оружие для дальнейшей борьбы за дело короля. Теперь же он решил помочь своим единомышленникам в Йоркшире, положение коих становилось день ото дня все более отчаянным, ибо Парламент, ясно убедившись, что отсутствие в этих краях единого командования много вредит его делу, приказал своему генералиссимусу графу Эссексу передать лорду Ферфаксу начальство над всеми силами в Йоркшире и соседних графствах. Такая мера позволила лорду Ферфаксу гораздо быстрее, чем это можно было ожидать, собрать армию в пять-шесть тысяч человек пехоты и кавалерии, так что Йорку грозило скорое и неминуемое падение.

Но в начале декабря на выручку ему двинулся граф Ньюкасл. Оставив сильный гарнизон в Ньюкасле и разместив по пути небольшие гарнизоны для охраны своих сообщений с этим портом, через который он только и мог получать боевые припасы, граф с отрядом примерно в три тысячи человек пехоты и шестьсот-семьсот кавалеристов и драгун, ни разу не встретив неприятеля (хотя прежде тот был весьма грозен и воинственен на словах), вступил в Йорк. Таким образом, противник безо всякого кровопролития понес урон в людях и потерял обширные территории, ведь как только граф Ньюкасл

вступил в пределы Йоркшира, два парламентских полка, набранные в Ричмондшире и Кливленде, самораспустились. Граф же, будучи теперь владыкой Севера вплоть до Йорка, больше помышлял не о развитии успеха в зимние месяцы, но о наборе солдат и поиске денег для выплаты им жалованья, а потому позволил лорду Ферфаксу и далее хозяйничать в южной части этого большого и богатого графства, полагая, что весной, когда его положение окрепнет, он сможет продолжить наступление. Впрочем, и теперь редкий день проходил без стычек, и битыми в них оказывались обыкновенно парламентские отряды.

Вскоре по прибытии графа в Йорк к нему явился генерал Кинг. Ньюкасл назначил его генерал-лейтенантом своей армии, и Кинг, хотя и вызывавший против себя, как шотландец, неизбежное предубеждение, командовал пехотой весьма умело и искусно. Тогда же начальство над кавалерией было поручено генералу Горингу, который, будучи рекомендован на этот пост, несмотря на все свои прежние ошибки и прегрешения, благоволившей к нему королевой, взялся за дело быстро и решительно, так что хотя лорд Ферфакс все еще удерживал в своих руках Селби и Кейвуд, расположенные неподалеку от Йорка, в открытом поле безраздельное господство принадлежало графу. И вот теперь, когда Север стал надежным убежищем и оплотом для тех, кто подвергался преследованиям за верность королю, в Англию решила вернуться королева.

◀ Со времени своего прибытия в Голландию она неустанно трудилась в интересах короля, направляя ему оружие, боеприпасы и офицеров, а поскольку все знали о ее расположении к графу Ньюкаслу, то войска этого последнего Парламент стал называть «Армией королевы» и даже «Католической армией», пытаясь внушить народу, что в ней служили одни лишь паписты, мечтавшие о поголовном истреблении протестантов.

Около середины февраля королева, охраняемая выделенными принцем Оранским военными кораблями, прибыла в Берлингтон-бей. Двое суток она провела на борту ставшего на якорь судна, а когда подоспел отряд из армии Ньюкасла, которому было приказано обеспечить ее безопасную высадку, сошла на берег и расположилась на отдых в удобном доме на самой набережной.

Уже на другой день рано утром на рейде Берлингтон-Бея появились четыре парламентских корабля вице-адмирала Баттена. Перехватить конвой с королевой ему не удалось, но теперь, узнав, что она находится в одном из зданий на набережной, вице-адмирал приказал открыть огонь и за два часа произвел более сотни выстрелов. Ее Величество,

вскочив с постели, выбежала из поврежденного ядрами дома и спряталась чуть ли не в канаве под дамбой. Палаты же не выразили ни малейшего неудовольствия по поводу этого варварского деяния, отчего многие предположили, что Баттен исполнял их приказ. >

Вскоре королева благополучно добралась до Йорка. Дела короля между тем шли в гору: ранее граф Ньюкасл поставил в Ньюарке, Нортгемптоншир, свой гарнизон, воспрепятствовавший совершенному соединению парламентских сил в Линкольншире с лордом Ферфаксом, и доблестно отразил нападение мятежников на этот город; теперь же он послал в Линкольншир Чарльза Кавендиша (младшего брата графа Девоншира) с летучей партией кавалеристов и драгун, и те около середины марта атаковали и захватили Грентем (незадолго до того занятый частями мятежников), взяв свыше трехсот пленных, в том числе всех неприятельских офицеров, все их вооружение и амуницию. Примерно тогда же сэр Хью Чомли, который успел оказать немалые услуги Парламенту, чаще других офицеров в тех краях одерживая верх в стычках с отрядами графа Ньюкасла (хотя на самом деле он принял сторону Парламента, скорее поддавшись уговорам сэра Джона Готэма, своего старинного друга, нежели следуя собственным склонностям), открыто вернулся к верноподданническому долгу, передав королю замок Скарборо — весьма важную крепость, начальство и управление каковой граф доверил ему вновь, и сэр Хью выказал на посту ее коменданта замечательную храбрость и непоколебимую преданность. Это событие и прочие успехи короля вынудили лорда Ферфакса оставить Селби, Кейвуд и Тадкастер и отойти к Понтефракту и Галифаксу, вследствие чего Ньюкасл овладел всем этим обширным графством и теперь уже мог прийти на выручку соседям. Таким было положение в той части Северной Англии, где силы Его Величества возглавлял граф Ньюкасл. В Ланкашире же, Чeshire и Шропшире дела шли хуже; об этих и соседних с ними графствах и надлежит сейчас рассказать, начав с самых отдаленных.

Как уже говорилось выше, когда король выступил из Шрузбери и двинулся навстречу графу Эссексу (с которым встретился затем при Эджхилле), все отряды и части, какие ему удалось собрать, он должен был использовать для усиления главной армии, ибо помышлял он тогда единственно лишь о том, чтобы поскорее дать битву, битва же эта, по мнению большинства, должна была решиться все и сразу. А потому король не оставил на своем пути ни единого гарнизона, полагая, что для подавления любых беспорядков

и мятежей, которые могут вспыхнуть в графствах Ланкашир и Чешир, окажется вполне достаточно могущества и авторитета лорда Стренджа (по смерти своего отца ставшего графом Дерби). Его светлость также был убежден, что ему это под силу, ведь в ту пору считалось, что он пользуется большим влиянием в этих двух графствах и обладает более значительной властью над их жителями, чем какой-либо подданный короля в любой другой части Англии. Город Шрузбери и все это благонадежное графство (где король добился ранее немалого успеха, что еще сильнее расположило народ в его пользу) он предоставил единственно лишь благому духу лояльности, ими тогда владевшему, а также законной власти шерифов и мировых судей. Впоследствии в названных графствах случилось то же, что и в остальных частях королевства: не желавших ввязываться в борьбу оказалось больше, нежели тех, кто готов был принять чью-либо сторону, так что почти всюду были заключены соглашения о нейтралитете. В Чешире повторилась йоркширская история: вожди обеих партий подписали точно такой же договор и с такой же торжественностью — и точно такая же декларация Палат (понадобилось лишь переменить имена людей и названия мест) освободила сторонников Парламента от его соблюдения. Тогда же сэр Уильям Бреретон, состоятельный чеширский джентльмен, представлявший графство в Нижней палате, но более всего известный ненавистью к установленному церковному строю, желая защитить местных сторонников Парламента и побудить их к открытому выступлению, привел с собой из Лондона эскадрон кавалерии и полк драгун.

За короля, правда, твердо стоял город Честер — благодаря превосходным достоинствам его жителей, а также влиянию тамошнего епископа и членов капитула, но прежде всего — высокой репутации и тонкому уму м-ра О. Бриджмена. Сын епископа и уважаемый юрист, он не только объяснил горожанам, в чем заключается их долг, и воодушевил к его исполнению, но и, пользуясь своим обширным состоянием и кредитом, обеспечил их всем необходимым для обороны, так что верность королю не стоила им больших расходов. В Честере, однако, не было ни гарнизона, ни даже какого-нибудь опытного офицера, который мог бы возглавить и повести за собой отважных горожан, выказывавших готовность по крайней мере защищать собственные стены; а что их вскоре поставят перед такой необходимостью, казалось теперь вполне вероятным. А потому король послал туда отличного командира сэра Николаса

Байрона, назначив его генерал-полковником Чешира и Шропшира и комендантом Честера. Сэр Николас, человек любезного нрава, притом весьма ловкий, энергичный и сведущий в военном искусстве, вдохнул новую жизнь в замыслы и действия тамошних приверженцев короля и, с помощью нескольких джентльменов из Северного Уэльса, быстро собрал крупные отряды пехоты и кавалерии, и те в частых своих схватках с неприятелем имели порой значительный успех, ни разу не потерпев сами сколько-нибудь серьезной неудачи. Сэр Уильям Бреретон укрепил Нантвич, а приверженцы короля — Честер, и теперь, опираясь на гарнизоны названных городов, обе партии оспаривали друг у друга господство над Чеширом и пытались склонить на свою сторону умы его жителей. Но блестящие надежды на Чешир омрачила буря, внезапно разразившаяся в Ланкашире, когда кучка худородных особ без имени и почти без авторитета, единственно благодаря влиянию Парламента и безумию одураченного народа, сумела вырвать из рук могущественного графа Дерби это обширное, многолюдное и еще недавно преданное ему графство.

Город Манчестер (гордый своим богатством и подстрекаемый духом распри и мятежа, обуявшим тогда большинство корпораций) с самого начала смуты выступил против короля и с надменной дерзостью встал на сторону Парламента. Но поскольку население графства состояло главным образом из папистов, о чьих восстаниях так много распространялись после открытия настоящего Парламента, дабы внушить народу страх и тревогу, то теперь никто не сомневался, что преступить долг верности Его Величеству не пожелает и десятая часть жителей этого края. Однако партия бунтовщиков отличалась такой неугомонностью, таким упорством и предприимчивостью, а каждый ее сторонник был исполнен такой готовности служить общему делу и безоговорочно повиноваться вождям — тогда как граф Дерби оставался столь бездеятельным, а из-за своего высокомерия выказывал столько упрямой неуступчивости в отношениях с людьми более энергичными, которые могли бы бороться с неприятелем гораздо решительнее, или, может, до такой степени растерялся перед лицом опасности — что вместо того, чтобы поддержать партию короля в Чешире (а именно этого от него и ожидали), он позволил мятежникам внезапно нападать на его отряды и, не встречая серьезного отпора, каждый день захватывать и укреплять важные города; так что мало-помалу едва ли не весь Ланкашир оказался в их руках. И все же, хотя король

ясно видел причину этих крупных неудач — неумелое руководство войсками из-за отсутствия опытного и решительного командира — положение его было столь тяжелым, что производить какие-либо перемены Его Величество полагал рискованным, опасаясь, как бы граф, получив над собою в Ланкашире старшего начальника, не счел себя оскорбленным и не возымел желания показать, сколько вреда он может принести королю (хотя принести ему особую пользу он, похоже, был не в силах). Нетрудно, однако, было понять, что прежнее могущество графа основывалось скорее на страхе, нежели на любви народа, ведь теперь, во времена свободы и безначалия, очень многие ланкаширцы пошли против короля, дабы не подчиняться более приказам графа.

Впрочем, оставив Ланкашир в ведении его светлости (чья верность, что бы мы ни думали о его мужестве и талантах, была, вне всякого сомнения, безупречной), король послал в Шрузбери лорда Кейпла в качестве генерал-лейтенанта Шропшира, Чешира и Северного Уэльса. Человек весьма богатый и уважаемый, лорд Кейпл быстро объединил эти края в деятельную ассоциацию, собрал отряд пехоты и кавалерии и доставил сэру Уильяму Бреретону в Нантвиче столько хлопот, что честерский гарнизон мог перевести дух, занять новые пункты и позаботиться о своей безопасности, хотя неприятель по-прежнему не упускал возможности для нападений и как только мог тревожил его своими набегами.

Разница в настроениях простого народа в противоборствующих лагерях была воистину огромной: приверженцы Парламента пользовались всяким удобным случаем, чтобы послужить его делу, и, выказывая невероятную бдительность и энергию, препятствовали и противодействовали всему, что способно было помочь делу короля; тогда как люди, желавшие успеха Его Величеству, полагали, что их долг тем самым уже исполнен и что они достаточно потрудились для короля, коль скоро не совершили ничего ему во вред.

Хотя благодаря прибытию лорда Кейпла названные графства Шропшир и Чешир с помощью Северного Уэльса удержали этот край в почти совершенном повиновении, так что проявления непокорности (вроде присылки оттуда подкреплений графу Эссексу против Его Величества или лорду Ферфаксу — против графа Ньюкасла) еще не имели для короля пагубных последствий, однако графства, лежавшие на пути из Оксфорда в Йорк, находились по существу в полной власти неприятеля. Гарнизон Нортгемптона подчинил Парламенту все одноименное графство (исключая Бенбери, куда

жители окрестных приходов должны были платить небольшую контрибуцию в пользу Его Величества). В Уорвикшире король вообще не имел опоры; замок Уорвик, город Ковентри и даже собственный его замок Кенилворт были заняты и укреплены его врагами. В Лестершире господствовал сын графа Стамфорда лорд Грей, поставивший гарнизон в Лестере. В Дербишире, где сторонников короля не было заметно, заправлял сэр Джон Джелл, укрепивший Дерби. Вдобавок все перечисленные графства (а также Стаффордшир) объединились в ассоциацию против короля; возглавлял же ее лорд Брук, назначенный графом Эссексом главнокомандующим войсками названного союза, — человек, глубоко враждебный государственной церкви и к которому его партия питала полное доверие. Со стороны короля и его командиров эта ассоциация не встречала никакого противодействия, если не считать усилий полковника Гастингса, младшего сына графа Гентингдона; тот с самого начала показал себя пылким приверженцем короля и одним из первых сформировал отличный эскадрон, во главе которого храбро сражался при Эджилле.

Когда же король устроил свою главную квартиру в Оксфорде, полковник Гастингс, имея под своим началом только собственный эскадрон да несколько свободных офицеров, которых он без труда собрал, прибыл в Лестершир (в качестве генерал-полковника этого графства) и обосновался в Ашби-де-ла-Зуш, поместье своего отца графа Гентингдона, в ту пору еще здравствовавшего. Он немедленно укрепил усадьбу и уже вскоре, благодаря своему влиянию в тех краях, сумел набрать крупный отряд пехоты и кавалерии, выдержавший немало стычек с лордом Греем; причем успехам партии короля весьма способствовала жестокая распря между фамилиями Гентингдонов и Стамфордов, которая сама по себе давно расколола графство на два лагеря. И вот теперь в борьбу, касавшуюся интересов всей страны, сыновья внесли ярость и пыл личной вражды. Впрочем, королю с его поборником в Лестершире повезло больше, ибо лорд Грей был молодой человек весьма заурядных способностей, между тем как полковник Гастингс (хотя и младший из братьев) умножил силы королевской партии благодаря собственной превосходной репутации, симпатиям народа и влиянию своего семейства. А потому он не только успешно отражал атаки парламентских войск в Лестершире, но и тревожил сэра Джона Джелла в Дербишире и даже занял своими гарнизонами несколько пунктов в Стаффордшире.

Примерно тогда же несколько джентльменов из этого последнего графства, скорее благонамеренных, чем благоразумных, не успев как следует подготовиться к своему предприятию, захватили для короля Клоуз в Личфилде — так называлось место близ собора, само по себе труднодоступное, а вдобавок обнесенное рвом и высокой крепкой стеной, что в начале Гражданской войны считалось солидной фортификацией. Дабы воспрепятствовать усилению королевской партии в пределах подчиненной ему ассоциации графств, лорд Брук двинулся в поход с крупным отрядом пехоты, конницы и артиллерии (частью взятым из армии графа Эссекса) и, не встретив сопротивления, вступил в Личфилд: город не имел укреплений и всякий мог преспокойно в него войти. Запершихся в Клоузе было совсем немного, к тому же провиантом они запаслись не так основательно, как должны были, а главное — как могли бы это сделать, и лорд Брук ничуть не сомневался, что Клоуз скоро окажется в его руках, тем более что сэр Джон Джелл подоспел к нему с немалой подмогой из Дерби. Он был настолько далек от того, чтобы ожидать какой-либо серьезной угрозы со стороны осажденных, что устроился в доме на расстоянии мушкетного выстрела от Клоуза. В день, назначенный им для штурма, лорд Брук сидел в своей комнате у открытого окна, когда мушкетная пуля, выпущенная со стен Клоуза каким-то солдатом, попала ему в глаз, и, не успев вымолвить и слова, он скончался на месте.

Смерть его возбудила немало толков и разговоров; отмечали, что пришлась она на 2 марта, день св. Чада — епископа, подвизавшегося на нашем острове вскоре после принятия христианства, имя которого и носил с давних пор собор в Личфилде. Рассказывали также, что в то самое утро в своей молитве (а он имел обыкновение молиться публично) лорд Брук выразил следующее желание: «Если дело, которому я служу, неправое, то пусть моя жизнь оборвется немедленно». Люди, хорошо с ним знакомые, считали его человеком добродушным и справедливым, полагая, что дело здесь было скорее в обманутом и испорченном уме, а не в развращенном и злобном нраве. Следовал ли лорд Брук голосу совести или подчинялся зову страстей, он, несомненно, был одним из тех, кого оказалось бы чрезвычайно трудно примирить с установленной формой правления в церкви и в государстве, а потому в его смерти увидели некое предзнаменование мира; парламентская же партия, едва ли относившаяся к какому-либо другому человеку со столь же полным доверием, горько ее оплакивала. Впрочем, защитникам Клоуза

гибель лорда Брука, вопреки ожиданиям, не слишком помогла, ибо неприятельские силы, коими теперь командовал сэр Джон Джелл, продолжали действовать столь решительно, а осажденные — столь вяло и неискусно, что, не испытав тех тягот и бедствий, которые, по общему мнению, он мог бы выдержать (и которые вскоре после этого он и в самом деле выдержал, осаждаемый уже королем), Клоуз был сдан без всяких условий, если не считать пункта о сохранении жизни, так что многие особы (слишком знатные, чтобы называть их здесь поименно) оказались в плену у неприятеля.

Успех этот поднял дух парламентской партии, сторонники же короля в тех краях пришли в великое уныние. Впрочем, несколько джентльменов собрались в Стаффорде и, тогда еще рассчитывая в случае опасности найти надежное укрытие в Личфилде, слишком громко заявили о своей верности королю; теперь же они не могли надеяться, что после подобной декларации им позволят спокойно жить в своих поместьях, и потому решили защищать названный город, против которого торжествующий Джелл уже вел свои опьяненные недавней победой войска. Однако граф Нортгемптон (который намеревался выручить Личфилд и сделал бы это, если бы только осажденным хватило выдержки его дожидаться) с сильной партией кавалерии и драгун (из его же гарнизона в Бенбери) вовремя подоспел к ним на помощь, вошел в город и в ту же ночь атаковал неприятельские квартиры, перебив и захватив в плен свыше сотни кавалеристов. Тогда сэр Джон Джелл отступил поближе к сэру Уильяму Бреретону, который вышел из Нантвича дабы соединиться с ним, взять Стаффорд, а затем общими силами очистить от врага и другие графства. Соединившись и имея теперь почти 3000 человек пехоты и конницы при изрядном числе пушек, сэр Джон и сэр Уильям повернули обратно к Стаффорду, в расчете, что граф Нортгемптон встретит их в чистом поле, вне городских стен. Так и случилось, ибо, едва узнав о приближении к городу мятежников и полагая, что это могут быть только люди Джелла, силы коего он верно себе представлял, а мужество явно недооценивал, граф тотчас же двинул против них свой отряд.

И вот (дело было в воскресенье, примерно в середине марта), выйдя пополудни из Стаффорда со своим войском, состоявшим из кавалерии, драгун и совсем немногих пехотинцев — общим числом менее тысячи человек — граф обнаружил, что неприятель, весьма умело построенный в боевой порядок, ожидает его в двух милях от города, на равнине, именовавшейся Гоптонской пустошью. Хотя

противник более чем вдвое превосходил его числом, однако пустошь казалась весьма удобным полем для битвы, ширина ее от одной ограды до другой превышала дальность мушкетного выстрела, а конницы у графа было по крайней мере столько же, сколько у врага, и потому он решил атаковать. Так он и сделал, атака же оказалась столь успешной, что часть парламентской кавалерии была наголову разбита. Вновь собрав и построив своих людей, граф обрушился на другой кавалерийский отряд, стоявший позади пехоты, и столь совершенно разгромил его и рассеял, что у противника на поле битвы не оставалось теперь, пожалуй, ни единого кавалериста; сверх того, удалось захватить восемь пушек.

Во время этой второй атаки, когда граф Нортгемптон, рубя врагов, оказался совсем рядом с парламентскими пехотинцами или даже посреди них, под ним была убита лошадь. Собственная же его кавалерия, по злосчастному своему обыкновению, безрассудно увлеклась яростным преследованием, оставив его одного в окружении неприятелей; так что о том, как после этого держался он сам и как вели себя его враги, мы можем судить лишь по свидетельству самих мятежников. Они признают, что граф, уже спешившись, собственноручно сразил пехотного полковника, первым на него бросившегося; когда же мушкетным прикладом с него был сбит шлем, ему предложили сдаться, обещая сохранить жизнь, от чего граф (как они сами рассказывали) с гневом отказался, объявив, что гнушается принимать пощаду от таких каналий и бунтовщиков. Затем он получил глубокую рану в лицо, а удар алебардой в затылок стал для него смертельным.

Все это время, после того как парламентская кавалерия была рассеяна, неприятельская пехота стояла крепко, хотя атаки полка принца Уэльского, коим командовал сэр Томас Байрон, храбрый и весьма искусный военачальник, причинили ей немалый урон. Но тут быстро стемнело, и кавалеристы короля, обнаружив, что равнина, которую поначалу они сочли удобной для битвы, сплошь изрыта угольными ямами и подвалами, опасными для лошадей, решили отложить продолжение дела до рассвета и всю ночь провели в поле. Когда же наступило утро, неприятеля перед собой они уже не увидели, ибо, как только бой утих и стало темно, противник поспешил оставить поле сражения незамеченным, в надежде, что разбитая кавалерия соединится с ним в более отдаленном безопасном месте. Победители, однако, были до крайности измотаны битвой, изнурены ночным бдением и совершенно обескуражены

гибелью вождя; офицеров же, способных принять на себя команду и отдать приказы о дальнейших действиях, среди них не нашлось (лорд Комптон, старший сын графа, был ранен пулей в ногу, сэр Томас Байрон — в бедро; получили ранения и многие другие офицеры), а потому, собрав трофеи и похоронив павших товарищей, они отступили в Стаффорд, чтобы восстановить свои силы.

В этом коротком, но жарком бою парламентское войско потеряло свыше двухсот человек убитыми и пленными и еще больше — ранеными, ведь когда кавалерия врубилась в ряды их пехоты, последняя несла урон главным образом ранеными. Были также захвачены восемь неприятельских орудий и большая часть боевых припасов. В отряде графа полегло всего лишь двадцать пять человек (два капитана, несколько младших офицеров, остальные — рядовые солдаты); раненых, однако, оказалось не меньше, чем у врага, и среди них ряд старших командиров. В общем, те, кто имел все доказательства победы, но лишился своего предводителя, полагали себя проигравшими, тогда как противная сторона, которая бежала под покровом ночи, зато ухитрилась унести его мертвое тело, едва ли считала их побежденными.

◀ Когда-то, в счастливые мирные времена, граф Нортгемптон вел беззаботную жизнь богатого и знатного человека, но с началом смуты, как бы пробудившись от сна, он со всей страстью принял сторону короля и оказал ему множество услуг. Граф изгнал из Уорвикшира лорда Брука, захватил и доставил королю пушки из Бенбери, на собственные средства набрал эскадрон кавалерии и полк пехоты, привел в армию Его Величества всех своих сыновей (трое из которых дрались при Гемптон-хите), а сам нес тяготы войны и рисковал жизнью наравне с последним солдатом. Смерть такого человека была невосполнимой утратой. ▶

Как только стало известно, что неприятель больше не отступает, молодой граф Нортгемптон послал к сэру Джону Джеллу трубача с просьбой выдать тело родителя, дабы он мог наконец устроить отцу достойные похороны, приличествующие его сану. Джелл и Бреретон в совместном своем письме потребовали в обмен на труп все боеприпасы, всех пленных и все пушки, потерянные ими в бою. Столь непомерные притязания противоречили всем военным обычаям, и граф вновь отправил к ним гонца, велел передать, что, буде им неудобно возвратить труп, то пусть они дозволят его врачу набальзамировать тело и таким образом сохранить его от тления — дабы покойному можно было воздать законные почести

впоследствии, когда они соблаговолят наконец склониться на его, графа, просьбы, что, как он убежден, они непременно сделают в более спокойном расположении духа. Их ответ на это — «тела не вышлем и бальзамировать его не позволим» — был столь же безрассудно-дерзким, как и предыдущий: Джелл и Бреретон, очевидно, рассчитывали, что сыновние чувства возьмут верх и молодой граф согласится на их неслыханное предложение.

А теперь покинем на время эти края и отправимся в Уэльс, о котором до сих пор мы рассказывали слишком мало, и чья преданность уже в начале войны сильно помогла королю, еще до Эджиллской битвы доставив ему три-четыре отличных полка пехоты, куда пошли служить многие из местных джентри.

Ранее уже упоминалось о том, что маркиз Гертфорд вывел с собой из Уэльса и привел на Рождество в Оксфорд около двух тысяч человек, положившись в деле защиты Уэльса единственно лишь на мужество и верность тамошних джентльменов и прочих его жителей. А поскольку Северный Уэльс по своему положению являлся надежной опорой для Честера и Шрузбери — каковые города, пока неприятель господствовал в поле, именно оттуда преимущественно и получали подкрепления людьми и припасами — то в дальнейшем король всегда поручал управление им тем же особам, которые командовали в названных графствах. Южную же часть Уэльса, гораздо более обширную и богатую, чем северная, он вверил лорду Герберту (старшему сыну маркиза Вустера), назначив его генерал-лейтенантом и поручив ему также начальство в Монмутшире.

Многие возражали против этого решения, ведь лорд Герберт совершенно не имел воинского опыта и был католиком, что давало лишний повод врагам короля клеветнически рассуждать о его особом благоволении к папистам (хотя последних в армии Его Величества было немного, а высшие командные должности в ней занимали твердые протестанты). Но, с другой стороны, угроза полной потери Южного Уэльса была слишком очевидна (Парламент, имея гарнизоны в Глостере и Бристоле и господствуя над всем течением реки Северн, уже отрезал эти земли от короля, а теперь как будто намеревался отправить туда графа Пемброка, обладавшего в тех краях немалым влиянием), между тем лорд Герберт изъявлял полную готовность принять на себя начальство и обещал — исключительно за свой счет — набрать большую армию, чтобы не только защитить от Парламента Южный Уэльс, но и завладеть Глостером, а впоследствии соединиться с главными силами Его Величества.

Сам лорд Герберт был искренне предан королю, веру свою считал личным делом, никогда не пытался обращать в папизм других и пользовался уважением многих валлийских джентльменов, чуждых католичеству. Надеялись, что любезный нрав лорда Герберта и его верная служба королю помогут покончить с прежним предубеждением, которое вызывала, впрочем, не его личность, но скорее религия, исповедуемая в доме Вустеров. Наконец, лорд Герберт был, несомненно, самым могущественным человеком в тех краях, жители коих едва ли приняли бы чужака и стали бы ему подчиняться.

Именно эти причины и предположения обусловили выбор, сделанный тогда королем. > Лорд Герберт, скорее, чем многие ожидали, а иные — полагали возможным, снарядил крупный отряд — свыше полутора тысяч человек пехоты и до пятисот кавалеристов, притом весьма неплохо вооруженных, чем оказал еще одну важную услугу королю.

Командовать конницей он поручил своему брату лорду Джону Сомерсету, также не имевшему боевого опыта; начальство же над пехотой передал полковнику Лоули, офицеру смелому и энергичному; его же лорд Герберт назначил своим генерал-майором. Около середины февраля он двинулся к Глостеру, но уже самое начало похода не обещало ничего доброго. Путь лорда Герберта лежал через деревеньку Колфорд в Динском лесу, однако там собралась буйная толпа крестьян (ни единого офицера из дворян среди них не было) и, забаррикадившись, отказалась его впустить. Открыв пальбу из окон, чернь убила полковника Лоули и еще двух офицеров (ни один рядовой солдат не был даже ранен), и таким образом войско осталось без опытных командиров. Но лорд Герберт (сам редко бывавший в своих войсках) назначил вскоре нового начальника, полковника Бретта, и тот, пройдя без серьезных стычек с неприятелем Динский лес, расположился со всем своим отрядом в Вайн-ярде, дворце епископа Глостерского, менее чем в полумиле от города. Таким образом, он полностью блокировал город с этой стороны (попасть в Глостер и выйти из него можно было только по длинному мосту через Северн), рассчитывая, что с востока противника будет тревожить стоявший в Сайренсестере принц Мориц — что последний и делал весьма успешно.

Однако сэр Уильям Уоллер с подвижным двухтысячным отрядом кавалерии и драгун из армии графа Эссекса совершил (уже после захвата им Чичестера) быстрый марш через Уилтшир и, без большого труда и урона взяв Малмсбери (слабый королевский

гарнизон в сто двадцать — сто сорок человек не успел ни укрепить город, ни собрать нужные припасы), вознамерился, как можно было подумать, действовать против Сайренсестера. Обнаружив, что там его ждут, сэр Уильям после стремительного ночного марша (искусным мастером коих он был всегда) неожиданно вышел к реке Северн, в шести милях к западу от Глостера, откуда он еще раньше распорядился пригнать побольше плоскодонных лодок. На этих лодках, средь бела дня — то ли по глупости, то ли вследствие измены, но в войсках лорда Герберта даже не потрудились выставить у реки охрану — он переправил весь свой отряд, воспрепятствовать чему, если бы противная сторона воспользовалась выгодами своей позиции, могла бы сотня людей. Тут необстрелянных валлийских солдат (их офицеры по большей части также никогда не нюхали пороху) охватила такая паника, что хотя их укрепления не под силу было взять кавалерии и драгунам, хотя подходы к ним, весьма узкие и неудобные, всюду были защищены пушками, хотя числом своим они почти не уступали, если не равнялись неприятелю, однако едва сэр Уильям Уоллер двинулся вперед, уэльсцы, не сделав ни единого выстрела и не успев понести ни малейшего урона, учтиво выслали людей для переговоров, а затем столь же любезно сдались сами и выдали свое оружие, удовлетворившись обещанием сохранить им жизнь — покорность, столь напоминавшая военную хитрость, что неприятель с трудом в нее поверил. Но в конце концов всех пленных — почти тысячу триста пехотинцев и три эскадрона кавалерии — препроводили в Глостер (сам лорд Герберт находился тогда в Оксфорде, а лорд Джон Сомерсет с тремя или четырьмя эскадронами — на безопасном расстоянии от остального войска).

Таким был конец этой армии, которая, словно гриб после дождя, так быстро выросла и так стремительно исчезла, что в Оксфорде потерю ее, кажется, и не заметили, ведь о ее силе — или, лучше сказать, численности — там не догадывались. Но если бы деньги, потраченные на набор, вооружение и содержание этой массы народа, которая ни в малейшей мере не помогла делу короля, были отправлены в королевскую казну в Оксфорд и употреблены с умом, то война, я убежден, закончилась бы уже следующим летом. Ибо я слышал от лорда Герберта, что эти и прочие приготовления, которые пошли прахом из-за описанной катастрофы, стоили более шестидесяти тысяч фунтов, изрядную часть коих (хотя маркиз Вустер щедро открыл свои сундуки) составляли, несомненно, пожертвования

католиков; вдобавок весьма значительные суммы он получил из средств короля — доходов от опеки и иных источников.

Известие о столь потрясающей победе умирало весь этот край, и сэр Уильям Уоллер, с той же быстротой и, как и прежде, сопровождаемый успехом, двинулся к Герифорду. Город этот, имевший крепкие стены и сильный гарнизон, был, однако, сдан ему на тех же условиях, что и прочие. Оттуда (когда его отказались впустить в Вустер, притом решительнее, чем сам сэр Уильям рассудил за благо этого требовать) он пришел к Тьюксбери, лишь недавно занятому войсками, и также застал его врасплох. Передвижения Уоллера были столь стремительными, что хотя принц Мориц с величайшим усердием пытался его настичь, он сумел навязать неприятелю лишь несколько мелких стычек. Совершив сей поход, Уоллер благополучно возвратился в Глостер, а оттуда — к армии графа Эссекса; единственным же следствием всех его триумфов явилось бесчестье, коим покрыли себя многие крепости, так малодушно перед ним капитулировавшие — в каковые крепости (поскольку ни одного гарнизона он там не оставил) немедля вернулись королевские войска. Таким образом, армия Его Величества занимала прежнюю территорию, ибо неприятельское вторжение лишь вызвало тревогу и замешательство, но ничуть ее не уменьшило; а лорд Герберт уже подумывал о новом наборе солдат для короля.

◀ Прежде чем возвратиться в Оксфорд и завершить описание событий 1642 года, я хочу бросить взгляд на бедственное положение Ирландии. Короля часто обвиняли в поддержке тамошних мятежников, и многие приняли сторону Парламента только потому, что поверили этой клевете.

Впрочем, ирландские дела занимают меня здесь лишь по их связи с противостоянием короля и Палат в Англии.

Когда гулльский инцидент сделал очевидным разрыв между королем и Палатами, Его Величество в своей прокламации упрекнул Парламент в том, что он почти прекратил посылать английским войскам в Ирландии деньги и пополнение, а часть денежных средств и военных сил, предназначенных для подавления ирландского мятежа (кавалерийские полки сэра Фейсфула Фортескью и лорда Уортонна, а также пехотный полк лорда Керри), использует для разжигания войны в Англии.

Пытаясь оправдаться, Палаты заявили, что суммы, взятые ими из средств, собранных для Ирландии, возмещаются или будут в свое время возмещены; а переправить в Ирландию полк лорда Уортонна не разрешил сам король.

Его Величество ответил, что расходование ирландских денег на иные нужды, само по себе незаконное, по-видимому, ничем не возмещается; что же до лорда Уортонa, то Парламент вознамерился вывести его из подчинения лорду-лейтенанту Ирландии.

Парламент, со своей стороны, обвинил короля в изъятии артиллерийских лошадей, провианта и сукон, предназначенных для ирландской экспедиции и находившихся в Честере или на пути к нему, а также в благоволении к поджигателям и участникам ирландского мятежа виконту Костлоу и лорду Таффу.

Король признал реквизицию 120 лошадей в Честере, объяснив ее крайней необходимостью, а также тем, что сам Парламент уже отправил лошадей и солдат, собранных для ирландской армии, в армию графа Эссекса; сукна же были взяты полуголыми солдатами Его Величества, ибо Парламент, отправляя их в Честер, не известил об этом короля; впрочем, Его Величество обещал впредь не препятствовать доставке в Ирландию любых припасов для английских войск.

Что касается лорда Диллона (виконта Костлоу) и лорда Таффа, прибывших в Англию четыре месяца тому назад, то они никогда не состояли в сговоре с мятежниками; однако последние, питая к ним доверие, решили передать через них покорную петицию Его Величеству. Когда же лорды, действуя с ведома и согласия лордов-судей и ирландского Совета, вступили на английскую землю, они были схвачены и взяты под стражу по приказу Парламента, который, выдавая их за «агентов ирландских бунтовщиков при короле», пытался таким образом бросить тень на Его Величество. В конце концов, им удалось бежать из Лондона в Йорк под защиту короля, который отказался выдать их Парламенту. Лорды же поступили на службу в его армию, где весьма храбро сражались.

При таких обстоятельствах — когда король не мог помочь Ирландии, а Парламент по сути и не желал, мечтая обвинить в ее потере короля — положение лорд-лейтенанта графа Лестера оказалось чрезвычайно трудным. Назначенный на эту должность по совету графа Страффорда (незадолго до смерти последнего) и поначалу пользовавшийся полным доверием Его Величества Лестер стал теперь внушать подозрения своими двусмысленными действиями. Вместо того, чтобы прибыть в Честер, а оттуда отправиться в Ирландию, граф возвратился в Лондон, где по требованию Палат и без согласия короля представил им полученные от Его Величества инструкции. Свой поступок он объяснил тем, что при отказе раскрыть содержание инструкций (не заключающих в себе ничего предосудительного) Парламент непременно воспользовался бы этим обстоятельством для новых измышлений на счет планов Его Величества.

Однако в Лондоне Лестер задержался гораздо дольше, чем требовалось, когда же он наконец покинул столицу и направился в Честер (не получив от Парламента ни новых солдат, ни припасов для Ирландии), то почему-то не потрудился посетить короля в Оксфорде.

Около конца ноября офицеры ирландской армии сэры Джеймс Монгомери, сэры Хардресс Уоллер, полковник Артур Хилл и полковник Одли Мервин на обратном пути из Лондона, где они просили о помощи Парламент, прибыли в Оксфорд и вручили королю петицию, в которой умоляли короля изыскать скорейшее средство для спасения его верных подданных в Ирландии, коим в противном случае грозит неминуемая гибель от рук свирепых мятежников.

В самом деле, положение протестантов в Ирландии стало отчаянным, ведь с началом раздоров в Англии они не могли рассчитывать на значительную поддержку оттуда, тогда как мятежники, собравшие Ассамблею и образовавшие Совет в Килкенни, получали щедрую помощь оружием, амуницией, деньгами и офицерами от королей Испании и Франции, а папа отправил к ним своего нунция.

Король отлично знал, что податели петиции действуют с ведома заседающих в Вестминстере и надеются получить ответ, с помощью которого можно было бы усилить подозрения обманутого народа по поводу его ирландских планов. А потому он принял их весьма любезно, а в ответе своем заявил, что «с самого начала этого чудовищного мятежа он пытался оказать всевозможную помощь своим несчастным ирландским подданным; соглашался, даже в ущерб собственным интересам, на любые предложения на сей счет; указывал Парламенту на бедственное положение Ирландии, велел отправить туда из Шотландии партию оружия и боевых припасов. Далее Его Величество изъявил готовность лично отправиться в Ирландию и подвергнуть свою королевскую особу всем опасностям войны, лишь бы только защитить своих добрых подданных и покарать коварных бунтовщиков.

Однако, заметил король, вместо общих сетований, на которые он теперь может ответить лишь выражением сочувствия, петиционерам следовало бы предложить какие-то более определенные меры, согласившись на которые он мог бы облегчить судьбу своих несчастных подданных и защитить от поругания протестантскую религию».

Королю было известно, что единственной надеждой ирландских протестантов остается помощь из Англии, и прибытие лорд-лейтенанта без ожидаемых подкреплений может совершенно их обескуражить. Вдобавок с появлением в Ирландии графа Лестера полномочия командующего войсками Его Величества графа Ормонда оказались бы

урезаны, он непременно покинул бы страну (побуждаемый к такому шагу еще и личной враждой с Лестером), и король таким образом лишился бы самого могущественного, даровитого и популярного из своих сторонников в Ирландии; человека, который с изумительным мужеством и не без успеха сдерживал яростный натиск мятежников.

По этим причинам король приказал Лестеру отложить отплытие в Ирландию и явиться к нему в Оксфорд, вследствие чего за графом (вскорости — маркизом) Ормондом на время отсутствия лорд-лейтенанта сохранялась прежняя военная власть. Его Величество произвел перемены и в гражданском управлении. Сэр Уильям Парсонс, человек весьма опытный и способный, но действовавший заодно с Парламентом в ущерб королю, был снят с должности лорд-юстициария; место его занял сэр Гарри Тичборн, обладавший столь безупречной репутацией, что даже Парламент, до крайности раздраженный этой мерой, не смог ничего возразить.

С началом войны в Англии Парламент отправил в Ирландию своих комиссаров, членов Палаты общин м-ра Рейнольдса и м-ра Гудвина, чтобы через них влиять на лордов-юстициариев и на Тайный совет и всячески вредить королю. Возмущенный этой дерзостью, король запретил представителям Парламента присутствовать на заседаниях Ирландского совета, после чего те немедленно отбыли в Лондон, а Палаты без всяких причин обвинили короля в нарушении парламентских привилегий.

Но вернемся из Ирландии в Англию.

По возвращении своих комиссаров из Оксфорда Парламент не торопился с ответом на мирные предложения короля, но продолжал деятельные военные приготовления (набирал солдат, изыскивал чрезвычайные источники доходов, учреждал ассоциации графств) и посылал сильные отряды на верные королю земли (кроме уже описанного выше похода сэра Уильяма Уоллера, упомянем неудачные попытки м-ра Гемпдена взять Брилли). А потому король отправил Палатам еще одно послание, в котором напомнил о своих предложениях касательно перемирия и выразил желание узнать, что они думают о его возможных условиях и сроках.

Многие члены Парламента понимали, что если не остановить войну в ближайшее время, Англия окажется ввергнутой в бездонную пучину бедствий. Им удалось взять верх в дебатах над партией войны, и Палаты постановили начать переговоры с обсуждения прежних предложений короля (об арсеналах, крепостях и флоте) и Парламента (о роспуске армий), после чего можно будет перейти к другим вопросам. Переговоры предполагалось начать 4 марта и вести не более 20 дней.

318. Комиссарами на переговорах были назначены граф Нортумберленд, лорд Сэй, м-р Перпойнт, сэр Уильям Армин, сэр Джон Голланд и м-р Уайтлок, но король отказал в охранной грамоте лорду Сэю, поскольку тот уже был исключен им из общей амнистии.

Его Величеству были предложены следующие условия перемирия:

1. Всякий, кто везет оружие, амуницию, провиант, деньги, драгоценные металлы и иные товары, должен иметь при себе охранную грамоту, иначе все перечисленное может быть изъято, как если бы перемирие не действовало.
2. Всякий, кто перемещается без охранной грамоты, должен быть задержан и взят под стражу, как если бы перемирие не действовало.
3. В Оксфордшире королевские войска не должны продвигаться в направлении Виндзора далее Уитби, парламентские — в направлении Оксфорда далее Хенли; в Бекингемшире, соответственно: в направлении Эйлсбери и Оксфорда не далее Брилля и Эйлсбери; в Беркшире войска обеих сторон остаются там, где они располагаются ныне; в целом войска короля и Парламента не могут удаляться на расстояние более 12 миль от Оксфорда и Виндзора соответственно.
4. Войска Его Величества, осаждающие Глостер, отходят к Сайренсестеру или Малмсбери; парламентские силы, находящиеся ныне в Глостершире, остаются в Глостере, Бристоле и Беркли; стянутые же к Глостеру из Уэльса войска Его Величества отходят на прежние кварталы.
5. Если какая-либо из сторон заявит, что перемирие нарушено, ее жалоба должна быть доведена до сведения главнокомандующего противной стороны и рассмотрена в течение трех дней; если же удовлетворение не будет дано или принято, военные действия возобновляются лишь по истечении пятидневного срока.
6. Все прочие войска остаются там, где они находились к моменту заключения настоящего перемирия. Его действие не должно препятствовать снаряжению и использованию кораблей для защиты владений Его Величества.

Перемирие вступает в силу 4 марта и продолжается до 25 марта.

Эти условия (врученные королю 1 марта, т. е. спустя почти месяц после сделанных Его Величеством предложений, что уже заставляло усомниться в искренности намерений Парламента) вызвали немало споров в Тайном совете и Военном совете. Одни полагали, что королю следует принять эти статьи (пусть даже и не вполне справедливые), ибо

такой шаг привлечет на его сторону сердца англичан, умерит безумные страсти, и тогда народ, вкусивший радостей желанного мира, Парламенту трудно будет вновь поднять на войну. Сверх того, перемирие, восстановив свободу общения между сторонниками разных партий, позволит многим людям уразуметь правоту доводов короля. Наконец, прекращение военных действий затруднит пополнение армии графа Эссекса.

Другие, однако, считали, что, судя по крайнему неразумию предложений Парламента, переговоры не приведут к миру, а сейчас любое перемирие невыгодно королю, ведь прекращение военных действий на Западе и Севере, где войска Его Величества имеют успех, лишь позволит его врагам оправиться и восстановить силы; что никакого свободного общения между разными частями страны Парламент не допустит; наконец, что армия Эссекса, имея такой громадный источник людской силы, как Лондон, за время перемирия только вырастет в числе.

К этим доводам добавлялся еще один, более важный. До сих пор Палаты содержали армию за счет средств, которые предоставлял Лондон, преимущественно в лице их сторонников; принудительные сборы в других городах, где стояли парламентские гарнизоны, и обычные солдатские грабежи приносили немного, вводить же правильное обложение на всей подчиненной им территории Палаты долго не решались, опасаясь вызвать возмущение народа, открыв ему глаза на то, как они намерены «уважать» его свободу и собственность в будущем.

Однако теперь, согласившись на переговоры, Парламент принял ордонанс, вводивший еженедельный налог во всех графствах. Лондон, таким образом, должен был уплачивать каждую неделю 10 000 фунтов, а королевство в целом — 33 518, что составило бы 1 742 936 фунтов в год — колоссальную сумму для народа, который до войны считал невыносимым для себя бременем уплаты двух субсидий, никогда не превышавших 200 000 фунтов. Кроме того, Парламент постановил наложить секвестр на имущество сторонников короля.

И если теперь, — твердили противники перемирия, — Его Величество примет предложенные условия и остановит продвижение своих войск, то Парламент, более не опасаясь наступления сэра Ральфа Гоптона на западе и графа Ньюкасла на севере, сможет преспокойно собирать налоги и вербовать в свою армию людей в Сомерсетшире и Девоншире, а также в Норфолке, Саффолке, Кембриджшире, Гентигдоншире, Бедфордшире и Эссексе.

Эти аргументы произвели глубокое впечатление на людей, не веривших в то, что переговоры способны привести к прочному миру, а число их увеличилось вследствие нового решения Парламента — об

укреплении Лондона и строительстве фортификаций вокруг него. Многие знатные и уважаемые особы, искренне преданные делу Его Величества, умоляли короля не соглашаться на столь невыгодное для него перемирие, а потому Его Величество, после долгих обсуждений с членами Тайного совета и высшими офицерами, потребовал внести в статьи перемирия следующие изменения:

«Статью 1 Его Величество принимает в том виде, в каком предложил ее Парламент.

Его Величество соглашается и на статью 2, поскольку она относится к солдатам и офицерам; однако все прочие его подданные должны получить право свободного перемещения по стране; равным образом, не следует чинить никаких препятствий торговле.

Король дает согласие на статьи 3, 4, 5 и 6, но с двумя оговорками: 1) командовать кораблями должны лица, назначенные с одобрения Его Величества; 2) никто из его подданных не может быть взят под стражу и лишен имущества иначе, как в соответствии с известными законами страны» (таким образом король желал предотвратить аресты тех, кто не подчинится парламентским ордонам о новых налогах).

Палаты долго не отвечали Его Величеству, ибо имели в мыслях не скорейшее начало переговоров с королем о мире, но союз со своими собратьями в Шотландии и вовлечение их в английскую Гражданскую войну. Дело это продвигалось не так скоро, как им хотелось; вдобавок, между английскими и шотландскими офицерами в армии графа Эссекса вспыхивали жестокие ссоры, которые Парламенту приходилось улаживать.

Условием же союза, как мы помним, шотландцы ставили реформу англиканской церкви по пресвитерианскому образцу. И вот к Его Величеству в Оксфорд явились лорд-канцлер Шотландии граф Лоуден и м-р Александр Гендерсон (один из зачинщиков смуты в Эдинбурге). Первый прибыл в качестве комиссара лордов шотландского Тайного совета (или, как они сами себя величали, «хранителей мира между двумя королевствами») и изъявил готовность выступить посредником в споре между королем и Палатами. Второй же вручил Его Величеству петицию Генеральной ассамблеи шотландской церкви, собравшейся в Эдинбурге 4 января 1643 года.

Но для правильного понимания одного из ее пунктов нам следует знать, что когда лорд Ферфакс, по вступлении графа Ньюкасла в Йоркшир, заявил, что армия этого последнего сплошь состоит из католиков и имеет своей целью искоренение протестантизма, граф, отведя от себя обвинения в личных симпатиях к папизму, признал, что многие

паписты действительно служат в его армии, но это, по его убеждению, нисколько не противоречит законам страны, и отнюдь не религия стала предметом спора между Его Величеством и Палатами, ведь мятежники исповедуют ту же самую веру, что и король, а большинство папистов — в отличие от многих протестантов — хранят ему верность. Ухватившись за эти слова, шотландские фанатики клеветнически заключили, будто граф ставит папистов в отношении верноподданнического долга выше протестантов.

«Мы не вправе безмолвствовать ныне, — вещали авторы петиции, — когда пламя пожара уже пожрало Ирландию, опустошает Англию и готово перекинуться на самое старое и родное из принадлежащих Вашему Величеству королевств; и если даже наши языки и перья будут молчать, заговорит наша совесть, а в ответ ей возопиют камни.

Великая наша скорбь усугубляется дерзостью папистов, которые, хотя и не обладают в Шотландии значительным влиянием, воспряли духом благодаря успехам ирландских папистов, а также силе папистских армий и прелатской партии в Англии. Еще больше встревожило нас то, что в декларации графа Ньюкасла, командующего войсками Вашего Величества на севере, то есть в прилегающих к нашему королевству землях, паписты — открытые враги королей, опозорившие себя изменами, заговорами, идолопоклонством и духовной тиранией — провозглашены не просто добрыми подданными, но гораздо более верными подданными, чем протестанты, что стало новой грязной хулой на реформированную религию и явным оскорблением чести Вашего Величества.

А посему мы умоляем Ваше Величество принять в расчет, что замыслы папистов, диктуемые принципами их веры, остаются такими же, какими были они от начала — воздвигнуть свой Вавилон и установить омерзительное идолопоклонство и противную христианству тиранию во всех владениях Вашего Величества, вполне уподобив Англию и Шотландию несчастной Ирландии. И хотя ныне они лицемерно разглагольствуют о защите законной власти Вашего Величества, однако на самом деле они мечтают силой оружия учинить с Вами и Вашим потомством то, чего в приснопамятный день 5 ноября им не удалось добиться изменой и коварством, или, в лучшем случае, обратить Ваше Величество и Ваши королевства в презренных рабов собственного монарха — папы. Да будет же угодно Вашему Величеству, употребив свою власть, распустить их войска и разрушить их кровавые планы.

Имея это в виду, мы еще раз покорно молим Ваше Величество удовлетворить прошение Генеральной Ассамблеи и ввести единство религии и единообразие церковного управления во всех Ваших королевствах,

для достижения какого-либо согласия и гармонии мы просим созвать, по желанию Парламента Вашего Величества, собрание английских богословов, к которому могли бы присоединиться представители нашей церкви.

Господь неба и земли, коего наместником является Ваше Величество, призывает Вас к этому великому делу реформации, а нынешние смуты в Ваших владениях суть либо приуготовления счастливого единства религии, либо (о чем мы трепещем даже помыслить) начало страшных бедствий для всех королевств Вашего Величества. Да избавит нас от этого Бог, но ведь в то самое время, когда английский Парламент, желая мирно преобразовать церковь, принимает на сей счет необходимые билли, Ваше Величество, коему, как приемному отцу церкви Христовой, надлежит заботиться о делах веры, разрушает наши лучшие надежды, рискуя навлечь на себя гнев Божий и утратить любовь своих верных подданных.

Нам небезызвестно, что труд сей тяжок, а препятствия многочисленны, что путь наш преграждают львы и горы, и главнейшая из них — гора прелатства, под сенью коей уже давно находят покой множество папистов и им сочувствующих; что люди суетные страшатся ига Христова и не желают повиноваться Евангелию; что взоры их ослеплены внешней пышностью церкви, а умы — извращены ложной мыслью о возможности руководить церковью по правилам человеческой политики. Но пусть Ваше Величество обратится к древним летописям и вспомнит, что ни врата адовы, ни обманы и насилия людей порочных и нечестивых не воспрепятствовали насаждению христианской религии, а впоследствии — реформированию христианской церкви: пусть Ваше Величество подумает и о том, что в наше время многие не поддерживают открыто дело реформации только потому, что, зная по опыту о тиранстве прелатов, страшатся их мести.

Но когда смешение епископального строя с гражданским государством будет уничтожено, когда учредится должное управление церковью посредством выборных собраний, существующее ныне во всех реформированных церквях, тогда сама религия станет чище, а светская власть — прочнее.

Да будет угодно Господу, в чьей руке находятся сердца царей, склонить сердце Вашего Величества к истинной реформации, дабы Вы не терпели более ни мессы, ни иных остатков римского суеверия, дабы Вы сделали все для обращения Вашей супруги (о чем также смиренно просит Вас вся наша церковь и все королевство) — и тогда слава Вашего Величества, к изумлению всего света и на страх врагам, затмит славу всех Ваших царственных предков, а Ваши подданные, преизобилуя

праведностью, миром и процветанием, не ведомыми прежним поколениям, смогут с полным правом сказать: «Благо мне, что я пострадал».

По вручении королю (если не раньше) эта дерзкая петиция была отправлена в Лондон и напечатана: тамошним смутьянам, таким образом, давали понять, как далеко готовы шотландцы идти вместе с ними в борьбе с англиканской церковью. Кроме того, Гендерсон признался королю, что имеет при себе письма к самым деятельным из мятежных лондонских проповедников от их шотландских единомышленников. Столь вызывающее поведение давало Его Величеству право привлечь Гендерсона к суду, тем более что последний (в отличие от Лоудена и прочих комиссаров) не имел охранной грамоты и не получил от Тайного совета каких-либо полномочий, будучи представителем одной лишь Генеральной ассамблеи. Но король, зная о громадном влиянии пресвитерианского духовенства на умы шотландцев, решил обойтись с Гендерсоном милостиво, а на представленную им петицию дал 20 марта 1642 года следующий откровенный ответ:

«Мы намеревались ответить на вашу петицию уже после того, как завершим обсуждение иных дел с прочими шотландскими комиссарами, но когда нам стало известно, что эта петиция, полная дерзких выражений, отпечатана и распространяется в нашем королевстве, к великому соблазну наших подданных, мы почли своим долгом тщательно рассмотреть содержание самой петиции и полномочия ее авторов.

Мы заявляем, что Генеральная ассамблея Шотландской церкви не вправе вмешиваться в дела английского королевства и англиканской церкви, обращаться с декларациями к Палатам нашего Парламента или посылать письма нашим духовным особам. И мы уверены, что составители петиции, приняв в соображение, сколь противно законам выставленное в ней требование изменить наше церковное устройство, уподобив его порядкам другой церкви, ясно уразумеют, что их ввели в заблуждение некие злонамеренные особы, задававшиеся целью посеять вражду и раздоры между Англией и Шотландией, чего мы всеми силами пытаемся не допустить.

Что же до ирландских событий, служащих нередко поводом для клеветнических измышлений в наш адрес, то мы напоминаем, что после начала этого чудовищного мятежа мы принимали все меры для скорейшего его подавления: утвердили билль о наборе войск (а чтобы поощрить кредиторов ирландской экспедиции, отказались от прав на подлежащие конфискации земли мятежников), открыли свои арсеналы для вооружения армии, предоставили, вопреки обычаю, самому Парламенту полномочие распоряжаться соответствующими суммами, предложили набрать

10 тысяч добровольцев для службы в Ирландии, изъявили готовность отправиться туда лично, а через наших послов в иностранных державах делали все, чтобы отрезать ирландских мятежников от помощи из-за границы. Если, к тому же, наши добрые подданные вспомнят, сколько людей, денег, времени и трудов — к великому ущербу для британских войск в Ирландии — поглощает ныне противоестественная война, развязанная против нас в Англии, то они снимут с нас эти скандальные обвинения и отнесут их на счет истинных поджигателей охватившего несчастную Ирландию пожара.

Касательно же вашего требования единства религии, то мы опасаемся, как бы паписты, по своему обыкновению, не воспользовались им для того, чтобы частные расхождения в обрядах, управлении или мало-важных мнениях, существующие ныне в протестантских церквях, выдать за глубокие различия в самой религии, а наши английские подданные не подумали, будто вы не считаете их своими единоверцами, но клеймите их религию как ложную или несовершенную.

Что же до единообразия в церковном управлении, то нам нечего добавить к прежнему ответу на вашу петицию по этому поводу, данному нами 13 октября 1642 года в Бриджпорте, каковым ответом (т.е. нашим согласием на обсуждение этих вопросов синодом ученых и благочестивых английских богословов, с возможным участием богословов шотландских) вам и следовало бы удовлетвориться вместо того, чтобы в новой своей петиции прибегать к злобным выпадам по поводу законов соседнего государства и установленных в нем церковных порядков.

Мы, однако, не можем не изумляться тому, что авторы петиции не только дерзают выступать в роли судей между нами и нашим Парламентом, но и заявляют, будто преобразования в нашем королевстве осуществляются мирным и парламентским путем, тогда как всякому известно, что в Англии творятся ныне вещи, противоречащие всем правилам и прецедентам прежних Парламентов и гибельные для свободы, привилегий и достоинства самих же Парламентов; что буйство мятежных толп вынудило нас удалиться из Лондона, а Палаты, не насчитывающие и четвертой части своих членов (ибо все прочие лорды и коммонеры бежали, спасаясь от насилия, либо были исключены или взяты под стражу за несогласие с изменническими действиями смутьянов) выставили против нас армию и ведут против нас войну.

Смешение существующей ныне системы церковного управления с гражданским государством мы находим вполне разумным и действительно полагаем, что руководство церковью должно осуществляться по правилам человеческой политики.

О предложенных нам биллях, относящихся к изменениям церковного устройства и имеющих стать предметом наших переговоров с Парламентом, мы здесь говорить не намерены; однако нам хотелось бы знать, по какому праву вы пытаетесь предопределить наше решение и грозите нам гневом Божиим и утратой любви наших добрых подданных, если мы эти билли не утвердим. Мы уверены, что, поддержав установленное законом церковное устройство, исполним свой долг защитников религии не хуже, чем это делали королева Елизавета и наш блаженной памяти родитель, снискавшие благословение небес и уважение всех протестантских церквей, и что мы не удручим праведные сердца и не лишимся любви наших подданных.

Наши шотландские подданные, мы нисколько не сомневаемся, поймут ложность утверждения, будто сохранить свое церковное устройство они смогут, лишь изменив строй церкви Англии, а наши английские подданные, полагаем мы, сохраняют нам верность, даже если мы, воспользовавшись своим законным правом, не утвердим билли, предложенные на сей счет Парламентом. Равным образом, вы ошибаетесь, если думаете, будто большинство англичан жаждет преобразования церковного строя; те же, кто действительно этого желают, как правило, не хотят реформации в вашем духе и не склонны подчиняться тому, что вы именуете игом Христовым; они равно враждебны епископальной и пресвитерианской системам, так что упразднение одной вовсе не приведет, вопреки вашим ожиданиям, к установлению другой.

Что же касается тех мест петиции, которые можно понять как обвинение в терпимости или даже потворству папизму, то мы уже не единожды заявляли о нашей твердой решимости защищать истинную протестантскую религию, и ни один из наших подданных, хоть сколько-нибудь знакомый с нашим образом действий, не усомнится в нашей непоколебимой преданности этой религии и в нашей готовности бороться с папизмом, доказанной уже тем, что мы утвердили все билли на сей счет, представленные английским и шотландским Парламентами, и издавали прокламации о строгом исполнении законов против рекузантов. А значит, никто не вправе обвинять нас в благоволении к римской тирании и суеверию или же думать, что обращение нашей дражайшей супруги не стало бы для нас большим счастьем, нежели обретение трех новых корон — о приближении этого благословенного дня мы вседневно молим всемогущего Бога.

Мы, однако, вправе ожидать, что авторы петиции, поклявшиеся в своем Торжественном Национальном Ковенанте защищать нашу особу, соблаговолят наконец заметить, что армии мятежников действительно

представляют для нас страшную угрозу, что граф Эссекс выступил против нас с войском, напал на нас и попытался лишить нас жизни; что армия его кишит браунистами, анабаптистами и прочими сектантами, а католиков в ней больше, чем в нашей армии. В армии же графа Ньюкасла католиков немного, и нет причин опасаться, что они построят здесь свой Вавилон и введут свое идолопоклонство. Верность их не вызывает сомнений у графа (нисколько не расположенного к их вере), а их помощь нам в борьбе с внутренним мятежом оправдывается всеми божественными и человеческими законами.

В заключение мы желаем и требуем, чтобы авторы петиции, как то и подобает проповедникам Евангелия, сделали все возможное для успокоения возбужденных умов и устранения разногласий и недоразумений; чтобы они внушали своей пастве истинное представление о великих принципах христианской религии и, не смущаясь различиями в церковных порядках двух наших королевств, всецело посвятили себя служению Богу».

Пытаясь добиться от короля согласия на реформу церковного устройства, лорд Лоуден утверждал, что таким образом Его Величество не только удержит своих шотландских подданных от союза с английским Парламентом, но и обеспечит себе их содействие в защите своих прав. Но, быстро убедившись, что король непоколебим, и соображения политической выгоды не влияют на его религиозную совесть, Лоуден перешел к вопросам, непосредственно касавшимся данного ему поручения.

Во-первых, сообщил Лоуден, хранители мира в королевстве готовы выступить посредниками в споре между королем и Палатами (в оправдание такой претензии они ссылались на одну из статей Акта об умиротворении), а во-вторых, они просят Его Величество распорядиться о созыве шотландского Парламента. С этими пожеланиями и доводами в их пользу комиссары всякий раз обращались непосредственно к королю, уклоняясь от их обсуждения с его министрами (что, как им казалось, означало бы умаление величия и достоинства Шотландии), но король неизменно знакомил с их бумагами членов своего Тайного совета и, соображаясь с мнением последних, ответил комиссарам, что «упомянутая статья не дает им права притязать на роль посредников, ибо относится она к возможным раздорам между Англией и Шотландией, тогда как его нынешний спор с английским Парламентом касается исключительно его собственных прав, которые пытаются у него отнять поднявшие мятеж подданные, а также основных законов королевства, о которых хранители мира не имеют достаточного представления. Согласие на подобное посредничество

вызовет недовольство его английских подданных; примирению же с Парламентом, которого он ждет от предстоящих переговоров, шотландцы могут помочь разве что своими молитвами».

Что же до просьбы о созыве Парламента, то король во время последнего своего пребывания в Шотландии утвердил Акт о трехгодичных Парламентах, а перед роспуском тогдашнего Парламента дал согласие на еще один акт, в котором определялся день созыва следующего — первый вторник июня 1644 года (хотя за Его Величеством оставалось право сделать это еще раньше). Было совершенно очевидно, что созыв подобного собрания теперь, когда в Шотландии заправляют зачинщики смуты, не послужит интересам короля и делу мира в Англии. С другой стороны, невозможность созвать Парламент в Шотландии вопреки воле короля до июня 1644 года давала хоть какую-то гарантию того, что шотландцы не сумеют прийти на помощь английскому Парламенту, ведь в Акте об умиротворении было ясно сказано, что «Англия не может воевать против Шотландии, а Шотландия — против Англии без согласия, соответственно, английского и шотландского Парламентов; всякий же шотландец или англичанин, который без согласия своего Парламента поднимет оружие против Англии или Шотландии, должен считаться государственным изменником». По этим причинам король отказался созвать шотландский Парламент раньше установленного срока.

Убедившись, что их предложения Его Величество не примет, комиссары попросили у короля дозволения и пропуска для поездки в Лондон, где, как они объяснили, им требовалось уладить кое-какие дела перед возвращением на родину.

Многие считали, что король мог бы удовлетворить эту, в сущности, маловажную просьбу, тем более что комиссары имели возможность отправиться в Лондон и без королевского разрешения. Но Его Величество рассудил, что дозволение на поездку в Лондон может быть истолковано как его, короля, согласие считать их посредниками, и в Лондоне непременно воспользуются этим обстоятельством ему во вред. А потому он категорически отказал комиссарам в охранной грамоте и заявил, что «вначале им следует возвратиться к тем, кто их сюда послал, и только после этого ехать в Лондон; отправившись же в Лондон прямо из Оксфорда, они рискуют лишиться его покровительства и защиты».

Парламентский комитет, в это самое время явившийся в Оксфорд для переговоров, также ходатайствовал перед Его Величеством об удовлетворении просьбы комиссаров, но безуспешно, так что в конце концов лорду Лоудену и его соотечественникам пришлось возвращаться прямо в Шотландию.

Король милостиво принял членов парламентского комитета тотчас по их прибытии, после чего познакомился с письменными предложениями Палат, в которых было сказано, что «прежде всего прочего должен быть решен вопрос о перемирии». Отсюда Его Величество с радостью заключил, что комиссары привезли с собой (или уполномочены дать) согласие на предложенные им самим условия перемирия, тем более что в преамбуле парламентских статей провозглашалось, что «лорды и общины, движимые страстным желанием мира, принимают предложенные Его Величеством изменения к статьям перемирия и учитывают их в нижеследующих статьях». Однако, познакомившись с этими статьями, король убедился, что в их тексте совершенно отсутствуют предложенные им поправки и что явившиеся в Оксфорд комиссары не уполномочены отступать от парламентских условий перемирия.

Его Величество увидел в этом дурное предзнаменование, а его советники — прямое оскорбление и хитрую уловку, посредством коей Палаты хотели бы выставить себя перед народом искренними сторонниками мира, а всю вину за неудачу переговоров возложить на короля. На следующий день король отправил комиссарам послание, в котором еще раз указал на «важность предложенных им изменений. Оставив за собой начальство над флотом, разъяренный король, Парламент получит возможность перебрасывать войска морем в любую часть королевства и к истечению срока перемирия окажется сильнее, чем прежде, что явным образом несправедливо и противоречит самой природе перемирия.

Отметив ряд других несообразностей в предложенных ему статьях, король выразил желание, чтобы комиссары получили полномочие их изменить; если же Парламент не пойдет ему в этом навстречу, король, не желая, чтобы несогласие в пунктах перемирия стало преградой на пути к дальнейшим переговорам, изъявил готовность отложить вопрос о перемирии и перейти к обсуждению главного предмета — условий самого мира, в каковых условиях Его Величество твердо обещал обеспечить законные права, привилегии и свободы своих подданных».

Вскоре после этого комиссары изложили причины своего несогласия с предложенными королем поправками к условиям перемирия. «Свобода торговли, утверждали они, сделает возможным снабжение армии Его Величества оружием и боевыми припасами и обеспечит поступление в Оксфорд денежных средств за счет продажи в соседних графствах товаров, производимых на занятой королевскими войсками территории. Перемирие на море сделает страну беззащитной перед чужеземным вторжением и в то же время откроет порты для доставки военных материалов королю. Требуемый же Его Величеством запрет на

взятие кого-либо под стражу вопреки существующим законам на деле означает, что Парламент лишится права наказывать за поставки оружия королю, дезертирство из собственной армии и отказ платить введенные Палатами налоги».

На все эти доводы можно было с успехом возразить, но король знал, что отказ принять предложенные условия перемирия будет превратно истолкован как нежелание вести переговоры о мире и именно в таком свете представлен Парламентом народу. А потому он выразил готовность принять статьи перемирия, но заявил, что его не следует разуметь в том смысле, будто он признает законной и справедливой ту власть над его подданными, которую осуществляют Палаты ныне. Палаты же велели своим комиссарам прекратить обсуждение условий перемирия и приступить к переговорам — подробности которых, поскольку они относятся к 1643 году, я изложу в следующей книге.

Я убежден, что король, прими он тогда условия перемирия, оказался бы в выигрыше: его армия усилилась бы, а неприятельская стала бы слабее. К тому же Парламенту было бы трудно сорвать уже действующее перемирие или прервать начавшиеся переговоры. Но Его Величество не желал останавливать наступление Северной армии, способной, как тогда казалось, дойти до Лондона, и, самое главное — он просто не верил, что Парламент согласится на сколько-нибудь приемлемые условия мира.

Между тем пришло обычное время для выездных сессий суда, но лорды и общины, «сославшись на продолжающуюся в стране смуту, предложили Его Величеству отсрочить сессии до той поры, когда Господу угодно будет возвратить народу мир».

Король ответил, что «нынешняя кровавая смута удручает его не в последнюю очередь по той причине, что она препятствует отправлению правосудия, но, не желая лишать своих подданных защиты закона, он не может согласиться с предложением Парламента».

Получив ответ Его Величества, Парламент обратился к своему испытанному оружию — издал ордонанс, в котором приказал судьям и присяжным воздержаться от исполнения своих обязанностей, а слушникам пригрозил суровой карой. Запуганные судьи в большинстве своем подчинились Парламенту, и лишь в нескольких графствах состоялись законные выездные сессии. >

КНИГА VII

Главы его судят за подарки и священники его учат за плату, и пророки его предвещают за деньги, а между тем опираются на Господа, говоря: «не среди ли нас Господь? Не постигнет нас беда!» (Мих. 3:11)

Лучший из них как терн, и справедливый — хуже колючей изгороди, день провозвестников Твоих, посещение твое наступает; ныне постигнет их смятение» (Мих. 7:4)

Глава VII

(1643)

«Согласившись на переговоры, Палаты постановили, что предметом обсуждения должны стать их первоначальные предложения и первоначальные предложения Его Величества. На первый пункт предложений короля (о немедленном возвращении отнятых у него силой доходов, арсеналов, городов, крепостей и кораблей) комиссары ответили, что «Палаты действительно использовали его доходы, но лишь малую их часть и главным образом на содержание его детей. Со своей стороны, Палаты потребовали, чтобы король вернул взятое им из средств, выделенных на войну в Ирландии, а также оружие и припасы, взятые им из арсеналов. Кроме того, Парламент предложил скрыть новые фортификации, построенные в городах, замках и крепостях, приведя их в состояние, в котором находились они до начала смуты, и вывести из них гарнизоны. Комендантов же этих городов, замков и крепостей, а также Портсмута и всех арсеналов, должен назначать король, но из числа лиц, пользующихся доверием Парламента».

На эти предложения, означавшие, по сути, претензию на соучастие в осуществлении верховной власти, король ответил, что «он согласен на срытие укреплений, вывод гарнизонов и приведение крепостей в прежнее состояние, но полагает, что все эти города, замки, крепости и арсеналы должны быть вновь переданы под команду лиц, бывших их комендантами до начал смуты, хотя последние могут быть сняты со своих постов, если против них будут выдвинуты обоснованные возражения».

Всякому очевидно, к чему свелся теперь спорный вопрос: оставит ли Его Величество за собой право распоряжаться высшими должностями, право, которым обладали все английские короли — или же назначение на высшие командные посты будет отныне производиться исключительно с согласия Парламента.

А потому, когда комитет попросил короля разъяснить точный смысл своего предложения, Его Величество ответил, что право назначать на упомянутые должности, которое принадлежало всем его предкам, есть бесспорная часть полномочий монарха, и он не в силах поверить, что его благонамеренные подданные желают ограничить права своего государя.

На следующее возражение комиссаров — «чтобы обеспечить прочный мир, необходимо отыскать надежное средство против страхов и подозрений, а таковым средством может быть лишь принятие предложений Парламента» — король ответил, что «он ожидал от комиссаров разумных доводов, которые опирались бы на существующие законы и доказывали, что он, король, не может претендовать на все эти права, но не ссылок на страхи и подозрения, а поскольку основания для таких страхов и подозрений ему неведомы, то и средство против них он указать бессилён. Рассуждая в подобном духе, комиссары могут прийти к выводу, что короля следует лишить всей его законной власти, ведь любая власть, как и любое полномочие, способны внушать страхи и подозрения. Лучшим же средством против опасной эпидемии страхов и подозрений, как и вернейшим путем к миру, было бы строгое соблюдение всеми сторонами существующих законов».

Не представив каких-либо возражений на доводы Его Величества, комиссары прямо заявили, что «инструкции велют им настаивать на удовлетворении уже изложенных пожеланий Парламента». Король ответил, что «это он может по всей справедливости настаивать на возвращении того, что принадлежит ему по закону, и что предъявленное ему требование — согласиться на ограничение своих прав только потому, что другие люди эти права нарушили или узурпировали — он находит совершенно неразумным».

Затем стороны перешли к обсуждению других вопросов — о роспуске армий и о возвращении короля к Парламенту. Стало ясно, что комиссары не имеют действительных полномочий вести переговоры об условиях роспуска войск, а лишь добиваются того, чтобы первой была распущена армия графа Ньюкасла на севере Англии — иначе говоря, там, где парламентские войска были гораздо слабее. Равным образом, к великому изумлению Его Величества обнаружилось, что комиссары не получили ясных инструкций и по вопросу возвращения короля в Лондон, хотя Палаты упорно внушали народу, что удаление Его Величества от Парламента и явилось главной причиной постигших страну бедствий. Наконец, убедившись, что комиссары по недостатку полномочий не могут сделать сколько-нибудь определенных предложений, король решил обратиться непосредственно к Палатам и 12 апреля 1643 года отправил им послание, в котором было сказано, что

«1. Как только будет принято первое предложение Его Величества, касающееся возвращения доходов, арсеналов, крепостей и кораблей; и Его Величество, а также назначенные им лица, получают то, чего их незаконно лишили;

2. Как только все члены обеих Палат, исключенные, начиная с января 1641 года, за свою верность королю, будут восстановлены в своих правах, принадлежащих им по рождению или по свободному выбору тех, кого они представляют в Парламенте (что, однако, не должно распространяться на епископов);

3. Как только Его Величество и обе Палаты будут надежно защищены от угроз со стороны мятежных сборищ, что, по мысли Его Величества, может быть обеспечено лишь перенесением заседаний Парламента в место, находящееся не менее чем в двадцати милях от Лондона;

Его Величество с радостью согласится на роспуск армий. И тогда, уверен король, свободно и мирно заседающий Парламент примет меры против мятежных проповедей и подстрекательских печатных листов и отменит все незаконные декларации, ордонансы и приказы, и в частности, распоряжение о наборе армии без согласия Его Величества. В этом собрании Его Величество утвердит все билли, имеющие своей целью облегчить разоблачение и ускорить осуждение рекузантов, сделать обязательным воспитание детей католиков в протестантской вере и обеспечить строгое соблюдение уже существующих законов против католиков. Если же настоящие предложения Его Величества будут отвергнуты, весь мир поймет, кто является истинным виновником продолжения войны и страшных бедствий, постигших это несчастное королевство».

Палаты не ответили на это послание, но велели своему комитету немедленно вернуться в Лондон (двадцать дней, отведенных на переговоры, уже истекли). Некоторых комиссаров заподозрили в сговоре с королем; дошло до того, что м-р Мартин вскрыл письмо графа Нортумберленда к супруге, надеясь обнаружить в нем следы тайных интриг, и эта бесстыдная дерзость не встретила особого осуждения.

Иные полагали, что король, выказывая чрезмерную неуступчивость, слишком решительно настаивал на соблюдении своих законных прав, и что если бы он прибег к щедрой раздаче должностей определенным лицам, то сумел бы полностью восстановить свою власть. Сами комиссары возмущались действиями Парламента (или скорее всемогуществом графа Эссекса) и, по-видимому, искренне желали мира. Некоторые даже утверждали, что если бы король назначил лорд-адмиралом графа Нортумберленда (который в беседах с друзьями чистосердечно раскаивался в прежних заблуждениях), то это раскололо бы Палаты, переговоры продолжились бы и все предложения короля были бы приняты. Король, однако, пришел к выводу, что влияние комиссаров не так уж велико, коль скоро им, несмотря на все усилия, не удалось добиться продления срока

переговоров; что идти на уступки в вопросе об условиях перемирия, не имея гарантий заключения мира и рискуя, таким образом, оказаться в невыгодном положении при возобновлении военных действий, с его стороны неразумно; и, наконец, что назначение графа Нортумберленда лорд-адмиралом вызовет недовольство других претендентов на этот высокий пост и будет истолковано как чрезмерная снисходительность к человеку, который уже успел нарушить свой долг.

Я полагаю, что подобная милость, оказанная графу Нортумберленду, была бы принята им с благодарностью, помогла бы вызвать разногласия в Палатах и, вероятно, продлила бы переговоры еще на несколько дней, ведь прерваны они были, как заявляли Палаты, только потому, что король не согласился ни с одним из сделанных ему предложений. И однако, я не в силах себе представить, каким образом подобные шаги Его Величества могли бы привести к миру. Ибо (не говоря уже о том, что партия войны желала видеть во главе флота не внушавшего ей подозрения графа Нортумберленда, но преданного ей графа Уорвика), достаточно вспомнить действия, предпринятые Парламентом в то время, пока шли переговоры — секвестр земель епископов, деканов и капитулов и запрет держателям платить ренту владельцам; погром и грабеж, учиненные в часовне королевы в Сомерсет-хаусе под предлогом поисков спрятанного там оружия; приказ задерживать как лазутчиков и судить по законам военного времени всех, кто без дозволения Палат явится из Оксфорда в Лондон или в армию графа Эссекса (хотя сами они каждый день посылали своих людей в Оксфорд) — и всякому станет ясно, что Парламент совершенно не помышлял о мире. Если же мы примем в расчет, чего добивался Парламент от короля — уничтожения епископата, согласия на созыв собрания богословов, назначенных, вопреки законам и обычаям, самими же Палатами, и обещания утвердить любые билли, которые, по совещании с подобными богословами, примет Парламент, — если мы, далее, вспомним, что парламентские комиссары на переговорах не имели по сути никаких полномочий, кроме права передавать королю резолюции Палат и получать его ответы (с чем без труда справился бы обыкновенный посыльный), то нам едва ли покажется, что согласие Его Величества назначить кого-либо из членов Палат лорд-адмиралом могло бы восстановить законную власть короля и мир в королевстве. >

В субботу 15 апреля, в тот самый день, когда закончились переговоры в Оксфорде, добиться продления которых королю, несмотря на все его усилия, не удалось, граф Эссекс выступил со всем своим войском из Виндзора. Палаты не решились бы на такой поход и не стали бы столь тщательно его готовить, будь они действительно

расположены принять какие-либо разумные уступки короля, которые положили бы конец дальнейшим раздорам и, естественно, сделали бы бессмысленными эти огромные расходы. Никогда еще графу не доводилось командовать столь грозной армией — почти шестнадцать тысяч пехоты и свыше трех тысяч кавалерии, столь превосходно снаряженных и обеспеченных всем необходимым для осады, как этого только можно было ожидать от неприятеля, который ни в чем не испытывал нужды, имея в своем полном распоряжении Тауэр и все прочие арсеналы королевства. В Ридинге между тем находилось чуть более трех тысяч пехотинцев и кавалерийский полк примерно в триста всадников; укрепления же его, построенные лишь в качестве прикрытия для стоявших там на зимних квартирах солдат и вовсе не рассчитанные на постоянный гарнизон, были совершенно неспособны выдержать правильную осаду. Между прочим, на военном совете в Оксфорде было решено, что до конца апреля (прежде, как там полагали, неприятель не отважится открыть кампанию) сэр Артур Астон должен разрушить фортификации, вывести свой гарнизон и присоединиться к королю. Но еще более, чем слабость укреплений, оборону города затрудняла нехватка припасов, ибо осажденные, имея всего сорок бочек пороха, не устояли бы и четырех часов против смелого и решительного врага. Недостаток этот проистекал отнюдь не из чьей-либо непредусмотрительности, а потому восполнить его или по крайней мере наладить снабжение войск в настоящем смысле слова, не было никакой возможности. Ведь король совершенно не располагал морскими портами, чтобы через них доставлять в Оксфорд полученную от друзей амуницию, как не сумел он до сих пор завести ни одной мануфактуры для производства военного снаряжения в сколько-нибудь значительных размерах. То, что он привез с собой после Эджиллской битвы (остатки запаса, доставленного на корабле «Провиденс» еще до поднятия королевского штандарта в Ноттингеме), распределенное по различным гарнизонам, служило его армии во всех походах, и в будущем должно было удовлетворять все его растущие нужды; между тем склады в Ридинге (о скудости коих мы уже упоминали) были, однако, вдвое богаче любых других магазинов, исключая оксфордские. Там в это время хранилось не более сотни бочек пороха; запальных же фитилей в числе, соразмерном даже такому, весьма скромному запасу, не было нигде. Подобную нехватку следует всецело объяснять чрезвычайно стесненными обстоятельствами короля, ибо о недостатке усердия не

могло быть и речи — напротив, чтобы восполнить ее и устранить, употреблялись все мыслимые старания и усилия.

Невзирая на все эти затруднения, гарнизон встретил врага весьма смело и уверенно, ведь, по правде говоря, офицеры и солдаты были настолько хороши, насколько этого можно было ожидать в начале войны, и, в изобилии обеспеченные провиантом, не страшились голода. В неприятельской же армии большую часть рядовых составляли новобранцы и лишь немногие из офицеров что-то смыслили в искусстве взятия городов; между тем это была первая осада в Англии. Обложив Ридинг и хорошенько изучив подступы к нему, парламентский главнокомандующий тотчас созвал военный совет, дабы определить, каким образом надлежит действовать — штурмовать город или вести апроши. Мнения разделились. < Одни считали, что армия Эссекса, достаточно многочисленная и снабженная всем необходимым, сможет атаковать слабые ридингские укрепления сразу в нескольких пунктах и где-нибудь наверняка прорвется в город; после чего, воодушевленная взятием Ридинга, она победным маршем пройдет через всю страну. Если же граф предпочтет долгую осаду, то гарнизон постепенно воспрянет духом, тогда как его собственные солдаты, пока еще свежие и бодрые, утратят боевой пыл, а от болезней граф за считанные недели потеряет не меньше людей, чем во время штурма. Другие возражали, указывая на то, что армия Эссекса состоит преимущественно из новобранцев, едва ли пригодных для столь отчаянного предприятия (действительно, из доблестной парламентской пехоты, сражавшейся под Эджиллом, здесь было не более трех тысяч человек); что следует думать не столько о взятии Ридинга, сколько о битве с главной армией короля, которая наверняка поспешит на выручку осажденным, и если теперь армия Эссекса, единственная опора и надежда Парламента, потерпит неудачу при штурме Ридинга, то впоследствии ей трудно будет устоять в генеральном сражении; опасаться же болезней нет никаких причин, ведь река Темза и близость Лондона позволят надежно обеспечить войска провиантом и фуражом. >

После долгих споров и обсуждений, когда все доводы в пользу того и другого решения подверглись тщательному разбору, большинство участников совета — и главнокомандующий с ним согласился — склонились к тому, что следует рыть апроши. Рассказывают, что за это подали голос присутствовавшие на совете пехотные офицеры, кавалерийские же командиры все как один стояли за штурм. Общее руководство и надзор за осадными работами поручили Филипу Скиппону, бывалому офицеру, успевшему приобрести

боевой опыт в Нидерландах, и которого Парламент своей верховной властью назначил теперь заместителем командующего пехотой (что не слишком обрадовало графа Эссекса); сэру же Джону Меррику, назначенному в свое время на эту должность самим главным командующим, теперь было поручено начальство над артиллерией.

Рытье траншей продвигалось довольно быстро, ибо условия местности всюду как нельзя лучше благоприятствовали таким работам; вдобавок, поскольку Ридинг лежал в низине, неприятель установил вокруг него множество артиллерийских батарей и с близкой дистанции вел огонь по укреплениям и по самому городу, причинивший, впрочем, гораздо меньше ущерба, чем полагали осаждающие. Из людей известных погиб тогда лишь подполковник Дьюз, храбрый и энергичный молодой человек: ему оторвало ядром ногу, и он скончался на месте, приняв смерть с ясной и спокойной душой. Гарнизон часто устраивал вылазки, и весьма успешные: несколько неприятельских офицеров и немало солдат было убито, еще больше ранено. Последних отправляли в лазареты неподалеку от Лондона; тех же, кого везли в самый Лондон (а туда также ушло изрядное число повозок с ранеными), привозили ночью и размещали по госпиталям в глубокой тайне, чтобы горожане ничего не заметили. Такого рода «военные хитрости» слишком смехотворны, чтобы подробно их описывать, однако Парламент использовал их с великим усердием; несколько человек даже подверглись карам за то, что рассказывали о больших потерях убитыми и ранеными под Ридингом, вера же в эти сообщения считалась верным признаком малигнантства.

Через неделю после начала осады, когда комендант Ридинга сэр Артур Астон находился в караульном помещении на ближайшей к неприятельским апрошам линии, в этот дом внезапно угодило пушечное ядро, и кусок черепицы с пробитой им крыши ранил коменданта в голову, да так тяжело, что вскоре тот лишился чувств. Теперь сэр Артур не только утратил всякую способность лично исполнять обязанности коменданта, но не был даже в силах дать подчиненным какой-либо совет или указание; так что командование принял на себя Ричард Филдинг, старший по возрасту среди полковников ридингского гарнизона. Это происшествие сочли тогда великим несчастьем для короля, ибо во всей его армии не было другого офицера, который пользовался бы столь блестящей славой и перед коим так трепетали бы враги. На следующую ночь после этого происшествия, но еще до того, как о нем узнали в Оксфорде,

← ————— →

посланный оттуда отряд под командованием генерал-лейтенанта кавалерии м-ра Уилмота, не встретив серьезного сопротивления, провел в Ридинг пехотный полк в пятьсот человек вместе с запасом пороха, но получил известие о ранении коменданта и о том, что осада должна быть непременно снята в продолжение недели, ибо дольше гарнизон не продержится. Сколь мало готов был король к подобному походу, мы всего яснее поймем, если вспомним, как разбросаны были в ту пору его войска и в каком положении находился тогда он сам в Оксфорде.

Стремительные и успешные маневры сэра Уильяма Уоллера — которого мы оставили посреди его триумфов в Уэльсе, после того, как он совершенно удивительным образом захватил врасплох близ Глостера войска лорда Герберта — вынудили короля послать против него принца Морица с сильным отрядом кавалерии и драгун. Сэр Уильям Уоллер, окрыленный своими победами, подошел к Герифорду, городу вполне благонадежному и недурно укрепленному: он имел мощные каменные стены и несколько орудий; в нем же помимо хорошо вооруженных горожан находились уважаемые и родовитые джентльмены, в том числе ряд офицеров с отличной репутацией, а также до четырех сотен солдат. И, однако, хотя противники не успели потерять ни единого человека, сэр Уильям, к несказанному изумлению всех, кто узнал об этом тогда или услышал впоследствии, принялся убеждать защитников Герифорда уступить ему город без боя, а самим сдаться в плен на условии сохранения жизни. Так они и сделали, и Уоллер немедленно отослал пленных ради лучшей охраны в Бристоль — после чего поражение офицеров армии лорда Герберта должно казаться нам менее постыдным.

Из Герифорда Уоллер двинулся к Вустеру, но там череда его блестящих побед прервалась, ибо хотя названный город не имел таких сильных укреплений, как Герифорд, а гарнизон его не был столь велик (я веду речь о солдатах — обывателей в Вустере было больше), весь же боевой опыт тамошних офицеров ограничивался тем, чему научились они в ходе этой злосчастной войны; однако храбрые горожане твердо решили не принимать от Уоллера никаких парламентеров, и когда его барабанщик, невзирая на все сделанные ему со стен знаки не приближаться, объявил, что повернет назад не прежде, чем вручит им свое послание, по нему начали стрелять, и он был убит. Когда же сам Уоллер, желая отомстить за это оскорбление, двинул на штурм все свое воинство — а в Вустере имелись

одни-единственные старые ворота, без подъемного моста или каких-либо укреплений перед ними, способных помешать неприятелю войти в город — вустерцы встретили гостей столь неучтиво, что сэр Уильям, потеряв нескольких офицеров и до двух десятков рядовых, принужден был спешно ретироваться. После чего — ведь его солдаты не привыкли к такому обращению — он вновь переправился через Северн и, совершая быстрые ночные переходы, столь ловко уклонился от встречи с принцем Морицем (который с не меньшим упорством пытался его настигнуть), что, отделившись незначительным уроном в мелких стычках, благополучно и с великой славой привел свой отряд через Глостер к стоявшей под Ридигном армии графа Эссекса. Самого же Уоллера вызвали в Лондон, а для какой надобности, о том будет сказано ниже.

Крайнюю нужду (если что-либо одно заслуживало подобного определения там, где нуждались во всем необходимом) Оксфорд терпел в боевых припасах; доставить же их можно было только с севера — других надежд уже не существовало. Но путь туда был столь опасным, что для охраны перевозимой амуниции потребовался бы не просто отряд, но едва ли не целая армия. Ибо хотя в Йоркшире на полях сражений господствовал тогда граф Ньюкасл, однако во всех графствах между Йоркширом и Оксфордом неприятель был гораздо сильнее; многочисленные же его гарнизоны стояли в такой близости от всех дорог, что даже самые осторожные из тайных гонцов короля подвергались величайшей опасности, и на трех перехваченных неприятелем приходился лишь один, подобной участи избегнувший. Чтобы устранить эти препятствия и по крайней мере обеспечить доставку некоторого количества пороха (а также имея в виду охрану и сопровождение королевы на пути в Оксфорд, если Ее Величество будет готова к подобному путешествию), принц Руперт решил лично возглавить поход на север, и примерно в начале апреля (переговоры в Оксфорде продолжались, и еще можно было надеяться на их успех или, во всяком случае, на то, что граф Эссекс не начнет кампанию раньше мая) его высочество в отрядом в тысячу двести кавалеристов и драгун и шестисот-семисот пехотинцев двинулся к Личфилду. Этот город, если бы принцу удалось его захватить и поставить в нем гарнизон, явился бы чрезвычайно удобным пунктом для сообщений с Северной Англией; обладание им помогло бы также овладеть другими небольшими неприятельскими крепостями, расположенными поблизости и подобное сообщение сильно затруднявшими.

Однако на пути к Личфилду, в Уорвикшире, лежал упоминавшийся выше Бирмингем, который успел прославиться тем, что, изменив королю, выказал больше энергии, упрямства и дерзости, чем любой другой город в Англии. Двигаясь с армией из Шрузбери, король (как мы уже рассказывали), несмотря на величайшее злонаравие тамошних жителей, проявил к ним величайшую снисходительность, так что им не пришлось пострадать ни от бесчинств распоясавшейся солдатни, ни от суровости его собственного правосудия. Но за такое милосердие короля отблагодарили весьма скверно, ибо уже на другой день по оставлении им Бирмингема горожане захватили повозки с его мебелью и столовым серебром и отправили их в Уорвик-касл; и с тех пор, выказывая чудеса бдительности и усердия, задерживали всякого, кто был королевским гонцом или внушал на сей счет малейшие подозрения. Хотя парламентский гарнизон в Бирмингеме так и не появился — при его застройке и местоположении едва ли можно было помышлять о серьезных фортификациях — жители его с таким рвением старались быть во всем непохожими на добрых подданных короля, что соорудили у обоих концов города некое подобие укреплений, все остальное забаррикадировали и добровольно вызвались не допускать каких-либо сношений с королевскими войсками.

В таком положении и застал их принц Руперт; в городе же в этот момент находился кавалерийский эскадрон из личфилдского гарнизона, который вырос в числе настолько, что совершенно измучил своими нападениями этот край и уже в скором времени мог распространить свою власть на весьма обширную территорию. Его высочество, не веря, что бирмингемцы, узнав о силе его войска, посмеют оказать сопротивление, и вдобавок не желая отвлекаться от исполнения более важного замысла, выслал вперед квартирьеров, чтобы подыскать дома для постоя и обнадежить горожан в том, что если теперь они будут вести себя смирно, то отвечать за прежнее им не придется. Но те — ведь совесть у них была нечиста — принцу не поверили и наотрез отказались впустить его в город. С задором, равным их злобе, они открыли пальбу с жалких своих укреплений, но были быстро сломлены; когда же часть города загорелась, его защитники, бессильные бороться с двумя врагами и в смятении своем не знавшие, который из них опаснее, позволили атакующим войти в Бирмингем без особых потерь. Принц не стал мстить им так, как они того заслуживали, но лишь заставил их искупить свою вину уплатой контрибуции, притом менее значительной, чем этого

можно было ожидать при их богатстве, даже если бы их порочность не была столь вопиющей.

При штурме города и в ходе яростного преследования выбитого из него отдельного эскадрона парламентской кавалерии множество ран в голову и в туловище, нанесенных палашами и алебардами, получил граф Денби. Несколько дней спустя он скончался. Поступив в самом начале смуты волонтером в эскадрон принца Руперта, граф нес службу с неутомимым усердием, строго соблюдал дисциплину, а во всех опасных предприятиях выказывал изумительное мужество. И я бы никогда не упомянул о столь маловажном, в сущности, эпизоде, каким явилось взятие Бирмингема, если бы не это несчастье — а также необходимость указать на прискорбное различие, характерное для той войны, когда на одной стороне всякий раз погибал какой-нибудь граф или несколько знатных и богатых особ, тогда как другая сторона, даже будучи наголову разбита, редко теряла хотя бы одного человека, принадлежавшего к известной фамилии или знаменитого чем-нибудь еще, кроме страстной приверженности делу, за которое сложил он свою голову. Дополнию, впрочем, этот рассказ и упомяну об одном священнике, убитом во время штурма — после того, как он не только отверг предложенную ему пощаду, но и возбудил гнев солдат невообразимо гнусными оскорблениями чести и особы короля и дерзким отречением от верноподданнического долга. В карманах его были найдены листки с описанием развратных действий, которые совершал он с разными женщинами, составленным в непристойных выражениях, невыносимых для скромных ушей. Именно этот человек и был вождем грубой бирмингемской черни, подстрекавшим ее к бунту против государя.

Из Бирмингема, останавливаясь по пути лишь для того, чтобы покончить с двумя-тремя слабыми неприятельскими гарнизонами, не оказавшими особого сопротивления, принц двинулся к Личфилду и легко овладел этим городом; однако личфилдский Клоуз (внутри коего располагались кафедральная церковь и все дома духовенства) был хорошо укреплен и капитулировать не собирался. Стены его, обнесенные широким и глубоким рвом, были столь крепкими, что любая батарея, выставленная принцем, не причинила бы им ни малейшего вреда; комендант, полковник Роузвелл, был человек твердый и решительный, а гарнизон стоял из людей, одушевляемых фанатической преданностью своему делу; вдобавок их численность соответствовала размерам укрепления, которое надлежало

защищать, а запасы провианта позволяли удерживать его дольше, нежели принц мог себе позволить стоять перед его стенами. А потому, когда склонить Клоуз к сдаче с помощью переговоров не удалось, многие подумали, что принц откажется от попытки им овладеть, ведь главная сила Руперта заключалась в кавалерии, пехоты же и драгун для подобного предприятия было явно недостаточно. Но то ли эти препятствия и затруднения не были поначалу в полной мере осознаны и приняты в расчет, то ли важность крепости представлялась столь значительной, что для взятия ее сочли разумным пойти на столь же значительный риск, однако принц твердо решил, что не двинется с места, пока не испробует все мыслимые средства, и во исполнение этого замысла, желая пополнить слабую свою пехоту, стянул в Личфилд какие только мог подкрепления из окружи. Он также призвал многочисленных офицеров и добровольцев-джентльменов, служивших в его кавалерии, спешиться и принять на себя бремя осадных, на что те великодушно и с полной готовностью согласились, так что менее чем в десять дней Руперт осушил ров и подготовил два моста, чтобы перебросить их через эту преграду. Между тем осажденные делали все, что только могли совершить люди бдительные и отважные: им удалось убить и ранить многих осаждавших, а также открыть и разрушить один из подведенных неприятелем подкопов. Наконец, когда все было готово к штурму, принц велел рано утром взорвать другую мину, что принесло желанный успех, ибо в стене образовалась 20-футовая брешь, притом в таком месте, где защитники Клоуза всего менее этого ожидали. Они, однако, держались чрезвычайно храбро и твердо, успев перебить или ранить весьма многих из числа атакующих (самыми знатными из получивших ранения офицеров были лорд Дигби, полковник Джерард, полковник Уэгстафф и майор Легг), когда же люди принца ворвались в пролом, их противники продолжали драться с прежней яростью (а уость самой бреши и крутой подъем за нею, совершенно непреодолимый для кавалерии, не позволяли проникнуть внутрь значительному числу пехотинцев), и после того, как ими были убиты полковник Ашшер и еще несколько опытных офицеров и взяты новые пленные (полковник Уэгстафф и майор Легг находились в их руках), обороняющиеся добились от принца весьма почетных условий капитуляции, на которые тот, впрочем, охотно согласился, полагая, что в выигрыше оказался именно он. Таким образом, гарнизон, упорной обороной блестяще засвидетельствовав свое мужество, покинул Клоуз с честью и при знаках

уважения со стороны неприятеля; а Его Высочество радовался своей победе, хотя этот успех, стоивший ему многих столь ценимых им офицеров и солдат, жестоко подорвал силу его войска. Тогда же — то ли накануне описанного дела, то ли на другой день после него — принц Руперт получил от короля ясный приказ: со всеми своими людьми и со всеми отрядами, какие он только сможет собрать в тех краях, не теряя времени двигаться на помощь осажденному Ридингу (который мы только что оставили в великой опасности). Его Высочество, назначив комендантом Личфилда полковника Бэггота (выходца из хорошей семьи, пользовавшейся в этом графстве большим влиянием) и велел своим эскадронам следовать за ним со всевозможной поспешностью, сам с несколькими слугами помчался к королю в Оксфорд, где обнаружил, что король уже выступил к Ридингу.

Ридингский гарнизон так настойчиво требовал подмоги, а спасение его было столь важным делом, что король счел его не терпящим промедления; дожидаться же, пока вернется со своим войском принц Руперт, неизбежно означало бы терять время. А потому Его Величество, оставив в Оксфорде и прочих городах весьма слабые гарнизоны, с той пехотой и кавалерией, какие он мог быстро собрать, лично двинулся к Ридингу. Король рассчитывал — и не мог надеяться на большее — что с помощью ридингского гарнизона ему удастся внезапно захватить один из осадных лагерей врага и таким образом вывести из города своих людей; после чего, воспользовавшись тем, что неприятельские части разделены реками, он сумеет отступить к Оксфорду (ведь у короля не было и половины тех сил, которыми располагал бы неприятель, соединившись). Когда же король приблизился к городу — день, в который, как уверяли его защитников или как они сами себя уверили, должна была подоспеть подмога, уже прошел — он неожиданно столкнулся с неприятельским отрядом; тот упорно защищал свои позиции, а на выручку ему быстро подходили пехота и кавалерия из других лагерей, так что после весьма жаркой схватки, в которой погибло немало бойцов с обеих сторон, королевский отряд, состоявший примерно из тысячи мушкетеров и предводимый самим графом Фортом, принужден был отступить к своим главным силам. Он сделал это тем поспешнее, что осажденные даже не попытались пробиться на соединение с ним, а ведь именно это и составляло главный расчет короля. Дело в том, что гарнизон, видя, что никто не идет ему на помощь, изъявил готовность вступить в переговоры; неприятель же

на это согласился, обе стороны обменялись заложниками и начали обсуждение условий — и тут на выручку Ридингу явился король. Ясно убедившись в силе неприятеля и в мощи его укреплений, все пришли к выводу, что немногочисленная армия короля не сумеет ни снять осаду Ридинга, ни соединиться с гарнизоном, и с этими невеселыми мыслями Его Величество отступил, решив, однако, уже на следующий день предпринять для его спасения все, что только может быть оправдано благоразумием. Между тем несколькими солдатам удалось выбраться из города, а ночью к королю явился сам полковник Филдинг; он описал положение осажденных, сообщил о переговорах и выразил твердую надежду, что гарнизон добьется весьма почетных условий — права выйти из города со всем своим оружием и имуществом. Известие это так обрадовало короля, что он (в присутствии принца Руперта) велел Филдингу принять подобные условия, если их и в самом деле удастся выговорить; ибо единственное, в чем нуждался король и потеря чего грозила ему неминуемой катастрофой, были люди и оружие. Король по-прежнему стоял в Неттлбеде (деревне в семи-восьми милях от Ридинга), ожидая исхода переговоров; в случае же их неудачи он твердо решил сделать все для вызволения гарнизона — каждый, однако, истово молился о том, чтобы осажденные смогли покинуть город по условиям капитуляции. На другой день были приняты статьи, ²⁶ согласно которым комендант, солдаты и офицеры, как пехота, так и кавалерия, получали право, с барабанным боем и развевающимися знаменами, выйти из города с четырьмя пушками, всеми припасами, обозом, легкими запалами, а также пулями во рту; граф Эссекс обязывался не чинить им препятствий и не возобновлять военных действий, пока они не достигнут Оксфорда; лица, случайно оказавшиеся в городе в начале его осады, могли выйти из него без помех, однако укрывшиеся в Ридинге дезертиры из парламентской армии подлежали выдаче графу Эссексу; жителям же Ридинга было обещано, что их личность и собственность не потерпят никакого ущерба, а всем желающим предоставлялось право покинуть город со своим имуществом в продолжение шести последующих недель. ²⁷

27 апреля (через две недели после начала осады) Ридинг был сдан врагу, а гарнизон его соединился с королем и вместе с ним двинулся в Оксфорд. Но когда королевские солдаты, выйдя из города, проходили через расположение неприятеля, их не только осыпали грубой бранью и подвергли недостойному обращению, но и отняли у многих из них оружие, а большую часть обоза разграбили — все это на глазах самого графа Эссекса и старших офицеров,

которые, похоже, искреннее возмущались случившимся, но ничего не могли поделать, ибо распоясавшиеся нижние чины в их армии вышли из всякого повиновения. Это нарушение условий было столь вопиющим и получило такую известность, что в продолжение едва ли не всей войны его усердно использовали как предлог, повод и оправдание для жестокостей и беззаконий подобного же рода; и впоследствии, когда уже королевским солдатам нужно было строго соблюдать соглашения о капитуляции, они, вспомнив о ридингских насилиях, принимались, не слушая своих командиров, творить такие же бесчинства. А поскольку каждая из сторон имела теперь в чем упрекнуть другую, то обе они, словно по взаимному согласию, надолго забыли о необходимости честно и точно исполнять заключенные с неприятелем условия.

◀ Перед выступлением Эссекса в поход на Ридинг в тайном комитете Парламента, руководившем военными действиями, долго спорили о том, не следует ли двинуть армию прямо на Оксфорд (чего настойчиво добивались м-р Гемпден и все те, кто требовал «рубить под корень»), и будь тогда принято именно это решение, король — из-за слабости оксфордского гарнизона и укреплений, а также ввиду наличия в городе двора с множеством знатных лиц и склонных к панике дам — оказался бы в затруднительном положении. Однако другие члены комитета полагали, что с армией, еще не вполне избавившейся от чувства уважения к особе короля, было бы рискованно затевать осаду города, где пребывает Его Величество, и их мнение, поддержанное самим Эссексом, в конце концов взяло верх. ▶

Хотя поначалу Парламент был чрезвычайно доволен захватом Ридинга, а король искренне рад тому, что весь его гарнизон благополучно соединился с главной армией (ибо нельзя отрицать, что в королевских войсках, узнавших о спасении целых четырех тысяч солдат, которых все уже считали потерянными, ликование было всеобщим), однако впоследствии, когда превратности войны заставили подвести иной итог этому делу, победный восторг обеих партий быстро остыл. Не успел король вернуться в Оксфорд, как среди солдат и офицеров пошли разговоры, что дело здесь нечисто, что в Ридинге была измена, и подобные толки мгновенно распространились по городу. На следующий день полковник Филдинг (а говорили именно о нем) явился к королю и выразил желание, чтобы всю эту историю рассмотрел военный совет. Со своей стороны, рядовые солдаты шумно требовали предать Филдинга суду за измену и сдачу города мятежникам, ведь полковник, твердили они,

находился в постоянных сношениях с графом Эссексом, а когда на выручку осажденным подоспела армия короля, не позволил солдатам выступить ей навстречу, хотя командиры уже собрали своих людей и были готовы вести их на прорыв. При этом раздавались неосторожные и гневные слова по адресу самого короля, и Его Величество немедленно распорядился арестовать полковника и предать его военному суду.

Сам король был крайне разгневан одним из положений третьей статьи — о выдаче Эссексу солдат, дезертировавших из его армии — так как после сдачи Ридинга некоторые из них были схвачены и казнены. Полковник, оправдываясь, заявил, что за все эти статьи он несет точно такую же ответственность, как и прочие члены военного совета, их одоббившие; но ему возразили, что военный совет одобрил статьи только потому, что их, как уверял сам полковник, просмотрел и утвердил король, тогда как в действительности Его Величество не видел полного текста статей капитуляции и дал согласие лишь на главный пункт — о выходе гарнизона с оружием и обозом. Короля глубоко опечалила судьба этих несчастных людей, которые, устыдившись своего участия в мятеже, отдались под его покровительство, но были преданы смерти мятежниками; а потому, желая очистить себя от обвинений, он издал особую прокламацию, в которой объявил, что не знал об этом злополучном исключении, но считает его позорным; и обещал, невзирая на любые опасности, защищать всякого, кто, раскаявшись в измене, вернется к исполнению долга и будет искать его покровительства; тех же, кто заключением такого рода постыдных статей, лишат его подданных королевского покровительства, ожидает суд, подобный военному трибуналу, которому ныне поручено расследовать обстоятельства сдачи Ридинга.

В ходе разбирательства полковнику были предъявлены следующие обвинения: он сдал город, хотя мог защищать его гораздо дольше, ибо не испытывал недостатка в порохе и провианте; он категорически запретил совершить вылазку навстречу армии короля; он много раз позволял выходить из города одной женщине, которая посещала лагерь графа Эссекса, а затем возвращалась в Ридинг; наконец, он убедил военный совет принять условия капитуляции, заявив, будто все статьи уже одобрены королем.

Полковник же в свое оправдание сказал, что он всегда действовал в полном согласии с мнением членов военного совета, а условия капитуляции искренне считал выгодными для Его Величества; что тридцати бочек с порохом, находившихся в его распоряжении,

хватило бы лишь на несколько часов штурма; что Его Величество в любом случае намеревался эвакуировать Ридинг; что о приближении королевской армии он узнал лишь после того, как она завязала бой с неприятелем — однако сам он к этому моменту уже вступил в переговоры и обменялся заложниками с осаждавшими, а потому счел противным обычаям войны устраивать вылазку; что женщина, которой он выдавал пропуск на выход из города, была его лазутчицей, доставлявшей весьма ценные сведения; что членам военного совета он говорил лишь о том, что Его Величество согласен с общим смыслом статей, но не упоминал при этом о третьей статье, добиться изменения которой ему, к несчастью, не удалось; что сэр Артур Астон, хотя и неспособный после ранения отдавать приказы, по-видимому, одобрял все его действия и, когда ему прочли означенные статьи, никак не выразил своего недовольства. >

Несмотря на все, сказанное им в свою защиту, и на отсутствие даже тени доказательств каких-либо изменнических действий с его стороны, полковника приговорили к отсечению головы за «неподчинение приказам» (некоторые из полученных им приказов он в тогдашней суматохе действительно исполнил не со всей точностью). В конце концов, после долгих и настойчивых ходатайств король отменил это решение, но полк Филдинга отдали другому, и он больше никогда им не командовал. Хотя прежде Филдинг пользовался безупречной репутацией честного и храброго человека, хотя с самого начала смуты он решительно встал на сторону короля и был ранен в бою, хотя впоследствии он как волонтер с такой же отвагой шел на самые опасные предприятия и даже получил высокий пост в другой армии короля, ему так и не удалось оправиться от этого удара и смыть позорное пятно. Я же, не понаслышке знающий о том, что в ту пору утверждала и доказывала каждая из сторон, должен, со своей стороны, заявить, что Филдинг, по глубокому моему убеждению, был невиновен в каком-либо подлом сговоре с неприятелем или в малодушном нежелании делать то, что по разуму можно было тогда сделать. Но в трудной профессии военного, полной взаимной зависти и ревности, всякая неудача оказывается роковой, и восстановить после нее свое доброе имя бывает совсем непросто. Королю же описанная история принесла в конечном счете гораздо больше затруднений и неудобств, чем это казалось поначалу, ведь именно тогда возникли и зародились особые партии при дворе, в армии и в городе, доставившие впоследствии Его Величеству столько тревог и хлопот.

✧ Процесс Филдинга расколол офицеров. Одни обвиняли своих товарищей в злобном преследовании полковника и в безрассудном потворстве страстям солдат; их самих упрекали в желании спасти Филдинга от заслуженной кары, заодно показав степень своего влияния на короля. Спорили об этом и при дворе, где одни считали полковника виновным, пусть даже его измену и не удалось доказать с полной очевидностью, другие возмущались чрезмерной суровостью первых, а у многих достойных джентльменов, прочно связавших свою судьбу с делом короля, возникло подозрение, что Парламент способен подкупать некоторых офицеров, а их товарищи — обеспечивать виновным безнаказанность. Солдаты же негодовали из-за того, что Филдинг ушел от, как им представлялось, заслуженной кары, тогда как их самих приговаривают к смертной казни за гораздо более мелкие проступки.

Между тем король находил свое положение настолько тяжелым, что при известии о движении армии Эссекса на Оксфорд (несколько дней спустя после потери Ридинга) он, по совету своих старших офицеров, решил отступить на север и соединиться с графом Ньюкаслем. И я ничуть не сомневаюсь, что если бы Эссекс в то время хотя бы изобразил наступление на Оксфорд, то Оксфорд вместе с окрестными укрепленными пунктами были бы ему сданы — вскоре, однако, выяснилось, что армия Эссекса, ослабленная осадой Ридинга, неспособна к немедленному выступлению, а потому король изменил свои планы и решил ждать неприятеля близ Оксфорда. ✧

Когда установилась наконец погода, позволявшая открыть полевую кампанию, граф Эссекс обнаружил, что слишком раннее выступление в поход ничем ему не помогло. Под Ридингом его солдаты несли тяжелую службу в ужасных условиях, спали под открытым небом, на холоде и под дождем, а потому в армии начались повальные болезни, которые унесли множество жизней; так что теперь графу приходилось думать скорее о возвращении на зимние квартиры, чтобы привести в порядок и пополнить измученное свое войско, нежели о том, чтобы вести его в бой. Он беспрестанно требовал у Парламента присылки всякого рода припасов, однако Палаты не могли в полной мере удовлетворить его нужды; вдобавок новые раздоры и несогласия в Лондоне сильно затрудняли осуществление замыслов неприятеля. Взятие Ридинга — победа, которую Парламент отпраздновал с шумным ликованием и торжеством и от которой в Сити твердо ожидали всевозможных благих последствий в будущем — оказалось, как теперь стало ясно, совершенно бесполезным. Король сохранил в целостности всю свою армию, а потерял

лишь один-единственный город, который к тому же и не думал защищать (и с которым неприятель сам не знал, что делать), и теперь готов был начать кампанию, тогда как парламентское войско было вконец обессилено болезнями и крайне нуждалось во всем необходимом для выступления в поход, а его главнокомандующий каждый день слал Палатам новые жалобы и сетовал на бестолковые приказы, данные вопреки его советам и аргументам и доведшие армию до столь плачевного состояния.

Вернувшиеся из Оксфорда комиссары, раздосадованные резким и нелепым прекращением переговоров, рассказывали всем и каждому о любезности Его Величества и прямо утверждали, что настроение Тайного совета в Оксфорде отнюдь не таково, каким его пытается представить Парламент. К тому же они были глубоко оскорблены подозрением в нечестности, а граф Нортумберленд, узнав о вскрытии Гарри Мартином письма, отправленного им из Оксфорда супруге, по завершении совместной конференции Палат в Расписном зале отвел его в сторону и потребовал объяснений; Мартин ответил грубостью, и граф ударил его палкой в присутствии членов Палат, после чего многие схватились за шпаги, к великому позору для Парламента.

Эти и им подобные безобразные сцены и жестокие раздоры нанесли сильнейший удар по репутации партии мятежа, заставив многих думать, что она погубит себя сама, без всяких усилий со стороны врага. Королевская же партия, при взгляде на нее из Лондона, казалась гораздо более сплоченной и вполне воспрянувшей духом, подтверждением чего служили частые известия о разгроме парламентских частей на их квартирах и о больших потерях вследствие внезапных набегов кавалерии короля, отряды которой, совершая ночные марши самыми неожиданными путями, доходили порой чуть ли не до Лондона и захватывали множество пленных, полагавших себя в полной безопасности в своих домах или во время путешествий, и требовали за них немалый выкуп — так что, несмотря на бесчисленные обещания и уже принятые меры, недостаток в средствах ощущался острее, чем прежде, Парламент испытывал еще большую нужду в деньгах и все настойчивее требовал их от граждан Сити. Рассеять королевскую армию и вернуть короля Парламенту так и не удалось; зато Палаты распорядились строить укрепления вокруг Лондона, дабы защитить столицу от атаки королевских войск, и этот приказ начали усердно приводить в исполнение. Народу, наблюдавшему за этими событиями, положение

Парламента казалось даже более скверным, чем оно было на самом деле, однако мятежники были бесконечно далеки от мыслей о мире и согласии — Палата общин разбушевалась как никогда прежде и всякий день выступала с новыми чудовищными планами. Так, для покрытия своих расходов на войну она задумала ввести акцизный сбор, иначе говоря, возложить на английский народ бремя, которого в прежние времена он никогда не опасался, полагая его позорным признаком рабского состояния прочих наций. А в видах более удобного осуществления своей верховной власти общины решили обзавестись новой Большой печатью, каковой отныне надлежало всегда пребывать в Парламенте. Однако лорды, еще не созревшие для подобных дерзостей, категорически отвергли оба предложения.

Пока обе армии стояли на месте, одна под Ридингом, другая близ Абингдона и Оксфорда, не пытаясь чем-либо обеспокоить противника или навязать ему бой, если не считать мелких стычек между небольшими отрядами, в которых люди короля обыкновенно брали верх — когда, например, молодой граф Нортгемптон столкнулся с партией конницы и пехоты из Нортгемптона, полагавшей себя достаточно сильной, чтобы овладеть Бенбери, обратил в бегство кавалерию, перебил свыше двухсот пехотинцев и еще столько же взял в плен, по большей части тяжело раненными (победу свою молодой граф считал жертвоприношением в память отца) — к королю, под прикрытием сильного кавалерийского отряда, было доставлено от графа Ньюкасла изрядное количество разнообразных боевых припасов, нехватка коих внушала всем его сторонникам самые печальные мысли. Как только поступили эти припасы, а король узнал, что положение его армии, как на севере, так и на западе, меняется к лучшему, и заключил, что сам он уже способен сразиться с графом Эсексом, Его Величество решил сделать еще одну попытку склонить Палаты к разумному миру, для чего отправил им с собственным слугой послание, в котором было сказано, что «поскольку Парламент более месяца не отвечает на послание Его Величества от 12 апреля, король вправе думать, что отныне никто не посмеет обвинить его в том, что он не предпринял всех возможных усилий ради достижения мира; однако, приняв в расчет страшные бедствия, уже постигшие его королевства, а также будущие несчастья, коими непременно обернется продолжение войны, Его Величество еще раз призывает Парламент дать ответ на его милостивое послание. К этому шагу его побуждает единственно лишь христианское сострадание к собственному народу, ибо всякому должно быть известно,

что теперь армия Его Величества достаточно сильна. Если же надежды Его Величества вновь будут обмануты, то вся вина за кровь, грабежи и разрушения падет на тех, кто оказался глух к голосу мира и согласия».

Палата пэров приняла это послание со всеми знаками уважения и любезно обошлась с посланником, но когда пэры предложили общинам совместно подготовить ответное обращение к королю, те распорядились арестовать и предать военному суду джентльмена, доставившего послание короля. При этом Нижняя палата сослалась на отданный ею во время оксфордских переговоров приказ, согласно которому всякий человек, явившийся из Оксфорда в Лондон без пропуска от графа Эссекса, подлежал наказанию как вражеский лазутчик — хотя лорды не утвердили этот приказ, король о нем не знал, а сами общины в то время без всяких формальностей отправляли своих гонцов к королю.

Лорды попытались было вмешаться, но безуспешно, а общины, полагая, что самая мысль о возможности мира есть величайшая помеха для продолжения войны, и желая истребить всякую надежду на примирение, стали действовать еще решительнее. Вместо ответа королю они обвинили в государственной измене королеву — «за помощь супругу оружием и боевыми припасами в его войне против Парламента» — а собрание богословов, согласия на созыв которого добивались от короля во время переговоров, созвали теперь собственным ордонансом.

За несколько месяцев до описанных выше событий принц Руперт задумал овладеть Бристолем с помощью видных его граждан, измученных тиранией Парламента; но прежде чем отряд принца подступил к городу, замысел сторонников короля был раскрыт, а многие именитые граждане арестованы по приказу бристольского коменданта Натаниэла Финнза (сына лорда Сэя), после чего военный суд приговорил к повешению Джорджа Бучера и олдермена Йоманса. Парламент таким образом желал показать всем и каждому, что путь к миру можно проложить единственно лишь мечом.

А сейчас речь пойдет об одном происшествии в Лондоне, которое нанесло роковой удар сторонникам мира, возбудило бешеную злобу против короля и помогло сплотиться его врагам, жаждавшим продолжения войны. Многое в этой истории остается неясным, я же попытаюсь изложить то, что узнал от других или вывел сам на основе разумных предположений.

Одним из членов Палаты общин был м-р Уоллер, человек богатый, остроумный и чрезвычайно красноречивый. Все видели в нем твердого приверженца монархии и церкви, и когда между Его Величеством и Парламентом произошел раскол, Уоллер, имевший связи в кругу особ,

близких к королю, покинул Лондон. Но после поднятия штандарта в Ноттингеме он, с одобрения короля, возвратился в Парламент, где весьма резко и нелицеприятно отзывался о действиях мятежной партии, что снискало ему славу самого смелого защитника короны в обеих Палатах и побудило лордов и коммонеров, желавших спасти королевство от гибели, с полной откровенностью делиться с ним своими мыслями.

У Уоллера был зять, м-р Томкинс, служивший в совете королевы, человек способный и уважаемый. Пользуясь отличной репутацией в Сити, он много общался с людьми, недовольными мерами Парламента, и получал от них сведения о настроениях народа. В конце концов Уоллер и Томкинс пришли к мысли, что если бы удалось объединить усилия противников войны в Палатах и в Сити, то совместные их действия могли бы принудить Парламент к заключению мира на приемлемых для короля условиях и уберечь Англию от новых бедствий.

В это время из Ирландии вернулся лорд Конви; возмущенный действиями Парламента, он вошел в тесные сношения с Уоллером, а также близкими последнему графом Нортумберлендом и графом Портлендом. Рассуждая больше как солдат, Конви говорил своим единомышленникам, что им следует подробно изучить мнения жителей Лондона и окрестностей и составить точные списки приверженцев короля, его противников и людей безразличных — чтобы, в случае какой-нибудь крайности, иметь ясное представление о силе партий и уметь отличить друзей от врагов.

Я, впрочем, убежден, что весь их замысел сводился к следующему: объединить усилия благонамеренных граждан, побудить их к отказу от уплаты военных налогов и тем самым (а также совместными петициями в пользу мира) склонить Парламент к прекращению войны. Возможно, кое-кто и заводил речь о расположении арсеналов или о необходимости иметь особые опознавательные знаки — ведь они были вправе позаботиться о своей безопасности на тот случай, если мятежная партия, чего они действительно опасались, устроит резню сторонников короля, — но даже эти вещи скорее мимоходом упоминались в их беседах, нежели всерьез обсуждались. Думать же, что эти люди замышляли открыть ворота армии короля или собрать в Лондоне собственную армию, внезапно напасть на Парламент или захватить кого-либо из его членов, нет ни малейших оснований — а если бы таковые существовали, то парламентский комитет непременно о них сообщил бы после того, как м-р Уоллер выложил его членам на допросе все, что знал, слышал или придумал сам, и комитету не пришлось бы прибегать к натяжкам, искажениям и двусмысленным толкованиям или привязывать сказанное в Лондоне

к сделанному в Оксфорде, в другое время и для других целей, дабы представить совершенно разные события в виде единого заговора.

Дело в том, что когда король обосновался в Оксфорде, к нему явились многие уважаемые лондонские граждане, подвергшиеся преследованиям со стороны Парламента; эти люди, в надежде на весеннее наступление королевской армии, высказывались порой в том смысле, что они могли бы на собственный счет набрать несколько полков пехоты и кавалерии, а затем соединиться со своими единомышленниками в Кенте. Один из них, сэра Николас Крисп, человек состоятельный и энергичный, поддерживал постоянную переписку со своими лондонскими друзьями. Переоценив силу сторонников короля в Лондоне и поспешно заключив, что все честные люди непременно окажутся также и людьми бесстрашными, он попросил Его Величество выдать ему скрепленную Большой государственной печатью доверенность — полномочие, равнозначное приказу о созыве ополчения — дабы поименованные в ней люди вместе со своими единомышленниками могли бы в подходящий момент выступить в пользу короля.

Король возразил, указав на опасность, которой подвергнут себя эти люди, но когда Крисп ответил, что они сами желают получить такую доверенность, а без нее действовать не станут, в конце концов согласился и поручил Криспу составить текст доверенности, внести в нее нужные имена и отправить ее в Лондон, посвятив в это дело только тех, кого он, Крисп, сам найдет нужным (отчего вся эта история и осталась неизвестной министрам Его Величества).

Между тем в Оксфорд, с разрешения Парламента, прибыла по своим делам леди Обиньи. Она-то, по просьбе короля, и привезла на обратном пути в Лондон означенную доверенность, спрятанную в шкатулке. Каким образом доверенность была затем обнаружена, мне не известно, ибо хотя м-р Уоллер был вхож к леди Обиньи, считавшей его человеком, всецело преданным королю, однако сообщить ему о содержимом шкатулки она не могла, ибо сама об этом ничего не знала.

Около этого времени слуга м-ра Томкинса, не раз слышавший обрывки разговоров своего господина с м-ром Уоллером, решил узнать больше, для чего спрятался за занавеской во время очередной их беседы — а затем поспешил к м-ру Пиму и рассказал ему все, что смог услышать, а может быть, и сочинить. И вот, в среду 31 мая, в день торжественного поста, когда Палаты, по своему обыкновению, слушали проповедь в церкви св. Маргариты, Пиму вдруг принесли какую-то записку, после чего он, вместе с ближайшими сподвижниками, не дождавшись конца службы, спешно покинул церковь. Когда же встревоженные Палаты

вновь собрались после проповеди, им было объявлено, что перехвачены письма к королю, открывшие план заговора, цель коего — предать Сити и Парламент в руки кавалеров; и что замысел этот должен быть приведен в исполнение в самое ближайшее время. Палаты немедленно учредили следственную комиссию, которая в ту же ночь арестовала м-ра Уоллера и м-ра Томкинса, а на другой день еще нескольких человек.

Потеряв голову от страха, Уоллер рассказал все, что слышал и видел, не утаив ни единого имени; он сообщил даже то, что говорили ему раздраженные действиями Парламента знатные дамы, каким образом поддерживали они сношения с королевскими министрами в Оксфорде и получали оттуда сведения. Он также донес комиссии, что граф Портленд и лорд Конви участвовали в беседах с недовольными гражданами Сити и давали им советы и указания; а граф Нортумберленд желал успеха любому предприятию, которое могло бы положить конец неистовству Палат и приблизить мир с королем.

К этому времени в руках у членов комиссии уже находилась королевская доверенность, и теперь они решили смешать не связанные между собой события, представив их публике как единую конспирацию. Скрыв многое из полученных на допросах показаний (и, в частности, ни словом не обмолвившись о лордах и иных особах, не подвергшихся аресту), комиссия объявила, что настоящий заговор восходит к последней петиции о мире, поданной на Рождество; что заговорщики намеревались погубить всех своих противников; что они имели связи в обеих армиях, в Парламенте и при дворе, а сношения с королевскими министрами и с государственным секретарем лордом Фолклендом поддерживали главным образом через м-ра Уоллера и м-ра Томкинса; что король одобрил их замыслы, а свои инструкции заговорщикам направлял (под предлогом продолжения переговоров) через доверенных лиц, одним из которых и был м-р Александр Гемпден, доставивший последнее послание Его Величества; что через леди Обиньи они получили из Оксфорда полномочие вооруженной рукой истребить Парламент и его сторонников как изменников и мятежников; что совсем недавно через королевского слугу, некоего Хессела, они дали знать лорду Фолкленду о своей готовности привести план заговора в исполнение и получили приказ сделать это как можно скорее.

Замысел же их, утверждала комиссия, заключался в том, чтобы захватить детей короля, арестовать виднейших членов обеих Палат, лорд-мэра и командиров милиции, овладеть внешними укреплениями, арсеналами, мостами, Тауэром, воротами, впустить армию короля и уничтожить всех, кто окажет ей сопротивление именем Парламента; опираясь

на вооруженную силу, отказаться от уплаты всех налогов, взимаемых Парламентом на содержание армии, и с помощью королевских войск совершенно запугать и подчинить своей воле Парламент.

Потрясенные этими известиями, Палаты тотчас же согласились назначить день благодарственного молебна Господу за чудесное спасение — дабы никто не посмел усомниться в том, что сие чудесное спасение имело место, а заговор существовал в действительности, а не был чьей-то хитрой выдумкой. Затем было объявлено, что поскольку в только что раскрытом страшном заговоре оказались замешаны, как можно предположить, многие лорды и коммонеры, то ныне, чтобы очистить себя от подозрений, все члены Парламента должны торжественно заявить о своей непричастности к заговору и дать обязательство всячески противиться подобным замыслам в будущем. Люди умеренных взглядов, неизменно поддерживавшие предложения в пользу мира, не осмелились возражать, опасаясь, что их сочтут участниками заговора, ведь большинство из них в откровенных беседах с Уоллером успели наговорить множество таких вещей, которые теперь могли быть истолкованы в самом невыгодном свете. Так 6 июня 1643 года появились «Священная клятва и Ковенант, принятые лордами и общинами в Парламенте по раскрытии коварного и ужасного заговора, имевшего целью погубить Парламент и королевство», где было сказано, что «поскольку в королевстве существует папистский заговор с целью уничтожить протестантскую реформированную религию (для чего была набрана папистская армия, действующая ныне в разных частях королевства); и ввиду недавнего разоблачения, по великой милости Божией, страшного заговора некоторых лиц, намеревавшихся соединиться с армией короля и захватить Лондон — все честные люди, любящие свою страну, должны связать себя узами Священной клятвы и Ковенанта:

69. Я, имярек, смиряясь и благоговая перед Божиим величеством, с сокрушением сердечным признаю собственные грехи, а также грехи нации, навлекшие на нее великие бедствия и кары; я обещаю не давать согласия на прекращение вооруженной борьбы, доколе паписты, ведущие открытую войну против Парламента, не понесут справедливого наказания; и клянусь всеми силами поддерживать войска, выставленные обеими Палатами Парламента против королевской армии, набранной без согласия Палат».

Таким образом, этот Ковенант означал прямое и недвусмысленное объявление войны Его Величеству и категорический отказ заключать мир до тех пор, пока король не окажется в полной власти Парламента. По настоянию Палат, поддержанных верным им духовенством, Ковенант

был принят гражданами Сити и армией; всякий же, кто не желал его принимать, подвергался преследованиям как отъявленный малигнант.

Обеспечив себя на будущее от любых требований мира, мятежники приговорили к смертной казни м-ра Томкинса и его ближайшего единомышленника м-ра Чалонера, состоятельного и уважаемого человека. Оба были повешены. Хессел умер в тюрьме, избавив суд от лишних хлопот. Против м-ра Гемпдена у судей не было других улик, кроме показаний Уоллера; ему не вынесли никакого приговора, но держали в заключении, пока он не скончался. Прочим гражданам, чьи имена упоминались в королевской доверенности, сохранили жизнь, хотя клеймо малигнантов обернулось для них разорением, так как имущество их было конфисковано.

Совершенно ясно, что присланная из Оксфорда через леди Обины доверенность не имела никакого отношения к тем разговорам, которые вели между собой Уоллер, Томкинс и граждане Сити, и что сами они об этой доверенности ничего не знали и не замыслили вооруженного выступления — в противном случае их имена были бы упомянуты в доверенности. Я вполне убежден (и это явствует из переписки между м-ром Томкинсом и лордом Фолклендом), что планы лондонских граждан не шли дальше объединения сторонников мира, с тем чтобы решительным отказом платить налоги на войну показать степень своего влияния в Сити и таким образом принудить неистовую партию к переговорам. Именно к этому, а отнюдь не к вооруженному восстанию, и побуждал их всякий раз в своих ответах лорд Фолкленд. Но если бы я, исследуя эту историю, обнаружил какие-либо причины и основания полагать, что замыслы короля простирались дальше, то я не стал бы этого скрывать, ибо никто не станет спорить, что если бы король мог тогда питать сколько-нибудь обоснованные надежды на захват Лондона, главной опоры мятежников, и разгром тех, кто под именем Парламента развязал против него войну, то он, прибегнув к открытой силе и к тайным средствам, сделал бы все для осуществления подобных планов.

Граф Портленд и лорд Конви, единственным свидетелем против которых был Уоллер, на очной ставке с ним решительно отвергли все обвинения и в конце концов были отпущены на поруки. Сам же Уоллер, изображавший мучительное, до потери рассудка, раскаяние, отчаянно цеплялся за жизнь — он льстил, унижался, доносил, умолял, давал кому следует деньги; когда же Уоллеру позволили выступить в свою защиту перед Нижней палатой, он весьма ловко и с необыкновенным красноречием открыл общинам глаза на то, сколь неблагоразумно с их стороны создавать опасный прецедент, допуская, чтобы одного из членов Палаты,

пусть даже совершенно недостойного, судили солдаты. Благодаря своим блестящим ораторским способностям Уоллер избежал военного суда и смертного приговора, отделавшись штрафом в 10 тысяч фунтов (Парламент нуждался в деньгах) и изгнанием из Англии. >

Эти грозные меры не произвели значительного эффекта за пределами Лондона; напротив, деньги поступали медленно, пополнения в людях — еще медленнее, из чего явствовало, что сердца большинства англичан жаждут мира, а не продолжения распри. Граф же Эссекс из-за ужасного расстройств своей поредевшей от болезни армии смог отойти от Ридинга лишь шесть недель спустя, почему многие и поспешили заключить (хотя рассчитывать на подобное заранее не было разумных оснований), что, продержись Ридинг сколько-нибудь значительное время, графу пришлось бы снять осаду города. По этой же причине граф и согласился с готовностью на столь выгодные для осажденных кондиции, ведь если бы он мог простоять под Ридингом дольше, гарнизон последнего, и граф это хорошо понимал, был бы принужден капитулировать на гораздо худших условиях; опасаться же, что осажденных сможет выручить король, Эссексу и в голову не приходило. В конце концов, поскольку иного способа успокоить недовольных в лондонском Сити не существовало, он двинулся в направлении Оксфорда — не для того, чтобы предпринять что-либо серьезное против названного города, а скорее затем, чтобы прикрыть Бекингемшир, сильно тревожимый в то время конницей короля. С этой целью он и учредил свою главную квартиру в Тейме, в десяти милях от Оксфорда и у самых границ этого графства.

В начале войны многие офицеры только что распущенной шотландской армии, некогда служившие во Франции и в Германии, поступили на службу Парламенту; в числе подобных шотландцев немало было людей достойных, но еще больше — столь же скверных, как и то дело, которое взялись они теперь защищать. К первому разряду принадлежал полковник Урри, человек с именем и репутацией, отличный кавалерийский офицер — именно он командовал при Эджхилле частями кавалерии, спасшими парламентскую армию от разгрома. Впоследствии же, придя к мысли, что ценят его здесь не так высоко, как он того заслуживает (шотландцам вообще трудно угодить в этом отношении), и не питая к делу Парламента иной приверженности, кроме той, какую могло внушить жалованье, он решил оставить эту службу и перейти на сторону короля, для чего вступил в переписку с главнокомандующим армией Его Величества

графом Brentфордом, под началом которого служил некогда в Германии. Пока граф Эссекс находился в Тейме, а его войска стояли на квартирах вокруг, Урри прибыл в Оксфорд — в экипаже, который приличествовал кавалерийскому полковнику, получавшему хорошее жалованье. Король принял его чрезвычайно милостиво, и уже на другой день, желая доказать совершенную искренность своих намерений, Урри явился к принцу Руперту и сообщил, где располагается парламентская кавалерия и сколь разбросаны ее квартиры, а чтобы засвидетельствовать преданность королю, изъявил готовность присоединиться простым волонтером к сильному отряду, который совершит на нее внезапное нападение. Когда же принц назначил для этого дела такой отряд, Урри отправился вместе с ним и, двигаясь в стороне от большой дороги, вывел всадников Руперта к городу, где стоял полк парламентской кавалерии. Люди принца перебили или взяли в плен большую часть вражеских солдат и офицеров, а затем обрушились на другие лагеря и вновь имели успех, так что в Оксфорд они вернулись с немалым числом пленных, нанеся неприятелю весьма чувствительный урон.

Тотчас по возвращении полковник Урри предложил принцу атаковать квартиры парламентской армии близ Тейма: направляясь в Оксфорд, он проехал через этот город и теперь отлично знал расположение вражеских частей. Он заверил принца, что если тот выступит вовремя, прежде чем неприятель успеет уйти в другое место (что, как он полагал, парламентский главнокомандующий вскоре и сделает), то его предприятие непременно увенчается успехом. То, чего уже удалось добиться, так воодушевило принца, что следующий смелый набег он решил возглавить лично и произвел его весьма счастливо. Выехав субботним утром из ворот Оксфорда, кавалеристы Руперта проникли вглубь расположения врага до самого Хай-Уикома и атаковали названный город с восточной, лондонской, стороны, мятежниками совершенно не охраняемой, ибо ожидать неприятеля оттуда им и в голову не приходило. Стоявшие в Хай-Уикоме пехотный и кавалерийский полки были изрублены или взяты в плен, победители захватили также богатые трофеи и увели всех лошадей. Оттуда они повернули назад, к другому лагерю, расположенному менее чем в двух милях от ставки самого главнокомандующего. Мятежники, не опасаясь встретить неприятеля, квартировали там с такой же беспечностью, как и в Хай-Уикоме, а потому их постигла та же судьба — все они были перебиты или взяты в плен. Совершив таким образом все задуманное и теперь

изрядно обремененный пленными и добычей (вдобавок уже начинало светать), принц решил, что пора возвращаться в Оксфорд. Он велел своим людям уходить как можно быстрее, пока они не доберутся до моста (а до него было еще две мили), где он заранее разместил отряд, который должен был прикрыть их отход. Тревожные известия, однако, достигли графа Эссекса; тот немедленно собрал находившиеся поблизости эскадроны и послал их в погоню за принцем, приказав тревожить и отвлекать его мелкими стычками, пока не подоспеет он сам с пехотой и прочими эскадронами, что он и попытался сделать со всей поспешностью. Когда принц уже почти пересек обширную равнину под названием Чалгров-филд и готов был выйти на дорогу, которая вела прямо к мосту, сзади была замечена неприятельская кавалерия, стремительно его преследовавшая; теперь она могла с легкостью настигнуть его людей на узкой дороге, что неизбежно внесло бы в их ряды страшное расстройство. А потому принц решил остановиться и ждать врага в открытом поле, хотя его собственные кавалеристы были до крайности утомлены, а июньское солнце (было уже около восьми часов утра) палило нещадно. Конвою с пленными он приказал как можно скорее уходить к мосту, а всем остальным (ибо некоторые уже выехали на дорогу) — вернуться. Затем принц выстроил на этом поле, как нашел нужным, свои эскадроны, чтобы встретить неприятеля, в действиях которого было больше спешки и меньше порядка, чем того требовали обстоятельства. Отряд противника, превосходивший людей Руперта числом, имел в своем составе много старших офицеров, которые, находясь при графе Эссексе в момент, когда поднялась тревога, не стали дожидаться подхода собственных частей, но присоединились к тем эскадронам, которые уже готовы были пуститься в погоню за (как им казалось) удиравшим без оглядки неприятелем; и теперь они рвались отомстить Руперту за ночной разгром, пока не подоспел сам главнокомандующий, чтобы разделить с ними лавры победы — хотя войска графа были уже в виду. Но принц дал им такой отпор, что хотя передние ряды неприятельской конницы атаковали яростно и отважно — там дрались многие из лучших офицеров, и немало высших чинов полегло в бою — прочие выказали гораздо меньше решимости и вскоре обратились в беспорядочное бегство; преследование их продолжалось до тех пор, пока они не достигли главных сил графа Эссекса. Тот, находившийся примерно в миле от места сражения, остановился, чтобы привести в порядок бегущие эскадроны и выяснить подробности неудачи; так что принц

со своими кавалеристами быстро отступил и, двигаясь по дороге, успел выйти к мосту прежде, чем туда подоспели солдаты графа. Последние рассудили за благо дальше не соваться, ибо мост охранял сильный отряд пехоты, которая к тому же занимала весьма удобные позиции в живых изгородях по обеим сторонам дороги. Таким образом, около полудня или несколько позже принц вернулся в Оксфорд с большей частью тех, кого он повел оттуда в поход (кроме весьма немногих, погибших в бою), и почти с двумя сотнями неприятельских пленных, в числе коих оказались семь кавалерийских корнетов и четыре пехотных прапорщика.

✧ Принц представил полковника Урри королю, засвидетельствовав выказанные им в деле личную храбрость и талант военачальника, после чего король посвятил его в рыцари и назначил командиром кавалерийского полка. Многие обвиняли Урри в измене Парламенту, но совершенно несправедливо, ведь он уже давно заявил свои претензии и потребовал удовлетворения (на что, по мнению графа Эссекса, имел полное право). Однако, будучи отличным офицером, но человеком гордым, высокомерным и до крайности распущенным, Урри успел нажить себе немало врагов, и Парламент, надеясь без труда заменить его командиром столь же опытным, но более добродетельным, отказал полковнику в просьбе. Урри объявил, что впредь не станет служить Парламенту, и вернул свой офицерский патент графу Эссексу; когда же от него потребовали дать слово в том, что он никогда не перейдет на сторону короля, Урри наотрез отказался принять на себя какие-либо обязательства на сей счет и, проведя около месяца в Лондоне, в конце концов прибыл в Оксфорд. ✧

Успех принца в последнем его предприятии пришелся как нельзя более кстати: он поднял настроение в Оксфорде и смягчил на время раздоры и несогласия, слишком часто вспыхивавшие там между разными партиями и доставлявшие столько беспокойств королю. Успех этот был действительно велик, что вытекало хотя бы из числа пленных, многие из коих оказались особами высокого звания; к тому же известны были имена многих неприятельских офицеров, оставшихся лежать на поле битвы. Среди них был полковник Гантер, считавшийся лучшим кавалерийским офицером в парламентской армии. Он давно питал ненависть к церкви и еще до начала смуты навлек на себя по этой причине суровые порицания, за которые мечтал с тех пор отомстить. Один из взятых в бою пленных уверял, что ранен м-р Гемпден, ибо он сам видел, как тот, бессильно опустив голову и опираясь руками о шею лошади,

покидал, против своего обыкновения, поле битвы еще до окончания дела, из чего он и заключил, что Гемпден ранен. Из полученных на другой день известий явствовало, что принц одержал победу даже более крупную, чем это казалось поначалу: по достоверным сведениям, неприятель понес огромные потери на своих квартирах, три или четыре полка были наголову разбиты, многие из лучших офицеров погибли или получили раны, не оставлявшие им надежд на выздоровление.

Среди прочих в плен попали полковник Шеффилд, младший сын графа Малгрейва, и полковник Бекли, шотландец. Оба действительно были ранены и так умело изображали страшные муки — казалось, будто они находятся при последнем издыхании — что их оставили в частном доме неподалеку от Чалгров-филда. Полковники при этом дали честное слово, что не предпримут попыток к бегству и не воспользуются для этого чьей-то помощью, но, как только их раны будут перевязаны, и они почувствуют себя лучше, сами явятся в качестве пленных в Оксфорд. Но едва королевские войска ушли, как они дали о себе знать товарищам по оружию и уже на другой день оказались достаточно здоровы, чтобы присланный графом Эссексом сильный отряд смог доставить их в Тейм. Утверждая, что они никогда не признавали себя пленными, отрицая данное ими честное слово и отказавшись исполнить обещанное, они нарушили обычаи войны в такой же степени, в какой, подняв оружие против короля, преступили долг верности. Но тем, что в немалой мере возместило бы горечь поражения и не могло не прибавить блеска победе, стала смерть м-ра Гемпдена. Он был ранен в плечо двумя пулями, которые раздробили ему кость, а три недели спустя умер в страшных мучениях, что повергло его партию в такой ужас, словно вся парламентская армия была разбита или совершенно уничтожена.

Многие обратили внимание (ведь после столь важных и знаменательных событий люди часто делают подобные замечания), что Чалгров-филд, где произошел бой и м-р Гемпден получил смертельные раны, был тем самым местом, где он впервые привел в исполнение парламентский ордонанс о милиции и таким образом вовлек в мятеж графство, в котором пользовался огромным уважением. Взятые в тот день пленные все как один утверждали, что когда утром, после нападения принца на их квартиры, поднялась тревога, Гемпден приложил все усилия, чтобы быстро собрать войска для преследования неприятеля и, сам будучи пехотным

полковником, присоединился простым волонтером к тем кавалеристам, которые первыми оказались готовы к погоне; когда же отступавший перед ними принц вдруг остановился, и все офицеры сочли, что им следует дождаться подхода главных сил, он единственный выступил против такого решения и, пустив в дело свой громадный авторитет (уступавший лишь авторитету самого главнокомандующего), убедил их немедленно атаковать — столь неудержимо влекла его вперед судьба, желавшая, чтобы Гемпден понес наказание именно там, где годом ранее совершил он свое преступление.

Джентльмен из хорошей бекингемширской семьи, Гемпден унаследовал немалое состояние и отличался редкой мягкостью нрава и изяществом манер. В молодости он страстно увлекался охотой, упражнял свое тело, любил веселые компании. Впоследствии он стал предпочитать общество людей более степенных и серьезных, но сохранил прирожденную бодрость духа и живость характера, а главное — очаровательную любезность в обращении со всеми; хотя лица, находившиеся с Гемпденом в близких отношениях, заметили в нем растущую враждебность к существующему церковному устройству, истолковав ее, впрочем, как неприязнь к отдельным церковникам, порожденную опасением, что некоторые из вводимых ими новшеств могут нарушить общественное спокойствие. Нельзя сказать, чтобы до истории с корабельными деньгами о нем знали или много говорили во всем королевстве; скорее он пользовался известностью и уважением в своем графстве; затем, однако, поступок Гемпдена стал предметом всеобщих толков, ибо каждый желал знать, кто этот человек, дерзнувший в одиночку выступить на защиту свободы и собственности подданных, дабы спасти отечество от грабительских притязаний двора. Пока всюду царило крайнее возбуждение, Гемпден держался с удивительной скромностью и хладнокровием, и потому даже те, кто, выискивая малейшее обстоятельство, которое можно было бы против него использовать, чтобы поколебать его решимость на процессе, внимательно следили за каждым его шагом, принуждены были в конце концов отдать этому человеку полную справедливость. От обвинительного же приговора, вынесенного Гемпдену, несравненно больше выиграл он сам, нежели то дело, которому должен был послужить подобный вердикт, ведь с открытием настоящего Парламента, куда Гемпден был избран как рыцарь от своего графства, к нему тотчас

обратились взоры всех англичан, видевших в Гемпдене *Patriae pater**, кормчего, призванного теперь вести их корабль в бурном море, посреди страшных утесов и скал. И я убежден, что никто другой в целом королевстве не обладал в ту пору таким влиянием и авторитетом, такой силой творить добро и зло, как ни одно лицо его звания не имело их и в любую прежнюю эпоху, ибо Гемпден всюду пользовался репутацией честнейшего человека, а его помыслы и устремления были, казалось, столь совершенно подчинены интересам народа, что никакие порочные или своекорыстные виды уже не способны были их извратить.

Гемпден обладал редкой способностью сохранять учтивость и сдержанность в спорах; мысли же свои он высказывал с величайшей скромностью и смирением, как будто, не имея собственных мнений по обсуждаемому вопросу, стремился лишь что-то узнать и усвоить от других; при этом, однако, он столь умело задавал вопросы и, под видом сомнений, выдвигал осторожные возражения, что в конце концов ему удавалось незаметно внушить собственные убеждения тем, у кого, как можно было подумать, он хотел чему-то научиться. Даже на людей, способных устоять перед его силой внушения и распознать в его учтивых речах твердые убеждения, с которыми они сами никак не могли согласиться, он неизменно производил впечатление человека умного и честного. В самом деле, он имел чрезвычайно тонкий ум и обширные дарования, и я не знал другого человека, который обладал бы столь совершенным талантом нравиться и добиваться популярности и столь безграничной способностью увлекать и вести за собой. В первый год настоящего Парламента Гемпден, как можно было подумать, держался умеренных взглядов, скорее сдерживая, нежели поощряя неистовые и безрассудные стремления других членов Палаты. Но люди проницательные и беспристрастные уже тогда ясно видели, что мнимая умеренность Гемпдена проистекала из осторожной расчетливости и понимания того, что условия еще не созрели; они замечали, что многие мнения и предложения на самом деле исходили от Гемпдена, который рекомендовал их развитие и продвижение другим людям,

* «Отец отечества» — почетный титул, впервые присвоенный римским Сенатом Марку Туллию Цицерону после подавления заговора Катилины в 63 г. до н. э.; позднее (45 г. до н. э.) «отцом отечества» был назван Юлий Цезарь. Впоследствии титул присваивался многим римским императорам, хотя не все из них соглашались: к примеру, Тиберий отказался принять его. (Примеч. ред.)

скрывая до поры свои истинные замыслы, так что часто казалось, что он и не хочет ничего большего, чем уже постановила Палата. Когда же выдвигались крайние предложения, способные в будущем облегчить осуществление планов, почва для которых еще не была вполне подготовлена, Гемпден, убедившись, что большинство коммонеров их поддержит, нередко удалялся до начала голосования, желая показать, что он не согласен со столь явно безрассудными мерами — отчего одни лишь утверждались в мнении о его честности, зато другие питали на сей счет серьезные сомнения. Что же касается первоначального сговора с шотландцами, с целью побудить их к вторжению в Англию, и последующих интриг в их пользу, а также замысла расширить полномочия английского Парламента, то невозможно сомневаться, что Гемпден, самое меньшее, прекрасно знал об этих планах.

После того, как Гемпден попал в число членов Парламента, обвиненных королем в государственной измене, он сильно переменился, его нрав и образ действий стали гораздо более неистовыми, чем прежде, и, впервые обнажив меч, он, вне всякого сомнения, подальше отбросил ножны. Он яростно возражал против мирных предложений, присланных королем из Ноттингема, и столь же решительно выступал против любых мер, которые могли бы способствовать успеху переговоров в Оксфорде. Именно на его усилия прежде всего и рассчитывали мятежники, когда им нужно было предотвратить или сорвать любые попытки склонить к миру графа Эссекса; можно даже утверждать, что Гемпдену они доверяли гораздо больше, чем своему главнокомандующему. В самом начале смуты Гемпден принял командование пехотным полком и впоследствии всегда исполнял обязанности полковника с величайшей добросовестностью и аккуратностью. Весьма умеренный в еде, превосходно владевший собственными чувствами и страстями, он умел подчинять своей воле других людей. Его бодрость и усердие не ослабевали в борьбе с самыми энергичными противниками; самые хитрые и ловкие не могли обмануть его проницательность; личная храбрость Гемпдена равнялась прочим его блестящим достоинствам — в общем, это был человек, которого, если это только возможно, следует иметь в числе друзей, а не врагов, и опасаться — если он уже оказался в числе последних — больше, чем кого бы то ни было. А потому, узнав о его смерти, одна партия радовалась столько же, сколько сокрушалась другая.

Армия графа Эссекса была до того ослаблена этими поражениями и еще больше — косившими ее ряды болезнями, что оставлять ее и далее в такой близости от смелого и неутомимого неприятеля сочли слишком рискованным. Вдобавок лондонские распри и раздоры требовали присутствия Эссекса в столице, и граф решил, что там он сможет пополнить свое войско быстрее, нежели вдали от Лондона. А потому примерно в начале мая (или несколько позднее) он выступил из Тейма и, оставив армию на квартирах близ Сент-Олбанса, прибыл в Лондон, где нашел бурные разногласия и взаимную вражду различных клик. Пока дела Парламента пребывали в таком расстройстве, король во многом восстановил свои силы и авторитет; а так как время года благоприятствовало военным действиям, то недовольный ропот партий совершенно утих до следующей зимы.

Глава VIII

(1643)

Соглашение о нейтралитете, заключенное комиссарами от соседних западных графств, после которого мы и оставили главных предводителей корнуолльских отрядов, имело такую же судьбу, как и все подобные соглашения в других частях Англии. Ибо, несмотря на самые торжественные клятвы и принятие причастия (без чего обходились при заключении всех прочих договоров), стоило лишь Парламенту послать туда свои декларации и постановления (тождественные тем, которые касались сходных соглашений в Йоркшире и Чешире) и отрядить нескольких членов для вразумления тамошних своих сторонников и надзора за ними, как все мирные помыслы были забыты, так что в ночь перед истечением срока договора и перемирия Джеймс Чадли, генерал-майор мятежников (все это время усердно собиравший в Сомерсете и Девоншире деньги как с друзей, так и с врагов, и успевший снарядить многочисленное войско), появился с сильным отрядом пехоты и кавалерии в двух милях от Лонстона, главной квартиры корнуолльцев, и на следующее же утро (перемирие заканчивалось в двенадцать часов ночи) двинулся на этот город, недостаточно готовый к отражению атаки. Вожди корнуолльцев употребили срок перемирия со всевозможной пользой, убедив джентри и всех жителей графства согласиться на уплату еженедельного сбора, дабы поддержать силу, которая их защищает; а сверх и помимо этого налога джентльмены и иные видные особы добровольно пожертвовали на общее дело все свое столовое серебро. Но когда в эти края прибыл парламентский комитет, корнуолльцы поняли, что соглашение с неприятелем не принесет никаких плодов. А потому накануне истечения срока договора сэр Ральф Голтон и сэр Бевил Гренвилл направились в Лонстон, чтобы принять меры к отражению возможной атаки, но поскольку им приходилось содержать и довольствовать свое маленькое войско на средства одного небольшого графства, то они принуждены были расквартировывать солдат на весьма обширной территории, чтобы ни одна местность не несла бремени свыше строго необходимого. В первый день, расположив людей вдоль живых изгородей и в удобных для обороны дефиле, они лишь сдерживали натиск врага,

ожидаю подхода остальных отрядов; когда же те, ближе к вечеру, вовремя подоспели, неприятель, уже понесший немалый урон, настолько пал духом и оробел, что ретировался ночью к Окемптону, городу в пятнадцати милях от места боя. После этого много дней кряду продолжались мелкие стычки с переменным успехом: порой корнуоллы вторгались в Девоншир, но затем отступали — ибо, как стало известно, против них шла теперь целая армия, обладавшая столь явным численным превосходством, что всякое сопротивление ей казалось безнадежным.

В середине мая граф Стамфорд вступил в северный Корнуолл. Он имел тысячу четыреста кавалеристов и драгун, пять тысяч четыреста пехотинцев, тринадцать медных пушек и одну мортиру, а также огромный запас провианта и амуниции и был во всех отношениях снаряжен столь превосходно, как это могли обеспечить люди, которые не знали недостатка в средствах. Небольшая армия короля, уступавшая ему числом более чем вдвое и терпевшая страшную нужду в самом необходимом, находилась у Лонстона; неприятель же трактовал ее с совершенным презрением и, зная, что она приблизилась на расстояние шести-семи миль, помышлял лишь о том, как переловить королевских солдат после того, как они будут разбиты и рассеяны — чтобы помешать им укрыться в замке Пенденнис, откуда они могли бы доставить ему новые хлопоты. С этой целью, расположившись лагерем близ Страттона (единственная местность в Корнуолле, которая питала крайнюю враждебность к делу короля) на плоской вершине высокого холма, склоны коего отличались чрезвычайной крутизной, Стамфорд выслал к Бодмину отряд из тысячи двухсот кавалеристов и драгун под начальством сэра Джорджа Чадли (отца генерал-майора мятежников), чтобы захватить врасплох шерифа и главнейших джентльменов и таким образом не только воспрепятствовать подходу каких-либо подкреплений к армии короля, но и, заставляя недовольных видом столь грозной кавалерии, принудить весь этот край выступить на стороне Парламента. Замысел этот, сам по себе отнюдь не безрассудный, сыграл в конечном счете на руку королю. Ибо его войска, двигавшиеся из Лонстона с твердой решимостью сразиться с врагом, каким бы ни было превосходство последнего в численности или в позиции (план, при всей своей рискованности, чреватый меньшей опасностью, чем отход в глубь графства или любой другой возможный для них образ действий), теперь, недолго думая, решили атаковать лагерь неприятеля, воспользовавшись отсутствием его кавалерии.

С этим намерением в понедельник 15 мая они подошли к вражескому лагерю на расстояние мили; положение с провиантом стало у них к этому времени столь отчаянным, что даже у самых предусмотрительных офицеров солдаты имели на ближайшие двое суток лишь по одному сухарю в день, и неприятель уже нисколько не сомневался, что войска короля находятся теперь в полной его власти.

Во вторник 16 мая, около пяти часов утра (простояв всю ночь в боевой готовности) корнуолльцы начали готовиться к делу. Свою пехоту, примерно две тысячи четыреста человек, они разделили на четыре отряда, каждый из которых получил собственную задачу. Первым отрядом командовали лорд Мохен и сэр Ральф Гоптон, взявшиеся атаковать неприятельский лагерь с южной стороны; слева от них должны были наступать люди сэра Джона Беркли и сэра Бевила Гренвилла; сэр Николас Сленнинг и полковник Тревеньон шли на штурм с севера, а по левую руку от них предстояло действовать полковнику Томасу Баффету, генерал-майору пехоты корнуолльцев, и полковнику Уильяму Годолфину. Каждый отряд имел по две пушки, которые мог пустить в ход по своему усмотрению. Полковник Джон Дигби, командовавший кавалерией и драгунами, числом до пятисот человек, находился с ними в Сенди Коммонс, на ведущей к неприятельскому лагерю дороге, и должен был либо нанести ответный удар врагу, если тот атакует, либо оставаться на месте в качестве резерва.

Так началось сражение; королевские войска с четырех сторон яростно рвались к вершине холма, а их противник с не меньшим упорством защищал свои позиции. Бой шел с переменным успехом до трех часов пополудни, когда старшим начальникам корнуолльцев донесли, что пороха у них осталось не более четырех бочек; и те (скрыв это известие от солдат) решили, что восполнить подобный недостаток можно теперь одной лишь храбростью. А потому они, через посыльных, условились наступать со своими отрядами, не открывая более огня до тех пор, пока их люди не достигнут вершины и не окажутся на ровной местности рядом с неприятелем. Солдаты столь превосходно поддерживали мужество и решимость офицеров своей отвагой, что враг, видя с изумлением, как эти бесстрашные бойцы идут с холодным оружием против ядер и пуль, дрогнул на всех пунктах и начал подаваться назад. Генерал-майор Чадли, руководивший в этом бою парламентскими войсками, честно исполнил свой долг: заметив, что его люди не устояли перед уступающим в числе противником и тот поднимается все выше по склонам

холма, он во главе храбрых пикинеров лично выступил против отряда, которым командовали сэр Джон Беркли и сэр Бевил Гренвилл, и с такой яростью на него обрушился, что привел неприятеля в немалое расстройство. Во время этой схватки сэр Бевил Гренвилл оказался на земле, но его товарищ тотчас же подоспел к нему на помощь; после чего они усилили натиск и, перебив большую часть атакующих, а остальных рассеяв, взяли в плен самого генерал-майора, успевшего выказать беспримерную храбрость. Тогда неприятель начал поспешно отступать, а четыре корнуолльских отряда, поднимаясь по склонам холма, приближались друг к другу, пока в четвертом часу пополудни не соединились наконец на его вершине. Там они стали обниматься, охваченные неописуемым восторгом; каждый поздравлял своих товарищей с победой, в коей все они с готовностью признали чудо и благословение Божие; после чего, захватив на холме несколько пушек неприятеля, корнуолльцы все вместе устремились к его лагерю, чтобы довершить свой успех. Но враги, едва услышав о потере своего генерал-майора, совершенно пали духом; яростно теснимые и сбитые с прежних позиций — на силу и неприступность которых они главным образом и рассчитывали — некоторые из них побросали оружие и сдались в плен, другие же, обратившись в бегство, рассеялись, и теперь каждый думал лишь о собственном спасении. Пример в том подавал сам главнокомандующий граф Стамфорд: в продолжение всей битвы он держался на безопасном расстоянии от поля боя, окруженный всеми своими кавалеристами, которые, действуя небольшими партиями (хотя общее их число не превышало ста двадцати — ста сорока человек), могли бы нанести чувствительный урон пехотным отрядам корнуолльцев, с величайшим трудом взбиравшимся по крутым склонам холма; а едва увидев, что сражение проиграно (иные говорят — даже раньше), со всевозможной поспешностью устремился в Эксетер, дабы подготовить этот город к ожидавшим его вскоре испытаниям.

Победители же, захватив лагерь и окончательно рассеяв вражеские войска, тут же на месте совершили богослужение и вознесли всемогущему Господу благодарственные молитвы за чудесное свое избавление и победу; после чего немедленно отправили небольшой кавалерийский отряд, чтобы преследовать неприятеля одну-две мили. Продолжать погоню далее или вести ее всей своей кавалерией корнуолльцы не сочли разумным (ибо сэр Джордж, возвратившись с сильным отрядом кавалеристов и драгун из Бодмина, мог

бы застать их в расстройстве и беспорядке), но удовольствовались уже одержанной победой — как по существу дела, так и по внешним признакам самой блестящей из всех, которых добилась с начала этой злосчастной распри любая из противоборствующих сторон. В королевских войсках полегло в общей сложности не более восьмидесяти человек, из коих лишь немногие были офицеры и ни одного в чине старше капитана; и хотя раненых оказалось гораздо больше, впоследствии от полученных ран умерло не более десяти человек. В парламентской же армии, несмотря на то что она занимала превосходные позиции, и атакующей стороной являлся противник, было убито на месте свыше трехсот человек и еще тысяча семьсот взято в плен, в том числе генерал-майор и более тридцати других офицеров. Вдобавок победители захватили весь неприятельский обоз с палатками, все пушки, все боеприпасы — семьдесят бочек пороха и соразмерное количество всякого рода иной амуниции — а также преогромный запас галет и прочей отличной провизии, что для людей, три или четыре дня страдавших от недостатка пищи и сна и теперь равно изнуренных голодом и тяготами службы, пришлось весьма кстати и обрадовало их ничуть не меньше, чем сама победа. Всю ночь и следующий день армия отдыхала в Страттоне; при этом корнуолльцы взяли надлежащие меры, чтобы прикрыть броды через реку Теймар, помешав таким образом возвращению неприятельской кавалерии и драгун, а также, через срочно отправленных гонцов, распространить повсюду известие о своем успехе. Едва сэр Джордж Чадли с великим триумфом разогнал местных джентльменов и шерифа — намеревавшихся, по доброму своему обычаю, созвать *posse comitatus* в помощь королевской партии — и почти без сопротивления вступил в Бодмин, как пришла ужасная весть о разгроме армии и потере страттонского лагеря. И тогда, с величайшей поспешностью и в таком смятении, какое только может вызвать страх среди людей, еще не знакомых с суровыми превратностями войны, оставив множество лошадей и солдат (попавших впоследствии в руки тамошним крестьянам), сэр Джордж с теми немногими, кого ему удалось собрать и удержать вместе, бежал в Плимут, а оттуда без помех и тревог добрался до Эксетера.

◀ Граф же Стамфорд, пытаясь оправдаться и снять с себя вину за поражение, всюду утверждал (и даже послал известие Парламенту), что его предал сэр Джеймс Чадли, который будто бы в самый разгар битвы добровольно перешел с отрядом на сторону врага и тотчас же атаковал королевские войска, что вызвало большое замешательство — солдаты

уже не верили офицерам, офицеры боялись бунта солдат — и стало главной причиной последующего разгрома. На самом же деле Чадли показал себя храбрым воином и отличным командиром, а в плен попал лишь после того, как, с отчаянной отвагой врубившись в ряды неприятелей, был окружен ими со всех сторон. И, однако, несмотря на все его прежние заслуги — ведь это он сумел прервать на время череду побед Корнуолльской армии, а в ночном бою у Брэддок-Дауна близ Окингтона нанес ей больший урон, чем это когда-либо удавалось любому другому парламентскому военачальнику — столь наглой клевете многие поверили. Оскорбленный явной несправедливостью Парламента и обласканный офицерами короля, видевшими в нем доблестного противника, способного, если исправится и вспомнит о своем долге, принести немалую пользу Его Величеству, сэр Джеймс после десяти дней плена искренне раскаялся в прежних заблуждениях и изъявил готовность верно служить королю.

Чадли был слишком умен и благороден, чтобы чувствовать преданность делу, которому прежде служил. Возвратившись из Ирландии, где он сражался с самого начала мятежа, Чадли хотел встать на сторону Его Величества, для чего и явился в Оксфорд. Но там его встретили холодно — как ввиду общеизвестной враждебности королю прочих членов его семейства, так и по причине той роли, которую сыграл он в истории с Северной армией (ее, как мы помним, предлагали использовать для устрашения Парламента). Вначале сэр Джеймс, человек молодой, горячий и жаждавший славы, слишком пылко и безрассудно поддержал подобные планы; но затем, когда м-р Горинг выдал Парламенту этот замысел, и была назначена следственная комиссия, Чадли, охваченный то ли страхами, то ли надеждами, наговорил на допросе много лишнего, к большому ущербу для двора. В Оксфорде этого не забыли, и раздосадованный Чадли вернулся в Лондон, после чего дал согласие участвовать в походе парламентских войск на Запад. Но теперь прежние его обиды угасли, опыт открыл ему глаза на лицемерие Парламента, а разумные доводы и любезное обращение победителей, вместе с образцовой дисциплиной солдат, а также благочестием и чистотой нравов командиров корнуолльской армии окончательно убедили сэра Джеймса принять сторону короля. >

Желая облегчить своим друзьям в Корнуолле бремя, которое несли они до сих пор с таким терпением, армия поспешила вступить в Девоншир. Следует ли теперь атаковать Плимут или Эксетер или оба сразу, еще не было окончательно решено, когда гонец из Оксфорда привез корнуолльцам известие, что король послал им

в подмогу принца Морица и маркиза Гертфорда с сильным отрядом кавалерии и что войска эти уже достигли Сомерсетшира. Они также узнали, что Парламент приказал сэру Уильяму Уоллеру идти в западные графства с новой армией, ряды коей могут значительно пополниться за счет тех, кто уцелел после страттонской битвы; так что теперь всем королевским войскам в этих краях необходимо было как можно скорее соединиться. Тотчас же было решено оставить у Селтеша и Милбрука отряд, способный защитить преданный Его Величеству Корнуолл от любых набегов из Плимута, а с остальными силами идти на восток. Благодаря громкой славе новой изумительной победы корнуолльские отряды день ото дня возрастали в числе: немало волонтеров прибыло к ним из Девоншира, а очень многие из взятых корнуолльцами пленных, заявив, что прежде их обманули, теперь добровольно вызвались служить королю против тех, кто так дурно обошелся с ними и с Его Величеством — эти люди, отданные под начало их же собственных одумавшихся офицеров, показали себя впоследствии честными и храбрыми солдатами. В общем, останавливаясь по пути не чаще, чем это требовалось для восстановления сил, Корнуолльская армия (именно так ее стали теперь называть) достигла Эксетера, где находился тогда с сильным гарнизоном граф Стамфорд. Задержавшись там всего на два или три дня, чтобы разместить вокруг небольшие гарнизоны и тем самым помешать этому городу (охваченному страхом и смятением) добиться чрезмерного влияния в столь многолюдном графстве, корнуолльцы двинулись к Тивертону, где расположился полк парламентской пехоты под командованием полковника Вера, девонширского джентльмена: мятежники надеялись, что сэр Уильям Уоллер подоспеет им на выручку раньше, чем ударят корнуолльцы. Последние без труда рассеяли этот полк и остановились в Тивертоне, ожидая новых распоряжений от маркиза Гертфорда.

Когда прошла досада от потери Ридинга и король понял, что армия Эссекса находится в совершенном расстройстве и граф не сможет теперь наступать или, во всяком случае, всерьез потревожить его в Оксфорде; и вдобавок узнал, как превосходно обстоят и какие надежды вселяют дела его сторонников в Корнуолле — куда, дабы воспрепятствовать дальнейшим их успехам, Парламент спешно готовился направить сэра Уильяма Уоллера — Его Величество решил послать в те края маркиза Гертфорда, тем более что многие из видных джентльменов Уилтшира, Девоншира и Сомерсетшира твердо обещали, что если маркиз появится в их графствах с таким

числом солдат, какое, по их расчетам, способен выделить ему король, то они в скором времени соберут достаточные силы, чтобы устоять против любого войска, которое сможет выслать Парламент. Маркиз уже готов был выступить в поход, когда пришло известие о блестящей победе под Страттоном, так что теперь можно было не опасаться, что маркиз не сумеет соединиться с маленькой корнуолльской армией; к тому же последняя явно превратилась в силу, действительно заслуживающую названия армии. Все это внушило некоторым людям мысль, что одним из предводителей упомянутой армии не худо было бы сделать принца Морица, который до сих пор занимал пост обычного кавалерийского полковника, хотя неизменно выказывал величайшую храбрость и благоразумие. Тогда король, по их просьбе и с полного согласия Его Высочества, назначил принца генерал-лейтенантом в непосредственном подчинении у маркиза, который по весьма многим причинам (помимо того, что он уже исполнял эту должность) считался единственным человеком, способным осуществлять верховную власть в тех западных графствах, где находились его поместья и где народ, как всякому было известно, относился к нему с величайшим почтением и уважением. Итак, принц и маркиз, с кавалерийскими полками самого принца, полковника Томаса Говарда и графа Карнарвона (последний был генералом кавалерии), выступили в поход на запад и, задержавшись в Солсбери, а затем в Дорсетшире всего на несколько дней — к ним прибывали новые полки пехоты и кавалерии, снаряженные местными джентльменами — со всей поспешностью двинулись в Сомерсетшир, желая как можно скорее соединиться с корнуолльцами и полагая, что завершить набор войск легче будет там, где их планы не смогут расстроить более многочисленные силы неприятеля — ведь сэр Уильям Уоллер уже выступил из Лондона и останавливался на марше не дольше, чем это было строго необходимо.

Вступив в западные графства, маркиз тотчас же понес невосполнимую утрату, ставшую еще более страшной потерей для дела короля — скончался м-р Роджерс, человек тонкого ума и редких душевных качеств. Приходясь маркизу кузеном, Роджерс, движимый родственными чувствами и ревностью к общему благу, страстно убеждал маркиза верно ему служить. Сверх того, он пользовался немалым авторитетом в Дорсетшире (который представлял как рыцарь в Парламенте) и действовал там столь умело, что, проживи он дольше, Пул и Лайм (два портовых города, доставившие впоследствии множество хлопот королю) были бы, вне всякого сомнения,

взяты. Но его смерть разрушила все надежды на сей счет, ибо прочие джентльмены графства, пусть и вполне благонамеренные, оказались столь бездеятельными, что не сумели использовать к своей выгоде успехи, достигнутые в том году армией короля.

Около середины июня принц Мориц и маркиз, имея тысячу шестьсот — тысячу семьсот человек кавалерии, примерно тысячу вновь набранных пехотинцев и семь — восемь легких полевых орудий, подошли к Чарду, городку в Сомерсетшире у самой границы Девоншира, где, согласно приказу, их и встретила Корнуольская армия. Последняя насчитывала свыше трех тысяч человек отличной пехоты, пятьсот кавалеристов и триста драгун при четырех — пяти полевых орудиях; так что с учетом офицеров и прочих их соединенные силы составили весьма грозную семитысячную армию с превосходной артиллерией и достаточным количеством всякого рода боевых припасов, блестящая же репутация их войска позволяла надеяться на быстрый рост его численности. И, однако, не проявившие старшие офицеры корнуольцев гораздо больше выдержки и душевного благородства, чем их солдаты, весьма кичившиеся тем, что единственно лишь их храбрость спасла дело короля на западе, то при первой же встрече двух армий возникли бы споры и несогласия, уладить которые оказалось бы, вероятно, не так уж просто. Ибо в отряде маркиза, хотя и весьма немногочисленном, были заняты все генеральские должности, существовавшие тогда в армии короля — командующего, генерал-лейтенанта, командующего кавалерией, командующего артиллерией, генерал-майора кавалерии и генерал-майора пехоты; соответствующие же командные посты для тех, кто принял на себя весь боевой труд в прошлом и на кого главным образом возлагались надежды в предстоящих сражениях, предусмотрены не были; так что старшие офицеры корнуольской армии, соединившись с куда менее сильным войском, могли в лучшем случае получить звание обычных полковников. Но мысль об общем деле по-прежнему столь всецело владела их умами, что они быстро успокоили всякий ропот зависти и недовольства в среде младших офицеров и рядовых солдат; принц же и маркиз, со своей стороны, отнеслись к ним с таким же уважением и благородным прямотушием, употребив все средства, чтобы предотвратить любые недоразумения.

Первый удар они решили нанести по Таунтону, самому большому и богатому городу Сомерсетшира, и притом пылко преданному Парламенту, где последний держал тогда свой гарнизон. Жители

его, однако, еще не приобрели того мужества, коим отличились впоследствии, ибо лишь только армия подступила к городу, как двое из самых именитых его граждан были высланы для переговоров; и это обстоятельство, хотя ничего еще не было решено, повергло гарнизон в такой ужас (в то же время узники в местном замке, многие из коих были состоятельными людьми, взятыми под стражу как малигнанты, подняли там нечто вроде бунта), что он бежал из Таунтона в Бриджуотер, город не столь крупный, но по местоположению своему гораздо более удобный для обороны; а на следующий день, гонимый тем же паническим страхом, покинул и его. Таким образом, маркиз в три дня овладел Таунтоном и Бриджуотером и Данстер-каслем. Последний был укреплен куда лучше, чем первые два, так что взять его штурмом было бы невозможно, но благодаря ловкости Фрэнсиса Уайндема, умело воспользовавшегося страхом его владельца и хозяина м-ра Латтерелла, был сдан королю также без большого кровопролития, после чего маркиз, по достоинству оценив заслуги Уайндема, назначил его комендантом замка.

В Таунтоне начальство было поручено сэру Джону Стоуэллу, имевшему в тех краях обширные поместья. Он с самого начала решительно выступил на стороне короля и привел ему на службу своих детей, став одним из тех, кто вызывал величайшую ненависть у Парламента. Комендантом Бриджуотера назначили Эдмунда Уайндема, шерифа графства, человека состоятельного, храброго и безусловно преданного делу короля. Близ Таунтона армия задержалась на семь или восемь дней, чтобы занять гарнизонами названные пункты и дожидаться известий о передвижениях и остановках неприятеля, и за это время изрядно подрастеряла уважение и добрую славу, коими пользовалась прежде у обывателей. Что до собственно корнуолльской армии, то там старшие начальники удерживали своих солдат от любых вольностей и требовали, чтобы те чаще молились Богу и участвовали в религиозных обрядах. В итоге своим благочестием и высокой дисциплиной корнуолльцы прославились ничуть не меньше, чем храбростью, а потому сэра Ральфа Гоптона с нетерпением ожидали в его родных местах, где он был самым влиятельным и уважаемым человеком. Зато кавалеристы, прибывшие впоследствии с маркизом, коих никогда не держали в такой строгости, оказавшись теперь на постое в изобильном краю, где не успела еще похозяйничать ни одна армия, распустились настолько, что народ стал верить неприятелю даже тогда, когда он обвинял их в том, чего они не делали; вдобавок

своими бесчинствами они сорвали мирный и упорядоченный сбор средств, который мог бы доставить суммы, необходимые для регулярной оплаты войск. Безобразия эти имели еще одно скверное последствие — нечто вроде ревности и недоверия между маркизом и принцем Морицем: первый, более сведущий в делах мира, нежели в тонкостях искусства войны, стремился обуздать солдат, чтобы те не причиняли никаких обид обывателям; между тем принц помышлял, как считалось, единственно о нуждах своих солдат, не желая принимать в расчет интересы обывателей, и, кажется даже, не прочь был сосредоточить в своих руках всю военную власть. Впрочем, тогда были скорее лишь посеяны первые семена их взаимного нерасположения, нежели открыто проявилась какая-либо неприязнь, ибо, разместив упомянутые выше гарнизоны, принц и маркиз бодро и единодушно двинулись на восток в поисках неприятеля, который уже сосредоточил значительные силы менее чем в двадцати милях от них.

Глава IX

(1643)

Пока в Оксфорде так долго готовили подкрепления и припасы для западных графств и решали, каким образом следует их отправить — что можно было сделать гораздо скорее и без лишнего шума — Парламент уразумел, что полная потеря Запада приведет в дальнейшем к постепенному сокращению подвластной ему территории, а это, в свою очередь, быстро обескуражит прочих его сторонников. Все западные портовые города (исключая лишь корнуолльские) по-прежнему сохраняли ему верность, чем всегда умело пользовался его флот. И хотя большая часть джентри на западе, как, в сущности, и по всему королевству, выступила против Парламента, однако простой народ, особенно в сукнодельческих местностях Сомерсетшира, как правило, горячо ему сочувствовал; так что если бы Парламент послал туда в помощь своим приверженцам крупный отряд кавалерии и известное количество оружия (достаточные запасы коего хранились в находившихся в его руках приморских городах), то жаловаться на нехватку солдат ему бы не пришлось. А потому, хотя их армия пополнялась медленно и с трудом, Палаты решили отправить на запад части кавалерии и драгун, чтобы ободрить тамошних своих сторонников. Осуществить этот план поручено было сэру Уильяму Уоллеру, родовитому кентскому джентльмену и члену Палаты общин.

Сэр Уильям Уоллер получил в юности хорошее воспитание и, проведя несколько лет за границей, в том числе известное время — на военной службе, вернулся в Англию человеком с отличной репутацией, а вскоре женился на одной молодой особе, которую ожидало крупное наследство на западе. Затем он имел тяжбу с родственником жены — джентльменом, удостоившимся чести быть слугой короля и состоять при особе Его Величества, что в те времена служило предметом всеобщего уважения. Дело в том, что между двумя джентльменами произошел крупный разговор, и сэр Уильям, рассерженный дерзкими словами собеседника, ударил его по лицу — причем в такой близости от Вестминстер-холла, что нашлись свидетели, показавшие под присягой, что случилось это в самом зале, да еще во время судебного заседания, за что по закону

полагалась суровая кара. Пустив в ход свои придворные связи, оскорбленный джентльмен добился строгого судебного расследования, и в конце концов сэру Уильяму пришлось уплатить крупный штраф; деньги же получил его соперник, что еще сильнее озлобило Уоллера. История эта породила в нем крайнее ожесточение против двора, и с тех пор сэру Уильям уже не мог устоять перед соблазном вредить ему при всяком удобном случае. В Палате общин Уоллер неизменно поддерживал самые жестокие и крайние меры, и именно он руководил первым военным предприятием Парламента, без большого труда овладев Портсмутом. Когда же граф Эссекс стал с главной армией на зимние квартиры, Уоллер со своими эскадронами совершал набеги в западные графства, притом весьма успешно: он не только разгромил несколько отрядов, занимавших наспех устроенные квартиры, но даже произвел внезапную атаку на укрепленный лагерь противника, устроенный близ Глостера лордом Гербертом из Раглана, захватив около тысячи двухсот пленных, в том числе всех офицеров — что ненамного уступало численности его собственного войска. Все это доставило сэру Уильяму великую славу в глазах Парламента и Сити, а с ней и прозвище — *Вильгельм Завоеватель*. Мало того: особы, полагавшие, что граф Эссекс едва ли захочет идти с ним до конца, обращали теперь свои взоры к сэру Уильяму Уоллеру, как человеку в большей мере отвечавшему их вида, и всячески превозносили его подвиги, дабы он поскорее затмил своей славой графа. А потому все приготовления к его походу они провели столь быстро и в такой глубокой тайне, что не успел маркиз Гертфорд соединиться с войсками корнуолльцев, как ему донесли, что сэру Уильям Уоллер стоит от него в двух переходах и что получать необходимые припасы и подкрепления из Бристоля и округи (находившихся в полной власти Парламента) неприятелю будет легче, нежели маркизу — в открытой местности. По этой причине было решено, что всего разумнее теперь идти прямо на Уоллера и дать ему бой, пока он еще не успел усилиться сверх меры; таким образом корнуолльцы могли бы продолжить марш к Оксфорду, к чему клонились с некоторых пор их планы.

Хотя сам сэру Уильям Уоллер по-прежнему стоял в Бате, однако остатки кавалерии и драгун, спешно покинувших Корнуолл после Страттонской битвы, а также прочие части, высланные из Эксетера, когда там ожидали осады вместе с солдатами, бежавшим из Таунтона и Бриджуотера и другими местными полками, Александру Попему, Строду и другим командирам милиции Сомерсетшира

удалось в конце концов собрать и привести в порядок. Соединившись с отрядами милиции и полками добровольцев, они воспрянули духом настолько, что, когда маркиз учредил свою главную квартиру в Сомертоне, еще до рассвета атаквали драгунский полк, стоявший в миле к востоку от этого города. Поднятая по тревоге, королевская армия быстро вышла из Сомертона и двинулась на врага — первого, который осмелился дать ей отпор после Страттонского дела. Оказывая сопротивление на выгодных позициях и ведя небольшими отрядами арьергардные бои, неприятель в недурном порядке отступил к Уэллсу. А поскольку королевские отряды по-прежнему шли за ним по пятам, противник решил оставить и этот город, сосредоточив все свое войско (по численности, кажется, не уступавшее преследовавшей его армии) на вершине холма Мендип-хилл, который господствовал над Уэллсом. День был уже на исходе, долгий марш оказался весьма утомительным, а потому маркиз со своей пехотой и артиллерией остановился в Уэллсе. Однако принц Мориц и сэр Ральф Гоптон с двумя полками кавалерии решили разведать, что делает на холме противник. Тот позволил им беспрепятственно подняться на вершину, а затем, выставив крупный кавалерийский заслон для прикрытия своей пехоты и обоза, начал в полном порядке отходить перед продвигавшимся вперед принцем. Это обстоятельство, а также легко объяснимое презрение королевских кавалеристов к неприятелю, во всех прежних стычках и сражениях жестоко ими битому, внушили принцу мысль, что он теперь видит самое настоящее бегство, только с соблюдением приличий, а потому он ускорил преследование врага по этим холмам, пока неприятель, которому предстояло выйти на узкую дорогу и пройти через деревню Чьютон-Мендип, не оказался вынужден перед началом этого маневра остановить свой арьергард, ставший теперь гораздо менее внушительным, чем он был в начале отхода. Это предвидели заранее, и потому граф Карнарвон, быстро оценив преимущества своего положения, тотчас же с изумительной отвагой атаковал врага. Натиск был столь силен, что люди графа вырвались на дорогу вместе с неприятелем, обратили в бегство всю вражескую кавалерию и, рубя бегущих, гнали ее более двух миль.

За этот успех, однако, едва не пришлось заплатить слишком дорогую цену, ибо сэр Уильям Уоллер, который стоял со своей новой армией в Бате и успел основательно усилиться частями из бристольского гарнизона, еще раньше отдал приказ парламентскому войску в Сомерсетшире отходить перед королевскими силами,

пока оно не соединится с его, Уоллера, армией. Он также выслал в помощь отступающим сильную партию кавалерии и драгун, и те под покровом тумана совершили свой марш никем не замеченные; так что граф Карнарвон, незнакомый с этим краем и не знавший здешних дорог, преследуя бегущего неприятеля, ворвался прямо в расположение сэра Уильяма Уоллера, где его стали теснить свежие отряды вражеских кавалеристов и драгун. Графу пришлось отступить в некотором беспорядке, после чего он дал знать следовавшему за ним принцу о подстерегавшей их новой опасности. Тогда Его Высочество со всевозможной поспешностью отвел своих людей назад, за деревню, решив, и весьма благоразумно, не ввязываться в бой в узкой теснине, но встретить врага в открытом поле. Там к нему присоединился граф Карнарвон со своим полком, изрядно потрепанным и преследуемым неприятелем, который тотчас же развернул кавалерию и драгун широким фронтом. Враг был гораздо сильнее, ведь принц располагал лишь двумя полками, собственным и графа Карнарвона, да небольшим отрядом из волонтеров-джентльменов. Положение его казалось отчаянным: по видимости слишком слабый, чтобы атаковать, он, однако, мог подвергнуться еще более страшной опасности, если бы решил отступать через эти высокие холмы, имея за спиной свежие и явно превосходящие его числом силы. А потому принц сделал геройский выбор — как только неприятель двинется вперед, энергично ударить по нему собственным полком; граф же в это время приведет в порядок своих людей и в подходящий момент подоспеет ему на помощь. Мгновенно принятый план этот был так же быстро и счастливо исполнен. Принц во главе собственного полка атаковал столь яростно, что противостоящая ему часть вражеской линии была наголову разбита и обращена в бегство. Однако почти половина неприятельской кавалерии — ведь та, занимая фронт более широкий, не вся подверглась удару — развернулась и атаковала принца с тыла, а в это время в тыл ей самой ударил граф Карнарвон, успевший перестроить свой полк. Маневры эти противники произвели столь успешно, что их ряды совершенно смешались, и теперь исход сражения предстояло решать острым мечом, ведь от пистолетов в такой сече толку было немного. Сам принц получил два тяжелых ранения в голову и был даже сбит с лошади, но ему быстро пришли на помощь и вынесли с поля боя. Неприятель был полностью разгромлен, и граф Карнарвон вновь его преследовал, успев, пока наступление темноты не прекратило погоню, нанести ему немалый

урон, а затем возвратился на главную квартиру в Уэллс. В этих боях отряд принца потерял от шестидесяти до восьмидесяти человек, а неприятель — втрое больше; пленных же, поскольку схватка была скоротечной, взяли немного.

В Уэллсе армия задержалась надолго — как в видах излечения ран принца (к счастью, это были простые резаные раны от меча), так и для того, чтобы определить, что следует делать дальше, ведь теперь она находилась в непосредственной близости от неприятеля, который, о чем в Уэллсе хорошо знали, готов был дать ей бой. Дело в том, что сэр Уильям Уоллер стоял в Бате со всей своей армией, сильно увеличившейся за счет беглецов с запада; имея на своей стороне все преимущества — богатые запасы провианта и обладание важными проходами — он решил не наступать, пока не подоспеют новые подкрепления из Лондона, коих ждали со дня на день. Маркизу же приходилось не только готовиться к встрече со столь бдительным и осторожным противником, но и обеспечивать свой тыл, чтобы враждебно настроенный народ за его спиной, который ничуть не переменял своих мнений, а лишь подчинился силе, вновь не воспрянул духом, когда сэр Уильям Уоллер двинется вперед. Хотя Корнуолл был защищен достаточно надежно и мог отразить любые вылазки из Плимута, Девоншир оставался в весьма рискованном положении, ведь там, в Колумб-Джоне, поместье сэра Джона Акленда, расположенном в трех милях от Эксетера, стоял один-единственный, притом небольшой отряд, и должен был он не только сдерживать гарнизон названного города, где находился тогда граф Стамфорд, но и подавлять любые мятежи, которые могли вспыхнуть в графстве, и дать отпор любому войску, которое могло прибыть в Девоншир морем. Приняв в соображение эти обстоятельства и известая о том, что Парламент отдал приказ своему адмиралу графу Уорвику крейсировать с флотом у побережья Девоншира и при первой удобной возможности на него напасть, маркиз, следуя мнению военного совета, отправил сэра Джона Беркли, с кавалерийским полком полковника Говарда, обратно в Девоншир, поручив ему возглавить находившиеся там силы и собрать как можно больше войск для блокады Эксетера и приведения к покорности названное графство. Кроме того, по прибытии на место Беркли должен был вернуть в состав главной армии полк кавалерии и драгун сэра Джеймса Гамильтона, оставленный ранее в Девоншире и успевший своими вольностями нанести серьезный удар репутации короля. Таким образом, послав туда это подкрепление, маркиз

нимало не уменьшил численность собственной армии, но, как показали последующие успехи, весьма способствовал подчинению королю западных графств.

Когда были сделаны эти распоряжения и армия успела отдохнуть в Уэллсе восемь или десять дней, едва ли не все солдаты стали высказывать нетерпеливое желание поскорее сразиться с неприятелем, которого в то время они презирали больше, чем следовало; а потому принц и маркиз двинулись к Фрому, а оттуда — к Бадфорд-он-Эйвону, городу в четырех милях от Бата. И дня не проходило теперь без стычек и боев, притом весьма жарких. К сэру Уильяму Уоллеру прибыл из Лондона свежий полк под начальством Артура Гезлрига — пятьсот всадников в столь устрашающе-грозных доспехах, что противник стал их называть *полком омаров* за сверкающие железные латы, в которые были закованы эти кирасиры. Именно они первыми в этой войне появились на поле боя в подобном снаряжении и сумели показать свою силу кавалеристам короля, которые, вовсе не имея доспехов, не способны были выдержать натиск этих кирасир, надежно защищенных латами от ударов мечей — едва ли не единственного оружия, коим располагал их противник.

До сих пор шли мелкие стычки между отдельными отрядами, с переменным успехом и примерно равными потерями. Так, сэр Уильям Уоллер, выступив из Уэллса, разгромил и рассеял полк кавалерии и драгун сэра Джеймса Гамилтона — но уже через несколько дней королевские войска выбили один из его отрядов с удобных позиций близ Бата, где неприятель потерял две полевые пушки и до сотни людей. Однако сэр Уильям Уоллер занимал более выгодные позиции, ведь вся его армия стояла в городе, отлично обеспеченном провиантом, так что он мог не спешить с битвой до тех пор, пока все преимущества не окажутся на его стороне. И напротив, королевские войска должны были либо рассредоточиться, поставив, таким образом, свои разбросанные квартиры под удар сильнейшего неприятеля, либо, держась вместе в открытом поле, терпеть страшную нужду в провизии, ведь окрестные жители были настроены столь враждебно, что добиться от них съестных припасов или иной помощи можно было только силой. А потому после нескольких попыток навязать противнику бой в равных условиях — от чего он, понимая преимущества своего положения, благоразумно уклонялся — маркиз и принц Мориц двинулись со всей своей армией к Маршфилду (городу в пяти милях от Бата по дороге на Оксфорд), рассчитывая, что противник, главной задачей коего было

не допустить их соединения с королем, оставит теперь свои выгодные позиции. И если бы у принца и маркиза хватило хладнокровия, чтобы осуществить этот замысел, не начиная дело до тех пор, пока неприятель не лишится своих преимуществ, то им, пожалуй, удалось бы дать сражение при самых благоприятных обстоятельствах. Но чрезмерное презрение к врагу и твердая уверенность в том, что они способны одолеть его в любых условиях, вместе с крайними затруднениями из-за нехватки провианта и постоянной убыли в боевых припасах, коих в ежедневных стычках посреди живых изгородей и на аванпостах (ведь неприятель был совсем рядом) уходило столько же, сколько понадобилось бы для настоящей битвы, помешали принцу и маркизу проявить необходимую выдержку; и едва сэр Уильям Уоллер, желая воспрепятствовать соединению их войска с королем, вывел всю свою армию на обращенный в сторону Маршфилда холм Лэнсдаун, как они позволили втянуть себя в бой в самых невыгодных условиях.

5 июля, как только рассвело, сэр Уильям Уоллер занял холм Лэнсдаун, а затем, приказав вырыть вдоль его выступа, прямо над большой дорогой, окопы, укрепить их земляными брустверами и установить пушки, выслал к Маршфилду сильный отряд кавалерии, и тот, мгновенно вызвав тревогу в стане неприятеля, вскоре был отогнан к своим главным силам. Как ни рвались королевские войска поскорее разделаться с врагом, однако, построившись в боевой порядок и обнаружив, что враг прочно укрепился на вершине холма, они решили воздержаться от наступления в столь неравных условиях и начали отходить к прежним своим квартирам. Заметив это, сэр Уильям Уоллер приказал всей своей кавалерии и драгунам спуститься с холма и ударить королевским войскам в тыл и во фланг. Они блестяще это исполнили, а полк кирасир привел в такой ужас атакованную им кавалерию, что та обратилась в беспорядочное бегство. Сами же кирасиры держались с изумительной твердостью, а противостоявших им кавалеристов короля, которые еще никогда не обращали тыл неприятелю, охватил такой страх, что даже пример офицеров (исполнивших свой долг с непоколебимым мужеством) не мог заставить их атаковать врага так же храбро, как делали они это прежде. Тем не менее после того, как сэр Николас Сленнинг с тремя сотнями мушкетеров атаковал и разбил резерв парламентских драгун, принц Мориц и граф Карнарвон, восстановив в конце концов порядок в рядах своих кавалеристов и прикрыв их с флангов корнуольскими мушкетерами, вновь атаковали

неприятельскую кавалерию и полностью ее разгромили, после чего отбросили два других отряда, обратили их в бегство и погнали к холму, где те укрылись за почти неприступными позициями. Вдоль выступа холма были вырыты брустверы и установлены орудия; на склонах по обеим сторонам рос довольно густой лес, в котором засели сильные отряды мушкетеров, а за холмом растянулась широкая равнина, где выстроились резервы кавалерии и пехоты. Но столь неблагоприятные условия вовсе не устроили корнуолльских пехотинцев — напротив, они рвались в бой, громко требуя, чтобы им позволили «пойти и забрать эти пушки». В конце концов, пехоте и кавалерии был отдан приказ атаковать. Два сильных отряда мушкетеров были посланы в лес на флангах, пехотинцы и кавалеристы двинулись вверх по дороге, но затем под натиском неприятельской конницы в беспорядке отступили. Тогда пошли вперед люди сэра Бевила Гренвилла: партия кавалерии — справа, где местность была удобнее для атаки, мушкетеры — слева; сам Гренвилл наступал во главе пикинеров в центре. Несмотря на град ядер и картечи с брустверов, корнуолльцы достигли выступа холма и выдержали две яростные атаки вражеской кавалерии. Но во время третьей атаки, когда его собственные кавалеристы дрогнули и подались назад, сэр Бевил, уже успевший получить несколько ранений, был сражен ударом алебарды в голову, и многие офицеры пали рядом с ним. Однако мушкетеры Гренвилла вели столь беглый и сильный огонь по парламентской кавалерии, что та в конце концов отступила; между тем два фланговых отряда, коим приказано было очистить от врага лес, сделали свое дело, после чего отбросили неприятельскую пехоту и овладели брустверами, проложив таким образом путь на вершину для всей кавалерии, пехоты и артиллерии. Те быстро поднялись наверх и прочно утвердились на захваченных позициях; неприятель же, сохраняя относительный порядок, отошел за каменную стену, находившуюся на одном уровне с новыми позициями корнуолльцев.

Обе стороны были слишком измотаны и ослаблены битвой, чтобы не удовлетвориться нынешним своим положением. Королевская кавалерия понесла такой урон, что из двух тысяч всадников, бывших утром в поле, на вершине холма собралось не более шестисот. Неприятелю также здорово досталось, и он вовсе не желал рисковать, ввязываясь на ровной местности в бой с теми, кто уже выбил его с вершины; так что, обменявшись лишь несколькими выстрелами из орудий, армии простояли в виду друг друга до

наступления ночи. Около двенадцати часов, когда совсем стемнело, неприятель изобразил движение в сторону утраченных накануне позиций, однако, дав сильный залп картечью и получив в ответ такой же, утомился и больше не шумел. Обратив внимание на эту тишину, принц велел одному из своих солдат подкрасться как можно ближе к расположению врага и разведать, что там творится; и тот доложил, что неприятель, оставив в стене зажженные фитили, убрался восвояси. Так оно и было, и уже на рассвете все поле сражения вместе с телами павших и всеми прочими свидетельствами победы оказалось в руках армии короля. Сэр Уильям Уоллер уходил к Бату в таком смятении и беспорядке, что даже бросил изрядное количество оружия и десять бочек пороха. Трофеи эти пришлось весьма кстати противной стороне, которая, израсходовав в деле не менее восьмидесяти бочек, осталась теперь почти без боевых припасов.

В этом сражении офицеров и родовитых джентльменов полегло со стороны короля больше, чем простых солдат; еще больше среди первых оказалось раненых. Но тем несчастьем, которое омрачило бы радость любой победы и заставило бы меньше говорить о прочих жертвах, явилась смерть сэра Бевила Гренвилла, человека воистину замечательного. Его энергия, влияние и репутация заложили фундамент всех последующих успехов в Корнуолле; его хладнокровие и преданность общему благу не могли поколебать никакие удары судьбы; а его пример заставлял других забывать о личных обидах или, во всяком случае, держать их при себе. Одним словом, никогда еще столь блестящая отвага не сочеталась со столь мягким нравом, образуя совершенную гармонию бодрости и добродетели.

Многие офицеры и знатные особы получили ранения: лорду Арунделлу из Уордур несколько пистолетных пуль попали в бедро; сэру Ральфу Гоптону прострелили руку из мушкета; сэр Джордж Воген и многие другие были ранены в голову мечами и алебардами; впрочем, ни для кого из них раны эти не оказались смертельными. Но утром, когда место сражения оказалось в полной власти королевской армии, печальных победителей постиг еще один удар. Объезжая поле битвы в поисках раненых, а также затем, чтобы привести в порядок и подготовить к выступлению свои войска, сэр Ральф Гоптон в сопровождении нескольких офицеров и солдат приблизился к фургону с боеприпасами и тут — вследствие ли измены или по чистой случайности, доподлинно не известно — восемь бочек пороха, в нем находившихся, взорвались. Многие из тех, кто

был рядом, погибли на месте, еще больше оказалось изувеченных, и среди них — сэр Ральф Гоптон и майор Шелдон, получившие тяжелые ранения. Уже на другой день майор Шелдон (хотя поначалу думали, что именно он находится в меньшей опасности) скончался — к великому прискорбию всей армии, горячо любившей его за несгибаемое мужество и добрый нрав. Самого же сэра Ральфа, живого ровно настолько чтобы не причислять его сразу к покойникам, уложили на носилки, и армия, до крайности удрученная этим несчастьем (ведь Гоптон был истинным любимцем солдат), двинулась к Маршфилду, на прежние свои квартиры, где и провела следующий день — главным образом ради сэра Ральфа, который, хотя его состояние не считали безнадежным, не выдержал бы нового перехода. А в это время многие из кавалеристов, обращенных в бегство рано утром, еще до взятия холма, добрались до Оксфорда и, по обычаю всех беглецов, объявили, что все погибло, присовокупив немало историй, каковые, как им воображалось, вполне могли случиться после того, как они покинули поле боя. На другой день пришло достоверное известие от самого маркиза, а с ним — настойчивая просьба о присылке двух свежих кавалерийских полков и партии боеприпасов, после чего графу Кроуфорду приказано было идти на запад с собственным полком кавалерии примерно в пятьсот человек и необходимым количеством амуниции.

После отдыха в Маршфилде, продолжавшегося всего один день — считалось, что сэр Уильям Уоллер все еще стоит в Бате, ожидая новых подкреплений из Бристоля (армия его была скорее ошеломлена и обескуражена невероятной храбростью корнуольской пехоты, нежели всерьез ослаблена собственным уроном, ведь убитыми она потеряла не больше, чем противник) — было решено, что теперь следует идти к Оксфорду на соединение с армией короля, а не ждать на прежнем месте неприятеля, находившегося в такой близости от своих магазинов, и потому войско двинулось к Чиппенему. Но когда сэру Уильяму Уоллеру стало известно об описанном выше взрыве пороха (сильнейшую нехватку коего, как он отлично знал, неприятель испытывал и прежде) и о страшных его последствиях, он вдохнул новую решимость в своих людей, а сам твердо уверовал в то, что теперь у королевских отрядов вовсе не осталось боеприпасов и что потеря сэра Ральфа Гоптона непременно скажется на их боевом духе. Получив подкрепление из Бристоля и еще более значительное — благодаря доброму расположению Уилтшира, Глостершира и Сомерсетшира (ведь к Бату примыкали

как раз самые неисправимо-крамольные части всех трех графств), он выступил из Бата и пошел наперехват маркизу к Чиппенему, от которого Уоллера отделяло такое же расстояние, как и его противника, начавшего движение из Маршфилда.

На следующий день, извествуя о близости неприятеля, принц и маркиз повернули назад, вновь прошли через Чиппенем и построили свою армию в боевой порядок, чтобы встретить врага. Им очень хотелось дать сражение именно в этих местах, где исход дела зависел бы в первую очередь от их пехоты, вне всякого сомнения, великолепной, а не от кавалерии, в лучшем случае измотанной, хотя офицеры кавалерийских частей выказывали завидную решимость и рвались в бой. Однако сэру Уильяму Уоллеру, всегда умевшему точно оценить все преимущества и невыгоды своего положения, позиция эта не пришлась по вкусу, ведь он столько же рассчитывал на свою кавалерию, которая уже успела обрести веру в себя и заслужить недурную репутацию, сколь мало полагался на пехоту, неплохо вооруженную и довольно многочисленную, но не имевшую хороших офицеров и отнюдь не блиставшую мужеством. А потому, простояв всю ночь в боевом порядке, принц и маркиз, видя, что неприятель наступать не намерен, двинулись к Дивайзу. При этом сэр Николас Сленнинг, во главе сильного отряда мушкетеров, столь решительно и умело прикрывал тыл войск короля от настойчивых атак неприятеля, что сэр Уильям Уоллер, отчаявшись их настигнуть, отправил к ним трубача с письмом, в коем маркизу предлагалось самому выбрать поле для решительного сражения в стороне от большой дороги. В этом предложении без труда распознали военную хитрость, единственной целью которой было задержать марш королевской армии; и маркиз, проехав с трубачом три или четыре мили, отослал его обратно с подобающим ответом. Весь этот день арьергарду приходилось вести беспрестанные жаркие схватки, ибо неприятель наседал весьма энергично, но его всякий раз отражали с немалым уроном, пока армия благополучно не достигла Дивайза.

Тут стало ясно, что обстоятельства переменились и что, имея за спиной воспрянувшего духом и выросшего в числе неприятеля, продолжать отход к Оксфорду невозможно. Дело в том, что сэр Уильям Уоллер успел разослать повсюду свои приказы, в коих объявлял о полном разгроме войск маркиза и требовал, чтобы народ везде брался за оружие и ловил разбитых и рассеявшихся по округе вражеских солдат. Столь грозный и самоуверенный тон, рассуждали

обыватели, можно было объяснить лишь совершенным триумфом сэра Уильяма, и потому они толпами стекались к мнимому победителю. Для королевской же пехоты дальнейшее отступление стало теперь немислимым по условиям местности, ибо единственный путь к Оксфорду лежал через тянувшуюся на много миль равнину, где сторона, располагавшая более сильной кавалерией, непременно взяла бы верх.

И тогда на военном совете был предложен и единодушно одобрен такой план: маркиз и принц Мориц этой же ночью во главе всей кавалерии должны прорваться к Оксфорду, а сэр Ральф Гоптон (считалось, что его жизнь теперь вне опасности, и он уже мог слышать и говорить, хотя зрение и способность двигаться к нему еще не вернулись), граф Малборо, начальник артиллерии, лорд Мохен и другие опытные офицеры с пехотой и пушками остаются в Дивайзе, где, как надеялись, они сумеют продержаться несколько дней, пока оба командующих не вернутся с подкреплением из Оксфорда, до которого было не более пятидесяти миль. Замысел этот был осуществлен, и в ту же ночь вся кавалерия благополучно достигла расположения королевских войск, а принц с маркизом наутро прибыли в Оксфорд; сэр же Уильям Уоллер за это время сосредоточил все свои силы вокруг Дивайза. Город не имел иных фортификаций и укреплений, кроме живых изгородей и рвов; вдоль них разместили пехоту и поставили несколько пушек. Многочисленные дороги к Дивайзу быстро забаррикадировали, чтобы преградить путь кавалерии, которой главным образом и опасались. При известии об уходе неприятельской конницы сэр Уильям Уоллер отказался от дальнейшего ее преследования, тотчас стянул все свои войска к Дивайзу и обложил его со всех сторон. Установив на близлежащем холме батарею, он начал беспрестанно осыпать город ядрами; а его кавалерия и пехота, поддержанные артиллерийским огнем, попытались прорваться сразу в нескольких местах, но встретили решительный отпор и были отбиты на всех пунктах. Тогда же сэр Уильям Уоллер, чья разведка всегда доставляла точнейшие сведения, получил сообщение о том, что граф Кроуфорд (действовавший по приказу, отданному при первых известиях о Лэнсдаунском сражении) приближается с партией пороха, и выслал ему наперехват сильный отряд кавалерии и драгун. Еще не зная об изменившихся обстоятельствах и об уходе кавалерии к Оксфорду, граф позволил втянуть себя в бой, из которого едва вышел, потеряв всю амуницию и несколько эскадронов.

После такого успеха сэр Уильям Уоллер уже не сомневался в скорой своей победе. Он тут же отправил в город трубача, дабы объявить осажденным, что им больше неоткуда ждать помощи, что положение их безнадежно, и потребовать капитуляции. Уоллер советовал им покориться Парламенту и даже предлагал себя на роль посредника в переговорах между ними и Палатами. Шаг этот весьма обрадовал защитников Дивайза — не потому, что они рассчитывали добиться приемлемых для себя условий, но как возможность выиграть время и получить хоть какую-то передышку, ибо тяжелейшие обстоятельства, в которых находились теперь осажденные, под силу было выдержать только тем, кто твердо решил исполнить свой долг до конца, чего бы это ни стоило. Когда неприятель подступил к Дивайзу и войскам раздали необходимые боеприпасы, в городе осталось всего сто пятьдесят фунтов запальных фитилей, а потому самым энергичным офицерам поручено было тщательно обыскать каждый дом, изъяв все кроватные сетки, и немедленно отдать их на переплавку и перековку. Благодаря этим срочным мерам уже на следующее утро удалось получить полторы тысячи фунтов фитилей, вполне пригодных для использования в жарких боях. Далее, осажденные должны были удерживать столь значительную территорию, а неприятель на всех пунктах наседал с таким упорством, что вся их армия постоянно находилась в деле, и ни солдаты, ни офицеры не имели ни минуты отдыха. От старших начальников требовалась теперь величайшая энергия, чтобы укрепить дух рядовых солдат, отлично сознававших всю опасность своего положения. А потому они чрезвычайно обрадовались посланию Уоллера и ответили, что вышлют своего офицера для переговоров, если на срок последних стороны заключат перемирие. Неприятель согласился, потребовал лишь, чтобы перемирие вступило в силу немедленно.

Осажденные предложили такие условия, обсуждение которых способно было надолго затянуть переговоры, поддержав мужество и решимость их армии. Сэр Уильям Уоллер, со своей стороны, обещал единственно лишь пощаду всем сдавшимся, благородное обращение с офицерами и дозволение рядовым солдатам разойтись без оружия по домам, если они не пожелают добровольно поступить на службу Парламенту. А поскольку многие из офицеров не приняли бы подобных условий даже в последней крайности, то переговоры были прерваны, как только защитники города добились единственной своей цели — возможности восемь часов поспать и, соответственно, поберечь боеприпасы. Впрочем, сэр Уильям Уоллер

был совершенно уверен, что теперь они в полной его власти, и даже написал Парламенту, что он свое дело сделал и уже следующей почтой даст знать, сколько он взял пленных и какого звания. Уоллер не допускал и мысли, что осажденным могут прислать хоть какие-то подкрепления из Оксфорда, ведь граф Эссекс, коему он сообщил о своих успехах и нынешнем положении, стоял со своей армией в десяти милях от названного города. Король, однако, отлично понимал, как важно теперь предпринять все возможное, дабы любой ценой выручить тех, кто совершил ради него такие чудесные подвиги. А потому, как только в Оксфорд прибыли маркиз и принц с печальным и неожиданным известием о бедственном положении своих соратников, Его Величество — хотя в Оксфорде ждали тогда королеву, и король, заботясь о ее безопасности, предполагал лично встретить супругу в двух дневных переходах от города — услышав их рассказ, решил теперь взять с собой лишь собственную конную гвардию и полк принца Руперта, а всю оставшуюся кавалерию отправил с лордом Уилмотом к Дивайзу. Принц с маркизом добрались до Оксфорда в понедельник утром, а уже ночью лорд Уилмот выступил в указанном направлении и в среду около полудня появился на равнине в двух милях от города (принц Мориц вернулся с ним в качестве волонтера, но командовал отрядом сам Уилмот).

Лорд Уилмот имел всего тысячу пятьсот кавалеристов да две маленькие пушки, выстрелами из которых он дал знать городу о своем прибытии. Перед Дивайзом расстилалась обширная равнина, и потому лорд Уилмот рассчитывал, что когда на ней, оставив свои осадные позиции, появится неприятель, ему самому удастся соединиться с пехотой и таким образом начать бой на равных условиях. Но даже в этом случае весьма важные преимущества остались бы на стороне противника, ведь последний явно превосходил лорда Уилмота в кавалерии, ибо из прорвавшихся ранее из Дивайза кавалеристов лишь немногие (помимо самого принца, графа Карнарвона и еще нескольких офицеров) вернулись обратно — отчасти потому, что остальные были измотаны и рассеялись, отчасти по той причине, что сами командиры сочли нежелательным присутствие большого числа людей, которые, вероятно, еще не успели оправиться от прежней своей паники. Неприятель же, отлично зная о прибытии этого отряда кавалерии и задавшись целью не допустить его соединения с пехотой, отошел на всех пунктах от города и построился в боевой порядок на высоком плато Раунд-эй-Даун, которое войскам короля, находившимся еще в двух милях

от Дивайза, никак нельзя было обойти. Осажденные между тем не могли поверить, что ожидаемая подмога из Оксфорда способна подоспеть так быстро — ни один из гонцов, посланных сообщить о ее приближении, так и не добрался до Дивайза, слишком тесно обложенного неприятелем — и заподозрили, что предупредительные выстрелы с равнины, как и отход врага от города суть хитрые уловки, цель коих — выманить их пехоту с прежних позиций в открытое поле. А потому, уже изготавившись к выступлению, они благоразумно решили дожидаться более надежных доказательств близости своих товарищей и, вскорости таковые получив, твердо уверились в том, что принц рядом и ждет их с нетерпением.

Легко догадаться, с какой бодростью двинулись они вперед. Однако сэр Уильям Уоллер намеренно избрал такую позицию, чтобы воспрепятствовать соединению неприятельских сил, и столь стремительно приближался к лорду Уилмоту, что его светлость больше не мог ждать подхода пехоты из города. А потому он выстроил свои эскадроны, чтобы встретить атаку противника, который, уже развернувшись в боевой порядок, находился от него на расстоянии мушкетного выстрела.

И тут сэр Уильям Уоллер, единственно по легкомыслию, отказался от преимущества, вернуть которое впоследствии он уже не смог. Ибо, блестяще построив свои войска — с сильными отрядами кавалерии на флангах пехоты, крепким резервом и умело расположенными орудиями — сэр Уильям, все еще опасаясь соединения королевской конницы с пехотой из города, трактуя своих противников с тем же презрением, которое уже так часто доставляло им неприятности, и видя, что числом своим они уступают тем, кого (как ему мнилось) он побеждал ранее, — со всей своей кавалерией отделился от пехоты, чтобы атаковать неприятеля. Нанести первый удар Уоллер приказал кирасирам сэра Артура Гезлрига, натиск коего встретил сэр Джон Байрон, в чьем полку сражался как волонтер граф Карнарвон. После яростной схватки, в которой сэр Артур Гезлриг получил множество ран, этот непобедимый прежде полк был наголову разбит и, преследуемый мчавшимися во весь опор кирасирами, обратился в бегство в сторону других частей королевской конницы. Но в это же время лорд Уилмот, атакуя один за другим вражеские эскадроны по мере того, как они перестраивались для нового боя, за какие-то полчаса (столь страшные и внезапные перемены случаются порой на войне) совершенно разгромил и рассеял торжествовавших кавалеристов Парламента, так что вскоре

на обширном пространстве плато не осталось ни единого из них: каждый помышлял теперь лишь о собственном спасении, хотя на крутых склонах Раундуэй-Дауна неприятель подвергал себя большей опасности, чем если бы попытался сдержать натиск Уилмота. Впрочем, для преследователей местность эта была столь же неудобной, как и для удиравших, а потому во время беспорядочного бегства больше народу погибло под крупами собственных лошадей или сорвавшись с обрыва, нежели от вражеского оружия. Между тем парламентская пехота по-прежнему стояла твердо, исполненная, как можно было подумать, решимости доблестно встретить противника; но вскоре лорд Уилмот завладел ее пушками и повернул их против нее, а в это время корнуолльские пехотинцы, только что подоспевшие из города, также приготовились нанести удар. И тогда враги дрогнули; атакованные со всех сторон, они были перебиты или взяты в плен. Спасти удалось весьма немногим: корнуолльцы слишком хорошо помнили недавние свои бедствия и сурово мстили тем, кто хоть сколько-нибудь приложил к ним руку. Сэр же Уильям бежал с горсткой людей в Бристоль и первым принес известие о своем поражении его жителям, которых — а они лишились в этой катастрофе большей части своего гарнизона — при въезде Уоллера в город охватил смертельный ужас.

Этот славный день (ибо воистину это был день великого триумфа) спас дело короля, так что все тучи, его омрачавшие, мгновенно рассеялись, и над всем королевством ярко воссияло солнце победы. Со стороны неприятеля в этом сражении свыше шестисот человек легли на месте и девятьсот попали в плен; потеряны были вся артиллерия (восемь медных пушек), вооружение и боевые припасы, весь обоз с воинским имуществом и весь провиант; сверх того, победители отбили и освободили от двух до трех сотен своих товарищей, захваченных врагом в предшествовавших боях и во время отхода королевской армии. И все это совершил отряд в полторы тысячи кавалеристов при двух полевых пушках, коему противостояла целая армия в две тысячи человек кавалерии, пятьсот драгун и почти три тысячи пехоты с весьма сильной артиллерией — ведь битва по сути была выиграна еще до подхода корнуолльцев, и сохранявшую строй неприятельскую пехоту не атаковали до времени единственно из учтивости и из уважения к этим последним, дабы они смогли воспрянуть духом, получив собственную долю в общем торжестве. Свое спасение и победу при Раундуэе корнуолльцы имели веские причины полагать успехом более чудесным

и изумительным, чем дело при Страттоне; правда, Страттонскую победу можно было счесть матерью Раундуэйской и к тому же урон королевской армии на сей раз оказался меньшим, так как убитых было совсем немного, а из людей именитых только один — Дадли Смит, честный и доблестный молодой джентльмен, который всегда сражался волонтером в полку лорда Уилмота и в каждом жарком деле первым устремлялся навстречу опасности.

Помимо непосредственных плодов победы король получил еще одно важное преимущество, ибо после Раундуэя усилились раздоры между вождями парламентской армии. Дело в том, что сэр Уильям Уоллер вообразил, будто граф Эссекс, из зависти к великим его подвигам, грозившим затмить славу самого графа, попросту предал его и принес в жертву врагу. Он громко возмущался тем, что, находясь со всей своей армией в десяти милях от Оксфорда, граф позволил всем стоявшим в этом городе войскам совершить 50-мильный марш и разбить его, сэра Уильяма; а сам не потрудился даже выслать им вдогонку небольшой отряд или как-то потревожить Оксфорд, что, вероятно, заставило бы неприятеля повернуть назад. Со своей стороны, гордый граф, не допускавший и мысли, что Уоллера можно считать равным ему соперником, обличал сэра Уильяма в нерадивости и в недостойном солдата малодушии, так как он позволил разбить себя жалкой горстке неприятелей, а сам, не приняв участия лично ни в одной кавалерийской атаке, позорно бросил свою пехоту и артиллерию. На ком бы ни лежала действительная вина, Эссекс и Уоллер друг друга не простили, а из возникшей отсюда глубокой неприязни король впоследствии извлек немало выгод, о чем будет сказано в надлежащем месте.

Глава X

(1643)

« Эта благословенная победа была одержана в тот самый день и час, когда король встретил королеву (близ Кайнтонa, на поле Эджхиллского сражения), и весть о ней Их Величества получили еще до прибытия в Оксфорд. Легко понять, как все воодушевились, хотя для иных радость победы несколько омрачило то обстоятельство, что одержал ее Уилмот — человек, которого презирал принц Руперт, недолголюбивал король, зато носили на руках товарищи по оружию. Поражение Уоллера, успевшего хвастливо сообщить о разгроме армии маркиза и даже отдать приказ мировым судьям и констеблям хватать беглецов, оказалось для Палат совершенно неожиданным и привело их в смятение, а потому они не смогли как следует позаботиться о наборе солдат в армию Эссекса; сам же граф, раздраженный невниманием Парламента к нуждам своего войска, все внимательнее прислушивался к графам Нортумберленду и Голланду, сторонникам мира с королем.

Армия короля пополнилась отрядом, который привела с собой королева — двумя тысячами кавалеристов, тысячей пехотинцев, шестью пушками и двумя мортирами, вместе с сотней повозок с боевыми припасами. Граф же Эссекс, стоявший в бездействии близ Тейма и Эйлсбери (самой крупной стычкой за это время стал бой [под Падбури, близ Бекингема] между пятьюстами парламентскими кавалеристами и драгунами под началом шотландца полковника Миддлтона и кавалерийским полком сэра Чарльза Лукаса, в котором последний взял верх), оставил всякие мысли о сражении с королем и отошел со своей расстроенной и павшей духом армией к Аксбриджу. Народ же, чьи речи становились все вольнее, жестоко упрекал Эссекса за то, что, находясь в такой близости от Оксфорда, он не помешал королеве соединиться с королем, а лорду Уилмоту — выступить против сэра Уильяма Уоллера. »

Между тем лорд Уилмот возвратился в Оксфорд к Его Величеству, а корнуольская армия — хотя и значительно возросшая в числе благодаря соединению с принцем и маркизом, она по-прежнему с полным правом сохраняла это название — повернула на запад и заняла Бат, оставленный неприятелем после разгрома Уоллера (выведенный из него гарнизон был отправлен в подкрепление Бристолю). В Бате она отдыхала и восстанавливала силы, ожидая

новых приказов от короля, который, получив необходимые сведения и советы и приняв в соображение собственные обстоятельства и плачевное положение врага, решил атаковать город Бристоль, чего сильнее других желал принц Руперт, раздосадованный неудачей прежней своей попытки. Многие в Бристоле с самого начала сочувствовали королю, а после казни двух именитых граждан, таких людей стало еще больше. Новый замысел казался разумным еще и по той причине, что бристольский комендант Натаниэль Финнз, по общему мнению, не блистал мужеством. Поэтому маркиз и принц Мориц вернулись в Бат, так как было условлено, что со всем своим войском они выйдут к Бристолю со стороны Сомерсетшира в тот самый день, когда принц Руперт с отрядами из Оксфорда подступит к нему со стороны Глостершира.

24 июля обе армии осадили Бристоль, расположив свою кавалерию таким образом, чтобы никто уже не мог ни выбраться из города, ни проникнуть в него, не рискуя быть пойманным; и в тот же день с помощью заранее предупрежденных матросов удалось захватить все стоявшие на рейде суда. Находились на них не только значительные ценности — столовое серебро, деньги, всякого рода дорогие вещи, отправленные на корабли теми, кто ожидал худшего — но и многие именитые особы, которые, не желая подвергать себя опасностям осады, задумали подобным манером спастись и добраться до Лондона. Все они были взяты в плен. На другой день, когда принц Руперт явился к своему брату и маркизу, был созван военный совет с участием всех старших офицеров обеих армий: надлежало определить, каким образом следует им теперь действовать — идти на штурм или вести апроши.

В Бристоле находились две с половиной тысячи человек пехоты, а также полк кавалерии и драгун. Строительство укреплений вокруг города было закончено, однако ров имел в разных местах неодинаковую ширину и глубину. Городской замок, приведенный в исправность и обеспеченный изрядным запасом провианта, мог выдержать долгую осаду. Мнения на совете разделились. Корнуолльские офицеры полагали, что всего разумнее действовать посредством апрошей, которые, поскольку местность весьма тому благоприятствовала, можно было бы отрыть довольно быстро. Неприятельская армия, рассуждали они, прийти на выручку Бристолю не способна, а значит, самая осторожная тактика и будет самой надежной, тогда как при штурме столь сильных фортификаций они непременно потеряют множество людей, а если приступ будет отбит, то все их

летние надежды развеются в прах, ибо восстановить дух армии для новой попытки окажется не так уж просто. Вдобавок, уверяли корнуолльцы, благонамеренная партия в самом Бристоле (как считалось, весьма многочисленная) сумеет с большим успехом повлиять на гарнизон и склонить его к капитуляции после трех-четырех дней осады, чем при штурме, когда сторонникам короля, как и прочим обывателям, придется страдать от солдатских бесчинств и грабежей, а слишком памятный пример казни двух граждан удержит их от попытки поднять в городе восстание.

С другой стороны, принц Руперт и все офицеры его армии настойчиво требовали штурма, доказывая, что дело это совсем не трудное, что их солдаты пригоднее для решительного приступа, нежели для долгой утомительной осады, и что последняя ослабит армию больше, чем первый. Они твердили, что Бристоль, еще не оправившийся от паники, вызванной разгромом сэра Уильяма Уоллера, и до сих пор охваченный великим страхом, не окажет сколько-нибудь серьезного сопротивления; что опытных солдат в городе нет и что сам комендант смертельно боится штурма и едва ли его выдержит. И напротив, если они дадут осажденным время оценить собственное положение и как следует приглядеться к королевской армии из-за городских стен, то у неприятеля прибавится твердости и решимости, отвага восполнит недостаток воинского искусства, а обилие всякого рода припасов сделает врага упрямым и несговорчивым, тогда как осаждающие придут в уныние и утратят прежнюю бодрость и энергию. Эти доводы вместе с настойчивостью принца и намеками на то, что ему известно больше, чем он может теперь сказать (как если бы в городе замышлялось устроить нечто такое, о чем не следовало говорить до времени), а также благородное презрение к опасности возымели действие, и военный совет единодушно решил уже на рассвете следующего дня штурмовать город — в трех пунктах со стороны Сомерсетшира и в трех пунктах со стороны Глостершира. По правде говоря, оба мнения сами по себе, если не входить в подробности, были одинаково разумными. Ибо со стороны Глостершира, где стоял принц Руперт, успешный штурм казался вполне возможным, поскольку ров там был довольно мелким, а стена во многих местах — низкой и ветхой; зато подступить к ним по неровной каменистой местности, над которой к тому же господствовали высокие мощные редуты, было совсем не просто. С противоположной стороны подойти к вражеским позициям было бы так же легко, как неудобно и рискованно их штурмовать,

ведь перед стенами здесь лежала плоская равнина, ров же был широким и глубоким, а городские укрепления по всей линии — более сильными.

На следующее утро, не располагая ничем необходимым для подобного предприятия, кроме мужества атакующих, обе армии пошли на приступ. Наступавшие с западной стороны корнуолльцы начали штурм укреплений одновременно в трех местах. Первый отряд вел сэр Николас Сленнинг, которому помогали полковник Джон Тревеньон, подполковник Слингсби и еще три офицера — такое обилие командиров, руководивших всего лишь пятью сотнями солдат, можно было объяснить только безграничным презрением к опасности и жадной славой. Справа наступал отряд полковника Бака, при котором находились полковник Уэгстафф, полковник Бернард Астли (командовавший полком маркиза Гертфорда) и еще несколько офицеров. Третий же отряд, действовавший слева от первого, возглавлял сэр Томас Баффет, генерал-майор корнуолльцев. Эти три отряда обрушились на врага с такой яростной отвагой, что остановить их могла только смерть. Средний отряд проник в ров и почти забросал его фашинами, так что иные уже взобрались на стену; однако осажденные, занимавшие несравненно более выгодные позиции, упорно защищались, и атакующие были отбиты со страшным уроном: рядовые солдаты, когда их старшие офицеры погибли или получили тяжкие ранения, сочли дальнейшие попытки бессмысленными.

Там, где действовал принц Руперт, штурм велся с такой же отвагой и почти с такими же потерями, но с большим успехом, ибо хотя отряд лорда Грандисона был отброшен, а сам лорд ранен, а другой отряд, под начальством полковника Белласиса, постигла та же судьба, однако полковник Вашингтон, обнаружив слабый участок в куртине, ворвался в брешь и быстро освободил пространство для кавалерии. Неприятель же, заметив, что его укрепленная линия в одном месте прорвана, то ли из страха, то ли по приказу офицеров сразу оставил позиции, так что принц со своей пехотой и кавалерией проник в предместье, после чего потребовал тысячу корнуолльских пехотинцев, которые были тут же высланы ему в подкрепление и подошли к Фрумгейтским воротам, потеряв при этом множество солдат и отличных офицеров вследствие жестокого огня из окон и со стен. Все пали духом, видя, как мало удалось достигнуть ценой таких больших потерь, ибо теперь королевским войскам предстояла задача еще более трудная — прорыв в самый

город, кавалерия же в этом деле ничем не могла помочь. Но тут, к несказанной радости генералов и солдат, гарнизон дал сигнал о желании вступить в переговоры. Принц на это охотно согласился и, получив от неприятеля заложников, послал к коменданту полковника Джерарда и еще одного офицера для обсуждения условий. Переговоры начались около двух часов пополудни, а уже к десяти часам вечера статьи капитуляции были согласованы и подписаны обеими сторонами. < Содержание их сводилось к следующему:

Комендант Натаниэль Финнз и все офицеры выходят из города в девять часов утра со всем своим оружием и личным имуществом, рядовые пехотинцы — без оружия, кавалеристы — с лошадьми и холодным оружием, после чего они направляются к Уормистеру, а королевские войска не тревожат их на марше в продолжение трех дней; для эвакуации больных и раненых предоставляются повозки; войска короля занимают город лишь по оставлении его гарнизоном; пленные, находящиеся в городе, а также капитан Эйерс и капитан Кокейн, взятые под Дивайзом, подлежат освобождению; сэр Джон Хорнер, сэр Джон Сеймур, м-р Эдуард Стивенс и все прочие рыцари, джентльмены и граждане, пребывающие ныне в Бристоле, могут покинуть город с семьями и имуществом; личности и собственности жителей Бристоля гарантируется неприкосновенность; хартии и вольности Бристоля, а также городское управление остаются прежними; покидающие Бристоль войска оставляют всю артиллерию и амунисию. >

На следующее утро, если не раньше (ведь, по правде говоря, после открытия переговоров осажденные уже не выставляли караулов и напрочь забыли о всякой дисциплине — их солдаты перебежали к принцу, а многие из солдат Руперта свободно входили в город), его высочество занял Бристоль, а враг удалился из него. Тут победители вспомнили дурной пример Ридинга и, к несчастью, сами ему последовали, нарушив условия договора, ведь под Бристолем оказался тогда весь прежний ридингский гарнизон, так что ридигнцы под предлогом «законного возмездия», а прочие — по их примеру подвергли грубым насилиям неприятельских солдат, коим обещан был свободный выход из города. Бесчинства эти весьма скверно отразились на репутации принца, хотя сам он употребил всю свою власть, чтобы их остановить. < Часть вины за случившееся Руперт возложил на самого Финнза, ибо гарнизон вышел из города прежде установленного сторонами часа и через другие ворота. Пострадали и обыватели: солдаты Финнза, перешедшие на сторону короля, указали своим новым товарищам на самых злонамеренных горожан, отчего все

дома на Предмостной улице были разграблены (как многие сочли, хотя и несправедливо, с молчаливого согласия офицеров принца). >

Взятие Бристоля явилось вершиной успехов короля. Оно отдало в его руки второй город в королевстве, обеспечило ему безраздельное господство в одном из богатейших графств Англии (ибо мятежники не имели теперь постоянных гарнизонов или сколько-нибудь заметного влияния в какой-либо части Сомерсетшира); вдобавок Уэльс (если не считать нескольких городов в Пемброкшире, и прежде верный королю), избавившись от страха перед Бристолем, а значит, и от расходов, с которыми всегда бывают сопряжены подобные страхи, и, возобновив торговлю с Бристолем, столь важную для тех краев, мог отныне принести гораздо больше пользы делу Его Величества. И, однако, король вправе был повторить слова, сказанные некогда царем Пирром: *«Еще одна победа такой ценой — и мы погибли»*. Ведь Его Величество понес под этим городом воистину громадный урон, восполнить который было чрезвычайно трудно. Мне достоверно известно, что в ходе штурма погибло около пятисот солдат — а все это были прекрасные, закаленные в боях пехотинцы — и множество отличных офицеров, в том числе немало старших начальников и весьма знатных особ.

< У корнуолльцев погибли, кроме немалого числа младших офицеров, майор Кендалл, полковник Бак (командир скромный, опытный и отважный) и, наконец, два человека, бывшие душой Корнуолльского полка — сэр Николас Сленнинг и полковник Джон Тревеньон. Члены Палаты общин, они ясно распознали порочные замыслы вождей Парламента и, повинувшись голосу совести, первыми присоединились к сэру Ральфу Гоптону, поставив на службу делу Его Величества свое обширное состояние и блестящую репутацию в родном графстве. Сэр Николас Сленнинг, молодой человек, отличавшийся остротой ума, зрелостью суждения и любезностью обхождения, был близким другом Тревеньона; оба были ранены выстрелами из мушкета в один и тот же момент и в одном и том же месте; первый умер сразу же, второй — несколько дней спустя, и смерть их вызвала глубокую скорбь в душе государя.

С северной стороны, где атаковал принц, также пали многие отличные офицеры — упомяну прежде всего полковника Гарри Лансфорда, командира хладнокровного, решительного и мужественного, и подполковника Мойла. Ранения получили виконт Грандисон (племянник великого герцога Бекингема), полковник (впоследствии лорд) Белласис, полковник Бернард Астли, полковник Джон Оуэн; но умер от ран только Грандисон. Это был молодой человек изумительной добродетельности,

честности и набожности; ни двор, ни лагерь не знали особы столь же безупречной, и жизнь его должна служить примером для юношества. Он обладал столь выдающимся личным мужеством, что иные даже ставили ему в упрек чрезмерную готовность рисковать собой, а его преданность королю вполне подобала отпрыску знаменитой фамилии. По словам самого Грандисона, даже если бы он не имел яснейшего представления о правоте дела короля, то из одного чувства благодарности отдал бы жизнь за государя, полагая эту жертву своим безусловным долгом. >

Как только к королю в Оксфорд пришло известие о взятии Бристоля, Его Величество, после благодарственного молебна Господу за победу, который велено было немедленно и торжественно отслужить, созвал свой Тайный совет: надлежало определить, как можно использовать этот замечательный военный успех для скорейшего заключения доброго мира, с тем чтобы Бристоль стал последним городом, за который пришлось платить кровавую цену. Было ясно, что недавняя победа откроет самые прекрасные и блестящие виды перед королем — в такой же мере, в какой послужит мрачным и зловещим предзнаменованием для Парламента. Там в это время усиливались прежние раздоры и страхи и лихорадочно предлагались новые спасительные средства — по мнению многих, худшие, чем сама болезнь.

Наконец, получив около этого же времени известие о поражении лорда Ферфакса на севере [Атертон Мур, 30 июня], Парламент постановил срочно отправить комитет обеих Палат в Шотландию, дабы настоятельно просить тамошних своих братьев немедленно выступить с армией ему на помощь. < Многие сочли это отчаянным шагом, и когда Верхняя палата назначила членами посольства графа Ретленда и лорда Грея из Уарка, то первый из них уклонился, сославшись на нездоровье, а второй отказался столь решительно, что даже угодил за это в Тауэр. В конце концов, в Шотландию отрядили одних лишь коммунеров, в том числе сэра Уильяма Армина и сэра Генри Вена-младшего, а также двух влиятельных проповедников, м-ра Маршала и м-ра Ноя. Впрочем, сами Палаты чувствовали глубокую неудовлетворенность — ведь им пришлось звать на помощь чужеземные войска, иначе говоря, прибегнуть к тому самому средству, в использовании которого они так долго и несправедливо обвиняли короля; все, исключая самых отчаянных, желали мира, и сам граф Эссекс, в письме к спикеру Палаты общин о нуждах своей армии, настойчиво советовал Парламенту направить Его Величеству разумные мирные предложения. К тому же граф по-прежнему поддерживал тесные сношения с лордами — сторонниками

примирения с королем, а в своих посланиях к Палатам требовал, и весь-
ма сердито, очистить его от клеветнических обвинений в бездействии
после взятия Ридинга, как бы намекая, что если этого не сделает Парла-
мент, то он сам найдет способ восстановить свою честь.

Все это внушало Палатам самые мрачные предчувствия; король
же и члены его Тайного совета размышляли о том, как использовать
подобные настроения в интересах мира. Прямые переговоры стали
невозможными после недавней парламентской прокламации, которая
повелевала судить как лазутчика всякого, кто, не имея особого дозво-
ления от Палат, явится к ним с посланием от короля (таким образом,
Палаты, все еще именуя себя Великим советом короля, по существу
прерывали всякое общение с Его Величеством). Некоторые из со-
ветников Его Величества полагали, что королю следует распустить
Парламент, поскольку заседающие в Палатах особы совершили мно-
жество изменнических деяний и тем самым утратили право называть-
ся Парламентом. Но большинство сочло такую меру несправедливой,
ведь измена тех, кто остался в Лондоне, сама по себе не могла лишить
законных прав лордов и коммонеров, покинувших столицу; к тому же
объявление Парламента распущенным вопреки утвержденному ранее
королем парламентскому акту могло бы произвести неблагоприятное
впечатление в стране и обернуться для Его Величества самыми дур-
ными последствиями.

В конце концов, все пришли к единодушному мнению, что Его Ве-
личеству следует провозгласить все решения и постановления Палат
не имеющими законной силы, поскольку члены Парламенты не могли
принимать их свободно. Затем была опубликована «Декларация Его
Величества ко всем его любящим подданным после побед войск Его
Величества над лордом Ферфаксом на севере, сэром Уильямом Уолле-
ром на западе и взятия Бристоля», в которой говорилось, что, «поскольку
страдания и утраты частных лиц, вызванные нынешней кровавой смутой,
не могут сравниться с нашим ущербом — ведь каждая победа любой из
сторон покупается кровью наших подданных — то и мира мы жаждем
сильнее, чем кто-либо другой. Всякому известно, сколь искренне и усер-
дно пытались мы укрепить религию, законы и свободу королевства, од-
нако усилия наши были сведены на нет изменой и мятежом тех, кто, не
чувствуя в своей душе ни благоговения перед Богом, ни любви к людям,
принесли то и другое в жертву собственному властолюбию, после чего
мы были вынуждены, с великой неохотой и сердечным сокрушением,
взяться за оружие и защищать самих себя. Но мы надеемся, что великие
чудеса, явленные Господом при защите своего и нашего справедливого

дела, откроют наконец глаза нашему народу, и он уразумеет, что был обманут злыми и коварными людьми, которые и подтолкнули его к мятежу против нас.

Мы хорошо помним торжественное обещание защищать протестантскую религию, привилегии Парламента и законы страны, данное нами в прошлом сентябре, перед строем нашей, тогда еще немногочисленной армии — и будет в высшей степени уместно повторить эту клятву ныне, когда Бог благословил нас столькими победами (доказавшими лживость клеветнических утверждений, будто прежние наши мирные предложения проистекали из нашей слабости, а не из любви к нашему народу), и когда нашим подданным во многих графствах стало легче получать правдивые известия о нашем положении.

А потому, перед лицом Всемогущего Господа, который «покрыл нашу голову в день брани» > [Пс. 146:7/139:8] < и пред которым нам предстоит держать ответ за все наши слова и дела, мы еще раз заявляем всему миру, что мы далеки от мысли вносить какие-либо искажения в установленную в церкви Англии религию (как это пытаются коварно внушить народу) и твердо намерены защищать свободу и собственность подданных и соблюдать те законы, которые делали наш народ счастливым, пока их не растоптал нынешний мятеж. И если религия, закон и свобода так же дороги нашему народу, то пусть он соединится с нами в общем деле их защиты и восстановит мир, единственно благодаря которому они могут процветать, а люди — пользоваться их благами.

О том же, способны ли укрепить религию заклятые враги существующего церковного строя, изгоняющие ученых и правоверных служителей церкви и заменяющие их невежественными, мятежными и еретическими проповедниками, которые поносят Книгу общих молитв и оскверняют богослужение непристойными действиями; о том, могут ли защищать свободу и собственность подданных те, кто дерзко и незаконно бросает их в тюрьмы, подвергает мучениям и лишает жизни; о том, могут ли отстаивать привилегии Парламента те, кто посягает на наши доходы и права, отказывает нам в праве вето, запугивает членов Палат, кто по сути уже распустил настоящий Парламент, изгнав или заточив многих его членов и, вопреки законам и обычаям, отдал всю парламентскую власть в руки комитета из нескольких лиц, — обо всем этом может судить каждый.

А посему мы еще раз заклиная наших добрых подданных — заклиная памятью мира и счастья, коими вознаграждал их Господь за верность в прежние времена, а также присягой на верность, отменить которую не способен никакой выдуманный ими самими

ковенант, — вспомнить свой долг, подумать о своих интересах и более не позволять злым и хитрым самозванцам бесчестить государя и разорять страну, дабы не обречь себя на худший вид рабства — рабство у таких же, как они, подданных.

Так пусть же наш добрый народ, который был введен в заблуждение, либо, по недостатку мужества или ума, уступил перед беззаконием и вероломством, не слушает этих самозванцев, твердящих ему, будто избежать ответственности за уже совершенное им зло он может теперь лишь решительным и дерзким неповиновением монарху. Мстительность и кровожадность нам чужды, в чем мог убедиться каждый, кто оставил прежние дурные пути и вернулся к нам; равным образом, всякий, кто искупит прежние свои прегрешения верной службой, будет иметь веские причины восхвалять наше милосердие. Наконец, мы призываем всех наших верных подданных, по-настоящему желающих нам добра, оказывать нам помощь людьми, деньгами, серебром, лошадьми и оружием и прилагать все усилия, дабы положить конец всем этим бедствиям и восстановить прочный мир, без скорейшего обретения которого бедному нашему королевству грозит полная гибель». >

Какое действие произвела эта декларация по крайней мере какие события произошли после ее обнародования, мы будем иметь случай вскоре рассказать, но прежде мы упомянем ряд печальных обстоятельств, коими сопровождались описанные выше успехи короля. Ибо радость последней его победы до известной степени омрачалась не только числом и званием погибших, но и соперничеством и несогласиями тех, кто остался в живых. Между принцами и маркизом с самого начала не существовало единства мнений и помыслов, столь необходимого для всех честных людей, начинающих трудную борьбу, успех коей может быть обеспечен лишь полным единодушием предводителей. Принца Морица и поддерживавшего его принца Руперта весьма раздражало то обстоятельство, что племянник короля служит генерал-лейтенантом под начальством маркиза, который не имел опыта в военном деле и даже теперь не слишком усердно изучал ремесло полководца; с другой стороны, маркизу, чрезвычайно учтивому с людьми мягкими и обходительными, но резкому и суровому — с надменными, не нравилось, когда принц присваивал себе больше полномочий, чем это подобало генерал-лейтенанту, а порой дерзко шел наперекор его мерам, относившимся к управлению и устройству дел гражданских, в которых маркиз не без основания полагал себя более сведущим. В свое время маркиз принял на себя главное командование под

Бристо́лем — город этот был прямо назван в тексте его полномочий, и к тому же он являлся лорд-лейтенантом графства; когда же город был взят, принц Руперт не только вступил в переговоры с неприятелем, не спросившись его совета, но и подписал условия капитуляции, даже не упомянув в них имени Гертфорда, как будто не замечая его присутствия. Маркиз посчитал, что с ним обошлись без должного уважения, а потому, действуя столь же бесцеремонно по отношению к Его Высочеству и даже не уведомив о своем решении кого-либо из принцев, объявил, что поставит комендантом города сэра Ральфа Гоптона. Принц Руперт, однако, полагал, что Бристо́ль взят его усилиями, так как войска ворвались в город с той стороны, где командовал он и никто другой, а стало быть, именно ему и принадлежит теперь исключительное право назначать здесь гражданских и военных начальников. Но, узнав о решении маркиза, касавшемся сэра Ральфа Гоптона, который явно превосходил своими достоинствами и заслугами всех других лиц, принц отказался от мысли отдать спорную должность кому-либо из претендентов и через того самого гонца, который доставил Его Величеству известие о победе, потребовал, чтобы управление городом, им, принцем, захваченным, ему же и было поручено, на что король охотно согласился, совершенно не подозревая о споре принца с маркизом. Вскоре, однако, прибыл гонец от самого маркиза, который изложил все подробности дела и сообщил, что комендантом только что взятого города Гертфорд хочет назначить сэра Ральфа Гоптона.

Только теперь король понял, в сколь затруднительном положении он оказался, и ему пришлось изрядно поломать голову, чтобы найти способ уладить уже готовую вспыхнуть ссору. Он уже дал слово племяннику, к которому относился с нежной заботой и чье право ведать назначением на должности действительно считал вполне законным. Но он также глубоко уважал маркиза, который служил ему с безупречной верностью и решительно стал на его сторону еще тогда, когда иной выбор нанес бы Его Величеству громадный ущерб; и невозможно было отрицать, что ни один из подданных своей преданностью и рвением не способствовал успехам короля больше, чем маркиз. При таких обстоятельствах дело сэра Ральфа приобретало особую важность, и отказ маркизу в назначении бристо́льским комендантом этого человека — который снискал громадное уважение короля, пользовался любовью и популярностью в Бристо́ле и прилегающем графстве, который совершил великие дела ради Его Величества и пострадал на службе — противоречил

бы как доброму и любезному характеру короля, так и его интересам. А сколь различные толкования получит любое его решение, король мог понять уже тогда — из мнений и пристрастий своих советников и придворных, которые, обсуждая этот вопрос, высказывали свои мысли с большей, чем обыкновенно, горячностью. Маркиз был предметом всеобщей любви; там же, где его знали недостаточно хорошо, чтобы любить, авторитет и репутацию маркиза, признанные всем королевством, полагали могущественным подспорьем делу короля. К тому же очень многие не на шутку встревожились, видя, что принц Руперт, чьи мужество и энергия, по их мнению, приносили великую пользу на войне, намерен взять в свои руки управление вторым городом в королевстве и посвятить себя делам гражданской администрации в такой мере, в какой этого потребовало бы добросовестное исполнение подобных обязанностей, и при этом бросает вызов знатнейшим лицам в королевстве, с которыми он и так обходится не слишком любезно. Было бы хорошо, считали эти люди, если бы король добрыми советами и наставлениями смягчил нрав принца и убедил его прекратить спор и согласиться с выбором маркиза.

Другие же полагали, что право назначать на подобные должности по собственному усмотрению принадлежит принцу; что король, уже сообщив о своем согласии с просьбой принца, не может ему теперь отказать, а коль скоро принц добивается этого поста для себя, а не для кого-то другого, то сэр Ральф Гоптон не должен чувствовать обиды; что хотя Его Высочество будет служить королю с прежним рвением, даже натолкнувшись на отказ, однако последний ослабит его авторитет в армии, что непременно обернется ущербом для дела Его Величества. В конце концов король решил лично отправиться в Бристоль, что на месте сделать окончательный выбор. >

Король задумал удовлетворить обоих: племянника — номинальной властью, а маркиза, уважить коего ему очень хотелось, — предоставив действительную власть сэру Ральфу Гоптону. Ибо хотя король отлично знал его характер — а вообразить, что какие-либо личные цели и виды способны удержать маркиза от служения общему делу, было невозможно — однако другие люди способны были усмотреть в выборе короля знак неуважения к Гертфорду, и Его Величеству надлежало не только сохранить в душе чувство глубокой благодарности за оказанные им услуги, но и ясно засвидетельствовать свою признательность перед всеми. А потому после радостной церемонии въезда в Бристоль, совершенной со всей

подобавшей торжественностью, а также чрезвычайно любезной и сердечной беседы с маркизом, король, уже в разговоре с глазу на глаз, попросил не возражать против выполнения им обещания, данного принцу еще тогда, когда он ничего не знал о соответствующих намерениях маркиза — о других же основаниях, имевшихся у принца для того, чтобы притязать на право распоряжаться должностью бристольского коменданта, Его Величество не упомянул. В итоге король назначил комендантом Бристоля принца Руперта, а тот немедленно послал сэру Ральфу Гоптону (уже достаточно оправившемуся от ран, чтобы выходить из дома) патент на должность своего заместителя. Принц также дал ему понять через доверенного человека, что хотя ему, Руперту, придется на некоторый (впрочем, весьма недолгий) срок сохранить за собой более высокий пост, он не станет ни в малейшей степени вмешиваться в управление городом, так что сэр Ральф Гоптон сможет осуществлять его по своей воле, как если бы полномочия коменданта король предоставил именно ему.

Сэр Ральф Гоптон, огорченный тем, что невольно дал повод к разногласиям и недоразумениям среди столь влиятельных особ, быстро понял, что избранное королем средство, лишь по видимости успокоив страсти, в действительности восстановило против него, Гоптона, одну из сторон. Ведь маркизу (скорее уступившему уговорам короля, нежели убежденному в его правоте) легко могли внушить, что Гоптону не следовало принимать должность от принца Руперта, ибо, делая это, он как бы соучаствовал в обиде, нанесенной маркизу. Это тревожило сэра Ральфа еще и потому, что иные могли прийти к мысли, будто, соглашаясь с решением Руперта, он мстил маркизу за то, что в прошлом году тот не остался с ним в Корнуолле, но отправился в Уэльс, а ныне поставил во главе Корнуолльской армии новых командиров, подчинив им офицеров, эту армию создавших. Между тем первое произошло по совету и с согласия самого Гоптона, что же до последнего, то здесь почин исходил не от маркиза, но от принца Морица. Вдобавок, сэр Ральф питал особое почтение к богемской королеве и ее детям, сражался за них в Германии и был ревностным сторонником возвращения им Пфальца. В конце концов Гоптон решил, что человек, семейству которого он верно служит, вправе сам определять место и род его службы, и принял пост бристольского коменданта, после чего вызванные этой историей толки на время затихли. >

Король между тем пришел к мысли, что уже давно пора решить, в каком предприятии следует теперь использовать армии, и что

их затянувшееся бездействие (ведь описанные выше заботы не позволяли продолжить главное дело в течение десяти-двенадцати дней — злосчастная трата времени, в летнюю пору бесценного!) скорее ослабило их, нежели укрепило. Дело в том, что при штурме города было потеряно меньше людей, чем при последующем его грабеже: солдаты, порядком натрудившие свои плечи, перетаскивая награбленное добро, никогда не спешат вернуться в строй, чтобы вновь носить оружие.

Надлежало ответить на два вопроса. Во-первых, нужно ли соединить обе армии, чтобы в следующем предприятии они действовали сообща? И, во-вторых, каким должно быть это предприятие? Против первого решения выдвигались следующие доводы:

1. Положение на западе. Дорсетшир и Девоншир находятся в полной власти врага, и хотя сэр Джон Беркли и полковник Джон Дигби пока еще срывают попытки неприятельских отрядов в Эксетере и северном Девоншире соединиться с гарнизоном Плимута и таким образом создать армию, достаточно сильную для вторжения в Корнуолл, однако в случае какой-либо неудачи им обоим некуда будет отступить, ибо все западные порты заняты парламентскими гарнизонами — между тем королевская армия могла бы теперь овладеть ими без большого труда.

2. Корнуолльцы, понесшие немалые потери при Лэнсдауне и при штурме Бристоля, а впоследствии ослабленные дезертирством, мечтают поскорее вернуться домой (что, как они твердят, было им обещано) и устранить угрозу своему графству со стороны Плимута. Убежденные в том, что их доблесть не оценена по достоинству (хотя Его Величество всячески выказывает им свою признательность за мужество и верность), они ропщут и категорически отказываются соединяться с главной армией для совместных действий. Вдобавок гибель лучших офицеров, крепко державших солдат в узде, и неспособность короля платить корнуолльцам достаточное жалованье, привели к тому, что их дисциплина, прежде безупречная, с некоторых пор расшаталась. В общем, было бы разумнее не принуждать Корнуолльскую армию к походу на восток, где она быстро растает, но отправить на запад, где она пополнится земляками и сможет принести гораздо больше пользы королю.

3. Кавалерия короля достаточно многочисленна, и часть ее можно послать на запад.

4. Если король отправит сильный отряд на запад, то к нему присоединятся именитые девонширские джентльмены, после чего, как они надеются, можно будет легко овладеть портовыми городами. >

Существовала еще одна причина, прямо не упоминавшаяся — после слияния обеих армий принц Мориц стал бы обычным полковником — но и других доводов оказалось достаточно, чтобы убедить короля сохранить две отдельные армии, и потому он приказал графу Карнарвону выступить с кавалерией и драгунами к Дорчестеру (главному городу графства и самому крамольному городу в Англии, где мятежники держали гарнизон), а принцу Морицу — двинуться за ним на следующий день с пехотой и артиллерией. Маркиза же Гертфорда Его Величество оставил при себе, ибо хотя король и предвидел затруднения, коими непременно обернется для него неучастие маркиза в этом походе, ведь репутация человека твердого в своей вере, безупречно честного и справедливого делали его самой популярной особой в тех краях, и сам король всячески старался не дать ему ни малейшего повода для обиды и недовольства и, всецело полагаясь на его преданность и честь, судьбу собственной короны вверил бы преданности маркиза скорее, чем лояльности любого другого человека во всех трех своих королевствах, он все же ясно понимал, что принц и маркиз никогда не смогут между собою поладить и что в окружении каждого из них есть люди, готовые всячески разжигать взаимную их неприязнь, каким бы ущербом это ни грозило его делу. Король также заключил, что вооруженной силой он скорее приведет свой народ к покорности, чем красноречием советов и наставлений, а значит, от суровой решительности принца будет больше пользы, чем от мягкости и снисходительности маркиза. Отрядив принца в поход, король употребил все мыслимые средства, чтобы маркиз не почувствовал ни малейшей тревоги и не усомнился в прежнем его благоволении: Его Величество прямо и чистосердечно открыл Гертфорду все свои виды и истинные причины своего решения, а также объявил, что готов сделать его своим грумом и хочет всегда видеть его рядом с собой, ибо чрезвычайно дорожит его обществом и советом, чем маркиз вполне удовлетворился — скорее потому, что твердо решил во всем повиноваться государю, нежели оттого, что его обрадовала цена такого повиновения.

✧ Многие мудрые и достойные люди пожалели о решении короля. Конечно, возраст маркиза, долгая привычка к жизни в покое и довольстве, известный недостаток энергии, а также готовность следовать советам людей менее сведущих, чем он сам, не вполне соответствовали духу времени и должности командующего. Однако маркиз был человеком образованным, умным и здравомыслящим, и я уверен, что если бы

король отправил с войсками в западные графства именно его (вместе с Гоптоном и другими надежными помощниками), а не принца — чуждого английским нравам и обычаям, упорно не желавшего с ними считаться и склонного вмешиваться в дела гражданской власти — то поход на запад завершился бы гораздо успешнее. >

Теперь следовало решить, куда двинется со своей армией сам король. Никто не сомневался, что захват Глостера (лежавшего в двадцати с небольшим милях от Бристоля), если бы его удалось осуществить быстро и без больших потерь, имел бы громадную важность для короля. Это был единственный город между Бристолем и Ланкаширом в северной части Англии, все еще находившийся в руках мятежников, и, отвоевав его, король полностью овладел бы течением реки Северн, что позволило бы его гарнизонам в Вустере, Шрузбери и во всем этом краю получать припасы из Бристоля; а это в свою очередь сильно увеличило бы торговлю названного города и тем самым, через соответствующие пошлины и сборы, доставило бы немалый доход королю; к тому же при росте своего богатства Бристоль мог бы принять на себя более значительное бремя войны. Сильный глостерский гарнизон не только держал в совершенном повиновении район Динского леса, составлявший четверть графства, но и совершал опасные вылазки в другие места, отчего тамошние джентльмены, в большинстве своем люди благонамеренные, боялись жить в собственных домах. После же взятия Глостера королевские войска могли бы занять все это богатое и многолюдное графство (до сих пор служившее армии Его Величества скорее удобными временными квартирами, нежели источником постоянного дохода), и с Глостершира можно было бы собрать больше денег, чем с других графств, ведь обид и неприятностей королю он успел причинить больше, чем другие. В таком случае все жители графства платили бы обычные еженедельные взносы, зато глостерширские йомены, как дерзкие мятежники и притом люди весьма состоятельные, искупали бы свои прегрешения более крупными суммами (на чем особенно настаивали джентльмены, которые немало пострадали за верность королю, а теперь выражали готовность произвести набор солдат в армию Его Величества — если та прежде овладеет Глостером). Существовало еще одно соображение, не менее, если не более серьезное, чем все прочие: после взятия Глостера уже не требовалось бы держать войска в Уэльсе, и всех солдат из тамошних гарнизонов можно было бы включить в состав полевой армии, а контрибуции и иные налоги с Уэльса использовать для ее оплаты.

В общем, в борьбе с остальной Англией король мог бы тогда опереться на весьма обширную и притом образующую единое целое часть своего королевства.

Все эти доводы, однако, не были сочтены достаточно вескими, чтобы посылать армию на осаду с сомнительными перспективами, пока Парламент еще может оправиться от поразивших его страхов, а значит, унять и успокоить брожение умов (каковое если не целиком проистекало из этих страхов, то весьма ими усиливалось) и пополнить свои войска. А потому почли за лучшее ввести армию в одно из графств, всего более страдавших от неприятеля, и дожидаться там момента, когда неустройство и беспорядки в Лондоне и его окрестностях предоставят ей какие-нибудь важные преимущества — если еще раньше не появится обоснованная надежда овладеть Глостером уже в самом скором времени. А чтобы она появилась, приняты были тайные меры, действие коих ожидалось с часу на час. Дело в том, что глостерским гарнизоном командовал некто полковник Масси, профессиональный военный, который в свое время, когда Его Величество готовился к походу в Шотландию, состоял под начальством полковника Легга, а в начале смуты явился в Йорк с намерением снова послужить королю; убедившись, однако, что о нем здесь мало слышали, и что, кроме утешительного сознания честно исполненного долга, на многое ему рассчитывать не приходится, он отправился в Лондон, где было меньше офицеров, зато больше денег. Его тут же произвели в подполковники армии графа Стамфорда. Масси быстро показал себя толковым и отважным командиром, а поскольку он обладал еще и недурными красноречием, которое нравилось простому народу, то Стамфорд, отправляясь в поход на Запад, оставил его комендантом Глостера, и на этом посту Масси действовал весьма энергично и успешно. Не существовало никаких причин думать, что к подобному человеку (отнюдь не одурманенному парами того бешеного фанатизма, который побуждал других защищать свое дело с неистовым пылом) невозможно найти подход. А потому Уильям Легг — офицер, всеми уважаемый и пользовавшийся особым расположением принца Руперта — отправил в Глостер посыльного, который мог проехать туда, не возбуждая подозрений, и доставить Масси любезное письмо с соответствующими предложениями. Посыльный вернулся в Оксфорд, когда там обсуждались планы дальнейших действий короля и армии, и привез от коменданта весьма высокопарный ответ, из коего можно было заключить, что Масси глубоко уязвлен тем, что

король пытается склонить его к измене и вероломству и толкает к нарушению присяги, чего он, Масси, не сделает никогда, даже ради спасения собственной жизни — все это с пространными рассуждениями о том, сколь дороги ему собственная честь и доброе имя. Посыльный, однако, поведаль и о другом: уже после того, как комендант вручил ему это письмо и в присутствии своих товарищей осыпал жестокими упреками, его тайно провели туда, где комендант ожидал его один, и там Масси объяснил, что вынужден был написать такой ответ и довести его до сведения тех, кто в противном случае, видя подобного гонца, непременно заподозрил бы что-то неладное; но он, Масси, должен заявить, что остался таким же человеком, каким был всегда, и по-прежнему желает королю всяческого блага; что он слышал, будто принц Руперт намерен идти с армией к Глостеру, и если это случится, то он, комендант, будет защищать город как только может, и Его Высочество ожидает труд более тяжелый, нежели под Бристолем; однако если сам король приведет армию и потребует сдачи Глостера, то он не станет оказывать сопротивления, ибо сражаться против особы короля не позволит ему совесть — к тому же в подобном случае он мог бы склонить осажденных к капитуляции, что при любых иных обстоятельствах оказалось бы для него непосильной задачей.

Это послание склонило чашу весов, ибо хотя писавший его, возможно, и не собирался честно исполнять обещанное, серьезных доводов против выступления короля с армией к Глостеру не существовало, ведь Его Величество по-прежнему мог бы в любой момент изменить свои планы, не ввязываясь в борьбу за город. Доказательством же добрых намерений коменданта некоторые сочли то, что посланника, явившегося к нему с этим поручением, он не повесил и даже не взял под стражу. Итак, король решил идти на Глостер, однако осаду всерьез не начинать; вначале он отправил туда главную армию (известив прежде сэра Ральфа Гоптона о возведении его в звание барона Страттона, в память об одержанной им победе), а на следующий день выступил сам с остальными войсками.

В среду 10 августа король построил всю свою армию на обширном холме; из города, лежавшего менее чем в двух милях, ее видно было, как на ладони. Затем, около двух часов пополудни, он послал в Глостер трубача с требованием о сдаче. < Король сообщил, что «из сострадания к жителям Глостера, желая предотвратить всякий ущерб, неизбежный при штурме города, он лично явился к его стенам, и теперь предлагает солдатам и обывателям немедленно покориться и сдать

город, гарантирует неприкосновенность их личности и имущества, дает им два часа на размышление, но предупреждает, что если они отвергнут предложенную им милость, то ответственность за все бедствия и несчастья, каковые постигнут их после скорого (в чем он несколько не сомневается) взятия Глостера, падет на них самих». >

Прежде, чем срок ультиматума истек, явился трубач, а с ним два горожанина — худые, бледные, изможденные, с коротко обстриженными волосами. Их одежда, манеры, весь их облик были такими странными и ни с чем не сообразными, что самые суровые взгляды тотчас повеселели, а самые бодрые сердца охватила печаль: казалось, подобные вестники не могут принести ничего, кроме вызова. Эти люди, не оказав ни малейших знаков почтения Его Величеству и не заботясь о законах приличия, дерзким и решительным тоном без всякого смущения объявили, что они принесли ответ королю от благочестивого города Глостера; всякий же обращенный к ним вопрос они мгновенно встречали вызывающими репликами, исполненными мятежного духа, как будто главная цель их прихода состояла в том, чтобы, рассердив короля, заставить его нарушить собственную охранную грамоту. Доставленный ими письменный ответ гласил:

«Мы, обыватели, магистраты, солдаты и офицеры Глостера, даем на милостивое послание Его Величества следующий всепокорнейший ответ. В силу нашей клятвы и присяги мы должны охранять этот город к услугам Его Величества и его августейшего потомства, а посему полагаем себя обязанными повиноваться приказам Его Величества, переданным нам обеими Палатами Парламента, и, следовательно, мы готовы, с Божьей помощью, защищать названный город».

Под этой бумагой стояли подписи мэра Уайза, коменданта Масси, тринадцати олдерменов, одиннадцати офицеров гарнизона, а также самых именитых граждан Глостера. Как только посланцы возвратились в Глостер — а отпустили их быстро, прежде чем они могли услышать решение короля, — все городские предместья с большими прекрасными домами, где обитало прежде множество народу, были подожжены, с тем чтобы король твердо знал: ему достанется здесь лишь то, чего не смогут от него укрыть. Пришло время для новых планов и новых совещаний, участники коих, однако, уже не выказывали такого же хладнокровия и беспристрастия, как под Бристолем. Нанесенное королю оскорбление внушало мысли о возмездии, и некоторые сочли, что честь Его Величества задета

настолько, что теперь он просто обязан начать осаду и взять город. Такие настроения побуждали принимать на веру, не задумываясь, любые с виду правдоподобные сообщения — например, о том, что в Глостере крайний недостаток провизии и боевых припасов; что самый сильный участок городских укреплений — это всего лишь ветхая каменная стена, которая рухнет при первом же обстреле; что в городе есть немало благонадежных особ, которые, вместе с людьми, взбешенными сожжением предместий, обернувшись для них громадным ущербом, составят столь грозную силу, что когда город окажется в бедственном положении, партия крамолы вынуждена будет капитулировать. Утверждалось также, что неприятель теперь вовсе не имеет армии и, согласно всем известиям, едва ли сможет собрать ее достаточно быстро, чтобы успеть на выручку Глостеру; а пусть даже армия у Парламента имеется, Его Величеству все равно будет гораздо выгоднее выманить ее подальше от Лондона и принудить к сражению там, где он способен обеспечить свои войска всем необходимым, где он волен сам выбирать позицию и где его доблестная кавалерия сумеет наголову разбить любую собранную Парламентом армию — вместо того, чтобы отправляться искать последнюю на ее же квартирах.

Но всего сильнее подействовала на Его Величество уверенность самых опытных военачальников, так как они, объехав вокруг города и осмотрев вблизи его укрепления, пришли к твердому убеждению, что сумеют овладеть им менее чем за десять дней посредством апрошей (тяжелый урон под Бристолем заставил отложить всякую мысль о штурме). Это обстоятельство и склонило короля к окончательному решению, тем более что на военном совете никто даже не пытался его переубедить. А потому Его Величество немедленно послал в Оксфорд приказ своему главнокомандующему, графу Брентфорду, явиться к нему с пушками и со всей пехотой, какую только можно было взять из тамошнего гарнизона, дабы руководить осадой; принц же Руперт, не желая, чтобы его сочли ответственным за неудачи, коими могло обернуться начатое предприятие, благоразумно отказался его возглавить и, как и прежде, принял на себя начальство над кавалерией. Тогда же сэру Уильяму Вавассору, командовавшему всеми войсками в Южном Уэльсе (лорда Герберта убедили принять в расчет недовольство тамошних жителей и отказаться от этой должности или во всяком случае сделать вид), отправили распоряжение сосредоточиться близ Глостера со стороны леса, где, поскольку все мосты были разрушены, небольшой отряд мог бы надежно

запереть неприятеля в городе и не допустить к нему подкреплений; что и было исполнено в течение двух дней. Итак, король увяз под Глостером, а его враги в Лондоне, пребывавшие в полном смятении, получили возможность перевести дух, успокоиться и более основательным, нежели они прежде могли надеяться, образом поискать спасительных средств, дабы выйти из положения, казавшегося тогда отчаянным и почти безнадежным, и достичь собственных целей.

Ужасная весть о сдаче Бристоля, доставленная Парламенту 31 июля — после его громких обещаний со дня на день уничтожить всю королевскую армию и его громадных денежных трат, при том что каждый очередной сбор или налог объявлялся последним — явилась страшным ударом для обеих Палат, прозвучав для них, как смертный приговор. В довершение всех бед в Кингстон, находившийся в восьми милях от Лондона, вернулся граф Эссекс со своим расстроенным и павшим духом воинством, которое он сам считал недостойным звания «армии». Казалось, война скоро закончится, и закончится совсем не так, как рассчитывали начавшие ее Палаты, ведь даже их главнокомандующий больше теперь рассуждал о защите собственной чести, а удовлетворения за прошлые обиды и хулы требовал гораздо решительнее, нежели набора новых войск и создания армии, способной спасти Парламент. Всякий упрекал соседа в нерасположении к миру, выказанном тогда, когда еще можно было добиться выгодных условий, и при этом превозносил собственную мудрость, ибо он-де еще в ту пору опасался, что дело может принять столь скверный оборот. Все внимательно читали последнюю декларацию короля и восхваляли ее как неопровержимое доказательство его доброты и милосердия, ведь недавние успехи и нынешнее могущество, позволяющее ему теперь получить едва ли не все, чего он только захочет, не вскружили ему голову. Напротив, — рассуждали англичане, — король подтвердил прежние свои обещания и торжественные обязательства защищать религию, законы и свободы королевства — иначе говоря, снова сделал то, что злобная клевета объясняла исключительно лишь отчаянным положением, в котором он тогда находился. И вот, когда его противники, уstraшенные сознанием собственной вины, вообразили, будто неумолимый король задумал совершенно их уничтожить, Его Величество предложил все, что можно было по справедливости желать, показав себя не жаждущим кровавой мести государем, но снисходительным отцом, готовым простить даже самых непокорных своих детей. При такой перемене в умах лорды обсуждали

единственно лишь средства к достижению мира. В верхней Палате не нашлось бы тогда и пяти членов, склонных продолжать войну, а граф Эссекс, ясно давший понять, как она ему опротивела, поддерживал самые тесные и деятельные связи с теми, кто всего настойчивее добивался примирения с королем. А потому 5 августа лорды потребовали устроить конференцию обеих Палат и объявили общинам, что они готовы послать королю мирные предложения, и надеются, что коммонеры их поддержат. < Предложения Верхней палаты сводились к следующему:

1. Немедленно распустить обе армии и просить Его Величество возвратиться к Парламенту.
2. Религиозные споры должны быть улажены по совету собрания богословов, состав которого определит Его Величество с согласия обеих Палат.
3. Начальство над милицией, крепостями и флотом передается в руки лиц, которых назначит Его Величество с одобрения Парламента; королю возвращаются все его доходы.
4. Все члены обеих Палат, исключенные лишь за то, что они отсутствовали на заседаниях или просто повиновались Его Величеству, должны быть восстановлены в своих правах.
5. Особы, объявленные делинквентами до 5 января 1642 года, должны быть преданы правосудию Парламента, все прочие — помилованы.
6. Следует принять Акт об амнистии за все действия, уже совершенные обеими сторонами. >

Отчет об этой конференции вызвал в Палате общин необыкновенно долгие и бурные прения, затянувшиеся до десяти часов вечера и занявшие затем еще один или даже два дня. Партия бешеных (а среди коммонеров по-прежнему оставалось немало людей более умеренных взглядов, которые всегда относились к ее действиям с глубочайшим отвращением, хотя из страха, по слабости характера или просто не находя лучшего выхода, продолжали посещать заседания) с яростной злобой отвергла самую мысль о переговорах с королем, не желая даже обсуждать какие-либо предложения на сей счет. < Приверженцы этой партии утверждали, что последние переговоры в Оксфорде не пошли на пользу делу Парламента, а новые переговоры нанесут ему еще больший ущерб, ведь положение Парламента с тех пор ухудшилось; что король объявил их мятежниками и отказался признавать Парламентом, и пока он не отменит свое решение, переговоры не имеют смысла; что они отправили в Шотландию посольство

с просьбой о помощи, и это королевство уже готовится ее оказать со всей братской любовью, но если теперь откроется, что они вступили в переговоры с королем без ведома шотландцев, то последние сочтут это изменой, и всякая надежда на их содействие будет навсегда потеряна; что Сити изъявил готовность набрать войско для сэра Уильяма Уоллера, и прилегающие к Лондону графства готовы подняться, как один человек, благодаря чему граф Эссекс вскоре сможет выступить в поход с сильной армией — разговоры же о мире грозят погасить рвение, воспаляющее ныне сердца народа.

И, однако, несмотря на все доводы непримиримой партии и крайнее неистовство речей, страх, порожденный успехами короля, сумел внушить ее противникам достаточное число аргументов. Они утверждали, что Палаты уже были наказаны на разрыв переговоров в Оксфорде (где могли добиться лучших условий, нежели те, на которые вправе рассчитывать теперь), а, упустив нынешнюю возможность, они еще более ухудшат свое положение; что помощь из Шотландии (если она вообще будет оказана, что не очевидно) едва ли спасет их от гибели, грозящей им в ближайшее время; что если простой народ хочет продолжения смуты, надеясь извлечь из нее выгоду, то именитые и состоятельные граждане Сити желают мира и отказываются давать деньги на войну, да и готовность простонародья рисковать жизнью также не стоит преувеличивать, ведь Эссекс отступил чуть ли не до стен Лондона как раз по недостатку охотников служить в его армии; что разумные предложения, сделанные сейчас королю, либо обеспечат прочный мир, после чего всякая нужда в армии исчезнет, либо, если Его Величество их отвергнет, позволит Палатам собрать больше денег и людей, чем любые ордонансы. Подобные доводы взяли верх, и > после жарких споров, продолжавшихся до десяти часов вечера, предложение направить Его Величеству условия мира было наконец поставлено на голосование и принято большинством в двадцать девять голосов.

Без сомнения, если бы их тогда же послали королю (а будь это во власти Палат, они бы так и сделали), вскоре наступил бы прочный мир. Ведь если бы, при тогдашних обстоятельствах, стороны заключили перемирие и начали переговоры, то Палаты воздержались бы от непомерных требований, удовлетворившись гарантией безопасности для виновных, которую король охотно предоставил бы и свято сдержал бы слово; к тому же четвертый пункт предложений и согласие восстановить в правах исключенных членов не позволили бы в дальнейшем разжигать пламя мятежа в Парламенте. Но другая партия слишком хорошо это понимала, чтобы такое

допустить, и уже на следующий день (а это было воскресенье) мятежные проповедники принялись со всех церковных кафедр страшать народ, утверждая, что если предложить теперь королю мир, то Сити постигнут гибель и разрушение. На улицах и в общественных местах Сити и предместий, на столбах и воротах разбрасывались и расклеивались печатные листки, призывавшие всех честных горожан подняться, как один человек, и на следующее утро идти к Палате общин, ибо двадцать тысяч ирландских бунтовщиков уже высадились в Англии. О том же вещали с кафедр проповедники, а в других памфлетах, распространявшихся подобным же образом, объявлялось, что партия малигнантов взяла верх при голосовании над людьми благонамеренными, и если ее не остановить, будет заключен мир.

Когда же народ был достаточно подготовлен подобными мерами, лорд-мэр Пеннингтон, невзирая на воскресный день (а ведь прежде они сами выражали недовольство тем, что король имел обыкновение заседать в своем Совете по воскресеньям) созвал Общинный совет, где была составлена петиция к Палате общин, в которой утверждалось, что принятые Палатой пэров мирные предложения, если они будут одобрены, погубят религию, законы и свободы Англии, а потому Палата общин должна принять ордонанс, соответствующий постановлению Общинного совета (прилагавшемуся к тексту петиции) — о решительном продолжении войны и об отказе от всяких мыслей о мире. С этой петицией и в сопровождении такой свиты, какую можно было собрать после вышеописанных приготовлений, сам лорд-мэр, со времени вступления в эту должность уклонявшийся от участия в заседаниях Палаты (а он был ее членом), явился в Палату общин и подал петицию, присовокупив к ней намеки насчет состояния умов в Сити, звучавшие в тот момент весьма внушительно — ведь толпа у входа вела себя столь же дерзко и вызывающе, угрожая проходившим мимо членам обеих Палат, что если они не дадут надлежащего ответа на петицию, то завтра здесь соберется вдвое больше народу. Лорды пожаловались на эти беспорядки и предложили общинам принять совместные меры к их пресечению, но вместо этого коммонеры (многие из коих не явились на заседание из страха, а иные, движимые тем же страхом или, может, надеждой взять верх, переметнулись в другой лагерь) выразили гражданам Сити благодарность за их петицию, совет и мужество и отвергли предложения в пользу мира.

« Это вызвало новые разногласия в Сити, где далеко не все желали носить вечное клеймо противников мира. Благоразумная часть граждан охотно выразила бы свое крайнее недовольство последними решениями Общинного совета, однако недавняя казнь Томкинса и Чалонера, а также гонения на людей умеренных взглядов устрешили многих, и в конце концов лондонские женщины проявили больше мужества, чем мужчины. Огромная толпа жен состоятельных граждан пришла к Палате общин с петицией о мире, но была атакована эскадром кавалерии под начальством некоего Харви, разорившегося торговца шелком. Многие женщины были убиты и ранены, а остальные — достойный противник для столь храбрых воинов — без труда рассеяны. » После чего, осознав нависшую над ними опасность, многие пары, равно как и коммоне-ры, вначале просто перестали посещать Палаты, а затем удалились туда, где их мог защитить король, причем некоторые прибыли прямо в Оксфорд.

Ловко отведя в сторону этот поток, который грозил принести им мир раньше, чем они успели бы и глазом моргнуть, оставшиеся в Лондоне члены Парламента трезво оценили собственные силы и усердно принялись поднимать дух своего главнокомандующего, чье настроение тревожило их больше, чем все прочие бедствия и затруднения. Дабы исцелить Эссекса от уныния, они пустили в ход средства противоположного свойства, которые, однако, должны были служить одной цели. Вначале они осыпали знаками величайшей милости и уважения сэра Уильяма Уоллера: когда тот вернулся в Лондон после самого сокрушительного разгрома, какой только можно было вообразить (ибо хотя из двух тысяч его кавалеристов лишь немногие погибли в бою, прочие были столь основательно разгромлены и рассеяны, что впоследствии из их числа удалось собрать не более трехсот человек), навстречу ему вышла вся лондонская милиция и приветствовала его так, словно он привел с собой пленником самого короля. Сэра Уильяма тотчас назначили командующим войсками и милицией Лондона, предназначавшимися для обороны Сити; было также объявлено, что Парламент немедленно предоставит в его распоряжение сильный отряд пехоты и кавалерии, дабы он мог вновь выйти в поле и двинуться на выручку сторонникам Парламента на западе, оказавшимся в бедственном положении. Затем Палаты приняли еще один ордонанс, о наборе большой армии для графа Манчестера (который всегда твердо следовал однажды избранным принципам и ни разу не поддержал каких-либо попыток примирения с королем), с тем чтобы

она действовала против графа Ньюкасла, прикрывая все графства Восточной ассоциации, в число коих входили Эссекс, Гертфордшир, Кембриджшир, Норфолк, Саффолк, Гентингдоншир, а теперь и Линкольншир. А чтобы поскорее пополнить ряды тех, кто добровольно вызвался служить под знаменами своих возлюбленных генералов, Палаты приняли ордонанс о принудительном наборе в армию, что, по-видимому, бросало тень на их дело, ведь после стольких высокопарных заявлений о том, что сердца народа целиком на их стороне, Палатам пришлось теперь заставлять англичан сражаться независимо от их желания. Мера это была тем более поразительной, что в свое время они сами настойчиво требовали и добились королевской санкции на особый парламентский акт, объявлявший незаконными насильственную вербовку, а также принуждение свободнорожденных подданных к службе за пределами их графств. Приняв таким образом меры на крайний случай — а заодно дав понять графу Эссексу, что у них есть еще один граф, на которого они могут положиться, равно как и другие преданные Парламенту военачальники — Палаты официально направили к главнокомандующему свой комитет, дабы тот, употребив всевозможное усердие и ловкость, побудил его защищать их дело с прежним рвением и энергией. Члены комитета объявили Эссексу, что Палаты высоко ценят его труды и заслуги и помнят, сколь грозным опасностям он ради них подвергался и какие убытки нес; что через торжественные свидетельства и совершенное к нему доверие обеих Палат он получит столь полное удовлетворение за порочившие его наветы и поношения, какого только сам пожелает; и что если этих бесчестных клеветников удастся найти, то об их наказании все узнают так же хорошо, как знают теперь об их гнусных пасквилях; что ни одно войско не начнут пополнять до тех пор, пока не будет укомплектована его армия; и наконец, что всем его солдатам выплатят задолженность по жалованью, а его пехоте немедленно пришлют нужное обмундирование.

◀ По этим ли причинам, из зависти ли к графу Манчестеру, который на его глазах превращался в любимца и опору непримиримой партии, поддавшись ли внушениям и уговорам лорда Сэя и м-ра Пима, или просто по недостатку решительности, необходимой для столь рискованного предприятия, но граф Эссекс так и не возвысил своей голос в пользу переговоров с королем. Между тем именно на него сторонники мира возлагали главные свои надежды: они намеревались прибыть в расположение армии, заявить протест против нарушения

парламентских привилегий Общинным советом и буйной чернью и, опираясь на поддержку Эссекса, склонить Палаты к миру на таких условиях, которые мог бы принять король, или же самим вступить в переговоры с Его Величеством.

Теперь же, обескураженные поведением главнокомандующего, многие члены Верхней палаты спешно покинули Лондон. Граф Портленд и лорд Ловлас, а вслед за ними лорд Конви и граф Клэр направились в Оксфорд; графы Бедфорд и Голланд прибыли в занятый королевскими войсками Уоллингфорд, а граф Нортумберленд удалился, «для поправления здоровья», в свое поместье Петворт в Сассексе. >

Партия непримиримых действовала теперь с полным успехом, чрезвычайно довольная отсутствием тех, кто прежде доставлял ей известные затруднения и неудобства. Желая усилить свое влияние в народе, она велела участникам Собрания духовенства ехать в свои приходы и прежде всего — в графства Ассоциации, где начальствовал граф Манчестер, и, употребляя все свое красноречие, будоражить умы обывателей, дабы те поднялись, как один человек, против своего государя; вдобавок она не упускала ни единой возможности набрать солдат и добыть денег. Когда же стало ясно, что король, задержавшись со своей армией под Глостером, дал им больше, чем они могли рассчитывать, времени для улаживания раздоров и несогласий в собственной среде, Палаты возликовали. Для Парламента это было великой удачей и настоящим спасением еще и потому, что в это самое время в Кенте неожиданно вспыхнуло восстание против парламентских указов и ордонансов, в защиту общепризнанных законов страны, и прежде всего Книги общих молитв — восстание, которое, если бы только королевская армия находилась тогда достаточно близко, чтобы его поддержать, Палаты просто не сумели бы усмирить.

< Известия о раздорах и беспорядках в Лондоне внушили многим мысль, что король напрасно теряет время под Глостером вместо того, чтобы идти прямо на столицу. Однако его армия, ослабленная потерями при штурме Бристоля и выделением части сил принцу Морицу для западного похода, имела теперь всего шесть тысяч пехотинцев, чего, даже при наличии великолепной кавалерии, было явно недостаточно для столь серьезного предприятия.

Существовало еще одно обстоятельство, многим тогда не известное. Дело в том, что после взятия Бристоля король послал графу Ньюкаслу план будущих совместных действий, предусматривавший, что, если овладеть Гуллем в ближайшее время окажется невозможным, то графу

надлежит оставить часть войск для дальней его блокады, самому же с главными силами выступить на юг, против ассоциированных графств, а затем идти на Лондон — по которому король со своей армией нанесет удар с запада. Ньюкасл ответил Его Величеству, что не может исполнить его волю, ибо многие лучшие офицеры из числа йоркширских джентльменов решительно отказываются вступать в пределы Ассоциации, пока не взят Гулль, а силами для одновременного проведения двух операций — надежной блокады Гулля и похода на юг — он не располагает. Это известие, вместе с другими соображениями, побудило короля сделать выбор в пользу осады Глостера (несмотря на протесты королевы, пославшей ему раздраженное письмо из Оксфорда).

Как только началась осада Глостера, королю сообщили о прибытии в Уоллингфорд графов Бедфорда и Голланда, и теперь ему предстояло решить, какой прием следует оказать беглецам из Лондона (к которым сам король не питал особого расположения, ведь Бедфорд лично сражался против него во главе парламентской кавалерии, а Голланд, по мнению Его Величества, вел себя еще хуже). Обсудить этот вопрос король велел своему Тайному совету, и мнения его членов разделились.

Некоторые полагали, что Его Величеству следует встретить этих людей любезно и милостиво и не ставить им в упрек прежние проступки — это поощрит к подобным шагам других пэров и коммонеров, и в конце концов число и авторитет оставшихся в Лондоне упадет настолько, что Парламент просто не сможет продолжать войну. Другие же утверждали, что Бедфорда и Голланда нельзя допускать к особе Его Величества, ведь оба они приняли Ковенант, а покинуть Лондон их заставило не искреннее раскаяние в содеянном прежде, но недавние успехи армии короля; что, как бы ни встретили их теперь в Оксфорде, это не отразится на событиях в Лондоне, ведь ни Бедфорд, ни Голланд уже не пользуются там особым влиянием; что люди, повинующиеся приказам Парламента, оправдывают свое поведение страхом за себя и за свои семьи, будучи при этом уверены, что король в любом случае их простит, и если это их предположение подтвердится ныне, то безусловное исполнение верноподданнического долга утратит всякую ценность и смысл, а особы, с самого начала верно служившие королю, будут оскорблены и обескуражены; что холодное обращение с беглецами ничем не повредит Его Величеству, ведь они, сделавшись теперь ненавистными прежним единомышленникам, уже не посмеют вернуться в Лондон.

Высказывалось и третье мнение, среднее между двумя крайностями: в обращении с беглецами не должно быть ни особой любезности,

ни прямого пренебрежения; пока их можно лишь допустить к руке Его Величества, в остальном предоставив им действовать так, как они найдут нужным. Чтобы разрешить эти споры, король и предпринял поездку в Оксфорд.

Следует заметить, что оксфордское общество всегда было склонно к резким переменам настроения: малейшая неудача мгновенно повергала его в уныние, а всякий успех до крайности кружил голову. Вот и теперь, после взятия Бристоля, в Оксфорде вообразили, что война по сути уже выиграна и остается лишь занять Лондон; что их враги пребывают в совершенном отчаянии; что спасти Парламент могут теперь лишь неблагоразумный отказ от немедленного наступления на столицу и досадная задержка под Глостером; и что те, кто советует королю начать осаду, суть подкупленные Палатами изменники. Такого рода подозрения (не имевшие под собой, разумеется, ни малейших оснований) пали на сэра Джона Колпеппера — человека безупречно честного и всецело преданного королю.

Все эти толки произвели огромное впечатление на королеву, которой к тому же мнилось, что принц Руперт хочет ослабить ее влияние на короля, для чего пытается подольше задержать его в армии. Король, обожавший супругу и чрезвычайно встревоженный ее письмом, желал поскорее вывести ее из заблуждения; это также стало одной из причин его спешной поездки в Оксфорд.

Более же всего времени заняло у короля решение судьбы задержанных в Уоллингфорде графов.

Едва ли не все члены Тайного совета, подававшие свои мнения с необыкновенной горячностью, преувеличивали тяжесть прежних проступков Бедфорда и Голланда и требовали запретить им въезд в Оксфорд или во всяком случае лишить их права являться ко двору, а некоторые даже предлагали взять их под стражу как военнопленных.

И только канцлер Казначейства советовал встретить беглецов со всевозможной любезностью, дабы поощрить к подобным действиям прочих членов Палат. В конце концов король разрешил Бедфорду и Голланду явиться в Оксфорд, где каждому предоставлялось право самому определять должную меру учтивости обращении с ними. >

Глава XI

(1643)

Пока король стоял под Глостером, бурные волны успеха несли вперед его войска на западе. Граф Карнарвон с кавалерией и драгунами, числом до двух тысяч, вступил в Дорсетшир за два дня до того, как принц Мориц с пехотой и артиллерией двинулся из-под Бристоля, и прежде чем его высочество к нему присоединился, успел немало сделать для приведения к покорности этого графства. После сдачи Бристоля многие джентльмены и иные особы из Дорсетшира, сражавшиеся в названном городе на стороне Парламента, по пути в Лондон, куда им был гарантирован безопасный проезд, навещали своих родственников и друзей и (поскольку побежденные в бою или бежавшие с поля боя обычно сверх всякой меры преувеличивают силу неприятеля, оказавшегося им не по зубам) рассказывали столь потрясающие истории о бешеной отваге кавалеров, что сопротивление последним начали считать делом совершенно бессмысленным. М-р Строд, богатый и уважаемый в тех краях человек, заехав вначале домой, отправился в Лондон через Дорчестер; когда же тамошние магистраты попросили его осмотреть их стены и фортификации, дабы высказать на сей предмет собственное суждение, гость, обойдя дорчестерские укрепления, объявил, что кавалеры возьмут их за каких-нибудь полчаса. Затем он поведал поразительные вещи о том, каким манером неприятель штурмовал Бристоль, заверив, что солдатам короля ничего не стоит мигом взобраться на стену в двадцать футов вышиной и что никакие укрепления против них не помогут. Говорил же он это вовсе не затем, чтобы их обмануть (ибо никто не желал королевской армии больших неудач, чем этот человек), но потому, что и в самом деле был объят таким страхом и трепетом, а ужасные картины бристольского штурма запечатлелись в его памяти с такой силой, что он совершенно искренне верил, будто все капитулировавшие перед войсками короля крепости и города были взяты ими приступом. Он столь усердно распространял вокруг панику и тревогу, что едва граф Карнарвон подступил к Дорчестеру со своей кавалерией и драгунами (которые, возможно, были приняты там за авангард победоносной армии, захватившей Бристоль), как

горожане выслали к нему своих уполномоченных для переговоров и по заключении условий капитуляции, гарантировавшей их от грабежей и от наказания за прошлые грехи, сдали город вместе со всем своим вооружением, пушками и боевыми припасами — хотя Дорчестер был хорошо укреплен, и его жители, собравшись с духом, могли бы защищать его весьма успешно, если бы только их отвага равнялась их злобе (ведь нигде во всей Англии к королю не питали столь же яростной вражды). Несколько ранее весть о прибытии графа привела в такой ужас сэра Уильяма Эрла, долгое время осаждавшего Корф-касл (поместье лорда-главного судьи Бэнкса, обороняемое его супругой, слугами, а также несколькими джентльменами и их держателями, явившимися в Корф-касл, чтобы спасти себя и выручить леди Бэнкс), что он снял осаду и удалился в Лондон с большей поспешностью, чем это свойственно военачальникам, думающим о судьбе вверенных им войск; после чего отряд сэра Уильяма рассеялся. Сдача Дорчестера — богатого хранилища, из коего черпала мятежные принципы вся округа — внушила сходные мысли жителям Уэймута, весьма удобного порта с отличной гаванью; последний пример, в свою очередь, произвел надлежащее действие на острове и в замке Портленд (чрезвычайно важной, хотя и не оцененной по достоинству крепости): все они, капитулировав перед графом на довольно мягких условиях, были приняты им под защиту Его Величества.

Наконец сюда подоспел с пехотой и артиллерией принц Мориц и, не пожелав идти по следам уstraшенных неприятелей к Лайму и Пулу — единственным пунктам, все еще остававшимся в их руках, — задержался со своей армией на несколько дней близ Дорчестера и Уэймута якобы затем, чтобы навести порядок и поставить гарнизоны. Тут его солдаты, оправдываясь пресловутой злонамеренностью местных жителей, повели себя весьма разнузданно; о строгом соблюдении условий капитуляции названных городов также никто не заботился. Это настолько возмутило графа Карнарвона (благородного человека, привыкшего свято держать однажды данное слово), что он оставил вверенные ему войска и вернулся к королю под Глостер, отчего скандальное поведение людей принца получило еще большую огласку. Был ли народ в тех краях раздражен и настроен против короля упомянутыми бесчинствами, о которых толковали всюду и, уж верно, не без преувеличений; отсутствие ли в армии маркиза Гертфорда (на которое прежде не обращали внимания) внушило теперь самым злобным и упорным

смутьянам тревожную мысль, что теперь им не стоит рассчитывать на милость; показалась ли им эта армия, собравшаяся наконец в одном месте, менее грозной, чем они ожидали; или, может, страх, овладевший поначалу умами обывателей, был столь сильным, что просто не мог продолжаться вечно, и теперь люди немного успокоились и пришли в себя, я не знаю — но два этих городка, из коих Лайм считался самым ничтожным, ответили столь решительным отказом на ультиматум принца о сдаче, что его высочество рассудил за благо оставить их в покое. Он двинулся к Эксетеру, где обнаружил, что названный город находится в худшем положении, а у сторонников короля дела здесь идут лучше, чем он надеялся, ибо сэр Джон Беркли, имевший полк кавалерии и пехотный полк из плохо вооруженных новобранцев, смог, благодаря своим умелым и энергичным действиям и помощи девонширских джентльменов, так увеличить численность своих войск, что теперь их укрепленные лагеря находились менее чем в миле от города, а аванпосты у самых ворот — хотя у графа Стамфорда в Эксетере людей было по крайней мере ничуть не меньше, чем в осаждавшей город армии.

Спасать Эксетер Парламент поручил особым приказом своему адмиралу графу Уорвику. Сделав вид, будто он намерен высадить в нескольких пунктах войска — и тем самым вынудив сэра Джона Беркли совершать с кавалерией и драгунами быстрые и утомительные марши вдоль побережья — граф, когда задул попутный ветер, оставил тех, кто ожидал его высадки близ Тотнеса, повернул назад и при довольно сильном шторме вошел со своим флотом в устье реки, которая вела к стенам Эксетера. Теперь, когда его корабельная артиллерия господствовала над обоими, весьма низкими берегами, граф решил, что сумеет таким путем доставить подкрепление осажденным. К счастью, благодаря стараниям и замечательной прозорливости сэра Джона Беркли, на удобных позициях близ нескольких бухт были сооружены небольшие укрепления, за которыми его солдаты могли хоть как-то укрыться от огня корабельных пушек, и теперь сэр Джон мчался туда со своей кавалерией, чтобы воспрепятствовать высадке неприятеля. Попытка же высадки оказалась не просто неудачной — она закончилась совершенным провалом, отбив у моряков Уорвика всякую охоту вновь пускаться в подобные предприятия. Ибо после того, как с кораблей три или четыре часа кряду поливали ядрами войска на берегу, начался отлив, и граф Уорвик убрался восвояси, бросив три своих корабля, один из которых был сожжен, а два других захвачены с берега на виду у всего

флота — который больше не предпринимал попыток деблокировать Эксетер подобным образом.

Пока все королевские войска были заняты блокадой Эксетера или охраняли побережье, ожидая графа Уорвика, быстро увеличивался гарнизон Плимута, куда флот графа высадил всех, без кого можно было обойтись. Защищать дело Парламента спешно готовились и на севере Девоншира — в Барнстейпле и Бедфорде стояли парламентские гарнизоны — а поскольку они могли без помех сообщаться с Плимутом, то было решено объединить все наличные силы и заставить неприятеля отойти от стен Эксетера — что было бы совсем не трудно сделать, если бы сами осажденные столь же энергично боролись за свое спасение. Узнав об этих планах и приготовлениях, сэр Джон Беркли послал полковника Джона Дигби (который с момента их вступления в Корнуолл командовал конницей) с его собственным кавалерийским полком и несколькими свободными эскадронами драгун в северный Девоншир, чтобы помешать соединению войск мятежников. Дигби устроил свои квартиры в Торрингтоне и за несколько дней смог усилиться вновь набранным кавалерийским эскадроном и пехотным полком, который сформировали его старые друзья в Корнуолле, так что теперь он имел свыше трехсот кавалеристов и от шестисот до семисот пехотинцев. Между тем стоявшие в Бедфорде и Барнстейпле мятежники, располагая численным превосходством, а с другой стороны, опасаясь, как бы успехи короля в областях более восточных не увеличили его силы и могущество здесь и не ослабили их влияние, решили попытаться счастья в бою; соединив свои отряды — общим числом более тысячи двухсот человек пехоты и трехсот кавалеристов, коими командовал полковник Беннет — они надеялись застать полковника Дигби врасплох в Торрингтоне. И им это удалось, ибо хотя Дигби получил известие из Барнстейпла, что вражеские войска выступили оттуда к Бедфорду с намерением атаковать его рано утром, после чего он сам, готовясь отразить удар, вывел своих людей из Торрингтона и занял такую позицию, которая в той изобиловавшей изгородями местности была наиболее выгодной для конницы, и проделал в изгородях проходы для кавалеристов — однако, прождав напрасно до полудня и узнав от высланных на разведку небольших отрядов, что неприятеля нигде не видно, Дигби отослал кавалерию на прежние квартиры, а сам с пехотой вернулся в Торрингтон, оставив за городом лишь полторы сотни солдат.

Но уже час спустя полковник получил тревожное известие о том, что неприятель находится в полумиле от города. В Торрингтоне возникло сильное замешательство, а потому Дигби решил не выводить пехоту далеко из города, но, расположив ее наилучшим образом на подступах к нему, сам отправился к стоявшей за городом кавалерии, с намерением занять позиции в тылу у неприятельских войск, которые разворачивались на том самом месте, где ожидал он их все утро. Полковник, обыкновенно выдававший в деле замечательную храбрость и боевой пыл, приносившие ему, как правило, блестящий успех, предполагал лишь вести наблюдение за противником, не ввязываясь в бой до тех пор, пока не подоспеют прочие отряды. Но когда он разделил свою небольшую партию (в общей сложности — каких-нибудь сто пятьдесят кавалеристов) на несколько еще более мелких и расположил их за изгородями, через проходы в которых можно было выйти на открытую местность, где стоял неприятель, к его позициям двинулся передовой отряд из пятидесяти мушкетеров, которые, если бы им удалось преодолеть изгороди, могли бы без труда отбросить его людей. А потому полковнику не оставалось ничего другого, как вместе с четырьмя-пятью офицерами лично возглавить атаку и ударить на мушкетеров — которые, тотчас же побросав оружие, пустились бежать к своим главным силам и настолько заразили их собственной паникой, что парламентская пехота и не подумала дать отпор, а кавалерия ни разу не решилась атаковать; все их воинство обратилось в беспорядочное бегство. Полковник Дигби со своей кавалерией преследовал бегущих до тех пор, пока в этой резне не затупились мечи его бойцов, а огромное число неприятельских пленных не обременило их сверх меры; хотя вышедшая из города пехота, видя, каким ужасом объята враги, также немедленно устремилась за ними в погоню.

В этом предприятии (ведь за отсутствием всякого сопротивления его нельзя назвать сражением, разве что — стычкой) около двухсот человек было убито и еще свыше двух сотен взято в плен. Бежавшие с поля боя способствовали дальнейшим успехам войск короля даже больше, чем погибшие или пленные, ибо они разбежались и рассеялись по всей округе и едва ли не каждый из них имел на лице и на голове следы вражеского меча или получил какую-то другую рану — что помогало вразумлению их соседей гораздо лучше, чем это могли бы сделать любые проповеди и увещания. Иные из старших офицеров, в том числе кавалеристы, добрались

до Бедфорда и Барнстейпла, где, даже не подумав о том, сколь неразумно с их стороны откровенно признавать великую милость, явленную Господом кавалерам, рассказывали потрясающие истории о внезапно объявшем их страхе и трепете и сообщали, что никто из них не видел перед собой более шести атакующих врагов. Все это ужасало их друзей еще сильнее, чем самое поражение.

В это время к Эксетеру подошел принц Мориц, весть о прибытии коего вызвала новый приступ паники, так что вслед за фортом Апплдор, господствовавшим над водными путями к Барнстейплу и Бедфорду и сдавшимся полковнику Дигби два или три дня спустя после его победы, Его Величеству, получив обещание помилования, вскорости подчинились и названные два города, причем полковник Дигби строго следил за соблюдением статей капитуляции, запрещавших солдатам грабежи и бесчинства. Последний успех войск Его Величества так сильно подействовал на умы и настроения тамошних жителей, что полковник Дигби, пользуясь тем, что главнейшие враги короля удалились (что позволялось им упомянутыми статьями), сумел за несколько дней увеличить свой небольшой отряд до трех тысяч человек пехоты и восьмисот человек кавалерии. Принц Мориц приказал ему идти с этим войском к Плимуту и блокировать город, чтобы неприятель уже не мог совершать оттуда набеги на округу.

Потеря всех гарнизонов на северном побережье вместе с отсутствием надежд на помощь и подкрепление из других мест вынудили графа Стамфорда вступить в переговоры с принцем. Наконец, стороны подписали статьи о капитуляции Эксетера, и 4 сентября — то есть четырнадцать или шестнадцать дней спустя по прибытии туда принца Морица — этот богатый и красивый город, защитникам коего осаждающие не успели доставить иных затруднений и неудобств, кроме невозможности дышать свежим воздухом за его стенами и получать припасы с окрестных рынков, был сдан Его Величеству.

◀ Незадолго до этого произошел досадный случай, доставивший новые хлопоты королю. Граф Карнарвон, командовавший кавалерией Западной армии, выступил из Бристоля раньше принца и еще до прибытия Его Высочества в армию занял Дорчестер и Уэймут, два известных своим мятежным духом города. Первый из них решено было оставить без гарнизона, но второй, как важнейший порт графства, нуждался в надежной защите. Комендантом Уэймута маркиз уже пообещал сделать сэра Антони Ашли Купера, молодого состоятельного джентльмена,

который, по мнению большинства, мог собрать людей для обороны города и принести большую пользу делу короля. Сэр Антони, в ожидании назначения, уже успел принять к тому известные меры, однако принц Мориц, как выяснилось, прочил на эту должность другого человека. После сдачи Уэймута сэр Антони спешно прибыл в Бристоль и обратился за помощью к маркизу, и тот счел своим долгом выполнить обещание, полагая, что имеет право это сделать, ведь город был занят, по-видимому, еще до того, как король велел ему, маркизу, не ехать в армию, но остаться при дворе, а значит, именно он, Гертфорд, был тогда главнокомандующим Западной армией. В этом намерении маркиза поддержал канцлер Казначейства, с которым имел беседу и сам сэр Антони, посетовавший на то, что, рассчитывая на пост Уэймутского коменданта, он уже успел войти в немалые расходы, набирая солдат и офицеров для гарнизона, и теперь, если ему откажут, он превратится в посмешище для всего графства. Канцлер, однако, счел, что будет лучше, если на эту должность — во избежание возражений со стороны принца — сэра Антони назначит не маркиз, а сам король, и вызвался написать Его Величеству. Он желал удовлетворить маркиза, а главное, привлечь на сторону короля столь влиятельного в тех краях человека (о легкомыслии и непостоянстве которого никто еще тогда не догадывался). Однако, несмотря на письмо канцлера, а также настойчивые уговоры лорда Фолкленда и сэра Джона Коллеппера, король наотрез отказался исполнить просьбу маркиза, полагая, что это означало бы нанести публичное оскорбление племяннику. Задетый за живое Гертфорд заключил, что он утратил всякое доверие короля и лишен возможности служить Его Величеству, и выразил надежду, что ему позволят удалиться в свое поместье, где он мог бы вести жизнь частного лица, вознося молитвы за короля. Ясно понимая, какими дурными последствиями обернется эта история, и сколь многие готовы воспользоваться ею в ущерб делу короля, канцлер прибыл в Оксфорд и приложил все усилия, чтобы переубедить Его Величество. Это ему удалось, и сэр Антони стал комендантом Уэймута, а маркиз воспринял это как знак королевской милости. >

Под Глостером же дело подвигалось крайне медленно, ибо хотя королевская армия чрезвычайно усилилась подходившими отовсюду отрядами, король не имел ни денег, ни потребного для осады снаряжения, а защитники города, действовавшие смело и решительно, совершали дерзкие и весьма удачные вылазки, и урон противника обыкновенно превышал их собственные потери. Многие известные офицеры (не говоря о простых солдатах) сложили тогда головы в траншеях и апрошах, ведь комендант Глостера, как

и подобает опытному и бдительному военачальнику, не упускал ни единой возможности нанести внезапный удар. Но порой во время этих вылазок королевской кавалерии удавалось отрезать неприятелю пути отхода, и многие попадали в плен, причем всякий раз — пьяными; протрезвев же, они рассказывали, что отрядам, назначенным для вылазки, их комендант всегда позволяет выпить столько вина или иных горячительных напитков, сколько душа желает — так что их боевой пыл, похоже, поддерживался отчасти искусственными средствами. Примечательно, однако, что за все то время, пока король стоял там со своей великолепной армией, уже успевшей взять гораздо более знаменитый город, из Глостера к нему перебежало лишь трое солдат, а среди офицеров перебежчиков не было вовсе — убедительное свидетельство строгой дисциплины у осажденных. Королевская армия теряла людей как из-за болезней (хотя и меньше, чем это можно было с основанием ожидать), так и от неприятельского огня со стен; вдобавок и солдаты, и офицеры ее предавались самым возмутительным своевольствам. Враждебность жителей этого края они полагали достаточным оправданием для любых насилий и грабежей, так что невозможно себе представить, сколько тысяч овец перерезали солдаты самочинно за считанные дни (помимо того скота, который реквизировали для регулярного довольствования армии комиссары); офицеры же — без ведома короля и без всякого дозволения — часто хватали крестьян и держали их под стражей, пока те не вносили изрядные суммы выкупа за свое делинквентство. Все это вызывало громкий ропот против бесчинств солдат и беззаконий офицеров, и к тому же, разлагая дисциплину в армии, делало ее менее способной выдержать предстоящее испытание на поле боя.

В Лондоне между тем употребляли все мыслимые средства, чтобы ускорить приготовления к деблокаде Глостера. < Партия непримиримых решила оказать любезность Сити, и когда комендант Тауэра сэр Джон Коньерс попросил разрешения оставить свой пост и уехать за границу, охрана Тауэра была поручена лорд-мэру Пеннингтону. >

Теперь граф Эссекс объявил, что сам поведет войска на выручку осажденным, хотя поначалу это думали поручить сэру Уильяму Уоллеру. Граф вновь выказывал пылкую готовность сражаться с королем, и к нему стали возвращаться солдаты и офицеры, покинувшие армию при его попустительстве или же в убеждении, что главнокомандующий больше не намерен наступать. Однако силы его увеличивались не так быстро, как того требовали обстоятельства.

Благодаря гонцам, которых полковнику Масси нередко удавалось посылать из Глостера, в Лондоне знали, в сколь трудном положении находятся осажденные и как долго они рассчитывают продержаться. Парламентский ордонанс о принудительном наборе, хотя он и исполнялся с необыкновенной строгостью (состоятельных лиц, которые бежали в Лондон, надеясь остаться незамеченными в большом городе, хватали и держали под стражей до тех пор, пока они не уплачивали крупные суммы или не выставляли вместо себя годных к военной службе людей), не обеспечил ожидаемого пополнения; те же, кого силой забирали в армию и ставили под команду офицеров, обнаруживали глубокое отвращение к службе, решительно отказывались сражаться и бежали при первой же возможности. В конце концов Палатам, чтобы получить солдат, пришлось обратиться за помощью к тем самым людям, которые с таким постоянством обеспечивали их деньгами. Парламент принялся убеждать своих верных друзей в Сити отправить в качестве вспомогательного войска три-четыре полка лондонской милиции, дабы те дали бой неприятелю вдали от столицы, а не поджидали его у собственных стен, куда враг, доказывая Палаты, непременно явится тотчас же после падения Глостера, и тогда малигнанты в самом городе доставят им не меньше хлопот, чем вражеская армия.

Эти доводы вместе с влиянием графа Эссекса возымели действие, и все затребованные им пехотные и кавалерийские полки получили приказ идти в поход с ним. Итак, в конце августа граф выступил из Лондона и, соединившись близ Эйлсбери, где был назначен общий сбор, с отрядом лорда Грея и прочими войсками ассоциированных графств, с армией в восемь тысяч человек пехоты и четыре тысячи человек кавалерии неспешным маршем двинулся к Глостеру. Поначалу осаждающие не верили, что граф окажется в состоянии предпринять подобный поход, а потому пренебрегали разведкой. Они полагали, что Эссекс скорее попытается произвести какую-нибудь диверсию против Оксфорда, где находилась тогда королева, дабы отвлечь их армию от Глостера, но не решится на столь изнурительный марш через равнину длиной почти в тридцать миль, где даже половина королевской кавалерии сможет привести в расстройство, если не совершенно разгромить все его войско; марш через местность, где все уже давно съедено подчистую и где ему нечем будет кормить солдат и лошадей. Если же ему позволят без помех подойти к Глостеру, то он не сможет ни оставаться там, ни отступить к Лондону, не подвергаясь при этом

с тыла ударам королевской армии — которой все же не стоит рисковать, ввязываясь в сражение. Придя к такому заключению, они решили продолжать осадные работы под Глостером, тем более что их минные галереи были почти закончены, а в городе уже обнаружился крайний недостаток боевых припасов. Лорду Уилмоту с сильным конным отрядом было приказано ждать Эссекса близ Бенбери и, если неприятель продолжит движение к Глостеру, беспокоить его на марше (что по условиям местности было совсем нетрудно); принц же Руперт, остававшийся с главными силами кавалерии на возвышенностях к северу от Глостера, должен был соединиться в Уилмотом, если граф все-таки решится на деблокаду города.

Граф между тем прибыл в Бракли и, взяв с собой последнее подкрепление, на которое он рассчитывал (новобранцев из Лестершира и Бедфордшира), спокойно двинулся к Глостеру через ту самую равнину, которая, по мысли осаждающих, должна была внушать ему великий страх. Хотя неприятельская конница нередко показывалась в виду парламентской армии и тревожила ее своими набегами, Эссекс по-прежнему шел вперед, не сворачивая; королевская же кавалерия отступала перед ним до тех пор, пока пехоте короля не пришлось снять осаду — причем в большем беспорядке и смятении, чем это можно было ожидать. Таким образом, ценой на удивление малых потерь и усилий, графу удалось со всей армией и обозом войти в Глостер, где у осажденных оставалась к тому времени одна-единственная бочка пороха и столь же скверно обстояли дела с провиантом и иными запасами. Следует признать, что комендант Глостера положил конец долгой череде побед короля, а упорная оборона города дала парламенту время воспрянуть духом самому и привести в порядок свои расстроенные войска, так что именно этому решающему перелому Палаты были обязаны тем могуществом, которого добились они впоследствии.

В ликующем городе, встретившем его всевозможными почестями и знаками уважения, граф Эссекс оставался три дня, и за это время (едва ли не самое удивительное в нашей истории) горожанам, по его приказу, доставили необходимое продовольствие из тех самых мест, где недавно стояла на квартирах армия короля, и где, как думали ее солдаты, уже нечего было взять — столь тщательно укрывали обыватели свои припасы, приберегая их для войск Парламента, чего они, вероятно, не смогли бы сделать без попустительства королевских комиссаров. Король же все это время находился близ Садли-касла, поместья лорда Чандоса в восьми милях от Глостера,

выжидая, когда двинется обратно парламентская армия, расположившаяся на постой в этих голодных краях, как полагали кавалеры, скорее с отчаяния, нежели по собственной воле. Чтобы открыть неприятелю путь к отступлению, король отвел войска к Ившему, в надежде, что граф захочет вернуться в Лондон той же дорогой, какой пришел сюда. У графа были основательные причины именно этого и желать, а потому он выступил к Тьюксбери, как будто не имел в мыслях ничего другого. Кавалеристы же короля, храбрые и решительные в бою и в погоне, никогда не умели с должным терпением переносить тяготы обычной службы и скверные условия военного быта; и теперь, частью вследствие усталости, частью по причине уныния, овладевшего всей армией после снятия осады Глостера, не слишком бдительно следили за передвижениями врага. Лишь через сутки после того, как граф Эссекс вышел из Тьюксбери со всей своей армией и обозом, королю стало известно, в каком направлении он движется, ибо неприятель воспользовался ночной темнотой и, имея надежных проводников, еще до рассвета достиг Сайренсестера, где обнаружил два полка королевской кавалерии, которые преспокойно стояли там на квартирах. Из-за преступной нерадивости офицеров — фатальный, но обыкновенный для армии короля порок в продолжение всей войны — все эти кавалеристы, числом свыше трехсот, были захвачены врасплох; и, что еще важнее, Эссекс овладел в Сайренсестере огромными запасами провианта, собранного для армии под Глостером королевскими комиссарами, которые после снятия осады не потрудились отправить его в другое место и таким образом по собственной невероятной глупости отдали неприятелю — а ведь тот страшился голода гораздо больше, чем вражеского меча. Нечаянное сие приобретение необыкновенно воодушевило парламентских солдат, ибо они узрели в нем особую заботу и чудесную руку Промысла, ниспославшего им спасение в тот самый момент, когда они уже едва стояли на ногах.

Оттуда, уже не опасаясь королевской кавалерии — с которой он вовсе не желал встретиться на открытой местности и которая находилась теперь по меньшей мере в двадцати милях за его спиной — граф неспешными маршами (так, чтобы его могли догнать больные и усталые солдаты) двинулся прямо на Лондон через северный Уилтшир, труднопроходимый край, изобиловавший холмами и оврагами. Король же, получив надежные известия о том, куда идет неприятель, тотчас попытался быстротой и энергией вернуть себе преимущества, отнятые у него бездейтельностью и нерадением

тех, на кого он положился. Сам король, выдавая изумительное усердие и распорядительность, вел вперед пехоту; а принц Руперт с пятью тысячами кавалеристов, не останавливаясь ни днем, ни ночью, стремительно шел через холмы, чтобы, прежде чем парламентское войско успеет выбраться из этих глухих труднодоступных мест, где оно двигалось по узким тропинкам, отрезать неприятеля от Лондона; после чего Руперт намеревался отвлекать и тревожить врага мелкими стычками до тех пор, пока не подойдет вся королевская армия. Этот его замысел, осуществлявшийся неумолимо и с напряжением все сил, принес желанный успех, ибо когда авангард вражеской армии почти пересек Алдбурн-Чейз, предполагая той же ночью достигнуть Ньюбери, принц Руперт, коего не ждали и не опасались, вдруг с сильным отрядом кавалерии появился в такой близости от неприятеля, что тот даже не успел перестроиться в боевой порядок и, атакованный с тыла, был разбит и понес немалый урон. Хотя враги держались, как подобает добрым солдатам, и выручали товарищей проворнее и искуснее, чем этого можно было ожидать после столь внезапного удара, однако, оказавшись в затруднительном положении и потеряв много людей, они предпочли приостановить свой марш и с наступлением ночи расположились на постой в Хангерфорде.

В этом коротком, но жарком бою погибло немало неприятелей, с королевской же стороны — лишь одна знатная особа, маркиз Вьевиль, доблестный французский дворянин. Он сопровождал королеву, когда она возвращалась из Голландии, а здесь сражался как волонтер в полку лорда Джермина. Многие офицеры были ранены, в том числе лорд Джермин и лорд Дигби.

Стремительный бросок принца Руперта задержал неприятеля настолько, что король успел подойти со всей пехотой и артиллерией, хотя численность его армии из-за необыкновенно долгих и быстрых переходов, а также недисциплинированности, которую выказывали многие солдаты и офицеры, пока он стоял в Ившеме, сильно сократилась — теперь в ней было на две с лишним тысячи человек меньше, чем тот момент, когда Его Величество снял осаду Глостера. Когда же на следующий день граф выступил из Хангерфорда, надеясь достигнуть Ньюбери — а принц Руперт со своей кавалерией не смог бы ему в этом воспрепятствовать — и уже находился в двух милях от города, он обнаружил, что Ньюбери занят королем, ибо Его Величество со всей своей армией подоспел туда двумя часами ранее. Это вынудило графа заночевать в поле (17 сентября).

Многие теперь полагали, что король уже возвратил все выгоды, утраченные им из-за прежних ошибок, промахов и упущений, и что, разгромив деблокировавшую Глостер армию, он в полной мере вознаградит себя за неудачную осаду. Казалось, он обладал всеми мыслимыми преимуществами: его солдаты могли отдохнуть в большом городе, тогда как неприятель стоял в поле; за спиной короля лежали верные ему земли, на чью помощь он мог рассчитывать, совсем рядом был гарнизон Уоллингфорда, и сам Оксфорд, откуда можно было получить любые недостающие припасы, находился не так уж далеко. Неприятель же был изнурен долгими маршами ничуть не меньше, чем королевские войска, и с того времени, как третьего дня его атаковал принц, вынужден был стоять в полной боевой готовности, притом в краю, где не мог раздобыть провианта. По этим причинам все пришли к заключению, что теперь в полной власти самого короля выбирать, драться ему или нет, а значит, неприятеля, которому не оставалось ничего другого, как пробиваться с боем или умирать с голоду, он может принудить к сражению в весьма неблагоприятных условиях. Это было настолько очевидно, что накануне вечером решено было не начинать битву иначе, как на такой позиции, которая обещала бы верный успех. Но, вопреки этому плану, когда граф Эссекс искусно построил армию в боевой порядок на холме менее чем в миле от города, всюду расположив своих людей наилучшим образом, из-за безрассудной отваги молодых офицеров, занимавших важные посты и, к несчастью, всегда недооценивавших мужество противника, сильные отряды королевских войск один за другим ввязались в дело — и настолько, что король принужден был теперь поставить все на карту сражения, позволив неприятелю вести свою игру по меньшей мере с равными шансами на успех.

На всех пунктах противники дрались с необыкновенной храбростью и упорством. Неприятель стоял твердо, пытаясь скорее удержать занятые позиции, нежели продвинуться вперед, и таким образом не давал нападающей стороне тех преимуществ, которые могла бы она получить при малейшем его движении. Королевская кавалерия, как бы показывая свое презрение к врагу, атаковала с изумительной дерзостью и отвагой на самых невыгодных для себя позициях; она вновь оказалась слишком сильным противником для неприятельских эскадронов, и те почти всюду обратились в бегство, так что большая часть парламентской пехоты осталась без всякого кавалерийского прикрытия. Но тут замечательную доблесть

проявила вражеская пехота; в любую минуту готовая поддержать и выручить свою рассеянную неприятелем кавалерию, она позволила ее собрать и привести в порядок. Лондонская милиция и вспомогательные полки (которых прежде никто и в грош не ставил, ведь они ни разу не нюхали порошу и не были знакомы с иной службой, кроме не слишком утомительной муштры в Артиллерийском парке) показали чудеса храбрости и, по существу, спасли в тот день всю парламентскую армию. Подобно неприступному бастиону, эти полки служили оплотом и защитой для остальных; а когда конница на их флангах была разбита и рассеяна, они продолжали держаться так стойко, что хотя принц Руперт лично водил на них в атаку свою отборную кавалерию и даже пробился сквозь град картечи, он так и не смог прорвать ряды неприятельских пикинеров и вынужден был повернуть назад свои эскадроны.

Битва продолжалась весь день, однако решительного перелома, который позволил бы одной из сторон счесть, что она берет верх, так и не наступило. Ибо, хотя кавалерия короля не раз обращала в бегство неприятельскую, вражеская пехота стояла непоколебимо, и королевские пехотинцы добились немногого. Сражение началось столь внезапно и в такой суматохе, что за весь день артиллерия короля так и не была пущена в ход, тогда как неприятельские пушки, к несчастью для противной стороны, весьма искусно размещенные, причинили чувствительный урон и пехоте, и коннице Его Величества. Когда уже ничто другое не могло развести противников, это сделала ночь, и теперь каждая из сторон смогла поразмыслить об ошибках, допущенных ею днем. Для неприятеля дело кончилось, по крайней мере, не хуже, чем он рассчитывал, и уже рано утром армия графа приготовилась к выступлению, ведь ей было совершенно необходимо поскорее пробиться туда, где она могла бы найти провиант и ночлег. В королевском же лагере вели себя теперь с той благоразумной осмотрительностью, какую следовало бы проявить накануне, и хотя число убитых оказалось не таким большим, как это можно было ожидать после столь жаркого боя, однако, поскольку многие офицеры и джентльмены были ранены, решено было не возобновлять сражения на прежнем месте, но воспользоваться теми преимуществами, которые предоставит отход неприятеля. Граф Эссекс, убедившись, что путь свободен, продолжил осуществление главного своего замысла — вернуться в Лондон — и через Ньюбери двинулся к Ридингу. Обнаружив это, принц Руперт позволил ему беспрепятственно совершать свой марш до тех пор, пока вся

парламентская армия не растянулась на узких полевых дорогах, и тогда во главе сильного отряда кавалерии и тысячи мушкетеров атаковал арьергард Эссекса, да так успешно, что привел его в страшное расстройство, перебив и захватив в плен многих неприятелей. Тем не менее граф с большей частью армии и всей артиллерией благополучно прибыл в Ридинг и, задержавшись там на один или два дня, чтобы его солдаты могли передохнуть и восстановить силы, неспешно и в полном порядке продолжил движение к Лондону, позволив королевским войскам занять Ридинг, куда сэр Джеймс Астли тотчас же ввел гарнизон из трех тысяч человек пехоты и пятисот кавалеристов. Его Величество и принц Руперт с главными силами отошли в Оксфорд, но прежде поставили гарнизон, под начальством полковника Бойза, в Доннингтон-касле, в миле от Ньюбери, перерезав таким образом большую дорогу, по которой возили в Лондон товары из западных графств.

Между тем сэр Уильям Уоллер, имея свыше двух тысяч человек кавалерии и столько же пехоты, преспокойно стоял в Виндзоре, а то, что могло приключиться в это время с графом Эссексом, тревожило его так же мало, как несколько ранее самого графа — судьба его, сэра Уоллера, армии при Раундуэй-Дауне; в противном случае, если бы он двинулся навстречу королю к Ньюбери (до которого от Виндзора было каких-то двадцать миль), а граф в это время ударил с другой стороны, то Его Величеству угрожал бы полный разгром. Подобные опасения стали причиной — или выдавались за таковую впоследствии — поспешного и преждевременного вступления в бой королевской армии.

В Лондоне графа Эссекса встретили всеми мыслимыми знаками уважения и любви, в честь его победы (ибо там нисколько не затруднились объявить его победителем) приказано было служить благодарственные молебны. Без сомнения, граф проявил изумительное мужество и полководческий талант в этом деле, от начала до конца которого многое решали его личные качества, и битву при Ньюбери мы вправе счесть одним из самых славных эпизодов этой злосчастной войны. Ведь он достиг своей цели, а после снятия осады Глостера, когда следующей его задачей стало отступление с армией к Лондону, выполнил ее с меньшими потерями, чем это можно было ожидать, принимая в расчет длину пути и те препятствия, которые пришлось ему преодолеть. С другой стороны, известные основания приписывать себе победу были и у короля. Он пустился в погоню за неприятелем, настиг его и принудил

к сражению, когда тот желал уклониться от боя. За ним осталось поле битвы, а уже на следующий день он продолжил преследование врага и причинил ему немалый урон, сам не понеся ни малейших потерь. Наконец — и это казалось вершиной его успехов — король вновь водворил свой гарнизон в Ридинге, отодвинув таким образом неприятельские квартиры на ту линию, которую занимали они еще в начале года, тогда как подвластная ему территория расширилась благодаря почти полному подчинению западных графств, а его армия, как в пехоте, так и в кавалерии, была теперь гораздо сильнее, чем при открытии кампании. Но на чьей бы стороне ни усмотрели мы более явные признаки и очевидные свидетельства победы, несомненно, что урон короля — а таков был печальный удел его армии во всех стычках и сражениях с подобным противником — оказался куда более серьезным и чувствительным по своим последствиям, ибо если неприятель потерял какого-нибудь неизвестного полковника или офицера, о котором никто прежде и не слыхивал, а жены лондонских граждан оплакивали гибель своих мужей, то в королевском войске легло на месте свыше двадцати старших офицеров — знатных людей с именем и репутацией; а еще больше особ столь же высокого звания было ранено.

При Ньюбери пал граф Сандерленд, богатый, юный (ему не исполнилось и двадцати трех лет) и рассудительный не по годам лорд. Не имея офицерского звания, граф считал долгом чести находиться при особе короля, а в тот день присоединился как волонтер к эскадрону королевской гвардии и был сражен пушечным ядром еще до начала атаки.

Тогда же погиб граф Карнарвон. Атаковав и разгромив отряд вражеской конницы, он беспечно возвращался назад мимо рассеянных неприятельских кавалеристов, и один из них, знавший графа, пронзил его мечом. Через час Карнарвон скончался. Это был человек, чьи блестящие достоинства и таланты мир так и не узнал вполне. Хотя Карнарвон прекрасно довершил свое образование путешествиями и внимательным наблюдением нравов большого числа народов, чем это обыкновенно свойственно едущим за границу англичанам (ибо, посетив Испанию, Францию и большинство областей Италии, он провел некоторое время в Турции и иных странах Востока), однако до войны он вел жизнь весьма легкомысленную, всецело предаваясь светским забавам и удовольствиям, соколиной и иной охоте и другим подобного рода занятиям, которые так любила тогдашняя знать. Но с началом смуты, став командиром

одного из первых кавалерийских полков, набранных для армии короля, Карнарвон посвятил всего себя трудам и обязанностям воина; никто другой не повиновался так строго и не командовал так искусно. Он не только с замечательным бесстрашием рисковал своей жизнью, но умел мгновенно оценить и превосходно использовать любое преимущество перед неприятелем, а в минуту опасности сохранял ясный ум и быстроту соображения — качество, весьма ценное на войне. Нравственные слабости и вольности в поведении, которые он позволял себе прежде (и которые многие считали извинительными для солдата), были им теперь отвергнуты со всей суровостью. Он любил справедливость и более всего старался действовать справедливо именно тогда, когда мог поступить противоположным образом; он так строго держал слово и выполнял обещания, что, несмотря на все уговоры, покинул Западную армию, когда убедился, что не в силах обеспечить исполнение условий капитуляции Дорчестера и Уэймута. И если бы Карнарвон прожил дольше, он стал бы отличным полководцем, гордостью военного сословия, а потому смерть его явилась жестоким ударом для армии короля.

Здесь я позволю себе отступление более пространное, и если прославление необыкновенных и выдающихся мужей, равно как и рассказ, в назидание потомству, о великих их добродетелях принадлежат к числу главнейших целей и задач историка, то читатель не сочтет неуместными мои воспоминания об утрате, которую никакие успехи и удачи не смогли восполнить, а никакие годы не заставят забыть. В этом злосчастном сражении пал лорд виконт Фолкленд — человек, отличавшийся столь изумительными талантами и обширной ученостью, столь неподражаемым изяществом и очарованием в разговоре, столь изысканной любезностью и непритворным добросердечием в отношениях с людьми, таким нездешним прямотушием и чистотой нравов, что если бы его гибель осталась единственным клеймом позора на этой отвратительной и богопротивной войне, то и тогда последняя внушала бы невыразимый ужас и омерзение даже самым поздним потомкам.

До созыва настоящего Парламента обстоятельства его жизни складывались так счастливо, что лучший удел едва ли можно было вообразить. Еще не достигнув двадцатилетнего возраста, он стал обладателем крупного состояния. Несколько лет он воспитывался в Ирландии, где отец его исполнял должность лорд-наместника, так что, вернувшись в Англию и вступив во владение своими богатствами, он не был опутан сетью знакомцев и приятелей, которую

постепенно создают беседы и привычный круг общения, а потому мог сам выбирать для себя общество и делал это отнюдь не по тем правилам, коим следовали в ту пору отпрыски знатных фамилий. Невозможно отрицать, что хотя он и допустил в свой круг немногих лиц единственно за их приятный нрав и очевидную привязанность к нему самому, однако по большей части он был близок и дружен с особами, обладавшими самыми блестящими дарованиями, а также репутацией людей безукоризненно честных — таким он по-настоящему открывал свою душу.

Он тонко ценил острый ум, богатое воображение и иные таланты в любом человеке, а если видел, как душат их бедность или нищета, то оказывал им самое великодушное покровительство, даже более щедрое, чем позволяло его состояние — которым в этих благих делах распоряжался так, как если бы получил его, чтобы употреблять исключительно для подобных нужд, и будь в его тратах хоть что-нибудь предосудительное, его могли бы счесть мотом. Приняв любое решение, он с величайшей твердостью и упорством шел к своей цели, и никакие усилия и труды, необходимые для ее достижения, не способны были его утомить. Так, решив однажды не появляться в Лондоне (который был для него любимейшим местом на свете) до тех пор, пока не изучит в совершенстве греческий, он уехал в свою деревенскую усадьбу и трудился с таким неослабным усердием, что за невероятно короткий срок овладел этим языком и мог теперь с легкостью читать любого греческого историка.

Тогда-то — а его сельский дом находился в десяти милях от Оксфорда — он и завел близкое знакомство с самыми тонкими и образованными мужами этого университета. Последние нашли в нем такую силу ума и основательность суждения, такое богатство мысли и воображения, умевших, однако, подчиняться строжайшим законам логики, такую обширную ученость — казалось, он был сведущ в любых предметах, и вместе такую поразительную скромность — как если бы он являлся совершенным невеждой, что они часто и подолгу гостили у него, словно в некоем коллегіуме на чистом деревенском воздухе. Дом его стал чем-то вроде университета в миниатюре, куда приходили они не столько ради отдыха, сколько ради серьезных занятий, чтобы тщательно исследовать и усовершенствовать те суждения, которые умственная лень и поспешная готовность к согласию сделали расхожими в обычных разговорах.

По наущению матери-католички предпринимались многочисленные попытки отвратить его от англиканской церкви и примирить

с церковью римской, и подобные усилия, как иным поначалу казалось, сулили успех, ведь Фолкленд пользовался всякой возможностью для общения с особами этого исповедания, как духовными, так и светскими, внимательно следил за религиозной полемикой и прочел все творения греческих и латинских отцов. К тому же питая глубокое отвращение к злобе и вражде, которые, как он видел, порождает различие в религиозных мнениях, Фолкленд в своих диспутах с католиками был чрезвычайно любезен и учтив. Но когда они, пустив в ход коварные уловки, обратили в свою веру и вывезли на континент двух его младших братьев, он прервал с ними всякое общение и написал два глубокомысленных и блестящих по слогу рассуждения против важнейших положений этой религии, к великому сожалению, до сих пор не опубликованных. >

Он был выше любых страстей и вожделений, свойственных душам грубым и низким, и стремился единственно лишь к знаниям и к тому, чтобы его считали другом всех, творящих добро, — отсюда его глубокое, даже чрезмерное презрение к тем хитростям и уловкам, которые приходится обыкновенно терпеть в делах человеческих. В последнем Коротком парламенте он представлял свой город в Палате общин, и тогдашние дебаты — а велись они со всевозможным достоинством, степенностью и рассудительностью — внушили ему такое благоговение к Парламентам, что он заключил, будто последние совершенно неспособны причинить англичанам какой-либо вред или даже неудобство, и что благоденствие нашего королевства немыслимо без регулярного их созыва. После злосчастного и опрометчивого роспуска упомянутого собрания у него, вероятно, возникло известное недоверие к правительству и предубеждение к слишком ревностным его приверженцам, к коим он и ранее не принадлежал. Тем же порядком он был избран и в настоящий Парламент, и в начале его заседаний гневно и решительно восставал против самых пагубных для государства злоупотреблений, ибо, неизменно ратуя за строгое исполнение существующих законов и установлений, не мог мириться с малейшим их нарушением или отступлением от них и полагал, что нет зла более вопиющего, чем дерзость министров, которые преступают явные и очевидные принципы во имя мнимой государственной пользы, или же судей, попирающих общеизвестные законы под предлогом целесообразности или необходимости < — что и побудило его с такой суровостью выступить против лорда Страффорда и лорда Финча. >

Чрезвычайно высокое мнение о честности и прямоте самых деятельных членов Парламента, и особенно м-ра Гемпдена, долго

не позволяло ему заподозрить здесь какой-либо тайный умысел против мира в королевстве, и даже расходясь с этими людьми в своих выводах, он по-прежнему твердо верил в благородство их целей. Но когда он основательнее познакомился с истинным смыслом законов и ясно увидел их стремление подчинить законы воле одной или обеих Палат, то уже не было человека, который энергичнее бы противился подобным попыткам и доставлял противной партии больше затруднений силой своего ума и неотразимостью доводов. Постепенно на него стали смотреть как на сторонника двора, чему сам он, впрочем, так мало способствовал, что отклонял те авансы и даже те предложения, которые обязан был принять во внимание хотя бы из простой учтивости. Он столь ревниво заботился о том, чтобы никто и вообразить не мог, будто его влекут высокие звания и чины, что даже выказывал нарочитое нерасположение к двору и к придворным, делая все, чтобы единственным основанием для благосклонности короля или королевы могли стать только истинные его заслуги и ничто другое.

По названной причине, когда прошел слух, что король намерен сделать его советником (для чего поначалу не было никаких других оснований, кроме его соответствия этой должности), он сразу же решил отклонить эту честь, и лишь настойчивые советы и уговоры друзей заставили его в конце концов принять должность. А впоследствии, узнав, что король задумал назначить его своим государственным секретарем, он вновь твердо решил отказаться, объявив друзьям, что по характеру своему совершенно неспособен к такой службе, и что ему пришлось бы делать то, что лишило бы его душевного спокойствия, либо уклоняться от таких действий, которые необходимо совершать человеку, коему оказано столь высокое доверие — ибо самые честные и справедливые люди всякий день делают то, чего он себе никогда не позволит.

Два мотива побудили его принять Государственные печати, и если бы не их влияние, он бы с твердостью от этого уклонился. Первый — мысль о том, что непринятие им должности способно бросить тень на самого короля, ведь иные могли бы подумать, будто от такой великой чести и от столь высокого поста он отказывается потому, что вместе с исполнением своих обязанностей ему бы пришлось совершать и какие-то другие, неправомерные действия. Свое согласие он посчитал прямым долгом совести, ибо знал, что король предпочел его другим людям прежде всего потому, что видел в нем человека более честного, чем другие. Во-вторых, он

не хотел, чтобы его отказ был истолкован как следствие малодушного опасения чем-либо не угодить Палате общин, ибо он столь же пылко стремился снискать себе славу поступками справедливыми и благородными, сколь глубоко презирал все низкие средства для ее достижения.

По этим причинам он подчинился воле короля и стал его государственным секретарем, со всевозможными знаками преданности и смирения изъявив свою признательность за столь высокую честь; и чувство великой ответственности действительно переполняло его сердце. С двумя вещами, однако, он так и не смог примириться, пока исполнял эту должность, иначе говоря — до самой своей смерти. Во-первых, с использованием шпионов, с любым поощрением и поддержкой их действий. Я говорю здесь не об отважных разведчиках, которые с риском для жизни пробираются к неприятельскому лагерю и добывают важные сведения о численности и расположении вражеских войск, но о тех, кто порочными средствами или ловким притворством втирается в доверие к людям и таким путем добывает тайные сведения, важные для государства. Во-вторых — с обычаем вскрывать письма под тем предлогом, что содержание их может заключать в себе нечто опасное. О первом он говорил, что подобные орудия, прежде чем их можно будет с успехом пустить в ход, должны истребить в себе всякую честность и душевное благородство, а значит, впоследствии им уже никогда и ни в чем нельзя будет верить, и что ни один частный успех не сможет оправдать тот громадный ущерб всему человеческому обществу и страшное развращение нравов, которые повлечет за собой потворство таким людям. Вскрытие же чужих писем он считал вопиющим нарушением естественного закона, преступить который не вправе ни один человек, какую бы высокую должность он ни занимал.

Храбрость его была самого чистого и пылкового свойства, и он был настолько чужд страха, что искал опасности сам. А потому при любой возможности принять участие в деле он присоединялся к тем эскадронам, которые, судя по рвению и задору их командиров, ожидал самый жаркий бой, и во всех подобных схватках он выказывал изумительную бодрость и чувство товарищества; рубить же бегущих неприятелей (чем в ту пору обыкновенно и кончалось дело) ему было не по нраву, и он никогда не рвался за ними в погоню, а напротив, пытался остановить ненужное кровопролитие. При Эджхилле, когда враг был разгромлен, Фолклэнд, рискуя жизнью, встал между бросившими оружие неприятелями и разъяренными

победителями, так что кому-то могло показаться, что он явился на поле брани единственно из любопытства, чтобы взглянуть в лицо опасности, а также из человеколюбия, желая предотвратить бессмысленное пролитие крови. < Между тем он чувствовал глубокое влечение к воинскому ремеслу и в свое время, еще не достигнув совершеннолетия, отправился в Голландию в надежде получить офицерскую должность, а вернулся в Англию лишь по причине отсутствия военных действий. >

Но с началом этой противоестественной войны свойственные его натуре живость и веселость омрачились, и душой его стали овладевать печаль и уныние, в прежние времена совершенно ему чуждые. Впрочем, будучи одним из тех, кто верил, что одна битва способна решить все споры, и что победа одной из сторон окажется столь решительной, что другая принуждена будет подчиниться любым условиям победителя (каковые предположение и заключение, твердо укрепившись в умах большинства людей, помешали им тогда воспользоваться многими действительными выгодами и преимуществами), он силился побороть в себе эти настроения. Но когда король вернулся из Брентфорда, а Палаты в своем неистовстве постановили не вступать ни в какие переговоры о мире, эта хандра, прежде лишь временами на него находившаяся, превратилась в постоянную угрюмость. Он, который был когда-то со всеми столь открытым и приветливым, что лицо его служило собеседникам верным зеркалом его души; он, который считал недовольный вид и мрачность физиономии чем-то вроде дурного тона и неучтивости, вдруг стал менее любезным, а затем — унылым, бледным, подверженным сильнейшим приступам меланхолии. В своем платье и костюмах (а в прежние времена он всегда выказывал в таких вещах больше тщания, щегольства и склонности к тратам, чем это обыкновенно свойственно людям столь высокого духа) он стал теперь не просто небрежен, но даже неряшлив; принимая же по должности просителей, а также обычные или чрезвычайные ходатайства и обращения, он бывал порой столь резок, раздражителен и суров, что иные люди, не знакомые с его истинным нравом и характером, считали его надменным и спесивым — качества, от которых ни единый из смертных не был так далек.

Когда же возникали надежды на заключение мира и предпринимались соответствующие попытки, он вновь оживлялся и с величайшей настойчивостью и усердием делал все, что, по его мнению, могло способствовать их успеху. Нередко, сидя в кругу друзей,

после долгого молчания и тяжких вздохов, он начинал повторять печальным, срывающимся голосом: *Мир! Мир!*; а потом, не в силах сдерживать своих чувств, говорил, что мучительное зрелище войны, мысль об уже постигших королевство бедствиях и о новых несчастьях, ожидающих Англию в будущем, лишают его сна и скоро разорвут его сердце. Иные даже полагали (или делали вид, что полагают), будто он столь пылко жаждет мира, что будет рад, если король купит его за какую угодно цену. Это была нелепая клевета, но она побуждала его участвовать в опасных предприятиях с большей готовностью, чем другие люди — дабы все могли убедиться, что его страстное желание мира проистекает отнюдь не из малодушия и не из боязни рисковать собственной жизнью.

В утро сражения при Ньюбери, бодрый и веселый, как всегда перед битвой, он занял место в первой шеренге полка, который атаковал неприятельских мушкетеров, засевших по обеим сторонам живой изгороди. Пущенная оттуда мушкетная пуля поразила его в нижнюю часть живота, и он тотчас же упал с лошади; тело его было найдено лишь на другое утро, а до тех пор еще теплилась надежда, что он мог попасть в плен — хотя самые близкие из его друзей, отлично зная его характер, не слишком верили этому утешительному предположению. Так погиб этот молодой человек несравненных достоинств, ибо даже самые юные редко приходят в наш мир с таким чистым сердцем, а самые старые не часто достигают столь обширных познаний, какие имел он, совершив свой жизненный путь в возрасте тридцати трех лет. Всякий, кто ведет подобную жизнь, может не тревожиться о том, сколь внезапно настигнет его смерть.

Глава XII

(1643—1644)

Возвращаемся к нашей истории. 25 сентября (эту дату у нас еще будет случай вспомнить в связи с другой торжественной церемонией) граф Эссекс вступил в Лондон, а уже на другой день его посетили в Эссекс-хаусе спикер и вся Палата общин, объявившие, что они пришли поздравить его с великой победой и изъявить благодарность королевства за несравненное его мужество и полководческий талант, и что высокие эти хвалы внесены, по их распоряжению, в парламентские протоколы, дабы ознаменовать и увековечить его доблесть и их признательность. < Официальной благодарности удостоились члены обеих Палат, занимавшие командные посты в армии, и все старшие офицеры; полковнику Масси направили высокопарное письмо и, что еще более увеличило ценность сего послания, 1000 фунтов в награду за верную службу; младшие офицеры и солдаты глостерского гарнизона также не были обойдены щедрыми дарами. >

Не желая, чтобы слухи о взаимной неприязни и соперничестве между графом Эссексом и сэром Уильямом Уоллером, а также опасения на сей счет внушили кому-нибудь надежду или подозрение, что в их среде могут вспыхнуть новые раздоры и что король может извлечь из них выгоду, Палаты приложили величайшие усилия, чтобы их примирить, и еще большие — чтобы раструбить об их примирении всему свету. В этом деле сэр Уильям Уоллер был сама покорность и почтительность, а его высокопревосходительство выказал самую тонкую любезность и деликатность. Распри и страсти, порожденные несходством мнений разных членов Палат, были решительно отброшены и преданы забвению, и теперь всему миру весьма хитро и усердно внушали, что Парламент являет собою как бы вновь созданный народ, столь же твердо и единодушно идущий к общей цели, как и его братья шотландцы — а в том, что последние окажут им поддержку и содействие, равно как и в том, что помощь эта подоспеет вовремя, чтобы спасти их от гибели, Палаты были теперь совершенно убеждены, хотя прежде и питали на сей счет известные сомнения.

< Хотя королевская армия имела на своей стороне все доказательства победы (перечисленные нами выше), а положение Парламента по

сравнению с весной даже ухудшилось, графа Эссекса встретили в Лондоне с восторгом и ликованием: в конце концов, он выполнил главную задачу — спас Глостер, отчего Палаты необыкновенно воодушевились. >

И напротив, в Оксфорде по возвращении короля не наблюдалось ничего, кроме полного упадка духа, всеобщего недовольства и глухого ропота. В среде армейских офицеров царили взаимное недоверие и раздражение, каждый винил другого в бездарности и малодушии; штатские же бранили всех военных без разбору за многочисленные оплошности и грубейшие ошибки. Считалось, что осаду Глостера они вели неумело, и что прояви тогда командиры больше искусства, город можно было бы взять даже за половину того времени, которое простояла армия под его стенами. То, что в продолжение всего марша по совершенно открытой местности графа Эссекса так и не удалось принудить к битве, сочли теперь непростительным промахом и объясняли его трусостью Уилмота, к которому принц ни в коей мере не благоволил. Впрочем, и сам принц не избег упреков за то, что уже по соединении всей королевской кавалерии графу Эссексу позволили спокойно и без помех спуститься с высокого и крутого холма в Глостерскую долину; а равно и за то, что когда пришлось снять осаду, всю армию сразу же не бросили в бой в упомянутой долине неподалеку от города, пока солдаты короля были еще бодры и полны сил, а неприятель не успел отдохнуть после долгого изнурительного марша.

< Вновь раздались гневные речи по адресу тех, кто настаивал на осаде Глостера, и даже офицеры, в свое время одоббившие этот замысел, теперь яростно его осуждали, пытаясь взвалить всю вину за неудачу на хранителя свитков, которого в армии не любили. Никто не решался возвысить голос в защиту глостерского предприятия, хотя последующие события, казалось бы, прямо свидетельствовали о его разумности, ведь если Сити выделил несколько полков для деблокады далекого Глостера, то совершенно ясно, что в обороне Лондона — решился король наступать на столицу — участвовала бы вся лондонская милиция, иначе говоря, изнуренной армии Его Величества противостоял бы неприятель гораздо более сильный, чем при Ньюбери. >

Ничуть не лучше, чем дух армии, было тогдашнее настроение двора, и все это так тревожило короля, что он утратил душевный покой, столь необходимый в его положении. < Особы, которые в свое время не домогались от короля почестей и должностей, так как знали, что он не исполнит их желаний, выставляли теперь свою «скромность» как заслугу перед королевой, ибо, утверждали эти люди, они

воздерживались от каких-либо просьб в ее отсутствие, поскольку не хотели ничего получать иначе, как от ее щедрот. Многие ссылались на прежние обещания титулов и милостей со стороны короля. Действительно, Их Величества, пытаясь избавиться от докучных просителей, дали когда-то немало обещаний подобного рода, полагая, что время их исполнять наступит нескоро. Теперь же, когда кто-либо удостоивался монарших милостей, прочие громко выражали свое недовольство, претендуя на такую же честь. Даже люди, не выказывавшие до сих пор особого честолюбия, считали себя оскорбленными тем, что король жалует лиц, имеющих не больше заслуг, чем они. Отсюда следует, что государи не должны раздавать награды тогда, когда они в силах удовлетворить лишь немногих, а с притязаниями на монаршие милости, притом с равным основанием, выступают слишком многие — ибо предпочтение, оказанное одному, будет воспринято как обида всеми прочими.

Более же всего хлопот по этой части доставил Его Величеству лорд Голланд. Бежавшие из Лондона графы явились в королевский лагерь под Глостером, храбро сражались при Ньюбери, и теперь Бедфорд и Клэр не имели причин жаловаться на отношение к ним Его Величества (графу Клэру король дозволил даже участвовать в заседаниях Военного совета). Граф же Голланд вообразил, будто бегство из Лондона само по себе искупило его прегрешения, и король немедленно восстановит его в должности грума и вернет ему прежнюю милость (в чем графа неосторожно уверили королева и м-р Джермин). Он ошибся в своих расчетах и теперь, столкнувшись со всеобщей холодностью, пускал в ход всевозможные уловки, чтобы возвратить себе благоволение короля или по крайней мере внушить окружающим, что король относится к нему с прежним расположением.

Голланд регулярно являлся в Мертон-колледж (где жила королева и постоянно бывал король), шептал что-то на ухо Его Величеству, порой, на виду у всех, отводил его к окну или в уголок и беседовал с ним наедине, как бы «по секрету». Между тем в Оксфорд прибыл маркиз Гертфорд, ожидавший, что король исполнит свое обещание и сделает его грумом королевского стула. Король, однако, не спешил выполнять обещанное, а м-р Джермин с ведома королевы даже уговаривал маркиза отказаться от своих претензий в пользу Голланда.

У графа был друг, который искренне желал ему всякого добра (совместимого с честью и интересами короля) и полагал, что любезное обращение с беглецами из Лондона пойдет на пользу делу Его Величества — однако находил, что сам Голланд ведет себя не лучшим образом. Он убеждал графа смирить гордыню, прямо признать свою вину и, по

примеру Бедфорда, просить у короля прощения, которое тот наверняка ему дарует. К такому шагу склоняли графа и другие особы, а также его дочь, и Голланд как будто даже решился последовать их разумным советам, но — потому ли, что положение короля (как ему показалось) изменилось к худшему, или потому, что, видя бедность оксфордского двора, он заключил, что любая полученная здесь должность не принесет ему желанного дохода — граф тянул с просьбой о прощении так долго, что король в конце концов почел за благо исполнить обещание, данное маркизу Гертфорду.

После этого граф удалился из Оксфорда в соседнюю деревню, а несколько дней спустя, под покровом ночи, следуя за надежным проводником, бежал на земли, занятые неприятельскими войсками, и повергся к стопам Парламента. Недолго продержав его под стражей, Палаты, уже не считавшие его человеком, способным причинить им вред или принести пользу, позволили ему уехать в собственное поместье. Граф же, пытаясь снискать их милость и забыв о своей чести, издал декларацию, в которой утверждал, что прибыл в Оксфорд лишь затем, чтобы склонить короля к миру, но, видя, насколько двор не расположен к примирению и какую силу имеют в Оксфорде паписты (здесь Голланд употребил выражения, оскорбительные для короля и его Совета), решил поскорее вернуться в Лондон и посвятить остаток своих дней службе Палатам.

И, однако, жалкое и недостойное поведение Голланда не снимает вину с двора, который совершил тогда роковую ошибку. Ведь случилось именно то, о чем предупреждал канцлер Казначейства: многие особы, которые, ненавидя войну и ее зачинщиков, всерьез думали о возвращении к верноподданническому долгу, теперь, обескураженные холодным приемом, оказанным Голланду, оставили прежние замыслы и окончательно покорились Парламенту. Графы Нортумберленд, Бедфорд и Клэр также вернулись в Лондон.

Как уже упоминалось выше, в июле месяце, когда английский Парламент находился в отчаянном положении (сэр Уильям Уоллер был разбит, а войско графа Эссекса все еще оставалось небоеспособным), в Шотландию с просьбой о помощи был отправлен комитет обеих Палат. А там дела обстояли совсем по-другому: все открытые сторонники короля бежали, и полными господами в стране стали особы, приложившие руку к разжиганию смуты в Англии. Без согласия Его Величества они созвали Генеральную ассамблею церкви и Конвент сословий (хотя парламентский акт позволял им это сделать не ранее, чем через год), и теперь Ассамблея и Собрание учредили комитет для переговоров с гостями из Англии, весьма радушно принятыми. Мы отлично понимаем, заверяли

шотландские комиссары английских, сколь тесно судьба Шотландии связана с судьбой английского Парламента, ибо, расправившись с ним силой оружия, король, подстрекаемый их общими врагами, непременно обрушится затем на Шотландию. Когда же самые пылкие приверженцы правого дела отправятся в составе армии выручать своих английских собратьев, в самой Шотландии, под благовидным предлогом верноподданнического долга, могут поднять голову затаившиеся ныне сторонники короля и противники Реформации. А потому, рассуждали комиссары, здесь недостаточно мирских доводов и соображений; совесть шотландцев нужно связать особым — религиозным — обязательством, ибо только тогда долг перед Богом они поставят выше преданности государю, а утверждение Царства Христова сочтут делом более важным, нежели защита прав светской власти.

По этим причинам они предложили заключить между двумя королевствами особый союз, или Ковенант, с целью полного искоренения прелатства и замены его системой церковного управления, в наибольшей степени соответствующей Слову Божьему, под каковой системой они, несомненно, подразумевали пресвитерианство.

Английские комиссары тотчас же согласились с этим предложением; участники переговоров быстро составили проект Ковенанта, Генеральная ассамблея и Собрание сословий немедленно его утвердили и с невероятной поспешностью отправили в Вестминстер — вместе с обещанием скорой военной помощи.

Многие, однако, подозревали, что, предлагая Ковенант, шотландцы тайне рассчитывают на отказ английского Парламента его утвердить — что позволило бы им избежать участия в войне и не навлечь на себя упрек в том, что они бросили в беде своих английских братьев. Ведь ненависть к епископату, как отлично понимали шотландцы, еще не означала готовности принять пресвитерианство, к которому большинство пэров и многие влиятельные коммонеры относились не менее враждебно. Но хитрый расчет шотландцев (если он действительно имел место) не оправдался, ибо в Вестминстере проект Ковенанта был встречен с нескрываемой радостью. Там, однако, поостереглись тотчас же его утверждать: Парламент еще не знал, удастся ли Эссексу деблокировать Глостер, и вдобавок хотел создать впечатление серьезного обсуждения столь важного вопроса, а потому передал Ковенант на рассмотрение Собранию богословов.

Названная Ассамблея, составленная по большей части из лиц, которые отказались повиноваться королю и церкви, получила к тому же урок, показавший ее членам, сколь опасно для них не соглашаться

с мнением Палаты общин. Доктор Фитли, ученый и уважаемый человек, не однажды выступал на ее заседаниях в защиту епископов, осуждал как святотатство отчуждение церковных земель и с тревогой указывал на распространение сект, противных протестантизму и даже самому христианству. К Фитли подослали человека, который заявил, что поддерживает сношения с Оксфордом, и предложил свои услуги на сей счет. Одураченный доктор вручил ему для доставки в Оксфорд несколько писем, в том числе письмо к примасу Ирландии архиепископу Арма, в котором Фитли оправдывал свое участие в Ассамблее желанием удержать буйные умы ее членов хоть в каких-то рамках умеренности, а также заверял адресата в своей преданности епископальному строю церкви. Незадолго до получения проекта Ковенанта письма эти были представлены в качестве доказательства вины Фитли, а сам он был исключен из Ассамблеи, лишен приходов и брошен в тюрьму, где вскоре умер.

Имея перед глазами поучительный пример несчастного Фитли, «благочестивые и ученые богословы» не заставили Парламент долго ждать и уже через два дня полностью одобрили переданный на их рассмотрение Ковенант.

К этому времени состоялась битва при Ньюбери (разрешившая больше теологических сомнений, чем это могло сделать собрание богословов), и уже 25 сентября, в самый день возвращения в Лондон армии графа Эссекса, лорды, общины и члены Ассамблеи собрались в церкви, где после высокопарных речей богословов — о новом рождении трех королевств, коим должно стать нынешнее событие, об исполнении первой заповеди, о приближении, посредством имеющего быть принятым договора, Царства Христова на земле, и тому подобных вещах — клятвенно утвердили Ковенант, который гласил: >

Торжественная Лига и Ковенант для восстановления и защиты религии, чести и счастья короля, а также мира и безопасности трех королевств Англии, Шотландии и Ирландии.

«1. Мы, лорды, бароны, рыцари, джентльмены, граждане больших и малых городов, служители Евангелия и весь простой народ королевства Англии, Шотландии и Ирландии, живущие, по промыслу Божьему, под властью одного короля и принадлежащие к одной реформированной религии, радея о славе Божьей и о приближении Царства Господа нашего Иисуса Христа, о чести и благополучии короля и его потомства, об истинной общественной свободе, безопасности и мире (от коих зависит жизнь всякого частного лица), и памятуя о коварных и кровавых заговорах, конспирациях, покушениях и интригах врагов Господних против истинной религии

и людей, ее исповедующих, имевших место всюду, а особенно в наших трех королевствах, с самого начала церковной Реформации, а равно о том, сколь явно обнаружили и возросли их ярость, могущество и дерзость в последнее время (очевидными и общеизвестными свидетельствами чего служат прискорбное состояние ирландской церкви и королевства Ирландия, бедственное состояние английской церкви и королевства Англия и опасное положение шотландской церкви и королевства Шотландия) — мы, истощив все прочие средства (прошения, увещания, заявления и страдания), ради спасения самих себя и нашей религии от совершенной гибели и уничтожения, следуя давнему похвальному обычаю наших королевств, а также примеру Божьих людей иных наций, по зрелом размышлении постановили и решили заключить между собой Торжественную Лигу и Ковенант, и ныне, все вместе и каждый в отдельности, воздев руки ко всевышнему Богу, присягаем и клянемся в нижеследующем:

Мы, каждый на своем месте и в своей призвании, будем прилагать искренние, действенные и непрестанные усилия, чтобы, с Божьей помощью, защитить от наших общих врагов реформированную религию шотландской церкви в ее вероучении, обрядах, дисциплине и управлении, а также реформировать религию королевств Англии и Ирландии в ее вероучении, обрядах, дисциплине и управлении, в соответствии со Словом Божьим и по образцу лучших реформированных церквей. Мы потщимся привести Божьи церкви всех трех королевств к возможно более тесному союзу и полному единообразию в их культе, символе веры, форме церковного управления, порядке богослужения и катехизации, дабы мы и потомки наши после нас жили, как братья, в вере и любви, а Господь мог с радостью пребывать среди нас.

2. Подобным же образом мы приложим все усилия, дабы, невзирая на лица, искоренить папизм и прелатство (то есть управление церковью посредством архиепископов, епископов, их канцлеров и комиссаров, деканов, деканов и капитулов, архидиаконов и иных церковных чинов, эту иерархию составляющих), суеверие, ересь, раскол, нечестие, а также все, что будет признано противным истинному вероучению и правильному богопочитанию — чтобы нам не оскверниться соучастием в грехах других людей и через то не подвергнуть себя опасности разделить полагающиеся им кары, и чтобы во всех королевствах был один Бог и славилось одно Имя Его.

3. Столь же искренне, деятельно и непрестанно, каждый в своем призвании, не жалея имущества и самой жизни, мы будем взаимно охранять права и привилегии Парламентов и вольности королевств, а также охранять и защищать особу и власть Его Королевского Величества в защите и охранении им истинной религии и вольностей королевств — дабы не только наша совесть, но и весь мир мог засвидетельствовать, что мы верны Его Величеству и чужды всяких замыслов или намерений умалить его славу и справедливую власть.

4. Мы также потщимся со всевозможным усердием выявлять всех, кто уже стали или еще станут поджигателями мятежа, малигнантами или орудиями зла, стремящимися, вопреки настоящей Лиге и Ковенанту, воспрепятствовать реформированию религии, внести раскол между королем и его народом или между нашими королевствами или же сеять раздоры и создавать партии в среде народа — дабы таковые особы были преданы публичному суду и понесли заслуженное наказание, которого требует и подразумевает тяжесть их преступлений и которое найдет нужным назначить верховный суд соответствующего королевства или иные лица, получившие от него надлежащие полномочия.

5. А поскольку счастье благословенного мира между нашими королевствами, в коем было отказано нашим предкам в прежние времена, даровано нам ныне благим Промыслом Божиим через заключенный и утвержденный нашими Парламентами договор, то все мы, каждый на своем месте и по мере своих сил и влияния, сделаем все, чтобы навеки сохранить между ними тесный союз и прочный мир и чтобы каждый, кто этому миру и союзу умышленно воспротивится, получил справедливое воздаяние (в порядке, изложенном в предшествующих статьях).

6. Сверх того, каждый на своем месте и согласно своему призванию, объединенные общей заботой о религии, свободе и мире наших королевств, мы будем оказывать содействие и предоставлять защиту всем участникам настоящей Лиги и Ковенанта в ее соблюдении и осуществлении и никому не позволим прямыми или окольными путями, посредством ли интриг, лукавых внушений или устрашения нас расколоть или вывести из этого благословенного союза и объединения, чтобы затем заставить нас переметнуться на противоположную сторону или склонить нас к отвратительному безразличию или постыдному нейтралитету в борьбе, столь явно затрагивающей славу Божию, благо королевств и честь короля — но до конца своих дней пребудем ревностными и твердыми

приверженцами этого союза, защищая его от всякого противодействия, поддерживая его всеми силами вопреки любым преградам и помехам. А то, что мы не сумеем пресечь и одолеть сами, мы будем разоблачать и доводить до всеобщего сведения ради своевременного предотвращения и устранения всякого зла. Все это мы будем совершать пред лицом Бога.

А поскольку эти королевства повинны во многих грехах и дерзких деяниях против Бога и Сына Его Иисуса Христа, слишком явным доказательством чего служат нависшие над нами ныне угрозы и постигшие нас беды, а также их последствия, то мы провозглашаем и заявляем перед Богом и миром о нашем искреннем желании смиренно покаяться в грехах наших и грехах королевств наших, и прежде всего в том, что мы не дорожили как должно бесценным благом Евангелия, не стремились сохранить его во всей чистоте и силе, не старались принять Христа всем сердцем и сделать нашу жизнь достойной Его, что и стало причиной прочих грехов и проступков, преизобилующих среди нас. Теперь же мы имеем истинное и нелицемерное желание, стремление и намерение — относящееся к нам самим и ко всем, кто находится под нашей властью и на нашем попечении, в делах общественных и частных, применительно ко всем нашим обязанностям перед Богом и людьми — исправить нашу жизнь и сделать так, чтобы каждый из нас следовал в своих поступках образцу подлинной Реформации, дабы Господь отвратил от нас Свой гнев и суровое негодование и прочно утвердил эти церкви и королевства в истине и мире. Ковенант сей мы заключаем в присутствии Всемогущего Бога, испытующего все сердца, с искренним намерением его исполнить, и в сознании того, что нам предстоит держать ответ в тот великий день, когда тайны всех сердец обнаружатся. Мы смиренно молим Господа укрепить нас Своим Святым Духом ради достижения этой цели и благословить наши стремления и действия таким успехом, который принес бы спасение и безопасность Его народу и побудил прочие христианские церкви, стонущие под игом (или пребывающие под угрозой) противной христианству тирании, объединиться в такой же или подобный союз и ковенант — во имя славы Божией, расширения Царства Иисуса Христа, а также мира и спокойствия христианских королевств и государств».

◀ Завершением сего торжественного действия стала речь представителя шотландского духовенства м-ра Гендерсона, который, сославшись на опыт своего народа, заверил собравшихся, что их теперь ожидает

полный успех, и предположил, что если бы текст Ковенанта появился ныне на стене папского дворца, то его хозяин, вне всякого сомнения, затрепетал бы от страха, подобно Вальтасару. После чего спикер и общины возвратились в Палату и, обнаружив отсутствие многих членов (о причинах коего нетрудно было догадаться), постановили подвергнуть судебному преследованию всякого коммонера, который откажется принять Ковенант.

Затем они издали особое распоряжение, предписывавшее всем священникам приходских церквей в Лондоне, Вестминстере, пригородах и вдоль линии укреплений читать и толковать Ковенант, дабы побудить паству к его принятию уже в следующую пятницу. Существовало, однако, еще одно затруднение. Дело в том, что до выступления шотландской армии в поход английский Парламент должен был послать в Эдинбург сто тысяч фунтов, но выполнить это обязательство было нелегко, ибо доходы Палат не покрывали растущих расходов, казна истощилась, и государственным гарантиям верили плохо. Двадцати тысяч фунтов штрафа, уплаченных по приговору пэров судьями Беркли и бароном Тревором (обвиненными в государственной измене), было недостаточно, и теперь, чтобы изыскать средства для обещанного шотландцам займа, Парламенту пришлось обратиться к авторитету Ковенанта.

Для этой цели в ратушу, где лорд-мэр созвал Муниципальный совет, явилась депутация лордов, общин и Ассамблеи богословов, коей и предстояло убедить собравшихся раскошелиться в пользу шотландцев. Гражданам Сити втолковывали, что только помощь северных братьев (без английского займа — невозможная) способна спасти их теперь от поражения, а в будущем обеспечить победу; что зачинщики войны возместят расходы на нее, а государственные долги будут уплачены за счет имущества делинквентов и малигнантов. Теперь же, твердили члены комитета, англичанам нужно срочно найти сто тысяч фунтов для своих союзников, дабы их армия могла поскорее двинуться им на выручку — и дело здесь отнюдь не в жадности или недостаточном рвении шотландцев, а в том, что их королевство, и само по себе бедное, изрядно поиздержалось из-за прежних военных предприятий. Завершились эти увещания славословиями шотландской нации — народу, который посвятил всего себя служению Богу, который в необыкновенно короткий срок преобразился нравственно, которого Господь благословил за это великими успехами — и который теперь убедительно просит ссудить его ста тысячами фунтов. Велеречие комиссаров подействовало на собравшихся — требуемая сумма была обещана, изыскана и в скорости отправлена в Эдинбург.

Едва ли не самым поразительным во всей истории английской смуты стало то обстоятельство, что Ковенант быстро прошел через обе Палаты — те самые Палаты, коих вожди, и прежде всего Генри Вен-младший, питали к пресвитерианству ничуть не меньшую вражду, чем к королю и к англиканской церкви.

Обладая необыкновенными дарованиями, блестящим остроумием и проницательным умом, Генри Вен умел распознавать чужие замыслы и хранить в тайне собственные, и превзойти его в искусстве тонкой политической интриги мог разве что м-р Гемпден. О способностях Вена по этой части говорит уже то, что именно ему поручили одурачить целый народ, знаменитый своей хитростью и коварством — и он действительно добился успеха, ловко сыграв на беззаветной преданности шотландцев идолу пресвитерианского церковного строя.

В самом деле, перед Веном стояла трудная задача, ведь шотландский народ в большинстве своем был удовлетворен тем, что уже успел получить от короля, и теперь вполне мог предпочесть роль стороннего наблюдателя английских событий. А те влиятельные особы, чья вина не оставляла им иной гарантии личной безопасности, кроме отсутствия у Его Величества всякой возможности привлечь их к суду, были, по-видимому, не столь многочисленны, чтобы толкнуть свой народ к открытому мятежу. Без содействия Парламента они не могли даже задаться такой целью, король же, как мы помним, запретил созывать Парламент, а сделать это без его согласия они имели законное право не раньше, чем через год.

И, однако, прибывшие в Эдинбург английские комиссары быстро уговорили тамошний Совет созвать Парламент. Герцог же Гамильтон, который возглавлял партию короля в Совете и в свое время твердо обещал Его Величеству не допустить незаконного созыва, повел теперь иные речи. Он убеждал своих единомышленников не противиться мерам Совета (ибо это-де не поможет успокоить умы и лишь разъярит тех, кто требует созыва), но воздержаться от участия в заседаниях Парламента самим и склонить к этому других — после чего явившиеся в Эдинбург люди, видя свою немногочисленность, не дерзнут объявить себя Парламентом и разойдутся по домам. Когда же Совет назначил день открытия Парламента, многие сторонники короля из числа знати и джентри выразили готовность прибыть с верными людьми и при оружии в Эдинбург и открыто заявить о незаконности намеченного собрания. Гамильтон с ними не согласился, однако свой прежний план он изменил и теперь предлагал совершенно иной образ действий: приверженцы короля должны занять свои места в Палате, и как только начнется заседание, он, герцог, заявит решительный протест против незаконного собрания,

остальные дружно его поддержат, и если число протестующих окажется достаточно внушительным, то Парламент будет распущен. Граф Киньюл возразил ему, но герцог тут же извлек из кармана письмо короля и прочел несколько строк, из коих явствовало, что Его Величество одобряет план Гамильтона. В свое время король (к несчастью, всецело доверявший герцогу) велел своим шотландским сторонникам строго следовать его указаниям, и теперь они, скрепя сердце, подчинились Гамильтону.

Когда же заседание Парламента открылось и герцог Гамильтон произнес нечто похожее на протест, многие лорды из числа противников короля гневно потребовали от него изъясниться определеннее и сказать прямо, считает ли он настоящее собрание незаконным. Тут встал с места его брат, государственный секретарь лорд Ланарк, и выразил надежду, что любовь герцога к отечеству хорошо известна, так что никому не придет в голову, будто он мог выступить с протестом против созыва Парламента; после чего сам герцог поспешил извиниться и объяснил, что он действительно не имел в виду ничего подобного. В конце концов шотландский Парламент постановил вступить в переговоры с представителями Парламента английского.

Некоторые полагали, что шотландский Парламент не хотел войны, но его обманула небольшая кучка врагов короля. Эти люди утверждали, что отказать в помощи английскому Парламенту, в свое время решительно поддерживавшему шотландцев, последние теперь не вправе; что помощь эта будет заключаться в посредничестве между Парламентом и королем; что лучший способ избежать участия в войне — это не прямой отказ от переговоров с английскими комиссарами, но выдвижение заведомо неприемлемых для английского Парламента условий. А потому английским комиссарам было выставлено следующее неременное условие: полное уничтожение епископата и приведение английского церковного устройства в соответствие с шотландским.

Сэр Генри Вен не удивился подобному предложению, ибо давно его предвидел, твердо решив заплатить любую цену за союз с шотландцами.

Он внимательно изучил представленный ими проект Ковенанта, изменил в нем несколько выражений (сделав их настолько двусмысленными, что они допускали теперь различные толкования) и, вместе с остальными комиссарами, подписал весь договор, предусматривавший принятие Ковенанта во всех королевствах Его Величества, включение шотландских представителей в состав узкого комитета в Вестминстере, руководившего военными делами, запрет на ведение переговоров и заключение мира с королем иначе как с общего согласия обоих Парламентов, а также ряд других пунктов, унижительных для английской нации.

Договор спешно отправили в Лондон, где узкий комитет тотчас же его утвердил и отослал обратно в Эдинбург.

После этого шотландский Парламент принял решение о наборе многочисленной армии, а ее прежний главнокомандующий Лесли (столь торжественно обещавший королю более никогда не поднимать против него оружия) без колебаний согласился снова ее возглавить. Все это время герцог Гамильтон лишь наблюдал за происходящим, когда же Парламент именем короля издал прокламацию о призыве в армию мужчин соответствующих возрастов > [между 60 и 16.], < граф Ланарк скрепил ее королевской печатью. Затем братья отправились в Оксфорд, чтобы представить королю отчет о событиях в Шотландии; со своей стороны, многие шотландские вельможи из числа искренних приверженцев короля, покинувшие отечество после открытия Парламента (когда герцог нарушил данное им обещание), рассказали Его Величеству о том, что сами они сочли подлой изменой Гамильтона. >

В самом начале смуты король весьма благоразумно дал себе слово никому не жаловать почестей и титулов и не назначать на высокие должности и посты вплоть до окончания и завершения гражданских раздоров, и это решение, будь оно с твердостью исполнено, принесло бы немалую пользу его делу и облегчило бы жизнь ему самому. Но уже вскоре крайняя нужда и военная необходимость заставили сделать известные изъятия из этого превосходного правила, и, чтобы получить наличные деньги для ведения войны, Его Величеству пришлось, скрепя сердце, оказывать такие милости, коими при иных обстоятельствах он удостоил бы лишь за блестящую доблесть и великие заслуги. Тогда все полагали, что деньги и то, что за них приобретают, — одно и то же, и что всякий, заслуживший своими трудами денежную награду, заслужил и все то, что за деньги можно купить. Когда же стало ясно, что война продлится долго, решили, что со стороны короля было бы неразумно отказываться награждать некоторых (что он способен был сделать) только потому, что он не может награждать всех (что, по общему мнению, было ему не под силу).

Порожденный таким образом яд зависти проник в души многих людей, которым, впрочем, достало искусства это скрыть. Военные, хотя они были вечно недовольны друг другом и отчаянно между собой соперничали (ведь среди старших офицеров не прекращались злосчастные раздоры), умели, однако, и даже слишком хорошо, объединяться против любых других органов и корпораций. Вообразив, будто судьба королевской короны зависит единственно от

их мечей, они ни во что не ставили суждения других и полагали, что Его Величество должен принимать в расчет лишь мнения военных. Отсюда проистекали роковое неуважение и непочтительность к Государственному совету, коему, согласно нашей благодетельной конституции, самым очевидным и естественным образом подчинены милиция, гарнизоны и все военные власти, и от законных полномочий и мудрости которого только и следовало ожидать мер, призванных обеспечить армию всем необходимым.

Но ни главнокомандующий, ни принц Руперт не имели понятия об образе правления, порядках и обычаях нашего королевства; они были незнакомы с английской знатью и государственными министрами, равно как и с их правами. Принц был столь всецело увлечен битвами и сражениями, что не просто недооценивал, но откровенно презирал средства мирные и гражданские, совершенно необходимые даже на войне. И, пожалуй, нельзя найти лучшего объяснения неудачам, постигшим этого подававшего великие надежды молодого принца (который отличался не только крепким сложением и изумительной личной храбростью, но и недюжинным умом), — а стало быть, и последующим бедствиям всего королевства — чем грубость и нелюбезность его нрава, отчего принц не мог с должным терпением слушать, а значит, и с надлежащей основательностью судить о тех вещах, коими следовало ему руководствоваться при исполнении своих важных обязанностей.

Поскольку эти раздоры, слабости и взаимные антипатии отдельных лиц оказывали громадное влияние на общий ход дел, расстраивая и нарушая все планы и замыслы Его Величества, то никого не тревожили они сильнее, чем самого короля, который и как человек, и как государь в полной мере испытывал печальные последствия грубой дерзости, раздражения и недовольства, господствовавших в армии и при дворе. Теперь Его Величеству приходилось расплачиваться за все выгоды и преимущества, которые доставили ему в начале войны мягкость и царственная учтивость в обращении со всеми без изъятия, а также известное отступление от приличествующих монаршему сану формальностей, коим в прежние времена следовал он со всей строгостью. В начале смуты он благоволил лично принимать любые обращения, выслушивать всякого, кто предлагал ему свои услуги, беседовать с каждым, кто изъявлял ему свою преданность, так что теперь короля изводили беспрестанными жалобами, претензиями и капризами, и, какими бы пустячными и неразумными ни оказывались их причины, Его Величеству

приходилось вразумлять и успокаивать недовольных. Каждый теперь желал получить ответ не иначе, как от самого короля, и притязал на большее, нежели то, чем должен был бы удовлетвориться, имея дело с любым другим человеком. Всякий превозносил уже оказанные им услуги, а также свое влияние и способность совершить в будущем дела еще более славные, рассчитывая удостоиться за то и другое подобающих — по его собственному разумению — почестей и наград; а если не получал желаемого, то делался угрюмым, мрачно сетовал на невнимание к своей особе и принимал решение (или просто грозился) оставить службу и удалиться в какое-нибудь иностранное государство. Заблуждается тот, кто думает, будто обычные для королей благородная важность обращения, блеск и великолепие суть вещи пустячные, не имеющие касательства к действительному их могуществу. Это внешние укрепления, которые защищают самое королевское величество от неприятельских апрошей и внезапных атак. И, несомненно, ни один монарх, неосмотрительно отступивший от этих форм — блестящих знаков и непременных атрибутов высокого сана и исключительного положения — уже не сумеет впоследствии уберечь свое величество как таковое от дерзких оскорблений и бесцеремонных посягательств.

Чтобы рассеять пары всеобщего недовольства, Его Величество не мог найти лучшего средства, чем деятельность и движение, а потому, хотя удобная для военной кампании пора года уже приближалась к концу, а слишком многие офицеры были ранены, так что думать о выступлении в новый поход, казалось бы, не приходилось (вдобавок многие полки успели возвратиться на свои прежние квартиры), он решил, что оставшиеся с ним близ Оксфорда войска не должны бездействовать.

В начале октября принц Руперт с сильной партией кавалерии, пехоты и драгун вступил в Бедфордшир и захватил Бедфорд, а в нем — неприятельский отряд, использовавший названный город лишь как укрепленные квартиры. Главной целью похода было поддержать сэра Льюиса Дайвса, пока тот занимался укреплением Ньюпорт-Пагнелла, где рассчитывал поставить гарнизон. Это сократило бы линию сообщения с северной Англией и затруднило бы связь между Лондоном и Восточной ассоциацией графств. Неприятель также это понимал, а потому при первом же известии об экспедиции Руперта граф Эссекс перенес свою главную квартиру из Виндзора в Сент-Олбанс, а лондонская милиция и вспомогательные полки вновь присоединились к нему, чтобы усилить его

армию. При их приближении сэр Льюис Дайвс, неправильно истолковав полученный из Оксфорда приказ, вывел свои отряды из Ньюпорт-Пагнелла, а неприятель тотчас им овладел, превратив его в важный опорный пункт. Тогда принц Руперт укрепил Тоустер, город в Нортгемптоншире, и оставил там сильный гарнизон, который хотя и причинил известное беспокойство неприятелю и жестоко отомстил графствам, всего ревностнее поддерживавшим Парламент, но, по правде говоря, немногим помог делу короля.

В это время Парламент имел менее всего власти и влияния на западе, где его сторонники, зажатые на тесном пространстве, оказались в отчаянном положении. После овладения Эксетером, поскольку джентльмены этого графства в большинстве своем твердо стояли за короля, принц Мориц всюду находил искреннюю готовность содействовать успеху его важного предприятия денежными пожертвованиями, набором солдат и всякого рода помощью, на какую можно было рассчитывать. А потому уже через несколько дней после сдачи упомянутого города армия его, благодаря новым пополнениям, состояла не менее чем из семи тысяч пехотинцев (войско, прежде в западных графствах невиданное) и соразмерного по численности отряда конницы, причем все они были превосходно вооружены и экипированы. В это самое время полковник Дигби, имевший свыше трех тысяч человек пехоты и шестисот кавалеристов, стоял под Плимутом. Он уже успел захватить важное укрепление Маунт-Стамфорд (названное так по имени графа Стамфорда во время его пребывания в этом городе). Оно находилось в полумиле от Плимута и господствовало над рекой, а потому его потеря сильно обескуражила неприятеля.

Первой из ошибок, совершенных принцем после захвата Эксетера, стало то, что он слишком долго там задержался, прежде чем начать новый поход, ведь победоносные армии внушают страх лишь пока память и слава их побед достаточно свежи. Когда же принц наконец выступил, он допустил еще один промах, ибо не двинулся прямо на Плимут, который, по всей вероятности, сдался бы тотчас при его появлении, так как город был совершенно не готов встретить врага, и к тому же в нем самом царили смятение и жестокие распри.

В мирное время это был богатый, многолюдный город и важный порт, с замком и еще более сильным фортом на острове, которые господствовали над входом в гавань и прикрывали Плимут от нападения с моря, но сами едва ли могли отразить атаку с суши. Гарнизон их

насчитывал тогда каких-нибудь пятьдесят человек (успевших к тому же пережениться на жительницах Плимута, заняться ремеслами и превратиться по сути из солдат в обыкновенных горожан), к пушкам не было боеприпасов; и когда перед началом смуты король вызвал к себе плимутского коменданта сэра Джейкоба Астли, принявшие сторону Парламента мэр и обыватели быстро завладели замком и фортом.

Обрадованные таким приобретением Палаты ввели в Плимут сильный гарнизон; обороной самого города и замка ведал теперь плимутский мэр, начальство же над фортом было поручено сэру Александру Кэрю, богатому джентльмену, который в качестве рыцаря представлял свое графство Корнуолл в Парламенте, где успел выказать себя ревностным сторонником партии непримиримых врагов короля.

Но когда королевские войска одержали победу при Страттоне, взяли Бристоль и осадили Эксетер, сэру Александру пришло на ум, что плимутский форт едва ли станет надежной защитой для его корнуолльского поместья, и он решил исправить свою ошибку. Вступив в переписку со старыми друзьями в Корнуолле, Кэрю через их посредство изъявил готовность сдать остров и форт королю, если Его Величество дарует ему помилование. Сэр Джон Беркли, осаждавший тогда Эксетер и наделенный полномочиями вести подобные переговоры, заверил его, что это условие будет выполнено, и посоветовал действовать без всякого промедления. Однако нерешительный и недоверчивый сэр Александр тянул с осуществлением своего замысла до тех пор, пока не получил достоверного известия, что акт о его прощении скреплен Большой государственной печатью Англии — и пока кто-то из слуг, использовавшихся им в этих переговорах, не выдал его план мэру. Кэрю был тотчас же арестован в своем форте, доставлен в Плимут и оттуда препровожден в Лондон; о том же, что произошло с ним в столице, будет сказано в своем месте.

Вскоре к Плимуту подступил полковник Дигби, и в городе, потрясенном только что раскрытой изменой Кэрю, возникло замешательство: никто никому больше не верил, и все подозревали друг друга в предательстве. >

Известия о падении Эксетера (после которого победоносная неприятельская армия, развязав себе руки, могла обрушиться и на них), а также потеря Маунт-Стамфорда, единственного серьезного укрепления на суше, вместе с описанной выше историей, повергли горожан в неопишуемый ужас и заставили задуматься о том, что пусть даже им и удастся продержаться и защитить город, однако, коль скоро вся округа будет занята неприятелем, они неизбежно потеряют всю свою торговлю, а стало быть, из почтенных купцов

превратятся в простых солдат. Сражаться ради такой перспективы им вовсе не улыбалось, так что сам плимутский мэ́р был не прочь вступить в переговоры с тем, чтобы сдать город. И многие тогда полагали, что если бы принц Мориц выступил из Эксетера к Плимуту, то соглашение о капитуляции непременно было бы подписано. Впрочем, когда я говорю, что, не сделав этого, он совершил ошибку, я вижу здесь скорее беду, а не вину принца, ибо его высочество был совершенно не знаком с этим краем и потому, дав себя убедить доводами, которые казались весьма основательными, решил вначале идти на Дартмут. Считалось, что взять последний не составит большого труда, что через дартмутский порт, когда он окажется в руках короля, пойдет оживленная торговля, и что после того, как принц быстро управится с этим делом, у плимутцев поубавится отваги и желания сопротивляться. Если же нет, то приближающуюся зиму (а шла уже вторая половина сентября) гораздо лучше будет провести как раз под Плимутом, ибо в его окрестностях легко найти удобные квартиры для солдат, между тем как отыскать таковые близ Дартмута невозможно.

Приняв это в расчет, принц двинулся прямо на Дартмут, который, хотя и был из-за своего невыгодного местоположения и полного отсутствия всего того, что обыкновенно внушает обороняющимся уверенность в своих силах, совершенно не готов противостоять столь грозной армии, не обнаружил при его появлении ни малейшего желания или намерения сдаваться, так что принцу пришлось осадить город. Вскоре наступила столь отвратительная погода и пошли такие сильные дожди, что многие из его людей, вынужденных ночевать на голой земле, заболели и умерли, а еще большее их число дезертировало. Все же, после примерно месяца осады и гибели многих отличных бойцов, Дартмут капитулировал на почетных условиях, и принц, оставив в нем гарнизон, не теряя больше времени со всей поспешностью выступил к Плимуту. Последний, однако, находился теперь в ином положении, чем прежде, ибо Парламент, немедленно извещенный о том, сколь ужасным образом потеря почти всего запада подорвала дух жителей Плимута, успел послать им подкрепление в пятьсот солдат, а также офицера-шотландца в качестве коменданта. Тот освободил мэра от бывших ему не по плечу воинских обязанностей и быстро дал понять неприятелю, что ни о чем ином, кроме самой решительной обороны, в Плимуте больше не помышляют. А потому принц начал осаду — с армией, гораздо слабейшей, нежели та, с которой

выступил он из Эксетера к Дартмуту, но в твердой надежде овладеть городом еще до конца зимы.

Хотя деблокада Глостера и битва при Ньюбери прервали череду успехов и побед короля, в целом летняя кампания чрезвычайно укрепила его положение. Ведь если раньше подвластная ему территория ограничивалась, в сущности, Оксфордширом и половиной Беркшира (каковая половина также была потеряна с падением Ридинга весной), а его сторонники в прочих графствах могли, казалось, лишь воспрепятствовать полному соединению сил его врагов, но едва ли привести эти графства к повиновению королю, то теперь он, по сути дела, стал владыкой всей западной Англии. В Корнуолле он господствовал безраздельно; во всем Девоншире ему сопротивлялся один лишь Плимут, причем вражеские силы были прочно заперты в стенах города. Обширное и богатое графство Сомерсет (второе в королевстве) вместе с Бристолем находилось в полной его власти; в Дорсетшире в руках неприятеля оставались лишь два рыбацких городка, Пул и Лайм — все прочее стояло за короля. И в каждом из этих графств король располагал немалым числом гаваней и портов, через которые он мог получать боевые припасы, а обыватели — вести торговлю. В Уилтшире неприятель не имел ни малейшей опоры, в Гемпшире — один или два города, но никакого влияния за их пределами: тамошний народ в большинстве своем был настроен против Парламента. Весь Уэльс (исключая один или два приморских города в Пемброкшире) ревностно поддерживал короля, и лишь злосчастное упрямство Глостера не позволяло Его Величеству завладеть всей долиной реки Северн. В Шропшире, Чeshire и Ланкашире Парламент был теперь ничуть не сильнее, чем в начале года. И хотя маркизу Ньюкаслу пришлось, к сожалению, снять осаду Гулля (как королю — отступить от Глостера), он по-прежнему имел полную власть над Йоркширом и гораздо большее, чем Парламент, влияние в Ноттингемшире и Линкольншире. Короля могли уже считать достаточно сильным для ведения войны — а ведь именно противоположное мнение явилось одной из важнейших причин того, что в стране не наступал мир. А потому многие полагали, что, сколько бы упорства ни выказывал неприятель теперь, зимой непременно последуют некие попытки к примирению, и что весь шум насчет грозных приготовлений в Шотландии поднят лишь для того, чтобы склонить короля к более значительным уступкам. Они также всерьез верили, что те самые особы, которые лицемерно объявляли единодушное желание

народа высшим основанием для всех своих действий и клеветнически обвиняли короля в коварном умысле призвать иноземные войска, дабы устроить подданных и сломить их сопротивление, не посмеют теперь подталкивать чужую нацию к вторжению в Англию и не дерзнут принуждать английский народ к подчинению тем переменам, которые он и в мыслях не имел принимать. А прибытие графа д'Аркура, полномочного посла французской короны, открывало, по их мнению, возможность начать мирные переговоры без формальностей и предварительных условий, которые, после издания обеими сторонами друг против друга деклараций и протестов, представлялись этим людям более серьезной преградой на пути к миру, чем какие-либо действительные разногласия между королем и Парламентом.

Король также связывал с его миссией известные надежды, ибо кардинал Ришелье, столь усердно разжигавший смуту в Англии и Шотландии, уже умер, прежние министры вышли из Бастилии или вернулись из ссылки, а регентшей стала королева-мать, которая выражала глубокую личную симпатию к английской королеве, принимала близко к сердцу бедствия короля и, как можно было подумать, ясно сознавала, что интересам и чести французской короны соответствовала бы поддержка английской монархии.

Графа встретили в Лондоне весьма торжественно (Палатам очень хотелось показать, что отсутствие короля никак не отразилось на пышности официальных церемоний), но когда он получил пропуск в Оксфорд, его карету при выезде из Лондона подвергли обыску. Несмотря на протест д'Аркура, он не получил удовлетворения за столь грубое оскорбление, а устроивший обыск офицер не понес ни малейшего наказания — из чего многие заключили, что сам д'Аркур не слишком энергично выразил свое возмущение. Король рассчитывал, что французская корона через своего посла выступит с решительной декларацией в его защиту и, если она не возымеет действия, прервет сношения с Англией, что поставит под угрозу лондонскую торговлю и произведет должное впечатление на шотландцев.

По возвращении из Оксфорда посол отправил письмо графу Нортумберленду, в котором просил сообщить Парламенту, что он довел до сведения Их Величеств искреннее желание французского короля способствовать достижению мира в английском королевстве, и предлагал свои услуги в качестве посредника.

На созванной по этому поводу конференции общины отклонили предложение лордов назначить комитет для переговоров с послом,

а в своем ответе поблагодарили короля и королеву-регентшу Франции за любезное предложение добрых услуг, но указали, что если послу будет угодно сообщить им что-то еще, то ему следует обращаться не к отдельным членам Парламента, но к одному из спикеров (тем самым он по всей форме признал бы их законным Парламентом). После этого посол совершил еще несколько поездок в Оксфорд, отправил еще несколько ничего не значащих посланий Палатам и возвратился во Францию *re infecta**, ни в чем не поддержав Его Величество и не выразив ни малейшего недовольства действиями Парламента.

Некоторые полагали (и, следует признать, не без оснований), что Франция и не собиралась как-либо возместить причиненный ею ущерб; что после смерти Ришелье ее политика, направляемая теперь кардиналом Мазарини, ближайшим сотрудником и верным учеником покойного, в сущности не изменилась, и новый посол руководствовался теми же тайными инструкциями, что и его предшественник, отозванный по требованию короля.

Когда граф д'Аркур получил назначение в Англию, было решено, что в его свите, изменив внешность, отправится м-р Монтегю, тогдашний английский посол при французском дворе — предполагалось, что таким образом он сумеет безопасно добраться до Оксфорда. Но в первый же день пребывания графа на английской земле Монтегю был схвачен по приказу Парламента, препровожден в Лондон и брошен в Тауэр, и хотя французский посол изобразил по этому поводу глубокое возмущение, с формальным требованием об освобождении Монтегю он так и не выступил.

В ходе своего первого визита в Оксфорд д'Аркур предложил королю заключить с Францией наступательный и оборонительный союз. Его Величество изъявил готовность подумать об этом предложении, назначил из членов своего Тайного совета комитет для обсуждения условий договора и, со своей стороны, пожелал, чтобы французская корона предоставила ему денежный заем, прислала крупную партию оружия и боевых припасов, а также (в соответствии с одной из статей последнего договора между двумя государствами) недвусмысленно осудила действия его мятежных подданных.

Однако посол (кажется, не ожидавший такого ответа) отказался сразу же начать переговоры, поскольку ему-де необходимо известить

* *Re infecta* (лат.) — дело, не пришедшее к завершению, проваленная миссия. (Примеч. ред.)

обо всем Их Величества в Париже, а впоследствии не пожелал возвращаться к этому вопросу — под тем лицемерным предлогом, что со стороны Франции было бы неблагородно заключать союз именно сейчас, когда английский король находится в бедственном положении и, принужденный обстоятельствами, может согласиться на невыгодные для себя условия. Между тем королева-регентша и кардинал категорически заявили лорду Горингу, чрезвычайному посланнику Его Величества во Франции, что граф д'Аркур не получал инструкций заводить речь о каком-либо наступательном и оборонительном союзе. Все это привело многих к мысли, что граф был послан в Англию для того, чтобы еще сильнее раздуть, а отнюдь не погасить пламя смуты. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что он ничем не помог делу Его Величества; Парламент к моменту его возвращения во Францию еще теснее сплотился против короля, а шотландцы приблизились к осуществлению своего замысла вторжения в Англию (ведь французский агент в Шотландии также не пытался повлиять на их настроения в выгодном для короля смысле).

Между тем лорды и общины, как никогда прежде единодушные, издали новые и еще более строгие распоряжения об обязательном принятии Ковенанта и постановили, что всякий, кто откажется его подписать, лишится права занимать какие-либо военные и гражданские должности и посты. Однако в вопросе о Большой государственной печати общины вновь столкнулись с сопротивлением лордов, сославшихся на статут 25-года правления Эдуарда III, который объявлял ее подделку государственной изменой.

Оставив без внимания возражения лордов, Нижняя палата постановила изготовить Большую государственную печать, а когда в середине ноября лорды наконец капитулировали, Парламент издал ордонанс, объявлявший его Печать единственно законной Государственной печатью Англии, а всякого, кто посмеет использовать другую печать — врагом государства.

Около этого же времени, желая показать, что они обладают всей верховной властью, а не делят ее с королем, Палаты совершили еще одно дерзкое и жестокое деяние. Два королевских гонца, отправленных из Оксфорда с рескриптами к оставшимся в Вестминстере судьям Бэкону, Риву и Тревору, были схвачены, преданы военному суду как шпионы и приговорены к смертной казни. Один из них действительно был повешен; другой, уже под самой виселицей, получил отсрочку в приведении приговора в исполнение и был заключен в Бредуэлл (откуда впоследствии ему удалось бежать в Оксфорд). Чтобы еще сильнее запугать людей благонамеренных, Парламент издал ордонанс, объявлявший, что

всякий, кто отправится в Оксфорд без дозволения Палат или без пропуска от главнокомандующего, или же вступит в переписку с лицами, находящимися на территории, занятой войсками короля, будет привлечен к суду как лазутчик и враг государства.

Нагнав страху на врагов, Палаты позаботились и о том, чтобы мерами особой строгости внушить должное уважение к своей власти друзьям и союзникам. После успешной обороны Глостера потеря Бристоля воспринималась Парламентом еще болезненнее и вызывала все более суровое осуждение в обществе. Не выдержав этих упреков, бывший комендант Бристоля полковник Финнз изъявил готовность ответить за свои тогдашние действия перед военным судом. Полагаясь на свой авторитет в Палате общин и на влияние своего отца, он с основанием рассчитывал на благоприятный исход дела.

Истцами выступили некий м-р Уоллер, богатый сомерсетширский джентльмен, находившийся в Бристолье во время осады и потерявший все свое состояние, что и привело его в ярость против коменданта, а также известный м-р Принн, движимый главным образом неугомонностью своего нрава. Оба они, изображая великую ревность о благе отечества, обвинили полковника в трусости и предательстве. Финнз, человек образованный и даровитый, пользовавшийся уважением Палаты общин и, как один из вождей враждебной королю партии, прекрасно осведомленный о всех тайных замыслах и интригах своих единомышленников, не скрывал своего презрения к обвинителям, а также к тем, кто, как он подозревал, стоял за их спиной — и прежде всего к м-ру Уильяму Уоллеру, чье поражение при Раундуэй-Дауне и повлекло за собой падение Бристоля, и который теперь пытался представить его потерю следствием единственно лишь малодушия и неумелого командования Финнза.

Несмотря на все это, военный суд в Сент-Олбансе, где находилась тогда главная квартира графа Эссекса, после многодневных слушаний приговорил полковника Финнза к смертной казни через отсечение головы — за то, что «он защищал Бристоль не так хорошо и не так долго, как должен был». И хотя впоследствии главнокомандующий его помиловал, смыть позор приговора было уже невозможно, и Финнз покинул Англию. >

Всего сильнее короля тревожили в то время полученные им из Шотландии известия, что там уже собрали армию и приняли решение вступить в Англию зимой. Как раз теперь подобное вторжение представляло особенно страшную угрозу, ведь армия графа Ньюкасла (недавно возведенного в достоинство маркиза) была вынуждена, столько же из-за ропота и недовольства офицеров,

сколько по причине дурной погоды, отказаться от планов овладения Гуллем и отступить в Йорк, а гульский гарнизон, всерьез беспокоивший округу дерзкими вылазками и набегами, успел разбить несколько эскадронов Ньюкасла, так что шотландцы могли найти в этом обширном графстве довольно сильную поддержку. Тем не менее маркиз выслал к границе крупный отряд кавалерии, чтобы следить за их передвижениями, а едва узнав о том, что шотландская армия выступила в поход (начавшийся в январе месяце, когда выпал снег и ударил сильный мороз), лично двинулся ей навстречу в епископство Дарем.

Для выхода из столь затруднительного положения королю предложили два средства. Во-первых, все лорды, находившиеся в Оксфорде и служившие в армии короля, должны были подписать письмо к шотландскому Государственному совету, из коего явствовало бы, что пять шестых английской знати и членов Верхней палаты поддерживают Его Величество и сурово осуждают незаконные действия английского Парламента — таким образом некоторые надеялись вразумить шотландцев (хотя все изложенное в письме было отлично известно людям, сохранившим этот народ с пути истинного). Тайный совет одобрил подобную меру; письмо было составлено, подписано и с трубачом маркиза Ньюкасла отправлено в Эдинбург.

Во-вторых, королю предложили принять в расчет благоговение английского народа перед именем Парламента и особой прокламацией приказать всем покинувшим Вестминстер членам Палат явиться в Оксфорд — таким образом, он мог бы воспользоваться их помощью и советами и, ясно показав, сколь ничтожно число тех, кто продолжает заседать в Вестминстере, подорвать авторитет этого собрания в глазах народа.

После некоторых сомнений (король опасался, что, явившись в Оксфорд, члены Палат начнут переговоры о мире, которые не будут иметь успеха, а лишь помешают его военным приготовлениям) Его Величество согласился с мнением своего Тайного совета, одоббившего этот план, и велел издать соответствующую прокламацию. >

Нельзя сказать, чтобы король все это время ясно себе не представлял, сколь грозную опасность несут ему приращение сил и рост могущества его врагов, и не видел, что, не приняв надлежащих мер для обретения какой-то совершенно особой, соответствующей чрезвычайным обстоятельствам помощи, он окажется бессилен перед мощным потоком, который, в чем не могло быть уже никаких сомнений, непременно обрушится на него следующей весной. А потому, убедившись, что не в его власти уладить распри в Англии

или предотвратить таковые в Шотландии, и с омерзением отвергая самую мысль об участии иностранных государств в приведении к покорности его подданных, он стал искать средств успокоить смуту в Ирландии, дабы, восстановив мир в одном из своих королевств, употребить затем его силы ради водворения порядка в прочих своих владениях. Король отлично знал, сколь щекотливую тему представляют собой эти самые ирландские дела и с какой готовностью поспешат многие выставить в ложном свете все, что он здесь скажет или предпримет, и потому решил действовать с осторожностью, через Тайный совет в Дублине, всего лучше осведомленный о положении дел на острове.

Несколько ранее члены Совета и лорды-юстициарии переслали королю краткую петицию его взявшихся за оружие католических подданных, которые, заверив короля в своих верноподданических чувствах и готовности покориться, просили его назначить нескольких лиц, дабы те выслушали и довели до его сведения их желания. По поручению короля с мирными предложениями католиков познакомился Ормонд, однако затем, обнаружив, что их действия противоречат сказанному в петиции, вновь выступил против них с войском и нанес им тяжелое поражение, после чего мятежники стали сговорчивее.

Между тем (хотя Тайный совет и лорды-юстициарии во всем строго следовали указаниям Парламента) дела в этом королевстве шли совсем скверно из-за недостатка в провианте, деньгах и боевых припасах, которые Палаты обязаны были присылать ирландским протестантам. Члены Совета непрестанно зывали о помощи; так, в своем послании к спикеру Палаты общин от 4 апреля они сообщали, что жестокий закон необходимости вынуждает их, ради сохранения армии, отнимать деньги у всех, кто их имеет, и реквизировать товары у купцов, обрекая несчастных на разорение; что столь крайними мерами (унизительными для чести и достоинства власти, представляемой ими в Ирландии) им удалось собрать провизию для солдат, которой, впрочем, едва ли хватит на один месяц; что у них не осталось и сотни бочек пороха; что им придется выслать в Англию тысячи ограбленных мятежниками англичан, которых здесь уже нечем кормить; и что без срочной помощи из Англии провиантом и амуницией ирландские протестанты долго не продержатся.

Копия этого письма была отправлена государственному секретарю Николасу для передачи Его Величеству, а с ней — копия письма офицеров армии лордам-юстициариям и Тайному совету, авторы которого, в ярких выражениях описав свои страшные бедствия, умоляли о срочной

помощи, предупреждая, что если, при невозможности таковой, им будет отказано в покорнейшей просьбе об увольнении со службы, то они прибегнут к защите того исконного и первоначального закона, коему Господь подчинил всех людей — закона природы, повелевающего каждому человеку заботиться о сохранении своей жизни.

Короля глубоко тревожили подобные известия, он принимал близко к сердцу страдания своих протестантских подданных в Ирландии и страшился дальнейших успехов мятежных католиков, поощряемых и поддерживаемых из-за границы и потому все более дерзких — и, однако, по-прежнему воздерживался от вмешательства в ирландские дела, надеясь, что столь ясные представления произведут должное впечатление на английский Парламент. Наконец, отчаявшись получить помощь от Вестминстера, лорды-юстиции и Тайный совет в Дублине направили 11 мая обращение непосредственно Его Величеству.

Еще раз описав свое несчастное положение и уведомив, что за последние шесть месяцев ими было получено от Парламента совершенно ничтожное количество пороха и провианта (в Дублин 5 мая пришло небольшое судно, загруженное едва ли на четверть), они изъявляли готовность и далее защищать честь и права Его Величества в Ирландии и карать изменников за пролитую ими невинную кровь — но теперь, не видя иного выхода, просили самого короля решить, что следует предпринять в этой крайности для спасения одного из его королевств от неминуемой гибели.

Поскольку всякому здравомыслящему человеку было ясно, что у короля нет денег, провианта, оружия и кораблей для успешной войны с восставшими католиками, а продолжение войны грозит разгромом и истреблением ирландских протестантов, то истолковать это послание можно было только в одном смысле: юстиции и Совет в Дублине просят короля положить конец войне, вести которую он просто не в силах. Правда, утвержденный Его Величеством акт Парламента не позволял ему заключать мир с восставшими католиками без согласия Палат, однако король вправе был считать себя свободным от соответствующего обязательства, поскольку Палаты, незаконно употребляя средства, отпущенные на ирландскую экспедицию, для войны с королем в Англии, сами нарушили свой акт. Король оказался перед тяжелым выбором: либо, продолжая безнадежную борьбу, обречь ирландских протестантов на полное истребление и потерять все это королевство; либо, примирившись с католиками, спасти протестантов и сохранить Ирландию в зависимости от короны — но вызвать новый поток клеветы по своему адресу в Англии.

Прождав еще два месяца (в тщетной надежде, что Парламент наконец позаботится о судьбе несчастных ирландских протестантов), король в конце июля велел лордам-юстициариям предоставить маркизу Ормонду полномочия для ведения переговоров с мятежниками и заключения с ними перемирия на тех условиях, которые маркиз сочтет разумными. Речь шла именно о перемирии, а потому король, строго говоря, не нарушал вышеупомянутый акт (условия которого, по мнению многих, сами Палаты уже давно перестали соблюдать).

Соответственно, маркиз Ормонд вступил в переговоры с комиссиями, назначенными Советом в Килкенни, коему подчинялись католики; статьи заключенного им перемирия (сроком на один год, начиная с 15 сентября), предусматривавшие среди прочего уплату мятежниками королю 30 800 фунтов, были рассмотрены и утверждены лордами-юстициариями и Тайным советом в Дублине и одобрены всеми старшими офицерами.

Как только о перемирии стало известно в Англии, Парламент решительно его осудил, не остановившись перед клеветническими измышлениями по адресу короля. Мятежники, — уверяли народ вожди Палат, находились при последнем издыхании; мучимые голодом, они пожирали друг друга, словно каннибалы, и уже в самом скором времени были бы окончательно разгромлены — если бы паписты при дворе не убедили короля заключить с ними перемирие. Подобным наветам верило не только простонародье, но и, как не единожды с изумлением убеждался я сам, люди совершенно иного склада, ведь тогда всюду искали религиозные мотивы, а любые действия папистов объясняли католическим рвением королевы и ее влиянием на короля.

Ясное понятие о состоянии Ирландии к моменту заключения перемирия и о причинах, заставивших Его Величество пойти на этот шаг, дают нам следующие два документа.

4 июля Палата направила лордам-юстициариям и Тайному совету в Дублине сердитое письмо. Подписавшие его спикеры Верхней и Нижней палат, Грей из Уарка и Уильям Ленталл, решительно отказались признать какую-либо ответственность Парламента за бедственное положение Ирландии и взвалили всю вину на короля, а попытки примирения с католиками назвали нечестивым замыслом предать вопиющую к небесам кровь сотен тысяч британских протестантов, заключив позорный мир с бунтовщиками. Парламент, уверяли спикеры, по-прежнему намерен помогать Ирландии деньгами, оружием и провиантом, однако о том, когда и в каких количествах они будут туда доставлены, им запрещено сообщать в настоящем письме, дабы никому не показалось,

что на скандальные обвинения из Дублина, способные возбудить лишь глубокое негодование, Палаты отвечают оправданиями.

Лорды и общины, извещали спикеры, надеются также получить копию письма Монтроза к полковнику Кроуфорду, попавшего в руки Тайного совета еще до 10 июня и заключающего в себе изменнические планы мятежников.

Письмо спикеров дошло по назначению только 5 октября, а 23-го числа того же месяца из Дублина в Лондон был отправлен чрезвычайно пространный ответ. Лорды-юстиции и члены Тайного совета еще раз живо и подробно описали бедственное положение ирландских протестантов; напомнили о прежних своих письмах к Парламенту с отчаянными и, как правило, тщетными просьбами о помощи; точно исчислили все, полученное ирландской армией из Англии с 12 января 1642 до 10 июля 1643 года, и объяснили, почему присланных за это время боевых припасов и провианта совершенно недостаточно для содержания войск; предупредили о неминуемом голоде (в твердом — но, как оказалось, безосновательном — расчете на обильное снабжение продовольствием из Англии дублинские власти велели жечь посевы мятежных католиков, надеясь таким образом сломить их сопротивление) и об угрозе бунта доведенных до отчаяния солдат. Они также заявили, что данное Его Величеством дозволение выслушать предложения ирландских рекузантов не повлекло за собой прекращения военных действий — напротив, маркиз Ормонд, по возвращении из Росса, имея с собой 2500 пехотинцев и 500 кавалеристов, разгромил армию мятежников, насчитывавшую 6000 человек пехоты и 650 человек конницы. >

Поскольку раздоры в Ирландии удалось до известной степени успокоить, и обе стороны получили время перевести дух, король начал размышлять о том, как можно было бы теперь использовать это перемирие, чтобы способствовать успехам его дела в Англии. Одной из главнейших причин, побудивших заключить перемирие, явилось бедственное положение тамошней армии, коей солдаты, из-за крайнего недостатка во всем необходимом, уже готовы были покинуть службу, так что теперь Его Величеству, меньше, чем прежде нуждавшемуся в них в самой Ирландии и вдобавок неспособному их содержать, оставалось либо позволить им разойтись и располагать собой по собственному разумению — что неизбежно повлекло бы за собой страшные беспорядки и, вероятно, обернулось бы громадным ущербом для него самого — либо взять оттуда столько войск, сколько можно было без всякого риска выделить для подкрепления его сил в Англии, на что, как уверяли короля, большинство старших

и самых влиятельных офицеров ирландской армии, людей верных ему и преданных, согласились бы весьма охотно. Это последнее король и выбрал без особых колебаний, когда узнал, что шотландцы не только вполне подготовились к вторжению в Англию, но и отозвали из Ирландии своего старого главнокомандующего графа Ливена, начальствовавшего там над их войсками, а также множество других офицеров и солдат, с намерением сформировать новую армию и двинуть ее в соседнее королевство; и что агенты Парламента усердно пускают в ход всевозможные уловки, чтобы побудить и английских офицеров перейти со своими людьми к ним на службу.

Король приказал маркизу Ормонду отобрать те полки и эскадроны, которые требовались для защиты отдельных городов и которые можно было довольствоваться и содержать в Ирландии, а остальные — отправить в Англию. Для этой цели послали суда, причем части из Дублина и его окрестностей велено было высаживать в Честере для соединения с войсками лорда Кейпла. Последний, таким образом, мог бы противодействовать растущему могуществу сэра Уильяма Бреретона, который, опираясь на Ланкашир (по сути, уже полностью приведенный к покорности Парламенту) располагал к тому времени весьма внушительными силами. Прочие отряды из Манстера надлежало доставить в Бристоль и отдать под начало лорда Гоптона, набиравшего новую армию, чтобы встретить сэра Уильяма Уоллера, который грозил вторжением в западные графства — либо, если тот окажется не готов к наступлению, самому двинуться в Гемпшир и Сассекс навстречу неприятелю.

↪ Между тем в соответствии с королевской прокламацией в Оксфорд прибыли те члены Парламента, которым совесть и чувство долга не позволили оставаться в Вестминстере. Его Величество принял их весьма любезно и в своей речи при открытии собрания объявил, что призвал их сюда затем, чтобы сделать их свидетелями своих действий и посвящать в свои намерения; что он желает получать от них советы, полезные при нынешнем бедственном состоянии королевства, и что подавать таковые они могут со всей свободой, как если бы они находились сейчас со своим королем в Вестминстере — свободой, возможной для них теперь в Оксфорде, но не в ином месте.

Лорды и общины тотчас же принялись обсуждать возможные пути и средства к восстановлению мира. Большинству из них казалось, что сойтись на условиях, удовлетворяющих обе стороны — когда переговоры уже начнутся — будет не так уж сложно; главная же и куда более трудная задача — склонить к переговорам оставшихся в Лондоне членов

Парламента, помочь им преодолеть недоверие к королю и страх перед наказанием за содеянное, который внушало им сознание собственной вины. Собравшиеся в Оксфорде полагали немислимым, чтобы кто-то мог и далее желать гибели и разорения своей стране, будучи убежден, что предотвращение подобных бедствий не обернется угрозой для него самого. В конце концов, поскольку Парламент не ответил на два последних послания Его Величества и отказался принимать от него обращения иначе, как через посредство своего главнокомандующего, то к нему они и решили обратиться, надеясь найти в графе Эссексе сторонника мира. 29 января 1643 (1644) года они отправили ему через графа Форта письмо, в котором сообщали об открытии своих заседаний, о своих миролюбивых стремлениях, о добром расположении короля, и просили Эссекса употребить свое влияние, чтобы склонить к миру тех, чьим доверием он пользуется.

Письмо подписали Его Высочество принц Уэльский, герцог Йорк, сорок три герцога, маркиза, графа, виконта и барона, а также сто восемнадцать членов Палаты общин. Многие лорды и коммонеры не смогли поставить свою подпись, так как не успели прибыть в Оксфорд или же находились в отсутствии по делам короля на военной, гражданской или дипломатической службе. В вестминстерской же Верхней палате заседало тогда, лично или через доверенных особ, не более двадцати двух пэров, а именно графы Нортумберленд, Пемброк, Эссекс, Кент, Линкольн, Ретленд, Солсбери, Саффолк, Уорвик, Манчестер, Малгрейв, Денби, Стамфорд, Болингброк; лорды Сэй, Дакр, Уортон, Грей из Уарка, Уиллогби из Пархема, Говард из Эскрика, Рочфорд и Робартс.

Трубач графа Форта, вручивший пакет с письмом Эссексу в Лондоне, был задержан в столице на три дня; за это время Комитет безопасности двух королевств рассмотрел дело, после чего трубач возвратился в Оксфорд с письмом к королевскому главнокомандующему от Эссекса, в котором граф уведомлял адресата, что письмо, подписанное принцем Уэльским, герцогом Йоркским и прочими лордами и джентльменами, не содержало прямого официального обращения к обеим Палатам Парламента, а потому и не могло быть вручено им этим последним. К своему ответу Эссекс прилагал текст Ковенанта (нам уже известный) и также две декларации — королевства Шотландии и совместную декларацию королевств Англии и Шотландии.

Если всякому частному лицу, вопрошали авторы первой декларации, долг велит вмешаться и выступить примирителем, когда его соседи вооружаются для взаимного уничтожения; если сын обязан рисковать жизнью ради спасения враждующих между собой отца и брата, то

неужели королевство может спокойно смотреть, как его собственный король и соседнее королевство обрекают себя на гибель в противоестественной войне?

Этими лицемерными доводами шотландцы пытались оправдать вторжение в соседнюю страну и союз с мятежными подданными, выступившими с оружием в руках против их собственного прирожденного государя.

Авторы второй, совместной, декларации, вполне усвоившие шотландский дух и слог, высокопарно возвещали, что среди них воссиял свет евангельский, и потому они возложили свои упования не на собственную силу и разумение, но на Всемогущего Бога, Господа Сил, Который не оставит в беде Свой народ; что они подвизаются ныне за правду Божью, ибо ведут Божью войну против ереси, суеверия и тирании Антихриста, и что Сам Господь вложил в их сердца Ковенант.

После чего следовал призыв к тем, кто все еще сохраняет теплохладную нейтральность; им настойчиво советовали выступить на защиту святого дела от покушений общего врага, ибо в противном случае они будут объявлены врагами религии и страны и покараны как отъявленные малигнанты.

Далее составители декларации обещали помилование всякому, кто к назначенному сроку покинет короля и примет Ковенант. В заключение они провозглашали, что движет ими не тщеславная гордыня силой своих войск, но твердая вера в Божью помощь; и что они не положат оружия до тех пор, пока истина и мир не восторжествуют на их острове и не будут утверждены на прочном основании, как для нынешнего, так и для грядущих поколений.

Не могу не заметить, что после того, как граф Эссекс, отказавшись от возможности выступить в пользу мира, написал это письмо, он никогда более не имел успеха на воинском поприще как полководец.

Извлечения же из деклараций показывают нам, что когда народы двух несчастных королевств отреклись от превосходного строя, религиозного и политического, даровавшего их предкам благополучие, неведомое большинству других наций, на них отяготела десница Всемогущего Господа; и теперь вожди мятежа дурачили их кощунственно-кичливыми претензиями на особую милость Господа к шотландцам и англичанам, повергавшими в изумление и ужас всех здравомыслящих христиан и способными ввести в заблуждение лишь совершенно темных и необразованных людей.

Доставленный трубачом ответ из Лондона возбудил глубокое негодование, и, однако, в Оксфорде решили предпринять еще одну

попытку — хотя бы для того, чтобы всему свету стало ясно, кто именно не желает мира. А потому граф Форт еще раз написал парламентскому главнокомандующему и попросил у него пропуска для двух джентльменов, которых король намеревался послать в Вестминстер с предложениями, касавшимися мирных переговоров. Эссекс отвечал, что когда у него попросят пропуска для упомянутых в письме Форта джентльменов, коих Его Величество намерен отправить к обеим Палатам Парламента, и он, Эссекс, получит надлежащие указания от тех, кто наделили его соответствующими полномочиями, то он с радостью сделает все от него зависящее, дабы споспешествовать тому счастливому исходу, коего страстно желают все честные люди, а именно восстановлению согласия между Его Величеством и Парламентом, верным — и единственным — советом короля.

Слова Эссекса были истолкованы многими как выражение готовности выступить в роли посредника, как только он получит письмо от Его Величества к Палатам; мирные предложения, — полагали эти люди, — стоит лишь им открыто прозвучать в стенах Парламента, уже невозможно будет отвергнуть, а потому короля настойчиво уговаривали адресовать Парламенту через Эссекса еще одно послание. Король согласился (хотя и не верил в успех этого предприятия) и 3 марта 1643 (1644) года, «по совету лордов и общин Парламента, собранных в Оксфорде», вновь предложил Палатам назначить время и место для переговоров, а также принять меры к тому, чтобы все члены обеих Палат могли безопасно собраться и составить полный и свободный Парламент.

Адресовал же он свое письмо «лордам и общинам Парламента, собранным в Вестминстере». После недолгих прений с участием шотландских комиссаров (без согласия коих не принималось теперь ни одно решение) королю был отправлен из Вестминстера ответ, положивший конец всем надеждам на мир.

Мы, лорды и общины, собранные в Парламенте Англии, — говорились, среди прочего, в ответе Палат королю, — со всем смирением и откровенностью сообщаем Вашему Величеству, что делаем все ради справедливого и прочного мира, однако выражения, употребленные в письме Вашего Величества, внушают нам на сей счет самые печальные мысли, ибо лица, вопреки своему долгу покинувшие Ваш Парламент и ныне собравшиеся в Оксфорде, поставлены Вами наравне с ним — тогда как настоящий Парламент, созданный в соответствии с общеизвестными основными законами королевства, по сути, Парламентом Вами не признается. Далее, как явствует из письма, Ваше Величество желает, чтобы все члены обеих Палат могли безопасно собраться и составить,

таким образом, полный и свободный Парламент, из чего можно сделать только тот вывод, что настоящий Парламент не является полным и свободным, а чтобы сделать его таковым, необходимо присутствие тех особ, которые — хотя они нарушили свой долг и начали войну против Парламента — по-прежнему выдают себя за членов обеих Палат.

Посему мы обязаны довести до сведения Вашего Величества, что, будучи законным Парламентом, мы твердо решили, не щадя нашего имущества и самой жизни, защищать и охранять права и полномочия Парламента. Мы умоляем Ваше Величество поверить, что единомыслие с нами в этом вопросе и станет самым легким и действенным средством обеспечения прочного мира во всех владениях Вашего Величества и восстановления совершенного согласия между Вашим Величеством и Вашим народом. Если же эта чудовищная война, увлекающая все три королевства Вашего Величества к гибели, продолжится, то Ваше Величество не окажется тем, кто пострадает в наименьшей степени и в последнюю очередь.

Надежда на мир несколько не ослабила усилий, прилагаемых в Оксфорде ради поиска средств на содержание армии. Найти их, однако, было совсем не просто, ибо хотя значительная часть Англии находилась под властью Его Величества, ее жители часто страдали от грабительских набегов неприятеля, да и не чувствовали себя в безопасности от войск короля, которые также стали предаваться всевозможным вольностям и бесчинствам.

В конце концов, не желая обременять весь народ регулярным обложением, собравшиеся в Оксфорде члены Палат решили, с согласия короля, пожертвовать ему известные суммы, а также разослать письма в графства к состоятельным особам из числа своих земляков с просьбой сделать то же самое. Таким путем Его Величеству удалось собрать около 150 000 фунтов и до некоторой степени удовлетворить нужды армии.

Между тем вестминстерские Палаты, называвшие себя (и часто именуемые в нашем повествовании) Парламентом, ввели неслыханный прежде в Англии налог — акцизный сбор на вино, пиво и другие товары. Их примеру последовали в Оксфорде; обе стороны издавали пространные декларации, горько сетуя на жестокую необходимость, заставившую их прибегнуть к подобному средству, и обещая тотчас же отменить акциз после войны — но их словам верили немногие.

Ясно видя, что вестминстерские Палаты не хотят мира, но замышляют погубить короля, церковь, а с ними всех истинных англичан и верных подданных Его Величества, члены оксфордского собрания в особой декларации изложили причины, побудившие их покинуть Парламент

в Вестминстере, а также объявили государственными изменниками и врагами страны всех, кто голосовал за набор солдат в войско графа Эссекса, за изготовление Большой печати и за приглашение в Англию шотландской армии, либо тем или иным образом потворствовал совершению этих преступных деяний. >

Если бы в эту зиму королю не пришлось заниматься ничем другим, кроме поиска денежных средств и усиленной подготовки своей армии к весенней кампании — когда, разумеется, представилось бы немало случаев использовать ее в деле, а неготовность войск к походу обернулась бы для короля тяжкими последствиями, — это стало бы для него великой удачей. Однако вторжение, предпринятое шотландцами в разгар зимы и поднявшее дух неприятеля, лишило его всякой передышки даже в это время года. После того, как в январе месяце, невзирая на жестокие морозы и сильные снегопады, шотландцы вступили в Англию — их командиры надеялись достичь Ньюкасла прежде, чем тот будет укреплен, и уверяли своих солдат, что город капитулирует по первому же требованию — маркиз Ньюкасл двинулся туда со всей своей армией, твердо решив дать им бой, пока они не успели соединиться с английскими мятежниками (еще раньше туда был послан отряд бдительного сэра Томаса Глемема). Командование же в Йорке, равно как и над всеми войсками, призванными защищать это графство, он поручил полковнику Джону Белласису, сыну лорда Фоконберга, человеку изумительного мужества и энергии, пользовавшегося большим влиянием в Йоркшире. Но вследствие названных мер и перемещения армии маркиза так далеко на север неприятель в этих краях чрезвычайно усилился. Теперь он мог не только тревожить своими набегами Йоркшир — стянув крупные отряды пехоты и кавалерии из Дербишира, Стаффордшира и Линкольншира, враг осадил гарнизон Его Величества в Ньюарк-апон-Трент, в полной уверенности, что сумеет захватить город и таким образом прервать всякое сообщение между Его Величеством и маркизом Ньюкаслем. Сэр Томас Ферфакс, во главе значительных сил из Гулля, атаковал стоявшие близ Селби, неподалеку от Йорка, части полковника Джона Белласиса и совершенно их разгромил, захватив артиллерию и взяв в плен многих офицеров, в том числе и самого полковника. Это было первое сражение, заставившее Англию заговорить о сэре Томасе Ферфаксе, коему в скором времени предстояло возвыситься до поста верховного главнокомандующего парламентской армией. Неудача эта, и сама по себе чувствительная, усугублялась порожденными ею опасениями за

судьбу города Йорка — опасениями настолько сильными, что маркиз Ньюкасл, до сих пор весьма успешно сдерживавший шотландцев, нашел нужным отвести назад свою армию и с частью войск спешно двинулся к Йорку, чтобы предотвратить беды еще худшие. Шотландцы, таким образом, вольны были теперь наступать в любом направлении, а Ферфакс мог снискать себе новую славу внезапным и стремительным маршем в Чешир.

По заключении перемирия в Ирландии король назначил маркиза Ормонда своим наместником в этом королевстве и приказал ему воспользоваться зимней порой (пока парламентские корабли не способны добраться до ирландского побережья) для перевозки в Честер тех пехотных полков, без которых можно было обойтись в период перемирия и которые в самой Ирландии содержать было не на что. Принять и разместить эти войска по квартирам велено было лорду Байрону, начальствовавшему в Честере и графстве Чешир. Из Честера же Его Величество мог бы без труда перебросить их весной в Оксфорд — по сути, они представляли собой главное пополнение, получив которое, как надеялся король, он сможет начать новую кампанию. В самом деле, это был весьма крепкий пехотный корпус, ведь как офицеры, так и солдаты в нем были отличные воины; внушая великий страх мятежникам с момента своей высадки, они быстро очистили Северный Уэльс от неприятеля, который уже начинал там прочно утверждаться. Высадились они в конце ноября, но когда король разрешил лорду Байрону использовать их для таких предприятий, которые могли бы обезопасить край от врага, позднее время года несколько не смутило этих людей, уже привыкших в Ирландии к тяжелым воинским трудам. Всегда готовые сражаться и прямо-таки рвавшиеся в бой, они в течение месяца взяли штурмом и приступом немало важных укрепленных пунктов — Говарден-касл, Бистон-касл, Кроу-хаус и другие. Встретив же близ Миддлвича крупный отряд мятежников, они наголову его разгромили, учинив неприятелю жестокую бойню, а всех, кто уцелел и не попал в плен, загнали в Нантвич — единственный город в Чешире, остававшийся в руках враждебной партии, укрепленный и занятый гарнизоном еще в начале смуты и теперь последний ее оплот, где искали спасения бунтовщики из Чешира и соседних графств. Движимые гордостью недавними своими победами, равно как и убеждением, что самое их имя внушает страх неприятелю, ирландские полки направились туда в это столь неподходящее для войны время года, ведь когда лорд Байрон подступил со своей

армией к Нантвичу и потребовал его сдачи, стояла уже первая неделя января. Нельзя не признать, что при тогдашних обстоятельствах взятие этой крепости принесло бы громадную пользу делу Его Величества, так как между Нантвичем и Карлайлом все скольконибудь крупные города (исключая единственно лишь Манчестер) поддерживали короля, и если бы два этих многолюдных графства, Чешир и Ланкашир, удалось объединить против Парламента, то они образовали бы мощный бастион на пути шотландцев.

Эти соображения, вместе с убежденностью в том, что город капитулирует при первом же требовании, и привели к его стенам армию лорда Байрона. Пылкие же мечты о славе, а также совершенное презрение к войскам противника — как к запершимся в самом Нантвиче, так и любым другим отрядам, которые попытались бы прийти ему на выручку — побудили ее к новым дерзким предприятиям, а потому, установив батареи, она приступила к правильной осаде города. Января семнадцатого дня, незадолго до рассвета, начался генеральный штурм сразу в пяти пунктах, однако защитники Нантвича не уступали в храбрости ирландским полкам, и последние потеряли в этом деле около трехсот человек убитыми и ранеными — что, казалось бы, должно было заставить их отказаться от прежних замыслов. Но столь решительный отпор вовсе не умерил, но, пожалуй, еще сильнее разжег их воинский пыл и желание драться, невзирая на любые опасности, причем осаждающие не меньше осажденных мечтали увидеть наконец идущую на помощь Нантвичу армию, так что обе стороны с равным нетерпением ждали одного — ведь ирландцы (именно так, для ясности, называем мы здесь этот пехотный корпус, хотя ни единого природного ирландца в нем было) полагали себя выше любого неприятеля, который рискнул бы сразиться с ними в открытом поле, кавалерия же лорда Байрона имела столь же веские основания смотреть свысока на возможного своего противника.

Пока ирландцы пребывали в такой уверенности, к городу подошла подмога, а в войсках короля возникло замешательство — и то и другое гораздо скорее, чем это можно было предположить. Ибо сэр Томас Ферфакс после своей победы под Селби привел сильный корпус кавалерии из Йоркшира в Манчестер; из этого последнего и из окрестных городов он взял три тысячи пехоты и, соединившись с сэром Уильямом Бреретоном, а также с частями из Стаффордшира и Дербишира, разбитыми при Миддлвиче, неожиданно подошел к Нантвичу. Ирландцы же были настолько убеждены в том, что он не осмелится их атаковать, что, даже получив известие о его

приближении, по-прежнему воображали, будто самое большее, о чем мечтает сэр Томас, — это вынудить их своими тревожащими маневрами снять осаду города, а самому затем отступить, не ввязываясь с ними в бой. По этой причине ирландцы слишком долго оставались на осадных позициях; когда же наконец нашли нужным их покинуть, небольшая река, разделявшая силы осаждающих, из-за внезапной оттепели разлилась так широко, что лорд Байрон с большей частью кавалерии и находившейся по эту сторону реки пехотой оказался отрезанным от прочих своих войск и чтобы соединиться с ними, вынужден был совершить марш в четыре-пять миль. Но в это время остальная часть его армии, атакованная с одной стороны сэром Томасом Ферфаксом, а с другой — гарнизоном Нантвича, была наголову разгромлена, а все старшие офицеры ее укрылись в церкви Актон-черч, которая стала для них настоящей ловушкой, ведь кавалерия лорда Байрона из-за непроходимых после неожиданной оттепели дорог, обилия живых изгородей и иных преград так и не сумела пробиться к ним на выручку — в итоге они принуждены были сдаться тому самому неприятелю, которого еще за два часа до своей капитуляции ни во что не ставили. Под Нантвичем (помимо всех старших пехотных офицеров) было взято до полутора тысяч солдат, вся артиллерия и весь обоз; лорд же Байрон со своей кавалерией и остатками пехоты отступил в Честер. Нельзя найти лучшего, да, пожалуй, и какого-либо другого объяснения этой катастрофы — помимо, разумеется, воли Верховного Промыслителя (каковая стала здесь следствием первопричины) — кроме беспредельного презрения и пренебрежения ирландцев к неприятелю и их самонадеянной убежденности в собственной силе, храбрости и воинском искусстве. Потому-то и не устремляли они все свои помышления к Творцу и не возлагали, как должно, свои упования на Того Единственного, Кто определяет исход всякой битвы; хотя следует признать, что офицеры их были по большей части люди на редкость трезвого ума и добрых нравов, по характеру своему весьма скромные и благочестивые — столь трудно бывает обуздать известные душевные движения, которые личная доблесть, военный успех и даже сознание правоты своего дела способны породить в душах, казалось бы, не слишком склонных к гордыне.

✧ Когда шотландская армия вторглась в Англию, король с большим, чем прежде, вниманием начал прислушиваться к тем представителям этой нации, которые давно уже предлагали ему способ доставить своим соотечественникам серьезные хлопоты в их собственной стране, чтобы

отбить у них охоту беспокоить соседей. Граф Монтроз, решительный молодой человек, потомок древнего рода и в начале смуты один из самых рьяных ковенантеров, убедившись в незаконности действий своих единомышленников, оставил пост главнокомандующего их армии и, когда король после заключения мира прибыл в Шотландию, предложил ему свои услуги, чем вызвал бешеную ненависть мятежной партии и ее вождя графа Аргайла.

Когда же в Эдинбурге открылся Парламент, и стало ясно, что герцог Гамильтон не намерен ему сопротивляться, Монтроз тайно покинул Шотландию, явился в лагерь под Глостером и первым подробно рассказал королю о действиях Гамильтона. Он предложил Его Величеству собственный смелый план, обсуждать который в тот момент не было возможности; но когда после битвы при Ньюбери король возвратился в Оксфорд и от прибывших к нему из Шотландии вельмож получил еще более полные сведения, а также узнал, что герцог Гамильтон и его брат граф Ланарк направляются к нему в Оксфорд, он проявил готовность выслушать мнение Монтроза и прочих шотландцев о том, что следует теперь предпринять для предотвращения грядущих бедствий. Те, однако, настойчиво просили короля не посвящать в их планы герцога, ибо, твердили они, это изменник, который пальцем не пошевелил, чтобы разрушить замыслы врагов Его Величества, хотя имел полную возможность этого добиться. Король, все еще не готовый совершенно лишиться Гамильтона своего доверия, велел графу Монтрозу, графу Киньюлу, лорду Огилви и прочим шотландцам дать под присягой письменные показания, а все их обвинения против герцога приказал рассмотреть, не предавая дела огласке, лорд-хранителю печати, двум его секретарям, хранителю свитков и канцлеру Казначейства.

Из представленных Монтрозом и его единомышленниками свидетельств явствовало, что герцог нарушил долг верности: он решительно отказался взять под стражу людей, готовившихся затеять новую смуту; дал согласие — вопреки закону и прямому запрету Его Величества — на созыв Парламента; а еще раньше, превратно описав положение дел и состояние умов в Шотландии, обманул короля и добился от него письменного одобрения своих будущих действий. Король еще не успел принять какого-либо решения, когда герцог и его брат прибыли в Оксфорд; к ним тотчас же приставили охрану и велели не покидать своих покоев. Его Величество намеревался рассмотреть дело в Тайном совете, с оглашением свидетельских показаний и очной ставкой, но уже на следующее утро граф Ланарк, подкупив или обманув стражу, с помощью одного джентльмена-шотландца бежал в Лондон, где его встретили весьма

радушно. Гамилтон же был арестован, посажен в Бристольский замок, оттуда переведен в Эксетер, и наконец, заключен в замок Пенденнис, где мы его пока и оставим. >

Около этого времени участники совещаний в Вестминстере лишились главной своей опоры по причине смерти Джона Пима, который, после ужасных мук и страданий, умер от какой-то странной и потому породившей немало толков болезни, *Morbus pediculosus**, сделавшей его под конец омерзительным для тех, кто прежде всего более им восхищался. Ни один человек не нес большей ответственности за несчастья нашего королевства и не приложил в большей степени свою руку и ум, чтобы их вызвать; я, однако, полагаю, что бедствия эти уже при его жизни зашли гораздо дальше, чем замышлял он сам. Лицо довольно скромного происхождения, весьма далекое от высших сфер, Пим получил свое образование на службе в Казначействе; способности же его являли собой скорее плод упорного труда, нежели дар щедрой природы, украшенный искусством. Его хорошо знали в прежних Парламентах, вдобавок он был одним из тех немногих, кто заседал в нескольких Парламентах кряду, а так как из-за долгого перерыва в созыве этих собраний почти не осталось людей, знакомых с принятыми в них правилами и порядками, то Пим приобрел известное уважение и авторитет в глазах вновь избранных членов.

< Впервые он обратил на себя внимание участием в религиозных спорах, выразив глубокую тревогу из-за покровительства церковных властей так называемым «арминианам», что сообщило ему немалый авторитет в кругах тех, кто был недоволен существующим церковным устройством и ростом могущества духовных лиц, хотя сам он усердно изображал из себя искреннего приверженца Церкви Англии. Он часто выступал в Коротком парламенте, где производил внушительное впечатление ученостью и особого рода гладким и степенным красноречием. Хорошо зная расположение умов в стране, он замечал все ошибки и промахи двора и умел представить их более серьезными, чем они были на самом деле. После злосчастного роспуска Короткого парламента он жил по большей части в Лондоне и, пользуясь своей высокой репутацией в глазах далеких от двора лордов, ловко внушал им недоверие к правительству.

* *Morbus pediculosus* (лат.) — педикулез; Кларендон воспроизводит один из слухов о причине смерти Пима, который, согласно современной версии, скончался от рака. (Примеч. ред.)

С открытием настоящего Парламента он выступил одним из самых яростных гонителей графа Страффорда, и хотя в тайных интригах он следовал за Гемпденом и Сент-Джоном, именно его считали самым влиятельным членом Палаты общин. Когда же двор задумал расположить к себе наиболее могущественных особ в обеих Палатах и король пообещал ему должность канцлера Казначейства, Пим изъявил готовность верно служить Его Величеству и его речи в Палате несколько смягчились — что явно не пошло на пользу его авторитету в глазах прочих коммонеров. Убедившись, что причинять зло у него получается гораздо лучше, чем творить добро, Пим пришел в уныние и горько сетовал на неразумие и непостоянство людских симпатий. В конце концов, то ли потеряв надежду на обещанное возвышение, то ли зная за собой какие-то дурные поступки, которые могли бы открыться после его перехода на сторону двора, то ли просто по недостатку мужества, он позволил увлечь себя тем, кто не пожелал следовать за ним, и остался одним из вождей враждебной королю партии, выдвигавшей самые крайние предложения.

В его речах и действиях на процессе графа Страффорда с очевидностью обнаружилась личная вражда; поговаривали, что он прибегал к уловкам и обманам, недостойным порядочного человека, не гнушаясь даже подкупом свидетелей. >

Нет сомнения, что его талант по части ловких политических ходов, равно как и оказания добрых услуг отдельным лицам, был необыкновенным, и что он действительно спас от суровой кары немало тех, в ком раздраженные Палаты видели главнейших делинквентов; высокое же положение многих из них наводило на мысль, что свое покровительство Пим продавал им за весьма существенное вознаграждение. С того времени, как король обвинил его в государственной измене, Пим уже не помышлял о какой-либо умеренности в действиях, но всякий раз решительно противился любым мирным предложениям и попыткам достичь согласия. Когда же граф Эссекс стал было склоняться к переговорам, влияние и хитрость м-ра Пима совершенно переменяли настроения главнокомандующего, внушив ему тот образ мыслей, от которого впоследствии он уже никогда не отступал. С поразительной настойчивостью Пим добивался того, чтобы на помощь Парламенту пришли шотландцы, хотя его телесные недуги были столь тяжелы, что вполне могли отразиться и на состоянии его ума. Во время своей болезни он представлял собой весьма жалкое зрелище, но так как людей, в чем-либо с ним не согласных, к нему тогда не допускали, то его последние мысли и намерения остались нам неизвестны. Умер Пим в конце декабря, еще до

вступления в Англию шотландцев, и был похоронен с величайшей пышностью и торжественностью в том самом месте, где покоятся останки английских королей и принцев.

Поражение полковника Джона Белласиса при Селби от сэра Томаса Ферфакса, полный разгром ирландских полков лорда Байрона, а также появление грозной шотландской армии настолько воодушевили и разнуздали всех врагов короля в Северной Англии, совсем недавно верной Его Величеству, что его сторонники, еще до того, как пришло удобное время для открытия кампании, всюду оказались в отчаянном положении. Граф Дерби, который прежде довольно крепко держал в своих руках Ланкашир, а всех противников короля в этом графстве запер в Манчестере, принужден был теперь разжать тиски и отойти от названного города, что уже в самом скором времени должно было увеличить число тамошних мятежников. Гарнизон Ньюарка, весьма важной крепости в Ноттингемшире, который ранее не только подчинил это небольшое графство — за исключением одного лишь Ноттингема, защитники коего, впрочем, были тогда тесно блокированы в собственных стенах — но и взимал контрибуции со значительной части обширного Линкольншира, теперь действиями неприятельских сил из этого графства под начальством шотландца Мелдрема, а также отрядов из Гулля, был доведен до столь бедственного состояния, что вынужден был просить помощи у короля в Оксфорде, ведь маркиз Ньюкасл имел довольно своих забот — сдерживать шотландцев и готовить к осаде Йорк на тот случай, если ему придется рассчитывать на крепость стен этого города.

Ввиду описанных затруднений и чтобы надежнее обеспечить оборону Шрузбери, Честера и Северного Уэльса — все они были обескуражены разгромом лорда Байрона — король, хотя дело было в разгар зимы, нашел нужным выслать из Оксфорда сильный корпус отборной кавалерии и драгун, а также отряд пехоты во главе с Рупертом, велел принцу посетить Шрузбери и Честер, приложить все мыслимые усилия для набора в тех краях новых войск, а затем попытаться выручить Ньюарк, с потерей коего всякое сообщение между Оксфордом и Йорком оказалось бы перерезанным. Ньюаркский гарнизон, состоявший главным образом из горожан и джентльменов графства, терпел сильнейший недостаток во всем, что требуется осажденным — кроме мужества и твердой решимости стоять до конца. Неприятель же окопался вокруг города и не спеша вел апроши, полагая, что времени у него вдоволь, ибо никто теперь

не в силах ему помешать; да и в самом деле, королю было совсем непросто изыскать средство к спасению Ньюарка. Посылать туда части из Оксфорда казалось весьма рискованным предприятием, ведь враг был так силен, что мог бы немедленно отправить за ними в погоню свои войска. Оставалась единственная надежда — на помощь из Шрузбери и Честера, принц же Руперт вселил такую бодрость в жителей тех краев и собрал там столь крупный отряд, что неприятель так и не сумел извлечь особой выгоды из недавней своей победы и захватить новые территории. Его высочество, твердо решив сделать все возможное для спасения Ньюарка, взялся за дело, еще не успев к нему подготовиться — и именно поэтому добился успеха. Ибо неприятель, чья разведка всегда работала превосходно, настолько уверовал в то, что силами, необходимыми для такого серьезного предприятия, Руперт не располагает, что принц успел приблизиться к осаждающим на расстояние шести миль, прежде чем они сообразили, куда он идет. Атаковав и разгромив часть парламентской кавалерии, он преследовал ее так стремительно, что блокировал своей конницей вражескую армию в ее укрепленном лагере, хотя его собственная пехота отстала на четыре мили. Охваченные паническим страхом неприятели — а они вообразили, будто принц, коль скоро он сумел поставить их в столь отчаянное положение, ведет с собой громадное войско — принуждены были согласиться на капитуляцию и получили право покинуть лагерь, иначе говоря, разойтись, оставив победителям все свое вооружение, имущество и обоз. Принц Руперт, таким образом, спас осажденный Ньюарк, а вдобавок захватил четыре тысячи мушкетов, одиннадцать медных орудий, две мортиры и свыше пятидесяти бочек пороха — в продолжение всей войны ни одна из сторон не одерживала более неожиданной и ошеломительной победы. Описанием этого блестящего успеха, который был достигнут 22 марта, мы и закончим рассказ о событиях этого года.

КНИГА VIII

Глава XIII

(1643—1644)

Если зима принесла королю немало разочарований и неудач из-за потери или уменьшения тех сил, которые он главным образом и рассчитывал противопоставить могуществу неприятеля в следующем году, то и начавшаяся весна не предвещала ему ничего доброго. Когда обе армии отошли на зимние квартиры, чтобы отдохнуть после тяжелых боевых трудов, в Лондоне приступили к обширным военным приготовлениям, а известие о посылке сэра Уильяма Уоллера на запад привело короля к решению выставить против Уоллера войско, способное его задержать, — не отвлекая при этом принца Морица от осады Плимута, который, как тогда думали, долго не продержится. С этой целью лорда Гоптона назначили командующим отдельной армией, которую надлежало сформировать из частей бристольского гарнизона, а также сил соседних графств, недавно подчиненных королю. Влияние и авторитет лорда Гоптона были в тех краях чрезвычайно велики, и потому он сумел быстро собрать сильный корпус пехоты и кавалерии, к которому присоединились два отличных, хотя и немногочисленных пехотных полка из Манстера, под начальством сэра Чарльза Вавассора и сэра Джона Полета, и превосходный кавалерийский эскадрон капитана Бриджеса (последние, во исполнение прежних приказов, были переброшены в Бристоль из Ирландии по заключении там перемирия). Лорд Гоптон двинулся к Солсбери, а вскоре затем — к Винчестеру, куда сэр Джон Беркли привел ему еще два пехотных полка, набранных им в Девоншире, так что теперь у Гоптона было в общей сложности до полутора тысяч кавалерии и не менее трех тысяч пехоты. Распожившись в таком хорошо укрепленном городе, каким являлся Винчестер, это войско могло бы быстро превратиться в порядочную армию, да и теперь было достаточно сильным, чтобы остановить или всерьез затруднить поход Уоллера на запад, ведь последний вовсе не ожидал встретить на своем пути подобную преграду. В самом деле, узнав еще на марше, что лорд Гоптон стоит в Винчестере с такими внушительными силами, Уоллер отошел к Фарнему и оставался там до тех пор, пока не сообщил своим господам о том, что ему нужны подкрепления.

Партия, желавшая успеха делу короля — а едва ли не в каждом графстве его готова было поддержать большинство местных джентльменов, которые, однако, до времени сидели смирно, уstraшенные парламентскими комитетами и милицией — раз за разом допускала в своих расчетах одну и ту же роковую ошибку: она имела столь высокое мнение о собственном влиянии и репутации, что полагала себя способной, при помощи даже малочисленных отрядов, одолеть своих соседей из противной партии — которая, пользуясь своим теперешним превосходством в силах, употребляла свою власть самым жестоким и тираническим образом. А потому, как только лорд Гоптон занял Винчестер, а сэр Уильям Огл овладел винчестерским замком, джентльмены Сассекса и близлежащих частей Гемпшира поспешили заверить его через тайных агентов, что если он вступит в их графство, то они быстро соберут большое число людей для пополнения его армии и овладеют важными пунктами, которые сумеют защитить, приведя таким образом этот край к повиновению королю.

Одним из кавалерийских полков в армии лорда Гоптона командовал тогда сассекский джентльмен сэр Эдуард Форд, человек из хорошей семьи, обладавший немалым состоянием; ранее король назначил его шерифом Сассекса, с тем чтобы, если представится благоприятный случай, он мог с большим успехом употребить свое влияние в названном графстве. В полку сэра Эдуарда служило немало видных джентльменов из Сассекса, и теперь они настойчиво упрашивали лорда Гоптона послать в те края, коль скоро Уоллер, похоже, и не думает наступать, хотя бы несколько эскадронов, дабы немного посодействовать набору войск, который они, вне всякого сомнения, сумеют произвести. Сассексцы заверили лорда Гоптона, что первым же делом они овладеют Арунделл-каслем, захват коего — а крепость эта стояла неподалеку от моря — даст королю громадные преимущества и обеспечит Его Величеству преданность всей примыкающей к Арунделл-каслу богатой части их графства. Познакомившись с этими и многими другими, с виду весьма привлекательными планами, лорд Гоптон (который и сам, мечтая свести старые счета с Уоллером, давно рвался в бой) почувствовал, что ему очень хочется получить дозволение исполнить желание сассекских джентльменов; и из его донесения королю можно было заключить, что он одобряет их замысел и находит его вполне осуществимым — при условии, что ему, лорду Гоптону, дадут еще два полка пехоты под начальством опытных офицеров, ибо та

часть Сассекса, куда он намеревался вступить, представляла собой труднопроходимую местность, а в Арунделл-касле стоял гарнизон (хотя и не слишком многочисленный и вдобавок худо снабженный боевыми припасами, ведь появления неприятеля там нисколько не опасались).

Все это происходило незадолго до Рождества, и у короля не было тогда других планов на зиму, кроме как, с одной стороны, помешать Уоллеру вторгнуться в западные графства, а с другой — пополнить собственную армию до такой степени, чтобы она могла начать кампанию как можно раньше (что, как ему было известно, намеревались сделать и мятежники). Однако занятие лордом Гоптоном отличной позиции в Винчестере, а также вполне определенные обещания сассексцев склонили многих к мысли, что упускать такую благоприятную возможность не следует. К тому же король твердо рассчитывал на преданность всего графства Кент, ведь тамошних жителей едва удержали от попытки предпринять выступление в его пользу, опираясь лишь на собственные силы. И если бы теперь удалось подготовить почву для совместных действий кентцев и сассексцев, то отсюда мог бы выйти союз, едва ли не столь же могущественный, как и Ассоциация восточных графств во главе с графом Манчестером. К весне он мог бы доставить столько хлопот Парламенту, что последний, совершенно растерявшись, уже не знал бы, куда направить свои войска, меж тем как король волен был бы использовать собственную армию там и для того, где и для чего это показалось бы ему наиболее целесообразным.

Эти и иные доводы возымели действие, и король позволил лорду Гоптону осуществить свой замысел касательно Сассекса так, как он сам найдет нужным — если только он, лорд Гоптон, твердо уверен в том, что Уоллер не сумеет воспользоваться этим предприятием и, не встречая на своем пути преград, прорваться на запад. А чтобы лорд Гоптон мог с большим успехом осуществить первое и помешать второму, ему послали из Ридинга сэра Джейкоб Астли с тысячей солдат, взятых из гарнизона названного города, а также из Уоллингфорда и Оксфорда. Как только это подкрепление прибыло в Винчестер, лорд Гоптон решил проведать Уоллера на его квартирах: если получится, рассуждал Гоптон, он навяжет неприятелю сражение; в любом случае, оценив положение Уоллера, можно будет определить, способен ли тот исполнить свой план похода на запад. Войска Уоллера стояли тогда в Фарнеме и в соседних деревнях; он вывел их оттуда и двинулся навстречу неприятелю, как если бы

собирался дать ему бой. Однако после продолжавшихся день-другой мелких стычек, в которых он всякий раз терпел урон, Уоллер вновь отвел свою армию в Фарнем, а сам заперся в сильно укрепленном городском замке. По прошествии трех или четырех дней он отправился в Лондон в надежде, что его личное присутствие больше поможет вытребовать у Парламента подкрепления, чем это смогли сделать его письма.

Когда лорд Гоптон понял, что к неприятелю в Фарнеме уже никак не подступиться, и узнал наверное, что сам сэр Уильям Уоллер уехал в Лондон, он заключил, что пришло время исполнить настойчивые просьбы джентльменов из Сассекса, и двинулся туда с таким отрядом пехоты и кавалерии, какой счел вполне достаточным для подобного предприятия. Необычайно суровые морозы облегчили его марш по ужасным, едва проходимым дорогам так, как это не смогла бы сделать хорошая погода, и он явился к Арунделл-каслу прежде, чем там сообразили, что Гоптон имеет виды на их крепость. Местоположение замка было чрезвычайно выгодным, и хотя фортификации его, построенные на старинный манер, нельзя было назвать регулярными, он имел весьма крепкие станы и ров, широкий и глубокий. Гарнизон замка, не настолько многочисленный, чтобы оборонять весь этот протяженный обвод укреплений против крупной армии, был, однако, достаточно силен во всех отношениях, чтобы не бояться любых приступов, и мог бы без особого труда обезопасить себя от любых покушений извне. Но провиантом и боевыми припасами в количестве, потребном для того, чтобы выдержать сколько-нибудь продолжительную осаду, гарнизон не располагал, и вдобавок командовавший им офицер никогда не нюхал порошу. В итоге — после краткого и решительного ультиматума, грозившего ему суровой карой за упрямство, если он посмеет тянуть с капитуляцией — то ли по малодушию перепуганного коменданта, то ли под влиянием некоторых благомыслящих солдат замок был сдан уже на третий день, и тогда выяснилось, что ценность этой крепости еще больше, чем думали, и что ее можно быстро подготовить к обороне против сильной армии.

Проведя в Арунделле пять или шесть дней и распорядившись доставить туда всякого рода припасы, лорд Гоптон поручил командование и управление в замке высокому шерифу графства сэру Эдуарду Форду, под началом коего состоял теперь гарнизон в двести человек, помимо значительного числа надежных офицеров, которые изъявили желание или готовность остаться, поскольку из

этой крепости можно было с успехом производить задуманный ими набор войск. Весьма вероятно, впрочем, что еще больше было таких, кого побудили задержаться в Арунделле страшная усталость и утомление после долгих маршей и надежда провести остаток зимы в лучших, чем прежде, условиях.

Известие о возвращении в Фарнем сэра Уильяма Уоллера с сильным подкреплением из пехоты и кавалерии вынудило лорда Гоптона покинуть Арунделл прежде, чем он успел привести замок в надлежащее состояние согласно собственному плану и как следует задуматься о том, сколь пеструю смесь людей он там оставил — а ведь многие из них были особы нрава дерзкого и надменного, и едва ли можно было ожидать, что они станут подчиняться правилам строгой дисциплины, совершенно необходимой в их положении, или же прилагать те усилия, коих могла потребовать грозившая им в будущем крайность. Главное, что советовал и приказывал им лорд Гоптон, — это первым же делом, отложив все прочие попечения, запастись всякого рода провиантом как для уже стоявшего в Арунделле гарнизона, так и в расчете на тех, кто вскорости мог к нему присоединиться. Выполнить подобную задачу в богатом и изобильном краю было совсем нетрудно, и будь это сделано, гарнизон Арунделл-касла еще долго оставался бы мучительной занозой для Парламента, причиняя ему множество затруднений и беспокойств, и уж во всяком случае сумел бы прервать череду неприятельских успехов.

Поездка в Лондон в полной мере оправдала надежды Уоллера, и его личное присутствие в столице помогло добиться всего того, на что он рассчитывал. Желая получить в свое распоряжение войско, достаточное для борьбы с лордом Гоптоном, Уоллер в своем донесении весьма преувеличил действительные его силы; а быстрый успех Гоптона в Сассексе и захват им Арунделл-касла склоняли Парламент к мысли, что противник еще могущественнее, чем докладывал Уоллер. Овладение им, притом без особого труда, такой сильной крепостью, которую в Лондоне считали неприступной, и к тому же расположенной в графстве, где у короля ранее не было ни малейшей опоры, пробудило все прежние страхи и подозрения насчет лояльности Кента и других графств; а поднятая этим событием страшная волна, как опасался Парламент, способна была докатиться бог знает до каких краев, так что Палаты вовсе не нуждались в настойчивых уговорах для того, чтобы принять меры против растущей угрозы. Обычный способ пополнения армии,

когда в нее набирали волонтеров, а лондонских учеников убеждали идти в солдаты, обещая им засчитать за срок ученичества у мастеров то время, пока они сражались за Парламент, оказался теперь слишком медленным и малодейственным средством, неспособным остановить стремительный поток. Парламент обратился за помощью туда, где всегда находил неистощимые людские резервы, — к верному своему Сити, где особа сэра Уильяма Уоллера пользовалась необыкновенной популярностью — и убедительно попросил граждан срочно отправить два своих сильнейших вспомогательных полка с линии лондонских укреплений в Фарнем, на что они с готовностью согласились. Затем он приказал графу Эссексу выделить из своей армии тысячу кавалеристов во главе с сэром Уильямом Балфуром и также передать их под начало Уоллера, который, получив это внушительное подкрепление, поспешил к прочим своим войскам в Фарнем. Там он едва успел перевести дух, ибо, узнав о расположении отдельных частей армии лорда Гоптона — а они квартировали слишком далеко друг от друга — выступил в поход (как он обычно и действовал в подобных обстоятельствах, будучи великим мастером внезапных нападений на вражеские квартиры), шел всю ночь, а на рассвете окружил большую деревню Алтон, где беспечно разместились на постой полк королевской пехоты и один-два эскадрона кавалерии. Однако кавалеристы, быстро поднятые по тревоге, в большинстве своем сумели прорваться в Винчестер, на главную квартиру, куда лишь за сутки до этого вернулся из Арунделла лорд Гоптон. Когда полковник Боулз, командир пехотного полка в Алтоне (взятого из гарнизона Уоллингфорда и состоявшего примерно из пятисот солдат) был окружен неприятельской пехотой и кавалерией, он понял, что не сможет защищаться или оказывать какое-либо сопротивление, если не укроется со своими людьми в церкви — там он рассчитывал продержаться столько времени, сколько потребуется для того, чтобы ему прислали подмогу. Однако забаррикадировать вход в нее он не успел, а потому неприятель ворвался в церковь вслед за ним, и после короткой схватки, в которой погибло немало солдат, пехотинцы Боулза, сломленные превосходящими силами, бросали оружие и запросили пощады. Пощаду предложили и самому полковнику, но он ее не принял и продолжал доблестно сражаться и после того, как уложил на месте двух или трех неприятелей, был убит. Враги воздали должное его непоколебимому мужеству.

Уоллер отлично понимал, как подействует на войско лорда Гоптона потеря этого превосходного полка, и что рассказы спасшихся от разгрома кавалеристов не прибавят храбрости их товарищам, так что скорое выступление неприятеля казалось ему маловероятным. А потому с необыкновенной быстротой (по-прежнему стояли сильные морозы) Уоллер двинулся во главе своей армии к Арунделл-каслу, где обнаружил, что его защитники подготовились к обороне так худо, как этого только мог желать он сам, ведь гарнизон не потрудился пополнить свои запасы провианта в окрестностях замка, зато успел израсходовать изрядную часть того, что заготовил лорд Гоптон. Комендант Арунделла был человек храбрый и честный, однако не слишком сведущий в военном деле, ибо весь его боевой опыт ограничивался тем, что усвоил он с начала смуты. Многие офицеры остались в Арунделле без вверенных им частей, и среди них полковник Бамфорд, ирландец, почему-то называвший себя Бамфилдом; человек, сообразительный и небесталанный, он всячески поощрял склоки и раздоры в среде своих товарищей (к которым они и сами были весьма склонны), в надежде самому стать комендантом.

В общем, Уоллер нашел неприятеля в большом смятении и, пользуясь услугами солдат-перебежчиков, отправленных обратно в Арунделл, сумел его увеличить. Он столь искусно разжигал раздоры и несогласия в среде защитников замка, что по прошествии трех-четырех дней (а все это время он лишал их сна и покоя беспрестанными тревогами), когда едва ли не половина гарнизона оказалась больной и неспособной к службе, осажденные, уже не доверяя друг другу, сдали крепость и сами сдались в плен на условии сохранения им жизни — хотя могли бы продержаться в Арунделле против всей неприятельской армии гораздо дольше.

Здесь попал в плен знаменитый ученый м-р Чиллингворт. Из уважения и искренней привязанности к лорду Гоптону он присоединился к нему в этом походе, а затем, когда лютые морозы совсем свалили его с ног, решил отдохнуть в Арунделле и дожидаться хорошей погоды. Как только неприятели узнали, кто перед ними — а любому благородному противнику его личность внушила бы глубокое почтение — сопровождавшие парламентскую армию священники подвергли пленника самой бесчеловечной травле, и уже через несколько дней их варварское обращение свело Чиллингворта в могилу — к великому прискорбию всех, кто был с ним

знаком, и множества тех, кто знал Чиллингворта лишь по его книге и по репутации в ученом мире.

Потеря полка Боулза глубоко взволновала лорда Гоптона, став для него чем-то вроде кровоточащей внутри раны. Теперь он еще сильнее воспылал желанием дать бой Уоллеру, чтобы расквитаться с ним за все, и, едва узнав об этой неудаче, стал принимать самые спешные меры, чтобы исправить положение — в надежде, что выручить Арунделл он еще успеет, ведь ему и в голову не приходило, что замок может капитулировать так быстро и малодушно. Но эта надежда мгновенно исчезла после достоверного сообщения о сдаче крепости и известия о том, что Уоллер вернулся из Арунделла в твердой решимости осуществить свой план похода на запад. К этому, помимо ободряющего действия двух последних побед (коими он до крайности возгордился), Уоллера побуждали и иные обстоятельства: он опасался, что кавалерийские части, взятые из армии графа Эссекса, могут быть спешно отозваны обратно; вдобавок вскоре должен был окончиться срок, по истечении которого он обещал отпустить в Лондон вспомогательные полки милиции.

Получив известие о том, что Парламент столь неожиданно выслал Уоллеру сильные подкрепления из армии графа Эссекса и из Сити, король почел за нужное усилить лорда Гоптона теми частями, какие окажется возможным взять из Оксфорда и соседних гарнизонов. Когда же сам главнокомандующий граф Brentford, верный друг лорда Гоптона, изъявил готовность отправиться к нему, вместо того, чтобы оставаться в бездействии на зимних квартирах, Его Величество, чрезвычайно обрадовавшись, постарался укрепить графа в этом намерении, ибо очень желал, чтобы столь искусный военачальник присоединился к армии, на которую он, король, возлагал огромные надежды, и в которой было не так уж много опытных офицеров. А потому главнокомандующий с теми добровольцами, которые вызвались его сопровождать, отбыл в Винчестер. Там он нашел лорда Гоптона — до крайности удрученного потерей пехотного полка в Алтоне и совершенно сконфуженного неожиданным, но достоверным известием о капитуляции Арунделл-касла. Присутствие главнокомандующего весьма ободрило лорда Гоптона; он выказал желание получать от графа приказы и предложил ему принять на себя единоличное начальство над войсками. Сделать это главнокомандующий столь же недвусмысленным образом отказался и лишь пообещал сопровождать Гоптона во всех походах,

оказывая ему всяческую помощь. Лорду Гоптону пришлось этим удовольствоваться; впрочем, большего согласия и единомыслия между друзьями нельзя было вообразить: главнокомандующий был всегда готов дать совет, а Гоптон ничего не предпринимал, не сообщив прежде о своих планах графу, и затем отдавал распоряжения, сообразуясь с его мнением.

Узнав о том, что Уоллер стянул к Фарнему все свое войско, лорд Гоптон и граф Brentford лишь обрадовались возможности сразиться с неприятелем и бодро двинулись ему навстречу. У Алсфорда, где-то на полпути между Винчестером и Фарнемом, им стало известно, что Уоллер совсем рядом. Находясь в виду противника, они стали выбирать позицию для предстоящего боя, чем и воспользовался Уоллер (первым подошедший к Алсфорду) для того, чтобы построить свою конницу. Королевская армия состояла примерно из пяти тысячи человек пехоты и трех тысяч кавалерии. Уоллер превосходил ее в кавалерии, а в пехоте силы были равны — с тем лишь преимуществом на стороне Парламента, что и кавалеристы, и пехотинцы его были (как всегда) гораздо лучше снаряжены, ибо каждый боец имел полагавшееся ему наступательное и оборонительное вооружение. А кирасиры сэра Артура Гезлрига, или, как их еще называли, *омары*, представляли собой столь грозную силу, что кавалеристы короля, вовсе не имевшие доспехов и в большинстве своем вооруженные одними лишь палашами, едва ли могли устоять перед их натиском.

Никогда королевская конница не вела себя в бою так скверно, как в тот день. Большая ее часть, подвергшись яростной атаке врага, повернула назад и ускакала слишком далеко, бросив на произвол судьбы своих старших офицеров. Пехота же короля держалась доблестно и не только взяла верх над неприятельской пехотой, но и сумела с изумительной стойкостью отразить несколько кавалерийских атак, сохранив при этом строй — тогда как те эскадроны, которые еще оставались на поле боя и обязаны были ей помочь, едва удалось удержать от бегства. Когда приблизился вечер — а наступление темноты не опечалило ни одну из сторон — лорд Гоптон счел нужным покинуть поле битвы; не оставив врагу боевых припасов и ни единой пушки и даже забрав с собой многих раненых, он отступил со своей армией в Ридинг. Неприятель же сам находился в столь великом расстройстве, что ни о каком преследовании и не помышлял; правда, Уоллер поспешил в Винчестер, надеясь, что после этого успеха тамошний замок быстро откроет ему ворота.

Но гарнизон замка упорно защищался, и Уоллер повернул назад — выместив прежде свою досаду на беззащитном городе, который с невообразимой жестокостью отдан был на поток и разграбление солдатам.

О собственных потерях Уоллера можно было тогда судить лишь по тому обстоятельству, что он не воспользовался своими очевидными преимуществами, а вспомогательные полки из Лондона и Кента решительно отказались продолжать поход. Три или четыре дня спустя они покинули Уоллера и возвратились домой, горько оплакивая павших товарищей. Со стороны короля, помимо рядовых солдат и многих отличных офицеров, пали в тот день лорд Джон Стюарт, брат герцога Ричмонда и командующий кавалерией в армии Гоптона, а также сэр Джон Смит, брат лорда Каррингтона и помощник командующего конницей. Те немногие из кавалеристов, кто остался с ними и исполнил свой долг, вынесли их с поля боя, перевезли в Ридинг, а на следующий день — в Абингдон, где врачи и хирурги могли наилучшим образом о них позаботиться. Но оба они получили слишком много ранений и скончались уже после второй перевязки.

Первому из них едва исполнился двадцать один год, и он подавал необыкновенные надежды. Обладая более горячим и резким нравом, чем прочие отрасли этой славной царственной династии, лорд Стюарт невзлюбил роскошную негу придворной жизни и посвятил себя воинскому ремеслу — еще не догадываясь, что ареной для упражнений в нем станет его собственное отечество. В тот день он выказал изумительное мужество и, останься он в живых, едва ли сумел бы когда-либо превзойти самого себя в доблести; а поскольку лорд Стюарт был предметом всеобщей любви, то и оплакали его все без исключения. Второй, сэр Джон Смит, с ранней юности постигал искусство войны на полях Фландрии. Потомок старинного католического рода, уже давно пользовавшийся репутацией одного из лучших кавалерийских офицеров, сэр Джон при первых же признаках смуты в Шотландии поступил на службу своему государю и с начала войны до собственной кончины совершил немало блестящих подвигов. Смерть этих двух превосходных командиров заслонила собою судьбу многих, погибших в тот же день, а потому их имена вспоминали реже.

Эта битва, состоявшаяся 29 марта и столь печальным образом открывшая новый 1644 год, совершенно расстроила приготовления короля, разрушив все его планы и замыслы. Ибо если прежде он

рассчитывал рано начать кампанию и действовать наступательно, то теперь понял, что ему всюду придется держать оборону. Да и эта задача предвещала великие затруднения, ведь уже через несколько дней король обнаружил, что он не только лишился солдат, потерянных при Алсфорде, но и вынужден оставить всякую надежду пополнить свою армию войсками принца Руперта — который, как уповал король, должен был, после своего блестящего успеха под Ньюарком, вовремя вернуться в Оксфорд с сильным отрядом пехоты и кавалерии из Шропшира, Чешира и Северного Уэльса. Но вскоре все эти надежды рухнули, ибо не успел принц привести в порядок гарнизон Ньюарка и снабдить его всем необходимым для того, чтобы отразить новое нападение — ожидать коего, после ухода его высочества, там имели все основания (хотя в действительности позор поражения, а также гнев и досада, охватившие неприятельских солдат и офицеров, когда они ясно увидели, что на них нагнала страху и принудила к капитуляции жалкая горстка людей, уже через несколько дней привели в полное расстройство и совершенно рассеяли все их воинство) — как им была получена настоятельная просьба от графа Дерби поспешить ему на выручку в Ланкашир: графа в его собственной укрепленной усадьбе Латом осадил сильный отряд, отразить который он был не в состоянии. Чтобы побудить принца с большей готовностью выступить ему на помощь, граф дал весьма щедрые обещания, обязавшись уже через несколько дней после того, как враг будет отброшен и осада снята, набрать для его высочества две тысячи солдат и предоставить ему крупную сумму денег. Столь же отчаянную просьбу граф направил через своего курьера в Оксфорд, откуда Его Величество послал дозволение и полномочие на этот поход принцу (когда тот еще стоял в Ньюарке), по-прежнему рассчитывая, что его высочество быстро управится со своим делом в Ланкашире и, основательно пополнив там свою армию, успеет возвратиться в Оксфорд к тому времени, когда он, король, должен будет открыть кампанию. Но вскорости надежды короля пошли прахом, ибо еще до того, как принц завершил свой поход в Ланкашир (где, выказав замечательную доблесть и причинив неприятелю немалый урон, снял осаду Латома и вдобавок, после страшной резни — вражеские гарнизоны отчаянно защищались — захватил два или три укрепленных пункта), маркиз Ньюкасл принужден был со всей своей армией отступить под защиту стен города Йорка. Маркиз сумел бы выдержать натиск многочисленной шотландской армии и был бы только рад дать ей

бой — оказалось, однако, что ему предстоит иметь дело с более грозным противником.

Когда заправлявшая в Парламенте партия ясно поняла, что главнокомандующий граф Эссекс никогда не станет верным ее слугой, готовым безропотно подчиняться любым ее желаниям, она решила завести еще одну, независимую от графа и более преданную ей армию, при формировании коей можно было бы беспрепятственно подобрать таких офицеров, которые бы не только исполняли приказы Парламента, но и всецело разделяли его замыслы и стремления. Сделано это было под тем предлогом, что среди знати и высшего джентри графств Норфолк и Саффолк есть слишком много неблагонадежных особ, и если не принять серьезных упреждающих мер, там могут составиться отряды сторонников короля, которые, пользуясь успехами маркиза Ньюкасла — чьи войска проникли тогда в Линкольншир — способны со временем вырасти в весьма грозную силу. Чтобы такого не допустить, Парламент объединил в ассоциацию Эссекс (на который всего более полагался, рассчитывая на могущество графа Уорвика и влияние зависевшего от него духовенства), Кембриджшир, Саффолк, Норфолк, Бедфордшир и Гентингдоншир; в каждом из этих графств имелось множество лиц, в полной преданности коих Парламент не сомневался, зато противников Парламента среди видных особ в большинстве из них было совсем немного. Командующим силами этой ассоциации назначили графа Манчестера; он должен был действовать независимо от графа Эссекса, подчиняясь единственно лишь приказам самого Парламента. Его помощником и начальником кавалерии сделали Оливера Кромвеля; в кавалерийские части ассоциации было направлено также много других офицеров, твердо решивших никогда более не покоряться королю и открыто исповедовавших касательно религии и свободы совести принципы, весьма несходные с теми, которые Парламент публично провозглашал прежде.

Графу Манчестеру Парламент приказал находиться в пределах вверенной ему Ассоциации и набирать там солдат с тем, чтобы можно было удерживать в повиновении входившие в нее графства — о чем-то большем Палаты поначалу как будто и не помышляли. Однако в тайном договоре, заключенном сэром Генри Веном с шотландцами, Палаты дали обязательство, что как только последние вступят со своей армией в Йоркшир, корпус английской пехоты, кавалерии и артиллерии, под командованием английских же офицеров, будет готов двинуться им на помощь: свои собственные

весьма многочисленные силы шотландцы считали тогда недостаточными, чтобы сражаться с англичанами. С того времени Парламент гораздо усерднее пекся о пополнении людьми и снабжении всякими припасами войск графа Манчестера, нежели армии графа Эссекса. И вот теперь, когда шотландцы вошли в Йоркшир, Парламент, исполняя заключенное с ними соглашение, приказал графу Манчестеру двинуться туда с всеми своими силами. При нем почти неотлучно находился особый парламентский комитет, одним из членов коего был сэр Генри Вен; при шотландской армии состоял комитет шотландского Парламента; в Лондоне же заседал теперь Комитет обоих королевств, ведавший всеми военными делами.

Маркиз Ньюкасл, теснимый таким образом с двух сторон, вынужден был отвести в Йорк всю свою пехоту и артиллерию, а также несколько кавалерийских эскадронов. Генералу Горингу с частью своей кавалерии он велел оставаться там, где последний найдет целесообразным и откуда можно будет с наибольшим успехом тревожить неприятеля. Затем маркиз отправил гонца к королю, чтобы сообщить о нынешнем своем положении, и заверил, что он, несомненно, сумеет продержаться в укрепленном городе от шести недель до двух месяцев — в надежде, что за это время Его Величество найдет способ ему помочь. Получив это письмо, король послал Руперту приказ, из коего следовало, что по оказании помощи лорду Дерби принц должен со всей поспешностью идти на выручку Йорку. В Оксфорде рассчитывали, что соединенные войска принца Руперта и маркиза Ньюкасла окажутся способны дать бой неприятелю, а Его Величество подготовится, насколько возможно, к тому, чтобы начать со своей армией кампанию, не дожидаясь возвращения принца.

Из-за этих неудач, следовавших одна за другой в течение зимы, положение короля казалось плачевным. Все это производило тягостное впечатление на королеву, ожидавшую тогда ребенка, внушало ей страх за собственную безопасность и совершенно лишало ее покоя. Каждый день она слышала, что Парламент набрал и уже привел в готовность огромное войско, намного превосходящее числом все его прежние армии (и это соответствовало действительности), и что, как только позволит погода, он непременно двинет все свои силы на Оксфорд. Сама мысль о том, что она может оказаться в осажденном городе, была ей невыносима; в конце концов, королева решила покинуть Оксфорд и направиться в западные графства, откуда, в случае новой беды, она могла бы отплыть во Францию.

Существовало, по-видимому, достаточно доводов, которыми можно было бы переубедить королеву, и Его Величество искренне желал, чтобы супруга оставила свой замысел, но ее страхи и смятение ее души, усугубляемые телесным нездоровьем, достигли такой степени, что разум и учтивость вынудили окружающих подчиниться ее воле. А потому около начала апреля королева отправилась из Оксфорда на запад; совершая медленные неспешные переезды, она благополучно добралась до Эксетера, где предполагала задержаться вплоть до своего разрешения от бремени (до родов Ее Величеству оставалось чуть более месяца); там, недоступная для страхов и тревог, она вновь обрела душевный покой.

Теперь, около середины апреля, от Его Величества требовалась величайшая проницательность, чтобы предугадать, каким образом попытается Парламент использовать свои громадные, беспрестанно пополняемые новыми наборами силы, и, соответственно, определить, что сможет предпринять он сам в грозившей ему крайности. Известие о том, что Уоллер не оставил планы похода на запад, вынудило короля отдать приказ всей своей армии собраться близ Малборо. Он сам явился туда и, к великому своему удовлетворению, обнаружил, что даже после всех потерь и неудач войско его насчитывает не менее шести тысяч пехоты и свыше четырех тысяч кавалерии. Армия простояла там несколько дней с тем, чтобы следить и наблюдать за движениями Уоллера и при первом удобном случае дать ему бой. В Малборо обсуждались всевозможные меры на будущее; предлагалось вывести гарнизоны из Ридинга и других мест, дабы усилить таким образом полевые войска. Впрочем, ни к чему определенному так и не пришли и только решили дожидаться яснейших свидетельств о планах парламентских армий.

Итак, король вернулся в Оксфорд, где по собственной просьбе созванных там членов Парламента, уже сделавших для короля все возможное, они были на время распущены, и теперь собирались ехать в свои графства, дабы, открыв народу глаза на то, что искреннее стремление короля к миру было дерзко отвергнуто Парламентом, побудить своих земляков к оказанию всей возможной помощи Его Величеству. Предполагалось, что они вновь соберутся в Оксфорде в октябре.

А чтобы Его Величество, когда придет время выступать в поход, мог взять с собой большую часть солдат оксфордского гарнизона, горожан убедили завершить уже начатое ими формирование собственного полка, и они довели его численность до тысячи человек.

Набраны были еще два полка, состоявшие из джентльменов и их слуг, а также студентов различных колледжей и холлов университета. С момента открытия королем кампании до возвращения его в Оксфорд полки эти добросовестно несли службу. Сверх того, все лорды объявили, что при любых чрезвычайных обстоятельствах они готовы посадить на коней своих слуг, дабы иметь сильные отряды на случай непредвиденной военной нужды. Лорды сдержали слово и в то лето совершили со своими людьми несколько важных и значительных боевых дел.

Между тем перемены в расположении неприятельских сил, равно как и все сведения, какие удавалось раздобыть, приводили к мысли, что Уоллер отказался от похода на запад (или что поход этот отложен), что все старания употребляются ныне для скорейшего пополнения его и графа Эссекса армий, и что ни одна из них не начнет действовать, прежде чем обе не будут укомплектованы таким числом солдат, с которым ни Уоллер, ни Эссекс до сих пор ни разу не выступали в поход. А потому королевская армия отошла от Малборо к Ньюбери, где и оставалась около месяца, готовая, смотря по обстоятельствам, следить за движением противника, оказать помощь гарнизонам Ридинга и Уоллингфорда или усилиться войсками из тих городов.

Несколько раз, и всегда при больших разногласиях, на военном совете обсуждался вопрос о том, как следует распорядиться гарнизонами после открытия Его Величеством кампании, и сам король после всех этих споров так и не пришел к определенному мнению. Свои соображения на сей счет он изложил в письмах к Руперту, требуя совета у принца, который, дав ответ королю и получив от него новые послания, спешно направился из Честера в Оксфорд для личной встречи с Его Величеством. Наконец было принято твердое решение: гарнизоны Оксфорда, Уоллингфорда, Абингдона и Бенбери пополнить и усилить всей имеющейся пехотой, крупный корпус кавалерии оставить близ Оксфорда, а все прочие войска послать на запад в помощь принцу Морицу. Если бы план этот осуществлялся настойчиво и упорно, он мог бы увенчаться большим успехом, ведь обе вражеские армии, поставленные им в тупик, не знали бы, что делать, и ни одна из них не рискнула бы предпринять осаду какого-либо из этих укрепленных городов, имевших гарнизоны, превосходно снабженные нужными припасами и готовые дать решительный отпор. Равным образом, со стороны Уоллера и Эссекса было бы опрометчиво удаляться на сколько-нибудь значительное

расстояние, оставляя у себя в тылу неприятеля, который, быстро и без труда соединившись, мог бы сорвать любой их поход.

Но если предложить королю подобный план (который, если бы ему последовали, доказал бы, вероятно, свою основательность) при тогдашнем его затруднительном положении было совсем не просто, то из-за злосчастного нрава людей, призывавшихся на эти советы, решения, принятые там после самого серьезного обсуждения, редко исполнялись с надлежащей твердостью и целеустремленностью — напротив, их изменяли после кратких дебатов и под влиянием доводов, уже вполне опровергнутых прежде, ведь некоторые лица, нерешительные и непостоянные по своему характеру, вечно терзались сомнениями даже после того, как их собственные предложения встречали полное одобрение; другие же, самоуверенные и упрямые, не желали в чем-либо отступать от высказанных ими однажды мнений, какими бы неразумными те ни были и как бы серьезно не изменялись внешние обстоятельства. Да и сам король нередко принимал в расчет не самый совет, ему данный, но скорее личность собеседника — сообразно тому, пользовался ли последний его благосклонностью или пребывал в немилости; и вдобавок всякий раз относился с величайшим подозрением или по крайней мередоверял меньше, чем следовало, собственной способности суждения (хотя, доверившись ей, он редко ошибался так грубо, как другие люди).

Единственными особами, с которыми совещался король о делах своей армии и том, как следует вести войну, были (помимо принца Руперта, в ту пору отсутствовавшего) главнокомандующий граф Brentford, лорд Уилмот, начальствовавший над кавалерией, лорд Гоптон, обыкновенно возглавлявший отдельное войско и не часто бывавший при армии короля, но тогда как раз находившийся в Оксфорде, сэр Джейкоб Астли, генерал-майор, лорд Дигби, государственный секретарь, и сэр Джон Колпеппер, хранитель свитков, ибо никто из членов Тайного совета (кроме двух названных) не приглашался для обсуждения военных вопросов, хотя с некоторыми из них впоследствии советовались в видах наилучшего исполнения и осуществления уже принятых решений.

Главнокомандующий — хотя когда-то он был, несомненно, хорошим офицером, имел обширный опыт и до сих пор оставался человеком безупречно храбрым и честным — теперь заметно сдал, а давняя и закоренелая привычка пить сверх всякой меры сильно притупила его ум, и прежде не блиставший живостью и глубиной,

ведь Брентфорд всегда отличался самым крайним невежеством, какое только можно вообразить. Вдобавок он стал туговат на ухо, и часто делал вид, будто не слышал о том, на что в свое время согласился, но от чего впоследствии нашел нужным отпираться. Он был немногословен, чрезвычайно уступчив и обыкновенно высказывал такие мнения, которые, как он знал заранее, придутся по вкусу королю.

Уилмот был человек надменного и честолюбивого нрава, забавно шутивший, но худо соображавший, ведь он никогда не принимал в расчет более одного обстоятельства сразу, зато об этом одном размышлял с таким нетерпеливым усердием, что все прочее казалось ему не заслуживающим внимания. С самого начала войны он выказывал совершенное нежелание как-либо сообразовываться с мнениями Тайного совета, полагая, что всеми делами короля (которые зависели от успехов армии) должны управлять и руководить единственно лишь солдаты, люди военные, и что никаким другим советникам Его Величество доверять не должен. Пока принц Руперт находился в Оксфорде, его крайнее предубеждение или скорее глубочайшая личная неприязнь к этому человеку имели своим следствием то, что все сказанное или предложенное Уилмотом встречало резкие возражения или даже обидным образом отвергалось; да и король, судивший по тому, что он успел услышать о Уилмоте или разглядеть в нем сам, не обнаруживал к нему особого благоволения и не слишком высоко ставил его способности. Но теперь, в отсутствие принца, будучи вторым человеком в армии и при этом глубоко презирая старика главнокомандующего, единственного стоявшего над ним начальника, Уилмот необыкновенно возгордился и возомнил, что все вокруг обязаны следовать его советам и подчиняться его указаниям. Благодаря своему веселому нраву и чрезвычайной общительности (а тут он прямо-таки блистал талантами, умея расположить к себе любую компанию) Уилмот сделался настолько популярен среди офицеров, особенно кавалерийских, что приобрел в армии воистину громадное влияние, которое всячески старался сделать очевидным для короля, дабы Его Величество больше им дорожил. На военном совете он всегда выражал свои мнения с крайней категоричностью и не терпел возражений, а поскольку всего чаще возражали ему два члена Тайного совета, государственный секретарь и хранитель свитков, имевшие, как он замечал наибольшее влияние на короля, то Уилмот пускал в ход все хитрости, чтобы внушить офицерам недоверие и нерасположение

к этим особам, пересказывая своим товарищам все, что говорили они на совете; а будучи навеселе, твердил старику главнокомандующему, что они-де покушаются на его исключительные права и больше, чем следует, вмешиваются в военные дела, отчего граф Брентфорд выказывал менее готовности прислушиваться к их советам, сколь угодно разумным и своевременным, а королю часто приходилось брать на себя труд его переубеждать.

Лорд Гоптон стоял выше всех соблазнов и ненавидел легкомыслие и своевольство, испортившие, как он замечал, слишком многих. Он обладал основательным умом и безупречным мужеством, был неутомимо деятелен и беспредельно великодушен (добродетель, коей не имел ни один из других старших офицеров). Однако на военных советах он долго не мог прийти к определенному мнению, а однажды на что-то решившись, склонен был затем изменять свои планы с большей готовностью, чем это подобало человеку, поставленному во главе войска. По этой причине лорду Гоптону подошел бы скорее пост не командующего армией, но его заместителя.

Сэр Джейкоб Астли был человек храбрый, честный, прямодушный, всеми уважаемый и как никто другой во всем христианском мире достойный занимать должность генерал-майора пехоты; он мгновенно оценивал обстоятельства и отдавал нужные приказы, а в разгар любого сражения сохранял изумительную бодрость духа и ясность ума. На советах он говорил мало, но зато по делу, и терпеть не мог долгих речей, обыкновенно там произносимых, которые скорее сбивали его с толку, нежели помогали что-либо уяснить. Он больше старался уловить смысл и итог подобных прений и понять свою задачу, нежели затягивать дебаты пространными рассуждениями, хотя всегда готов был высказаться с полной откровенностью.

Два члена Тайного совета, хотя и совершенно несходные по характеру и складу ума, всегда имели единое мнение, а поскольку по своим способностям они превосходили всех прочих, то им обыкновенно удавалось убедить короля в своей правоте. Но один из них, пользовавшийся в подобных вопросах большим авторитетом, чем другой, имел слишком капризное воображение и нередко, вспомнив и заново обдумав основания в пользу уже принятых решений или же прислушавшись к суждениям других лиц, менял свое мнение и отдавал приказы, отличные от прежних, что порождало немало досадных затруднений.

Такое непостоянство в планах и нетвердость в осуществлении задуманного имели своим следствием то, что о прежнем решении касательно гарнизонов теперь как будто и не вспоминали. В Нью-бери и его окрестностях королевская армия простояла свыше трех недель, и за это время численность ее нисколько не выросла, оставшись такой же, что и в день общего смотра в Малборо, на котором присутствовал король. Когда же стало известно, что обе парламентские армии выступили из Лондона (Эссекс — к Виндзору, а Уоллер — в район между Хартфордбриджем и Безингом, вовсе не намереваясь идти дальше на запад), армия короля двинулась к Ридингу. За три дня, в присутствии Его Величества, войска разрушили и срыли все ридингские укрепления, а затем, пополнившись закаленными солдатами и опытными офицерами гарнизона (что увеличило армию на две с половиной тысячи человек), отошли на свои квартиры близ Оксфорда, в убеждении, что им вполне по силам сразиться с одной из неприятельских армий и с горячим желанием поскорее дать бой врагу.

Глава XIV

(1644)

Возвратившись в Оксфорд, король решил задержаться там до тех пор, пока не будут получены точные сведения о планах неприятеля, раздобыть которые, однако, было уже не так легко, как прежде. После включения шотландских комиссаров в состав руководившего военными действиями комитета лишь немногие вопросы открыто обсуждались в Палатах. Тайны теперь хранили лучше, ведь посвящали в них только тех, о ком заранее было известно, что они одобряют самые крайние меры. Сами же планы доводились до сведения графа Эссекса уже не постепенно, по частям, а в полном виде, и сообщали ему лишь то, что подлежало немедленному исполнению. Граф видел все эти перемены, но ничего не мог поделать. По замыслу врага, две его армии, выступившие из Лондона вместе, должны были впредь действовать самостоятельно, однако не отдаляться одна от другой, пока не выяснятся вполне намерения короля. Если он останется в Оксфорде, обеим армиям следовало обложить город: внешний обвод оксфордских укреплений был весьма протяженным, и во многих местах его пересекала река, так что армии могли бы вести осаду, не смешиваясь, под начальством собственных офицеров. Если же король выступит из города — а у противника имелись веские основания этого ожидать, — тогда Эссекс должен будет преследовать короля, куда бы тот ни пошел (неприятель ожидал от Его Величества похода на север), а Уоллер — двинуться в западные графства, чтобы привести их к покорности. Таким образом, надежно обеспечив себя на севере войсками шотландцев и графа Манчестера, имея армию графа Эссекса, намного превосходившую числом любое войско, которое мог собрать король, и наконец, располагая третьей армией под начальством Уоллера, готового к походу на запад, Парламент рассчитывал, и с полным основанием, завершить войну уже этим летом.

Граф Эссекс и сэр Уильям Уоллер выступили со своими армиями из Лондона около 10 мая. Уже на другой день по оставлении королевскими войсками Ридинга граф Эссекс выслал из Виндзора отряд, чтобы его занять, а лондонскому Сити посоветовал дать людей и все припасы, необходимые для его удержания, — на что граждане

легко согласились, памятуя о том, что пришлось им претерпеть за последние два, когда Ридинг находился в руках неприятеля. Тем самым граф получил возможность соединиться с Уоллером, как только найдет нужным, чего прежде они не могли бы сделать удобным и безопасным образом. Впрочем, их армии и впоследствии не соединялись, но продолжали держаться одна от другой на таком расстоянии, чтобы в случае необходимости успеть прийти на выручку друг другу.

Армия графа Эссекса состояла из всех тех частей, которые находились под его начальством в прошлой кампании и провели зиму на квартирах близ Сент-Олбанса и в Бедфордшире; усиленная четырьмя полками лондонской милиции, она насчитывала теперь не менее десяти тысяч человек пехоты и кавалерии. Уоллер, также получивший крупные пополнения из Лондона, Кента и Сассекса, немногим уступал Эссексу по численности войск, а своей репутацией даже превосходил графа. Когда королевская армия ушла из Ридинга, кавалерия расположилась близ Уонтеджа и Фаррингтона, а вся пехота заперлась в Абингдоне с намерением оборонять или оставить этот город в зависимости от того, откуда приблизится к нему неприятель — иначе говоря, если враг подступит с востока, где помимо укреплений (впрочем, довольно слабых) гарнизон мог воспользоваться рекой, войска короля будут обороняться и удерживать позиции; если же неприятель подойдет с запада, со стороны Уонтеджа и Фаррингтона, они выйдут из Абингдона и, если численное превосходство неприятеля окажется не слишком значительным, дадут ему бой, в противном же случае — отступят вместе со всей армией к Оксфорду.

Удовлетворившись этим решением, гарнизон преспокойно сидел в Абингдоне, даже не пытаясь как-либо потревожить неприятеля, например, внезапно атаковать его квартиры, что можно было легко сделать, или воспрепятствовать врагу совершать налеты, где и когда он хотел; все это объясняли дурным настроением и нераспорядительностью Уилмота. Граф Эссекс подступил со всей своей армией к Абингдону, притом с восточной стороны, то есть именно там, где гарнизон рассчитывал с успехом оборонять город. Но как только стало известно о приближении неприятеля, главнокомандующий на следующий же день рано утром вывел из Абингдона всю пехоту (кавалерия подоспела туда ночью, чтобы прикрыть отступление) — все это было сделано прежде, чем король мог узнать или догадаться о происходящем. Получив сообщение о случившемся

от сэра Чарльза Бланта, начальника армейской сыскной службы, которого отправил к нему главнокомандующий с известием о своем решении, Его Величество тотчас отослал сэра Чарльза обратно, чтобы довести до сведения главнокомандующего свое крайнее недовольство его намерением покинуть город и передать ему приказ остановиться и не идти дальше до его, короля, прибытия; после чего со всевозможной поспешностью отправился к армии. Но прежде чем посыльный успел вернуться, армия показалась в виду Оксфорда; пехота вошла в город, а кавалерия встала на квартиры в соседних деревнях.

Так, к величайшей досаде короля, был оставлен Абингдон — куда той же ночью явился отряд из армии Эссекса, а на другой день вступил он сам со всей пехотой (кавалерия расположилась на постой в окрестностях города). Затем граф предложил Уоллеру подойти со своей армией поближе, чтобы они могли решить, как действовать дальше, а сам устроил свою главную квартиру в Уонтедже. Таким образом, неприятель без единого выстрела занял Ридинг и Абингдон, полностью овладел Беркширом и вынудил короля отвести свою пехоту и кавалерию к северу от Оксфорда, где им предстояло искать прокормление на собственных скудных квартирах; король же должен был теперь думать о том, как спасти от осады Оксфорд и самому не оказаться запертым в его стенах.

К концу мая положение короля стало настолько плачевным, что в Лондоне многие рассказывали, будто Оксфорд уже взят, а сам король попал в плен. Другие еще более уверенно заявляли, что Его Величество решил прибыть в Лондон — чего Парламент и в самом деле опасался, хотя и гораздо меньше, чем того, что король задумает отдаться в руки и под покровительство графа Эссекса, о чем Палаты не могли помыслить без ужаса. А потому до крайности встревоженный Комитет обоих королевств отправил своему главнокомандующему следующее письмо:

«Милорд, нам достоверно известно, что Его Величество намерен прибыть в Лондон. Мы желаем, чтобы вы, со своей стороны, выяснили положение дел и, если вы придете к заключению, что Его Величество действительно хочет явиться к Вашим войскам, сообщили нам об этом, но сами ничего не предпринимали до получения особого распоряжения от Палат».

Отсюда ясно, что Палаты не доверяли графу; к тому же им трудно было вообразить, что еще мог бы сейчас придумать король. Ведь Его Величество не мог всерьез рассчитывать на помощь или

подкрепление с севера или с запада: принц Руперт спешил тогда в Ланкашир, на выручку графу Дерби (осажденному в собственном замке Латом), а принц Мориц по-прежнему вел злосчастную осаду Лайма, рыбацкого городка в Дорсетшире, который после того, как принц простоял перед ним целый месяц, имел гораздо больше надежд продержаться, нежели в тот день, когда неприятель появился под его стенами. В подобной крайности король послал лорда Гоптона в Бристоль, поручив принять меры к обеспечению безопасности этого важного города, где, как ему было известно, Уоллер имел немало сторонников. Сам же он решил оставаться в Оксфорде до тех пор, пока не выяснится, как намерены действовать две неприятельские армии, и если они разделятся так, что их быстрое соединение окажется невозможным, дать бой одной из них — теперь это была главная его надежда.

Великой удачей для него явилось то обстоятельство, что две вражеские армии так долго стояли рядом в совершенном бездействии, не пытаясь развить свой успех или воспользоваться смятением и замешательством, которые тогда слишком очевидным образом овладели войсками короля. Был отдан приказ расположить королевскую армию так, чтобы она могла воспрепятствовать переправе мятежников через реки Черуэлл и Айсис, протекавшие, соответственно, к востоку и к западу от города; и теперь большая часть пехоты заняла позиции вдоль Черуэлла, а кавалерия вместе с несколькими подразделениями драгун разместилась близ Айсиса.

В таком положении противники оставались целый день, не предпринимая никаких действий. Это отчасти успокоило умы в Оксфорде, а равно и у тех солдат, которые находились вне его стен и до сих пор чувствовали досаду из-за того, что им пришлось оставить Абингдон и перейти на более тесные квартиры. Отряды Уоллера попытались переправиться через Айсис у Ньюбриджа, но были отброшены драгунами короля. Однако на следующий день Эссекс со всей своей армией перешел Темзу у Сендфорд-Ферри и двинулся к Айслипу, где и разбил лагерь. По пути он сделал остановку на Буллингдон-грин, чтобы как следует осмотреть город и заодно устрашить его гарнизон видом собственного воинства. С этой целью сам Эссекс во главе небольшого отряда кавалерии приблизился к городу на пушечный выстрел, а другие конные партии подъезжали к воротам и даже имели стычки с кавалеристами короля, хотя и без сколько-нибудь существенного урона с обеих сторон.

На следующее утро многочисленный отряд кавалерии из армии графа предпринял попытку перейти Черуэлл у Госфорд-бриджа, но был отбит мушкетерами и, понеся немалые потери, отступил к своим главным силам. И тогда — поскольку граф со всей своей армией увяз на восточной стороне Черуэлла, а значит, не мог ни быстро оказать содействие Уоллеру, ни сам получить от него своевременную помощь — король решил отвоевать у противника Абингдон и, пользуясь удобным моментом, сразиться один на один с Уоллером, пока на выручку к нему не подоспеет другая неприятельская армия. Во исполнение этого плана вся пехота, охранявшая подступы к городу, была вечером же снята с позиций и ночью двинулась через Оксфорд на Абингдон, а граф Кливленд — человек изумительной храбрости и отличный офицер, всегда готовый к самым дерзким предприятиям — устремился туда с отрядом в сто пятьдесят всадников. Он смело ворвался в город, где стояли тысяча пехотинцев и четыреста кавалеристов армии Уоллера, многих перебил, а некоторых взял в плен. Однако поднятые по тревоге неприятельские части настолько превосходили его числом, что пленникам удалось бежать, хотя Кливленд успел уложить на месте вражеского командира и отступил со своим отрядом в полном порядке, потеряв всего лишь двух офицеров и двух солдат. В итоге от дальнейших попыток отбить Абингдон пришлось отказаться, план сражения с Уоллером также был оставлен, и армия возвратилась на прежние позиции к северу от Оксфорда.

Между тем сэр Джейкоб Астли принял на себя командование у Госфорд-бриджа, где, как он заметил, граф намеревался форсировать реку. Чтобы защитить своих солдат, сэр Джейкоб тотчас приказал насыпать брустверы и построить редут и во второй раз отразил врага с большим уроном для последнего. Неприятель возобновлял атаки два или три дня кряду и даже установил орудия, чтобы облегчить прорыв — но они не причинили особого вреда, и граф Эссекс вновь потерял множество людей. Зато солдаты Уоллера, наступавшие из Абингдона, не встретили столь упорного сопротивления у Ньюбриджа; без труда опрокинув его защитников, они переплыли реку на лодках выше и ниже по течению, и теперь Уоллер, владея переправой через Айсис, мог перебросить на другой берег всю свою армию и с тыла обрушиться на короля, пока тот держал оборону с противоположной стороны.

Королю пора было думать о собственном спасении, о том, как избежать грозившей ему опасности оказаться запертым

в Оксфорде. Ведь Уоллер не терял времени даром и уже на другой день переправил у Ньюбриджа пятитысячный отряд пехоты и кавалерии, авангард коего расположился в Эйншеме; а когда пехота короля была отведена от Госфорд-бриджа, Эссекс тотчас же перешел со своими частями Черуэлл; сам он заночевал в Блетчингтоне, а многие его кавалеристы достигли Вудстока. Теперь Уоллеру и Эссексу казалось, что королю уже не вырваться из их клещей, да и приближенные Его Величества находили его положение столь отчаянным, что один из тех, с кем король нередко держал совет по самым важным и секретным делам и в чьей верности никогда не сомневался, предложил ему сдаться на известных условиях графу Эссексу. Мысль эту Его Величество отверг с негодованием, однако имел великодушие скрыть имя человека, сделавшего такое предложение, и заявил, что он, король, может стать, и попадет в руки графу Эссексу, но не иначе, как мертвым. Всей кавалерии велено было собраться в назначенное время и ожидать дальнейших приказаний, а сильный отряд пехоты с пушками двинулся через город к Абингдону. Таким маневром рассчитывали поставить в тупик обе неприятельские армии и вынудить Уоллера отвести свои войска обратно за Темзу через Ньюбридж; а с наступлением вечера пехота и артиллерия возвратились на прежние позиции к северу от Оксфорда.

Желая ободрить лордов-членов Тайного совета и иных знатных особ, находившихся в Оксфорде, король решил оставить там своего сына, герцога Йоркского, и пообещал, если город окажется в осаде, сделать все возможное, чтобы выручить их прежде, чем они дойдут до последней крайности. Затем он приказал взять из пехотных частей две тысячи пятьсот отборных мушкетеров, которые, под начальством сэра Джейкоба Астли и четырех опытных полковников, должны были без знамен направиться туда, где ожидала распоряжений кавалерия, прочей же пехоте надлежало сосредоточиться на северной стороне и оставаться там, чтобы ее можно было использовать для обороны Оксфорда, если неприятель решит его осадить.

Когда все эти приказания были исполнены, в понедельник 3 июня около девяти часов вечера король, под охраной отряда гвардии, вместе с принцем Уэльским и теми лордами и иными лицами, коим велено было его сопровождать, а также многими другими знатными особами, которые не получили такого приказа, но сочли для себя более безопасным покинуть город, выехал из северных ворот Оксфорда к ожидавшим его пехоте и кавалерии. Соединившись

с ними и не делая в пути остановок, он прошел между двумя вражескими армиями и к рассвету был в Ханборо, в нескольких милях от ближайших неприятельских квартир. Король, однако, не успокоился, пока во второй половине дня не прибыл в Берфорд. Там он заключил, что ему уже не грозит опасность быть настигнутым армией, обремененной обозом и артиллерией, так что позволил солдатам немного передохнуть, а сам поужинал. Впрочем, король по-прежнему опасался, как бы в погоню за ним не пустилась неприятельская кавалерия, а потому, выступив из Берфорда, продолжил марш через Котсуолдс. В полночь он достиг Бертона, где дал себе и своим измотанным войскам больше времени на отдых и восстановление сил.

На следующее утро после ухода короля из Оксфорда пехота, как будто намереваясь идти на Абингдон, снова прошла через город — чтобы поддержать в стане неприятеля замешательство, которое за день до того заставило сбитого с толку Уоллера отложить наступление и отправить назад многие части. Граф же Эссекс в то утро выслал из Блетчингтона кавалерийские разъезды с приказом приблизиться к Оксфорду и разведать, что там делается. Кавалеристы разглядели на стенах знамена, которые они видели двумя днями раньше, а потому Эссекс заключил, что король по-прежнему в городе, а значит, в полной его власти. Уоллер, первым получивший известие о движении войск Его Величества, отправил за ним в погоню сильный отряд конницы, чтобы тревожить их на марше, пока не подоспеет он сам; его кавалеристы так спешили, что настигли в Берфорде отставших неприятельских солдат, которые из-за крайней усталости или по чрезмерной любви к крепким напиткам не смогли уйти оттуда со своими товарищами. Граф Эссекс также двинулся вперед со своей армией и стал лагерем в Чиппинг-Нортоне, а кавалерия Уоллера дошла до Бродуэя, когда король достиг Ившема. Поначалу король предполагал там остановиться как в безопасном месте — хотя прошлой ночью его гарнизон в Тьюксбери был внезапно атакован сильным отрядом из Глостера, причем старшие офицеры погибли, прочие оказались в плену, а большая часть солдат сумела уйти и пробиться к Ившему. Однако, узнав о том, что обе неприятельские армии стремительно его преследуют и что, перейдя Эйвон у Стратфорда или в каком-то другом месте, они могут отрезать его от Вустера, король отказался от прежнего своего плана сделать привал в Ившеме и немедленно двинулся к Вустеру, приказав разрушить мост в Першоре. По неосторожности

это было сделано еще до того, как все войска успели перейти на другой берег, и когда одна из арок внезапно рухнула, майор Бриджес из полка принца, командир весьма храбрый и толковый, а с ним еще несколько кавалерийских офицеров и два десятка солдат упали в Эйвон и, к несчастью, утонули.

Когда граф Эссекс убедился, что король опережает его на целых два перехода и что догнать его и принудить к бою они с Уоллером уже не смогут, он решил отказаться от дальнейшего преследования и избрать иной образ действий. С этой целью он созвал всех старших офицеров обеих армий на совет в Берфорде, где было решено, что Уоллер, у которого было меньше пушек и повозок, должен, усилившись подкреплениями, которые сможет ему выделить комендант Глостера Масси, идти в погоню за королем и преследовать его всюду, куда бы тот ни направился. Графу же Эссексу, более обремененному артиллерией и обозом, надлежало выполнить другую задачу — освободить от осады Лайм и привести к покорности Парламенту западные графства.

Уоллер противился этому решению, как только мог, и, ссылаясь на указания и распоряжения Комитета обоих королевств, утверждал, что именно его, а не Эссекса, назначили действовать на западе, если их армии найдут нужным отделиться друг от друга. Но Эссекс, как главнокомандующий, отдал ему прямой приказ выступить в поход туда, куда велит военный совет. Ослушаться Уоллер не посмел, однако послал Парламенту горькие жалобы на дурное обращение, которое пришлось ему претерпеть. В Вестминстере разгневались на Эссекса и отправили ему весьма грозное и сердитое письмо, в котором графа упрекали в неподчинении инструкциям Палат и категорически требовали, чтобы он исполнил их прежние распоряжения и позволил Уоллеру идти на запад. Письмо это доставили Эссексу уже на второй день западного похода. Граф, однако, решил ответить Палатам, но не подчиняться их приказу, и написал, что их инструкции противны здравому смыслу и военной дисциплине и что если он теперь повернет назад, то это всюду послужит великим ободрением для неприятеля. Подписался он так: *Невинный, хотя и заподозренный слуга ваш, Эссекс*. После чего, осуществляя прежний свой план, граф продолжил марш на запад.

Убедившись, что ничего другого ему не остается, Уоллер начал с большим усердием и энергией исполнять приказания Эссекса и пошел к Вустеру, где стоял тогда король, а по пути скорее уговорил, нежели принудил силой гарнизон Садли-касла, укрепленной

усадыбы лорда Чандоса, сдать ему крепость. < Владелец замка, храбрый и решительный молодой человек, в продолжение двух лет доблестно служил королю во главе набранного им на собственные средства кавалерийского полка, но незадолго до описываемых здесь событий, утомленный войной и сильно поиздержавшийся, оставил армию под предлогом путешествия на континент, однако задержался в Лондоне, где забыл о войне и предался удовольствиям большого города. В замке же его начальствовал теперь сэр Уильям Мортон, который в начале войны снял мантию судьи и стал подполковником в полку лорда Чандоса. Сэр Уильям выказал блестящую храбрость во многих боях, получил не одно ранение, так что в его верности королю невозможно было усомниться. К несчастью, один из его офицеров пробрался из Садли-касла к Уоллеру, рассказал о бедственном положении гарнизона, а затем склонил солдат к мятежу, что и явилось главной причиной сдачи замка. Плененный комендант был отправлен в Тауэр, где провел в заточении много лет. Мужество и стойкость Мортонна обрели заслуженную награду уже после реставрации, когда он был назначен судьей Королевской скамьи и превратился в грозу разбойников с большой дороги. > Оттуда Уоллер стремительно двинулся к Ившему, где его с радостью встретили зловредные обыватели. Едва король оставил их город, они починили мост через Эйвон, дабы Уоллеру легче было вступить в Ившем — чего в противном случае он не сумел бы сделать так скоро.

Король задержался в Вустере на несколько дней, и его войска, избавленные там от необходимости нести боевую службу, смогли как следует отдохнуть; сверх того, благодаря преданности этого славного города и искреннему расположению джентльменов графства, искавших в Вустере безопасного убежища, он раздобыл обувь, чулки и деньги для своих солдат. Когда же пришло достоверное известие о том, что Уоллер со своей армией выступил из Ившема к Вустеру и, по-видимому, намеревается его осадить, король решил встретить врага в другом месте. А потому, оставив этот город (хорошо снабженный припасами и бодрый духом), Его Величество отвел свою маленькую армию к Бьюдли, с тем чтобы его и неприятеля разделяла река Северн; вся пехота стала на постой в самом Бьюдли, а кавалерия — вдоль реки, со стороны Бриджнорта. Позиция войск короля навела Уоллера на мысль, что Его Величество хочет идти в Шрузбери, а затем еще дальше на север. Подобного решения король не принимал, хотя гарнизонам Шрузбери, Бриджнорта, Ладлоу и других городов действительно послали приказ получше запастись хлебом и иной провизией, свозя их в возможно большем

количестве из окружи. Это утвердило Уоллера в его первоначальном предположении и заставило двинуть вперед свою армию с тем, чтобы она оказалась ближе к Шрузбери, чем войска короля. Однако, Бог мне свидетель, король помышлял тогда единственно лишь о том, как избежать встречи с неприятелем, вступать в бой с которым, располагая жалкой горсткой пехоты без пушек, было бы явным безрассудством; вдобавок слишком многие основательные причины удерживали короля от похода к тем городам и в те края, куда, как воображал Уоллер, он склонен был направиться. Его Величеству в пору было повторять жалобные слова царя Давида и сравнивать себя с куропаткой, ловимой в горах охотниками и не знающей, где искать покоя и спасения. [I Sam. xxvi. 20.]

То обстоятельство, что Уоллер продвинулся так далеко на север, показалось в подобной крайности щедрым даром Промысла Божьего. Король тут же принял решение как можно скорее возвратиться в Вустер, а оттуда со всей поспешностью идти в Ившем; затем, разрушив мост и оставив таким образом за своей спиной реку Эйвон, он мог бы, совершая быстрые марши, соединиться с оставленными в Оксфорде войсками, после чего был бы в состоянии дать бой Уоллеру или осуществить любой другой замысел. По принятии столь разумного плана велено было пригнать к Бьюдли все лодки из Бриджнорта и Вустера, дабы с большей легкостью и быстротой перевезти пехоту в этот последний. Все это удалось исполнить наилучшим образом: пехота, посаженная в лодки ранним утром следующего дня, прибыла в Вустер так скоро, что уже вечером ее можно было отправить далее, к Ившему — однако многие кавалерийские части, квартировавшие между Бьюдли и Бриджнортом, не смогли за нею угнаться и не успели подойти вовремя. А потому и пехоту, и кавалерию сочли нужным оставить на ночь в Вустере, что и было сделано.

На другое утро король не нашел причин как-либо изменять свой прежний план и, получив надежные сведения о том, что Уоллер, ничего не знавший о его передвижениях, все еще находится на старых своих квартирах, быстрым маршем двинулся к Ившему. Он решил не задерживаться там и приказал пехоте и кавалерии пройти через Ившем, не останавливаясь, но прежде распорядился разрушить мост, а жителей города заставил уплатить двести фунтов — за тот восторг, с которым встречали они Уоллера. Сверх того король велел горожанам найти тысячу пар обуви для своих солдат, что и было ими вскорости исполнено. Вечером армия пришла в Бродуэй, где

и заночевала, а ранним утром следующего дня она заняла высоты близ Чиппинг-Кемпдена. Там солдаты короля смогли наконец отдохнуть, с удовольствием обозревая пройденные ими места, ведь Уоллер остался далеко позади и ему еще предстояло пройти по скверным дорогам (а дороги в этой долине даже в ту пору года были воистину ужасными).

Между тем король отправил в Оксфорд полковника Филдинга (и, на всякий случай, еще нескольких гонцов, ведь места эти кишели неприятельскими лазутчиками, высылаемыми из Глостера, Тьюксбери и Садли-касла), чтобы сообщить лордам-членам Тайного совета о своем счастливом возвращении, а также о том, что эту ночь он намерен провести в Берфорде, а следующую — в Уитни, где, как он рассчитывает, его должна встретить вся пехота, с пушками и знаменами — что она и сделала с несказанной радостью. В четверг 20 июня, через семнадцать дней после того, как, находясь в отчаянном положении, он оставил Оксфорд, король, пройдя через множество опасностей и тяжких затруднений, до сих пор редко выпадавших на долю особ монаршего сана, вновь оказался во главе своей армии, от которой прежде был столь рискованным образом отделен. Никакую степень точности и обстоятельности в изложении подробностей этого странствия нельзя счесть чрезмерной, ведь они не только служили предметом радостных воспоминаний, но и убедительно доказывали благодать Промысла Божьего, который спас короля, не позволив ему попасть в руки мятежников и как бы выхватив его, словно головешку, из пламени, а потому самое тщательное описание подобных событий, самый детальный рассказ о столь чудесном избавлении от всякого рода опасностей и угроз потомки наверняка прочтут с признательностью и не без удовольствия. Теперь король полагал себя способным не только встретить Уоллера, если тот двинется на него, но и самому выступить против неприятеля и даже преследовать его, если Уоллер захочет или попытается уклониться от решительного сражения.

Во время недолгого отсутствия короля оксфордский гарнизон не бездействовал. Весной, когда король готовился к кампании, для чего вывел гарнизоны из Ридинга, держать более слабые гарнизоны на еще меньшем расстоянии от Оксфорда сочли бесполезным. А потому гарнизону Борстел-хауса, стоявшего на границе Оксфордшира с Бекингемширом и считавшегося сильной крепостью, приказано было разрушить укрепления и фортификации и отступить на соединение с главной армией. Как только это было

сделано, гарнизон Эйлсбери, которому приходилось испытывать на себе последствия столь неприятного соседства, поспешил занять Борстел-хаус; и расположившийся там неприятельский гарнизон, после того как король оставил Оксфорд, а армии Эссекса и Уоллера также покинули его окрестности, причинял этому городу едва ли не столько же беспокойства и почти с таким же успехом препятствовал доставке туда провианта, как это делала прежде любая из вражеских армий. Все это вызывало сильнейшее недовольство у жителей Оксфорда и его округи, а также громкие их жалобы лордам Тайного совета, и всякий раз использовалось как оправдание для неприсылки ими, вопреки распоряжениям лордов, требуемых людей на строительство укреплений (что было тогда самым важным делом) и на любые иные работы в городе. Когда же обе неприятельские армии, преследуя короля, отошли от Оксфорда так далеко, что опасаться в ближайшее время его осады уже не было разумных оснований, лорды решили поискать средств помочь беде и отвлечь исходившую от Борстел-хауса угрозу. Побуждаемые полковником Гейджем, который вызвался овладеть Борстел-хаусом, они отдали под его начальство отряд пехоты из прежнего гарнизона крепости, при трех пушках, а также кавалерийский эскадрон из Оксфорда. На рассвете полковник подошел к Борстел-хаусу, быстро и без большого сопротивления захватил церковь и пристройки, а затем начал обстрел из орудий самой укрепленной усадьбы, защитники коей, не выдержав жестокого огня, вскоре пожелали вступить в переговоры. В итоге Борстел-хаус был сдан Гейджу вместе с боевыми припасами, одной пушкой (другой артиллерии там не было), а также изрядным количеством превосходного провианта и фуража. Гарнизон получил право свободного выхода с оружием и лошадьми — весьма мягкие условия для такой сильной крепости, взятие которой стоило потери одного младшего офицера и нескольких солдат. Полковник оставил в Борстел-хаусе гарнизон, и тот впоследствии не только защищал Оксфорд от разорительных набегов неприятеля, но и едва ли не полностью сам себя содержал — за счет контрибуций, взимаемых с Бекингемшира, а также богатой добычи, которую он нередко захватывал в непосредственной близости от Эйлсбери.

Между тем граф Эссекс, продвигавшийся медленно, с частыми остановками, и не встречавший на своем пути никаких препятствий и затруднений, вступил в Дорсетшир. Величайшая учтивость и всегдашняя благожелательность самого графа вместе

с превосходной дисциплиной в его армии производили такое впечатление на местных жителей, что войска Эссекса — которые, пока он стоял под Оксфордом, заметно поредели и не только из-за потерь убитыми и ранеными в жестоких боях у Госфорд-бриджа, но и вследствие дезертирства многих солдат — теперь нисколько не уменьшились, а напротив, скорее даже выросли в числе. Невозможно себе представить, сколь громадное различие существовало между армиями Эссекса и Уоллера в их настроении, духе и образе действий, в их обращении с обывателями, а значит, и в том, как их встречал народ. Войска Уоллера держались гораздо грубее и вели себя куда более жестоко, чем люди Эссекса; к тому же народ всюду питал известную симпатию и даже почтение к графу, который всегда пользовался в Англии немалой популярностью, и не только благодаря памяти отца, но и по своим собственным достоинствам.

Придя в Бленфорд, Эссекс возымел сильное желание овладеть Уэймутом, но так, чтобы добиться цели, не отвлекая для этого свою армию, чего он твердо решил не делать. Уэймут, однако, лежал немного в стороне, и поворачивать туда Эссексу было не с руки. Годом ранее комендантом Уэймута назначили полковника Ашбурнема — он пользовался репутацией храброго воина и умелого командира — а чтобы освободить для него место, этой должности лишили сэра Антони Ашли Купера. Обиженный Купер оставил службу королю и, питая неукротимую ненависть к делу Его Величества, душой и телом предался Парламенту. Полковник же, имея много других хлопот, не позаботился как должно о завершении строительства укреплений, которые были теперь недостаточно сильны, чтобы остановить неприятельскую армию, но слишком сильны, чтобы сдавать Уэймут тотчас же по ее приближении. Я, впрочем, не стану распространяться об этой истории, так как впоследствии Ашбурнем настойчиво утверждал, что ее досконально рассмотрел военный совет, коему он представил соответствующий приказ принца Морица, гласивший, что поскольку город непригоден для обороны, то его коменданту, как только к Уэймуту подступит армия Эссекса, следует занять достаточно сильным гарнизоном Портлендский замок, а затем удалиться туда самому. Ашбурнем так и сделал, и военный совет снял с него все обвинения. Но хотя сам Ашбурнем был оправдан, его репутация погибла, так как многим казалось, что он слишком рано оставил город (пусть даже и собирался вернуться в Уэймут из Портленда). Но тут жители его взбунтовались в пользу Парламента и, когда Эссекс находился недалеко от города, выслали

к нему депутатов. Граф явился туда (чего в противном случае не стал бы делать), разрешил гарнизону уйти с оружием к принцу Морицу и таким образом овладел Уэймутом. Оставив для его защиты достаточное число людей из округи, он без промедления продолжил свой марш к Лайму, откуда принц Мориц, с отрядом не менее чем в две с половиной тысячи кавалеристов и тысячи восьмисот пехотинцев, при первом же известии о потере Уэймута весьма поспешно отошел к Эксетеру (разместив прежде гарнизон из пятисот солдат в Уэреме) — что нанесло известный ущерб воинской репутации принца, ведь он так долго и с такими крупными силами стоял под этим жалким, плохо укрепленным городком, но так и не сумел его взять.

Как только король присоединился в Уитни к своей армии — которая насчитывала теперь целых пять с половиной тысяч человек пехоты и без малого четыре тысячи кавалеристов, с соответствующим парком артиллерии — он решил не содержать ее больше за счет верных ему земель, к тому времени слишком основательно опустошенных как своими, так и чужими, но перейти на территорию, занятую неприятелем. Уже на другой день он выступил к Бекингему, где предполагал остановиться и ждать Уоллера (о чьих передвижениях еще ничего не знал); из Бекингема же, если бы Уоллер так и не появился, Его Величество мог бы вторгнуться в графства Ассоциации, а затем повернуть на север, если бы известия оттуда убедили его в разумности такого шага. Находясь в Бекингеме, король пришел к выводу, что теперь он уж в состоянии дать бой неприятелю: его солдаты каждый день свозили в город обильные запасы провианта и вдобавок, внезапно появившись в краю, где их никто не ждал, могли перехватывать повозки с вином, табаком и бакалеей, которые во множестве шли в Ковентри и Уорвик из Лондона, где дороги через эти места по-прежнему считали безопасными. В Бекингеме же очень радовались всей этой добыче. Но тут король столкнулся с неожиданными неприятностями — новым следствием недовольства и раздоров, царивших в его собственной армии. Уилмот, как и прежде, мрачный, упрямый и капризный, с каждым днем вел себя все более дерзко, а в злобной своей вражде к лорду Дигби и хранителю свитков дошел до того, что стал угрожать многим офицерам, главным образом — кавалеристов, во всем ему послушных, составить петицию к королю с требованием исключить названных особ из Военного совета и запретить им присутствовать на его заседаниях, — и офицеры обещали это сделать.

Уоллер между тем по-прежнему стоял в Вустершире, и теперь нужно было решить, что следует предпринять королю. Одни предлагали ему немедленно двинуться в графства Восточной ассоциации, другие — не теряя времени, идти на соединение с принцем Морицем. Уилмот же категорически заявил, что поскольку оба парламентских полководца и их войска находятся вдали от Лондона, Его Величеству следует предпринять стремительный марш на столицу, дабы выяснить, каковы истинные настроения Сити; когда же армия достигнет Сент-Олбанса, король должен будет оправить Парламенту и Сити милостивое послание, которое наверняка возымеет действие. Подобный план, заключил Уилмот, как если бы знал это заранее, одобрит армия. Столь сумасбродное предложение, как и обстоятельства, при которых оно было сделано (ведь сам Уилмот никогда прежде не заговаривал с королем ни о чем подобном) крайне встревожили Его Величество, но категорически его отвергнуть король не посчитал уместным, дабы не доводить дело до подачи петиции (а о том, что офицеры ее составляют, он уже знал). Напротив, он распорядился подготовить соответствующее послание, а затем представить его, вместе с планом похода на Лондон, на обсуждение членам Тайного совета в Оксфорде, дабы узнать их мнение по столь важным вопросам. С этой целью в Оксфорд были отправлены лорд Дигби и хранитель свитков; возвратившись два дня спустя, они сообщили, что ни послания, ни похода лорды не одобрили. Впрочем, вся эта интрига прекратилась сама собой, когда было получено достоверное известие, что Уоллер оставил Вустершир и теперь стремительно приближается, желая дать бой Его Величеству, — после чего у военного совета появились другие предметы для обсуждения.

После того, как король своим стремительным маршем к Вустеру и обратно столь искусно ввел его в заблуждение и уклонился от встречи с ним, Уоллер, вовремя об этом не извещенный и ни о чем не догадывавшийся, посчитал бессмысленным утомлять армию долгими маршами в надежде настигнуть короля, и привел все свое войско к стенам Вустера, дабы грозным его видом устрасить этот город, который годом ранее бросил дерзкий вызов его могуществу, хотя едва ли был тогда способен ему противостоять. Но он быстро понял, что ничего здесь не добьется, и двинулся к Глостеру, но прежде послал приказ полковнику Масси дать ему людей из глостерского гарнизона. Масси — креатура Эссекса — отказался это сделать, после чего Уоллер направился в Уорвикшир и назначил общий сбор

войск на поле близ Кайнтонa, где состоялась первая битва этой войны. Там он получил подкрепление из Уорвика и Ковентри — семь эскадронов кавалерии и шестьсот человек пехоты при одиннадцати пушках. Усилившись таким образом, Уоллер смело пошел на короля, а Его Величество, известая об этом и желая поскорее встретить неприятеля, выступил со всей своей армией к Бракли, когда Уоллер был уже неподалеку от Бенбери. Прошло немного времени, и уже во второй половине дня, когда после дождливого утра ярко засияло солнце, армии противников оказались в виду друг друга, причем обе они стремились занять один и тот же выгодный участок местности. Уоллер находился к нему ближе — королю еще нужно было провести все свое войско через город Бенбери — и смог построить своих людей в надлежащий боевой порядок прежде, чем туда подошел король. Король провел эту ночь в поле, в полумиле к востоку от Бенбери, отделенный от неприятеля рекой Черуэлл.

Король решил выманить Уоллера с выгодной позиции, на которой тот простоял два дня, для чего снялся с лагеря, как бы намереваясь углубиться в пределы Нортгемптоншира. При первом же его движении Уоллер также оставил свои позиции и пошел вдоль берега реки; держался он, однако, на весьма почтительном расстоянии, и в армии короля сочли, что ввязываться в бой Уоллер не хочет. Авангардом королевских войск начальствовали главнокомандующий и Уилмот, с основными силами были сам король и принц Уэльский, арьергард состоял из тысячи пехотинцев под начальством полковника Телвелла, и двух кавалерийских бригад — графа Нортгемптона и графа Кливленда. Чтобы помешать неприятелю добиться какого-либо преимущества, к Кропреди-бридж выслали партию драгун с приказом удерживать его, пока мимо не проследует вся армия. Войска продолжали марш в описанном порядке, когда королю донесли, что менее чем в двух милях от авангарда замечен отряд в триста всадников, идущий на соединение с Уоллером, и что его можно легко отрезать, если только армия прибавит шагу. Передовым эскадронам послан был приказ двигаться быстрее, такое же распоряжение получили авангард и центр, однако арьергарду ничего об этом не сообщили. Уоллер сразу же заметил, что между главными силами и арьергардом короля неожиданно возник значительный разрыв, и немедленно устремился к Кропреди-бриджу с полутора тысячами кавалеристов и тысячей человек пехоты при одиннадцати пушках. Драгуны, оставленные защищать мост и явно уступавшие числом неприятелю, большого сопротивления не

оказали, так что корпус Уоллера продвинулся вперед более чем на полмили, намереваясь отрезать королевский арьергард, прежде чем тот успеет догнать главные силы армии. Чтобы вернее осуществить свой замысел, Уоллер приказал другой тысяче кавалеристов перейти брод в миле ниже по течению от Кропреди-бриджа и ударить авангарду в самый хвост. Граф Кливленд, находившийся в голове арьергарда, вовремя получил известие об этом, равно как и о том, что неприятель переправился через Черуэлл в Кропреди и что там стоят теперь без движения два отряда вражеской кавалерии. Граф немедленно построил свою бригаду на шедшей в гору местности; на высотах перед ней, как он заметил, развернулся сильный отряд кавалерии мятежников, уже готовый обрушиться на него с тыла. Ждать приказов было некогда, и благородный Кливленд, одушевленный своим пылким рвением, недолго думая, яростно атаковал неприятеля, который, не сумев выказать равного мужества, потерял одного корнета и многих солдат пленными.

Тревожные вести быстро достигли короля; он послал авангарду приказ вернуться, а сам с оказавшимися под рукой частями двинулся к небольшому холму у моста, где, как он видел, неприятель вновь готовился атаковать Кливленда. Лорду Бернарду Стюарту — храброму молодому человеку, командовавшему его собственной гвардией — король велел спешно выступить на помощь арьергарду, а по пути атаковать два отряда кавалерии, угрожавшие ему самому. Лорд Бернард с более чем сотней доблестных и отважных джентльменов тотчас повернул назад к мосту и устремился навстречу упомянутым кавалерийским отрядам, которые, увидев, как их разбитых товарищей преследует граф Кливленд, как раз намеревались ударить ему во фланг. Но появление эскадрона лорда Бернарда заставило их отложить подобные мысли и после недолгих раздумий присоединиться к своим беспорядочно бегущим товарищам, что весьма облегчило последовавший вскоре разгром неприятеля.

Граф же Кливленд после этой короткой схватки остановился под большим ясенем (где полчасом ранее отдыхал и обедал король); он не мог взять в толк, отчего неприятель сначала стремительно двинулся вперед, а потом так внезапно обратился в бегство. Но вдруг, на расстоянии мушкетного выстрела, он заметил другой вражеский отряд — шестнадцать кавалерийских и столько же пехотных подразделений — который прежде укрывался за живыми изгородями, а теперь двигался в его сторону. С изумительной решимостью граф пошел ему навстречу и, выдержав залп из мушкетов и карабинов,

яростно атаковал и наголову разбил как пехоту, так и кавалерию врага; преследуя бегущих, он нанес им немалый урон и прогнал за батарею. Были захвачены все орудия, числом одиннадцать, а также две крытые деревянные платформы на колесах, с семью небольшими медными и кожаными пушками, стрелявшими картечью, на каждой; большая часть канониров перебита, начальник артиллерии попал в плен. Это был некто Уимс, шотландец; в свое время король оказал ему величайшую милость, какой только мог удостоиться человек его звания, сделав Уимса главным пушкарем Англии с пожизненной пенсией в 300 фунтов *per annum** — многие усмотрели в этом неуважение к английской нации, отчего Уимса недолго любили. Не принеся королю ни малейшей пользы, он ухватился за первую же возможность причинить ему вред и в самом начал мятежа перешел на сторону его врагов. За столь гнусную измену Уимса назначили начальником артиллерии в армии сэра Уильяма Уоллера, который прислушивался к его советам во всех важных делах. Кроме Уимса в плен попали подполковник Бейкер из собственного полка сэра Уильяма Уоллера, а также пять или шесть подполковников и капитанов (притом из самых опытных и уважаемых в их армии), множество лейтенантов, прапорщиков и корнетов, квартирмейстеры и свыше сотни рядовых; еще больше неприятелей было изрублено во время атаки. Граф преследовал мятежников до самого моста и вынудил отступить на другой берег — не помогли и драгуны, занявшие там позиции, чтобы прикрыть отход: все они бежали вместе с разбитым войском или даже еще раньше. Очистив таким образом от неприятеля восточный берег реки, но не зная, как далеко находится от него теперь армия короля, граф принял вполне разумное решение отойти; потерял же он в этом славном деле двух полковников — сэра Уильяма Бетлера и сэра Уильяма Кларка, состоятельных кентских джентльменов, которые набрали и вооружили свои полки на собственный счет, и в тот день погибли на месте, — одного капитана и не более четырнадцати солдат.

В это самое время граф Нортгемптон обнаружил, что партия неприятельской кавалерии, сумевшая перейти реку милей ниже по течению, следует за ним на некотором отдалении. Он быстро повернул кругом полки своей бригады, но весь вражеский отряд обратился в бегство, не приняв боя, и по недавно открытому им броду переправился через Черуэлл с незначительными потерями (ведь

* *per annum* (лат.) — ежегодно, в год. (Примеч. ред.)

неприятель предвидел угрозу атаки) — хотя многие кавалеристы, даже оказавшись на другом берегу, продолжали бегство, как будто их по-прежнему преследовали, и ускакали так далеко, что больше не вернулись в строй. Между тем лорд Бернارد, видя, что по эту сторону реки неприятеля не осталось, расположился с эскадронам королевской гвардии на широком поле напротив моста. Там, под огнем артиллерии с другого берега, он стоял до тех пор, пока мимо не проследовали Его Величество и остальные части, которые сосредоточились затем на равнине близ Уильямскота. Уоллер немедленно покинул Кропреди и построил всю свою армию на высотах между Кропреди и Хенуэллом, примерно в миле от позиций короля; противников, отлично видевших друг друга, разделяли река Черуэлл и примыкавшая к ней низменность.

Было уже три часа пополудни, погода (а происходило все это в 29-й день июня месяца) стояла ясная и теплая. Поскольку королевская армия собралась теперь в одном месте, Его Величество решил развить свой успех и двинуться на врага, коль скоро тот не желает приближаться к нему сам. Исполняя свой замысел, король выслал вперед два сильных отряда с приказом завладеть переправами (которым совсем недавно воспользовался неприятель) — одной в Кропреди-бридж, а другой в миле ниже по течению; оба эти пункта прикрывались крепкими заслонами. В Кропреди противник направил сразу несколько весьма многочисленных отрядов пехоты (дабы те помогли друг другу в случае нужды); они сдерживали натиск и отбивали атаки посланных туда королем войск, пока наступившая ночь не развела сражавшихся, до крайности утомленных боевыми трудами истекшего дня. Зато отряд, высланный к другой переправе, милей южнее, после короткой схватки захватил ее, а также соседнюю мельницу, где многих неприятелей перебил, а прочих взял в плен. Там королевские солдаты не только с успехом оборонялись этот и весь следующий день, но и нанесли немалый урон врагу; они все еще рассчитывали, что их товарищи сумеют овладеть другой переправой, после чего оба отряда могли бы продолжить наступление вместе.

И тут короля уговорили испытать еще одно средство. Некоторые особы, беседуя с пленными или черпая сведения из иных источников, пришли к твердому убеждению, что если прямо сейчас к неприятельским солдатам и офицерам будет отправлено милостивое послание с обещанием помилования, то все они немедленно положат оружие. Все знали, что из армии Уоллера каждый

день дезертируют толпами. Оставалось лишь определить, каким образом следует доставить это послание, чтобы оно наверняка было услышано теми, кому предназначалось. Решили, что с вестью о королевской милости отправится сэр Уильям Уокер. Тот, однако, благоразумно предложил послать прежде трубача за пропуском, ибо варварство неприятелей, презиравших как законы войны, так и право наций, было слишком хорошо известно. В конце концов к сэру Уильяму был послан трубач с просьбой о пропуске для джентльмена, который должен доставить милостивое послание Его Величества. Поразмыслив около двух часов, Уоллер ответил, что он не уполномочен принимать каких-либо любезных или милостивых посланий от Его Величества без согласия обеих Палат Парламента в Вестминстере, к каковым Палатам Его Величество, если ему будет так угодно, и мог бы обратиться. И как только трубач удалился, сэр Уильям, в доказательство своей решимости, велел произвести по королевской армии более двадцати выстрелов из орудий, причем как можно ближе к тому месту, где обыкновенно находился король.

Простояв два дня в прежнем положении на прежних позициях, армии противников разошлись на более значительное расстояние, и с тех пор уже ни разу не оказывались в виду друг друга. Из того, что Уоллер всячески старался держаться еще дальше от короля, предпринимая марши к Бекингему и обратно, иногда поворачивал к Нортгемптону, а порой шел к Уорвику, вскоре стало ясно, что иных планов, кроме пополнения своих войск, он не имеет, что его поражение при Кропреди было гораздо более чувствительным, чем это казалось в день битвы, и что неудача сломила дух его армии. Весьма вероятно, что если бы король, дав своим солдатам три-четыре дня на отдых и восстановление сил — а это было совершенно необходимо ввиду чрезвычайной их усталости после непрерывных воинских трудов (вдобавок им приходилось часто менять квартиры из-за недостатка провианта) — двинулся в погоню за Уоллером, когда выяснилось, что Уоллер не собирается преследовать короля, то он мог бы без боя уничтожить вражескую армию. Ибо, как стало известно впоследствии, армия Уоллера, состоявшая прежде из восьми тысяч человек, за две недели после битвы при Кропреди поредела, хотя ее никто не преследовал, настолько, что у Уоллера не оставалось и половины этого числа.

Дело, однако, было в другом. После того, как королю открылись мятежные настроения офицеров, подушаемых Уилмотом, он уже не мог положиться вполне на боевой дух своей армии и не

собирался вступать в серьезное сражение до тех пор, пока ему не удастся вразумить одних — тех, кому он решил никогда более не доверять в полной мере; и вывести из заблуждения других — тех, кто, как ясно понимал король, не имел злых умыслов или дурных намерений, но был попросту одурачен. Но теперь, когда король обнаружил, что его уже не стесняют две крупные неприятельские армии, еще месяц тому назад державшие его в тисках, и что одну из них он по существу разгромил и привел в такое состояние, что она уже не способна причинить ему большого вреда, сердце его охватывала тревога при мысли о том ужасе, какой непременно испытает королева (только что разрешившаяся от бремени дочерью, впоследствии выданной замуж за герцога Орлеанского), когда увидит под стенами Эксетера графа Эссекса и при этом услышит, что Уоллер во главе другой армии преследует его самого. По этим причинам Его Величество решил со всей поспешностью идти в погоню за Эссексом в надежде, что он успеет сразиться с графом прежде, чем Уоллер окажется в состоянии преследовать его самого. Он также рассчитывал значительно увеличить свои силы соединением с принцем Морицем, который хотя и отступил перед Эссексом, мог бы, узнав о приближении Его Величества, встретить короля в северной части Девоншира.

Его Величество тотчас же известил о своем решении лордов-членов Тайного совета в Оксфорде, а чтобы уведомить о нем королеву, отправил курьера на запад; по пути гонец доставил приказ лорду Гоптону: собрать в Бристоле как можно больше солдат из Монмутшира и Южного Уэльса, а затем, взяв с собой всех, кого только сможет, из бристольского гарнизона, идти на соединение с Его Величеством. Итак, вся королевская армия без малейшего промедления и с величайшей быстротой выступила на запад — через Котсуолдс к Сайренсестеру, а затем к Бату. Июля 15-го дня в Бат прибыл сам король и остановился там на целые сутки, чтобы дать отдых своей армии, имевшей в том сильную нужду.

Глава XV

(1644)

Уже на третий день западного похода короля настигла страшная весть с севера. Несколько ранее посланный из Оксфорда гонец донес Его Величеству, подкрепив свой рассказ множеством убедительных подробностей, что принц Руперт не только освободил от осады Йорк, но и наголову разбил шотландцев — всему этому в Оксфорде поверили так твердо, что на радостях устроили фейерверк по случаю победы — теперь же королю сообщили прямо противоположное, и никаких причин сомневаться в полном разгроме северной армии у него уже не осталось. Чистейшей правдой было то, что принц Руперт совершил много великих и славных подвигов. Он выручил Латом, взял Болтон и другие города этого обширного графства (исключая один лишь Манчестер); причем мятежники, отчаянно защищавшиеся, потеряли в ходе кровопролитных штурмов множество людей; овеянный славой недавних побед принц покинул пределы Ланкашира и благодаря своим удачным распоряжениям сумел счастливо соединиться с Горингом, стоявшим в Линкольншире, с кавалерией армии графа Ньюкасла, после чего они так стремительно двинулись к Йорку, что застигнутый враг-сплох неприятель принужден был в сильном замешательстве снять осаду и, оставив подступы к городу с одной стороны совершенно открытыми, в крайнем смятении и беспорядке отошел на другую сторону. Среди офицеров и вообще между нациями обнаружились жестокие несогласия и взаимное недоверие: англичане больше не желали действовать сообща с шотландцами, а те, в свою очередь, терпеть не могли англичан и тяготились их порядками. Принц уже выполнил свою задачу и если бы теперь он спокойно ждал, ничего не предпринимая, то огромная неприятельская армия растаяла бы сама собой, и тогда его высочество мог бы с легкостью воспользоваться всеми выгодами своего положения.

Но преследовавший королевство злой рок не допустил принятия столь разумного плана. Едва лишь подступы к городу с одной стороны оказались свободными (что позволило установить беспрепятственное сообщение с гарнизоном и в изобилии доставить в Йорк всякого рода припасы из округа), как принц — не

посоветовавшись ни с маркизом Ньюкасом, ни с кем-либо из офицеров гарнизона — приказал собрать все имеющиеся войска и построил армию в боевой порядок по ту сторону от Йорка, где стоял неприятель. У неприятеля же не оставалось теперь иной надежды на спасение, кроме скорейшей битвы, ибо только так можно было прекратить раздоры и волнения, разлагавшие его армию. И хотя та часть королевской конницы, которая атаковала шотландцев, учинила им столь полный и совершенный разгром, что их разбитое войско бежало во всех направлениях, не останавливаясь, много миль, причем немалое число шотландцев было истреблено или взято в плен местными жителями, а их главнокомандующий Лесли успел промчаться десять миль, пока не был схвачен каким-то констеблем (после чего известие о победе быстро достигло Ньюарка, а посланный оттуда курьер привез счастливую весть в Оксфорд, где, как уже было сказано, ей сразу же поверили и принялись распространять дальше) — однако английская кавалерия, предводимая Ферфаксом и Кромвелем, атаковала на другом фланге так искусно и в столь превосходном порядке (оправившись после первой неудачи, она мгновенно перестроилась и ударила с прежней решимостью), что хотя и Ферфакс, и Кромвель были ранены (и оба в шею), а многие отличные офицеры убиты, неприятель смял противостоящую ему конницу, наголову ее разгромил и прогнал с поля боя, после чего почти вся пехота маркиза Ньюкасла была изрублена.

Маркиз, а с ним находился также его храбрый брат, сэр Чарльз Кавендиш (человек великой и благородной души, хотя и обитавшей в самом слабом и тщедушном теле), лично повел в атаку отряд джентльменов, вышедший вместе с ним из Йорка, и проявил всю доблесть и отвагу, какие только можно ожидать от человека. Сражение, однако, началось поздно вечером, так что уже вскоре наступила ночь, и оба военачальника возвратились в город, не зная толком о своих потерях и не слишком любезно распрощавшись друг с другом. Те, кто всего точнее описывают эту злосчастную битву и еще более злосчастное оставление целого края, со всеми его печальными последствиями — ведь принц Руперт поспешно удалился со всем своим войском, а маркиз Ньюкасл с такой же поспешностью отправился к морю, взошел на корабль и покинул королевство (хотя после боя они еще могли собрать весьма внушительную армию) — столь скверно отзываются насчет воинского искусства, храбрости и благоразумия, выказанных в этом деле, что пространное о нем повествование не может доставить мне радости, да и потомство

едва ли получит особую пользу или удовольствие от самого обстоятельного рассказа.

Можно утверждать, что случилось тогда нечто небывалое, ибо ни о чем подобном никто прежде не слышал и не читал в книгах: два видных полководца, из коих один все еще располагал сильной армией, ведь его кавалерия, не исполнившая свой долг, почти не пострадала, а большая часть его пехоты отступила в город, так что самый страшный урон понесла северная пехота, а другой получил от короля неограниченные полномочия в северных графствах, где многие важные крепости все еще оставались в его руках, вдруг решили, ни больше, ни меньше, как отдать верный город Йорк и весь этот край в добычу врагу — врагу, который еще не осмелился поверить в свою победу! Если бы они пожелали скрыть собственные потери — что можно было бы легко сделать, ведь неприятель отступил с поля битвы на некоторое расстояние, ибо не знал, что предпримет на следующий день королевская кавалерия, так мало сделавшая накануне — то впоследствии, вероятно, обнаружились бы многие благоприятные для них обстоятельства, поначалу ими не замеченные; а то, что принц и маркиз столь несвоевременно совершили сразу после сражения, они могли бы с таким же успехом сделать и позднее.

Однако ни один из них ни о чем подобном даже не помышлял. Подкрепив свои силы коротким сном, принц и маркиз едва ли не одновременно послали сообщить друг другу: первый — что он решил этим же утром уйти со своей кавалерией и со всей оставшейся пехотой; второй — что он намерен сейчас же ехать к побережью и удалиться на континент. Оба немедленно исполнили задуманное: маркиз отправился в Скарборо, сел на какое-то жалкое суденышко и прибыл в Гамбург, а принц тем же утром двинулся к Честеру. Как быть с Йорком, предоставили решать тамошнему коменданту, сэру Томасу Глемему; бессильный его защищать, он мог лишь соблюсти приличия и не сразу сдать город.

А между тем, остановись принц Руперт со своей армией где-нибудь неподалеку, английской и шотландской армиям понадобилось бы очень много времени, чтобы уладить свои споры и разногласия и общими силами возобновить осаду (в город уже успели доставить немалый запас провианта) — ведь шотландцы только и думали, что о возвращении в свое отечество, где маркиз Монтроз уже зажег огонь, который эдинбургский Парламент никак не мог погасить. Но достоверное известие о том, что принц ушел и не

намерен возвращаться, а маркиз отплыл на континент, примирило их (как не могло это сделать ничто другое) настолько, что уже два дня спустя они вернулись на прежние осадные позиции и взяли Йорк в такие тиски, что комендант его, потеряв всякую надежду на помощь извне, через две недели принужден был сдать город. Впрочем, обыватели, находившиеся в Йорке джентльмены и немногие остававшиеся в нем солдаты получили весьма выгодные условия капитуляции, какие мог бы предложить и сам комендант. Так или иначе, сэр Томас Глемем вышел из Йорка со всеми своими людьми и направился в Карлайл (при обороне которого проявил затем замечательное мужество, искусство и выдержку).

Впоследствии настали столь худые времена и дела у короля пошли так скверно, что уже не было возможности призвать к ответу ни одну из этих знатных особ за то, что они тогда сделали или сделать не потрудились. Сами же они не сочли за нужное изложить сколько-нибудь обстоятельно мотивы своих действий или причины своих неудач, чтобы хоть как-то оправдать свои поступки в глазах короля. Впрочем, принц Руперт, уже после злодейского убийства монарха, показывал друзьям письмо, написанное собственной рукой Его Величества и полученное им на марше из Ланкашира к Йорку. В нем Его Величество сообщал, что дела его находятся в столь отчаянном положении, что если его высочество лишь освободит от осады Йорк, но не разобьет шотландскую армию, то этого будет недостаточно. Принц истолковал это как прямой и категорический приказ дать врагу бой при любых, сколь угодно неблагоприятных обстоятельствах; невыгоды же его положения, ввиду явного превосходства неприятеля в числе, добавлял Руперт, были таковы, что не следует удивляться тому, что он проиграл битву. Но ведь письмо короля не заключало в себе такого смысла, так что главной причиной неудачи явилось опрометчивое решение принца вступить в бой тотчас же по отступлении вражеских войск от Йорка, без какого-либо совещания с маркизом Ньюкаслем и его офицерами, которые, уж конечно же, гораздо основательнее его высочества знали неприятеля, а следовательно, и то, как всего лучше иметь с ним дело.

До начала битвы принц и маркиз смогли обменяться лишь краткими приветствиями, но если бы сражение отложили на следующий день, то полководцы успели бы основательно обсудить свои планы, а их солдаты и офицеры — лучше познакомиться друг с другом, что позволило бы питать разумные надежды на более счастливый исход дела. С другой

стороны, смуты и несогласия, царившие в лагере врага (единственное оправдание для немедленного вступления с ним в бой) не утихли бы, а, напротив, разгорелись бы еще сильнее. Ведь часть шотландской армии уже успела пройти шесть миль в северном направлении, когда внезапное известие о том, что принц намерен драться, вынудило ее повернуть назад, вновь присоединиться к англичанам и действовать с ними заодно. Только это и ничто другое могло заставить врагов короля на время забыть о собственных раздорах, и если бы опрометчивость принца не подарила им такой счастливой возможности, то на другое утро шотландцы наверняка продолжили бы марш на север, графу Манчестеру пришлось бы отступать в пределы своей ассоциации, и тогда принц Руперт мог бы спокойно решить, которую из неприятельских армий атаковать и уничтожить.

Те же войска, с которыми принц поспешно удалился от Йорка на другое же утро после битвы, постепенно растаяли без сколько-нибудь крупных сражений, не принеся делу короля особой пользы, а их офицеры погибли большей частью в мелких стычках. Похоже, о намерении Ньюкасла сесть на корабль и покинуть Англию принц узнал еще до того, как маркиз послал ему об этом сказать; охваченный гневом Руперт велел сообщить маркизу, что он уходит со своей армией. Но если бы в ту минуту рядом с принцем и маркизом оказался какой-нибудь честный и благоразумный человек, то ему, вероятно, удалось бы их успокоить и помирить; во всяком случае он убедил бы их отложить свои намерения и хорошенько поразмыслить о том, что следует делать дальше. К несчастью, все произошло слишком быстро, и об их безрассудном намерении стало известно лишь после того, когда оно было исполнено. >

В оправдание же маркиза можно сказать лишь одно: он был настолько утомлен службой и образом жизни, совершенно противным его характеру, природным наклонностям и воспитанию, что уже не задумывался о допустимости тех действий и средств, которые могли вывести его из такого положения и навсегда освободить от подобных забот. И изумляться здесь следует скорее тому, что маркиз так долго переносил тяжкие труды и невзгоды войны, нежели тому, что он избавился от них таким безрассудным образом. Он был утонченный джентльмен, деятельный и храбрый, обожал верховую езду, танцы и фехтование и, как подобает человеку благородного воспитания, в совершенстве владел этими искусствами. Сверх того он был влюблен в музыку и поэзию, коим и посвящал главным образом свое время, и ничто на свете не могло бы заставить маркиза сойти с пути наслаждений, по которому он, обладатель обширного

состояния, безмятежно шествовал, кроме чувства чести и пылкого желания послужить королю, когда он увидел его в беде, покинутого большинством тех, кто удостоился высочайших милостей от короля и в наивысшей степени был ему обязан. Маркиз любил монархию — как источник и основание его собственного величия; церковь — как учреждение, способное поддержать блеск и обеспечить безопасность короны; и религию — ибо она защищала и отстаивала принцип порядка и послушания, столь необходимый для первых двух, но он оставался равнодушным к особым мнениям, возникшим в ее лоне и расколовшим ее на партии, кроме тех случаев, когда замечал в них что-либо, способное нарушить общественный мир.

Он питал глубокое уважение к особе короля и с теплым чувством относился к принцу Уэльскому, ибо в свое время удостоился чести быть его воспитателем (не обладая, впрочем, всеми качествами, необходимыми для такой роли). Хотя маркиз оставил высокие должности и, не в силах более выносить зложелательство враждебных ему вельмож, удалился от двора, но когда королю понадобились солдаты и крепости, он мгновенно откликнулся на призыв Его Величества: овладел Ньюкасл-ом (это был первый английский порт, оказавшийся в руках короля) и, опираясь на собственный авторитет и влияние своих многочисленных друзей на севере, набрал несколько полков пехоты и кавалерии, нимало при этом не обременив казну Его Величества, неспособную выдержать подобные расходы.

Когда же после битвы при Эджилле мятежники, усилившись в Йоркшире, стали угрожать из Гулля Западному и Восточному Ридингу, и королю срочно потребовалось назначить главнокомандующего в северных графствах, его выбор, как и следовало ожидать, пал на Ньюкасла (граф Камберленд был всецело предан Его Величеству, но упадок душевных и телесных сил сделал его непригодным для такого поста). Совершив со своими эскадронами стремительный марш в разгар зимы, Ньюкасл освободил Йорк, после чего участвовал во многих сражениях и во всех (исключая последнее) одерживал победы. >

Ему нравились неограниченная власть главнокомандующего, великолепия этой должности, и он в полной мере соблюдал приличествующее ей достоинство. Что до внешних ее атрибутов, пышности и торжественности, то здесь он умел произвести самое лучшее впечатление, и вдобавок был необыкновенно любезен, обходителен, великодушен и щедр — в начале войны это сослужило маркизу хорошую службу, снискав ему на время искренние симпатии людей всякого звания. Однако в том, что относится к важнейшим

обязанностям и заботам полководца, он решительно ничего не смыслил (будучи совершенно неопытен в военном искусстве), да и не желал принимать их на себя, препоручая подобные дела своему генерал-лейтенанту. Тем не менее он всегда присутствовал на поле боя, и ни одно сражение не прошло без личного его участия; при этом в минуту опасности маркиз всякий раз выказывал неколебимое мужество и бесстрашие, а порой, рискуя жизнью на глазах своих дрогнувших было солдат, даже изменял ход битвы. По окончании же боевых трудов он спешил вернуться в круг милых его сердцу собеседников, к музыке и иным мирным радостям, и предавался этим удовольствиям с такой страстью, что, не желая как-либо отвлекаться, не позволял себя тревожить даже по самым важным поводам. Иногда он по два дня кряду не допускал к себе старших офицеров своей армии, от чего проистекали многие неудобства.

✧ По-солдатски убежденный в том, что руководство всеми делами должно принадлежать военным, он не выказывал ни малейшего уважения к членам Тайного совета и яростно противился любым мирным предложениям, а после того, как в Йоркшире высадилась и провела известное время королева, стал даже пренебрегать приказами из Оксфорда; когда же король, предполагавший после взятия Бристоля идти на Лондон с запада, велел Ньюкаслу двинуть свои войска на юг, в пределы ассоциированных графств, тот не исполнил волю Его Величества: уверенный в скором захвате Гулля, он уже видел себя владыкой всего Севера, и ему очень не хотелось, чтобы его затмил принц Руперт. Но когда сам Ньюкасл, оказавшись в беде, заперся со своей армией в стенах Гулля, и выручить его мог лишь принц, он отправил письмо к королю, в котором изъявил полную готовность повиноваться внуку короля Якова. И если бы принц ответил на его доброе расположение любезностью, то он нашел бы в лице маркиза верного сподвижника.

Но безрассудность принца, погубившая армию, которую маркиз собрал и сохранил, привела его в ярость и отчаяние; не чувствуя в себе сил начинать все сначала и вновь приниматься за тяжкий труд, он покинул Англию в надежде, что прежние заслуги перевесят нынешний его проступок. С ним уехал генерал Кинг, и те, кто щадил самого маркиза, именно на него обрушили упреки в измене, вероломстве и сговоре с соотечественниками — обвинения совершенно безосновательные, ибо генерал всегда был человеком чести, блестяще показал себя на высоких постах в шведской армии, а злобная ненависть иных шотландцев, не простивших ему службы в войсках короля, преследовала Кинга до конца дней, даже за границей. ✧

Разговоры и потеря Йорка и о чересчур поспешном оставлении северных графств умолкли довольно быстро: слишком скоро пришло время оплакивать потерю всей Англии. Стойкость же и благородное поведение маркиза при всех поворотах его судьбы, бодрость и мужество перед лицом нужды, бедствий и невзгод, неотделимых от участи изгнанника, нежелание о чем-либо просить узурпаторов — которые завладели всем его имуществом и причинили ему громадный и непоправимый ущерб, безжалостно разорив принадлежавшие маркизу и стоившие огромных денег леса, но которых он по-прежнему в равной степени ненавидел и презирал — вместе с его рвением и готовностью при первой же удобной возможности вновь вступить в борьбу за дело короля, столь успешно примирили с ним всех благомыслящих людей, что они теперь больше принимали в расчет того, что он совершил и претерпел ради короля и отечества, не желая вспоминать о том, чего он не сделал или сделал не так, как должно.

Этот роковой удар, который так круто изменил положение короля, внушавшее дотоле блестящие надежды, подействовал на Его Величество лишь в том смысле, что побудил его еще энергичнее приняться за осуществление прежнего плана погони за графом Эссексом — ничего другого, сказать по правде, королю теперь и не оставалось. Однако, получив известие, что долгих переходов граф Эссекс не делает, Его Величество замедлил свой марш, с тем чтобы пополнить армию войсками из Бристоля и других городов — в твердой уверенности, что он успеет навязать бой армии графа Эссекса, уже подходившей к Эксетеру, еще до того, как граф сможет вернуться в Лондон.

Между тем военное счастье начало изменять Эссексу: действовавший теперь, против своего обыкновения, опрометчиво и неискусно, он попал в лабиринт, из которого так и не сумел выбраться. Когда граф подступил к Эксетеру и, совершенно убежденный, что уже не встретит неприятеля, способного ему помешать, вознамерился было осадить город — ведь он оставил короля в отчаянном положении и вдобавок в соседстве с грозным войском сэра Уильяма Уоллера — вдруг пришло известие, что сэр Уильям Уоллер разбит, а король со всей своей армией движется на запад, в погоню за ним, Эссексом, причем ни Уоллер, ни какие-либо другие войска уже не пытаются его преследовать, чтобы затруднить или замедлить его марш. Известие это ошеломило графа, внушив ему подозрение, что сам Парламент его предал и коварно замышляет его погубить.

В самом деле, взаимное недоверие между ними чрезвычайно к тому времени усилилось. Когда Эссекс двинулся на запад, поручив преследование короля Уоллеру, Парламент истолковал этот шаг как прямую декларацию того, что сражаться против особы Его Величества он более не намерен. Со своей стороны, граф ясно видел, сколь несходные чувства питает и как по-разному заботится Парламент о его армии и об армии графа Манчестера — которую Палаты ценили так высоко, что, заключал Эссекс, судьба его войска стала им совершенно безразличной; в противном случае, рассуждал он, невозможно объяснить, почему Уоллер после своей, не такой уж серьезной неудачи не смог двинуться в погоню за королем и тревожить его армию на весьма пересеченной и закрытой местности, через которую ей нужно было идти. Получив это известие, граф, неожиданно для себя оказавшийся в затруднительных обстоятельствах, немедленно решил повернуть назад, навстречу королю, и дать ему бой прежде, чем тот вступит в Девоншир — или, может быть, еще в Сомерсетшире. В любом из этих графств Эссекс не испытывал бы недостатка ни в провианте, ни в пространстве для маневра, и ему не пришлось бы начинать сражение на невыгодной позиции или по воле неприятеля. Исполнив этот замысел, Эссекс поступил бы благоразумно, однако лорд Робартс, один из генералов его армии — человек мрачный и нелюдимый по характеру и притом нрава весьма горячего, любитель спорить и возражать, но превосходивший своими способностями окружающих настолько, что любые возражения он мог с легкостью подкрепить убедительными с виду доводами — решительно воспротивился возвращению, настойчиво требуя, чтобы армия продолжала идти к Корнуоллу. А там, самоуверенно заявлял Робартс, он пользуется столь громадным влиянием, что с появлением армии графа Эссекса целое графство, в чем он нисколько не сомневался, как один человек выступит на стороне Парламента, и тогда все проходы в Корнуолл можно будет с легкостью прикрыть и защитить с таким успехом, что королевской армии не удастся ни прорваться в Корнуолл, ни отступить из Девоншира без больших потерь до того, как Парламент вышлет против нее новые войска.

Лорд Робартс, хотя он и стоял ниже Эссекса в армейской иерархии, пользовался гораздо большим доверием у Парламента. Граф не мог думать, что Робартс желает ему добра, ведь Робартс действовал тогда заодно с сэром Генри Веном, человеком, которого Эссекс считал своим врагом и люто ненавидел. Эссекс никогда

не бывал в Корнуолле и ничего не знал о положении дел в этом графстве, однако некоторые из его офицеров, а также другие особы (при армии находилось тогда четверо или пятеро влиятельных корнуолльских джентльменов) полностью согласились с Робартсом и заверили Эссекса, что армию его, если она двинется в Корнуолл, ждет большой успех.

В конце концов граф изменил свое решение и согласился с Робартсом. Со всей своей армией, пехотой, конницей и артиллерией, он двинулся прямым путем в это гористое графство, где преследовал принца Морица и другие отряды, без сопротивления отступавшие перед ним на запад, до тех пор, пока сам не попал в западню.

Между тем король после недолгой остановки в Эксетере, где он нашел свою юную дочь, коей недавно разрешилась от бремени королева, на попечении и под надзором леди Далкейт (в скором времени, по кончине отца своего супруга, получившую титул графини Мортон), которую Их Величества уже давно назначили на должность воспитательницы, двинулся прямо в Корнуолл. Там, неподалеку от побережья, он обнаружил графа Эссекса и вскоре, без больших боев, благодаря дружному содействию стекавшихся отовсюду корнуолльцев — на чью помощь граф, поверив Робартсу, возлагал столь великие надежды — сумел взять войска Эссекса в такие тиски, что последний, казалось, уже не мог ни прорваться со своей армией, ни навязать сражение королю. По сути дела он был окружен в Фоуи и его окрестностях, король же стоял лагерем у Лискерда; и теперь ни дня не проходило без стычек, в которых граф нес более значительный урон, теряя пленными лучших своих офицеров. И тут произошло событие, которое вполне могло бы обернуться для короля большим несчастьем, лишив его всех выгод, на которые он тогда рассчитывал. Король всегда находился в армии, все вопросы обсуждались в его присутствии и с участием состоявших при его особе членов Тайного совета, а поскольку умом и красноречием они превосходили офицеров, то им обыкновенно удавалось убедить короля в своей правоте — по крайней мере сделать так, чтобы он соглашался не со всеми предложениями военных. Этими советниками, как уже говорилось, были лорд Дигби, государственный секретарь, и сэр Джон Колпеппер, хранитель свитков, чьи мнения, даже в отношении дел военных, король ставил выше, чем суждения большинства офицеров, почему вся армия и питала к ним самую крайнюю злобу.

Командовал армией генерал Рутвен, возведенный к тому времени в достоинство графа Брентфорда; однако по причине преклонного возраста и глухоты он мало говорил и советовал, едва мог разобрать чужие предложения, а собственные мысли излагал темно и путано; впрочем, судить о происходящем вокруг ему помогали скорее собственные глаза, а не уши, и на поле боя он умел найти правильное решение. Генерал-лейтенант кавалерии Уилмот, в ту пору — второй по званию в армии, обладал в ней большим влиянием и авторитетом, чем кто-либо, однако употреблял их, как подозревал король, отнюдь не к его выгоде. Человек гордый, честолюбивый и нетерпимый к возражениям, Уилмот как командир не показал ничего выдающегося ни в маневрировании своими войсками, ни в руководстве ими на поле боя. Зато он сильно пил и имел громадную власть над всеми пьяницами, а их в армии было великое множество. По части острословия он превосходил даже своего главного соперника Горинга, в веселых компаниях его ценили выше, и он никак не мог смириться с тем, что лорд Дигби и сэр Джон Колпеппер пользуются у короля таким доверием на военных советах.

Король помнил прежние проступки Уилмота, и в частности, его скверную роль в деле графа Страффорда, и не питал к нему ни малейшей симпатии; однако последующие события заставили короля доверить Уилмоту весьма ответственный пост. Отлично об этом зная, Уилмот предвидел, что если война продолжится, его быстро затмят другие военачальники, и потому желал вовремя положить ей конец. Еще в Бекингемшире он заговорил о необходимости мира и с тех пор беспрестанно твердил, что королю следует послать мирные предложения Парламенту. На марше в Корнуолл, пытаясь осуществить прежний свой умысел, он плел интриги в среде офицеров, убеждая их составить петицию к королю с просьбой еще раз предложить мир Парламенту, а также запретить лорду Дигби и сэру Джону Колпепперу присутствовать на военных советах. При этом авторы петиции давали понять, что если их желания не будут удовлетворены, то они поищут какие-то другие средства. Благоразумие некоторых офицеров удержало их товарищей от подачи петиции, но король был настолько ею разгневан, что твердо решил при первой же удобной возможности избавить себя от этого беспокойного человека. В этом благом намерении его постоянно поддерживал лорд Дигби, и как только пришло известие о поражении на севере и об отъезде маркиза Ньюкасла из Англии, он убедил короля

послать за Горингом, после чего Его Величество задумал назначить главнокомандующим своего племянника принца Руперта, а начальником кавалерии сделать Горинга — мера, против которой Уилмот не смог бы возразить (ведь Горинг всегда занимал в армии более высокие посты), и, однако, способная нанести по его самолюбию такой удар, от которого он уже никогда не сумел бы оправиться.

Уилмот почуял что-то неладное (этот подозрительный человек обладал чрезвычайно тонкой проницательностью) или же был просто увлечен своим неугомонным, мятежным духом, но он уже не оставил королю времени для мягких действий, а буквально вынудил Его Величество обратиться к средствам более скорым и суровым. В продолжение всего марша он неустанно твердил, что король должен предложить графу Эссексу действовать сообща, дабы таким образом заставить Парламент согласиться на мир. Уилмот также заявлял, что имеет в неприятельской армии надежных осведомителей, а потому точно знает, что подобное предложение возымеет действие и будет принято графом, который, о чем ему, Уилмоту, доподлинно известно, крайне недоволен тем, как его трактует Парламент. Уилмот оказался настолько опрометчив, что попросил одного джентльмена (который, отнюдь не будучи близким его другом, имел пропуск для поездки на континент и должен был следовать через расположение армии графа) заверить Эссекса, что армия Его Величества столь страстно жаждет мира, что никто из находящихся при особе короля лиц уже не сумеет помешать его заключению, если только его светлость пожелает обсудить разумные условия. Обо всех этих речах и поступках быстро и во всех подробностях король уведомлял лорд Дигби, а собственная антипатия короля к Уилмоту превращала всякую искру подозрений в пламя глубокого недоверия. А потому, когда король прибыл в Корнуолл, и вся его армия выстроилась в боевой порядок на вершине холма (граф Эссекс, битва с которым ожидалась со дня на день, стоял в низине), и после новых вздорных речей Уилмота, внушаемых ему гордыней и тщеславием (ибо и прежде он не имел в своей душе ничего похожего на твердый и определенный умысел мятежа), Маршальский суд, при содействии Тома Элкиста, обвинил его именем короля в государственной измене, приказал спешиться перед строем его собственных эскадронов, арестовал и приставил к нему охрану. Уилмота немедленно отправили под стражей в Эссекстер, что, впрочем, не повлекло за собой никаких дурных последствий, коих не без основания опасались, ведь он действительно был

любимцем армии, а никто из тех, кому, как мнилось иным, Уилмота принесли в жертву, не пользовался в войсках уважением — тем не менее единственным дурным последствием этой меры стал глухой ропот, к тому же быстро утихший.

В день ареста Уилмота король снял с должности еще одного старшего офицера, лорда Перси, в свое время не вполне обдуманно скорее из соображений личного характера, назначенного начальником артиллерии. На этом посту его, к общему удовлетворению, сменил лорд Гоптон: Перси не имел друзей, тогда как к Гоптону все относились с глубокой симпатией. Вдобавок лорд Перси (ставший по ходатайству королевы первым бароном Оксфордом, после чего королю пришлось пожаловать баронский титул многим другим лицам) был по своему нраву таким же смутьяном, как и лорд Уилмот; выражался он еще более дерзко, зато, в отличие от Уилмота, не обладал качествами, способными расположить к нему других людей. Но даже его отставка несколько усилила ропот в армии, и без того слишком склонной по всякому поводу высказывать недовольство и осуждать любые меры. Ибо хотя большинство офицеров терпеть не могли Перси за высокомерие и кичливость, он всегда находился в добрых отношениях и вполне ладил с тремя-четырьмя почтенными и уважаемыми особами. К тому же, не умея привлекать сердца весельчаков попойками, Перси, однако, любил хорошо поесть, чем и завоевал в те скудные времена немало поклонников, и теперь, тяжело переживая потерю столь богатого стола, они недовольно ворчали.

На следующий день после этих перемен армии был представлен Горинг (накануне вечером явившийся на главную квартиру к королю с письмами от принца Руперта); войска выстроились, и Его Величество, объезжая в сопровождении старших офицеров одну кавалерийскую часть за другой, объявлял им, что по просьбе своего племянника принца Руперта и после его отставки он назначил командующим кавалерией Горинга, коему и велит им всем повиноваться; что же до лорда Уилмота, то хотя, он, король, имел веские причины взять его под стражу, Уилмот из армии не уволен. Декларация взволновала кавалеристов сильнее, чем это хотелось бы видеть королю, и уже на другой день большинство офицеров подали петицию, в которой просили Его Величество пролить свет на преступления лорда Уилмота, дабы они, офицеры, так долго исполнявшие его приказы и распоряжения, могли убедиться, что их самих ни в чем не подозревают. Столь явное выражение недовольства

армии, находившейся к тому же в виду неприятеля, внушило королю при тогдашних обстоятельствах такую тревогу, что его без труда убедили ознакомить петиционеров с пунктами обвинений против Горинга. В этих статьях упоминалось множество опрометчивых, тщеславных и дерзких поступков обвиняемого, и люди благоразумные и беспристрастные сочли бы принятые в его отношении меры вполне оправданными, однако большинству офицеров его поведения не казалось настолько уж предосудительным. Когда же пункты обвинения были отправлены Уилмоту, он дал на них чрезвычайно убедительный с виду ответ, и многие решили, что с ним уже обошлись достаточно сурово. Однако сам Уилмот, после того как его старого смертельного врага Горинга назначили на более высокую должность, пришел к выводу, что он уже не сможет ни поправить собственное положение, ни отомстить сопернику, и потому попросил дозволения удалиться во Францию. Уилмоту тотчас же выдали паспорт, коим он немедленно воспользовался и покинул Англию, после чего у многих развязались языки, ведь офицеры были уверены, что Уилмот не совершил никаких проступков, заслуживавших подобного наказания, но стал жертвой придворных интриг.

Несколькими днями ранее король нашел возможность проверить, способен ли граф Эссекс, уязвленный оскорбительным (и для всех очевидным) отношением к нему Парламента или же ввиду отчаянного положения, в котором оказались ныне он сам и его армия, решиться на совместные действия с Его Величеством. Лорд Бошан, старший сын маркиза Гертфорда, изъявил желание уехать для поправления своего пошатнувшегося здоровья во Францию, для чего получил от своего дяди графа Эссекса для себя, своего воспитателя-француза месть Ришота и двух слуг пропуск, с которым должен был взойти на корабль в Плимуте; находясь же тогда при особе короля, Бошан не мог не проследовать через расположение армии графа. Он и должен был передать письмо, которое Его Величество изволил написать собственной рукой.

Король убеждал графа, что в его, Эссекса, силах водворить мир в королевстве (о каковом желании он сам беспрестанно заявлял), притом на условиях, нисколько не противоречащих тем целям, ради которых Парламент поднял оружие. Однако после вторжения шотландцев в Англию, продолжал король, все его мирные предложения отвергались, что угрожает королевству неминуемой гибелью, если только граф, опираясь на свое могущество и авторитет, не убедит заседающих в Вестминстере дать согласие на мир,

способный спасти Англию. Далее следовали чрезвычайно разумные доводы в пользу совместных действий графа и Его Величества, а также любезные уверения в том, что король навсегда сохранит благодарную память о заслугах и достоинствах Эссекса. Кроме того, король просил о пропуске для м-ра Гардинга, постельничего принца Уэльского — джентльмена, которого граф хорошо знал и искренне любил; непосредственно же ходатайствовать о выдаче этого пропуска король поручил месье Ришоту.

Граф тепло встретил племянника, вручившего ему письмо короля; когда же Эссекс прочел письмо, а лорд Бошан сообщил, что месье Ришот (человек, отлично графу известный) имеет что-то ему передать от имени короля, граф увел Ришота в свою комнату, где (в присутствии одного лишь Бошана) осведомился, что именно тот хочет ему сказать. Француз объяснил, что ему поручено прежде всего хлопотать о пропуске для м-ра Гардинга: тот должен привезти с собой важные предложения, которые, как он, Ришот, смеет думать, не покажутся графу неприемлемыми. Граф кратко ответил, что явиться сюда м-ру Гардингу он не разрешит и ни в какие переговоры с королем не вступит, ибо не имеет на сей счет приказа от Парламента. Тогда Ришот вошел в некоторые подробности относительно того, о чем должен сообщить м-р Гардинг — об искреннем стремлении короля к миру, о единодушном желании лордов, как пребывающих в Оксфорде, так и находящихся на службе в армии, спасти королевство от завоевания его шотландцами, а также о готовности короля предоставить любые гарантии исполнения всего им обещанного. На это граф мрачно ответил, что, в соответствии с патентом на должность главнокомандующего, он обязан защищать особу короля и его потомство, и что лучший совет, какой он только может дать Его Величеству — это возвратиться к своему Парламенту.

Как только король узнал о судьбе своего письма и понял, что подобными обращениями ничего не добьется, он решил взяться за дело по-другому и как можно скорее дать бой неприятелю. Уже на следующий день он двинул на врага всю свою армию; после многочисленных кавалерийских стычек неприятель оставил часть занимаемой им обширной пустоши и отошел к холму близ парка лорда Мохена в Боконноке (усадьба лорда служила неприятелю удобными квартирами). Всю ночь армии провели в поле, в виду друг друга, и многие полагают, что если бы король, несмотря на не совсем выгодную позицию, тогда же предпринял решительную атаку (чего

очень хотела армия), то неприятель был бы легко разбит, ведь дух солдат Его Величества был высок и они прямо-таки рвались в бой, и, напротив, войска Эссекса, неожиданно для себя оказавшиеся в такой близости от врага, пребывали, по-видимому, в смятении и беспорядке. Впрочем, людям свойственно после подобных событий выступать с суровыми суждениями, выискивая ошибки как в том, что было сделано, так и в том, чего сделано не было.

На другое утро король созвал военный совет, чтобы определить, следует ли уже сейчас попытаться принудить неприятеля к сражению. Решили, однако, что это нецелесообразно и что разумнее будет дожидаться, когда подоспеет сэр Ричард Гренвилл, который все еще находился в Западном Корнуолле, имея под своим началом, как доносили, восемь тысяч пехоты и кавалерии (на самом же деле — гораздо меньше). Всей пехоте приказали занять позиции у живых изгородей, которые можно было использовать наподобие брустверов, защищающих от неприятеля. Его Величество устроил главную квартиру в усадьбе лорда Мохена, которую за день до того, когда королевская армия двинулась вперед, любезно уступил граф Эссекс. Большая часть кавалерии расположилась между Лискардом и морем; каждый день она вынуждала неприятеля отступать, все теснее его сжимая. В этом положении армии оставались в виду друг друга три или четыре дня. И тут вновь дал о себе знать скверный дух недовольства, уже давно овладевший многими кавалерийскими офицерами. Некоторые из них, беседуя с пленными (а их брали каждый день, и порой — высокого звания), пришли к твердому убеждению, что Эссекс упорно отказывается от переговоров с королем лишь потому, что опасается, как бы король, когда он, граф, окажется у него в руках, не пожелал отомстить парламентскому главнокомандующему за все зло, которое тот успел ему причинить; и что, получив надежные гарантии исполнения обещанного Его Величеством, граф быстро согласится на переговоры.

Получив столь «надежные» сведения, эти тонкие политики взяли на себя смелость составить письмо, каковое, по их замыслу, должны были подписать главнокомандующий и все старшие офицеры армии. Заявив в самом его начале, что король разрешил им послать это письмо графу, они предлагали Эссексу с шестью wybranными им самим офицерами встретиться с их главнокомандующим и шестью другими офицерами, коим велено будет сопровождать Брентфорда; если же Эссекс не пожелает участвовать в переговорах лично, то шесть офицеров короля встретятся

с шестью его офицерами в любом подходящем месте, где эти офицеры, а также каждый офицер, подписавший настоящее письмо, поклянутся честью джентльмена и солдата добиваться, не щадя собственной жизни, строго соблюдения всего того, что будет обещано Его Величеством; так что ни один человек, уверяли авторы письма, уже не сумеет помешать или воспрепятствовать выполнению обещаний короля. Составив это письмо, показав его многим своим товарищам и получив их одобрение, они решили вручить его королю и покорно просить Его Величество позволить им отправить его Эссексу.

Вызывающая дерзость тех, кто задумал и составил подобное послание, была воистину непростительной и заслуживала по закону самой суровой кары; но когда письмо показали королю, многие особы, не одобрявшие образ действий его авторов, наслушавшись других людей, пришли к убеждению, что оно может принести известную пользу, и в конце концов уговорили короля дать согласие на то, чтобы офицеры его подписали, а главнокомандующий отправил его с трубачом Эссексу. Его Величество, полагая, что настоящее письмо будет принято графом ничуть не лучше, чем его собственное, надеялся, что, отвергнув послание офицеров, Эссекс поможет ему покончить с духом непокорства в армии, и его перестанут беспокоить дерзкими и досадными обращениями, тогда как у офицеров и солдат, разгневанных оскорбительным пренебрежением Эссекса к их посланию, прибавится энергии и боевого задора. А потому принц Мориц, генерал Горинг и все старшие офицеры армии подписали письмо, трубач доставил его Эссексу — а тот на следующий день дал такой ответ:

«Милорды, в начале вашего письма вы сообщаете, кто уполномочил вас его послать. Я же, не получив от Парламента, коему служу, никаких полномочий для ведения переговоров, не могу на них пойти, не нарушив тем самым своего долга. Ваш покорный слуга Эссекс. Лоствизил, 10 августа 1644 года».

Этот краткий и резкий ответ произвел то самое действие, на которое рассчитывал король: особы, выказавшие чрезмерное рвение в истории с письмом, устыдились собственного безрассудства; вся армия наконец успокоилась, исполнившись твердой решимости завоевать мечом то, чего не смогла добиться пером.

Между тем к Его Величеству подоспел сэр Ричард Гренвилл, который еще на марше, близ Бодмина, атаковал отряд конницы графа, перебив многих неприятелей, а прочих захватив в плен. Явившись

к королю в Боконноке, сэр Ричард доложил Его Величеству о своих действиях и весьма пространно поведал о своих силах — каковые, как выяснилось после всех его высокопарных речей, составляли лишь тысячу восемьсот человек пехоты и шестьсот конницы, в том числе более сотни — из эскадрона королевы (оставшегося в Англии, когда Ее Величество отправилась во Францию. Под начальством капитана Эдуарда Бретта он блестяще сражался в Западном Корнуолле, где сильно помог местному ополчению. Теперь эскадрон включили в состав гвардии короля, которой командовал лорд Бернард Стюарт, а капитан Бретт стал в этом полку майором.

Хотя граф Эссекс оказался запертым на слишком узком и тесном пространстве для такого крупного войска из пехоты и кавалерии, однако в руках его находились верный город Фоуи и выход к морю, благодаря чему он имел возможность получать достаточное количество припасов, ибо в тех краях безраздельно господствовал парламентский флот. И если бы граф удержал свои позиции — расположенные таким образом, что неприятель, принудив его к сражению, сам предоставил бы ему важные преимущества — то у него были бы серьезные основания надеяться, что уже вскоре Уоллер или какие-нибудь другие силы, посланные Парламентом, появятся за спиной короля — точно так же, как армия Его Величества зашла в тыл ему самому. Несомненно, именно этот вполне разумный расчет побуждал его отклонять любые авансы со стороны короля — чему способствовали также свойственные графу упорство и строгая честность, и каждый, кто был хорошо знаком с его характером, мог бы без труда предугадать, какие действие произведут все подобные обращения и попытки. А потому решено было стеснить армию Эссекса еще сильнее и полностью (или хотя в значительной мере) отрезать ей снабжение морским путем. С этой целью сэр Ричард Гренвилл вышел со своим отрядом из Бодмина и овладел Ланхидроком, укрепленной усадьбой лорда Робартса, расположенной в двух милях в западу от Боконнока, над рекой, которая протекает от Реприн-бриджа к Фоуи. Наступая с другой стороны (и это имело еще большую важность), сэр Джейкоб Астли с сильной партией пехоты и кавалерии занял Вью-холл, еще одну усадьбу лорда Мохена, стоящую чуть выше Фоуи, а также Пернон-Форт, расположенный милей ниже названного города, в самом устье реки. Астли обнаружил, что оба эти пункта пригодны для обороны, и разместил в них отряды капитанов Пейджа и Гарреуэя — двести солдат при нескольких орудиях; оба капитана доказали его правоту,

выполнили свою задачу и защищались так успешно, что Эссекс лишился возможности получать через Фоуи какие-либо припасы морским путем и теперь мог использовать этот город лишь для постоя своих солдат. Все удивлялись, почему граф, так долго владея Фоуи, не потрудился прикрыть подступы к нему крепким заслоном и позволил неприятелю быстро поставить его армию в тяжелейшее положение — ведь предвидеть подобное развитие событий было так же легко, как и предотвратить.

Теперь король мог не торопиться и, не предпринимая ничего серьезного сам, осторожно выжидать, к каким хитрым маневрам прибегнет Эссекс, чтобы нанести удар по его армии или спасти собственную. В таком положении, ограничиваясь мелкими стычками, армии оставались около десяти дней, и тогда король, видя, что прежние меры не приносят полного успеха, решил собрать всю свою армию в кулак и подойти еще ближе к Эссексу, чтобы навязать ему сражение или по крайней мере сильнее тревожить неприятеля на его квартирах. Это давно пора было сделать, так как пришло достоверное известие о том, что сам Уоллер (или какой-то другой парламентский отряд) уже выступил в поход на запад. Исполняя этот план, вся королевская армия двинулась вперед; неприятель вынужден был перед нею отступать, сдавая одну за другой выгодные позиции, и среди прочих — возвышенность Бикон-хилл. Немедленно заняв этот холм, Его Величество тотчас же приказал возвести на нем редут и установить батарею из нескольких орудий, которые, открыв огонь по парламентскому войску, нанесли ему немалые потери, тогда как неприятельские пушки, хотя и отвечавшие на один выстрел двадцатью, не причинили королевской армии особого вреда.

Теперь королевские войска могли без труда обозревать позиции всей вражеской армии и видеть, где стоят пехотные и кавалерийские части Эссекса, и откуда получают они фураж и провиант. Когда же, после внимательного наблюдения, картина стала совершенно ясной, Горинг, с большей частью кавалерии и 1500 пехотинцев, был послан в пункт несколько западнее Сент-Блейза, чтобы еще сильнее стеснить неприятеля и лишить его возможности получать из этих мест припасы. Его солдаты отлично выполнили приказ и не только овладели Сент-Остелом и западной частью Сент-Блейза (так что неприятельская кавалерия оказалась зажатой на небольшом клочке земли, две мили в длину и две в ширину, между реками Фоуи и Блейз), но и захватили Парр близ Сент-Блейза, отняв у врага

главный пункт выгрузки доставляемых морем припасов. Остро чувствуя всю тяжесть своего положения, граф начал понимать, что долго ему не продержаться; вдобавок Эссексу стало известно, что посланные ему на выручку из Лондона войска получили сильный отпор в Сомерсетшире, что неизбежно замедлит их марш; и теперь ему нужно было менять прежние планы и искать новые решения.

Поражение при Кропреди (по-видимому, стоившее неприятелю не более тысячи человек убитыми и пленными) привело армию Уоллера в такое расстройство, что ее уже нельзя было вновь заставить сражаться; но когда Уоллер, желая ободрить свои павших духом солдат, отошел на известное расстояние от короля, а затем узнал, что Его Величество двинулся прямо на запад, и к тому же убедился, что его люди каждую ночь толпами дезертируют, он почел за благо отправиться в Лондон, где стал горько жаловаться на графа Эссекса, который-де умышленно обрек его на поражение. Речи эти нашли благодарных слушателей, а самого Уоллера встретили так, словно он вернулся с победой, разгромив армию короля (образ действий, совершенно противный принятому тогда в Оксфорде, где даже мелкие и неизбежные неудачи возбуждали живейшее негодование).

Но когда сам Уоллер отбыл в Лондон (или накануне этой поездки), он отправил на запад вслед за королем, с трехтысячным отрядом кавалерии и драгун, своего генерал-лейтенанта Миддлтона (нам еще придется много говорить об этом человеке, который, будучи вовлечен в мятеж восемнадцати лет от роду, впоследствии заставил людей забыть о дурных поступках своей молодости). Он получил приказ держаться в тылу королевской армии и следить за ее передвижениями, а по пути занять усадьбу одного джентльмена — Доннингтон-касл близ Ньюбери. Там находилась рота, самое большее две роты пехотинцев короля, и неприятель рассчитывал, что Доннингтон-касл (как он полагал, слабо укрепленный) будет сдан по первому требованию. Но комендант Доннингтон-каска полковник Бойз оборонял его столь успешно, что Миддлтон, потеряв при штурме не менее трехсот офицеров и солдат, вынужден был обратиться к коменданту Абингдона с просьбой о срочной присылке нескольких эскадронов, дабы те, блокировав усадьбу, прикрыли от вылазок ее гарнизона большую дорогу на запад — а сам вновь пустился в погоню за королем.

В Сомерсетшире он узнал о больших запасах всякого рода предметов снабжения и об огромных обозах, отправляемых оттуда

в Эксетер, где они ждали затем дальнейших распоряжений. Задумав овладеть этой добычей внезапным ударом, он послал майора Карра с 500 кавалеристами. Тот ворвался в деревню, где стоял конвой, и скорее всего захватил бы обоз — однако на выручку конвою вовремя подоспел сэр Фрэнсис Доддингтон с эскадроном кавалерии и отрядом пехоты из Бриджуотера и, после жаркого боя, в котором погибло несколько отличных офицеров короля и среди них майор Киллигрю (подававший большие надежды молодой человек, сын достойного и доблестного отца), полностью разгромил неприятеля, от тридцати до сорока человек уложил на месте, а прочих гнал еще две или три мили. Командир парламентского отряда майор Карр и многие его офицеры попали в плен, еще больше его людей получили тяжелые ранения, а все, захваченное неприятелем, удалось отбить. Эта и другие жестокие схватки, где пропавших без вести всегда оказывалось больше, чем убитых или пленных, нанесли чувствительный урон Миддлону, и он был только рад отступить в Шерборн, чтобы дать отдых своим измученным солдатам и хоть немного поднять их дух. Узнав об этой неудаче или помехе на пути спешивших ему на выручку войск, граф Эссекс потерял всякую надежду на помощь из Лондона.

Оказавшись в столь скверном положении и понимая, что его солдатам через несколько дней будет нечего есть, граф решил, что сэр Уильям Балфур должен идти на прорыв со всей кавалерией и спастись, как сможет; сам же он с пехотой предполагал сесть на суда в Фоуи и уйти морем. Но два неприятельских пехотинца (один из них был француз), перебежав к королю, рассказали, что их кавалерия, сосредоточенная по сю сторону реки у города Лоствизил, должна этой ночью сделать попытку прорыва, пехоту же решено отвести в Фоуи и там посадить на суда. Это сообщение совпадало с тем, что удалось выведать иными путями; ему, разумеется, поверили, и обеим армиям (войска принца Морица считались особой армией и квартировали отдельно от прочих) было приказано оставаться всю ночь в боевой готовности и, если неприятельская кавалерия сделает попытку прорыва, атаковать ее с двух сторон. Королевские армии располагались тогда на расстоянии мушкетного выстрела одна от другой, прорывающийся неприятель никак не смог бы обойти находившийся между ними небольшой, но хорошо укрепленный дом, в котором засело пятьдесят мушкетеров. Соответствующий приказ послали Горингу и всем его кавалеристам, кроме того, было еще раз повторено отданное прежде

распоряжение разрушить мосты и устроить завалы из деревьев на большой дороге, чтобы затруднить движение неприятеля.

Но вся эта предусмотрительность не принесла успеха, на который можно было с основанием рассчитывать. Ночь выдалась темной и туманной — неприятель не мог желать лучшего — и когда около трех часов утра вся парламентская кавалерия в полной тишине прошла между королевскими армиями на расстоянии пистолетного выстрела от укрепленного дома, мушкеты молчали. Вражескую конницу заметили уже на рассвете, когда она двигалась через пустошь, вне досягаемости пехоты короля, а в готовности к бою оказалась лишь бригада графа Кливленда, так как главные силы кавалерии располагались гораздо дальше. Названная бригада, к которой присоединились несколько поднятых по тревоге эскадронов, атаковала неприятеля с тыла и причинила ему немалый урон убитыми и еще большие взяла пленных. Однако более сильные вражеские отряды (а порой и вся их кавалерия) время от времени разворачивались и наносили ответные удары, так что бригаде Кливленда приходилось останавливаться и отступать, но она упорно продолжала преследование тем же порядком, перебив и взяв в плен более ста человек — за весь март месяц неприятель ни разу не понес таких потерь, как в этот день. Известия о случившемся и приказы главнокомандующего застали Горинга за очередной веселой пирушкой; он встретил их хохотом, а прибывших с ними гонцов презрительно высмеял как паникеров. Кутеж продолжался, пока вся неприятельская кавалерия не прошла через расположение его войск, но и после этого Горинг не бросился за ней в погоню. Таким образом, отряд Балфура (не считая тех, кого подвели измученные кони и кто по этой причине попал в плен) добрался до Лондона с меньшими потерями и усилиями, чем это можно было предположить — к великому позору армии короля и ее гарнизонов, находившихся на пути неприятеля. За столь вопиющую бездеятельность никто не ответил: все слишком хорошо знали, что старший начальник не исполнил свой долг, а потому строгое расследование поведения остальных было сочтено нецелесообразным.

На следующий день, после ухода кавалерии, Эссекс собрал всю свою пехоту, оставил Лоствизил и двинулся к Фоуи, приказав разрушить за собой мост. Но Его Величество с только что возведенного на холме укрепления заметил, что происходит, и послал роту мушкетеров, которые быстро разгромили оставленный неприятелем отряд и таким образом спасли мост; через него король тотчас же выступил

вдогонку арьергарду парламентской армии, который отходил так стремительно (хотя и в недурном порядке), что бросил две полукульверины и еще две хорошие пушки, а также часть амуниции. День этот прошел в жарких схватках, в которых погибло немало народу, и если бы королевская кавалерия была многочисленнее (а из ее состава сражалось, хотя и блестяще, лишь два эскадрона гвардии), то он завершился бы для врага кровавым побоищем. Наступил вечер, король остался на поле битвы, причем в такой близости от неприятеля, что выпущенная из парламентских орудий картечь (Его Величество как раз ужинал) ложилась буквально в нескольких ярдах от него. На следующий день (воскресенье, 1 сентября) Батлен, генерал-лейтенант графа Эссекса, взятый в плен в Боконноке, а затем обмененный на одного из офицеров короля, явился от графа с предложением о переговорах. Как только он был отослан обратно, граф Эссекс, с лордом Робартсом и самыми близкими ему офицерами, сел на судно в Фоуи и отбыл в Плимут, оставив всю свою пехоту, артиллерию и боевые припасы на попечение генерал-лейтенанта Скиппона, коему и было поручено добиваться возможно более выгодных условий. Недолго задержавшись в Плимуте, граф взошел на ожидавший его корабль королевского флота и несколько дней спустя прибыл в Лондон, где его встретили с ничуть не меньшей, чем обыкновенно, почтительностью, выказав Эссексу такое уважение, как будто он привел с собой собственную армию, да еще и самого короля.

Король между тем дал согласие на переговоры, стороны заключили перемирие и обменялись заложниками, и тут неприятель прислал предложения, которые были бы вполне уместны при сдаче хорошо укрепленного города после упорной обороны. Но он быстро убедился, что другая сторона не считает его находящимся в подобном положении, и в конце концов согласился сдать свои пушки (с учетом 4 орудий, захваченных несколькими днями ранее, их было 38), 100 бочек пороха с соответствующим количеством ядер и запалов, и около 6000 мушкетов; после чего офицеры получали право уйти, имея при себе шпаги, деньги и личное имущество; для защиты капитулировавших от грабежа конвой должен был сопровождать их до Пула или Саутгемптона; все раненые и больные могли оставаться в Фоуи до своего выздоровления, а затем получить пропуск в Плимут.

Соглашение это было выполнено в понедельник 2 сентября, и хотя срок его истекал поздно вечером, сдавшиеся предпочли

уйти уже ночью. Были приняты меры для защиты их от насилий, и однако в Лоствизиле, где парламентская армия долго стояла на квартирах, а затем и в других городах, через которые она в свое время прошла, обыватели, и особенно женщины, заметив у солдат собственные вещи или предметы одежды, недавно ими отнятые, обошлись с ними весьма грубо, а иных даже ограбили; более же всего досталось солдатским женам, которые успели запомниться особой наглостью поведения. Около ста парламентских солдат поступили на службу в королевскую армию, а из шести тысяч, вышедших из Фоуи, в Саутгемптоне не собралось и третьей части. Там их и оставил королевский конвой, причем Скиппон собственноручно засвидетельствовал, что конвойные вели себя чрезвычайно любезно и в полной мере выполнили возложенные на них обязанности.

Пока король действовал на западе, Оксфорд оставался в весьма скверном положении в отношении провианта, фортификаций, численности гарнизона, а также настроений его недружных обитателей: город тогда был переполнен лордами (помимо лордов-членов Тайного совета), иными знатными особами, а еще дамами, которые, если что-то было им не по нраву, превращали в недовольных и всех окружающих. Но даже в отсутствие короля люди, желавшие верно ему служить, действовали столь согласно и единодушно, что им удавалось заставить остальных делать то, чего требовали обстоятельства. Так, они распорядились создать большие запасы хлеба, отвели под склады здания университетов, а заботиться о сохранности зерна поручили его владельцам. Чтобы обеспечить надежное несение караульной службы, они набрали множество волонтеров, и для подобной бдительности имелись веские основания, ибо когда обе парламентские армии находились близ Оксфорда, генерал-майор Браун, уважаемый лондонский гражданин и отважный солдат, был оставлен во главе сильного гарнизона в Абингдоне, откуда, пользуясь численным превосходством, всерьез беспокоил Оксфорд — что заставило упомянутых особ с еще большей энергией продолжить строительство укреплений, которые во многих важных местах были приведены в удовлетворительное состояние. Когда же опасность осады миновала (Уоллер был далеко, не способный уже ни преследовать короля, ни тем более обложить Оксфорд), эти люди решили предпринять нечто еще более значительное.

Незадолго до выступления в поход король обнаружил, что его советники недовольны оксфордским комендантом, грубость и непочтительность которого внушали им глубокую тревогу. Прежде

обязанности коменданта исполнял, притом ко всеобщему удовлетворению, сэра Уильям Пеннимен, человек храбрый, великодушный и вдобавок чрезвычайно любезный с людьми всякого звания, ведь он получил хорошее воспитание и отлично знал нравы и обычаи двора. Но после его смерти королева (находившаяся тогда в Оксфорде) сочла, что под защитой католика она будет в большей безопасности, и добилась от короля назначения сэра Артура Астона. Сэр Артур (а он служил тогда в Ридинге) обладал странным свойством внушать к себе глубокое уважение там, где его не знали, и вызывать нелюбовь у тех, кто находился рядом; в Оксфорде же с ним успели познакомиться достаточно хорошо, чтобы испытывать к нему хоть какую-то симпатию. Король это хорошо понимал и чувствовал глубокое беспокойство, видя, что нерасположение к Астону было всеобщим и вполне оправданным. По этой причине Его Величество предоставил чрезвычайные полномочия лордам своего Тайного совета, которым сэру Артуру надлежало подчиняться, что вынудило коменданта обходиться с ними почтительнее, чем это хотелось ему самому — человеку грубому, безмерно любившему деньги и не гнушавшемуся несправедливым стяжанием. Кроме того, нескольких офицеров, которые, еще не получив назначения в армию, находились тогда в Оксфорде, лорды (следуя указанию Его Величества) попросили помочь коменданту, главным образом в укреплении города. Один из них, полковник Гейдж, еще недавно командовавший английским полком во Фландрии, получил на прежней службе отпуск и прибыл в Оксфорд, чтобы предложить свои услуги королю.

Человек и в самом деле необыкновенный, он имел крепкое телосложение, приятную наружность и принадлежал к славному роду (дед его был кавалером ордена Подвязки); помимо обширного военного опыта и блестящих способностей командира Гейдж обладал множеством иных достоинств, проистекавших из тонкого воспитания: он был не чужд наукам, сведущ в изящной словесности, великолепно владел испанским и итальянским языками и превосходно изъяснялся по-французски и по-голландски (за последние двадцать лет он почти не бывал в Англии). Равным образом он был хорошо знаком с придворными обычаями и в продолжение многих лет пользовался уважением эрцгерцога Альберта и его супруги Изабеллы, чей большой и блестящий брюссельский двор принадлежал тогда к числу образцовых, так что Гейджа с полным правом считали человеком недюжинного ума и изысканного воспитания. К этому джентльмену лорды-члены Тайного совета

относились с особым почтением и в ту пору, когда Оксфорду, по их мнению, угрожала осада, нередко с ним совещались, полагая, что пребывание полковника в городе само по себе способствует его безопасности. Коменданта же, сэра Артура, все это настраивало против Гейджа: он отвергал любые его предложения и прямо-таки ненавидел полковника, да и трудно было найти людей, столь непохожих по характеру и манерам.

Между тем Безинг-хаус, поместье маркиза Винчестера (лично командовавшего гарнизоном) уже три месяца находилось в плотной осаде. Вели ее соединенные парламентские отряды из Гемпшира и Сассекса под начальством полковника Нортон, человека решительного и энергичного, в подчинении у которого находились теперь другие полковники — Онслоу, Джервис, Уайтхед и Морли. Тесно обложенный еще до начала похода короля на запад, Безинг-хаус считался столь важным пунктом, что когда король сообщил в Оксфорд о своем решении двинуться в западные графства, Тайный совет обратился к нему с покорной просьбой не пройти мимо Безинг-хауса и освободить его от осады, однако Его Величество, рассудив, что это сильно замедлит его марш и может заставить Уоллера скорее пуститься за ним в погоню, просьбу отклонил. С тех пор маркиз через своих гонцов беспрестанно упрашивал лордов-членов Тайного совета позаботиться о снятии осады с Безинг-хауса и не допустить чтобы укрепленная усадьба, гарнизон которой доставлял немало беспокойства мятежникам, оказалась в их руках. Жена маркиза, находившаяся тогда в Оксфорде, настойчиво хлопотала о спасении супруга, и всем хотелось удовлетворить ее просьбу, ведь она была дама почтенная и родовитая, сестра графа Эссекса и маркиза Гертфорда, которая, также находясь в Оксфорде, просила мужа принять близко к сердцу тяжелое положение Винчестера. Вдобавок римские католики, коих тогда немало собралось в Оксфорде, считали своим долгом приложить все силы для достижения столь благой цели и вызвались принять участие в деле вместе со своими слугами.

Тайный совет, принимая в расчет, как общее благо, так и интересы отдельных лиц, искренне желал осуществить этот замысел и не однажды обсуждал его с участием офицеров, но комендант Оксфорда всякий раз, и надо сказать, не без оснований возражал против подобного плана как сопряженного со слишком большими трудностями и способного обернуться немалым ущербом для дела короля. Ни один командир, сколько-нибудь сведущий в военном искусстве, утверждал сэра Артур, на это не пойдет, а потому он, Астон,

не позволит своему небольшому гарнизону участвовать в столь рискованной авантюре. В самом деле, от Оксфорда до Безинга было целых сорок миль, а между этими двумя городами неприятель держал сильный гарнизон из пехоты и кавалерии в Абингдоне; еще один, столь же многочисленный гарнизон стоял в Ридинге, откуда вражеская конница ежедневно совершала набеги на все окрестные дороги — и это, на считая отряда кавалерии и драгун, квартировавшего в Ньюбери, так что прорыв к Безингу большинству казался едва ли возможным, а успешное возвращение в Оксфорд — и вовсе невыносимым. Однако новые настойчивые требования маркиза, категорически заявившего, что он не продержится более десяти дней, после чего вынужден будет сдаться мятежникам (а условия капитуляции, если принять в расчет его особу и религию, наверняка окажутся самыми тяжелыми), а также мольбы его супруги заставили лордов-членов Тайного совета еще раз рассмотреть этот вопрос, хотя комендант упорствовал в прежнем своем мнении, не видя никаких причин его менять.

Полковник же Гейдж заявил, что хотя он и считает задуманное предприятие (особенно возвращение в Оксфорд) чрезвычайно рискованным, однако если лорды, предоставив собственных слуг, убедят оксфордских джентльменов поступить подобным же образом и принять личное участие в деле, то это позволит набрать один или даже два сильных эскадрона, а он, Гейдж, коль скоро не найдет более достойного командира, охотно примет на себя начальство над этим отрядом и надеется успешно выполнить задачу. А поскольку все это им бодро и уверенно предлагал человек, чьи благоразумие и мужество не вызывали у них ни малейших сомнений, то лорды Совета решили сделать все возможное для осуществления подобного замысла.

Около этого времени, вследствие сдачи Гринленд-хауса (который, вероятно, и не смог бы обороняться дольше, поскольку здание усадьбы было полностью разрушено артиллерийским огнем), в Оксфорд прибыл полк полковника Хокинса; он насчитывал примерно триста человек, а затем был пополнен до четырехсот. Лорды посадили на лошадей своих слуг, что, вместе с волонтерами, охотно вызвавшимися участвовать в деблокаде Безинга, позволило набрать отряд из двухсот пятидесяти отличных всадников. Начальствовать ими было поручено полковнику Уильяму Уэбу, отличному офицеру, прошедшему школу войны во Фландрии. В Оксфорде он соперничал с полковником Гейджем, однако влиятельные католики убедили его

стать под команду последнего. С этим отрядом, слишком немногочисленным для столь трудного дела, Гейдж с наступлением темноты вышел из Оксфорда, а наутро достиг леса близ Уоллингфорда, где предполагал дать своим людям отдых. Оттуда он отправил гонца к сэру Уильяму Оглу, коменданту Винчестера. В свое время сэр Уильям пообещал лордам-членам Тайного совета, что если те предпримут попытку снять осаду Безинга, то он пришлет им в помощь сотню кавалеристов и триста пехотинцев из собственного гарнизона. Расчет на его содействие главным образом и побудил оксфордцев решиться на подобное предприятие, и теперь Оглу сообщили, в котором часу утра ему следует атаковать Безинг-Парк, в тылу расположения мятежников; в это же время сам Гейдж должен был ударить с другой стороны, маркиза же попросили тревожить неприятеля вылазками из осажденной усадьбы.

После нескольких часов отдыха и отправки гонца в Винчестер отряд Гейджа, двигаясь глухими тропами, направился к Альдермастону, деревне, расположенной в стороне от больших дорог, где предполагалось устроить еще один привал. Покидая Оксфорд, люди Гейджа надели рыжевато-коричневые шарфы и ленты, чтобы их приняли за парламентских солдат; с помощью этой хитрости они надеялись оставаться неузнанными вплоть до самого момента сближения с осаждающими. Но конный дозор, еще раньше высланный к Альдермастону, обнаружил там неприятельских кавалеристов и, вмиг забыв о своих шарфах, бросился в атаку, несколько человек перебил, а шестерых или семерых взял в плен. Тайна таким образом была раскрыта, и в Безинге скоро узнали о приближающейся опасности. Этот случай вынудил Гейджа уйти из деревни раньше, чем он предполагал и чем этого требовала усталость его солдат. Около одиннадцати вечера они вновь выступили в поход и двигались всю ночь; кавалеристы часто спешили, уступая своих лошадей пехотинцам, или же усаживали их в седла за собой — тем не менее люди Гейджа закончили этот переход в крайнем изнурении и со стертыми в кровь ногами.

В среду, между 4 и 5 часами утра (из Оксфорда они вышли в ночь на понедельник), солдаты короля находились в миле от Безинга — и вдруг к ним явился присланный Оглом офицер и сообщил, что тот не решается отправить свои эскадроны так далеко, ибо между Винчестером и Безингом располагается многочисленная кавалерия неприятеля. Это разрушило все планы полковника и, поскольку об отходе уже не могло быть и речи, заставило его совершенно

изменить образ действий. Вместо атаки в разных пунктах отдельными отрядами — как предполагалось ранее, в расчете на то, что его марш останется неизвестным врагу, а винчестерский гарнизон выполнит свое обещание — он решил ударить всеми силами в одном месте. Гейдж выстроил свой отряд в боевой порядок и, объезжая один эскадрон за другим, обращался к ним с нужными словами — никто другой не умел при подобных обстоятельствах выражаться так сильно и красиво. Затем он велел всем своим бойцам повязать на правой руке выше локтя белую ленту или платок и сообщил им пароль — «Святой Георгий»; еще раньше эти слова довели до сведения маркиза, чтобы во время вылазки его люди и солдаты Гейджа могли отличить своих от чужих и не причинили вреда друг другу.

После чего они двинулись к усадьбе; полковник Уэб командовал правым флангом, подполковник Банкли — кавалерией левого крыла, сам Гейдж вел пехоту; однако уже вскоре в самом конце обширной равнины они заметили отряд из пяти сильных корнетов кавалерии, выстроенный в превосходном порядке на невысоком холме и уже готовый встретить противника. Но прежде чем выйти на позицию, с которой можно было бы нанести удар, им нужно было преодолеть две линии живых изгородей, занятые многочисленными мушкетерами. Стойко выдержав жестокий залп из мушкетов, отряд Гейджа смело атаковал вражескую кавалерию; неприятель сопротивлялся не так долго, как это можно было ожидать от общеизвестной храбрости Нортон (хотя многие его бойцы погибли) — он дрогнул, подался назад и наконец обратился в самое настоящее бегство, ища спасения в безопасном месте, где до него уже не могли добраться преследователи. Пехота же дралась с гораздо большим упорством; под натиском Гейджа она медленно отступала от одной изгороди к другой, пока не отошла в свой укрепленный лагерь, где продержалась еще два часа, и только тогда ее противник смог прорваться с этой стороны в усадьбу. Впрочем, в Безинг-хаусе полковник пробыл недолго; он успел лишь поприветствовать маркиза и передать ему доставленные из Оксфорда боевые припасы (довольно, надо сказать, скудные: 12 бочек пороха и 1200 запалов), после чего, отправив сотню солдат под начальством офицеров гарнизона в соседнюю деревню Безинг, немедленно двинулся со своей пехотой и кавалерией к Безинг-стоку, торговому городку в двух милях от усадьбы. Там он обнаружил большие запасы пшеницы, солода, ячменя, ветчины, сыра и масла и ту их часть, для перевозки которой удалось найти лошадей и телеги, в тот же день отправил

в усадьбу — вместе с 14 бочками пороха, несколькими мушкетами, а также 50 головами рогатого скота и сотней овец. Между тем другой отряд, посланный к Безингу, разгромил располагавшегося там неприятеля: от 40 до 50 человек легло на месте, некоторые заперлись в церкви, где вскоре были взяты в плен. Среди них оказались два капитана, Джервис и Джефсон, старшие сыновья главных вождей мятежа в этом графстве и оба наследники обширных состояний. Их отправили под конвоем в Безинг-хаус; прочие же неприятели, осаждавшие усадьбу с этой стороны, бежали под защиту сильных укреплений, возведенных ими в близлежащем парке. Этот и следующий день полковник занимался завозом в усадьбу всякого рода провианта, после чего, с основанием заключив, что гарнизон ее обеспечен всем необходимым на два месяца, стал думать о возвращении в Оксфорд. И вовремя, ибо Нортон, собрав и приведя в порядок своих павших было духом людей и присоединив к ним все эскадроны, располагавшиеся поблизости, появился в виду усадьбы с войском более многочисленным и бодрым, чем прежде, как если бы твердо решил рассчитаться с противником еще до его отхода в Оксфорд. Сверх того надежные люди донесли Гейджу, что части из абингдонского гарнизона расположились в Альдермастоне, а войска, взятые из Ридинга и Ньюбери, заняли две другие деревни на реке Кеннет, которую полковнику предстояло форсировать.

И тогда, желая внушить неприятелю мысль, будто он не собирается уходить немедленно, Гейдж отправил в две или три близлежащие деревни приказы (которые, как он был уверен, враг обязательно перехватит) с требованием до двенадцати часов следующего дня доставить в Безинг-хаус такое-то количество зерна, и с угрозой, если крестьяне не управятся в назначенный срок, прислать тысячу кавалеристов и драгун, которые сожгут их жилища. После чего, собрав около одиннадцати часов вечера всех своих людей (дело было в четверг — наступала вторая ночь его пребывания в усадьбе Винчестера), Гейдж, без барабанного боя и трубного гласа, вышел из Безинга и, следуя указаниям отлично знавших местность проводников, коих предоставил ему маркиз, воспользовался бродом у разрушенного неприятелем моста и незаметно переправился через Кеннет. Кавалеристы посадили в седла пехотинцев, а затем, двигаясь проселочными дорогами, достигли Темзы и переправились через нее вброд милей ниже Ридинга. Таким образом Гейдж ушел от неприятеля и еще засветло добрался до Уоллингфорда, где уже в полной безопасности сделал привал на ночь, дав отдохнуть

своим солдатам. На следующий день он благополучно прибыл в Оксфорд, потеряв убитыми лишь двух капитанов, а также нескольких других офицеров и рядовых — всего одиннадцать человек; от сорока до пятидесяти его бойцов получили ранения, впрочем, не слишком опасные. Точно установить урон неприятеля не было никакой возможности; полагали, однако, что он потерял много людей убитыми и ранеными, не считая сотни с лишним пленных. И враги, и друзья единогласно признали это дерзкое предприятие одним из самых блестящих подвигов, совершенных какой-либо из сторон в продолжение войны, что весьма приумножило славу Гейджа как командира.

Глава XVI

(1644)

На следующий день после того, как армия Эссекса ушла во-свояси и по сути распалась, король возвратился на вою главную квартиру в Боконнок, где дал своим солдатам лишь сутки на отдых. Накануне он приказал Гренвиллу идти с корнуолльской конницей и пехотой к Плимуту, соединиться с Горингом и сообща преследовать кавалерийский отряд Балфура — перейдя мост близ Селтеша, они могли бы без труда его настигнуть. Но Гренвилл потерял драгоценное время ради овладения Селтешем, из которого неприятель уже ушел, бросив одиннадцать пушек, а также известное количество вооружения и боевых припасов, каковые трофеи, как и занятие самого города, не стоили подобного промедления, в конечном счете не позволившего Гренвиллу соединиться с Горингом. Последний же ссылаясь на отсутствие корнуолльской пехоты пытался оправдать то, что он не вступил в бой с находившимся поблизости Балфуром, но лишь отправил вслед за ним небольшой отряд с приказом тревожить арьергард неприятеля. Во время этого слишком энергичного преследования погиб капитан Сэм Уайнмен, необыкновенно даровитый и подававший большие надежды молодой человек, сын мудрого и превосходного отца, что стало невосполнимой утратой для благородного семейства. Таким образом, Балфур, умело руководя своим отрядом, в полном порядке проделал марш в сто с лишним миль через неприятельскую территорию и, как уже говорилось выше, без сколько-нибудь значительных потерь достиг безопасного места на землях, занятых войсками Парламента.

Как только опасения и страх перед врагом исчезли, поднялся ропот: короля-де убедили предоставить неприятельской пехоте слишком выгодные условия капитуляции, хотя он мог бы заставить ее не просто положить оружие, но сдаться безоговорочно, на милость победителя, и таким образом сделать солдат и офицеров Эссекса военнопленными, что не позволило бы Парламенту так быстро набрать новую армию. Но те, сколько бы их ни было, кто брал на себя смелость сурово осуждать это решение, совершенно не представляли себе тогдашнего состояния и настроения королевской армии, отнюдь не такой сильной, как многим казалось. Каких бы

успехов ни добилась она по вступлении своем в Корнуолл в начале августа, когда неприятель совершенно не ожидал появления Его Величества в такой от себя близости, почему отряд королевской кавалерии и сумел застигнуть врасплох и взять в плен в Боконноке многих известных офицеров и даже подполковника из полка самого графа Эссекса — какими бы, повторяю, ни были эти успехи в тогдашних условиях, когда враг был охвачен паникой, обстоятельства сильно изменились к началу сентября, когда подписывались упомянутые статьи, а положившая оружие неприятельская пехота (как это вскоре станет очевидным) была даже многочисленнее, чем королевская пехота в момент оставления армией Его Величества Корнуолла. Оплошность, притом вопиющую, допустила как раз противная сторона — когда ее кавалерия двинулась на прорыв. Если бы враг знал (а он едва ли мог этого не знать), что вся королевская конница, исключая гвардию, находилась тогда у него за спиной, близ Сент-Блейза, то неприятельская пехота вполне могла бы спастись вместе с кавалерией и, пожертвовав единственно лишь своими пушками, незаметно выйти из окружения и выиграть четыре или пять часов времени, ведь при тогдашнем состоянии королевской армии ее необутые и неодетые солдаты, коим пришлось бы двигаться в Девоншире и Сомерсетшире узкими тропинками, по местности, изобилующей живыми изгородями и глубокими канавами, вряд ли сумели бы нанести врагу большой урон. Вдобавок к моменту подписания статей капитуляции король отлично знал, что Миддлтон, несмотря на прежние свои неудачи, вот-вот подойдет к Тивертону, а потому не может быть никаких сомнений, что Его Величество, согласившись на весьма мягкие условия, выказал благоразумия ничуть не меньше, чем милосердия.

После этого блестящего успеха король счел нужным еще раз предложить мир и направил послание обеим Палатам Парламента, в котором изъявлял желание начать на сей счет переговоры, каковое послание было отправлено с трубачом Эссексу после его убийства в Лондон, дабы граф вручил его кому следует — однако Парламент, получив письмо короля, в продолжение трех месяцев так и не удосужился его рассмотреть. Между тем короля убедили вернуть к Плимуту (для чего не требовалось делать большой крюк), ибо все еще имелись основания рассчитывать, что корнуолльские солдаты, как бы сильно ни хотелось им поскорее заняться уборкой урожая, не покинут Его Величество. А если бы король, появившись у стен Плимута, сумел бы им овладеть (что вовсе не считалось

невероятным), то он вернулся бы в Оксфорд с великим торжеством, подчинив своей власти весь Запад, ибо после падения Плимута Лайм долго не продержался бы, а король мог бы твердо рассчитывать на значительное пополнение своей армии. С другой стороны, если бы дело оказалось не столь легким и скорым, то король, не задерживаясь под Плимутом, продолжил бы свой марш — что Его Величеству вскоре и пришлось сделать, когда на ультиматум о сдаче города он получил оскорбительный ответ. Дело в том, что комендантом Плимута граф Эссекс оставил лорда Робартса, человека нрава скверного и угрюмого, страшного упряма, который, лишь потерпев действительное поражение, смог бы поверить, что кто-либо вообще способен взять над ним верх. Убедившись, что договориться с Робартсом невозможно и что овладение городом потребует известного времени, король вернулся к прежнему своему плану и ушел от стен Плимута, поручив его блокаду сэру Ричарду Гренвилу. Человек этот был воспитан как солдат и в свое время подавал большие надежды (не вполне, впрочем, оправдавшиеся); теперь же он самоуверенно пообещал взять Плимут к Рождеству, если все его требования будут удовлетворены. Все выдвинутые им условия были в точности исполнены, однако Гренвил, не потрудившись приблизить свои квартиры к осажденному городу, первым же делом начал войну против супруги, которая, по решению Суда лорд-канцлера, вынесенному за много лет до смуты, владела собственным состоянием. Прибрав к рукам все, что было у нее, он захватил также все поместья лиц, служивших Парламенту, зато против Плимута ничего серьезного не предпринимал. Правда, стоило лишь Гренвилу и Робартсу обменяться посланиями, как между ними вспыхнула смертельная вражда; о любезности или пощаде не было теперь и речи, и попадавших в плен неприятелей каждая из сторон либо предавала мечу на месте, либо, что еще хуже, отправляла на виселицу.

Так как нам еще не раз придется упоминать сэра Ричарда Гренвилла в дальнейшем повествовании, и поскольку многим казалось, что в следующем году с ним обошлись чересчур сурово, то стоило бы, пожалуй, уже сейчас кое-что рассказать об этом человеке, а также о том, каким образом за несколько месяцев до описываемых здесь событий он поступил на службу королю. Гренвилл принадлежал к весьма древнему и славному корнуолльскому роду, который в продолжение столетий дал Англии немало людей мужественных, беззаветно преданных короне и верно ей служивших. По характеру

и наклонностям он был совершенно не похож на своего старшего брата, сэра Бевила Гренвилла, достойнейшего человека, павшего смертью храбрых в битве при Лэнсдауне. Будучи младшим братом, он еще в юном возрасте отправился в Нидерланды, чтобы овладеть воинским ремеслом, в коем упражнялся под началом величайшего полководца той эпохи принца Морица, поступив в полк милорда Вера, командовавшего тогда всеми английскими волонтерами в Голландии. Там он приобрел репутацию храброго человека и отличного офицера, а также, после двух лет службы, капитанский чин. Около этого времени, в конце правления короля Якова, вспыхнула война между Англией и Испанией, и Гренвилл, теперь уже майор пехотного полка, участвовал в походе на Кале. Вскоре началась война с Францией; Гренвилл встретил ее в том же звании и на острове Ре сумел снискать особое расположение герцога Бекингема, командовавшего экспедицией, а после злосчастной эвакуации с острова был произведен в полковники — по общему мнению, вполне заслуженно.

С каждым днем герцог относился к нему все лучше, и вот, по благородству своей натуры (а был он человек необыкновенно великодушный), Бекингом решил помочь Гренвиллу составить себе состояние, для чего, пустив в ход свой вес и влияние, устроил брак Гренвилла с одной богатой вдовой, женщиной необычайной и еще не успевшей увянуть красоты. Правда, вдовья часть наследства, полученная ею по смерти мужа (младшего брата графа Саффолка), была невелика, но от родителей ей досталось крупное имение близ Плимута, вдобавок она владела немалым движимым имуществом, почему и слыла по своему богатству лучшей партией в Западной Англии. При содействии герцога сэр Ричард Гренвилл (ибо теперь он был возведен в звание рыцаря и баронета) добился руки этой дамы и таким образом приобрел обширное имение на границе своего графства, где его собственная фамилия пользовалась немалым влиянием и авторитетом. Между тем война вскоре закончилась, а сэр Ричард лишился своего могущественного покровителя и отныне мог рассчитывать лишь на состояние жены — вполне достаточное для покрытия естественных для человека его общественного положения расходов, но неспособное удовлетворить его тщеславные амбиции и к тому же, если верить молве, оказавшееся не столь большим, как он надеялся. Разочарованный в смысле материальном, сэр Ричард сделался холоден к супруге, и та, женщина властного и надменного нрава, да еще и превосходившая мужа умом, была

глубоко уязвлена его оскорбительным пренебрежением и даже не пыталась как-либо расположить его к себе мягкостью. Несколько лет они прожили вместе, в неприглядных домашних ссорах; все это время Гренвилл распоряжался ее имуществом как единственный владелец, не желая выделить супруге, из ее же средств, особого содержания, и, в ее собственной усадьбе, предавался тем беспутствам, переносить которые женщинам всего тяжелее. Наконец, она нашла способ покинуть сэра Ричарда и была тепло принята в семье первого мужа, всегда относившейся к ней с большим уважением.

Поначалу отсутствие супруги нисколько не смущало Гренвила — но тут держатели перестали платить ему ренту, и он неожиданно для себя оказался совершенно лишен имущества жены, на доходы с которого жил до сих пор. Внезапно выяснилось, что еще до замужества с Гренвиллом она завещала все свое состояние графу Саффолку, и теперь граф, как законный его владелец, потребовал, чтобы ренты выплачивались именно ему. Это привело к тяжбе в Суде лорд-канцлера между сэром Ричардом Гренвиллом и графом Саффолком; разбиравший дело лорд Ковентри установил, что соответствующие документы о передаче недвижимости имеют всю законную силу, а потому иск сэра Ричарда не может быть удовлетворен, ибо по закону и по праву земля принадлежит графу. Задетый за живое Гренвилл — а он не привык сдерживать свое бешеное злоречие по адресу тех, кто был ему не по нраву — пришел в такую ярость, что, после многочисленных попыток устроить личную ссору с графом, излил свою месть в совершенно гнусных и отвратительных выражениях, которые власть и правосудие в ту пору не могли оставить безнаказанными. Граф потребовал удовлетворения через Суд звездной палаты, которая приговорила Гренвилла к уплате 3000 фунтов компенсации за ущерб Саффолку и вдобавок оштрафовала его на 3000 фунтов в пользу короля (предполагавшего отдать эти деньги графу). До взыскания с него всей этой суммы сэр Ричард был заключен в тюрьму Флит — мера, которая всем тогда показалась слишком жестокой и суровой и возбудила общее сочувствие к несчастному джентльмену.

Проведя много лет в строгом заключении, сэр Ричард незадолго до начала смуты сумел бежать из тюрьмы и уехать на континент, где и оставался вплоть до созыва Парламента, принесшего столько бедствий королевству. Услыхав же о том, что многие решения, принятые некогда Судом звездной палаты, отменены, а пострадавшие особы освобождены от наказания, он возвратился

в Англию и подал ходатайство о пересмотре своего дела, для чего был назначен особый комитет — но прежде чем тот успел прийти к какому-либо решению, вспыхнул мятеж в Ирландии. Среди первых частей, набранных и посланных для его подавления Парламентом (которому король, к несчастью, поручил борьбу с мятежниками), туда, благодаря своей репутации отличного офицера, был отправлен во главе сильного эскадрона и сэр Ричард Гренвилл. Он служил майором в собственном кавалерийском полку графа Лестера и пользовался немалым уважением последнего. Но еще выше его ценил Парламент — за те зверства, которые чинил он каждый день по отношению к ирландцам. Жестокость Гренвилла (а жертвами ее становились лица обоего пола, молодые и старые) была столь многообразна — он, например, вешал немощных стариков, если те не говорили, где лежат их деньги, а он был уверен, что деньги у них есть, и даже старух, порой знатных дам, если захваченная у них добыча не вполне соответствовала его ожиданиям — что в эти истории трудно поверить, хотя мы точно знаем, что они правдивы.

После того как в Ирландии было заключено перемирие, Гренвилл объявил, что совесть не позволит ему долее там оставаться. Столь решительным протестом против перемирия он еще сильнее расположил к себе Парламент, и в начале года, после битвы при Алресфорде, сэр Уильям Уоллер (он как раз готовился к походу на запад), то ли по собственному почину, то ли прислушавшись к чьим-то рекомендациям, предложил сэру Ричарду пост командующего кавалерией в своей армии. Тот с радостью согласился, многозначительно при этом намекнув, что его влияние в Девоншире и Корнуолле могло бы принести немалую пользу Парламенту. От Парламента он получил круглую сумму на обзаведение собственным выездом (в подобных вещах Гренвилл всегда любил пышность более чем обыкновенную), а сэр Уильям, видевший в нем верного друга и опытного офицера, коего советами он желал руководиться в своих действиях, открыл ему свои замыслы, со всеми их причинами и основаниями.

Первым и главным из них был внезапный захват Безинг-хауса, каковой предполагалось произвести в сговоре с лордом Эдуардом Полетом, братом маркиза Винчестера. Полет находился тогда в Безинге и, разумеется, не вызывал у брата ни малейших подозрений. Для более удобного осуществления этого плана первым к Безинг-хаусу должен был отправиться сэр Ричард Гренвилл с отрядом

кавалерии: ему предстояло все устроить и подготовить до прибытия самого Уоллера. Назначив своим кавалеристам сбор в Бегшоте, Гренвилл в тот же день выступил из Лондона, сопровождаемый единственно лишь собственной свитой. Зрелище было великолепным: запряженная шестеркой карета, огромный фургон, запряженный другой шестеркой, несколько лошадей в поводу и множество слуг. Добравшись с этим поездом до Стейна, Гренвилл свернул с дороги на Бегшот и направился напрямиком в Ридинг, где стоял королевский гарнизон, а оттуда, не теряя времени, в Оксфорд, где был принят королем тем более любезно, что его появление оказалось совершенно неожиданным. Он выдал королю план внезапного захвата Безинга, после чего король через гонца немедленно сообщил все полученные сведения маркизу, который тотчас же арестовал брата и прочих заговорщиков. Те во всем сознались, подробно рассказав о своих тайных сношениях и пересылках с неприятелем. Маркиз уговорил короля ограничиться удалением своего брата из гарнизона после наказания его сообщников. Счастливое и своевременное раскрытие этого заговора позволило спасти важный укрепленный пункт (который в противном случае был бы неизбежно потерян уже через несколько дней) и не могло не вызвать прилива теплых чувств к особе самого разоблачителя. Палаты же обрушились на Гренвилла с жестокими упреками, вполне естественными после подобной измены, и приговорили его к тем карам — лишение всех прав, конфискация имущества и изъятие из амнистии — коим подвергали они обыкновенно людей, причинивших им наибольший вред или вызывавшим у них бешеный гнев. Это было единственное, чем Гренвилл пытался впоследствии оправдать собственную жестокость к попадавшим в его руки неприятелям.

Из Оксфорда он сразу же отправился на запад (даже не успев получить назначения в действовавшие там войска): ему-де, уверял Гренвилл, не терпелось помочь полковнику Дигби. После ухода армии принца Морица Дигби был оставлен для блокады Плимута и действовал весьма храбро и решительно. Гренвилл привез полковнику письмо от короля, с приказанием ввести сэра Ричарда во владение поместьем жены (находившемся на занятой войсками Дигби территории): оно подлежало секвестру, поскольку супруга Гренвилла жила тогда в Лондоне и горячо поддерживала Парламент. Полковник в точности исполнил приказ, и таким образом все это поместье — главный предмет вожделений сэра Ричарда — по прошествии многих лет вновь оказалось в его руках.

Водворившись в усадьбе, которую он именовал «своей собственной», Гренвилл нанес однажды визит полковнику и обедал у него; на обратном же пути сэра Ричарда сопровождали кавалеристы, любезно предоставленные ему Дигби в качестве охраны на случай неожиданной встречи с неприятелем (гарнизон Плимута часто устраивал вылазки). Возвращаясь с ними домой, он заметил, как из соседнего леса выходят четверо или пятеро незнакомых ему людей с вязанками краденых дров за плечами. Гренвилл приказал своим всадникам их поймать, и когда выяснилось, что это солдаты плимутского гарнизона, велел одному из пленников повесить остальных; желая спасти свою жизнь, тот повинился. Столь непреодолимой была свирепая склонность сэра Ричарда к бессудным и незаконным расправам, приобретенная им еще в Ирландии.

Вскоре после этой истории, во время одной из вылазок, предпринятых пехотой и кавалерией из Плимута, полковник Дигби (человек изумительно храбрый и вдобавок более уравновешенный и не столь подверженный внезапным вспышкам гнева, как прочие члены его семейства), решительно атаковав неприятеля, разгромил его и обратил в бегство, но сам получил в рукопашной схватке тяжелое ранение в глаз рапирой, едва не задевшей его мозг. Солдаты вынесли полковника с поля боя, но он так никогда и не оправился от последствий своего ранения. После этого несчастья командование принял сэр Ричард Гренвилл; он руководил блокадой Плимута несколько месяцев, но при приближении графа Эссекса вынужден был отойти в Корнуолл, где мы и застали его в тот момент, когда туда прибыл король.

Столь пространное отступление, посвященное одному человеку, может показаться неуместным и даже проникнутым чрезмерной враждебностью к памяти того, кто умел кое-что делать хорошо и оказал известные услуги королю; но лица, осведомленные о событиях следующего года (мы опишем их со всей точностью далее) и знающие о тех строгих мерах, к коим сэр Ричард вынудил прибегнуть принца — и на которые сам Гренвилл громко жаловался впоследствии всему свету, заставив иных благомыслящих особ поверить, будто с ним обошлись слишком жестоко и даже нанесли ему личное оскорбление — вправе считать это подробное повествование до известной степени необходимым, коль скоро мы желаем составить ясное и полное понятие о жизни, характере, нраве и склонностях подобного человека.

Король очень хотел поскорее вернуться в Оксфорд, да и не мог теперь строить иных планов, хотя ясно при этом понимал, что его взбешенные враги непременно постараются создать на его пути все мыслимые преграды и препятствия. Король знал, что Уоллер вот-вот выступит из Лондона, что Миддлтон отошел из Тивертон на соединение с ним, а Манчестер получил приказ двигаться со своей победоносной армией на запад; и если бы король надолго отсрочил выступление в поход, то ему, чтобы прорваться в Оксфорд, пришлось бы выдержать еще одну битву. Но после шести месяцев изнурительных маршей и прочих тягот службы армия его нуждалась хоть в каком-то отдыхе и восстановлении сил; пехотинцам не хватало обуви и одежды, кавалеристы находились в скверном настроении, а безденежье могло лишь усугубить их недовольство. Чтобы найти средства против этих зол, король, на следующий же день после отхода от Плимута, в сопровождении лишь собственного эскадрона гвардии и высших должностных лиц двора направился в Эксетер, приказав армии медленными переходами двигаться за ним и стать на квартиры в Тивертоне и соседних городах, куда его войска и прибыли 21 сентября.

Тут Его Величество быстро понял, до какой степени беспрепятственная тяжелая служба, даже без больших боев, уменьшила и ослабила его армию. Его собственный корпус пехоты, при вступлении в Корнуолл имевший 4000 человек, заметно поредел; а пехота принца Морица, насчитывавшая целых 4500 бойцов, когда король впервые увидел ее в Киртоне, не имела теперь и половины этого числа. В отряде Гренвилла, который вызвал некогда столько шума и даже был сочтен достойным наименования «армии», с сэром Ричардом осталось теперь для блокады Плимута лишь 500 пехотинцев и 300 кавалеристов; прочие куда-то исчезли — а скорее всего, сам Гренвилл, прибегнув к обычной своей уловке, предложил своим солдатам задержаться на время в Корнуолле, а затем вновь присоединиться к нему. Многие так и поступили, ведь его войско внезапно увеличилось, с королем же на восток выступили лишь немногие из корнуолльцев. Лошади были до крайности изнурены, многие пали во время долгих маршей, что лишь усиливало недовольство всадников, и теперь, чтобы кавалерия могла вновь выступить в поход, требовалось принять обширные меры по снабжению ее всем необходимым. Благодаря деятельному усердию специальных комиссаров, назначенных в Девоншире, Его Величество уже через несколько дней имел в своем распоряжении 2000 фунтов,

которые были затем розданы кавалеристам, а также 3000 суконных мундиров, вместе с большим количеством обуви и чулок, которые получили пехотинцы. Прочие нужды кавалерии и пехоты предполагалось удовлетворить сразу же по вступлении армии в Сомерсетшир: тамошние комиссары твердо обещали все подготовить в срок.

До выступления армии из Эксетера королю следовало позаботиться еще о двух столь же важных вещах — надежной блокаде неприятельских войск в Лайме (ободренные своими успехами, они устраивали дерзкие вылазки, доходя порой до стен Эксетера) и сдерживании еще более сильного вражеского гарнизона в Таунтоне. Дело в том, что принц Мориц, сняв осаду Лайма, вывел, к несчастью, гарнизон из Таунтона — 800 бойцов под начальством сэра Джона Стоуэлла, который, как человек изумительной храбрости и верности, никогда бы не сдал город — и оставил в замке лишь 80 солдат под командой одного лейтенанта, а тот подло его сдал по первому же требованию проходившего мимо со своей армией Эссекса, за что впоследствии был по всей справедливости казнен. Теперь же, благодаря оставленному Эссексом гарнизону, а также неимоверной злобе и гордыне обывателей, Таунтон превратился в мучительную занозу в теле этого многолюдного графства.

Для исправления первого из зол выделялись части, входившие в состав эксетерского гарнизона и подчиненные сэру Джону Беркли; к тому же, пока королевская армия стояла в Эксетере, удалось овладеть Барнстейплом, что освободило Беркли от многих забот. Что же касается таунтонского предприятия, то здесь выбор командира оказался менее удачным: полковник Уайндем хотя и был известен своей блестящей храбростью и безусловной верностью, однако из-за царивших в графстве раздоров и несогласий не сумел выполнить порученную ему задачу. Чтобы поскорее покончить со всеми этими делами, король, не проведя в Эксетере и недели, спешно выступил к Чарду в Сомерсетшире, где простоял дольше, за что впоследствии дорого заплатил, ибо в противном случае он смог бы достигнуть Оксфорда прежде, чем неприятель успел бы сосредоточить на его пути достаточные силы. Но даже эта задержка была неизбежной — разве что король предпочел бы двинуться дальше, так и не дождавшись денег и обмундирования (обещанных и наконец-то доставленных сомерсетширскими комиссарами), что едва ли понравилось бы его солдатам.

В последний день сентября король выступил из Чарда. Ночь он провел в поместье лорда Полета, где его встретил принц Руперт,

рассказавший королю о печальных событиях на севере, а также о том, что он оставил там 2000 кавалеристов под начальством сэра Мармадюка Лангдейла — которых принц вполне мог бы привести с собой, что позволило бы королю завершить западный поход блестящим успехом. После чего принц немедленно возвратился в Бристоль, имея приказ как можно скорее двинуться в Глостершир с конницей сэра Мармадюка Лангдейла, а также с двухтысячным отрядом пехоты полковника Чарльза Джерарда, находившимся тогда в Уэльсе. Подобный образ действий, вероятно, вынудил бы неприятеля разделить силы, а если бы он предпочел и далее держать их вместе, то принц, выступив из Глостершира, сумел бы соединиться с королем. Но приказания эти не были вовремя исполнены. Вся королевская армия состояла тогда из 5500 пехотинцев и примерно 4000 кавалеристов; Уоллер со своей конницей уже подошел к Бленфорду, но после разгрома нескольких его эскадронов кавалерией короля отступил в Шефтсбери и близлежащие части Уилтшира. Для короля было чрезвычайно важно, прежде чем он покинет эти края, выручить Портленд-касл, находившийся в осаде со времени западного похода Эссекса. С этой целью он направился в Шерборн, где простоял шесть дней — слишком долгий срок, если не предположить, что подобным промедлением он надеялся помочь своему племяннику принцу Руперту в его марше. Впрочем, за это время король освободил от осады Портленд-касл. Сэр Льюис Дайвс, со своим полком закаленных солдат и небольшим отрядом кавалерии, был оставлен в Шерборн-касле и назначен командующим в Дорсетшире в надежде, что благодаря собственным усилиям и доброму расположению жителей графства он сумеет набрать достаточно людей для взятия Уэймута — и сэр Льюис совершил все, что можно было от него с основанием ожидать. По пути в Оксфорд Его Величество очень хотел деблокировать Доннингтон-касл и Безинг, вновь осажденный почти всей неприятельской армией, а затем послать сильный отряд на выручку Бенбери, тесно обложенному Джоном Финнзом (одним из сыновей лорда Сэя) и всеми неприятельскими силами из Нортгемптоншира, Уорвика и Ковентри. Сэр Уильям Комптон храбро оборонял Бенбери уже три месяца, но к этому времени положение его стало отчаянным.

Чтобы спасти все эти крепости, король прибыл 5 октября в Солсбери, где ему стало известно, что Уоллер со своими эскадронами стоит в Андовере, Манчестер с 5000 пехоты и кавалерии и 24 пушками уже достиг Ридинга, а четыре полка лондонской милиции только

что выступили ему навстречу, и наконец, что 3000 пехотинцев и кавалеристов Эссекса, располагающиеся близ Портсмута, ждут приказа, чтобы двинуться на соединение с остальными парламентскими армиями. Эти сведения вполне могли бы склонить Его Величество к мысли ускорить марш к Оксфорду. Такое решение было бы тем более разумным, что в Солсбери король получил письмо от Руперта, в котором принц сообщал, что не сможет прибыть с войсками так скоро, как рассчитывает Его Величество — и как того действительно требовало положение короля. В случае принятия такого решения и Бенбери, и Доннингтон-касл можно было бы своевременно освободить от осады, но тут Горинг, в приступе крайнего легкомыслия, стал усердно склонять короля к иному образу действий — совершив быстрый и скрытный марш, внезапным ударом разбить Уоллера, который с 3000 кавалеристов и драгун стоял в Андовере, довольно далеко от прочих неприятельских войск. Совет единодушно поддержал Горинга, и король согласился с его предложением.

Всю захваченную у Эссекса артиллерию король еще раньше оставил в Эксетере; теперь же он отослал все большие пушки в Ленгфорд, поместье лорда Горджа, находившееся в двух милях от Солсбери и занятое гарнизоном в 150 солдат под командой одного опытного офицера. Остальные орудия вместе с обозом располагались в Уилтоне, усадьбе лорда Пемброка, под охраной пехотного полка. Общий сбор армии король назначил на семь часов утра близ Кларендон-парка; вокруг Солсбери выставили крепкую стражу, чтобы обыватели не могли выйти из города и Уоллер ничего не узнал о замысле короля, и если бы вся армия собралась в назначенный срок (что случалось нечасто, хотя Его Величество неизменно обнаруживал в подобных вещах строгую пунктуальность и никогда не опаздывал), то задуманный план удалось бы осуществить с полным успехом. Но хотя пехота принца Морица подошла лишь к одиннадцати часам, так что вся армия выступила не ранее полдня, Уоллер узнал о приближении неприятеля только тогда, когда тот находился уже в четырех милях от Андовера. Сэр Уильям со всем своим войском выступил навстречу королю, как если бы собирался дать бой неприятельской армии, но, заметив, что она весьма многочисленна и движется в превосходном порядке, передумал и отвел своих людей в город, приказав прикрывать отступление сильному отряду кавалеристов и драгун. Но королевский авангард смело их атаковал, учинил им страшный разгром, обратил в бегство и погнал в город; многие были изрублены во время

преследования, и только наступление темноты спасло остальных, помешав победителям продолжить погоню. Весь неприятельский отряд рассеялся, и его нескоро удалось собрать вновь, так что король провел эту ночь в Андовере. Разгром войск Уоллера и слабое их сопротивление настолько подняли дух солдат короля, что теперь они желали ни больше ни меньше, как сразиться со всей вражеской армией. Король, однако, не имел намерения ни самому искать боя, ни уклоняться от сражения, если неприятель окажется у него на пути. Он решил освободить от осады Доннингтон-касл, лежавший несколько в стороне от дороги на Оксфорд. Для этого он велел как можно скорее перевезти оставленные в Ленгфорде и Уилтоне пушки в назначенный им пункт между Андовером и Ньюбери, после чего, дождавшись подхода своей артиллерии, направился к Ньюбери, в миле от которого и находился Доннингтон-касл.

Когда Миддлтон, продолжив марш на запад, увел свои войска от Доннингтон-касла, блокирование замка было поручено полковнику Хортону, и тот в течение некоторого времени довольствовался дальней блокадой. Но после того как ультиматум о сдаче был отвергнут и стало ясно, что гарнизон располагает достаточными запасами, Хортон, получивший подкрепления из Абингдона и Ридинга, решил приступить к тесной осаде, которую и начал 29 сентября. Он повел апроши, установил у подножия холма близ Ньюбери батарею и принялся столь щедро угощать осажденных ядрами из тяжелых орудий, что за двенадцать дней непрерывной бомбардировки разрушил три башни и снес часть стены. Вообразив, что этим ему уже удалось вразумить коменданта и сломить упорство гарнизона, Хортон послал еще один ультиматум. Похваляясь великой своей добротой, которая ныне, когда осажденные оказались в полной его власти, единственно и побуждает его предлагать им сохранение жизни, при условии сдачи замка к десяти часам утра в среду, полковник объявлял перед лицом Господа, что если его милость будет отвергнута, то ни один солдат гарнизона в живых не останется. Столь грозные и высокопарные речи лишь насмешили коменданта, и он ответил, что будет и далее защищать замок, а пощады не примет и не даст. В это время к Ньюбери подошел со своими войсками сам Манчестер и, получив на собственный ультиматум ответ ничуть не более удовлетворительный, назначил на следующий день штурм. Однако его солдаты, наслышанные об упорстве и решимости осажденных, уклонились от столь жаркого дела и предпочли до вечера засыпать Доннингтон-касл ядрами, после чего установили батарею с другой

стороны замка и начали рыть траншеи. Тогда комендант предпринял смелую вылазку и выбил их из окопов; множество неприятельских солдат, а с ними и командовавший осадными работами подполковник, легли на месте, старшему канониру прострелили голову; комендант же, захватив с собой немало оружия, почти без потерь вернулся в замок. Но уже следующей ночью неприятель завершил возведение батареи и бомбардировал замок несколько дней кряду, пока не узнал о приближении армии короля, после чего отвел свою артиллерию. Лондонская милиция еще не подросла, и граф почел за благо удалиться от Доннингтон-касла на некоторое расстояние; всего же осаждающие выпустили за 19 дней свыше 1000 крупных ядер, не причинивших, впрочем, гарнизону иного ущерба, кроме разрушения ветхих участков стены.

Когда король прибыл в Ньюбери, к нему явился комендант Доннингтона и за свое доблестное поведение был посвящен в рыцари; неприятеля же страшились или опасались тогда так мало, что Его Величество решил, прежде чем продолжить движение к Оксфорду, освободить от осады Безинг и Бенбери. Настойчивые просьбы о помощи шли теперь из Бенбери-касла, гарнизон коего из-за крайнего недостатка в провианте (солдаты съели почти всех лошадей) уже готов был капитулировать; и Его Величество охотно дал согласие на то, чтобы граф Нортгемптон, командовавший войсками в тех краях и оставивший комендантом в Бенбери своего храброго брата, во главе трех полков кавалерии попытался выручить осажденных. В Оксфорд были посланы письма с приказом полковнику Гейджу взять из тамошнего гарнизона отряд кавалерии и пехоты и идти навстречу графу. Точно исполнив приказания короля, граф и полковник нежданно для противника подошли к Бенбери, однако к югу от города, близ небольшого укрепления, они заметили построенную пятью отрядами неприятельскую кавалерию, намного превосходившую их числом и, как можно было подумать, вполне готовую дать им бой, опираясь на столь выгодную позицию. Но после нескольких выстрелов из двух маленьких пушек, которые привез из Оксфорда полковник Гейдж, неприятель дрогнул и в большом беспорядке оставил свои позиции. Вражеская артиллерия и обоз были высланы из города еще прошлой ночью, а парламентские пехотинцы — свыше семисот человек — бежали из Бенбери, едва увидев приближающиеся эскадроны короля. Полковник Гейдж с пехотой направился прямо в замок, чтобы вызволить запертый там гарнизон, а граф Нортгемптон погнался за вражеской кавалерией и почти настиг ее,

так что неприятель решил остановиться и принять бой. Яростно его атаковав и опрокинув, Нортгемптон, невзирая на засевших в живых изгородях мушкетеров, преследовал бегущих до тех пор, пока совершенно их не разгромил и рассеял; причем командовавший парламентским отрядом Фиеннес-младший скакал, не останавливаясь, до самого Ковентри. Большая же часть пехоты, рассеявшись среди изгородей, сумела спастись прежде, чем из города подоспел полковник Гейдж. В ходе преследования, однако, были захвачены пушка, три фургона с вооружением и амуницией и двести лошадей, многие неприятели перебиты, а свыше сотни, включая двух кавалерийских офицеров, взяты в плен — все это ценой потери одного капитана и девяти рядовых кавалеристов; несколько офицеров и солдат получили ранения, впрочем, не смертельные. Так Бенбери-касл был освобожден от осады, длившейся целых тринадцать недель; гарнизон его оборонялся с величайшей доблестью, и даже когда у него остались не съеденными только две лошади, не пожелал принять парламента с требованием о капитуляции.

Хотя деблокада Бенбери вполне удалась, вскоре король дорого за нее заплатил: на другой же день после этого успеха полковник Урри — шотландец, некогда служивший Парламенту, а затем, как уже упоминалось с одобрением при описании событий прошлого года, перешедший на сторону короля и оказавший ему важные услуги — после вступления Его Величества в Корнуолл затребовал паспорт для выезда на континент (по своему обыкновению, он снова был чем-то недоволен). Но вместо того, чтобы сесть на корабль и покинуть Англию, Урри спешно направился в Лондон, поступил на службу в войска графа Манчестера и рассказал все, что знал об армии Его Величества, подробно описав характер и привычный образ действий высших ее начальников; и теперь неприятель располагал сведениями о составе, настроении и слабостях королевской армии и вдобавок получил известие, что граф Нортгемптон с тремя полками отправился освобождать от осады Бенбери. Два дня спустя все войска Эссекса и Уоллера соединились с Манчестером (к которому уже прибыла лондонская милиция), и парламентская армия, состоявшая теперь из 8 000 пехоты с не меньшим количеством кавалерии, двинулась против короля — а тот, даже с учетом ушедших полков Нортгемптона не имевший и половины этого числа, по-прежнему стоял в Ньюбери, в намерении дожидаться возвращения графа и предпринять что-нибудь для деблокады Безинга, ведь Его Величеству и в голову не приходило, что неприятель сумеет так быстро сосредоточить силы.

Теперь, когда вся вражеская армия, получившая прямой приказ дать бой королю, появилась в такой близости от Тетчема, рассчитывать на благополучный отход к Оксфорду было уже поздно, и Его Величество, чуждый, впрочем, всякого страха, решил действовать оборонительно. Город Ньюбери и река, надеялся король, обеспечат ему крепкую позицию, которую неприятель не рискнет сразу же атаковать; его собственные солдаты получают кров над головой, тогда как парламентской армии придется ночевать в чистом поле на холоде (а он становился все сильнее), что в конце концов и вынудит ее к отступлению. Устроив главную квартиру в Ньюбери, король выставил сильные заслоны к югу от города, однако большая часть его армии располагалась фронтом к неприятелю в нескольких местах — большой усадьбе м-ра Долмена в Шоу, в соседней деревне (ее прикрывала река, протекавшая неподалеку от Доннингтон-кас-ла), в здании между этой деревней и Ньюбери (вокруг него возвели укрепления) и, наконец, у мельницы на реке Кеннет. Все эти пункты находились к востоку от Ньюбери. Прямо же на север от него растиались два неогороженных поля, где расположилась большая часть конницы с артиллерией и обозом; в полумиле к западу от города находилась деревня Спин, а за ней — небольшая пустошь. В деревне стояла вся пехота принца Морица с отрядом кавалерии; там же, где начиналась пустошь, соорудили редут. В таком положении королевская армия оставалась два дня, а многочисленные попытки неприятеля сбить ее с позиций были отражены с немалым для него уроном.

В воскресный день 27 октября, на самом рассвете, тысяча солдат армии графа Манчестера вместе с полками лондонской милиции спустились с холма, незаметно переправились через речку близ Шоу и атаковали отряд, который должен был охранять проход недалеко от усадьбы. В том месте, где это дефиле было укреплено траншеями, находился сэр Бернард Астли. Во главе сильной партии мушкетеров он тотчас же обрушился на врага и опрокинул его; мало того — обращенные в бегство парламентские солдаты привели в расстройство два других отряда, спешившие им на помощь. В ходе преследования многие были перебиты или утонули в реке, удалось также захватить более двухсот мушкетов. Весь этот день жаркие бои шли в разных местах; врагу, чьи потери оказались гораздо выше, чем у короля, почти удалось окружить армию Его Величества. Наконец, около трех часов пополудни Уоллер, во главе собственных войск, а также частей, состоявших некогда под началом Эссекса,

решительно атаковал укрепление близ деревни Спин и форсировал реку. Офицер, командовавший выставленным здесь заслоном из пехоты и кавалерии, оборонялся не самым лучшим образом; к тому же многие его солдаты еще раньше покинули свои посты, поскольку не могли поверить, что в это время дня неприятель осмелится атаковать самый, как считалось, сильный участок позиций королевской армии. И, однако, перебравшись на другой берег реки, неприятель в превосходном порядке, с сильными отрядами пехоты в центре и кавалерией на флангах, двинулся к пустоши, а оставленная там конница после недолгого сопротивления отступила; впрочем, противник явно превосходил ее числом, ведь большая часть всадников, уверенная, что переправа надежно прикрыта, отправилась за фуражом для своих лошадей.

Так неприятель овладел деревней Спин и стоявшими там орудиями; королевская же пехота отошла к живым изгородям неподалеку от широкого поля между названной деревней и Ньюбери, где и закрепилась. В это самое время правое крыло вражеской конницы, с сотней мушкетеров в авангарде, обогнуло холм и, выйдя на неогороженное поле, столкнулось с сильным отрядом кавалерии короля, поначалу пришедшим в некоторое замешательство. Но кавалерийский полк королевы под начальством сэра Джона Кансфилда доблестно атаковал многочисленного неприятеля, разгромил его и гнал почти полмили, изрубив большинство мушкетеров и очень многих кавалеристов, так что весь неприятельский правый фланг был рассеян, и его в тот день уже не удалось собрать и привести в порядок. Король, принц, многие лорды и иные особы из свиты его Величества находились тогда посреди поля, но даже личное присутствие монарха не смогло удержать от позорного оставления позиций тех кавалеристов, которые запаниковали при приближении неприятеля. И если бы не лихая атака сэра Джона Кансфилда, позволившая прочим эскадронам оправиться и ударить врагу во фланг, то сам король оказался бы в чрезвычайно опасном положении.

В это время неприятельская кавалерия левого фланга приближалась к северному краю широкого поля, но она еще не успела его достигнуть, когда Горинг с бригадой графа Кливленда яростно ее атаковал и заставил в большом расстройстве отступить за живые изгороди; продолжая преследование, Горинг сам был атакован свежими эскадронами врага, но он и им нанес тяжелое поражение, уложив на месте множество неприятелей. Он не только разгромил

и опрокинул вражескую кавалерию, но и сумел выдержать, преследуя ее, жестокий огонь трех отрядов парламентской пехоты, не понеся при этом значительного урона, если не считать графа Кливленда, который был взят в плен, когда под ним пала лошадь — потеря и в самом деле громадная. Между тем на другом конце поле боя 1200 кавалеристов и 3000 пехотинцев графа Манчестера двинулись в решительную атаку на Шоу-хаус; там держали оборону сэр Джеймс Астли полковник Джордж Лилл; саму же усадьбу защищал подполковник Пейдж. Неприятель приблизился с пением псалмов и вначале ему удалось выбить из живых изгородей сорок мушкетеров, попытавшихся остановить его своим огнем. Но сэр Джон Браун с кавалерийским полком принца тотчас же атаковал врага и нанес ему немалый урон; заметив, однако, что на него готов обрушиться другой отряд парламентской конницы, сэр Джон отступил к пехоте, располагавшейся в саду м-ра Долмена, у самого края поля. Огонь пехотинцев нанес большие потери вражеской кавалерии, та повернула назад, в сэр Джон ударил ей в тыл, перебил многих неприятелей и весь день удерживал свои позиции. Тогда же пехотный резерв под командованием полковника Телуэлла здорово потрепал парламентских пехотинцев несколькими залпами, после чего бросился в атаку и, действуя прикладами мушкетов, выбил их из живых изгородей и даже совсем прогнал с поля; отступивший неприятель оставил две небольшие пушки, несколько знамен и множество мертвых тел. В это же время крупный отряд парламентской пехоты вновь пошел на штурм усадьбы м-ра Долмена, но его доблестно встретил подполковник Пейдж, и после первой же своей атаки неприятель, оставив на небольшом клочке земли пятьсот человек убитыми, в расстройстве отошел и в конце концов отступил на все этом участке сражения, а преследовавший его Пейдж захватил две пушки.

Между тем наступила темнота, о чем не жалела ни одна из сторон. Король, находившийся в том единственном пункте, где неприятель имел успех, заключил, что его армия всюду терпит неудачу. Он собственными глазами видел, как враг полностью овладел Спинном и захватил оставленные там пушки, и теперь Его Величеству казалось, что парламентская армия может еще до наступления утра легко его окружить — для чего неприятель приложил бы все усилия, если бы только был в состоянии развить свой успех.

А потому, как только стемнело, Его Величество, в сопровождении принца, находившихся весь день при его особе лордов и полка

гвардии, отступил к полям близ Доннингтон-касла и решил продолжать действовать по плану, который был принят еще утром, когда стало очевидным огромное численное превосходство неприятеля, грозившее армии короля, в случае потери ею хотя бы одой из позиций, полным окружением. Согласно этому плану, армия должна была под покровом ночи уйти к Уоллингфорду, оставив еще утром весь свой обоз вместе с большими орудиями в Доннингтон-касле; и теперь король разослал всем офицерам приказ собрать своих людей в назначенном месте для выступления в поход. Его Величество как раз получил известие, что принц Руперт уже в Бате (или будет там следующей ночью), а потому, желая, чтобы Руперт, не задерживаясь в этом городе, немедленно двинулся на соединение с его армией, Его Величество, в сопровождении принца и трехсот всадников, спешно поскакал в Бат, где и нашел принца Руперта; после чего они вместе, не теряя времени, отправились в Оксфорд. По правде говоря, положение армии не было таким тяжелым, как это представлялось королю: те ее отряды, которые стояли в поле близ Спина, прочно удерживали свои позиции, и хотя луна светила довольно ярко, неприятель, располагавшийся совсем рядом и значительно превосходивший их числом, почел за благо воздержаться от атаки и ничем их не беспокоить. Зато те парламентские войска, которым днем уже крепко досталось у Шоу-хауса, получив в подкрепление сильный кавалерийский отряд, решили вновь атаковать засевшую в усадьбе пехоту, но были снова отбиты, хотя на сей раз с меньшим уроном, ибо, не проявив прежнего упорства, они быстро отступили к холму, где и уgomонились. Этот бой стал последним: около десяти часов вечера вся королевская армия — кавалерия, пехота и артиллерия — имея впереди сильные заслоны, двинулась в сторону пустоши близ Доннингтон-касла, в котором оставила все свои орудия, обоз, амуницию и большую часть раненых; после чего принц Мориц и другие офицеры в полном порядке выступили во главе авангарда к Уоллингфорду, прикрывать же тыл поручено было сэру Хамфри Беннету (блестяще показавшему себя в ходе битвы), но его кавалерийскую бригаду, замыкавшую походный порядок, никто не потревожил. Хотя ночь выдалась светлой, и враг не мог не знать об отходе королевской армии, он был только рад избавиться от противника, который так круто обошелся с ним накануне. К утру пехота и кавалерия Его Величества прибыли в Уоллингфорд и после недолгого отдыха двинулись к Оксфорду — не заметив ни одного неприятельского отряда, который наблюдал бы за их маршем.

Многие задавались вопросом, кто же взял верх в этом сражении, и ни одна из сторон не чувствовал себя вполне удовлетворенной его исходом. Не может быть никаких сомнений, что убитыми неприятель потерял больше, чем королевская армия, недосчитавшаяся лишь сэра Уильяма Сент-Леже, подполковника в пехотном полку герцога, двух кавалерийских подполковников, Теппинга и Лика (все трое погибли), а также не более сотни рядовых солдат. Главнокомандующий граф Brentford был ранен в голову; кроме него ранения получили сэр Джон Кансфилд, сэр Джон Гренвилл и подполковник Пейдж, но все они впоследствии встали на ноги. О потерях среди парламентских офицеров никто не вспоминал, ведь знатностью своего рода эти люди, как правило, не превосходили рядовых солдат. Однако те, кто наблюдал битву на всех пунктах, пришли к основательному заключению, что у неприятеля легло на месте никак не меньше тысячи человек. Но поскольку королевская армия оставила ночью поле боя и удалилась, противник вообразил, будто именно он взял верх, и Парламент с обычной пышностью отпраздновал победу, хотя уже через несколько дней убедился, что никаких причин для торжества у него не было. Неприятель каким-то образом узнал, что граф Brentford из-за ранения в голову остался ночевать в Доннингтон-касле, и послал к нему полковника Урри; тот попытался уговорить графа сдать замок и сделал ему еще несколько щедрых предложений — все это королевский главнокомандующий отверг с подобающим негодованием. Больше о полковнике Урри мы ничего не скажем, ведь после всех своих метаний он наконец решился перейти на сторону короля и сложить голову на службе Его Величества, что, на наш взгляд, должно искупить прежние его проступки и уберечь его память от сурового осуждения.

На следующий день — иначе говоря, после того, как стало известно об уходе армии короля — неприятель поспешил занять Нью-бери, а затем, построив всю свою армию в виду Доннингтон-касла, потребовал от коменданта сдать замок, пригрозив в противном случае не оставить от него камня на камне. Комендант ответил, что он в любом случае не будет обязан восстанавливать замок, но если придется, готов, с Божьей помощью, защищать даже руины. Видя его упрямство, неприятель предложил гарнизону свободный выход с личным оружием и всем имуществом, а когда и это не подействовало, согласился, чтобы гарнизон забрал с собой пушки и амунисию. Комендант, со своей стороны, выразил глубокое удивление тем, что неприятеля никак не могут удовлетворить прежние

его ответы, и заверил, что он не выйдет из замка до тех пор, пока король не прикажет ему это сделать. Уязвленный столь дерзкими речами, неприятель решился штурмовать замок, но когда офицер, командовавший посланным на приступ отрядом, и несколько его солдат были убиты, отступил и, больше не повторяя подобных попыток, спокойно сидел в Ньюбери. В лагере его царили жестокие раздоры: каждый выискивал промахи в действиях других, сурово осуждая все, что было (или не было) предпринято в ходе недавней битвы.

Король, как он и рассчитывал, встретил принца Руперта, с которым уже находились отряды полковника Джерарда и сэра Мармадюка Лангдейла, и со всей поспешностью присоединил их силы к собственной армии, чтобы возвратиться в Ньюбери и забрать оставленные там пушки и обоз. По пути он встретил графа Нортгемптона с только что деблокировавшими Бенбери полками, после чего, с необыкновенной быстротой сформировав новый артиллерийский обоз, устроил своей армии общий сбор на лугу Буллингдон-грин — где, с учетом этих войск, а также пехотных частей полковника Гейджа, взятых из оксфордского гарнизона, под началом Его Величества оказалось 6000 пехоты и 5000 кавалерии. С ними он двинулся к Уоллингфорду и через восемь дней по оставлении им Доннингтон-касла вновь прибыл к замку, причем позиция его была столь выгодной, что он решил не уклоняться от сражения с неприятелем, но прежде — забрать свои пушки и доставить в Доннингтон-касл необходимые припасы, что и было выполнено без всякого противодействия.

Неприятельская же армия, раздираемая враждой и несогласиями собственных командиров, по-прежнему стояла в Ньюбери, и о приближении короля враг узнал лишь после разгрома одного из лагерей своей кавалерии. На следующее утро король построил свою армию в боевой порядок; принц Руперт (назначенный главнокомандующим) шел в авангарде; он занял пустошь с обратной стороны замка, хотя на подступах к ней — на узкой, круто поднимавшейся в гору дороге — принца мог бы остановить даже небольшой отряд. На этой пустоши к полудню сосредоточилась вся королевская армия; каждый ее солдат готов был драться, но поскольку неприятель так и не появился, армия прошла мимо замка, переправилась через реку у мельницы и по двум бродам ниже по течению — опять же без всякого сопротивления — а затем расположилась на широком поле между Спином и Ньюбери, вполне

подходящем, как считали, месте, чтобы ожидать на нем неприятеля — который в это время сосредоточил крупный отряд пехоты и кавалерии на другом поле, близ Шоу, а с противоположной стороны Ньюбери возвел укрепления и установил батареи. Неприятель решил защищать город и действовать (как совсем недавно — король) оборонительно; имея теперь теплые квартиры, он рассчитывал, что удар по королевской армии принесет ему больший успех после того, как она проведет несколько ночей в чистом поле: шел уже ноябрь месяц, хотя погода оставалась не по сезону хорошей. Произошло несколько мелких кавалерийских стычек, но когда король понял, что вражеская армия, если он принудит ее к бою, окажется в более выгодном положении, он созвал военный совет. Мнение его участников было единодушным: поскольку король деблокировал Доннингтон-касл, обеспечил гарнизон достаточным количеством припасов и может теперь вывезти из замка пушки и амуницию, то его задачу следует считать успешно выполненной; если же его честь в последней битве хоть сколько-нибудь пострадала, то теперь она восстановлена, ведь король переправился с армией через реку на глазах у неприятеля и изъявил полную готовность вступить в бой — однако противник не осмелился принять это предложение. Тогда король приказал больше неприятеля не задирать, но у него на виду, с барабанным боем и трубным гласом, тем же путем отойти на другой берег реки. Король провел эту ночь в Доннингтон-касле, а вся его армия — в окрестностях замка.

Король еще не сделал всего, чего желал добиться до ухода армии на зимние квартиры, и теперь хотел предоставить неприятелю возможность для сражения. А потому воскресным утром 11 ноября Его Величество проследовал со всей своей артиллерией и амуницией из Доннингтон-касла через широкую равнину к Ламборну; во время этого марша отряды вражеской кавалерии атаковали его арьергард, но были отражены с уроном, потеряв многих убитыми и несколько человек пленными. Чтобы его солдаты могли отдохнуть и восстановить силы после тяжелого постоя под Доннингтоном, король провел в Ламборне ночь и весь следующий день, но первым же делом послал в Малборо нескольких уважаемых и влиятельных особ, дабы те позаботились о сборе припасов для его армии. После чего, убедившись, что неприятель по-прежнему стоит в Ньюбери, он двинулся к Малборо, где обнаружил, что его распоряжения выполнены наилучшим образом. Королю не терпелось вызволить Безинг, вновь оказавшийся в отчаянном положении (как уже было сказано,

после деблокады усадьбы Гейджем неприятель опять взял ее в тесное кольцо осады); причем он непременно хотел использовать для этого всю армию, чтобы заставить врага принять бой, но после основательного обсуждения более надежным образом действий был признан иной: сильный отряд из тысячи кавалеристов, каждый из которых возьмет с собой мешок зерна или другой провизии, выступит в путь с таким расчетом, чтобы достигнуть Безинг-хауса на следующее утро, после чего, сбросив мешки, как можно скорее возвратится обратно. Командовать этим отрядом поручили полковнику Гейджу, уже добившемуся под Безингом блестящего успеха, и тот с радостью взялся за дело. Чтобы облегчить осуществление этого замысла, главную квартиру решили перенести в Хангерфорд и именно оттуда отправить отряд Гейжда, а потому Его Величество двинулся к Хангерфорду, лежавшему на полпути к Ньюбери. Между тем неприятель сам выступил из Ньюбери к Безингу, полагая, что при виде всей его армии комендант немедленно капитулирует. Обнаружив, однако, что маркиз намерен защищать Безинг-хаус с прежним упорством, он отвел все свои войска от Безинга и снял осаду буквально за день до того, как к усадьбе подоспел Гейдж, так что его кавалеристы без труда доставили провиант и без помех возвратились к королю. Затем Его Величество двинулся к Фаррингтону, не без некоторой надежды внезапным ударом захватить Абингдон, но вскоре убедился, что город хорошо подготовлен к обороне. После чего, распорядившись о новых квартирах для своей кавалерии, некогда стоявшей в Абингдоне и других местах, ныне занятых частями, подчиненными абингдонскому коменданту, возвратился в Оксфорд, где был встречен всеобщим ликованием 23 ноября — время, когда войскам уже полагалось быть на зимних квартирах.

Глава XVII

(1644—1645)

Король с огромным удовлетворением обнаружил, как далеко, тщанием и усердием лордов совета, продвинулось строительство укреплений, и чрезвычайно любезно изъяснил им свою признательность. За несколько месяцев до этого комендант Оксфорда сэр Артур Астон, выезжая в поле лошадь, упал и сломал ногу; вскоре ее пришлось ампутировать, так что если бы даже сэр Артур выздоровел, что представлялось тогда весьма сомнительным, к действительной военной службе он оказался бы уже негоден, и Его Величество решил назначить на должность коменданта другого человека. О своем решении король самым любезным и милостивым образом сообщил Астону, назначив ему вдобавок тысячу фунтов в год пожизненной пенсии, после чего, ко всеобщему удовлетворению, сделал оксфордским комендантом полковника Гейджа. Сэр же Артур, узнав, кто стал его преемником, был настолько раздосадован, что принялся умолять короля поручить этот пост кому-то другому, но убедившись, что король от своего намерения не отступит, пригласил к себе нескольких лордов — наиболее, по его мнению, ревностных в делах религии — и попросил их передать королю, что хотя он сам, Астон, римский католик, однако всегда старался не вводить в соблазн протестантских подданных Его Величества, и теперь не может не уведомить короля, что Гейдж является католиком самого что ни на есть иезуитского толка, что при нем живет иезуит, что он, Гейдж, присутствует на всех католических проповедях и что все это, по его, Астона, убеждению, обернется великим ущербом для короля — до такой степени злоба и личная неприязнь заглушили в нем голос совести.

Король был вполне доволен своим выбором и лишь посоветовал новому коменданту, через одного из друзей последнего, вести себя благоразумно, дабы не быть замеченным при отправлении обрядов своей религии. На это внушение Гейдж ответил, что он никогда не скрывал и не намерен скрывать своего вероисповедания, однако при отправлении обрядов всегда был чрезвычайно осторожен, и потому уверен, что в Оксфорде не найдется ни одного человека, который видел бы его на мессе, хотя он слушает мессу каждый день; на

проповеди же он присутствовал один-единственный раз, в покаях дочери сэра Артура, куда его приглашали с величайшей настойчивостью — как он теперь думает, для того, чтобы заманить в ловушку. К несчастью, этот джентльмен недолго занимал пост коменданта, ибо месяц или около того спустя, когда Гейдж попытался разрушить мост близ Абингдона (где он задумал возвести укрепление, чтобы надежно защитить с этой стороны Оксфорд от вылазок абингдонского гарнизона), он был сражен мушкетной пулей, попавшей ему прямо в сердце. Рядом с ним в тот момент находился принц Руперт, одобрявший и поддерживавший замысел полковника — так, впрочем, и не осуществленный после его гибели. Смерть Гейджа — человека большого ума и самообладания, одного из немногих солдат, заслуживших всеобщее уважение и любовь — стала громадной потерей для короля.

Хотя король находился теперь в положении гораздо лучше, чем это можно было с основанием ожидать в начале лета (он разбил и рассеял две парламентские армии и вернулся на зимние квартиры с победой, во главе войска, численность коего отнюдь не сократилась, а скорее даже выросла), Его Величество по-прежнему испытывал недостаток в самом необходимом, а те источники, на которые он мог бы рассчитывать для удовлетворения своих нужд, постепенно иссякали. С потерей всего Севера занятая его войсками территория сильно уменьшилась и сократилась, ибо после битвы под Йорком шотландцы повернули назад, чтобы овладеть Ньюкаслом и прочими городами, где еще держались королевские гарнизоны; теперь Ньюкасл уже был ими взят, и следовало ожидать, что, закончив и довершив свое дело в северной Англии, шотландская армия вновь двинется на юг и захватит те укрепленные пункты, до которых почему-либо не дойдут руки у самого Парламента.

В королевской же армии единодушия было меньше, чем когда-либо прежде. Старый главнокомандующий был смещен, и его пост занял теперь принц Руперт. Перемену эту одобрили немногие, ведь Брентфорд пользовался репутацией опытного военачальника, не совершал грубых ошибок при руководстве войсками, на военном совете готов был выслушать любого и всегда соглашался с самым разумным суждением; и хотя был он немногословен и туговат на ухо, в деле он сохранял живость ума и командовал отлично. Принц же, человек грубый и вспыльчивый, не любил ничего обсуждать и больше смотрел не на самое предложение, а на личность того, кто с ним выступает, а его враждебность к Дигби и Колпепперу,

единственным штатским особам, участвовавшим в обсуждении военных дел, была столь сильна, что он перечил им буквально во всем. По правде говоря, вся армия с самого начала склонна была выказывать к Тайному совету презрение и пренебрежение, а король не довольно заботился о том, чтобы войска сохраняли должное уважение к его членам, чем умалял достоинство собственного сана.

Горинга, нового командующего кавалерией, принц Руперт жаловал не больше, чем Уилмота. Горинг имел все недостатки своего предшественника, но, в отличие от Уилмота, был чужд порядку и дисциплине и не пользовался уважением офицеров. Уилмот любил кутежи, но не в ущерб делу; он никогда не пренебрегал своими обязанностями и редко терпел неудачи. Горинг гораздо лучше соображал, имел более тонкий ум (и лишь во время попок не мог сравниться острословием с Уилмотом — человеком, по этой части воистину вдохновенным); был храбрее и в минуту опасности не терял присутствия духа. Уилмот же чуял опасность раньше и, не умея вести себя, когда она наступала, так же хорошо, как Горинг, обычно предотвращал ее или с осторожностью избегал. Он никогда не пил, когда неприятель находился поблизости, Горинг же, если ему очень хотелось выпить, не мог устоять перед соблазном и не отказывался от вина даже ради победы над врагом. Однажды эта необузданная страсть овладела им настолько, что он позволил неприятельской кавалерии ускользнуть из Корнуолла; именно она стала причиной самой крупной неудачи Горинга за всю его военную карьеру. Никто из них не держал слова, не выполнял обещаний, не уважал долг дружбы; оба попирали любые законы чести и благородства; но если Уилмот нарушал их менее охотно, только ради какой-то значительной личной выгоды или преимущества, то Горинг делал это совершенно бездумно, из прихоти или ради острого словца, и ему нравились лишь такие люди, которых он мог одурачить, а затем выставить на всеобщее осмеяние. По этой причине круг друзей у него был уже, чем у Уилмота, зато компания — многочисленнее, ибо никто другой не умел так, как Горинг, покорять собутыльников своим зубоскальством. Оба имели безграничное и ненасытное честолюбие; оба удовлетворяли свои амбиции, вмняя в ничто любые законы справедливости и добродетели; однако Уилмот еще мог почувствовать угрызения совести перед лицом религии и не стал бы добиваться своих целей гнусными и порочными деяниями. Горинг же отмахнулся бы от подобных угрызений с веселым легкомыслием

и ради удовлетворения самой мелкой страсти или пустой склонности, не колеблясь, нарушил бы свой долг и совершил бы любой вероломный поступок. В сущности, ему недоставало лишь надлежащего усердия (ибо он обладал остроумием, мужеством, умом и не сдерживаемым страхом перед Богом и людьми честолюбием), чтобы своей беспримерной, поистине выдающейся порочностью превзойти любого, кто жил в одно время с ним, да и в прошлые века. Из всех его блестящих достоинств подобного рода следует выделить лицемерие: он владел этим искусством с таким совершенством, что люди обыкновенно не чувствовали ни стыда, ни досады, если ему удавалось обмануть их всего лишь дважды.

Двор пребывал в настроении ничуть не лучшем, чем армия. Не получившие повышения злились на тех, кому удалось возвыситься, полагая себя более достойными соответствующих почестей. Те, кому завидовали, не находили удовольствия или удовлетворения в том, что вызывало к ним зависть у других, ведь они оставались бедными и нуждающимися, а титулы, коих добились они усердным искательством, заставляли их переживать свои стесненные обстоятельства еще острее. А потому король, жалуя милости придворным, сам не чувствовал никакой радости, ведь от него с прежней настойчивостью домогались такого же рода почестей другие особы, которые, как он знал наперед, окажутся в конечном счете так же недовольны, как и прочие, а попытка угодить одному человеку приводила в раздражение целую сотню людей. Так, возведя в звание пэра и сделав бароном Колпеппера (чьи способности и в самом деле заслуживали подобной награды, хотя, чересчур настойчиво ее добиваясь, он вел себя не слишком благоразумно), король вызвал глубокое недовольство армии и двора (военные и придворные не любили Колпеппера, ибо ум его не был украшен образованием настолько, чтобы окружающие с большей благосклонностью относились к его природным дарованиям) и побудил многих других назойливо домогаться подобных же почестей.

Между тем перемирие в Ирландии — план, принятый после тщательного обдумывания и осуществлявшийся с большой осмотрительностью — обернулся к невыгоде Его Величества. Заклячая его, надеялись добиться в конце концов прочного мира и использовать соединенные силы одного королевства для подавления мятежа в другом. Однако теперь, когда присланные оттуда подкрепления были уничтожены, король обнаружил, что заключить мир он не сможет, зато его правительство в Ирландии, лишившись многих опытных солдат и офицеров, оказалось

в худшем, чем прежде, положении. По заключении перемирия Его Величество посетили сразу три депутации из Ирландии.

Комиссары конфедерации римских католиков просили короля отменить все законы против католической религии, назначить лорд-лейтенантом католика и предоставить католикам равные с протестантами права на занятие любых должностей.

Уполномоченные от ирландских властей (среди них были члены тайного совета), заверив короля в своем стремлении к миру, предложили, ради обеспечения безопасности королевства, разоружить всех католиков, исключить из амнистии и наказать по всей строгости закона тех из них, кто совершил самые страшные зверства в начале мятежа, ввести в действие все законы против католиков, особенно против иезуитов, священников и монахов, и, наконец, обязать католиков полностью возместить причиненный войной ущерб.

Комиссары от протестантов, присланные ирландским Парламентом, просили отменить перемирие, вести войну со всей решительностью и ни на каких условиях не заключать мира.

Король спросил ирландцев, неужели они думают, что он был бы в состоянии — если бы совесть позволила ему это сделать — удовлетворить их требования? И не пришлось бы ему в таком случае приобретать Ирландию ценой потери Англии и Шотландии? Более рассудительные из ирландских комиссаров признали, что при нынешнем положении своих дел Его Величество не способен пойти им навстречу, и выразили надежду, что их Генеральная ассамблея учтет это и откажется от некоторых требований, но сделать это сейчас они не уполномочены.

Затем король поинтересовался у комиссаров, присланных лорд-лейтенантом маркизом Ормондом, чья армия, по их мнению, сильнее теперь — армия мятежников или армия короля? Когда же комиссары признали, что мятежники гораздо сильнее и захватили уже три четверти королевства, он спросил, полагают ли они возможным, чтобы при подобном положении вещей мятежники согласились на столь невыгодные для них условия (предложенные комиссарами) и отдали себя в полную власть тех, кого они уже привели в ярость прежними своими действиями? А если даже представить, продолжал король, что мятежники захотели бы продать все, что имеют, дабы возместить причиненный войной ущерб, то неужели они смогли бы это сделать? Комиссары согласились, что это невозможно, и изъявили готовность смягчить данное требование, но по-прежнему настаивали, что единственной гарантией безопасности протестантов в этом королевстве является полное разоружение

ирландцев, ибо только так этот коварный и не заслуживающий ни малейшего доверия народ можно лишить возможности причинять вред другим.

Затем король призвал к себе комиссаров ирландского Парламента, выступавших от имени протестантов, и спросил их, готовы ли они продолжать войну и есть ли у них надежда на победу? Те честно ответили, что при нынешних обстоятельствах они не могут продолжать войну из-за огромного превосходства ирландцев в силах, но если король пришлет им солдат, деньги, оружие и амуницию, то они, с Божьей помощью, быстро одолеют ирландцев. Тогда король спросил, неужели они всерьез полагают, будто он в состоянии отправить им необходимые подкрепления теперь, когда ему самому отчаянно не хватает солдат, денег и оружия здесь, в Англии? В ответ комиссары выразили надежду, что король сможет им помочь после того, как заключит мир с английским Парламентом.

В конце концов Его Величество отпустил все три депутации, так и не сумев убедить их отказаться даже от самых неразумных требований. Прощаясь с ирландцами, король с сожалением заметил, что они упускают возможность сделать его своим должником и добиться того, чтобы впоследствии он почувствовал себя обязанным удовлетворить их в некоторых пунктах; и что они еще расскаются, но слишком поздно, в нынешнем своем бессмысленном упрямстве — когда окажутся под пятой другой силы, которая уничтожит их как нацию. Итак, все они покинули Оксфорд, а Его Величество, несмотря на всю свою решимость не делать ни малейших уступок, способных причинить вред делу протестантской религии в Ирландии, обнаружил, что в Англии его всего яростнее осуждают именно за перемирие — столь сильной была нелепая убежденность большинства англичан в благоволении Его Величества к ирландцам.

Нынешние затруднения и мысли о возможном исходе летней кампании подтолкнули короля к мысли, никогда прежде не приходившей ему в голову. Трое младших детей Его Величества, отнятые Палатами у их воспитательницы, были отданы на попечение человеку, которому король не мог доверять уже по той причине, что ему доверял Парламент. С королем находились принц Уэльский и герцог Йорк, и Его Величество, прежде полный решимости никогда не расставаться с принцем, воспитывая его по собственному плану и разумению, заговорил теперь о том, что принца уже пора вводить в курс государственных дел и приучать к самостоятельной жизни вдали от отца. Это было возможно лишь в западных графствах, но и там положение ухудшилось: Таунтон находился в руках Парламента, в помощь его жителям, до крайности враждебным королю, Уоллер уже послал несколько эскадронов и теперь готовился выступить на запад со всей своей армией.

Чтобы предотвратить эту угрозу, Горинг был отправлен с войсками в Солсбери, откуда ему было бы нетрудно остановить Уоллера, после чего располагавшиеся в Сомерсетшире части королевской армии могли бы быстро овладеть Таунтоном. Рассчитывая на такое развитие событий, Его Величество укрепился в своем замысле отправить принца на Запад и назначил Его Высочеству советников, чьими суждениями он должен был руководиться в своих действиях (герцога Ричмонда, графа Саутгемптона, лорда Кейпла, лорда Гоптона и канцлера Казначейства); вдобавок король решил, что самым западным местопребыванием принца должен быть Бристоль — чтобы никому не пришло в голову, будто принца хотят отправить к матери во Францию, чего многие тогда опасались, хотя и без всяких оснований. >

181. Когда король находился в столь печальном положении, большим утешением для него было знать, что дела Парламента пребывают в еще большем расстройстве. Причиной любого недовольства при дворе и в армии были крайняя нужда и стесненные обстоятельства Его Величества, и даже весьма умеренной суммы оказалось бы достаточно, чтобы положить конец всем раздорам. Но все богатства королевства — ведь Палаты стали теперь едва ли не полными его хозяевами — были бессильны помешать таким же и еще большим раздорам и несогласиям проникнуть во все отрасли парламентского управления, ибо в их советах и армиях господствовала личная вражда, а Палата пэров оказывалась по существу лишенной всякой власти и авторитета каждый раз, когда ее члены не вполне соглашались с требованиями общин.

Крайняя партия, обманом вовлекшая прочих в войну, а впоследствии препятствовавшая любым попыткам примирения, обнаружила теперь, что ею выполнена та часть работы, с которой позволяли справиться прежние ее орудия, и что для довершения дела следует употребить иных деятелей. Партия эта уже давно была недовольна графом Эссексом, как, впрочем, и он ею, ведь каждая из сторон стремилась скорее одолеть другую, а не взять верх над королем. Приверженцы этой партии не слишком огорчились позорному поражению Эссекса в Корнуолле и были бы только рады, если бы он сам погиб, а его армия была полностью уничтожена, а не просто распалась, ведь большинство солдат и офицеров Эссекса им отнюдь не сочувствовали, а потому эта партия решила более им не доверять и не принимать на службу. Но еще сильнее тревожило партию то, что ее обожаемый граф Манчестер, на которого она полагалась как на верного друга, рассчитывая с его помощью незаметно лишить

Эссекса всякого влияния в армии, вдруг оказался столь же непригодным для достижения ее целей орудием, как и сам Эссекс. Между Манчестером и Кромвелем вспыхнула непримиримая вражда, вынудившая ее открыто прибегнуть к особым мерам еще до того, как для них созрели условия.

Кромвель обвинил Манчестера в том, что он из трусости изменил Парламенту, когда король в последний раз явился к Ньюбери за своей артиллерией, ибо граф мог бы легко разгромить всю его армию, если бы только разрешил своим войскам вступить с нею в бой. Кромвель утверждал, что он сам явился тогда к Манчестеру, показал, как это можно сделать, и попросил дозволения атаковать со своей кавалерийской бригадой арьергард отходящей королевской армии; причем граф с остальными войсками мог бы в это время просто наблюдать за событиями и действовать так, как сочтет нужным — однако Манчестер, невзирая на его, Кромвеля, и прочих офицеров настойчивые просьбы, заупрямился и категорически им отказал, сославшись при этом на одно-единственное соображение, а именно: если они вступят сейчас в бой и разобьют королевскую армию, то король наберет себе новую армию и продолжит войну — но если его, Манчестера, армия окажется разгромленной прежде, чем армия Эссекса будет пополнена, то их дело потерпит крах, а сами они, все до единого, превратятся в мятежников и изменников, которым по закону полагается смертная казнь и лишение прав.

Сказанное графом о том, чему они должны подвергнуться в соответствии с законом, Палаты восприняли чрезвычайно болезненно, ведь Манчестер, как можно было заключить, признал таким образом незаконность их действий — и это после стольких торжественных деклараций Парламента, твердившего, что закон находится на его стороне и что именно король, взявшись за оружие, поступил вопреки закону. Граф объяснил, что, произнося эти слова, он имел в виду, что в случае поражения их армии с ними поступят как с изменниками; произнес же он их в тот момент, когда отклонил предложение генерал-лейтенанта, грозившее поставить армию в положение более опасное, чем он, граф, находил допустимым в тогдашних условиях, посреди зимы. После чего Манчестер, со своей стороны, обвинил Кромвеля, рассказав, что однажды тот весьма откровенно обсуждал с ним положение дел в королевстве и предложил некую меру. «Парламент никогда этого одобрит», — ответил граф, на что Кромвель мгновенно отозвался следующими словами: «Милорд, если вы будете крепко стоять за честных людей,

то окажетесь во главе армии, которая сама будет предписывать законы королю и Парламенту». Слова эти, продолжил граф, произвели на него сильнейшее впечатление, ибо он знал генерал-лейтенанта как человека, преследующего далеко идущие цели, а потому он, Манчестер, с тем большим усердием стремился сохранить в целостности армию — которую, впрочем, он считает безусловно преданной Парламенту.

Слова эти глубоко встревожили тех, кто, зная неистовый нрав Кромвеля и слушая бешеные речи, коими встречал он обыкновенно всякое упоминание о мире, всегда относились к нему с отвращением. Эти люди предложили тщательно расследовать дело и вынести по нему особое решение. Но другая сторона всячески этому препятствовала, предпочитая скорее лишиться своих преимуществ в борьбе с Манчестером, чем допустить подобное расследование, ибо в таком случае непременно вышли бы наружу вещи, говорить о которых прямо она еще не была готова. Тем не менее взаимная вражда обострилась, и обе стороны открыто выступили друг против друга, что усилило раздоры, расколов как Сити, так и Парламент; новые мнения возникли в религии, что привело к новым политическим разделением; в речах стали употребляться новые термины и производиться неслыханные прежде дистинкции; тогда же впервые прозвучало словечко «фанатики» — людям же здравомыслящим подобного рода смуты и несогласия внушали горячее стремление к миру, хотя никто из них не представлял себе, как можно было бы завести о нем разговор в Парламенте.

Недовольство и подозрения владели также шотландскими комиссарами — в такой же мере, как и любой английской партией. Ведь после битвы под Йорком они обнаружили, что с ними и с их армией стали считаться меньше, а условия договора с Шотландией англичане уже не выполняют с прежней точностью. Они уже давно питали недоверие к Кромвелю, сэру Генри Вену и всей их партии, а теперь видели, как она день ото дня возрастает в числе и получает все больше влияния в Парламенте, в Общинном совете и в Сити. О священном для шотландцев Ковенанте англичане начали говорить с меньшим уважением и благоговением, а индипенденты, включавшие множество религиозных сект, выступали против него публично. К названной партии, вождями коей были Кромвель и Вен, принадлежали многие духовные лица, в том числе самые популярные проповедники и весьма авторитетные члены Собрании богословов. В общем, шотландские комиссары ясно понимали, что

хотя по пути уничтожения англиканской церкви они продвинулись так далеко, как только сами могли желать, им, однако, не удастся установить здесь пресвитерианский церковный строй — а не достигнув этой цели, они полностью потеряют уважение у себя на родине и влияние в Англии. Кроме того, они догадывались, что названная партия вознамерилась, в случае своей победы, совершенно изменить форму не только церковного, но и гражданского правления, превратив Англию из монархии в республику, что противоречило целям и замыслам шотландской нации ничуть не меньше, чем восстановление епископальной системы. А потому, не видя иного способа предотвратить неизбежные при подобном развитии событий бедствия и беспорядки, кроме заключения мира, и искренне желая теперь положить конец войне, шотландцы вошли в сношения с самыми пылкими сторонниками мира в Англии, но каким образом можно было бы устроить мирные переговоры, ни те, ни другие пока себе не представляли.

Палата пэров, исключая трех или четырех членов, хотела переговоров с королем, но была бессильна добиться соответствующего решения. В Палате общин не было недостатка в людях, которые обрадовались бы мирным переговорам, но не смели их предложить. Те же, кто в глубине души ненавидели самую мысль о переговорах и твердо решили всеми возможными средствами им воспрепятствовать, сумели, однако, внушить многим другим коммонерам, что сами они охотно приняли бы предложение о переговорах, если бы его сделал король, но если первым о них попросит Парламент, но это станет для нации великим позором и обернется пагубными последствиями. А потому казалось очевидным, что если бы кто-либо из действительных сторонников мира предложил начать переговоры, но подобная идея была бы отвергнута — отвергнута из соображений чести, даже многими из тех, кто в сердце своем страстно желал мира.

Тогда сторонники мира решили испытать старое средство. Они обратились к своим давним друзьям в Сити, так часто оказывавшим им важные услуги, и уговорили некоторых из них составить петицию, дабы с ее помощью побудить Парламент направить королю предложение о мирных переговорах. Но как только об этом замысле стало известно, враждебная партия велела своим приверженцам подготовить петицию противоположного содержания, составители коей выражали свое категорическое несогласие с первой петицией — не потому, что они будто бы не желают мира так же сильно,

как их ближние, но лишь по той причине, что они не могут взять на себя смелость указывать что-либо на сей счет Парламенту, так как твердо знают, что Парламент в своей мудрости сам сумеет определить наилучший путь к миру и изыскать подходящие и необходимые средства для его достижения, каковой мудрости они всецело и предоставляют решение этого вопроса. Эту петицию магистраты, мэр и олдермены встретили гораздо благосклоннее: сэр Генри Вен не пожалел усилий и трудов, чтобы ввести в городское управление людей, разделявших его принципы и склонности, ибо понимал, что его партия всегда будет иметь нужду в подобных особах — хотя бы для того, чтобы поддерживать в Палатах выгодные ей настроения.

В конце концов, сторонники заключения мира на разумных условиях, убедившись, что путь к нему чрезвычайно труден и что сами они не сумеют заставить Палаты обратиться с соответствующими предложениями к королю, пришли к выводу, что почин в этом деле может исходить только от Его Величества, для чего им и их друзьям в Оксфорде следует общими усилиями убедить короля в необходимости направить Парламенту послание и предложить начать переговоры в любом месте, которое назначат Палаты.

Впрочем, партии индипендентов (ибо под этим именем она теперь действовала и именно так сама себя называла), которой любые предложения о мире внушали отвращение и страх, было ничуть не легче, чем ее противникам найти средства для осуществления собственных замыслов. Она решила более не прибегать к услугам прежних своих генералов, однако избавиться от них было чрезвычайно трудно — особенно от Эссекса, который по сути и заложил основание могущества Парламента, ведь нынешним своим положением последний был больше обязан отнюдь не собственной власти и репутации, но его, графа, славе и авторитету: набрать армию и повести ее в бой против короля Палатам удалось только благодаря Эссексу и его личному влиянию. Назначить же теперь нового главнокомандующего означало бы нанести жестокое оскорбление графу и выказать черную неблагодарность, что к тому же могло бы возбудить крайнее недовольство в самой армии, где его по-прежнему любили. С другой стороны, оставить его в прежней должности значило бы для индипендентов изменить самим себе и сделать собственные замыслы неосуществимыми. А потому, в ожидании момента, когда им удастся найти выход из подобного лабиринта и каким-то образом из него выбраться, они решили не принимать более мер к пополнению и снабжению своих армий

и приостановить подготовку к зимней кампании — и лишь отправили на запад Уоллера с теми войсками, которыми вовсе не дорожили, так как уже приняли решение не оставлять их у себя на службе.

191. Индепенденты не знали, как предложить Парламенту задуманные ими большие перемены; менее же всего они могли довериться шотландским комиссарам. В конце концов, они решили держаться того образа действий, который до сих пор приносил им огромный успех: вначале подготовить умы с помощью церкви, чтобы затем, когда они созреют вполне, привести в надлежащее расположение духа и сам Парламент. А потому Палаты (в подобных вещах всегда выказывавшие единодушие) назначили по их внушению день торжественного поста, дабы *искать Бога* (сие новомодное выражение они позаимствовали у шотландцев вместе с Ковенантом) и молить Его о том, чтобы Он даровал им помощь и вывел из тяжких затруднений, в которых они ныне обретаются. Столь же охотно Палаты назначили проповедников, коим предстояло совершить сей обряд и которые знали об истинных замыслах индепендентов гораздо лучше, чем многие из тех, кто их назначал, ведь схизма проникла теперь не только в ряды мирян, но и в среду духовенства; индепенденты же своей дерзостью и хитростью превосходили все прочие секты.

Когда наступил день торжественного поста (а церковная служба в подобные дни продолжалась по восемь-десять часов кряду), проповедники начали молиться о том, чтобы Парламент исполнился таких мыслей, которые послужили бы к его чести и славе, сделался чужд своекорыстия и не искал для себя выгод и преимуществ, а народ сохранил доброе мнение о его честности и неподкупности. После сего молитвенного приуготовления священники, позабыв о библейских текстах, долженствовавших служить темой их проповедей, прямо и без обиняков объявили своим слушателям, что не следует дивиться несогласию в их советах, коль скоро не существует единения в их сердцах; что множеством жестоких упреков Парламент осыпают не только враги, но и лучшие его друзья, которые тем сильнее негодуют, что укоры и обвинения, исходящие от врагов, оказываются столь обоснованными, что Парламент не способен их опровергнуть; что гордыни, властолюбия и эгоизма Палаты выказывают не меньше, а о благе народном ревнуют и пекутся не больше, чем двор, коему они сами всегда ставили в вину подобное; что, утверждая, будто ими предпринято всеобщее преобразование (за счет народа и кошельков бедных людей), они заботятся прежде

всего о собственном обогащении; что Сити и королевство с великой тревогой наблюдают, как все командные посты в армии и прибыльные должности в государстве переходят в руки членов обеих Палат Парламента, которые в то самое время, когда народ беднеет (что неизбежно при столь невыносимых налогах), становятся все богаче и вскорости заберут себе все деньги королевства; и что нет разумных причин ожидать, что подобные люди, благодаря продолжению войны добившиеся для себя столь многого и до такой степени обогатившиеся, примут меры к тому, чтобы положить ей конец, который по необходимости означал бы конец их собственных безмерных доходов. После столь пространных и чрезвычайно патетических обличений и рассказа о том, как страдает из-за последствий этой нравственной порчи народ, почти отчаявшийся когда-либо узреть предел своим бедствиям и утративший всякую надежду на преобразование церкви и государства, осуществить которое так часто и торжественно обещал ему Парламент, проповедники вновь обратились к молитвам. Пусть Господь, просили они, возьмет свое дело в собственные руки, и если орудия, доселе им употребляемые, не заслужили чести привести в исполнение столь величественный замысел, то да вдохновит Он других, более достойных людей, которые смогли бы довершить начатое и угодным Богу образом положить конец смуте в нашем государстве.

193. Когда же на следующий день после этих благочестивых внушений и увещаний обе Палаты собрались вновь, на лицах многих их членов выражался совершенно иной дух. Сэр Генри Вен сказал коммонерам, что если когда-либо им являлся Бог, то было это на вчерашней церемонии; что все происходившее было от Бога, ибо (как ему достоверно известно от людей, слушавших проповеди в других собраниях) во всех церквях проповедники изливали одни и те же пени и говорили одни и те же речи, что невозможно объяснить ничем другим, кроме непосредственного внушения Духа Божия. Вен повторил кое-что из сказанного проповедниками, остановившись на предметах, о которых он более всего любил и умел распространяться, а затем призвал коммонеров вспомнить о своих обязанностях перед Богом и страной и очистить себя от этих справедливых обвинений, добиться чего они могут одним-единственным способом — добровольно отказавшись от всех должностей и постов, способных приносить им какую-либо выгоду и пользу, ибо только так смогут они доказать, что являются людьми, радеющими об общем благе и готовыми — подобно тому, как они уже платят все

налоги и подати вместе с остальной нацией — посвятить все свое время служению стране, не притязая на какое-либо вознаграждение или воздаяние.

Вчерашние размышления, продолжал Вен, никогда прежде не посещавшие его дух, привели его к еще одной мысли, о которой он пока не говорил, а именно: люди часто с неодобрением отмечают (и подобное возражение выдвигал сам король), что число членов Парламента, действительно заседающих в Палате общин, слишком незначительно, чтобы сообщить надлежащий вес и авторитет чрезвычайно важным актам, принимаемым их собранием; и хотя повинны в этом не те, кто по-прежнему участвует в заседаниях, но другие особы, которые, отсутствуя в Парламенте, не выполняют возложенных на них обязанностей, следует признать, что отсутствующих и в самом деле слишком много, пусть даже некоторые из них несут службу на иных постах по прямому назначению Палаты. И если бы все члены были обязаны посещать Парламент и непосредственно участвовать в его заседаниях, то их общее количество стало бы весьма внушительным, а народ относился бы к коммонерам с большим уважением и охотнее повиновался бы их приказам. В заключение Вен объявил, что готов признать собственную вину, ибо является одним из тех, кто извлек известную выгоду из своей должности, и хотя получил он ее до начала смуты и отнюдь не по милости Парламента (Вен, а с ним и сэр Уильям Расселл, стали казначеями флота по воле короля), однако теперь он готов добровольно от нее отказаться и хочет, чтобы сопряженные с нею доходы были отныне употребляемы на военные нужды.

Когда лед был таким образом сломан, Оливер Кромвель, еще не научившийся выражаться сдержанно и благопристойно, похвалил проповедников за то, что они откровенно и нелицеприятно указали членам Парламента на их прегрешения, о которых им так не хотелось слушать. Многое из сказанного проповедниками, продолжал Кромвель, никогда прежде не приходило ему в голову, но теперь, обдумав их речи, он не может не признать совершенную их правдивость. И пока в тех вещах, о которых говорили эти люди, не осуществится, по их совету, полное преобразование, Палатам не видать успеха ни в одном из своих начинаний. Далее Кромвель сказал, что Парламент поступил весьма мудро, когда при открытии военных действий назначил многих своих членов на посты, сопряженные с величайшим риском, ибо народ смог таким образом убедиться, что члены Парламента, выводя его на опасную стезю войны,

сами не намерены отсиживаться дома, в безопасности и вдали от выстрелов, но готовы идти вместе с ним туда, где опасность всего страшнее; что благородные особы, рисковавшие подобным образом собственной жизнью, имеют теперь великие заслуги перед страной; что народ навеки сохранит благоговейную память об этих людях, а любые славные дела, совершенные после них, станут возводить к их деяниям как к первоисточнику и образцу — и, однако, Бог благословил их армию успехом в такой мере, что в ее рядах уже появилось немало отличных офицеров, достойных гораздо более важных постов, нежели те, которые они сейчас занимают; Парламенту же, утверждал Кромвель, не следует страшиться мысли, будто на высшие должности, если они окажутся вакантными, он не сможет назначить столь же пригодных для их исполнения офицеров, ибо — не говоря уже о том, что не подобает возлагать чрезмерные упования на руку из плоти и воображать, будто судьба дела, подобного тому, которое они защищают, способна зависеть от какого-то одного человека — он берет на себя смелость заверить членов Парламента, что в их армии имеются офицеры, достойные встать во главе любого военного предприятия в христианском мире.

После чего Кромвель объявил, что, по его убеждению, нет сейчас задачи важнее, чем очистить и освободить Парламент от любых обвинений в пристрастии к собственным членам, и, выразив готовность отказаться от своей командной должности в армии, предложил подготовить ордонанс, который бы признал незаконным для любого члена обеих Палат занятие какой-либо должности в армии, а также любого места или поста на государственной службе. Речь свою он закончил пространством обличением проникших в ряды армии грехов и пороков — богохульства, нечестия, безверия, пьянства, азартных игр, всякого рода распущенности и лени, прямо заявив, что пока вся армия не будет устроена на новых началах и подчинена более строгой дисциплине, Парламенту не стоит ожидать крупных успехов в своих предприятиях.

Прения эти завершились назначением комитета, коему поручено было составить ордонанс об отстранении всех членов Парламента от вышеуказанных должностей. Он вызвал бурные споры и очень долго обсуждался в Палатах, но в конце концов был принят, получив название «Ордонанса о самоотречении»; истинный же его смысл чрезвычайно усилил стремление противной партии к миру, который только и мог, как ясно теперь понимали ее сторонники, спасти от гибели их самих и все королевство.

← Между тем в Оксфорде многие советовали королю направить Палатам послание с мирными предложениями, уверяя Его Величество, что оно не будет отвергнуто Парламентом, и король (который не только ясно видел религиозные раздоры и борьбу за власть в лагере врагов, но и опасался разногласий среди своих друзей в вопросе об условиях мира) задумался о средствах к осуществлению этого плана. В Оксфорде все еще заседали члены Парламента, самые же горячие сторонники мира в Лондоне предупреждали, что данное обстоятельство может стать камнем преткновения, и настойчиво просили не упоминать об оксфордском Парламенте в послании, чтобы не раздражать заседающих в Вестминстере. С другой стороны, послание, отправленное с одним лишь трубачом, не имело бы, вероятно, иных последствий, кроме очередного дерзкого ответа из Вестминстера.

В конце концов, король пришел к выводу, что следует составить краткое послание, а в нем описать бедствия страны, вызванные войной, заявить о его желании рассмотреть разумные условия мира и заверить Парламент, что он, король, готов принять все предложения, согласные с его честью и совестью. Отправиться же с этим посланием в Лондон должны были знатные особы безупречной репутации — герцог Ричмонд и граф Саутгемптон. За пропуском для них послали трубача к графу Эссексу, но тот ответил, что доведет эту просьбу до сведения Палат и сообщит их ответ.

Король таким образом выполнил свою часть дела и теперь ждал вестей из Лондона. А там мнения разделились. Твердые противники мира заявляли, что если бы Парламент получил самое послание, то по его содержанию он мог бы оценить вероятность успешного исхода переговоров и, соответственно, дать или не дать на них свое согласие; но отправление посланников без послания есть лишь хитрая уловка с целью добиться начала переговоров без одобрения Парламента и вдобавок заслать к ним врагов, чтобы те распространяли здесь свой яд — а следовательно, о выдаче пропуска не может быть и речи. Другая сторона столь же страстно убеждала Парламент, что отказ в предоставлении пропуска означал бы решительное неприятие мира и вызвал бы недовольство народа, который заключил бы отсюда, что война будет продолжаться вечно — а значит, пропуск следует выдать немедленно.

К этому мнению присоединились шотландские комиссары, так что противная партия после долгих споров уступила. Не желая, однако, создать у своих друзей за стенами Парламента впечатление собственной слабости, она решила отыгаться в другом и, поскольку Ордонанс о самоотречении оставил армию без главнокомандующего, предложила

назначить на эту должность сэра Томаса Ферфакса, имевшего немалые заслуги перед Палатами (ведь он нанес поражение полковнику Белласису, позволившее им укрепиться в Йоркшире, разгромил лорда Байрона, взяв в плен ирландские полки, и наконец, спас положение и обеспечил победу под Йорком). И хотя Кромвель поддержал это предложение, назвав Ферфакса достойным высшего поста в армии, оно вызвало бурные споры, ибо многие, предпочитая видеть главнокомандующим Эссекса, всячески превозносили его заслуги перед Парламентом, тогда как сторонники Ферфакса пытались их умалить.

В начале декабря герцог Ричмонд и граф Саутгемптон, получив охранную грамоту, прибыли в Лондон, где им сразу же посоветовали как можно реже появляться на людях, чтобы не подвергнуться грубостям и оскорблениям со стороны народа. Лишь немногие отваживались посещать королевских посланников и беседовать с ними иначе, как в глубокой тайне — исключая шотландских комиссаров, от английского Парламента не зависевших. Вскоре была устроена конференция лордов и общин с участием упомянутых комиссаров (превратившихся в своего рода «третью палату», на которой Ричмонд и Саутгемптон в кратких словах сообщили об искреннем стремлении короля к миру и зачитали доставленное ими послание. Пэры пообещали довести его до сведения Палат, на чем конференция и завершилась. Из последующего же общения с некоторыми лордами и коммонерами (происходившего втайне или даже через доверенных лиц) Ричмонд и Саутгемптон сделали вывод, что в вопросе о приемлемых условиях мира между парламентскими партиями существуют глубокие разногласия, однако переговоры возможны, хотя успешный их исход весьма сомнителен. Кроме того, горячие сторонники мира полагали, что уполномоченным короля и Парламента лучше будет встретиться не в Лондоне или в Оксфорде, но в каком-то другом месте.

Об этом герцог Ричмонд немедленно сообщил через своего секретаря Уэба в Оксфорд, и король, пусть и неохотно, согласился с таким предложением. Впрочем, все это были лишь слова и пожелания отдельных лиц; Ричмонду и Саутгемптону между тем дали понять, что пока они находятся в Лондоне, Палаты не станут рассматривать королевское послание, и лорды, не дожидаясь прямого приказа покинуть столицу, возвратились в Оксфорд — с некоторой надеждой на то, что переговоры все-таки состоятся, и стороны, сделав взаимные уступки, придут в конце концов к какому-то соглашению.

Весьма печальным предзнаменованием для переговоров стало то, что Парламент, едва получив послание короля, возобновил

процесс архиепископа Кентерберийского, уже четыре года томившегося в тюрьме Лода — величайшего врага папизма и верного сына англиканской церкви — обвиняли в государственной измене и, среди прочего, в коварном умысле восстановить в Англии папизм и в тайных сношениях с папой. Обвинителями выступали люди, ненавидевшие епископальную церковь и движимые личной враждой к ее примасу, а потому в обращении с ним на суде они выказывали беспредельную злобу, варварство и жестокость.

Архиепископ защищался мужественно и (если учесть его нрав) на удивление хладнокровно; неотразимыми доводами он опроверг все пункты обвинения, убедив беспристрастных людей в полной своей невиновности. Палата пэров, действовавшая в качестве верховного суда Англии, так и не сумела доказать, что он совершил какие-либо преступления, а тем более — заслуживавшие смертной казни; и тогда Парламент употребил свою законодательную власть и простым ордонансом, то есть решением присутствовавших в Палатах членов (а в Верхней палате их заседало тогда не более двенадцати) объявил его виновным в государственной измене и приговорил к смертной казни. Это был первый случай, когда обе Палаты присвоили себе подобное полномочие и приняли такого рода ордонанс, что явилось вопиющим попранием всякой законности.

Как только стало известно о чудовищном замысле Палат судить Лода, канцлер Казначейства, всегда питавший к архиепископу глубокое уважение, предложил королю подготовить указ о помиловании за Большой государственной печатью Англии и тайно переслать его Лоду. Это удалось сделать, и Лод, получивший его еще до начала процесса, был глубоко тронут милостью и заботой Его Величества. По вынесении приговора архиепископ предъявил королевскую грамоту своим судьям, но его немедленно отослали в Тауэр. Ознакомившись с самой грамотой, Палаты после недолгих прений объявили, что она не имеет силы, ибо король не вправе миловать тех, кого осудил Парламент, и тотчас распорядились привести приговор в исполнение и отсечь архиепископу голову. Лод встретил смерть с истинно христианским мужеством, чем привел в восхищение зрителей и смутил своих врагов.

Лишь управившись с этим важным делом, Палаты наконец соизволили заняться вопросом о переговорах с королем. Те, кто их желал, надеялись таким образом сорвать планы преобразования армии, подготовленные их противниками, и положить конец религиозным раздорам. Те же, кто был далек от всяких мыслей о мире и переговорах не хотел тем не менее ясно понимали, что осуществить свой замысел относительно

армии и другие планы они смогут лишь после того, как эти, столь желанные для многих, переговоры завершатся провалом.

В итоге было решено назначить шестнадцать комиссаров от английского Парламента и четырех от шотландского; местом переговоров избрали Аксбридж, а их срок ограничили двадцатью днями.

Затем Палаты отправили с трубачом свой ответ Его Величеству (в письме от парламентского главнокомандующего к королевскому), в котором сообщили, что из горячего стремления к миру они соглашались на переговоры, назначают их местом Аксбридж, а своими комиссарами — графа Нортумберленда, графа Пемброка, графа Солсбери и графа Денби от Палаты пэров, а также лорда Уайнмена, м-ра Перпойнта, м-ра Голлиса, м-ра Сент-Джона, сэра Генри Вена-младшего, м-ра Уайтлока, м-ра Крю и м-ра Придо от Палаты общин; Шотландское королевство представляли канцлер Шотландии лорд Лоуден, лорд Мейтленд (по смерти своего отца ставший графом Лодердейлом), сэр Чарльз Эрскин, некто м-р Баркли и (только по церковным делам) м-р Александр Гендерсон. Король не высказал никаких возражений против названных лиц и подписал для них охранные грамоты, со своей же стороны назначил уполномоченными герцога Ричмонда, маркиза Гертфорда, графа Саутгемптона, графа Кингстона, графа Чичестера, лорда Кейпла, лорда Сеймура, лорда Хаттона, лорда Колпеппера, сэра Эдуарда Гайда, сэра Эдуарда Николаса, сэра Ричарда Лейна, сэра Томаса Гардинера, сэра Орландо Бриджмена, м-ра Джона Ашбурнема и м-ра Джеффри Палмера.

Палаты же (которые после бегства к королю лорд-хранителя печати Литтлтона провозгласили на будущее все акты, скрепленные находившейся у короля Большой печатью, недействительными, а затем распорядились изготовить собственную печать с изображением Его Величества) поначалу не желали признавать за некоторыми комиссарами, упомянутыми в королевском послании, их новые титулы и должности, и в частности, отказывались именовать Эдуарда Гайда сэром, поскольку в рыцарское достоинство он был возведен уже после того, как покинул Парламент в Вестминстере. Однако шотландские комиссары, не отрицавшие права короля посвящать в рыцари, убедили их признать соответствующее звание канцлера Казначейства; имена же прочих лиц, вызвавших у них возражения, были включены в парламентскую охранную грамоту без титулов и должностей. По совету самих этих особ король не стал спорить с Парламентом по поводу правильного их титулования.

В конце января или в начале февраля комиссары обеих сторон собрались в Аксбридже, и хотя город этот находился на занятой

неприятелем территории, королевские комиссары не имели причин жаловаться на оказанный им прием. Тотчас же по прибытии уполномоченных Его Величества их посетили и любезно приветствовали комиссары Парламента, а час спустя первые нанесли ответный визит; обе стороны выразили при этом искреннее желание мира и надежду на успешный исход переговоров. Комиссары короля и впоследствии свободно посещали своих старых друзей и знакомых, оказавшихся ныне в парламентском лагере, однако те вели себя сдержанно и осторожно, как если бы не доверяли некоторым из своих товарищей, и всячески старались, чтобы их никогда не видели беседующими наедине с уполномоченными Его Величества. Жителям города и съехавшимся в Аксбридж многочисленным гостям казалось даже, что королевские комиссары чувствуют себя здесь как дома, а парламентские находятся на чужой земле; и действительно, в их поведении не заметно было той бодрой безмятежности духа, какая свойственна обыкновенно людям, уверенным в правоте своего дела.

Когда же комиссары впервые собрались в отведенной для переговоров комнате и заняли места за прямоугольным столом, граф Нортумберленд предложил держаться в дальнейшем порядка, установленного Парламентом: каждый из трех главных предметов — религия, милиция, Ирландия — обсуждать в течение трех дней, а затем, если стороны не придут к согласию, подвергнуть их повторному обсуждению. Оксфордские уполномоченные приняли это предложение.

Утром первого дня имел место один возмутительный эпизод. В аксбриджской церкви, в присутствии множества горожан, а также некоторых лиц из свиты комиссаров Его Величества, выступил с проповедью некто Лав, молодой человек, приехавший из Лондона с уполномоченными Парламента. Он яростно обрушился на «кавалеров», иначе говоря, на всех сторонников короля, и заявил, что от начавшихся переговоров не следует ждать ничего доброго, ибо комиссары короля пришли сюда с сердцами, жаждущими крови; что они хотят лишь одурачить народ, чтобы выиграть время и причинить ему затем какое-нибудь страшное зло. Королевские комиссары, справедливо усмотрев в этой оскорбительной проповеди подстрекательство к мятежу и насилию, потребовали законного удовлетворения от комиссаров вестминстерских. Те поначалу обещали сурово наказать смутьяна, но в конце концов, страшась чем-либо рассердить своих сторонников, ограничились удалением проповедника из Аксбриджа. (Несколько лет спустя этому самому Лаву, участвовавшему вместе с шотландцами в заговоре против армии и Парламента, отрубили голову).

Излагать все подробности этих переговоров (преданные гласности по приказу Его Величества вскоре по их завершении) мы не будем, а расскажем лишь о том, что до сих пор известно немногим, дабы читатели нашей истории ясно поняли, что аксбриджские переговоры не могли привести к миру, устраивающему обе стороны, и что вожди Парламента уже тогда замыслили чудовищные деяния, совершенные ими впоследствии.

Когда стороны приступили к обсуждению первого вопроса, парламентские комиссары выдвинули следующие условия: уничтожить систему управления церковью посредством епископов, деканов и капитулов; ввести новое церковное устройство, наиболее согласное со Словом Божиим и обычаями лучших церквей; упразднить и совершенно запретить Книгу общих молитв, дабы отныне использовать вместо нее новое Руководство по богослужению (в нем также много говорилось о новом церковном устройстве, которое Парламент намеревался установить в замену прежнего и вместо канонов, равным образом подлежащих отмене); сверх того, король должен был принять Ковенант сам и утвердить парламентский акт, обязывавший к его принятию всеми подданными Его Величества. Затем королевским комиссарам вручили для ознакомления копии Ковенанта и нового служебника, и переговоры были отложены до следующего утра. В чрезвычайно пространном тексте Руководства по богослужению комиссары обнаружили много новых терминов, не известных англиканской церкви («конгрегациональный», «классный», «провинциальный», «синодальный»), а в Ковенанте — ряд непонятных выражений, которые его составители, сами толковавшие их по-разному, намеренно оставили двусмысленными. Желая уразуметь точное их значение, королевские уполномоченные подготовили в письменном виде вопросы на сей счет, каковые предполагалось вручить комиссарам Парламента на следующем совещании.

Незадолго до начала переговоров канцлер Шотландии граф Лоуден тайно явился к герцогу Ричмонду и попросил устроить ему свидание с канцлером Казначейства. Герцог охотно оказал ему эту услугу. Во время встречи с канцлером Казначейства Лоуден сообщил, что Парламент питает к нему, канцлеру Казначейства, большое предубеждение, ибо видит в нем наиболее упорного противника мира среди всех советников короля, но теперь у канцлера Казначейства появилась отличная возможность рассеять эти подозрения и сделаться благим орудием мира, убедив Его Величество пойти навстречу просьбам и пожеланиям Парламента.

Канцлер Казначейства ответил, что король искренне хочет мира, и специально его к этому склонять нет нужды, но если ему предложат

нечто, противное его чести и совести, то ни один человек на свете не уговорит короля дать согласие; он же, канцлер Казначейства, нимало не заботясь о том, доброе или худое мнение составит о нем Парламент, делает, со своей стороны, все возможное, чтобы король такие предложения отклонил. Лоуден был, по-видимому, разочарован столь категорическим ответом, но затем с большой откровенностью заговорил о предстоящих переговорах в целом и, выразив сожаление, что Шотландия, вопреки прежним своим намерениям и обещаниям, ввязалась в борьбу между королем и английским Парламентом и зашла так далеко, прямо заявил, что если король удовлетворит шотландцев в вопросе церковного устройства, то на прочих требованиях они настаивать не будут. Предложение это, как несогласное с совестью, справедливостью и религией, встретило со стороны канцлера Казначейства решительный протест, и в ходе переговоров эти два человека вступали между собой в спор и обменивались колкими репликами гораздо чаще, чем прочие комиссары.

Когда же на следующее утро герцог Ричмонд огласил заранее подготовленные вопросы, вестминстерские комиссары, явным образом обескураженные, удалились в соседнюю комнату на совещание, которое затянулось надолго. Стороны собрались вновь лишь после обеда, и граф Нортумберленд объявил, что хотя смысл терминов, почему-то вызвавших недоумение у комиссаров Его Величества, вполне очевиден, граф Лодердейл готов их специально разъяснить. Однако граф — молодой человек, не умевший излагать свои мысли связно и невозмутимо и к тому же говоривший не совсем разборчиво — еще более запутал дело своей неудачной речью, и комиссары короля потребовали на сей счет письменного разъяснения, без которого они не смогут дать ответ на уже сделанные им предложения. Требование это, нисколько не противоречившее правилам переговоров, установленным самим же Парламентом, сильно раздосадовало шотландцев, и граф Лоуден сердито возразил, что королевские комиссары, домогаясь письменного разъяснения совершенно очевидных вещей, лишь тянут время; после чего не без раздражения попросил их удовлетвориться устным ответом, дабы стороны могли наконец продолжить обсуждение.

Комиссары короля еще раз повторили, что подготовить ответ на предложения касательно Ковенанта и служебника они смогут лишь при условии ясного понимания употребляемых в них терминов, а потому вынуждены настаивать на письменном ответе; после чего, не отказываясь от своего требования на сей счет, согласились продолжить переговоры и заслушать на следующем заседании доводы богословов обеих сторон за и против епископального устройства церкви.

Со стороны короля в обсуждении церковных вопросов участвовали помимо д-ра Стюарда (одного из комиссаров), д-р Шелдон (впоследствии архиепископ Кентерберийский), д-р Лейни и д-р Ферн (впоследствии, соответственно, епископы Илийский и Честерский), д-р Поттер (впоследствии декан Вустерский) и д-р Гаммонд; со стороны Парламента помимо м-ра Александра Гендерсона (одного из комиссаров) м-р Маршал, приходский священник в Эссексе, один из виднейших проповедников своей партии и старший армейский капеллан, м-р Вайнс, священник из Уорвикшира и ученый человек (оба они были членами Собрания богословов и людьми весьма сведущими в церковных вопросах), м-р Чейнел, член совета Мертон-колледжа в Оксфорде, и еще несколько особ.

М-р Гендерсон в своем выступлении больше полагался на риторику, чем на логику. Он заявил, что перемены в церковном строе необходимы для сохранения государства, которое пребывает ныне в страшной опасности и не может быть спасено каким-либо иным способом; что сохранить прежние формы и церкви, и государства уже невозможно (и это признали в своей мудрости Парламенты обеих наций), и следует пожертвовать чем-то одним для спасения другого; что в жертву нужно принести епископальный строй, сам по себе нецелесообразный, противный религии и к тому же упраздненный во всех реформированных церквях Европы, кроме английской; что англиканские епископы со времени Реформации благоволили к папизму и упорно держались за католические порядки и обычаи, а недавно даже ввели новшества по образцу римской церкви, возмущившие протестантов Германии, Франции, Шотландии и Голландии; что их действия явились причиной войны между Англией и Шотландией, ирландского мятежа и нынешней Гражданской войны в Англии — и потому Парламент, стремясь к единству всех протестантских церквей (ибо только оно позволит уничтожить папизм), решил заменить старое и пагубное церковное устройство новым, согласным с благочестием и истинной религией, и теперь надеется, что король поддержит его в этом праведном деле, каковое непременно послужит к славе Его Величества. Далее Гендерсон сказал, что текст ответа, данного в старину одним английским королем на предложение изменить законы — *"Nolumus leges Angliae mutare"** — включает в себе неточность,

* *Nolumus leges Angliae mutare* (лат.) — эта фраза (Мы не желаем изменять законы Англии) полностью соответствует словам Карла I Стюарта, отказавшегося принять знаменитые «19-ти предложений» (1642), что, по мнению большинства современных специалистов, спровоцировало начало Гражданской войны. (Примеч. ред.)

ибо ни один король не мог поставить себе за правило запрет на любые изменения в законах; напротив, большинство королей изменяли законы ради блага подданных, а значит, вместо "mutare"* здесь должно стоять "mutari"; смысл же всего этого высказывания таков: «Мы будем изменять законы всякий раз, когда это необходимо, но не позволим, чтобы их в дерзкой своей самонадеянности изменяли другие лица без нашего согласия». Впрочем, заверил Гендерсон, они его единомышленники не собираются дерзко принуждать короля к преобразованию церковного строя, но лишь надеются, что он сделает это добровольно, во благо обоих своих королевств. В заключение Гендерсон выразил желание узнать, почему Его Величество не хочет поступить по совету своего Парламента и упразднить епископальную систему в Англии — ведь, дав согласие на ее отмену в Шотландии, он тем самым показал, что не считает эту форму управления церковью абсолютно необходимой для существования христианской религии.

Отвечая Гендерсону, д-р Стюард сказал, что хотя, по его убеждению, доказать незаконный и антихристианский характер церковного строя, установленного в Англии в момент принятия христианства, непрерывно с тех пор существовавшего и весьма способствовавшего расцвету христианской веры, совершенно невозможно, однако он ожидал, что люди, вознамерившиеся этот строй уничтожить и желающие склонить к этому шагу короля, попытаются доказать, что епископальная система незаконна и порочна по самой своей сути. Между тем м-р Гендерсон, продолжал Стюард, благоразумно воздержался от такого рода доводов (хотя в своих публичных проповедях и печатных трудах сторонники Парламента без всякого стеснения именуют епископат «антихристианским»), а говорил лишь о дурных следствиях его существования и о великом благе, имеющем воспоследовать по его упразднении (о каком благе мы бессильны судить хотя бы потому, что нам пока не известно, чем именно Парламент хочет заменить прежний церковный строй); а поскольку важнейшим аргументом в пользу предлагаемого ныне грандиозного преобразования служит достижение единства с иноземными протестантскими церквями, то он, Стюард, желал бы узнать, порядком какой именно церкви Парламент намерен подражать, ибо он ясно видит, что изложенное в новом Руководстве по богослужению совершенно не похоже на то, что мы находим в существующих ныне реформированных церквях. Он не возьмет на себя смелость о них судить, однако

* Здесь имеются в виду различные формы латинского глагола *mutō* — изменять и изменяться соответственно. (Примеч. ред.)

ему достоверно известно, что ученые их представители сетуют на несовершенство проведенной в их странах Реформации — и как раз по причине упразднения епископата — зато к англиканской церкви, его сохранившей, они относятся с неизменным уважением. Затем Стюард остановился на происхождении института епископата и привел аргументы, обыкновенно используемые учеными людьми в доказательство того, что без епископов невозможно ни посвящение в сан, ни, следовательно, совершение таинств и отправление культа. О санкции короля на отмену епископальной системы в Шотландии, заключил свою речь Стюард, он здесь рассуждать не намерен; что же до Англии, то коронационная присяга, прямо обязывающая короля защищать права церкви, сама по себе сделала бы его согласие с предложениями Парламента незаконными и противными совести.

На обсуждение подобных предметов богословы употребили весь этот день и большую часть следующего, однако уполномоченные короля так и не смогли получить от парламентских комиссаров письменного ответа на вопрос, действительно ли они считают незаконной систему управления церковью посредством епископов.

Когда первые три дня были близки к завершению, и шотландские комиссары недовольно заметили, что стороны так и не достигли согласия, канцлер Шотландии разразился долгой и гневной речью. Он назвал епископов единственными виновниками смуты в Шотландии и Англии, вспомнил попытку архиепископа Кентерберийского ввести в Шотландии англиканскую литургию и каноны и посетовал на то, что аргументы богословов, неопровержимо доказывающие, что институт епископата отнюдь не восходит к Писанию, а следовательно, может быть законным образом упразднен Парламентом, не действуют на комиссаров короля, из чего он вынужден сделать вывод, что они вовсе не желают мира. Закончил свое выступление Лоуден еще более грубыми и дерзкими словами.

Канцлер Казначейства не без некоторого раздражения ответил, что он не удивляется тому, что их светлости, успевшие за несколько лет привыкнуть к подобным речам и готовые считать разумными доказательствами любые самоуверенные утверждения, одобряют предложенные Парламентом изменения, однако ему кажется чрезвычайно странным, что они могли вообразить, будто другие люди, никогда прежде о таких новшествах не слыхавшие и за столь малое время не уразумевшие, что же на самом деле имеет в виду противоположная сторона, согласятся отречься от веры и культа, в которых воспитывались они с самой колыбели, и к которым опыт и размышление научили их относиться с глубоким уважением — отречься только потому, что эту веру и этот культ

кто-то яростно поносит три дня подряд. Бедствия же, о которых говорил Лоуден, истекают из неистового желания уничтожить епископальную систему, а не из чрезмерного рвения в ее защите, и если архиепископ Кентерберийский слишком рьяно добивался осуществления того, что считал истинной Реформацией, то он уже дорого за это заплатил. Канцлер Казначейства заверил их светлости, что комиссары короля полны искреннего стремления к миру и надеются на успех переговоров, но даже если исход дела окажется иным, они по-прежнему будут думать, что парламентские уполномоченные явились в Аксбридж с намерениями столь же благими, и лишь прямые инструкции тех, кто их сюда послал, не позволили им согласиться с условиями, которые в глубине души они считают разумными.

В эти дни произошел один забавный случай. Перед началом или по завершении совещаний участники переговоров часто собирались у камина (стояли страшные холода) и беседовали на разные темы. Как-то раз кто-то из уполномоченных короля тихо спросил у одного из своих добрых приятелей из числа парламентских комиссаров, почему в их Руководстве по богослужению ничего не говорится о Символе веры и о Десяти заповедях, а Господня молитва упоминается лишь однажды. Граф же Пемброк, нечаянно услышавший их разговор, с обыкновенной своей горячностью громко выпалил, что это и в самом деле досадно, что вопрос о символе и заповедях обсуждался в Палате общин много часов подряд, и что решение не включать их в новый служебник было принято большинством в восемь или девять голосов. Узнав, что английский Парламент способен поставить на голосование и отклонить Десять заповедей, многие улыбнулись.

Затем настал черед вопроса о милиции, командование коей вестминстерские комиссары категорически потребовали передать Парламенту. Когда же уполномоченные короля (а с ними находились выдающиеся юристы Лейн, Гардинер, Бриджмен и Палмер) ясно показали, что по закону власть над милицией принадлежит Его Величеству, другая сторона не придумала ничего лучше, как сослаться на соответствующее решение Парламента и заявить, что начальство над милицией, а также над всеми крепостями и кораблями есть единственная гарантия безопасности Палат — словно не понимая, что точно такой же довод мог бы привести и король.

После чего стороны перешли к ирландским делам, и парламентские комиссары, убежденные, что в этом вопросе уполномоченным короля нечего будет ответить на их обвинения, нарисовали следующую картину событий. Король, заявили они, добровольно поручил ведение

войны в Ирландии Палатам, дабы те собрали необходимые для нее средства, но обнаружив, что подобное налоговое бремя окажется для Англии невыносимым, утвердил парламентский акт, который, в видах поощрения частных лиц к участию в ирландском займе и для обеспечения в будущем их интересов, предусматривал конфискацию земель бунтовщиков после подавления восстания. Это позволило получить значительные суммы для ведения войны; Господь же благословил протестантские войска успехом, и к настоящему времени они бы, вероятно, уже добились полной победы — если бы король, нарушив свое обещание и утвержденный им парламентский акт, не заключил с гнусными мятежниками перемирия, когда они уже не могли продолжать войну, и не отозвал полки из Ирландии, чтобы использовать их в борьбе против Парламента в Англии, чем поставил ирландских протестантов перед угрозой совершенного истребления. Парламентские уполномоченные не преминули повторить клеветнические измышления, посредством коих Палаты уже давно пытались внушить народу, будто король благоволит к папистам и потворствует их мятежу; после чего потребовали, чтобы Его Величество немедленно объявил перемирие утратившим силу и со всей решительностью возобновил войну в Ирландии.

Королевские комиссары подготовили письменный ответ на все эти обвинения, а вручивший его канцлер Казначейства выступил с чрезвычайно убедительной речью, приведшей другую сторону в сильное замешательство. Он напомнил участникам переговоров, что часть войск, набранных властью Его Величества для подавления ирландского мятежа, по воле Парламента сражалась против короля при Эджилле; что Палаты перестали посылать в Ирландию вооружение, деньги и амуницию, но использовали их для борьбы с королем в Англии, так что Тайный совет в Дублине именно по вине Парламента оказался неспособен продолжать войну против объединенных сил мятежников; что Палаты отвергли все предложения Его Величества о мире, а 100 000 фунтов, предназначенных для войск в Ирландии, отправили шотландцам, которые готовились к вторжению в Англию; что до этого момента король строго соблюдал утвержденный им парламентский акт, но когда, после всех описанных выше событий, ему наконец стало ясно, что Палаты помышляют не о подавлении ирландского мятежа, но единственно лишь о войне с ним, он счел, что Бог и люди оправдают его, если, желая защититься от насилия Палат, он заключит перемирие в Ирландии и отзовет несколько полков в Англию — каковое перемирие и спасло от полного разгрома ирландских протестантов, помочь которым король уже не мог, а Парламент не хотел.

Непростительные действия Парламента, продолжал канцлер Казначейства, вынудили Его Величество заключить перемирие, однако на мир с ирландскими мятежниками он никогда не пойдет, доказательством чему служит то обстоятельство, что король гневно и решительно отверг их предложения, как несовместимые с безопасностью его протестантских подданных. Тем не менее он уполномочил своего лорд-лейтенанта продлить перемирие в надежде, что либо сами мятежники образумятся и станут сговорчивее, либо же благой мир в Англии, к коему, как он уповает, приведут настоящие переговоры, позволит ему впоследствии покарать ирландцев за их гнусный мятеж. Но если Парламент, заключил канцлер Казначейства, твердо пообещает отправить в Ирландию деньги и солдат и повести войну с мятежниками самым решительным образом, то король готов будет прекратить перемирие без формального объявления его условий недействительными.

Парламентские уполномоченные, до крайности смущенные и раздосадованные, ответили, что им прискормно видеть, до какой степени дошло благоволение к мятежникам, чьи представители допускаются ныне к особе Его Величества, и пожелали узнать, почему король не хочет объявить недействительным перемирие, столь явно противоречащее букве парламентского акта. Ответ сей, изложенный в письменной форме, они сопровождали пространными разглагольствованиями о зверствах и жестокостях, учиненных в Ирландии с начала мятежа, вынудив королевских комиссаров не без некоторой язвительности заметить, что им самим очень хотелось бы, чтобы король был в состоянии покарать мятежников с должной суровостью, но поскольку такой возможности у него сейчас нет, то ему не остается ничего другого, как снисходить до переговоров с ними.

Первые десять дней переговоров так ни к чему и не привели, ибо хотя комиссары короля изъявляли готовность пойти на известные уступки в вопросе о полномочиях и обязанностях епископов, другая сторона по-прежнему домогалась полного уничтожения епископата.

Но тут в Аксбридж пришло известие, что сэр Льюис Дайвс, командовавший небольшим королевским гарнизоном в Шерборне, действуя сообща с комендантом Портленд-касла, внезапным ночным ударом захватил морской порт Уэймут. Обрадованные комиссары Его Величества надеялись, что эта новость поможет склонить противоположную сторону к справедливому миру — вскоре, однако, они узнали о куда более серьезной неудаче, постигшей королевские войска и способной еще сильнее поднять дух парламентских комиссаров. Полковник Ленгхорн и Миттон, усердно служившие Палатам в Шропшире и Северном

Уэльсе, вошли в тайные сношения с некоторыми жителями Шрузбери и солдатами тамошнего гарнизона, после чего неожиданной ночной атакой овладели городом и замком. Комендант Шрузбери сэр Майкл Эрнли, истощенный чахоткой и уже находившийся при смерти (что не помешало этому доблестному джентльмену и опытному офицеру выказать обычную свою бдительность), как только поднялась тревога, вскочил с постели в чем был; он отказался от пощады и пал в бою. Потеря Шрузбери, лишившая Оксфорд прямого сообщения с Честером и поставившая под угрозу Северный Уэльс, Герифорд и Вустер, стала тяжелым ударом для короля и весьма ободрила парламентских комиссаров в Аксбридже.

С Уэймутским делом было связано еще одно обстоятельство, доставившее впоследствии немало хлопот парламентским комиссарам. На марше из Шерборна в Уэймут сэр Льюис Дайвс перехватил несколько писем, отправленных из Сомерсетшира Парламенту, и среди них — письмо Джона Пайна, состоятельного сомерсетширского джентльмена, к полковнику Эдуарду Попему, служившему тогда в парламентском флоте и близкому к партии индипендентов. В письме содержались злобные выпады против графа Эссекса и прочих сторонников мира, а также оскорбительные выражения по адресу самого короля. Сэр Льюис переслал его в Оксфорд одному из государственных секретарей, а тот — в Аксбридж парламентским комиссарам, после чего один из них, маркиз Гертфорд, отправил его копию графу Эссексу.

В частных беседах комиссаров обеих сторон по поводу этого письма (а некоторые из них по-прежнему общались между собой с большой откровенностью) выяснилось, что в Парламенте царят жестокие раздоры; что многие его члены хотят мира без каких-либо перемен в форме правления, но при условии освобождения их самих от ответственности за уже содеянное; что шотландцы будут настаивать на полной реформе церкви, но в остальном готовы уступить королю — однако есть и другая (весьма влиятельная в армии) партия, которая никогда не пойдет на мир, ибо твердо решила изменить не только церковный, но и государственный строй Англии. Из этих разговоров можно было также сделать вывод, что сами парламентские комиссары друг другу не доверяют, а сэр Генри Вен, Сент-Джон и Придо по сути шпионят за остальными, и хотя большинство комиссаров искренне хочет мира и готово принять его на любых условиях, никто из них не осмеливается открыто выражать свое несогласие даже с самыми непомерными требованиями Палат. Кроме того, имелись веские основания ожидать, что если даже король уступит в трех вопросах, которые уже стали предметами обсуждения

на переговорах (религия, милиция, Ирландия), то Парламент, о чем свидетельствовали полученные комиссарами инструкции, все равно нисколько не смягчит другие свои требования, а именно: исключение из амнистии и предание суду самых преданных приверженцев короля в Англии, Шотландии и Ирландии и возмещение военных расходов за счет имущества прочих его сторонников, или так называемых «делинквентов». Эти требования Парламент держал в резерве на тот (маловероятный) случай, если король примет его предложения по первым трем пунктам.

Однажды вечером граф Пемброк явился к канцлеру Казначейства и беседовал с ним несколько часов, пытаясь убедить канцлера согласиться со всеми требованиями Палат. В Парламенте, сказал граф, заправляет ныне кучка мошенников и негодяев, каких свет не видывал, и если настоящие переговоры будут прерваны, то они устроят графа Эссекса с поста главнокомандующего и создадут такую армию, которая заставит короля и Парламент принять все их требования, после чего Англия превратится в республику. Если так, возразил канцлер Казначейства, то не пора ли лордам, которые пострадают из-за этих перемен не меньше, чем король, насторожиться? Граф не стал спорить и признался, что лорды ясно понимают, какую беду навлекли они на себя прежними своими действиями, и теперь искренне в них раскаиваются; однако, добавил он, если король согласится принять условия Парламента, пусть даже совершенно неразумные, то его уступки разрушат замыслы других порочных людей, граф Эссекс останется на своем посту, и уже вскоре по заключении мира лорды, твердо поддержав короля, возвратят ему все, от чего он теперь откажется, изгонят из Англии порочных людей и сделают Его Величество более могущественным, чем когда-либо прежде. Какими бы сумасбродными ни казались нам подобные речи ныне, по существу это было то самое, к чему комиссаров короля всерьез склоняли наиболее рассудительные из товарищей Пемброка; отсюда видно, насколько они тогда пали духом и утратили способность здраво мыслить.

Граф Нортумберленд, человек невероятно гордый, не мог, разумеется, желать уничтожения монархии и унижения знати, но, встретив в свое время холодный прием в Оксфорде и едва избежав затем гнева Палат, он решил больше никогда не зависеть от короля и не раздражать Парламент.

Графы Пемброк и Солсбери не имели никакого влияния в Парламенте и стране, а потому их личные мнения и симпатии ничего не значили; к тому же их страх перед смутьянами был сильнее ненависти к ним,

и они бы предпочли гибель короля и его потомства потере ими самими, соответственно, Уилтона и Хетфилда, заботу о сохранении каковых поместий графы считали верхом благоразумия.

Граф Денби, человек гораздо более даровитый, чем названные выше особы, с большей ясностью видел преступные замыслы партии, находившейся тогда у власти; однако тщеславная гордыня и сознание неблагодарности, которую выказал он по отношению к королю, не позволяли ему покинуть тех, с кем он так долго действовал заодно. Вдобавок, считая положение Его Величества совершенно безнадежным, Денби был уверен, что короля вынудят в конце концов принять условия еще худшие, нежели те, какие предлагали ему в Аксбридже. Подолгу беседуя с одним из королевским комиссаров, давним своим другом, Денби с сердечным сокрушением говорил о своей измене и заявлял, что охотно искупил бы прежние свои грехи и даже пожертвовал бы собственной жизнью, если бы только мог подобным поступком спасти короля — но поскольку это уже невозможно, то отныне ему не остается ничего другого, как заботиться о собственной безопасности.

Комиссары, представлявшие Палату общин (кроме Вена, Сент-Джона и Придо) искренне желали мира, но, не доверяя друг другу, опасались открыто высказывать свои мысли и позволяли себе откровенность лишь в беседах со своими старыми приятелями из числа уполномоченных короля. К тому же недавние дебаты в Парламенте по поводу ордонанса о самоотречении, когда многие из тех, кто с самого начала смуты поддерживал графа Эссекса и выступал против его врагов, вдруг переменяли фронт, привели сторонников мира в уныние и замешательство, и на их твердость уже нельзя было рассчитывать.

Голлис, откровеннее других выражавший свое возмущение действиями индепендентов и поддерживавший пресвитериан только потому, что с их помощью он надеялся остановить этих последних, предвидел, что многие из тех, кто теперь решительно выступает с ним заодно, в конце концов покинет его единственно по недостатку мужества (которого самому Голлису было не занимать). Для Уайтлока, чьи поместья находились на территории, занятой войсками Парламента, сама мысль о разорении была невыносима, и хотя в беседах с друзьями из числа королевских комиссаров он открыто выражал свою ненависть к господствовавшей в Парламенте партии, выступить против нее он не осмеливался. Перпойнт и Крю, отличавшиеся прежде умеренностью взглядов и всегдашним стремлением к миру, теперь ожесточились и на всех совещаниях в Аксбридже категорически требовали, чтобы король принял условия Парламента.

Некоторые из парламентских комиссаров, ясно понимая, что другая сторона никогда не согласится на условия, явным образом несовместимые с честью, совестью и безопасностью короля, все же пришли к выводу, что Его Величеству следует пойти на известные уступки в вопросе о милиции — хотя бы для того, чтобы продлить переговоры. Королевские комиссары, рассчитывая, со своей стороны, что таким образом удастся вызвать новые разногласия в Парламенте, отсрочить задуманную им реформу армии и дать Его Величеству еще немного времени для подготовки к предстоящей кампании, убедили короля позволить им сделать в Аксбридже следующее предложение: на семь или восемь лет начальство над милицией перейдет к комитету, половину которого назначает король, а другую — Парламент; по истечении же этого срока, когда взаимное недоверие исчезнет, власть над милицией вновь получит король. Но их усилия оказались тщетными, ибо Парламент не пожелал продлить переговоры даже на один день, а его комиссары в конце концов отвергли последнее предложение Его Величества о милиции. Переговоры таким образом завершились полным провалом (в чем каждая из сторон не преминула обвинить другую); уполномоченные Его Величества возвратились в Оксфорд, где король весьма любезно их принял и поблагодарил за труды.

Нынешнее свое положение король считал чрезвычайно тяжелым (Шрузбери был потерян, захваченный внезапной атакой Уэймут — отбит неприятелем) и, не желая, чтобы в случае неудачного исхода кампании он и принц Уэльский вместе попали в руки Парламенту, все чаще возвращался к прежним своим мыслям о необходимости расстаться с сыном. За себя лично король не опасался: ему и в голову не приходило, что враги, захватив его в плен, могут покуситься на его жизнь — от столь нечестивого деяния, полагал король, их удержал бы, разумеется, не голос совести, но собственный интерес, ведь со смертью монарха Парламент по закону оказался бы распущенным и заправлявшая в нем партия потеряла бы свою власть.

По этим причинам король решил ускорить отъезд сына в Бристоль. Он не собирался ставить принца во главе Западной армии (тогда еще не существовавшей); равным образом, хотя Горинг с сильным отрядом кавалерии был отправлен в Гемпшир для защиты западных графств от возможного вторжения Уоллера, король вовсе не желал, чтобы этот человек находился при особе Его Высочества (впрочем, у самого Горинга, мечтавшего выйти из подчинения принцу Руперту, были на сей счет собственные планы, о которых король не догадывался). Чтобы превратить Бристоль в безопасное местопребывание Его Высочества и подготовить

для него дом, туда заблаговременно послали лорда Гоптона; командующим маленькой армией принца (полк пехоты и полк кавалерии) назначили лорда Кейпла, которому еще предстояло ее набрать, притом исключительно за счет собственного кредита и влияния: король из-за крайнего безденежья в Оксфорде ничем ему помочь не мог.

Незадолго до этого произошло одно событие, увидев в котором доброе предзнаменование, многие примирились с планом отъезда принца на Запад. Когда король после победы над графом Эссексом в Корнуолле возвращался через Сомерсетшир, ему подали петицию от имени джентри, духовенства, фригольдеров и прочих протестантских подданных Его Величества в графстве Сомерсет, просивших позволить им обратиться к Парламенту с петицией о мирных переговорах, а также разрешить им присоединиться к Его Величеству на марше, дабы, двигаясь в авангарде его армии, они могли вручить свою петицию и, если на нее не будет дан справедливый ответ, помочь Его Величеству добиться мира вооруженной рукой, коль скоро других средств больше не останется. За этим планом, плохо продуманным и едва ли осуществимым, стояли, однако, лица, беззаветно преданные королю, и Его Величество, надеясь таким образом побудить к выступлению все это многолюдное графство и пополнить в нем свою пехоту, милостиво удовлетворил их просьбу. Впрочем, слишком быстрый марш армии короля через Сомерсетшир не позволил тогда привести в исполнение этот замысел (впоследствии обернувшийся большими затруднениями и неприятностями).

При первых же известиях о скором переезде принца на запад в Оксфорд явились уполномоченные от тамошнего джентри и сообщили королю, что четыре западных графства (Дорсетшир, Сомерсетшир, Девоншир и Корнуолл) решили объединиться в ассоциацию и представить Парламенту совместную петицию о мире, каковая петиция, подписанная множеством людей, в том числе тысячами фригольдеров, достаточно состоятельных, чтобы отправиться с ней в Лондон, непременно произведет сильнейшее впечатление на Парламент; и что всякий, кто откажется ее поддержать, будет признан в своем графстве врагом мира и трактован соответственно. Кроме того, джентльмены просили короля назначить принца командующим войсками Ассоциации.

Хотя план этот казался столь же неосуществимым, как и вышеописанный, король не счел возможным ответить отказом, ведь его составили и страстно защищали, среди прочих, такие люди, как сэр Джон Стоуэлл, богатейший джентльмен на западе, с самого начала войны храбро сражавшийся, вместе с двумя сыновьями, за дело Его Величества, а также м-р Фаунтейн, выдающийся юрист, помогавший сэру Джону разумными

советами. Они уверяли, что их замысел, поддержанный множеством джентльменов, фермеров и фригольдеров, обязательно принесет успех.

По этим причинам принц Уэльский был назначен командующим войсками Ассоциации, а сверх того — главнокомандующим всеми силами короля на западе.

Уныние и печаль, владевшие тогда оксфордским двором и всеми сторонниками Его Величества, не превратились в совершенное отчаяние лишь потому, что Парламент раздирали в тот момент жестокие несогласия, не позволившие Палатам быстро воспользоваться преимуществами своего положения. Тотчас по возвращении комиссаров из Аксбриджа партия индипендентов решительно потребовала немедленно принять ордонанс о самоотречении, дабы преобразовать армию, удалив из нее старых офицеров, и ускорить подготовку к предстоящей кампании, которая, если надлежащая реформа будет проведена вовремя, наверняка окажется последней и завершится полной победой Парламента. Пресвитериане же доказывали, что приниматься за столь серьезную реформу перед самым открытием кампании (шел уже март месяц) чрезвычайно рискованно, и что именно по этой причине ее следует отложить.

Прения по этому вопросу, сопровождавшиеся жаркими спорами и часто переходившие в злобные личные выпады, продолжались в Палате общин много дней подряд; вождями пресвитериан, яростнее других возражавшими против ордонанса, были Голлис, Степлтон, Глин, Уоллер и Лонг; индипендентами же руководили Натаниэль Финнз, Вен, Кромвель, Гезлриг и Мартин. В Палате пэров к индипендентам принадлежал один только лорд Сэй, все прочие, как можно было подумать, поддерживали графа Эссекса, а потому прохождение ордонанса через Верхнюю палату (в маловероятном случае принятия его общинами, где пресвитериане твердо рассчитывали на свое численное преимущество) казалось совершенно невозможным.

Однако в самый разгар дебатов Сент-Джон, Перпойнт, Уайтлок и Крю, прежде считавшиеся сторонниками Эссекса, неожиданно высказались за принятие ордонанса — как якобы единственную возможность положить конец раздорам и одолеть общего врага. Они сослались на то, что отклонение ордонанса вызовет всеобщее недовольство; щедро осыпали похвалами графа Эссекса, чьи авторитет, мужество и полководческий талант только и позволили, по их словам, создать армию и успешно вести войну; заявили, что, предлагая теперь голосовать за ордонанс, они жертвуют личными склонностями и симпатиями ради единства и мира — после чего, воспользовавшись растерянностью изумленных таким поворотом коммонеров и пустив в ход другие хитрости и уловки,

добились своей цели: Ордонанс о самоотречении прошел через Палату общин и был передан в Верхнюю палату.

Между тем шотландская армия после битвы под Йорком двинулась на север, овладела Ньюкаслем (совершенно не готовый к осаде и обороняемый единственно лишь горожанами, он сдался после весьма упорного сопротивления) и теперь не имела перед собой в северных графствах противника. Однако английский Парламент, еще не зная, как покажет себя в деле его собственная, устроенная по новому образцу армия, не спешил отпускать шотландцев домой.

Еще в конце 1643 года король думал о том, как бы, вызвав возмущение в самой Шотландии, удержать шотландскую армию от вторжения в Англию, однако за неимением свободных войск, которые можно было бы выделить для поддержки подобного предприятия, дело тогда не пошло дальше разговоров с графом Монтрозом и ареста герцога Гамилтона. Однако граф Монтроз, побуждаемый своим бодрым и решительным духом, не оставил прежних замыслов. Сильнее всего он ненавидел и презирал маркиза Аргайла, одного из правителей Шотландии — человека хитрого, лицемерного, благодаря своей знатности и богатству чрезвычайно влиятельного, но совершенно лишнего воинской доблести и обладавшего лишь такого рода мужеством, какое выказывают, при полном отсутствии сопротивления, люди дерзкие и высокомерные.

Графу Монтрозу казалось, что благополучно добраться до Шотландии ему будет труднее, чем найти достаточное число соратников для борьбы с могущественным Аргайлом. В Оксфорде Монтроз свел знакомство с графом Антримом, замечательным лишь тем, что в свое время он женился на вдове великого герцога Бекингема. Пользуясь ее огромным состоянием, он вел при дворе пышный и расточительный образ жизни, пока не наделал больших долгов, отчего ему и пришлось возвратиться в свое ирландское поместье. Живой ум и приятный нрав жены, ее богатство и высокое положение в обществе (как наследницы дома Ретлендов, а также вдовы и матери герцогов Бекингемов) скрашивали скромные способности супруга (довольно, впрочем, красивого мужчины), и чета беззаботно жила в Ирландии вплоть до начала восстания. Затем супруга Антрима уехала в свою английскую усадьбу, а когда в Оксфорд прибыла королева, явилась к ней и была принята с большим уважением. Сам же граф, человек чрезвычайно гордый и тщеславный, но не отличавшийся глубиной и тонкостью ума, будучи теперь лишен разумных советов жены, не придумал ничего лучше, как отправиться к мятежникам. Он вообразил, что знатность и богатство

доставят ему здесь верховную власть, каковую, впрочем, он намеревался употребить не во вред королю, но единственно для того, чтобы затмить своим блеском маркиза Ормонда, и это честолюбивое желание подтолкнуло Антрима ко многим безрассудным поступкам. Мятежники были рады видеть в своих рядах столь именитую особу, однако, не доверяя уму Антрима, не спешили делать его своим советником или военачальником, больше полагаясь в этом отношении на его брата, Александра Макдоннела, беззаветно преданного их партии и посвященного во все ее тайные замыслы.

Недовольный своим положением в лагере мятежных католиков, непостоянный граф перебрался на территорию, занятую протестантскими войсками, оттуда — в Англию, а затем и в Оксфорд, где находилась тогда его супруга и где его любезно принял король, еще не получивший известий о прежних связях Антрима с ирландскими бунтовщиками. Граф самоуверенно заявил, что он обладает в Ирландии огромным влиянием и, если ему предоставят необходимые полномочия, готов использовать свой авторитет во благо королю, дабы склонить ирландцев к миру — хотя сам король, слишком хорошо зная этого человека, не считал его способным справиться с подобной задачей. Действительно ли предки графа Антрима происходили из Шотландии, а предки маркиза Аргайла — из Ирландии, мы предоставляем решать людям, сведущим в генеалогии клана Макдоннелов, на главенство в котором оба претендовали; однако сам Антрим притязал на земли в Хайленде, пребывавшие тогда во владении Аргайла, большая часть его ирландских поместий находилась в Ольстере, его тамошние вассалы говорили на языке, близком языку шотландских горцев и, благодаря узости пролива, разделявшего Ирландию и Шотландию, постоянно с ними общались. Зная об этом, Монтроз загорелся идеей переправить ольстерских ирландцев в Шотландию, как ядро армии, которую он предполагал набрать, для осуществления своего давнего заветного плана, из шотландских горцев, известных своей преданностью королю и ненавистью к тирании Аргайла. Те и другие, будучи людьми крепкими, выносливыми и неприхотливыми, представляли собой великолепный боевой материал; созданное из них войско могло бы само обеспечить себя всем необходимым, и королю не пришлось бы думать, где взять для него оружие, деньги и провиант.

Монтроз познакомил со своим замыслом Антрима, и граф, чрезвычайно польщенный тем, что его считают особой достаточно влиятельной в Ирландии, чтобы оказать столь важную услугу королю, и в любой момент готовый пообещать все, что угодно, заверил Монтроза, что, получив необходимые полномочия, он наберет армию в Ольстере,

перевезет ее в Шотландию, после чего к нему в Хайленде непременно присоединится весь клан Макдоннелов. О своей беседе с Антримом Монтроз рассказал лорду Дигби и попросил сообщить о ней королю. Кроме того, он изъявил готовность собрать своих соотечественников в Оксфорде, отправиться с ними в Шотландию и встретить в горах Антрима, который, по мнению Монтроза, вполне мог собрать и переправить через море самое меньшее две тысячи человек. Монтроз был убежден, что неожиданное выступление сторонников короля в Шотландии вынудит шотландскую армию спешно возвратиться на родину еще до начала кампании в Англии.

После личной беседы с обоими графами король решил оказать им всевозможную поддержку, иначе говоря, одобрить их план, ибо помочь Монтрозу и Антриму деньгами, оружием и амуницией он был просто не в состоянии. Однако на пути к осуществлению их замысла стояло важное препятствие — личная вражда между Антримом и лорд-лейтенантом маркизом Ормондом, который презирал графа как человека легкомысленного и непостоянного и едва ли принял бы всерьез его предложение. Сделать графа совершенно независимым от лорд-лейтенанта было невозможно, с другой стороны, любое ограничение полномочий не пришлось бы по вкусу Антриму. И хотя прибытие отряда из Ольстера принесло бы немалую пользу сторонникам короля в Шотландии и вдобавок уменьшило бы силы мятежников в Ирландии, даже самые близкие друзья Антрима, зная его неблагоразумие, не могли поручиться, что он не совершит каких-нибудь безрассудных поступков, которые, если он будет действовать от имени короля, бросят тень на Его Величество, чем не замедлят воспользоваться враги, давно обвиняющие короля в потворстве ирландским мятежникам.

Все эти затруднения дали ход интриге, которую, однако, долго не удавалось довести до успешного завершения. Дэниел О'Нил, проницательностью и умом превосходивший всех старых ирландцев, уже давно мечтал о должности постельничего Его Величества. Хорошо известный при дворе, где много лет подряд он проводил каждую зиму (летом отправляясь воевать в Нидерланды), богатый, ловкий, обходительный, тонко разбиравшийся в человеческих характерах и умевший располагать к себе, О'Нил был вхож в лучшие общества и пользовался отличной репутацией. С началом смуты в Шотландии он стал командиром кавалерийского эскадрона и показал себя храбрым и толковым офицером. И хотя от природы он был склонен к жизни роскошной и беззаботной, но, когда этого требовали его честь или личный интерес (о котором О'Нил никогда не забывал), он умел быть неутомимо деятельным.

Во время второй Шотландской войны он занимал в армии еще более высокий пост и пользовался доверием заклятых врагов графа Страффорда (против которого О'Нил имел предубеждение как ирландец), но когда Парламент повел себя слишком дерзко, перешел на сторону двора. Участники тогдашних интриг более всего заботились о себе, желая получить награду за риск, и королева то ли прямо пообещала, то ли внушила О'Нилу надежду на должность постельничего. Начало Гражданской войны застало О'Нила в Нидерландах, куда он бежал, переодевшись в женское платье, из Тауэра (Парламент обвинил его в государственной измене). О'Нил немедленно вернулся в Англию и поступил кавалерийским подполковником на службу к принцу Руперту. Принц, однако, упорно обходил его своими милостями, предпочитая повышать в звании офицеров, имевших, как полагал О'Нил, гораздо меньше заслуг. Надежды на должность постельничего, несмотря на ходатайства друзей и просьбы королевы, также не сбылись: король не мог простить О'Нилу его роль в деле Страффорда.

И вот теперь замысел Монтроза и Антрима — а посредником между ними и королем выступал в этом деле лорд Дигби, близкий друг О'Нила, — открыл для него новые возможности. Все знали, что О'Нил, благодаря родству, дружбе и давнему знакомству, обладает огромным влиянием на Антрима; и что, с другой стороны, О'Нила ценит и уважает маркиз Ормонд. Сославшись на эти обстоятельства, Дигби и предложил королю отправить в Ирландию вместе с Антримом О'Нила: последний, пользуясь своим безусловным авторитетом в глазах графа, удержит его от безрассудных поступков, уладит его ссору с Ормондом и заставит во всем повиноваться лорд-лейтенанту. Королю эта мысль понравилась, и тогда Дигби посоветовал Его Величеству лично поговорить на сей счет с О'Нилом, ведь он, Дигби, не уверенный в том, одобрит ли король его план, ничего пока О'Нилу не рассказывал.

Король призвал к себе О'Нила и спросил, что он думает о планах Антрима и Монтроза. О'Нил ответил, что граф Антрим и в самом деле обладает большим влиянием в Ирландии и способен собрать достаточное число стойких и храбрых солдат, однако осуществлению всего этого замысла могут помешать два важных препятствия — взаимная неприязнь между графом и лорд-лейтенантом, а также легкомыслие и тщеславие самого Антрима; о последнем обстоятельстве О'Нил говорил с неохотой, как бы превозмогая самого себя, ведь речь шла о человеке, за которого, уверял О'Нил, он готов был, не задумываясь, отдать собственную жизнь.

Удовлетворенный откровенностью собеседника, король сказал, что он и сам имел на сей счет серьезные опасения, но теперь знает, как можно все эти препятствия преодолеть — в Ирландию вместе с Антримом отправится О'Нил. Услыхав о подобном предложении, ловкий притворщик изобразил совершенное изумление и полнейшее замешательство. Он, разумеется, не посмеет послушаться прямого приказа короля, но такое поручение, уверял О'Нил, станет для него великим несчастьем, ибо он не хочет покидать короля и ехать в Ирландию именно теперь, когда неминуемо приближается решающая битва в Англии, в которой он непременно желает принять личное участие. Король настаивал, утверждая, что от успеха этого предприятия зависит судьба его короны, О'Нил упрямылся, ссылаясь на скромность своих способностей, несоразмерных столь трудной задаче, и в конце концов Его Величество велел О'Нилу поговорить с Дигби, который и сообщит ему о всех подробностях их плана.

Через несколько дней лорд Дигби сообщил королю, что Антрим рад тому, что Его Величество позволил рассказать об их плане О'Нилу, и будет чрезвычайно доволен, если король велит О'Нилу ехать вместе с ним, ведь мысль об отправке нескольких тысяч ирландских солдат в Шотландию может не понравиться вождям мятежников — здесь-то и понадобятся услуги Дэниела О'Нила, который наверняка убедит своего дядю Оузена О'Нила, командующего войсками ирландцев в Ольстере, их отпустить. Затем Дигби рассказал, что О'Нил просит освободить его от этого поручения, ибо сильнее всего на свете желает сражаться за короля здесь, в Англии; что его, Дигби, уговоры и внушения не помогают сломить упрямство О'Нила, который намерен пасть к стопам короля и молить его отправить в Ирландию кого-нибудь другого. Единственный выход из положения, заключил Дигби, это дать О'Нилу прямой и строгий приказ отложить все сомнения и готовиться к скорому отъезду. Король последовал этому совету.

Несколько дней спустя Дигби вновь явился к его Величеству и сообщил, что у О'Нила есть одна смиренная просьба; что речь идет о должности постельничего (которую ему уже давно обещала королева); и что по его, Дигби, мнению, король поступит чрезвычайно разумно, оказав О'Нилу подобную милость, ибо столь очевидный знак благоволения Его Величества поднимет авторитет О'Нила в глазах соотечественников, а это, в свою очередь, поможет ему и Антриму привести в исполнение задуманный в Оксфорде план. В конце концов, красноречие и вкрадчивость Дигби сделали свое дело, и ему, хотя и с превеликим трудом, удалось уговорить короля.

Одновременно с этой интригой велась и другая, в пользу графа Антрима. Об этом последнем король имел самое невысокое мнение, но его супругу герцогиню Бекингам, даму умную и приятную, искренне уважал — среди прочего еще и потому, что хранил благодарную память о ее первом муже (которого, как ему казалось, она слишком быстро забыла). И вот, перед самым отъездом Антрима герцогиня пожаловалась королю на то, что ее супруга обходят при дворе милостями, между тем в Ирландии, куда он должен отправиться с важным поручением, репутация любого вельможи в глазах его вассалов и держателей прямо зависит от степени монаршего к нему благоволения, и именно теперь бесспорное свидетельство милости короля совершенно необходимо ее мужу. Слова герцогини не слишком понравились королю, но он не счел возможным отказать ей в просьбе, и граф Антрим стал маркизом.

Антрим и О'Нил, добившиеся своего и чрезвычайно довольные, отправились в Ирландию, а граф Монтроз не без трудностей и приключений прибыл в шотландский Хайленд. Там, в заранее условленном месте, он дождался обещанного Антримом отряда — 1500 отличных солдат под начальством Александра Макдоннела, после чего, присоединив к ним своих шотландских сторонников, поднял восстание в пользу короля, одержал немало славных побед и едва не подчинил себе все королевство. Поразительные деяния Монтроза, как и трагический его конец, достойны служить предметом отдельной истории (которую уже написал на латинском языке один ученый шотландский прелат); мы же сочли необходимым предпослать ей нечто вроде введения, рассказав о событиях, происходивших при дворе и известных до сих пор лишь немногим. >

Королю теперь стало ясно, что несмотря на все разногласия в Палатах и раздоры в Сити, парламентская армия сможет выступить в поход прежде, чем он окажется в состоянии дать ей должный отпор; по этой причине он все сильнее желал, чтобы принц поскорее покинул Оксфорд и отправился в Бристоль, что тот и сделал через две недели после окончания переговоров в Аксбридже. А поскольку король уже принял решение (которое по его воле хранили в тайне, ибо народу внушались совсем другие мысли), что принц уедет на запад только для того, чтобы не оставаться более вместе с отцом, и будет лишь держать там свой двор, но не участвовать в военных действиях и даже не находиться при какой-либо армии, то было бы очень хорошо, а по мнению проникательных людей, чрезвычайно желательно, чтобы и свой собственный двор король перевел на запад — в Бристоль или, еще лучше, в Эксетер.

Как Ридинг, так и Абингдон были уже в руках неприятеля, что превращало Оксфорд в передовую квартиру и неподходящее место для дальнейшего пребывания в нем двора, и хотя выгодное местоположение и наличие сильного пояса фортификаций позволяли надеяться на успешную оборону, однако из-за великого множества находившихся в городе дам и знатных особ отразить вражеский удар было бы едва ли возможно. Равным образом решиться на осаду Оксфорда, еще не добившись полного успеха в других местах, неприятель мог бы только в том случае, если бы полагал, что его обитатели не захотят долго терпеть сколько-нибудь серьезные бедствия и лишения. И если бы в Оксфорде оставили тогда сильный гарнизон, а двор и вельмож перевели вместе с принцем на запад, то королю, вероятно, удалось бы вскоре захватить близлежащие укрепленные пункты, пополнить до весны свою армию и к тому моменту, который он счел бы подходящим для открытия кампании, назначить Оксфорд местом сбора для всех своих войск. Препятствие, однако, заключалось в том, что не только дамы (чей голос много значил при обсуждении вопросов государственной важности), но и множество иных особ всякого звания и состояния, превосходно устроившихся в оксфордских колледжах, наверняка громко возроптали бы против переезда туда, где им не удалось бы найти для себя столь же удобные жилища. Кроме того, сам король, питая августейшую любовь к университету, достойному, как он полагал, высокой чести служить его местопребыванием, твердо решил, что он не попадет в руки варваров и не подвергнется военным невзгодам прежде, чем будут приняты все необходимые меры, дабы спасти это древнее и почтенное учреждение от грабежа, святотатства и разрушения.

◀ Таким образом, планы отъезда двора на запад, так и не ставшие, впрочем, предметом публичного обсуждения, были отложены в сторону. Мало того, двое влиятельных вельмож, герцог Ричмонд и граф Саутгемптон, назначенные членами совета, долженствовавшего состоять при особе принца, попросили у короля дозволения остаться с ним в Оксфорде: первый, верно служивший Его Величеству, когда столь многие его покинули, счел теперь обидной для своей репутации необходимость жить вдали от короля; второй сослался на то, что он недавно вступил в брак и не может, без больших для себя неудобств, ни оставить семью в Оксфорде, ни взять ее с собой в Бристоль. Король не стал упорствовать и принял их оправдания. Но уже тогда можно было предвидеть, что тем членам совета, которые отправились с принцем на запад, будет очень

трудно, если события примут неблагоприятный оборот, добиться должного повиновения приказам Его Высочества.

Около этого времени заседавшие в Вестминстере особы послужили орудием божественной справедливости. Мы уже не раз упоминали о сэре Джоне Готэме, который перед самым началом войны запер перед королем ворота Гуллы и отказался впустить его в город. Что еще поразительнее, этот безрассудный поступок совершил потомок древнего рода, человек, обладавший крупным состоянием, неизменно преданный королю и церкви и не обуреваемый безумными религиозными мечтаниями. Но личная вражда к графу Страффорду, тщеславие и честолюбие заставили его присоединиться к людям, которых он не уважал и чьи замыслы были ему ненавистны. Впрочем, принимая от Парламента должность гульского коменданта, сэр Джон не мог и подумать, что станет участником мятежа: он рассчитывал, что король вскоре примирится с Палатами, а нынешний пост поможет его дальнейшему возвышению. Обнаружив, что дело зашло дальше, чем он предполагал, Готэм попытался выпутаться из затруднительного положения, в которое сам себя поставил. Палаты заподозрили неладное и бдительно следили за действиями сэра Джона, в том числе и с помощью его сына, не ладившего с отцом и в то время пользовавшегося полным их доверием. Впоследствии, однако, поведение Готэма-младшего изменилось: человек гордый и упрямый, он не пожелал повиноваться приказам лорда Ферфакса и вступил в тайную переписку с маркизом Ньюкаслем. Проведав о его сношениях с неприятелем, Парламент велел немедленно арестовать обоих Готэмов.

Обвиненные в государственной измене и посаженные в Тауэр, отец и сын Готэмы, хотя против них уже имелось достаточное количество улик, так и не предстали тогда перед судом — до времени их спасало покровительство многочисленных друзей в обеих Палатах. Затем, однако, верх в Парламенте взяла партия, вознамерившаяся преобразовать армию; чтобы преподать своим сторонникам суровый и страшный урок и навсегда отбить у них охоту к измене, она решительно потребовала привлечь Готэмов к военному суду за предательство, а прежние их заступники, утратившие ныне свое влияние, уже ничем не могли им помочь. Отца обвиняли прежде всего в том, что он позволил бежать лорду Дигби; главной же уликой против сына явилось его письмо к маркизу Ньюкаслу, представленное суду предателем-слугой. Отчаянно цепляясь за жизнь, оба прибегли к самым подлым и низким средствам, до которых редко опускаются христиане, но военный трибунал признал их виновными и приговорил к смерти.

Утром того самого дня, когда предстояло умереть сэру Джону Готэму (казнь его сына назначили на следующий день), Палата пэров распорядилась отложить его казнь на трое суток — но общины, взбешенные дерзостью лордов, тут же постановили, что любые отсрочки приведения приговоров в исполнение, предоставленные Верхней палатой без согласия Нижней, не могут иметь силы. Из-за этого происшествия сын был казнен на день раньше отца. Смерть свою он встретил мужественно, обвинив Парламент в продолжении войны и отказавшись признать собственную вину. На другой день на эшафот взошел Готэм-старший. Действительно ли Питерс, как многие тогда полагали, обещал сэру Джону, что его лишь покажут толпе, а затем вновь отправят в Тауэр, или, что вероятнее, отчаяние сломило его дух, но когда Готэм понял, что враги не дадут ему прожить еще два дня, дарованные пэрами, он, совершенно подавленный, едва сумел выговорить на эшафоте несколько слов и позволил своему нечестивому исповеднику Питерсу объявить народу, что преступник открыл ему свои грехи и признал вину перед Парламентом. Страшная судьба, постигшая двух несчастных джентльменов, была связана с таким множеством необыкновенных обстоятельств, что люди, хорошо знавшие характеры, настроения и поступки Готэмов, не могли не признать во всем этом деле прямое вмешательство Всемогущего Господа. >

Так как последнее действие по отношению к армии короля, совершенное графом Эссексом в должности главнокомандующего перед тем, как он возвратил свой генеральский патент Парламенту, имело место еще до конца этого года, то, принимая в расчет сам этот поступок и связанные с ним обстоятельства, будет правильно упомянуть о нем именно здесь. Речь идет о письме, подписанном графом Эссексом и посланном через трубача принцу Руперту, но составленном комитетом Парламента и оглашенном в обеих Палатах прежде, чем под ним поставил свою подпись главнокомандующий, который во всех отправляемых им официальных бумагах имел обыкновение строго соблюдать формальности и приличия. Это было чрезвычайно возмутительное письмо, написанное по столь же возмутительному поводу. Несколькими месяцами ранее Парламент принял ордонанс, запрещающий давать пощаду любым ирландцам, взятым в плен на море или на суше. Тогда на него не обратили должного внимания, а точнее, король долгое время вообще ничего о нем не знал, хотя граф Уорвик и офицеры его флота, захватывая ирландские фрегаты или каперские суда, каждый раз приказывали вязать спина к спине и бросать за борт всех пленных

моряков этой нации, без разбора их звания и состояния — лишь бы это были ирландцы. Каждый день столь жестокой смертью погибало множество несчастных; когда же об этом стало известно всем, король по-прежнему молчал, ведь ни один из них не состоял у него на службе, и, несмотря на все бесчеловечие подобных действий, если бы Его Величество выразил свое возмущение ими, то немедленно подвергся бы обвинениям в том, что он заботится о судьбе ирландских мятежников и благоволит к ним.

Но совсем недавно, когда в одном бою на суше в плен попали королевские солдаты, те из них, кого признали ирландцами — десять или двенадцать человек — были на этом основании повешены. Услыхав об этом варварском деянии, принц Руперт (а он как раз захватил в плен точно такое же число вражеских солдат) велел повесить их на ближайшем дереве. Парламент же назвал его поступок актом вопиющего беззакония и жестокости и поручил графу Эссексу выразить принцу чрезвычайно резкий протест, для чего и было составлено упомянутое выше письмо, к коему прилагалась копия парламентского ордонанса, также сопровождавшаяся весьма суровыми упреками Руперту, который, пытаясь оправдать собственную бесчеловечность, имеет-де наглость ссылаться на ордонанс Палат. Именно тогда король и узнал о существовании этой декларации, имевшей отношение к войне в Англии; впрочем, с самого ее начала о подобных случаях ничего не было слышно. Вполне обоснованный ответ (раздраженной резкостью тона не уступавший вызывающей дерзости парламентского послания) принц отправил Эссексу, и граф, получив письмо Руперта на другой день после того, как сам подал в отставку, немедленно переслал его Палатам, которых оно привело в совершенную ярость.

4 марта принц Уэльский расстался с отцом и примерно неделю спустя прибыл в Бристоль, где ему предстояло теперь действовать самостоятельно, сообразуясь с обстоятельствами — или скорее сидеть тихо, не предпринимая никаких действий. Ведь единственной целью его удаления из Оксфорда, как уже говорилось выше, было добиться того, чтобы в дальнейшем принц и король никогда не могли подвергнуться одной и той же опасности одновременно, и, согласно этому плану, принц не должен был ни собирать какие-либо войска, кроме безусловно необходимых для защиты его особы, ни перемещаться на запад далее Бристоля. Но успел принц провести на новом месте и трех дней, как были перехвачены письма, раскрывшие план Уоллера, который, уклонившись от встречи с Горингом

и освободив от осады Таунтон, рассчитывал на обратном пути захватить внезапной атакой Бристоль. Несколько сообщников Уоллера тотчас бежали из города, прочие же, совершенно обескураженные разоблачением их замысла, соглашались теперь со всеми предложениями королевских властей. В общем, лорд Гоптон навел в Бристоле порядок и подготовил город к обороне, так что никаких причин опасаться Уоллера более не существовало; к тому же самого Уоллера вскоре вызвали в Лондон, где, в соответствии с Ордонансом о самоотречении, ему предстояло подать в отставку.

Этими событиями завершился 1644 год, ими же мы закончим и настоящую книгу нашей истории.

Содержание

Предисловие редактора.....	5
КНИГА VI.....	19
Глава I (1642)	21
Глава II (1642)	42
Глава III (1642).....	60
Глава IV (1642—1643)	94
Глава V (1643).....	131
Глава VI (1643)	143
КНИГА VII	177
Глава VII (1643).....	179
Глава VIII (1643).....	214
Глава IX (1643)	225
Глава X (1643)	242
Глава XI (1643)	271
Глава XII (1643—1644).....	294
КНИГА VIII	337
Глава XIII (1643—1644).....	339
Глава XIV (1644).....	358
Глава XV (1644)	379
Глава XVI (1644).....	410
Глава XVII (1644—1645).....	433

Научное издание

Гайд Эдуард, лорд Кларендон
ИСТОРИЯ ВЕЛИКОГО МЯТЕЖА

В двух томах

ТОМ I

Редактор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Л. В. Соловьевой*
Художественное оформление *А. П. Баклановой*

Согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Общероссийский классификатор продукции
по видам экономической деятельности ОК 034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — Книги печатные

Подписано в печать 02.04.2019.
Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 27,62. Печ. л. 30. Усл. печ. л. 30.
Тираж 300 экз. Заказ 3517.

Санкт-Петербургский филиал ФГУП «Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28, литер А

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>